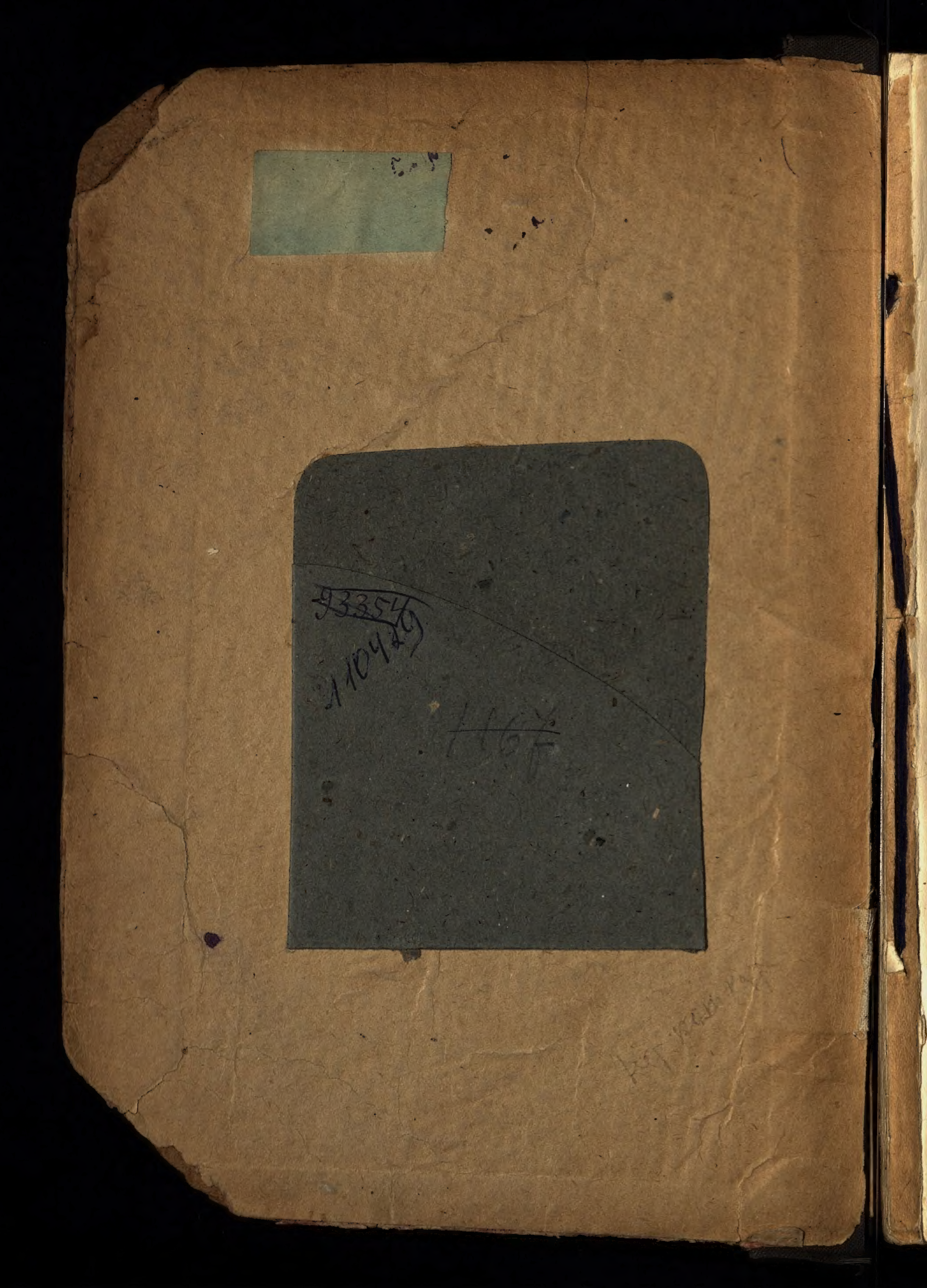

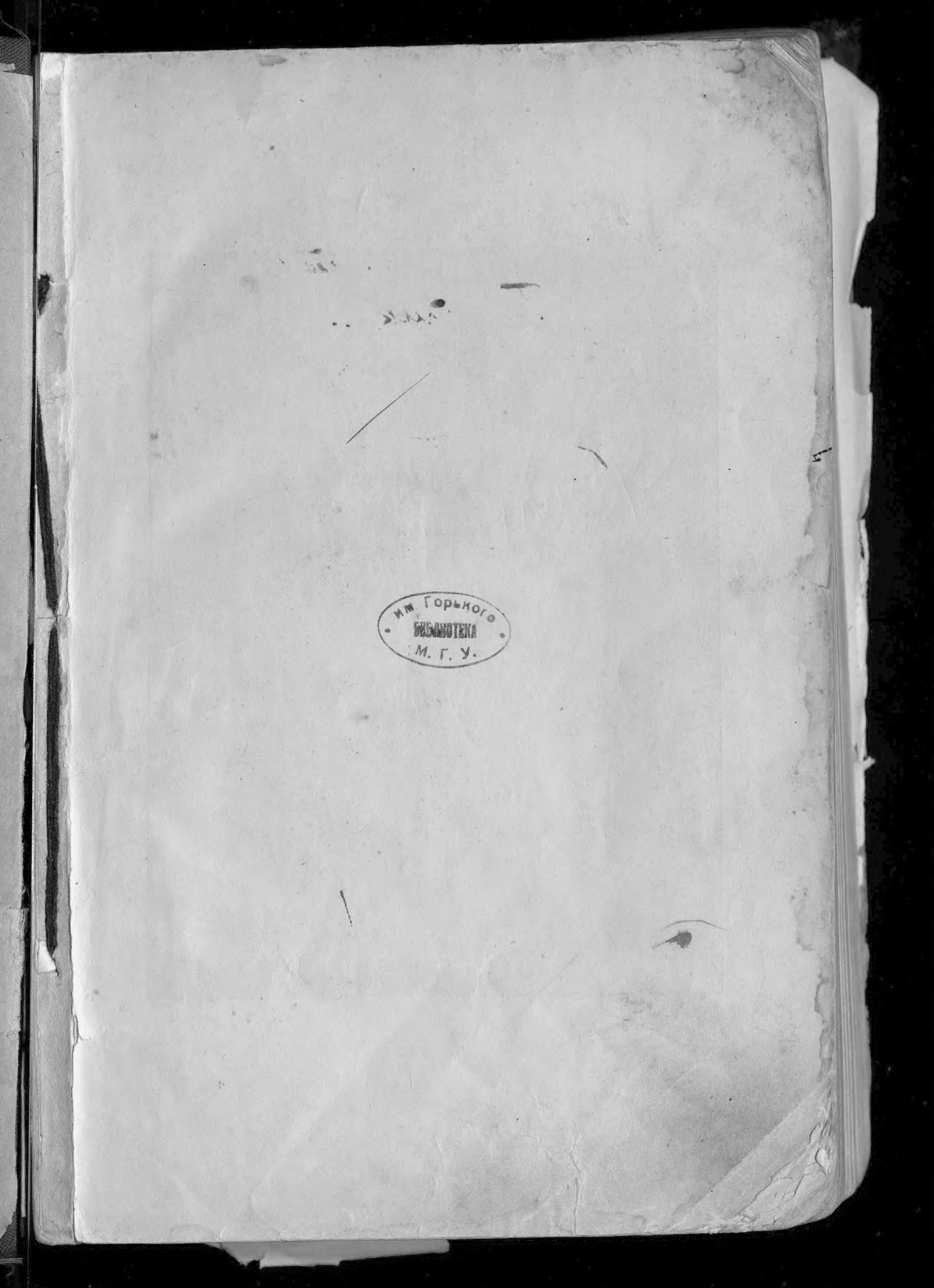
ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ

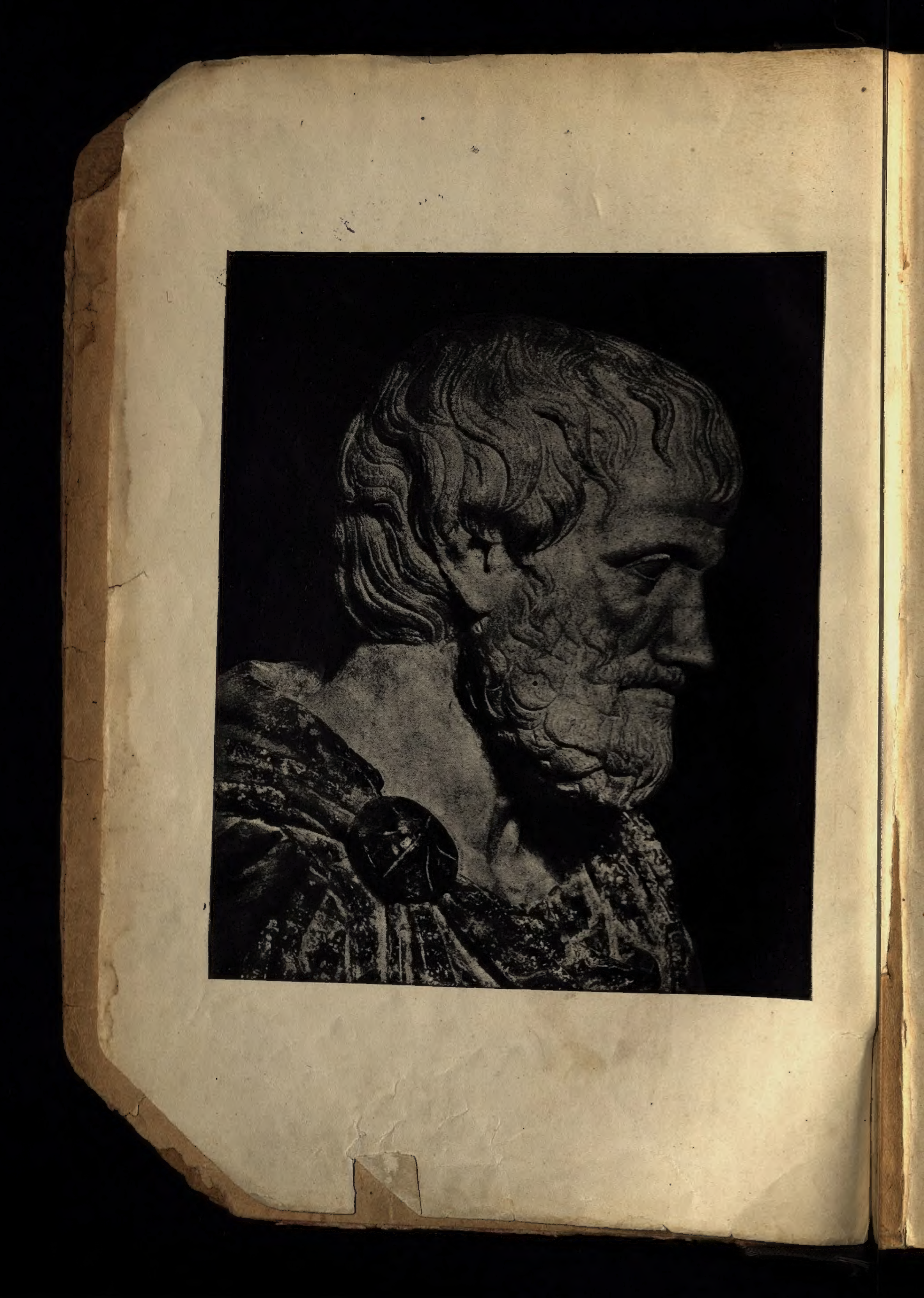
Переводъ С. А. ЖЕБЕЛЕВА

Исполненъ для Трудовъ С.-Петербургскаго Философскаго Общества

МОСКВА
Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1911

93354
110429

ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ

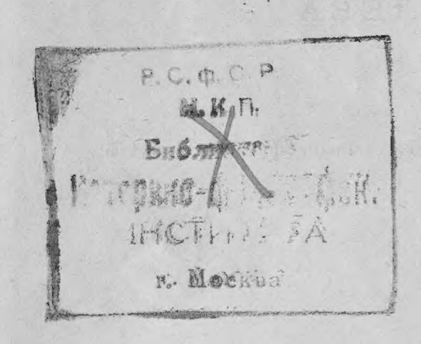
Переводъ съ греческаго, съ предисловіемъ, примѣчаніями и приложеніемъ очерка: Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля

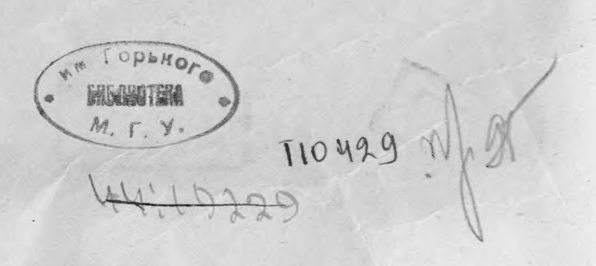
С. А. ЖЕБЕЛЕВА

Исполненъ для Трудовъ С.-Петербургскаго Философскаго Общества

МОСКВА
Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1911

Типографія М. А. Александрова (С.-Петербургъ. Надеждинская, 43)

Графу Ивану Ивановичу Толстому

«Мнѣ кажется, что этическое начало обязательно для государства, иначе найдутъ себѣ оправданіе всякая тиранія, всякая несправедливость, объясняемая утилитарными побужденіями». (Факты и Мысли).

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Не поцѣловала его муза»... Такъ отзывается объ Аристотелѣ какъ стилистѣ одинъ изъ наиболѣе тонкихъ современныхъ знатоковъ и цѣнителей древне-греческой рѣчи, Виламовицъ-Мёллендорфъ, мысленно сопоставляя, очевидно, стиль Аристотеля со стилемъ Платона. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель, обязанный многимъ своему учителю въ своемъ философскомъ развитіи, не унаслѣдовалъ отъ него «божественности» его стиля. Онъ и не могъ его унаслѣдовать, потому что «поэты рождаются». Аристотель поэтомъ не родился. Зато природа щедро наградила его другими дарами, не менѣе цѣнными, чѣмъ тѣ, какіе она послала Платону. И эти дары воспринялъ не только Аристотель-философъ, но и Аристотель-писатель. Какъ писатель, Аристотель столь же характеренъ, оригиналенъ и цѣлостенъ, сколь характерно, оригинально и цѣлостно его философское мышленіе. Болѣе того—отличительныя свойства мышленія Аристотеля наложили неизгладимый отпечатокъ и на его стиль.

Этотъ стиль—древнѣйшій образецъ того стиля, какимъ пишутся вообще строго-научныя сочиненія: стиль объективный, спокойный, стиль серьезнаго профессора, читающаго свой предметъ съ каѳедры, или же излагающаго результаты своей ученой работы въ спеціальномъ трактатѣ. Краснорѣчіемъ, точнѣе сказать «цвѣтами краснорѣчія», Аристотель не блещетъ, но и безъ краснорѣчія, какъ объ этомъ отзывались уже древніе, онъ «умѣлъ убѣждать». Изящество аттической рѣчи Аристотелю незнакомо. Вѣроятно, въ дѣтствѣ эта рѣчь была совершенно чужда Аристотелю: онъ родился (въ 384 г. до Р. Хр.) въ Стагирѣ, греческомъ городкѣ, расположенномъ на македонскомъ полуостровѣ Халкидикѣ у Стримонскаго залива. По преданію, отецъ Аристотеля, Никомахъ, бывшій врачемъ, рано посвятилъ своего сына въ

свое искусство; и эти уроки, несомнѣнно, должны были не только пріохотить мальчика къ занятіямъ естественно-историческими науками, но и наложить свой отпечатокъ на общій складъ его мышленія, пріучить его и точно мыслить и точно выражаться. Рано потерявъ отца, Аристотель переѣхалъ въ Аѳины. Тамъ онъ занимался риторикой и изучалъ философію у Платона. Въ 343 г. Аристотель получаетъ приглашеніе отъ македонскаго царя Филиппа занять мѣсто воспитателя при наслѣдникѣ престола. Онъ оставался въ Македоніи восемь лѣтъ; а когда Александръ вступилъ на престолъ, Аристотель въ 335 г. снова переѣхалъ въ Аѳины, сталъ тамъ во главѣ основанной имъ философской школы и руководилъ ею до своей смерти (въ 322 году).

Итакъ, въ теченіе долгаго времени Аристотель «учительствовалъ», занимаясь сначала съ однимъ, потомъ со многими. Эта продолжительная «учительская» дѣятельность Аристотеля, конечно, должна была воздѣйствовать на характеръ выраженія Аристотелемъ своихъ мыслей. Она придала стилю Аристотеля своего рода «поучительный» характеръ, выработала въ немъ то, что̀ называется Kathederstil. Аристотель постоянно старается о томъ, чтобы его мысль была ясна и выразительна. Эти свойства стиля Аристотеля, его σαφήνεια и δεινότης, уже были отмѣчены древнимъ критикомъ, Діонисіемъ Галикарнасскимъ, который хвалитъ еще и «пріятность» (ἡδύ) стиля Аристотеля. «Пріятностью» и «краткостью» рѣчи Аристотеля восторгался и Цицеронъ.

Аристотель создалъ своеобразную, строго выдержанную терминологію, ввелъ въ обиходъ греческой рѣчи много новыхъ техническихъ терминовъ. Но, за исключеніемъ ихъ, онъ пользуется запасомъ обще-греческихъ словъ. «Классикомъ» греческой рѣчи Аристотеля назвать нельзя; однако онъ мастерски владѣетъ тѣмъ «общимъ» языкомъ, тою κοινή, которая затѣмъ постепенно завоевала себѣ въ древнемъ культурномъ мірѣ общее признаніе. Наряду съ «ученой сухостью» мы встрѣчаемъ у Аристотеля живыя выраженія, образныя и удачныя метафоры. Самое же главное свойство рѣчи Аристотеля состоитъ въ томъ, что его фраза, даже когда она запутана, такъ же точна, какъ точна его мысль, облеченная въ эту фразу.

При сужденіи о писательской манерѣ Аристотеля не нужно забывать характера его писательской дѣятельности вообще. Прежде всего, литературная продуктивность Аристотеля была чрезвычайно

велика и разнообразна, и это должно было отразиться на внѣшней формѣ изложенія: для стилистической отдѣлки издаваемыхъ трудовъ Аристотелю могло не хватать времени. Затѣмъ, бо̀льшая часть дошедшихъ до насъ сочиненій Аристотеля принадлежитъ къ числу т. н. акроаматическихъ, т. е. предназначенныхъ прежде всего для слушанія; возможно, не все сказанное Аристотелемъ «съ каѳедры» было имъ написано или его слушателями записано. При чтеніи большинства произведеній Аристотеля, его «Политики» въ особенности, невольно чувствуется, что въ однихъ случаяхъ Аристотель сказалъ не все, что̀ хотѣлъ сказать, въ другихъ,—что онъ какъ бы оборвалъ свое изложеніе, въ третьихъ,—что онъ ограничился лишь намеками и т. п. Наконецъ, что̀ касается «Политики» въ частности, то нужно помнить и о состояніи дошедшаго до насъ ея текста (см. ниже стр. 452 сл.). И теперь еще, несмотря на всю массу ученой работы, положенной и на установленіе текста «Политики» и на его изученіе, онъ настолько далекъ отъ совершенства, что, повидимому, пророчество Шлейермахера уже сбылось: «Врядъ ли кто окажется въ состояніи похвастать тѣмъ, что ему удалось составить себѣ надежное представленіе о писательской манерѣ Аристотеля».

* * *

Все-таки «не поцѣловала его муза»... Это, конечно, облегчаетъ работу переводчика, которому невѣдомъ поцѣлуй музы. Но облегчаетъ лишь отчасти. Трудностей и препятствій при переводѣ Аристотеля остается немало, и на этотъ счетъ можно было бы сказать много. Однако положеніе переводчика, отдающаго свой переводъ на судъ читателя, отъ этихъ объясненій не улучшилось бы. Существеннѣе выяснить предъ читателемъ тотъ основной принципъ, какимъ руководствовался переводчикъ при своей работѣ.

Врядъ ли кто теперь будетъ отстаивать буквальную точность переводовъ вообще. Переводить буквально Аристотеля было бы прямо-таки и немыслимо. Съ этимъ, надѣюсь, согласятся всѣ тѣ, кто читалъ Аристотеля въ подлинникѣ. Съ другой стороны, безсмысленно при переводѣ и «неумѣстное сочинительство». Остается, слѣдовательно, выбрать нѣчто среднее между нимъ и «мертвымъ буквализмомъ». Въ чемъ это «нѣчто среднее» заключается, прекрасно, на мой взглядъ, выяснилъ Владиміръ Соловьевъ въ пре-

дисловіи къ предпринятому имъ и, къ сожалѣнію, не доведенному до конца переводу «Твореній» Платона.

«Стремленіе къ буквальности, или страхъ отступить отъ текста, есть, какъ и «страхъ Божій», непремѣнное «начало премудрости» для благочестиваго переводчика, — конецъ же ея этимъ не исчерпывается. Тутъ возникаетъ новое, болѣе сложное и тонкое требованіе: овладѣвши мыслію подлинника во всей полнотѣ и точности ея выраженія, нужно во всякомъ случаѣ, представляющемъ какое-нибудь затрудненіе для буквальной передачи, ставить себѣ вопросъ: какъ данный авторъ — скажемъ Платонъ — съ особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это намъ исторически извѣстно, — если бы онъ зналъ по-русски и ему пришлось бы писать на этомъ языкѣ, какъ выразилъ бы онъ на немъ эту свою мысль съ этими ея оттѣнками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовѣстныя усилія его практически рѣшить, — т. е. усилія переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить — или, другими словами, входя въ духъ греческаго автора, заставлять вмѣстѣ съ тѣмъ и его входить въ духъ русскаго языка — вотъ чѣмъ опредѣляется настоящій путь хорошаго, т. е. дѣйствительно точнаго и вѣрнаго перевода. Въ немъ должны нераздѣльно присутствовать явные признаки его двойного происхожденія, изъ двухъ живыхъ источниковъ — греческой и русской рѣчи».

Этотъ идеалъ «хорошаго» перевода носился и предъ мною во время моей работы. Поймать его мнѣ, конечно, не удалось, а насколько я сумѣлъ къ нему приблизиться, судить не мнѣ. Еще я постоянно считался и со слѣдующимъ: всякій переводъ прежде и главнѣе всего предназначается для тѣхъ, кто не въ состояніи, по тѣмъ или инымъ причинамъ, читать переводимое произведеніе въ подлинникѣ; подлинникъ никогда никакимъ переводомъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, не можетъ и не долженъ быть замѣненъ. Поэтому первое, къ чему я стремился — сдѣлать свой переводъ, по возможности, удобочитаемымъ. Это совершенно сознательное стремленіе зачастую побуждало меня, иногда вопреки моему желанію, жертвовать точностью, измѣнять обороты аристотелевой рѣчи, вставлять въ нее, ради уясненія смысла, слова, а иногда и цѣлыя фразы, не имѣющіяся въ оригиналѣ. И тѣ и другія вставки я отмѣчалъ прямыми скобками ([ ]). Долженъ, однако, оговориться: не всѣ вставленныя мною слова (но,

конечно, не фразы) отмѣчены у меня скобками: иногда не хотѣлось пестрить ими набора. Во всякомъ случаѣ, всѣ маломальски существенныя вставки, много допущенныя, отмѣчены и, надѣюсь, читатель въ этомъ отношеніи мною въ заблужденіе не введенъ.

* * *

При переводѣ такого произведенія, какимъ является «Политика» Аристотеля, текстъ которой страдаетъ большими дефектами, важно было имѣть опорою надежное его изданіе. Въ этомъ отношеніи мнѣ повезло. Правда, началъ я свою работу, основываясь на третьемъ изданіи «Политики», сдѣланномъ Зуземилемъ (Лейпцигъ 1894), и, не скрою, впадалъ временами въ отчаяніе отъ радикальныхъ пріемовъ установленія текста, допущенныхъ этимъ заслуженнымъ издателемъ аристотелева трактата. Когда работа была сдѣлана почти на половину, вышло новое изданіе «Политики», обработанное Иммишемъ (Aristotelis Politica post Fr. Susemihlium recognovit Otto Immisch, Lipsiae 1909). Изданіе Иммиша построено на значительно болѣе консервативныхъ началахъ и, насколько мнѣ извѣстно, встрѣчено сочувственно ученымъ міромъ. Изданіе Иммиша и положено въ основу моего перевода. Тѣ немногочисленные случаи, когда я отступалъ отъ установленной Иммишемъ редакціи, мною въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ отмѣчены.

Для самоконтроля я пользовался при работѣ переводами «Политики» на нѣмецкій языкъ—Susemihl'я (Leipzig 1879), Stahr'овъ (2 изд.) и Bernays'а (три первыя книги, Berlin 1872), на французскій—Barthélemy-Saint-Hilaire'а (3 изд. Paris 1874), на англійскій—Jowett'а (Oxford 1908). Къ переводу «Политики» на русскій языкъ, исполненному г. Скворцовымъ (2 изд. Москва 1893), я не обращался: критика забраковала этотъ переводъ (см. рецензію А. Н. Шварца въ Филол. Обозр. т. VI).

Большую помощь при работѣ оказало мнѣ образцовое комментированное изданіе «Политики», исполненное Ньюменомъ (The Politics of Aristotle by W. L. Newman, Oxford 1887. 1902, 4 тт.). Пользуясь изданіемъ Ньюмена, можно было бы количество примѣчаній къ переводу увеличить во много разъ. Однако я старательно и сознательно избѣгалъ дѣлать это. Обиліе примѣчаній, неизбѣжно, отвлекаетъ вниманіе читателя отъ самого

текста. Я ограничился примѣчаніями двоякаго рода. Во-первыхъ, я давалъ краткія пояснительныя примѣчанія историческаго, географическаго или реальнаго характера. Въ «Политикѣ» немало историческаго матеріала, и если бы я задался мыслью весь его пояснять, то объемъ книги сильно бы возросъ. Поэтому для тѣхъ, кто пожелалъ бы ознакомиться съ подробностями упоминаемыхъ Аристотелемъ историческихъ фактовъ, я ограничился просто ссылками на имѣющіеся по-русски труды Пёльмана (Очеркъ греческой исторіи, перев. С. А. Князькова, Спб. 1910) и В. П. Бузескула (Исторія Аѳинской демократіи, Спб. 1909). Во-вторыхъ, я давалъ въ переводѣ такія выдержки изъ сочиненій, главнымъ образомъ, предшественниковъ Аристотеля, а отчасти изъ сочиненій его самого, которыя могли бы послужить поясненіемъ или иллюстраціей мыслей, высказываемыхъ въ «Политикѣ». Выдержекъ изъ «Никомаховой этики» я дословно не приводилъ, а ссылался лишь на соотвѣтствующія страницы перевода «Этики», сдѣланнаго Э. Л. Радловымъ. Такъ какъ «Политика» Аристотеля является продолженіемъ его «Этики», то, строго говоря, чтеніе первой должно предполагать знакомство со второю.

Сопутствующій переводу очеркъ, не претендуя ни на обстоятельность, ни на особенную самостоятельность, имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ общимъ ходомъ развитія и характерными особенностями греческой политической литературы, предшествовавшей Аристотелю, чтобы тѣмъ самымъ выяснить то значеніе, какое въ этой литературѣ занимаетъ «Политика». Только это имѣетъ въ виду очеркъ а отнюдь не обсужденіе греческихъ политическихъ теорій и ученій вообще.

Къ книгѣ приложены два портрета Аристотеля изъ числа достовѣрныхъ (см. Studniczka, Das Bildnis des Aristoteles, Leipzig 1908): 1) на обложкѣ—по бюсту Аристотеля въ вѣнскомъ Hofmuseum, 2) предъ заглавнымъ листомъ—по бюсту Аристотеля въ собраніи Buoncampagni-Ludovisi въ Museo delle Terme въ Римѣ.

С. Жебелевъ.

С.-Петербургъ, май 1911.

ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ.

КНИГА I.

1.

1. Такъ какъ всякое государство представляетъ собою своего рода общеніе, всякое же общеніе организуется ради какого-либо блага (вѣдь всякая дѣятельность имѣетъ въ виду предполагаемое благо), то, очевидно, всѣ общенія стремятся къ какому-либо благу [1]); преимущественно же стремится къ высшему изъ всѣхъ благъ то общеніе, которое является наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ, какъ обнимающее собою всѣ остальныя общенія. Это-то общеніе и называется государствомъ, или общеніемъ политическимъ.

2. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, будто понятія «политическій дѣятель», «царь», «домохозяинъ», «господинъ» суть понятія тожественныя [2]). Думать такъ, значитъ допускать, что различіе этихъ понятій заключается въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи, а именно: будто господинъ—тотъ, кому подвластно небольшое число лицъ; домохозяинъ—тотъ, кому подвластно большее число лицъ; а кому подвластно еще большее число лицъ, то это — политическій дѣятель, или царь. Но

---

[1]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, VIII, 11, p. 1160 a 8 сл. (стр. 156 сл. перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Скрытая полемика съ Сократомъ и Платономъ. Ср. Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, III, 4, 12: „забота о дѣлахъ личныхъ отличается отъ попеченія о дѣлахъ общественныхъ лишь въ количественномъ отношеніи, будучи во всемъ остальномъ одинаковою. Пекущіеся о дѣлахъ общественныхъ пользуются тѣми же самыми средствами, что и управляющіе своими личными дѣлами; умѣло пользующіеся этими средствами и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступаютъ прекрасно, не умѣло—и тутъ и тамъ погрѣшаютъ“. По замѣчанію Платона, *Политикъ*, 259c, одна и та же наука имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе того, что такое царь, политическій дѣятель, домохозяинъ.

развѣ нѣтъ никакого различія между большою семьею и небольшимъ государствомъ? Далѣе, по указанному выше мнѣнію, отличіе политическаго дѣятеля и царя состоитъ въ слѣдующемъ: царь правитъ въ силу лично ему присущей власти, политическій же дѣятель какъ властвуетъ, такъ и подчиняется на основахъ соотвѣтствующей науки—политики. Теорія эта, однако, далека отъ истины. 3. Это станетъ яснымъ, если мы разсмотримъ ее, обратившись къ усвоенному нами уже ранѣе методу: именно, всегда слѣдуетъ сложное расчленять на его составные элементы, мельчайшія части цѣлаго. Основываясь на этомъ, мы сперва разсмотримъ составные элементы государства, далѣе разберемъ отличительныя свойства каждаго изъ нихъ и, наконецъ, поставимъ вопросъ, возможно ли дать научное объясненіе каждому изъ указанныхъ выше понятій.

И здѣсь, какъ и повсюду, наилучшій способъ теоретическаго построенія состоялъ бы въ разсмотрѣніи первичнаго образованія предметовъ. 4. Такъ, необходимость побуждаетъ прежде всего сочетаться попарно тѣхъ, кто не можетъ существовать другъ безъ друга—мужчину и женщину, въ цѣляхъ продолженія потомства; и это сочетаніе обусловливается не случайными причинами, но стоитъ въ зависимости отъ естественнаго стремленія, свойственнаго и остальнымъ живымъ существамъ и растеніямъ—оставить послѣ себя другое, подобное себѣ, существо [1]). Точно такъ же, въ цѣляхъ взаимнаго самосохраненія, необходимо объединяться попарно существу, въ силу своей природы властвующему, и существу, въ силу своей природы подвластному. Первое, благодаря своимъ интеллектуальнымъ свойствамъ, способно къ предвидѣнію, и потому оно, уже по природѣ своей, существо властвующее и господствующее; второе, такъ какъ оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученныя ука-

[1]) По Платону, *Законы*, 721 b-c, брачное соединеніе обезпечиваетъ людямъ возможность участвовать въ „безсмертіи". Стремленіе оставить послѣ себя подобное себѣ существо называется Аристотелемъ, *О душѣ*, II, 4, 415 a 26, „самымъ естественнымъ" стремленіемъ; вслѣдствіе его за всѣми живыми существами обезпечивается вѣчное существованіе и участіе въ „божественномъ". Но эта естественная потребность брачнаго соединенія есть только поводъ, значеніе же его болѣе высокое. Объ этомъ см. *Никомахову этику*, VIII, 14, 1162 a 19 сл. (стр. 160 сл. перевода Э. Л. Радлова).

занія, по природѣ своей, существо подвластное и рабствующее [1]). Въ этомъ отношеніи и господиномъ и рабомъ, въ ихъ взаимномъ объединеніи, руководитъ общность интересовъ. 5. Но женщина и рабъ, по природѣ своей, два различныхъ существа: вѣдь творчество природы ни въ чемъ не уподобляется жалкой работѣ кузнецовъ, дѣлающихъ «Дельфійскій ножъ» [2]); напротивъ, въ природѣ каждый предметъ имѣетъ свое назначеніе. Да оно и понятно — всякій инструментъ будетъ наилучшимъ образомъ удовлетворять своему назначенію лишь въ томъ случаѣ, если онъ предназначенъ для исполненія одной работы, а не многихъ. У варваровъ женщина и рабъ занимаютъ одно и то же положеніе, и объясняется это тѣмъ, что у нихъ отсутствуетъ элементъ, предназначенный, по природѣ своей, къ властвованію [3]). У варваровъ, такимъ образомъ, наблюдается только одна форма общенія — общеніе раба и рабыни. Поэтому-то и говоритъ поэтъ [4]): «Прилично властвовать надъ варварами грекамъ»: варваръ и рабъ, по природѣ своей, понятія тожественныя.

6. Итакъ, изъ указанныхъ двухъ формъ общенія — мужа и жены, господина и раба — получается первый видъ общенія — семья. Правильно звучитъ стихъ Гесіода [5]): «Домъ прежде всего, супруга затѣмъ, и быкъ-землепашецъ» (у бѣдняковъ быкъ заступаетъ мѣсто раба). Значитъ, общеніе, естественнымъ путемъ возникшее для удовлетворенія повседневныхъ надобностей, есть семья; про членовъ такой семьи Харондъ говоритъ, что они «ѣдятъ хлѣбъ изъ одной корзины», а Эпименидъ критянинъ называетъ ихъ «живущими въ одних ясляхъ».

7. Общеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ семей и имѣющее цѣлью обслуживаніе не кратковременныхъ только потребностей, — селеніе. Вполнѣ естественно, что селеніе можно разсматривать

---

[1]) Ср. Демокритъ у Стобея, *Флорил.* VI, 44, 14 (Diels, *Vorsokratiker* [1], 421, 75): „неразумнымъ лучше подчиняться, чѣмъ властвовать".

[2]) „Дельфійскій ножъ"—инструментъ, одновременно служившій и ножемъ и мечомъ—получилъ прозвище „дельфійскаго", вѣроятно, отъ того, что употреблялся въ практикѣ дельфійскаго культа Аполлона.

[3]) Ср. Еврипидъ, *Елена*, 246: „у варваровъ мы видимъ все рабовъ—помимо одного".

[4]) Еврипидъ, *Ифигенія въ Авлидѣ*, 1400.

[5]) *Труды и Дни*, 405.

какъ колонію семьи; нѣкоторые и называютъ членовъ одного и того же селенія «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческія государства потому-то въ началѣ и управлялись царями (а въ настоящее время то же мы видимъ у варварскихъ племенъ), что они образовались изъ элементовъ, признававшихъ надъ собою царскую власть: во всякой семьѣ старшій облеченъ полномочіями царя [1]). И въ колоніяхъ семей—селеніяхъ—поддерживался, всилу родственныхъ отношеній между ихъ членами, тотъ же порядокъ. О немъ упоминаетъ Гомеръ [2]), говоря: «Правитъ каждый надъ женами и надъ дѣтьми». [Гомеръ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ киклоповъ], которые жили отдѣльными селеніями, какъ, впрочемъ, и вообще жили люди въ древнѣйшія времена [3]). То общепринятое воззрѣніе, будто и боги состоятъ подъ властью царя, обусловлено только тѣмъ, что люди, отчасти еще и теперь, а отчасти въ древнѣйшія времена, управлялись царями; и подобно тому, какъ люди уподобляютъ видъ боговъ своему виду, такъ точно они распространили это представленіе и на образъ жизни боговъ.

8. Общеніе вполнѣ завершенное, состоящее изъ нѣсколькихъ селеній, образуетъ государство. Назначеніе его, собственно говоря, вполнѣ самодовлѣющее: государство возникаетъ ради потребностей жизни, но существуетъ оно ради достиженія благой

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 680 d: „государство образуется изъ тѣхъ семейныхъ и родовыхъ элементовъ, надъ которыми властвуетъ старшій членъ въ семьѣ и родѣ, всилу перешедшей къ нимъ власти отъ отца и матери; слѣдуя за ними, члены семьи и рода, подобно птицамъ, образуютъ одну стаю и управляются ими по-отечески и по-царски, повинуясь этой власти, какъ самой справедливой".

[2]) *Одиссея*, IX, 114.

[3]) Ср. Платонъ, *Законы*, 680 a: „въ это [т. е. въ древнѣйшее] время, повидимому, всѣ называли политическій бытъ династіей, той династіей, которая еще и въ настоящее время существуетъ во многихъ эллинскихъ и варварскихъ государствахъ. О ней упоминаетъ и Гомеръ [*Одиссея*, IX, 112 сл.] по поводу быта киклоповъ въ такихъ словахъ:

Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь. [Переводъ Жуковскаго].

жизни [1]). Отсюда слѣдуетъ, что всякое государство — продуктъ естественнаго возникновенія и что оно уподобляется въ этомъ отношеніи первичнымъ общеніямъ — семьѣ и селенію; оно является завершеніемъ ихъ, въ завершеніи же природа объекта выступаетъ на первый планъ. Вѣдь мы называемъ природою каждаго объекта—возьмемъ, напримѣръ, природу человѣка, лошади, семьи—такое состояніе, которое является завершеніемъ его генезиса. Сверхъ того, въ осуществленіи конечной цѣли и состоитъ высшее завершеніе объекта; поэтому самодовлѣющее состояніе—цѣль государства — оказывается и его завершеніемъ и высшимъ совершенствомъ.

9. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что государство — продуктъ естественнаго развитія и что человѣкъ, по природѣ своей, — существо политическое; кто живетъ, всилу своей природы, а не вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, внѣ государства, тотъ или сверхчеловѣкъ, или существо, недоразвитое въ нравственномъ отношеніи; его и Гомеръ [2]) поноситъ, говоря, что такой человѣкъ «безъ роду—безъ племени, внѣ законовъ, безъ очага»; такой человѣкъ, по своей природѣ, только и жаждетъ войны; а сравнить его можно съ выбитой изъ ряда пѣшкой на игральной доскѣ. 10. То положеніе, что человѣкъ есть существо, причастное къ государственной жизни въ большей степени, нежели пчелы и всякаго рода животныя, живущія стадами, ясно изъ слѣдующаго: вся дѣятельность природы, согласно нашему утвержденію, не безплодна; между тѣмъ одинъ только человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ существъ одаренъ рѣчью. Голосъ, которымъ можно выразить печаль и радость, свойственъ и остальнымъ животнымъ, потому что ихъ природныя свойства развиты все-таки до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущенія другъ другу. Но рѣчь способна выражать и то, что̀ полезно и что̀ вредно, равно какъ и то, что́ справедливо и что́ несправедливо. 11. Это свойство людей, отличающее ихъ отъ остальныхъ живыхъ существъ, ведетъ къ тому, что только чело-

---

[1]) И по Платону (*Государство*, 369 d сл.), возникновеніе государства обусловливается людскими потребностями: необходимостью приготовлять пищу, строить жилище, шить одежду и пр.

[2]) *Иліада*, IX, 63.

вѣкъ способенъ къ чувственному воспріятію такихъ понятій, какъ добро и зло, справедливость и несправедливость и т. под. [1]). А совокупность всего этого и создаетъ основу семьи и государства.

Природа государства стоитъ впереди природы семьи и индивида: необходимо, чтобы цѣлое предшествовало своей части. Уничтожь живое существо въ его цѣломъ, и у него не будетъ ни ногъ, ни рукъ, сохранится только наименованіе ихъ, подобно тому, какъ мы говоримъ «каменная рука»; вѣдь и рука, отдѣленная отъ тѣла, будетъ именно такою каменною рукою. Всякій предметъ опредѣляется совершаемымъ имъ актомъ и возможностью совершить этотъ актъ; разъ эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о немъ, какъ таковомъ: останется только его обозначеніе. 12. Итакъ, очевидно, государство, и по своей природѣ, предшествуетъ индивиду: если послѣдній, попавъ въ изолированное состояніе, не опознаетъ себя существомъ самодовлѣющимъ, онъ окажется по отношенію къ государству въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся остальныя части по отношенію къ своему цѣлому. А если индивидъ не способенъ вступить въ общеніе или, считая себя существомъ самодовлѣющимъ, не чувствуетъ потребности ни въ чемъ, онъ уже не составляетъ элемента государства, становясь либо животнымъ, либо божествомъ.

Во всѣхъ людей природа вселила стремленіе къ государственному общенію, и первый, кто это общеніе организовалъ, оказалъ человѣчеству величайшее благо. Человѣкъ, нашедшій свое завершеніе въ государствѣ,—совершеннѣйшее изъ твореній, и, наоборотъ, человѣкъ, живущій внѣ закона и права, занимаетъ жалчайшее мѣсто въ мірѣ. Ибо опирающееся на вооруженную силу безправіе — тяжелѣе всего. Природа дала человѣку въ руки оружіе — интеллектуальную и моральную силу, но онъ можетъ пользоваться этимъ оружіемъ и въ обратную сторону; поэтому человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ оказывается суще-

---

[1]) По Платону, *Тимэй*, 47c, рѣчь дана человѣку „ради гармоніи"; она регулируетъ безпорядочныя движенія души. А въ „*Протагорѣ*" (p. 322 c) Зевсъ говоритъ, что понятія права и стыда свойственны всѣмъ людямъ потому, что „если бы они были свойственны лишь немногимъ людямъ, то не могли бы и государства существовать".

ствомъ самымъ нечестивымъ и дикимъ, низменнымъ въ своихъ половыхъ и вкусовыхъ инстинктахъ. Понятіе справедливости связано съ представленіемъ о государствѣ, такъ какъ право, служащее критеріемъ справедливости, является регулирующей нормой политическаго общенія [1]).

2.

1. Уяснивъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ государство, надлежитъ прежде всего поговорить объ организаціи семьи: вѣдь каждое государство слагается изъ отдѣльныхъ семей. Семья, въ свою очередь, состоитъ изъ элементовъ, совокупность которыхъ и составляетъ предметъ ея организаціи. Въ совершенной семьѣ два элемента: рабы и свободные. Такъ какъ изслѣдованіе каждаго объекта должно начинать прежде всего съ разсмотрѣнія мельчайшихъ частей, его составляющихъ, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господинъ и рабъ, мужъ и жена, отецъ и дѣти, то и слѣдуетъ разсмотрѣть каждый изъ этихъ трехъ элементовъ: что̀ каждый изъ нихъ представляетъ и каковымъ онъ долженъ быть. 2. Отношенія, существующія между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать такъ: 1) господское, [отношеніе господина и раба], 2) брачное, [отношеніе мужа и жены] (сожительство мужа и жены не имѣетъ особаго термина для своего обозначенія) и 3) отцовское, [отношеніе отца и дѣтей] (и это отношеніе не обозначается особымъ терминомъ). Остановимся на указанныхъ трехъ отношеніяхъ. (Существуетъ еще одинъ элементъ семьи, который, по мнѣнію однихъ, относится къ ея организаціи, а, по мнѣнію другихъ, составляетъ главнѣйшую часть ея [2]); я имѣю въ виду такъ на-

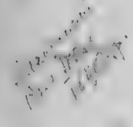
---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 937 d: „право... облагородило всѣ человѣческія дѣла". Плутархъ, *Политическія наставленія*, 807c: „государственный мужъ, по словамъ Пиндара, „наисовершеннѣйшій мастеръ, слуга благозаконія и права".

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 6, 4: „итакъ, сказалъ Сократъ, домоводство является, по нашему мнѣнію, обозначеніемъ какой-то науки, наука же эта появилась бы въ томъ случаѣ, когда люди будутъ въ состояніи увеличивать свое домашнее хозяйство: домъ, вѣдь, для насъ является тѣмъ же, что̀ и пріобрѣтеніе въ его цѣломъ".

зываемое искусство накапливанія; въ чемъ это искусство состоитъ, мы разберемъ дальше).

Остановимся прежде всего на господинѣ и рабѣ и посмотримъ на взаимное отношеніе ихъ съ точки зрѣнія практической пользы. Можемъ ли мы, для уясненія этого отношенія, стать на болѣе правильную, сравнительно съ господствующими теперь теоріями, точку зрѣнія? 3. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію однихъ, власть господина надъ рабомъ есть своего рода наука, однородная съ наукой объ организаціи семьи, о государствѣ и о царской власти, какъ мы упомянули уже объ этомъ въ началѣ нашего разсужденія. Наоборотъ, по мнѣнію другихъ, самая идея о власти господина надъ рабомъ—идея противоестественная: лишь законоположеніями обусловливается различіе между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ, по самой же природѣ никакого такого различія не существуетъ [1]. Поэтому-то и власть господина надъ рабомъ, какъ основанная на насиліи, противорѣчитъ принципу справедливости.

4. Собственность есть часть семейной организаціи: безъ предметовъ первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. Во всѣхъ ремеслахъ съ опредѣленно поставленной цѣлью нужны бываютъ соотвѣтствующіе для нихъ инструменты, разъ мастеръ хочетъ довести до конца ту или иную работу, и изъ этихъ инструментовъ одни являются неодушевленными, другіе—одушевленными (напримѣръ, для кормчаго руль—инструментъ неодушевленный, рулевой—одушевленный, потому что въ мастерствахъ мастеровой играетъ роль инструмента); такъ точно и для домохозяина пріобрѣтеніе собственности оказывается своего рода орудіемъ для существованія. И пріобрѣтеніе собственности требуетъ для себя массу орудій, рабъ же является въ извѣстной степени одушевленнаго частью собственности, какъ и вообще въ мастерствахъ всякій мастеровой, какъ орудіе, стоитъ впереди другихъ инструментовъ. 5. Если бы каж-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Протагоръ*, 337 d: „законъ, будучи тиранномъ надъ людьми, заставляетъ поступать часто вопреки природѣ“. *Государство*, 359 c: „природа всегда имѣетъ въ виду благо; благодаря же закону и насиліе возводится на равную степень почета“. Съ другой стороны уже у Гесіода *Труды и Дни*, 275, говорится: „ты же правдѣ внимай, а о силѣ забудь совершенно“.

дый инструментъ могъ выполнять свойственную ему работу самъ, по данному ему приказанію или даже его предвосхищая, и уподоблялся въ этомъ случаѣ статуямъ Дэдала или треножникамъ Гефэста, о которыхъ поэтъ говоритъ, что они «сами собою входили въ собраніе боговъ» [1]); если бы ткацкіе челноки сами ткали, а плектры сами играли на киѳарѣ [2]), то тогда и зодчіе, при постройкѣ дома, не нуждались бы въ рабочихъ, а господамъ не нужны были бы рабы. [Здѣсь необходимо, однако, сдѣлать такую оговорку]: инструменты, какъ таковые, имѣютъ своимъ назначеніемъ продуктивную дѣятельность, собственность же является орудіемъ дѣятельности активной; вѣдь пользуясь ткацкимъ челнокомъ, мы, помимо той пользы, какую онъ самъ по себѣ представляетъ, получаемъ и нѣчто другое, платье же и ложе являются для насъ только предметами пользованія. 6. Въ силу специфическаго отличія продуктивной и активной дѣятельности, конечно, соотвѣтственно различны и тѣ орудія, которыя потребны для той и для другой. Но жизнь — активная дѣятельность, а не продуктивная; значитъ, и рабъ служитъ тому, что̀ относится къ области дѣятельности активной.

Понятіе «собственность» нужно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ понимается понятіе «часть». А часть есть не только часть чего-либо другого, но она не мыслима вообще безъ этого другого. Это вполнѣ приложимо и къ собственности. Поэтому господинъ есть только господинъ раба, но не принадлежитъ ему, рабъ же — не только рабъ господина, но и абсолютно принадлежитъ ему.

7. Изъ вышеизложеннаго ясно, что̀ такое рабъ по своей природѣ и по своему назначенію: кто, по природѣ, принадлежитъ не самому себѣ, а другому, и при этомъ все-таки человѣкъ, тотъ, по своей природѣ, рабъ. Человѣкъ же принадлежитъ другому въ томъ случаѣ, если онъ, оставаясь человѣкомъ, становится собственностью; послѣдняя представляетъ собою орудіе активное и отдѣльно для себя существующее.

---

[1]) *Иліада*, XVIII, 376.

[2]) Плектры—небольшіе разнообразной формы инструменты изъ дерева, металла, слоновой кости, рога, служившіе для того, чѣмъ производить вибрацію струнъ киѳары.

Теперь нужно разсмотрѣть: по природѣ, можетъ или не можетъ существовать такой человѣкъ, т. е. рабъ? служить кому-либо рабомъ пристойно ли и справедливо ли? или, наоборотъ, всякаго рода рабство есть явленіе противуестественное? 8. Нетрудно отвѣтить на эти вопросы и путемъ теоретическихъ разсужденій и на основаніи фактическихъ данныхъ. Властвованіе и подчиненіе—не только вещи необходимыя, но и полезныя. Уже непосредственно съ момента самого рожденія нѣкоторыя существа различаются въ томъ отношеніи, что одни изъ нихъ какъ бы предназначены къ подчиненію, другія—къ властвованію. Много разновидностей существуетъ въ состояніяхъ властвованія и подчиненія; однако, чѣмъ выше стоятъ подчиненные, тѣмъ болѣе совершенна сама власть надъ ними; такъ, напримѣръ, власть надъ человѣкомъ болѣе совершенна, чѣмъ власть надъ животнымъ. Вѣдь чѣмъ выше стоитъ мастеръ, тѣмъ совершеннѣе и исполняемая имъ работа: гдѣ одна сторона властвуетъ, а другая подчиняется, тамъ только и можетъ идти рѣчь о какой-либо работѣ. 9. Элементъ властвованія и элементъ подчиненія сказывается во всемъ, что, будучи составлено изъ нѣсколькихъ частей, непрерывно связанныхъ одна съ другою или разъединенныхъ, составляетъ одно нѣчто цѣлое. Это—общій законъ природы, и, какъ таковому, ему и подчинены существа одушевленныя. Правда, и въ предметахъ неодушевленныхъ, напримѣръ въ музыкальной гармоніи, можно подмѣтить своего рода принципъ подчиненія; но этотъ вопросъ можетъ, пожалуй, послужить предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. 10. [Поэтому ограничимся теперь только одушевленнымъ существомъ]. Оно состоитъ прежде всего изъ души и тѣла; душа, по своей природѣ,—начало властвующее, тѣло—начало подчиненное. Конечно, когда дѣло идетъ о природѣ предмета, послѣдній долженъ быть разсматриваемъ въ его нормальномъ, а не въ извращенномъ состояніи. Поэтому, и въ нашемъ случаѣ надлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію такого человѣка, физическое и психическое начала котораго находятся въ наилучшемъ состояніи: изъ разсмотрѣнія такого человѣка и будетъ ясно, [какимъ образомъ въ немъ душа является началомъ властвующимъ, а тѣло подчиненнымъ]. Людей же испорченныхъ или расположенныхъ къ испорченности мы выдѣлимъ изъ разсмотрѣнія, такъ какъ, всилу тѣхъ нездоровыхъ и противоестественныхъ условій, въ какія

эти люди поставлены, зачастую можетъ оказаться, что у нихъ начало физическое властвуетъ надъ началомъ психическимъ.

11. Согласно нашему утвержденію, во всякомъ одушевленномъ существѣ можно усмотрѣть власть деспотическую, [власть господина надъ рабомъ] и политическую, [власть государственнаго мужа надъ гражданиномъ]. Если душа властвуетъ надъ тѣломъ деспотической властью, то разумъ властвуетъ надъ всѣми нашими стремленіями политической властью [1]). Отсюда, между прочимъ, ясно слѣдуетъ, сколь естественно и полезно для тѣла быть въ подчиненіи у души, а для подверженной аффектамъ части души быть въ подчиненіи у разума и разсудочнаго элемента души, и, наоборотъ, какой получается всегда вредъ при равномъ или обратномъ соотношеніи. 12. Остается въ силѣ то же самое положеніе и въ отношеніи человѣка къ остальнымъ одушевленнымъ существамъ. Такъ, домашнія животныя, по своей природѣ, стоятъ выше, чѣмъ животныя дикія, и для всѣхъ домашнихъ животныхъ предпочтительнѣе находиться въ подчиненіи у человѣка, такъ какъ въ этомъ случаѣ безопасность ихъ обезпечена. Далѣе, сравнимъ отношеніе мужчины къ женщинѣ: мужчина, по своей природѣ,—сильнѣе, женщина—слабѣе, и вотъ мужчина властвуетъ, а женщина находится въ подчиненіи. Тотъ же самый принципъ, неминуемо, долженъ господствовать и во всемъ человѣчествѣ. 13. Тѣ люди, которые въ такой сильной степени отличаются отъ другихъ людей, въ какой душа отличается отъ тѣла, а человѣкъ отъ животнаго (а это бываетъ со всѣми тѣми, дѣятельность которыхъ заключается въ примѣненіи ихъ физическихъ силъ, и это—наилучшее, что̀ они могутъ дать), тѣ люди, по своей природѣ,—рабы; для нихъ, какъ и для вышеуказанныхъ существъ, лучшій удѣлъ быть въ подчиненіи у деспотической власти. Рабомъ же по природѣ бываетъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому (онъ потому-то и принадлежитъ другому, что способенъ на это) и кто настолько одаренъ разсудкомъ, что лишь воспринимаетъ указанія его, [по побужденію другого лица], самъ же разсудкомъ не обладаетъ. Что касается остальныхъ одушевленныхъ существъ, т. е. животныхъ, то они не способны даже къ воспріятію указаній разсудка, а слѣдуютъ

---

[1]) Слѣдуя Онкену, исключаю изъ текста καὶ βασιλικήν.

исключительно своимъ инстинктамъ. 14. Впрочемъ, польза, доставляемая домашними животными, мало чѣмъ отличается отъ пользы, доставляемой рабами: и тѣ и другіе своими физическими силами оказываютъ намъ помощь въ удовлетвореніи нашихъ насущныхъ потребностей.

Природа устроила такъ, что и физическая организація свободныхъ людей отлична отъ физической организаціи рабовъ: у послѣднихъ тѣло мощное, пригодное для выполненія необходимыхъ физическихъ трудовъ, свободные же люди держатся прямо и неспособны для выполненія подобнаго рода работъ; зато они пригодны для политической жизни, а эта послѣдняя, въ свою очередь, распредѣляется у нихъ на дѣятельность въ военное и мирное время. Случается, впрочемъ, зачастую и наоборотъ: одни свободные люди свободны только по своей физической организаціи, другіе—только по психической. 15. Ясно, во всякомъ случаѣ, слѣдующее: если бы люди отличались между собою только физической организаціей и въ такой степени, въ какой отличаются отъ нихъ въ этомъ отношеніи образы божествъ, то, по общему мнѣнію, люди, уступающіе своей физической организаціей, достойны были бы быть рабами людей, превосходящихъ ихъ въ этомъ отношеніи. Если это положеніе справедливо относительно физической природы людей, то еще болѣе справедливо установить такое разграниченіе относительно ихъ психической природы; но красоту души не такъ-то легко охватить взоромъ, какъ красоту тѣла. Какъ бы то ни было, очевидно, во всякомъ случаѣ, что одни люди, по своей природѣ,—свободны, другіе—рабы, и этимъ послѣднимъ быть рабами и полезно и справедливо.

16. Нетрудно усмотрѣть, что правы въ нѣкоторомъ отношеніи и тѣ, кто утверждаютъ противное. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія «рабство» и «рабъ» употребляются въ двоякомъ смыслѣ: [помимо раба и рабства по природѣ], бываетъ рабъ и рабство по закону: законъ является въ данномъ случаѣ своего рода соглашеніемъ, всилу котораго захваченное на войнѣ становится, какъ говорятъ, собственностью овладѣвшихъ имъ. Справедливость этого положенія оспариваютъ, однако, многіе юристы и считаютъ его противозаконнымъ въ той же мѣрѣ, въ какой считается противозаконнымъ всякое вносимое ораторомъ въ народномъ со-

бранiи предложенiе, идущее въ разрѣзъ съ существующимъ законодательствомъ: гнусно было бы, если бы обладающiй большею силою человѣкъ и только потому, что онъ способенъ къ насилiю, трактовалъ захваченное путемъ насилiя, какъ раба и подвластнаго себѣ. Въ рѣшенiи этого вопроса какъ юристы, такъ и мудрецы судятъ то такъ, то иначе [1]).

17. Причиною этого разногласiя въ мнѣнiяхъ, причемъ каждая сторона приводитъ въ пользу защищаемаго ею положенiя свои доводы, служитъ то соображенiе, будто и добродѣтель вполнѣ можетъ, разъ ей даны на то средства, прибѣгать до извѣстной степени къ насилiю [2]); что всякаго рода превосходство всегда заключаетъ въ себѣ и преизбытокъ какого-либо блага, такъ что и насилiю, повидимому, не неприсущъ до извѣстной степени элементъ добродѣтели. Слѣдовательно, спорить можно только о томъ, присуща или нѣтъ насилiю идея права: по мнѣнiю однихъ, съ идеей права связано благоволенiе къ людямъ, по мнѣнiю другихъ, право заключается уже въ томъ, чтобы человѣкъ болѣе сильный властвовалъ [надъ человѣкомъ менѣе сильнымъ] [3]). Такъ

[1]) Ср. Гераклитъ (fr. 53 Diels, *Vorsokratiker* [1]), p. 74): „война—отецъ всего, всего царь, однимъ она указала быть богами, другимъ—людьми, однихъ она сдѣлала рабами другихъ—свободными".

[2]) Ср. Солонъ, fr. 36 B: „силою это я совершилъ, приладивъ вмѣстѣ насилье и право". Эсхилъ, fr. 372 N: „гдѣ сила сочетается и право, тамъ нѣтъ сильнѣе этого четы"!

[3]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, III, 3, 9: „во всякомъ дѣлѣ люди преимущественно желаютъ повиноваться тѣмъ, кого они считаютъ людьми наиболѣе совершенными". Аристоксенъ, fr. 18 (Müller, FHG. II, 278): „они [пиѳагорейцы] о начальствующихъ и подчиненныхъ мыслили такъ: начальствующiе должны быть не только людьми знающими, но и гуманными, подчиненнымъ же надлежитъ быть не только покорными, но и любить своихъ начальниковъ". Цицеронъ, *О законахъ*, III, 2, 5: „мы предписываемъ, какъ это дѣлаетъ Харондъ въ своихъ законахъ, не только подчиненiе и повиновенiе начальствующимъ, но и любовь и уваженiе къ нимъ". Демокритъ, fr. 246 (Mullach, FPG. I, 356): „правитель долженъ, смотря по обстоятельствамъ, руководствоваться разсчетомъ, быть смѣлымъ въ отношенiи къ своимъ противникамъ, питать благорасположенiе къ своимъ подчиненнымъ". Но уже аѳиняне IV в. поняли, по словамъ Исократа, *О мирѣ*, 69, что право не въ силѣ: „что властвовать болѣе сильнымъ надъ болѣе слабыми—несправедливо, мы узнали и раньше, да знаемъ это и теперь, при господствующей у насъ конституцiи".

какъ, помимо этого принципіальнаго разногласія, и доводы, [приводимые въ пользу того и другого мнѣнія], разнятся между собою, то ни тѣ ни другіе изъ нихъ вовсе не заключаютъ убѣдительной силы, и остается подъ вопросомъ, должно или не должно болѣе совершенное, по своей добродѣтели, начало властвовать и повелѣвать. 18. Нѣкоторые, наконецъ, опираясь, какъ они думаютъ, на своего рода правовой принципъ (вѣдь всякій законъ въ основѣ предполагаетъ своего рода право), полагаютъ, что рабство, какъ результатъ войны, покоится на основахъ права. Но уже въ одномъ этомъ утвержденіи заключается противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, самый принципъ войнъ можно считать противнымъ идеѣ права, и никоимъ образомъ нельзя было бы утверждать, что человѣкъ, недостойный быть рабомъ, все-таки долженъ стать таковымъ. Иначе окажется, что люди завѣдомо очень высокаго происхожденія могутъ стать рабами и потомками рабовъ только потому, что они, будучи взяты въ плѣнъ на войнѣ, были проданы въ рабство. Поэтому-то защитники послѣдняго изъ указанныхъ мнѣній и настаиваютъ на томъ, чтобы рабами назывались не греки, но только варвары. Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ весь вопросъ сводится лишь къ изслѣдованію рабства по природѣ, о чемъ мы и говорили съ самаго начала: неизбѣжно приходится согласиться, что одни люди—повсюду рабы, другіе—нигдѣ таковыми не бываютъ.

19. Такимъ же точно образомъ представители разбираемаго мнѣнія судятъ и о благородствѣ происхожденія. Себя они считаютъ благородными не только въ Греціи, но и повсюду, варваровъ же только на ихъ родинѣ, какъ будто одинъ классъ людей благороденъ и свободенъ абсолютно, другой—не абсолютно. Въ такомъ духѣ говоритъ и Елена у Θеодекта [1]): «Меня, благородныхъ отца и матери дочь, кто-бъ рѣшился рабыней назвать» [2])? Вышеупомянутое утвержденіе основывается только на томъ положеніи, что какъ рабъ и свободный человѣкъ, такъ и люди благородные и неблагородные различаются между собою лишь присущими имъ свойствами добродѣтели и порочности. При

[1]) Аѳинскій трагическій поэтъ первой половины IV в. до Р. Хр.
[2]) TGF. p. 802 N.

этомъ предполагается, что какъ отъ человѣка рождается человѣкъ, а отъ животнаго — животное, такъ и отъ хорошихъ родителей можетъ произойти только хорошее потомство. Природа зачастую стремится къ этому, но достигнуть этого не можетъ.

20. Изъ сказаннаго, такимъ образомъ, ясно, что колебаніе во взглядахъ о природѣ рабства имѣетъ нѣкоторое основаніе; что природа не создаетъ однихъ людей рабами, другихъ свободными; что, напротивъ, для нѣкоторыхъ классовъ людей такое раздѣленіе на рабовъ и свободныхъ вполнѣ естественно, причемъ для одного человѣка полезно и справедливо быть рабомъ, для другого—господиномъ, равнымъ образомъ какъ необходимо, чтобы одинъ элементъ подчинялся, другой властвовалъ, въ предѣлахъ того подчиненія и того властвованія, какіе дарованы ему отъ природы. Дурное примѣненіе власти не приноситъ пользы ни господину, ни рабу: вѣдь, что полезно для части, то полезно и для цѣлаго, что полезно для тѣла, то полезно и для души; а рабъ является своего рода частью господина, какъ бы одушевленною и отдѣленною частью его тѣла. 21. Поэтому между рабомъ и господиномъ существуетъ извѣстная общность интересовъ и взаимное дружелюбіе, разъ отношенія между ними покоятся на естественныхъ началахъ; въ томъ же случаѣ, когда эти отношенія регулируются не указаннымъ образомъ, но основываются на законѣ и насиліи, происходитъ явленіе обратное.

Изъ предыдущихъ разсужденій очевидно и то, что власть господина въ семьѣ, съ одной стороны, и власть политическаго дѣятеля въ государствѣ—съ другой, равно какъ и вообще всѣ виды власти, не тожественны, какъ это нѣкоторые утверждаютъ: власть политическаго дѣятеля въ государствѣ это—власть надъ свободными по природѣ, власть же господина надъ рабами въ семьѣ это—власть надъ рабами по природѣ. Власть господина надъ рабомъ въ семьѣ это—монархія (ибо всякая семья управляется своимъ господиномъ монархически), власть же политическаго дѣятеля это — власть надъ людьми свободными и равными. 22. Господиномъ называется не тотъ, кто властвуетъ на основахъ какой-либо науки, но тотъ, кто властвуетъ въ силу своихъ природныхъ свойствъ, точно такъ же, какъ и рабъ и свободный человѣкъ [считаются таковыми въ силу

ихъ природныхъ свойствъ] [1]). Правда, можно вообразить себѣ и науку о власти господина, какъ и науку о рабствѣ, послѣднюю вродѣ той, какая существовала въ Сиракусахъ, гдѣ нѣкто обучалъ людей рабству: за извѣстное вознагражденіе онъ преподавалъ молодымъ рабамъ знанія, относящіяся къ области обычнаго рода домовыхъ услугъ. Такое обученіе могло бы простираться и на дальнѣйшія области, напримѣръ, можно было бы обучать кулинарному искусству и остальнымъ подобнаго же рода статьямъ домашняго обихода. Работы, вѣдь, бываютъ разныя—однѣ болѣе высокаго, другія болѣе насущнаго характера, какъ и пословица говоритъ: «одинъ рабъ—на одно, другой—на другое, одинъ господинъ—на одно, другой—на другое».

23. Всякія подобнаго рода науки относятся къ наукѣ о рабствѣ вообще; наука же о власти господина имѣетъ своей задачей научить господина, какъ онъ долженъ утилизировать рабовъ; и быть господиномъ вовсе не значитъ умѣть пріобрѣтать рабовъ, но умѣть пользоваться ими. Наука о власти господина не заключаетъ въ себѣ ничего ни великаго ни возвышеннаго; ея задача показать, что рабъ долженъ умѣть исполнять, а господинъ долженъ умѣть приказывать. И тѣ изъ господъ, которымъ дана возможность избѣжать этихъ хлопотъ, передаютъ свои обязанности по надзору за рабами управляющему, сами же занимаются политикой или философіей. Что касается науки о пріобрѣтеніи рабовъ, то она, поскольку ее можно оправдать съ точки зрѣнія права, отличается отъ обѣихъ вышеуказанныхъ наукъ, [т. е., науки о власти господина и науки о рабствѣ], являясь чѣмъ-то вродѣ науки о войнѣ или науки объ охотѣ.— Вотъ наши соображенія о рабѣ и господинѣ.

---

[1]) Иначе Ксенофонтъ (*О домохозяйствѣ*, 13, 5), по мнѣнію котораго можно людей научить „умѣнью быть господами" другихъ, т. е., рабовъ. Аристотель въ данномъ мѣстѣ исправляетъ Платона, который говоритъ въ „*Политикѣ*" 259 b: „усвоивъ себѣ науку о царской власти, всякій—будь это магистратъ или частный человѣкъ, развѣ не будетъ съ полнымъ основаніемъ, въ соотвѣтствіи съ самимъ постигнутымъ имъ искусствомъ, названъ царемъ? Да. То же самое относится и къ домохозяину и господину".

3.

1. Теперь мы обратимся къ изслѣдованію того, что̀ такое собственность вообще и въ чемъ заключается искусство наживать состояніе. И въ данномъ вопросѣ мы будемъ руководиться принятымъ нами методомъ изслѣдованія, такъ какъ и рабъ, по нашей теоріи, оказался своего рода частью собственности. Прежде всего могъ бы возникнуть вопросъ: тожественно ли искусство наживать состояніе съ наукой о домохозяйствѣ, или это искусство является частью этой науки, или оно стоитъ въ служебномъ къ ней отношеніи, и, если такъ, то не стоитъ ли искусство наживать состояніе въ такомъ же отношеніи къ наукѣ о домохозяйствѣ, въ какомъ стоитъ умѣнье сдѣлать ткацкій челнокъ къ ткацкому искусству, или умѣнье сдѣлать сплавъ бронзы къ искусству ваянія. Дѣло въ томъ, что оба послѣднихъ умѣнья находятся не въ одинаковыхъ служебныхъ отношеніяхъ къ связаннымъ съ ними искусствамъ, такъ какъ первое доставляетъ необходимое для искусства орудіе, второе—матеріалъ (подъ матеріаломъ я разумѣю субстратъ, посредствомъ котораго всякая работа можетъ быть доведена до конца, напримѣръ, шерсть для ткача, мѣдь для ваятеля).

2. Ясно, что искусство наживать состояніе не тожественно съ наукой о домохозяйствѣ: въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи, средствъ, въ другомъ—о пользованіи ими; къ чему, въ самомъ дѣлѣ, будетъ относиться умѣнье пользоваться всѣмъ, находящимся въ домѣ, какъ не къ наукѣ о домохозяйствѣ? Но вопросъ о томъ, представляетъ ли искусство наживать состояніе—часть науки о домохозяйствѣ, или оно является особой, отличной отъ нея, отраслью знанія, возбуждаетъ разнообразныя толкованія, разъ мы станемъ на ту точку зрѣнія, что тотъ человѣкъ, который владѣетъ указаннымъ искусствомъ, можетъ изслѣдовать, въ чемъ заключается источникъ имущественнаго благосостоянія и вообще собственности. Понятія «собственность» и «богатство» заключаютъ въ себѣ много разновидностей. Возьмемъ первый примѣръ, науку о земледѣліи. Что это? часть ли науки о домохозяйствѣ, или особая, отдѣльная отъ нея, отрасль знанія? Такого же рода вопросъ можно задать и вообще о дѣятельности,

имѣющей своей задачей доставленіе человѣку средствъ для пропитанія.

3. Такъ какъ существуетъ много родовъ пищи, то многоразличенъ и образъ жизни и животныхъ и людей; безъ пищи жить нельзя, почему разнообразные виды питанія повлекли за собою и разнообразный образъ жизни животныхъ. Одни изъ животныхъ живутъ стадами, другіе—разбросанно, смотря по тому, какой изъ этихъ образовъ жизни оказывается болѣе пригоднымъ для добыванія пищи, такъ какъ одни изъ животныхъ—плотоядныя, другія—травоядныя, третьи—всеядныя. Природа опредѣлила образъ жизни животныхъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждому изъ нихъ можно было съ большей легкостью добывать себѣ соотвѣтственную пищу: не одна и та же пища бываетъ по вкусу каждому животному, но одному подходитъ одна пища, другому—иная; поэтому-то образъ жизни плотоядныхъ животныхъ отличается отъ образа жизни животныхъ травоядныхъ. 4. То же самое мы видимъ и среди людей, образъ жизни которыхъ также бываетъ весьма различнымъ. Наиболѣе лѣнивые изъ нихъ ведутъ образъ жизни кочевниковъ, которые питаются, не прилагая ни труда ни заботы, мясомъ домашнихъ животныхъ; такъ какъ кочевникамъ приходится, въ поискахъ пастбищъ для своихъ стадъ, постоянно перемѣнять мѣсто своего кочевья, то они, по неволѣ, и сами слѣдуютъ за своими стадами. Выходитъ такъ, какъ будто они воздѣлываютъ живую пашню. Другіе люди живутъ тѣмъ, что́ доставляетъ имъ охота, причемъ и здѣсь мы встрѣчаемъ различные виды охоты: напримѣръ, для однихъ охотой является грабежъ, для другихъ, обитающихъ у озеръ, болотъ, рѣкъ или морей, обильныхъ рыбою, охотою служитъ рыбная ловля, третьи охотятся на птицъ или дикихъ звѣрей. Но все-таки огромное большинство людей питается продуктами, доставляемыми землей. 5. Вотъ примѣрно какіе существуютъ виды образа жизни изъ числа тѣхъ, при которыхъ человѣкъ можетъ получать пропитаніе непосредственно отъ продуктовъ природы, не прибѣгая, для доставленія себѣ средствъ къ жизни, къ обмѣну и торговлѣ: кочевой бытъ, земледѣльческій бытъ, морской грабежъ, рыбная ловля, охота. Нѣкоторые люди живутъ въ довольствѣ, комбинируя тѣ или иные изъ этихъ видовъ и заимствуя у одного изъ нихъ то, чего не хватаетъ другому для

его восполненія, лишь бы только имѣть все необходимое для жизни; напримѣръ, одни люди ведутъ одновременно и кочевническій и разбойничій образъ жизни, другіе—земледѣльческій и охотничій, равнымъ образомъ и остальные. Говоря коротко, люди ведутъ такой образъ жизни, какой вести ихъ заставляетъ нужда.

6. Сама природа даруетъ, повидимому, всѣмъ животнымъ не только непосредственно съ момента ихъ рожденія, но и послѣ того какъ они достигнутъ полнаго развитія, такую собственность, какая необходима для ихъ существованія: нѣкоторыя животныя уже въ то время, какъ они рождаютъ дѣтенышей, доставляютъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое количество пищи, которое бываетъ достаточнымъ до той поры, пока дѣтеныши не будутъ въ состояніи добывать ее себѣ сами; таковы, напримѣръ, тѣ животныя, которыя выводятъ червей или которыя кладутъ яйца [1]). Всѣ же млекопитающія животныя имѣютъ, до извѣстнаго времени, для своихъ дѣтенышей пищу въ самихъ себѣ, именно то вещество, которое называется молокомъ. 7. Равнымъ образомъ можно думать, что и растенія существуютъ на пользу животныхъ, а послѣднія на пользу человѣка; домашнія животныя служатъ человѣку какъ для потребностей домашняго обихода, такъ и для пищи, а изъ дикихъ животныхъ если не всѣ, то бóльшая часть ихъ доставляетъ человѣку пищу, а также доставляютъ ему матеріалъ для изготовленія одежды и другихъ необходимыхъ предметовъ. Если вѣрно то, что природа ничего не создаетъ въ незаконченномъ видѣ и все творитъ для какой-либо цѣли, то слѣдуетъ признать, что она созидаетъ все вышеупомянутое ради людей [2]). 8. Поэтому-то и военное искусство можетъ быть разсматриваемо до извѣстной степени какъ естественное средство для пріобрѣ-

---

[1]) Ср. Аристотель, *О происхожденіи животныхъ*, II, 1, 732 а30: „между яйцомъ и червемъ вотъ какая разница: изъ части яйца рождается дѣтенышъ, остальная же часть яйца идетъ ему на пищу; изъ червя же въ его цѣломъ видѣ рождается и цѣлый червь“. III, 11, 762 а 9: „черви развиваются въ ихъ верхнихъ частяхъ, потому что въ нижнихъ частяхъ ихъ заключается пища для верхнихъ частей... Когда разовьется у червя изъ состава его нижней части верхняя часть, тогда изъ остатковъ формируется и нижняя часть“. III, 2, 752 b 19: „природа одновременно залагаетъ въ яйцѣ и жизненную матерію и достаточное количество пищи для ея развитія“.

[2]) Ср. Аристотель, *Метафизика*, XI, 10, 1075 а 16: „все въ природѣ имѣетъ свою собственную, но не одинаковую организацію—и рыбы, и птицы,

тенія собственности, по крайней мѣрѣ, та часть военнаго искусства, которая имѣетъ своимъ предметомъ охоту: охотиться должно какъ на дикихъ животныхъ, такъ и на тѣхъ людей, которые, будучи отъ природы предназначены къ подчиненію, не желаютъ подчиняться. Такого рода война, по природѣ своей, справедлива [1]).

Итакъ, одинъ изъ видовъ искусства пріобрѣтенія является, по природѣ своей, частью науки о домохозяйствѣ. И мы должны допустить, что онъ либо самъ по себѣ существуетъ, либо существованіе его обезпечивается данными указанной науки; мы имѣемъ здѣсь въ виду накопленіе средствъ, необходимыхъ для жизни и полезныхъ для государственнаго или семейнаго общенія. 9. Истинное богатство, повидимому, и состоитъ въ совокупности этихъ средствъ. Правда, та мѣра обладанія собственностью, которая является достаточной для благой жизни, не безпредѣльна, какъ говоритъ Солонъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній [2]): «Люди не знаютъ предѣльной границы богатства». Предѣлъ этотъ существуетъ, какъ онъ существуетъ и въ остальныхъ искусствахъ: всякое орудіе во всякомъ искусствѣ не является безпредѣльнымъ въ отношеніи своего объема и своей величины; богатство же представляетъ именно совокупность орудій экономическихъ и политическихъ.—Итакъ, изъ сказаннаго ясно, въ какомъ отношеніи и по какой причинѣ искусство пріобрѣтенія относится, по своей природѣ, къ сферѣ дѣятельности домохозяина и государственнаго мужа.

10. Существуетъ другой родъ искусства пріобрѣтенія, который называютъ обыкновенно, и съ полнымъ правомъ, искусствомъ наживать состояніе; съ этимъ-то искусствомъ и связано то представленіе, будто богатство и нажива не имѣютъ никакого предѣла. Многіе полагаютъ, что это искусство, вслѣдствіе его близкаго отношенія къ искусству пріобрѣтенія, тожественно съ

и растенія; и организація эта не такова, что одно въ ней не имѣютъ никакого отношенія къ другому, но всегда какое-либо отношеніе имѣется“. *О происхожденіи животныхъ*, I, 1, 715 b 14: „природа избѣгаетъ безграничнаго, ибо безграничное не имѣетъ конца, природа же всегда ищетъ конца“. *О душѣ*, III, 12 434 a 30: „въ природѣ все существуетъ ради чего-либо“.

[1]) И по Платону, *Протагоръ*, 322 b, военное искусство есть часть искусства политическаго.

[2]) fr. 13, 71 B.

послѣднимъ; на самомъ дѣлѣ, оба названныхъ искусства, не будучи тожественны, близко соприкасаются другъ съ другомъ: искусство пріобрѣтенія является естественнымъ, искусство наживать состояніе не таково, оно осуществляется предпочтительно путемъ извѣстной опытности и техническаго приспособленія.

11. При разсмотрѣніи этого искусства мы будемъ исходить изъ слѣдующаго положенія: пользованіе каждымъ объектомъ владѣнія бываетъ двоякое; въ обоихъ случаяхъ пользуются объектомъ, какъ таковымъ, но не въ равной степени, какъ таковымъ; въ одномъ случаѣ объектомъ пользуются для присущей ему цѣли назначенія, въ другомъ случаѣ—для не присущей ему цѣли назначенія; напримѣръ, обувью пользуются и для того, чтобы надѣвать ее на ногу, и для того, чтобы мѣнять ее на что-либо другое. И въ томъ и въ другомъ случаѣ обувь является объектомъ пользованія: вѣдь и тотъ, кто обмѣнивается обувью съ имѣющимъ въ ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью, какъ обувью, но не въ присущемъ ей назначеніи, такъ какъ оно не заключается въ томъ, чтобы служить предметомъ обмѣна. Такъ же обстоитъ дѣло и съ остальными объектами владѣнія—всѣ они могутъ быть предметами обмѣна. Первоначальное развитіе мѣновой торговли обусловлено было естественными причинами, такъ какъ люди обладаютъ необходимыми имъ для жизни предметами, одними въ большемъ, другими въ меньшемъ количествѣ. 12. Отсюда также ясно, что мелкая торговля не имѣетъ, по природѣ, никакого отношенія къ искусству наживать состояніе, потому что въ началѣ обмѣнъ ограничивался исключительно предметами первой необходимости для людей. Въ первой стадіи развитія общенія, т. е. въ семьѣ, очевидно, не было никакой надобности въ обмѣнѣ; онъ сдѣлался необходимъ съ того момента, когда общеніе стало обнимать уже большее количество членовъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ первоначальной семьѣ все было общимъ; когда же эта первоначальная семья разбилась на много отдѣльныхъ семей, то члены этихъ послѣднихъ стали нуждаться во многомъ изъ того, чего имъ недоставало, и, сообразно съ ихъ потребностями, приходилось прибѣгать тогда къ взаимному обмѣну. Такой способъ обмѣна еще и въ настоящее время практикуется у многихъ варварскихъ народовъ, которые обмѣниваются между собою только предметами, необходимыми

для нихъ, никакого же болѣе широкаго обмѣна не допускаютъ; такъ, напримѣръ, они обмѣниваютъ вино на хлѣбъ, и наоборотъ, и т. п. 13. Такого рода мѣновая торговля, хотя и вполнѣ естественна, но ни въ какомъ случаѣ не является разновидностью искусства наживать состояніе: ея назначеніе восполнять то, чего недостаетъ для полнаго удовлетворенія насущныхъ потребностей. Но изъ указанной мѣновой торговли развилось все-таки вполнѣ логически и искусство наживать состояніе. По мѣрѣ того какъ шло измѣненіе въ развитіи отношеній взаимопомощи—посредствомъ импорта тѣхъ предметовъ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, и путемъ экспорта тѣхъ предметовъ, которые были въ излишкѣ,—неизбѣжно стала ощущаться потребность въ монетѣ, такъ какъ далеко не каждый предметъ первой необходимости можно было съ удобствомъ доставить изъ одного мѣста въ другое. 14. Въ виду этого пришли къ соглашенію давать и получать, при взаимномъ обмѣнѣ, нѣчто такое, что́, представляя само по себѣ цѣнность, было бы вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сподручно въ житейскомъ обиходѣ, напримѣръ, желѣзо, серебро или нѣчто иное, тому подобное; сначала установили въ общихъ чертахъ величину и вѣсъ такихъ предметовъ, а въ концѣ концовъ, чтобы освободиться отъ измѣренія и взвѣшиванія ихъ, стали отмѣчать ихъ особымъ знакомъ, служившимъ показателемъ ихъ стоимости. 15. Послѣ того, какъ въ силу необходимости, обусловливаемой мѣновой торговлей, возникли деньги, появился другой видъ искусства наживать состояніе, именно мелкая торговля. Сначала она, быть можетъ, велась совершенно просто, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія опытности, стала усовершенствоваться, [причемъ главное вниманіе обращалось на то], изъ какихъ источниковъ и какимъ путемъ торговые обороты могли бы принести наибольшую прибыль. Вотъ почему и создалось то представленіе, будто предметомъ искусства наживать состояніе служатъ, главнымъ образомъ, деньги и что главною его задачею является изслѣдованіе того источника, изъ котораго возможно почерпнуть наибольшее ихъ количество; въ этомъ смыслѣ искусство наживать состояніе и разсматривается какъ искусство, ведущее къ достиженію богатства посредствомъ денегъ. 16. И такъ какъ подъ богатствомъ зачастую понимаютъ именно преизобиліе денегъ, то всилу этого и на искусство наживать состояніе и

на торговлю смотрятъ съ этой именно точки зрѣнія. Иногда, впрочемъ, деньги кажутся людямъ пустымъ звукомъ, вещью вполнѣ условною, всецѣло противоестественною, такъ какъ стоитъ лишь измѣнить тѣмъ, кто пользуется деньгами, ихъ систему, и послѣднія потеряютъ всякую цѣнность, не будутъ имѣть никакой пользы въ житейскомъ обиходѣ, а человѣкъ, обладающій даже большими деньгами, не въ состояніи будетъ достать себѣ куска хлѣба. Такого рода богатство можетъ оказаться прямо-таки не имѣющимъ никакого смысла, и человѣкъ, обладающій имъ въ преизобиліи, можетъ умереть голодной смертью, подобно тому легендарному Мидасу, у котораго, вслѣдствіе ненасытности его желаній, всѣ предлагаемыя ему явства превращались въ золото.

17. Ввиду всего вышеизложеннаго на правильномъ пути изслѣдованія стоятъ тѣ, кто опредѣляетъ богатство и искусство наживать состояніе, какъ нѣчто отличное одно отъ другого. И въ самомъ дѣлѣ, искусство наживать состояніе и богатство, по природѣ, суть вещи различныя: искусство наживать состояніе относится къ области домохозяйства, богатство принадлежитъ къ кругу торговой дѣятельности, дающей возможность составлять состояніе, не какъ попало, но исключительно путемъ обмѣна на деньги [предметовъ, представляющихъ извѣстную цѣнность]. Торговля, повидимому, имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ денежными знаками, служащими необходимымъ элементомъ и цѣлью всякаго обмѣна. И богатство, являющееся въ результатѣ примѣненія этого искусства наживать состояніе, дѣйствительно, не имѣетъ какихъ-либо предѣловъ. Медицина имѣетъ безпредѣльную цѣль—абсолютное здоровье человѣка; точно такъ же и каждое изъ искусствъ безпредѣльно въ достиженіи своихъ идеальныхъ цѣлей и на это оно напрягаетъ всѣ свои силы; но тѣ средства, которыя ведутъ искусство къ достиженію его спеціальной цѣли, ограничены, такъ какъ сама цѣль служитъ въ данномъ случаѣ для всякаго искусства предѣломъ. Подобно тому и въ искусствѣ наживать состояніе, поскольку оно сказывается въ торговой дѣятельности, никогда не бываетъ предѣла въ достиженіи цѣли, такъ какъ цѣлью-то здѣсь оказывается безпредѣльное богатство и обладаніе деньгами. 18. Напротивъ, въ области, относящейся къ домохозяйству, а не къ искусству наживать состояніе, предѣлъ имѣется, такъ какъ цѣлью домохозяйства служитъ не накапливаніе

денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что всякаго рода богатство должно бы имѣть свой предѣлъ, но на практикѣ, мы видимъ, происходитъ противоположное: всѣ, занимающіеся денежными оборотами, стремятся увеличить свои капиталы до безконечности [1]). Причиною этого служитъ тѣсное соприкосновеніе обѣихъ областей, [т. е. области, относящейся къ домохозяйству, и области, относящейся къ наживѣ состоянія]: и та и другая скрещиваются между собою въ примѣненіи тожественныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. И въ той и въ другой области предметомъ пользованія оказывается одна и та же собственность; неоднородны только способы пользованія: въ одномъ случаѣ цѣлью не является безпредѣльное увеличеніе движимаго состоянія, въ другомъ это увеличеніе—единственная цѣль. И нѣкоторые считаютъ это увеличеніе конечною цѣлью въ области домохозяйства и настаиваютъ на томъ, что нужно или сохранять имѣющіеся денежные капиталы или даже стремиться увеличивать ихъ до безпредѣльности. 19. Въ основѣ этого направленія лежитъ стремленіе къ жизни вообще, но не къ благой жизни; и такъ какъ жажда жизни безпредѣльна, то и стремленіе къ тѣмъ средствамъ, которыя служатъ къ утоленію этой жажды, также безграничны. И даже тѣ люди, которые усиленно стремятся къ благой жизни, ищутъ того, что̀ доставляетъ имъ физическія наслажденія, и такъ какъ, по ихъ представленію, средства для осуществленія этого даетъ собственность, то вся дѣятельность такихъ людей направляется на наживу. Такимъ-то вотъ путемъ и получилъ свое развитіе второй видъ искусства наживать состояніе. А такъ какъ физическія наслажденія имѣются въ преизобиліи, то такіе люди ищутъ и тѣхъ средствъ, которыя давали бы имъ возможность осуществить этотъ преизбытокъ наслажденій; и если люди не въ состояніи достигнуть своей цѣли при помощи искусства наживать состояніе, то они стремятся къ ней иными путями и пускаютъ для этого въ ходъ всѣ свои способности, вопреки даже голосу природы. 20. Такъ, напримѣръ, храбрость заключается въ отвагѣ,

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *О доходахъ*, 4, 7: „когда кто-либо пріобрѣтетъ для своего дома достаточную обстановку, онъ не станетъ еще прикупать ее; но никто еще не нажилъ столько денегъ, чтобы больше въ нихъ не нуждаться“.

а не въ наживѣ денегъ; точно такъ же военное и врачебное искусство имѣетъ въ виду не наживу, но первое—одержаніе побѣды, второе—доставленіе здоровья. Однако упомянутые выше люди обращаютъ всѣ свои способности на наживу денегъ, потому что она служитъ имъ цѣлью, а для достиженія цѣли приходится идти на все.

Вотъ что я считаю нужнымъ сказать о томъ искусствѣ наживать состояніе, которое не является необходимымъ; я описалъ сущность его и указалъ на тѣ причины, всилу которыхъ мы прибѣгаемъ къ нему. Что касается того искусства наживать состояніе, которое является необходимымъ, то я указалъ на отличіе его отъ искусства не необходимаго: необходимое искусство относится къ области домохозяйства, оно естественно, направлено къ добыванію средствъ къ жизни и не безпредѣльно, какъ искусство не необходимое, а имѣетъ свои границы.

21. Теперь ясенъ и отвѣтъ на поставленный въ началѣ вопросъ: относится ли къ области дѣятельности домохозяина и государственнаго мужа искусство наживать состояніе, или не относится? Правда, нужно предполагать это искусство какъ бы предсуществующимъ: такъ, вѣдь, и политика не создаетъ людей, но беретъ ихъ таковыми, какими ихъ создала природа. Точно такъ же и природа должна доставлять человѣку необходимое пропитаніе, поскольку его дастъ земля, море и т. п.; на обязанности домохозяина лежитъ всему тому, что получается изъ этихъ источниковъ, дать соотвѣтствующее назначеніе. Предметомъ ткацкаго искусства является не изготовленіе шерсти, но утилизированіе ея, умѣнье распознать [1]), какая шерсть доброкачественна и пригодна, какая недоброкачественна и непригодна.

22. Можно поставить еще такой вопросъ: почему искусство наживать состояніе относится къ области домохозяйства, а медицина не относится? Вѣдь здоровье является столь же необходимымъ для членовъ семьи, какъ и питаніе и т. п. житейскія потребности. [На это можно отвѣтить такъ]: въ одномъ отношеніи и домохозяинъ и правитель вообще должны заботиться и о здоровьѣ имъ подвластныхъ, въ другомъ отношеніи это дѣло является предметомъ заботы не ихъ, но врача; точно такъ же

---

[1]) Вмѣсто рукописнаго καὶ γνῶναι читаю διαγνῶναι.

и въ отношеніи денегъ: съ одной стороны, забота о денежныхъ средствахъ составляетъ предметъ вѣдѣнія домохозяина, съ другой—нѣтъ, но входитъ въ кругъ другой дѣятельности, стоящей въ служебномъ отношеніи къ домохозяйству; преимущественно же, какъ это отмѣчено и ранѣе, она должна быть предполагаема предсуществующей отъ самой природы. Вѣдь природа заботится о доставленіи первоначальнаго питанія созданному ею существу: всякое такое существо получаетъ свое питаніе, какъ бы въ наслѣдство, отъ того существа, которое произвело его на свѣтъ. Вотъ почему для всѣхъ людей питаніе плодами и животными, [какъ продуктами природы], является искусствомъ наживать состояніе природосообразнымъ.

23. Это искусство, какъ мы сказали, бываетъ двоякимъ: съ одной стороны, оно относится къ области торговли, съ другой—къ области домохозяйства; послѣднее обусловлено необходимостью и заслуживаетъ похвалы, торговая же дѣятельность, по справедливости, вызываетъ порицаніе, какъ дѣятельность, обусловленная не естественными причинами, но возникшая всилу необходимости взаимнаго между людьми обмѣна. Поэтому съ полнымъ основаніемъ вызываетъ ненависть ростовщичество, такъ какъ оно дѣлаетъ сами денежные знаки предметомъ собственности, которые, такимъ образомъ, утрачиваютъ то свое назначеніе, ради котораго они были созданы: цѣль денежныхъ знаковъ—облегчить мѣновую торговлю, взиманіе же процентовъ ведетъ именно къ росту денегъ. Отсюда-то объясняется и самое названіе этого роста «приплодомъ» [1]): какъ дѣти походятъ на своихъ родителей, такъ и проценты являются денежными знаками, происшедшими отъ денежныхъ же знаковъ. Описанный родъ наживы состоянія оказывается противоестественнымъ по преимуществу.

4.

1. Установивъ въ достаточной мѣрѣ теорію искусства наживать состояніе, надлежитъ перейти къ разсмотрѣнію получающихся отсюда практическихъ выводовъ. Въ подобнаго рода пред-

---

[1]) По-гречески τόκος — роды, рожденное, а въ переносномъ значеніи — проценты, ростъ капитала.

метахъ для теорій открывается широкій просторъ, примѣненіе же теоріи на практикѣ требуетъ опыта. Къ практической сторонѣ искусства наживать состояніе относится усвоеніе опытности въ дѣлѣ пріобрѣтенія предметовъ владѣнія: какіе изъ этихъ предметовъ наиболѣе полезны, гдѣ и какимъ образомъ можно достать ихъ; напримѣръ, при пріобрѣтеніи лошадей, коровъ, овецъ, равно какъ и прочихъ домашнихъ животныхъ необходимо быть опытнымъ въ знаніи того, какія изъ этихъ животныхъ сравнительно другъ съ другомъ представляютъ наибольшую пользу, какія изъ нихъ въ какихъ мѣстностяхъ водятся, такъ какъ одни изъ домашнихъ животныхъ родятся въ изобиліи въ однихъ мѣстахъ, другія — въ другихъ. Далѣе нужно быть освѣдомленнымъ касательно земледѣлія, такъ какъ въ однихъ случаяхъ земля бываетъ непригодна для разведенія на ней культуры, въ другихъ—пригодна. Наконецъ, нужно быть освѣдомленнымъ касательно пчеловодства, рыболовства, птицеводства и пр., поскольку всѣ эти занятія могутъ оказаться при тѣхъ или иныхъ условіяхъ выгодными.

2. Вотъ самыя существенныя части искусства наживать состояніе въ собственномъ смыслѣ. Самымъ же значительныхъ видомъ дѣятельности, имѣющей своимъ предметомъ обмѣнъ, является торговля. Она состоитъ также изъ трехъ частей: морская торговля, транзитная торговля и мелочная торговля. Эти три вида торговли отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ одномъ случаѣ торговая дѣятельность сопряжена съ наименьшимъ рискомъ, въ другомъ она приноситъ большій барышъ. Вторымъ видомъ дѣятельности, имѣющей предметомъ обмѣнъ, служитъ отдача денегъ въ ростъ, третьимъ—предоставленіе своего труда за плату; это послѣднее находитъ свое приложеніе отчасти въ ремеслахъ, отчасти въ томъ случаѣ, когда люди, будучи неспособны къ какому-либо ремеслу, зарабатываютъ себѣ средства исключительно физическимъ трудомъ.

Наконецъ, третій видъ искусства наживать состояніе занимаетъ посредствующее мѣсто между указанными обоими видами, такъ какъ онъ въ равной степени относится и къ дѣятельности, имѣющей своимъ предметомъ наживать состояніе естественно, и къ дѣятельности, имѣющей своимъ предметомъ наживать состояніе путемъ обмѣна: этотъ третій видъ заключаетъ въ себѣ все

то, что имѣетъ отношеніе къ землѣ, какъ таковой, и къ тому, что произростаетъ изъ земли и что, не давая плодовъ въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе приноситъ пользу, какъ, напримѣръ, рубка лѣса и всякаго рода горное производство; послѣднее заключаетъ, въ свою очередь, много разновидностей, такъ какъ горныя породы, добываемыя изъ земли, весьма разнообразны.

3. Сказаннаго въ общихъ чертахъ о каждомъ изъ видовъ, относящихся къ искусству наживать состояніе, достаточно. Конечно, было бы полезно, съ практической точки зрѣнія, коснуться здѣсь и деталей, но это было бы утомительно для общаго хода разсужденія.

Изъ перечисленныхъ родовъ дѣятельности самымъ искуснымъ является тотъ, при которомъ наименьшее значеніе имѣетъ случайность, самымъ низменнымъ—тотъ, въ которомъ страдаетъ всего болѣе физическая природа человѣка, самымъ рабскимъ—тотъ, когда требуется исключительное примѣненіе физическихъ силъ, наименѣе всего благороднымъ—тотъ, гдѣ добродѣтель [1]) играетъ послѣднюю роль.

4. Объ указанномъ предметѣ имѣется своя литература, напримѣръ, сочиненія Харета Паросскаго и Аполлодора Лемносскаго [2]) о земледѣліи, о землѣ, пригодной и непригодной для культуры, равно какъ имѣются сочиненія и другихъ писателей о подобнаго же рода предметахъ. Интересующійся ими можетъ получить достаточныя свѣдѣнія изъ указанныхъ сочиненій. Сверхъ того, полезно собирать и тѣ ходячіе разсказы, въ которыхъ говорится, какимъ образомъ нѣкоторымъ людямъ удалось нажить себѣ состояніе. Все это послужитъ на пользу тѣмъ, кто относится со вниманіемъ къ искусству наживать состояніе. Къ числу такого рода разсказовъ принадлежитъ, напримѣръ, и разсказъ о Θалесѣ Милетскомъ. 5. Этотъ разсказъ заключаетъ въ себѣ своего рода наблюденіе, касающееся искусства наживать состояніе, и его приписываютъ Θалесу, принимая во вниманіе его извѣстную мудрость, но, на самомъ дѣлѣ, наблюденіе это можно разсматривать и съ общей точки зрѣнія. Когда Θалеса попрекали его бѣд-

---

[1]) Т. е. нравственная природа человѣка.

[2]) Время ихъ жизни въ точности неизвѣстно.

ностью, такъ какъ—де занятія философіей никакого барыша не приносятъ, то, разсказываютъ, Θалесъ, предвидя, на основаніи астрономическихъ данныхъ, богатый урожай оливокъ, еще до истеченія зимы, роздалъ накопленную имъ небольшую сумму денегъ въ задатокъ владѣльцамъ всѣхъ маслобоенъ въ Милетѣ и на Хіосѣ; маслобойни Θалесъ законтрактовалъ дешево, такъ какъ никто съ нимъ не конкурировалъ. Когда наступило время сбора оливокъ, начался одновременно внезапный спросъ со стороны многихъ лицъ на маслобойни. Θалесъ сталъ тогда отдавать на откупъ законтрактованныя имъ маслобойни за ту цѣну, за какую желалъ. Набравъ такимъ путемъ много денегъ, Θалесъ доказалъ тѣмъ самымъ, что и философамъ, при желаніи, разбогатѣть не трудно, только не это дѣло составляетъ предметъ ихъ интересовъ. 6. Такъ, говорятъ, Θалесъ далъ доказательство своей мудрости. Но общей примѣтой искусства наживать состояніе, по нашему разумѣнію, является то, если кто-либо въ состояніи взять въ свои руки какую-нибудь монополію. На этой операціи даже нѣкоторыя государства, находясь въ стѣсненномъ финансовомъ положеніи, строятъ свой бюджетъ: именно они заводятъ монополію на тѣ или иные товары. 7. Такъ въ Сициліи нѣкто скупилъ на отданныя ему въ ростъ деньги все желѣзо изъ рудниковъ, а затѣмъ, когда прибыли купцы изъ торговыхъ гаваней, онъ сталъ продавать желѣзо, какъ монополистъ, съ небольшею надбавкою на его обычную цѣну; и все-таки этотъ человѣкъ на 50 талантовъ заработалъ сто. 8. Узнавъ объ этомъ, Діонисій [1]) издалъ приказъ, всилу котораго упомянутому человѣку разрѣшалось увезти деньги съ собой, самъ же онъ, однако, долженъ былъ оставить Сиракусы, такъ какъ онъ изобрѣлъ такой источникъ доходовъ, который наносилъ ущербъ интересамъ Діонисія. Находчивость [2]) Θалеса и сицилійца была, тѣмъ не менѣе, одинакова: оба они сумѣли въ одинаковой мѣрѣ обезпечить себѣ монополію. Такого рода свѣдѣнія полезно имѣть и политическимъ дѣятелямъ: для многихъ государствъ, а еще въ большей степени для семей, приходится увеличивать свой бюджетъ путемъ подоб-

---

[1]) Тираннъ Сиракузскій.

[2]) Слѣдую конъектурѣ Камерарія εὕρημα вмѣсто рукописнаго δρᾶμα.

ныхъ источниковъ доходовъ. Встрѣчаются и такіе государственные мужи, вся дѣятельность которыхъ направляется исключительно по этому пути [1]).

5.

1. Наука о домохозяйствѣ предполагаетъ три элемента власти: во-первыхъ, власть господина по отношенію къ рабамъ (объ этомъ мы говорили выше) [2]), во-вторыхъ, отношеніе отца къ дѣтямъ и, въ-третьихъ, отношеніе мужа къ женѣ. Дѣйствительно, существуетъ власть и надъ женою и надъ дѣтьми, какъ существами свободными; но осуществляется эта власть не одинаковымъ образомъ. 2. Власть мужа надъ женою можно сравнить съ властью политическаго дѣятеля [надъ гражданами], власть отца надъ дѣтьми—съ властью царя [надъ подданными]. И жена и дѣти должны находиться въ подчиненіи у отца семьи. Это слѣдуетъ изъ того, что мужчина, по своей природѣ—исключая лишь тѣ или иныя анормальныя отклоненія,—болѣе призванъ къ руководительству, чѣмъ женщина, а человѣкъ болѣе пожилой и зрѣлый можетъ лучше руководить, чѣмъ человѣкъ болѣе молодой и незрѣлый.

[Мы сказали, что власть мужа надъ женою можетъ быть сравниваема съ властью государственнаго мужа надъ гражданами. Это сравненіе находитъ свое оправданіе въ томъ, что], при замѣщеніи большинства государственныхъ магистратуръ, между лицами властвующими и лицами подчиненными соблюдается очередь: и тѣ и другія, совершенно естественно, стремятся къ достиженію равенства и къ уничтоженію какого-либо различія между собою. Тѣмъ не менѣе, когда одни лица властвуютъ, а другія находятся въ подчиненіи, все-таки является стремленіе провести различіе между тѣми и другими въ ихъ внѣшнемъ видѣ, въ манерѣ ихъ взаимнаго обращенія, въ знакахъ почести. Это имѣлъ въ виду, между прочимъ, и Амасисъ, когда онъ разсказывалъ исторію о своемъ умывальникѣ [3]). Отношеніе мужчины къ женщинѣ

---

[1]) Можетъ быть, имѣется въ виду аѳинскій финансистъ средины IV в. до Р. Хр. Евбулъ. См. о немъ Пёльманъ, 232 сл.

[2]) См. начало 2-й главы (стр. 9.)

[3]) См. Геродотъ, II, 182: „по низверженіи Апріи воцарился Амасисъ... Первое время египтяне пренебрегали Амасисомъ и нисколько не цѣнили

всегда опредѣляется вышеуказаннымъ образомъ. Власть же отца надъ дѣтьми можетъ быть уподоблена власти царя надъ его подданными: отецъ властвуетъ надъ дѣтьми и всилу своей любви къ нимъ и вслѣдствіе того, что онъ старше ихъ. А такой видъ власти именно и есть царская власть [1]). Поэтому прекрасно выразился Гомеръ [2]), назвавъ Зевса «отцомъ людей и боговъ», царемъ всѣхъ ихъ. Царь, по природѣ, долженъ отличаться отъ своихъ подданныхъ, хотя онъ и одного съ ними происхожденія. И въ такомъ же родѣ должно представлять себѣ отношенія старшихъ къ младшимъ и отца къ дѣтямъ.

3. Само собою очевидно, что въ домохозяйствѣ слѣдуетъ заботиться болѣе о людяхъ, чѣмъ о пріобрѣтеніи бездушной собственности, заботиться болѣе о добродѣтели первыхъ, нежели объ изобиліи послѣдней—иными словами богатства,—заботиться болѣе о людяхъ свободныхъ, чѣмъ о рабахъ. Что касается рабовъ, то, пожалуй, можетъ возникнуть вопросъ: да мыслима ли у раба вообще какая-либо добродѣтель, помимо его пригодности служить орудіемъ для работъ и службы? Обладаетъ ли рабъ другими, болѣе высокими, добродѣтелями, какъ, напримѣръ, скромностью, храбростью, справедливостью и т. под. свойствами? или у раба никакихъ иныхъ качествъ, помимо физическихъ, нѣтъ? И да, и нѣтъ—было бы сказать затруднительно. Если да, то

его, такъ какъ раньше того онъ былъ простымъ гражданиномъ и не знатнаго рода; съ теченіемъ времени онъ расположилъ египтянъ къ себѣ ловкимъ и грубымъ средствомъ, именно: у него было множество различныхъ сокровищъ, въ числѣ ихъ золотая лохань, въ которой самъ Амасисъ и всѣ его застольники обмывали себѣ ноги. Лохань эту онъ изломалъ въ куски, сдѣлалъ изъ нея статую божества и поставилъ ее на самомъ видномъ мѣстѣ въ городѣ. Египтяне подходили къ статуѣ и оказывали ей большое почтеніе. Узнавши о такомъ поведеніи горожанъ, Амасисъ созвалъ египтянъ и объяснилъ имъ, что статуя сдѣлана изъ лохани, въ которую прежде египтяне плевали, мочились, въ которой мыли ноги,—а потомъ ей же оказывали большое почтеніе. То же самое, что съ лоханью, случилось, сказалъ онъ, и съ нимъ; хотя прежде онъ былъ простой гражданинъ, но въ настоящее время—царь ихъ, а потому совѣтовалъ имъ чтить его и высоко цѣнить“. [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[1]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика,* VIII, 12, 1160 b 24 (стр. 158 перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Напр. *Иліада*, I, 544 и passim.

чѣмъ рабъ будетъ отличаться отъ свободнаго человѣка? если нѣтъ, то такое отрицаніе было бы странно, такъ какъ вѣдь и рабы— люди и одарены разсудкомъ. 4. Приблизительно то же самое затрудненіе возникаетъ и при изслѣдованіи вопроса о томъ, свойственны ли добродѣтели женщинѣ и ребенку; должна ли быть женщина скромной, мужественной и справедливой? можно ли говорить о ребенкѣ своевольномъ и скромномъ, или нѣтъ? Стóитъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и съ общей точки зрѣнія въ приложеніи къ существу, призванному по природѣ къ подчиненности и къ существу, предназначенному природой къ властвованію: тожественна ли у нихъ добродѣтель, или различна? И если обоимъ этимъ существамъ должно быть свойственно совершенство, то почему одно изъ нихъ предназначено разъ навсегда властвовать, а другое быть въ подчиненіи? И это отличіе не можетъ основываться на большей или меньшей степени совершенства, присущаго тому и другому существу, такъ какъ самыя понятія «быть въ подчиненіи» и «властвовать» отличаются одно отъ другого лишь въ качественномъ, а не въ количественномъ отношеніи. 5. Признавать совершенство за одними и отрицать его въ другихъ, развѣ это не было бы удивительно? И если начальствующее лицо не будетъ скромнымъ и справедливымъ, какъ оно можетъ прекрасно властвовать? Точно такъ же если подчиненное лицо не будетъ обладать этими добродѣтелями, какъ оно можетъ хорошо подчиняться? Человѣкъ своевольный и низкопробный ни въ чемъ не исполнитъ своего долга! Такимъ образомъ ясно, что и лицо властвующее и лицо подчиненное должны обладать добродѣтелью, но что эта добродѣтель должна отличаться такъ же, какъ, по природѣ, отличаются между собою лица властвующія и лица подчиненныя.

А это отличіе неминуемо приводитъ насъ къ изслѣдованію психическихъ свойствъ лицъ властвующихъ и лицъ подчиненныхъ: и въ психикѣ человѣческой одно начало, по природѣ, является началомъ властвующимъ другое—подчиненнымъ; обоимъ изъ этихъ началъ, по нашему утвержденію, соотвѣтствуютъ свои добродѣтели, почему мы и говоримъ о добродѣтели разумной и о добродѣтели неразумной. 6. Ясно, что то же самое отношеніе должно существовать и въ приложеніи ко всѣмъ остальнымъ элементамъ человѣческой психики и что сама природа вложила въ властвующихъ

и въ подчиненныхъ нравственныя добродѣтели въ большей или меньшей степени. Свободный человѣкъ проявляетъ свою власть въ отношеніи раба иначе, чѣмъ это дѣлаетъ мужчина по отношенію къ женщинѣ, взрослый мужъ по отношенію къ ребенку. Во всѣхъ этихъ существахъ имѣются [разумные и неразумные] психическіе элементы; только проявляются они различнымъ образомъ. Такъ рабу вообще не свойственна способность разсуждать, женщинѣ она свойственна, но не находитъ примѣненія, ребенку также свойственна, но находится въ неразвитомъ состояніи. 7. Такую же постепенность необходимо допускать и въ отношеніи этическихъ добродѣтелей: наличность ихъ необходимо предполагать во всѣхъ существахъ, но проявленіе ихъ должно быть не одинаковымъ, а быть бо̀льшимъ или меньшимъ въ зависимости отъ назначенія каждаго индивида. Всилу этого лицо властвующее должно обладать этическими добродѣтелями въ развитомъ ихъ состояніи (ибо его назначеніе быть руководителемъ вообще, а разумъ и является руководителемъ), каждый же индивидъ изъ остальныхъ долженъ обладать этическими добродѣтелями въ подлежащей ему мѣрѣ. 8. Такимъ образомъ, ясно, этическія добродѣтели присущи всѣмъ тѣмъ существамъ, о которыхъ была рѣчь выше. Сократъ же заблуждался, допуская, что скромность, храбрость, справедливость, присущія мужчинамъ и женщинамъ, тожественны [по своимъ качествамъ] [1]); нѣтъ, есть храбрость, свойственная начальнику, и есть храбрость, свойственная слугѣ. То же самое и относительно остальныхъ добродѣтелей. Это очевидно и изъ детальнаго разсмотрѣнія интересующаго насъ вопроса. Заблуждаются тѣ, которые утверждаютъ, стоя на общей точкѣ зрѣнія, будто хорошее душевное расположеніе или правильный образъ дѣйствія и т. п. суть уже добродѣтели сами по себѣ [2]). Гораздо правильнѣе поступаютъ тѣ, которые, подобно Горгію [3]), расчленяютъ добродѣтели и опредѣляютъ каждую изъ нихъ съ ея ин-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Менонъ*, 71—73.

[2]) Ср. Платонъ, *Государство*, 444 d: „добродѣтель, повидимому, является своего рода душевнымъ здоровьемъ, красотою и благосостояніемъ".

[3]) Извѣстный софистъ. Ср. Платонъ, *Менонъ*, 71 e: „есть добродѣтель мужчины... женщины... ребенка... и болѣе зрѣлаго человѣка... и свободнаго и раба".

дивидуальной стороны. И то, напримѣръ, что́ поэтъ [1]) сказалъ о женщинѣ: «уборомъ женщины молчанье служитъ», это въ одинаковой степени должно быть приложимо ко всѣмъ женщинамъ вообще, но къ мужчинѣ оно уже не подходитъ. 9. Затѣмъ, принимая во вниманіе неразвитость ребенка, очевидно, нечего и говорить о его самодовлѣющей добродѣтели, но лишь — поскольку она имѣетъ отношеніе къ дальнѣйшему развитію ребенка и къ тому лицу, которое этимъ развитіемъ руководитъ. Въ томъ же самомъ смыслѣ можно говорить и о добродѣтели раба въ отношеніи къ его господину.

Мы установили, что рабъ бываетъ полезенъ для повседневныхъ потребностей. Отсюда ясно, что онъ долженъ обладать и добродѣтелью въ слабой степени, а именно въ такой, чтобы его своеволіе или вялость не наносили ущерба исполняемымъ имъ работамъ. 10. Можетъ возникнуть, пожалуй, вопросъ, приложимо ли наше положеніе и въ отношеніи ремесленниковъ, должны ли и они обладать добродѣтелью, такъ какъ ихъ своеволіе зачастую наноситъ ущербъ ихъ работѣ? Или мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ совершенно различнымъ явленіемъ? Рабъ, вѣдь, живетъ въ постоянномъ общеніи со своимъ господиномъ, ремесленникъ стоитъ отъ него гораздо дальше, а потому не долженъ ли ремесленникъ превосходить своею добродѣтелью раба постольку, поскольку трудъ ремесленный стоитъ выше труда рабскаго? Ремесленникъ, занимающійся низкимъ ремесломъ, тоже своего рода рабъ, только съ извѣстнымъ ограниченіемъ; рабъ является таковымъ уже по природѣ, но ни сапожникъ, ни какой другой ремесленникъ не бываютъ таковыми по природѣ. 11. Ясно, что господинъ долженъ давать рабу импульсъ необходимой для него добродѣтели, но что въ обязанности господина вовсе не входитъ обучать раба этой добродѣтели. Неправильно поступаютъ тѣ, кто говоритъ, что съ рабомъ нечего и разговаривать, а что ему нужно только давать приказанія; нѣтъ, для рабовъ, болѣе чѣмъ для дѣтей, нужно назиданіе [2]).

---

[1]) Софоклъ, *Эантъ*, 293.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 777 e: „рабовъ должно карать по справедливости и не церемониться съ ними, какъ со свободными, прибѣгая къ увѣщаніямъ: и обращаться къ прислугѣ должно лишь со всякаго рода при-

Мы достаточно разграничили вопросы объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ, о добродѣтеляхъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ, о взаимномъ ихъ отношеніи, о томъ, что̀ хорошо и что̀ нехорошо въ немъ, какимъ путемъ должно стремиться, въ однихъ случаяхъ, къ благу, въ другихъ—избѣгать зла. Всѣ эти вопросы стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ наукѣ, имѣющей своимъ предметомъ политику. 12. Такъ какъ всякая семья составляетъ часть государства, а указанныя выше лица являются частями семьи, и такъ какъ добродѣтели отдѣльныхъ частей должны соотвѣтствовать добродѣтелямъ цѣлаго, то необходимо и воспитаніе дѣтей и женщинъ поставить въ соотвѣтствующее отношеніе къ государственному устроенію: не безразлично, вѣдь, для государства, стремящагося къ правильному устроенію, имѣть также правильно поставленными и дѣтей и женщинъ. И съ этимъ необходимо считаться потому, что женщины составляютъ половину всего свободнаго населенія, а изъ дѣтей нѣкоторыя потомъ принимаютъ участіе въ политической жизни. Основоположенія, касающіяся этого предмета, нами опредѣлены; о деталяхъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Ввиду этого мы наши теперешнія разсужденія, считая ихъ законченными, оставляемъ и обращаемся къ дальнѣйшему изслѣдованію. Въ немъ мы прежде всего разберемъ теоріи тѣхъ писателей, которые представили свои проекты наилучшаго государственнаго устроенія.

казаніями, причемъ шутки съ прислугою—женскою или мужскою—нигдѣ и никогда не должны имѣть мѣста".

КНИГА II.

1.

1. Такъ какъ мы ставимъ своею задачею изслѣдованіе государственнаго общенія въ наиболѣе совершенной его формѣ, дающей людямъ полную возможность жить согласно ихъ идеальнымъ стремленіямъ, то намъ надлежитъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію и тѣ изъ существующихъ формъ государственнаго устроенія, которыми, съ одной стороны, пользуются на практикѣ нѣкоторыя государства, признаваемыя благоустроенными, и которыя, съ другой стороны, были проектированы, какъ наиболѣе совершенныя, нѣкоторыми теоретиками. Такимъ путемъ мы будемъ въ состояніи открыть, что въ каждой изъ этихъ формъ является правильнымъ и практически осуществимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что наше намѣреніе отыскать такую форму государственнаго строя, которая отличалась бы отъ существующихъ, объясняется не желаніемъ съ нашей стороны мудрствовать во что бы то ни стало, но тѣмъ обстоятельствомъ, что эти существующія теперь формы не удовлетворяютъ своему назначенію [1]).

2. Начать должно прежде всего съ установленія того принципа, который служитъ точкою отправленія при настоящемъ разсужденіи, а именно: всѣ граждане должны принимать участіе либо во всемъ, касающемся жизни государства, либо ни въ чемъ, либо въ однихъ дѣлахъ они должны принимать участіе,

---

[1]) Можетъ быть, Аристотель полемизируетъ здѣсь съ Исократомъ, *Объ обмѣнѣ имуществъ*, 83: „нечего искать другихъ законовъ; нужно попытаться объединить въ одно цѣлое тѣ законы, которые въ прочихъ государствахъ пользуются хорошей репутаціей, что легко, при желаніи, можно было бы сдѣлать всякому".

въ другихъ нѣтъ. То, чтобы граждане не принимали участіе ни въ чемъ, очевидно, невозможно, такъ какъ государство представляетъ извѣстнаго рода общеніе, а, слѣдовательно, прежде всего является необходимость имѣть участіе въ опредѣленномъ [для осуществленія этого общенія] мѣстѣ: мѣсто, занимаемое однимъ государствомъ, представляетъ опредѣленную единицу, и граждане, значитъ, являются общниками одного государства. Возникаетъ, однако, вопросъ, въ какомъ объемѣ можно допустить для гражданъ пріобщеніе къ государственной жизни? и что лучше для идеально устроеннаго государства: чтобы граждане его принимали участіе во всемъ, относящемся до государственной жизни, или въ одномъ принимали участіе, въ другомъ — нѣтъ? Допустима ли для гражданъ взаимная общность дѣтей, женъ, имущества, какъ это мы находимъ въ «Государствѣ» Платона, гдѣ, по утвержденію Сократа, и дѣти и жены и собственность должны быть общими? Какой порядокъ предпочтительнѣе: тотъ ли, который существуетъ теперь, или же тотъ, который проектированъ въ «Государствѣ»?

3. Что касается общности женъ между всѣми гражданами, то эта теорія, [при осуществленіи ея на практикѣ], встрѣчаетъ много различнаго рода затрудненій; да и тотъ мотивъ, который приводитъ въ защиту своего положенія Сократъ, повидимому, не вытекаетъ изъ хода его разсужденій. Сверхъ того, положеніе это не можетъ быть согласовано и съ тою конечною цѣлью, осуществленіе которой Сократъ, поскольку это слѣдуетъ изъ его словъ, считаетъ необходимымъ для государства. А какимъ путемъ должно точнѣе понять высказываемое Сократомъ утвержденіе, на этотъ счетъ не дано имъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Я имѣю въ виду [слѣдующее утвержденіе Сократа]: лучше всего для всякаго государства то, чтобы оно, по мѣрѣ возможности, представляло собою единство. Эту именно предпосылку Сократъ ставитъ въ основу своего положенія.

4. Ясно, что государство, при прогрессивно эволюціонирующемъ единствѣ, перестанетъ быть государствомъ. Вѣдь, по своей природѣ, государство представляется своего рода множествомъ [1];

---

[1]) Платонъ, *Государство* 462 c: „то государство управляется наилучшимъ образомъ, которое ближе всего имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ“.

если же оно стремится къ единству, то въ такомъ случаѣ скорѣе изъ государства образуется семья, а изъ семьи—индивидъ: семья, какъ всякій согласится, заключаетъ въ себѣ болѣе единства, чѣмъ государство, а индивидъ болѣе единиченъ, чѣмъ семья. Такимъ образомъ, если бы кто-либо и оказался въ состояніи осуществить на практикѣ теорію Сократа, то этого не слѣдовало бы все-таки дѣлать, такъ какъ тогда уничтожилось бы государство. Далѣе, въ составъ государства входятъ не только нѣсколько индивидовъ, но и эти послѣдніе специфически различаются между собою: элементы, образующіе государство, не одинаковы. Государство не одно и то же, что военный союзъ: въ военномъ союзѣ имѣетъ значеніе лишь количество его членовъ, хотя бы всѣ они были тожественны по качествамъ. Союзъ составляется въ цѣляхъ оказанія помощи и напоминаетъ собою вѣсы, въ которыхъ перетягиваетъ та чашка, какая нагружена больше [1]). 5. Точно такъ же государство будетъ отличаться и отъ племенного союза, разъ допустить, что входящіе въ его составъ индивиды, какъ бы многочисленны они ни были, живутъ не отдѣльно по своимъ селеніямъ, но, какъ, напримѣръ, аркадяне, [имѣютъ одинъ центральный пунктъ] [2]). То, что предполагаетъ въ своемъ результатѣ единство, заключаетъ въ себѣ специфическое различіе [входящихъ въ это единство] элементовъ. Поэтому-то, какъ объ этомъ ранѣе сказано въ «Этикѣ» [3]), принципъ компенсирующаго равенства спасительно дѣйствуетъ въ государствахъ; этотъ принципъ необходимо долженъ быть проводимъ и въ отношеніяхъ между свободорожденными и равными, такъ какъ они не могутъ всѣ властвовать заразъ, но либо погодно, либо въ какомъ-нибудь иномъ порядкѣ, либо вообще періодически. При такой системѣ всѣ будутъ принимать участіе въ управленіи, все равно какъ если бы сапожники и плотники стали мѣняться своими ремеслами и одни и

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *О доходахъ*, 4, 32: „чѣмъ больше союзниковъ соберется, тѣмъ ихъ взаимныя силы будутъ значить больше другъ для друга".

[2]) Ср. Аристотель, fr. 442, 1550 b 6: „Десять тысячъ въ Мегалополѣ... общій совѣтъ всѣхъ аркадянъ, о которомъ часто упоминаютъ историки. О немъ говоритъ и Аристотель въ Аркадской политіи".

[3]) Аристотель, *Никомахова этика*, V, 8, 1132 b 33 (стр. 91 перевода Э. Л. Радлова).

тѣ же ремесленники не постоянно оставались бы сапожниками и плотниками. 6. Но такъ какъ... [1]) такой порядокъ оказывается болѣе совершеннымъ и въ приложеніи къ организаціи государственнаго общенія, и, очевидно, лучше было бы, если бы у кормила власти стояли, насколько это возможно, одни и тѣ же лица. Врядъ ли, однако, это представляется возможнымъ осуществить на практикѣ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ: съ одной стороны, и природа не установила на землѣ всеобщаго равенства, съ другой—и справедливость требуетъ, чтобы и въ управленіи, будь оно хорошее или плохое, всѣ принимали участіе. [Поэтому болѣе предпочтителенъ порядокъ чередованія въ управленіи]: при такомъ порядкѣ получается нѣкоторое подобіе того, что равные уступаютъ свое мѣсто равнымъ, какъ будто они подобны другъ другу помимо [уравнивающей ихъ] власти, такъ какъ одни властвуютъ, другіе подчиняются, поочередно становясь одни на мѣсто другихъ. Такой же точно порядокъ долженъ быть и по отношенію къ магистратамъ, т. е., чтобы каждый замѣщалъ не одну и ту же должность, но чтобы и тутъ происходило чередованіе.

7. Изъ сказаннаго ясно, что государство не можетъ быть, по своей природѣ, до такой степени единымъ, какъ нѣкоторые того требуютъ [2]); и то, что для государствъ выставляется высшимъ благомъ, ведетъ къ ихъ уничтоженію, хотя благо, присущее каждому объекту, служитъ къ его сохраненію. Можно и другимъ способомъ доказать, что стремленіе сдѣлать государство чрезмѣрно единымъ не является чѣмъ-то лучшимъ: семья—нѣчто болѣе самодовлѣющее, нежели индивидъ, государство [—нѣчто болѣе самодовлѣющее], чѣмъ семья; а осуществляется государство въ томъ случаѣ, когда масса, объединенная государствомъ въ одно цѣлое, будетъ самодовлѣющей. И если состояніе болѣе самодовлѣющее, предпочтительнѣе, то и меньшая степень единства болѣе предпочтительна, чѣмъ большая степень единства.

---

[1]) Пропускъ въ текстѣ; смыслъ можетъ быть возстановленъ такъ: но такъ какъ въ интересахъ каждаго ремесла все-таки лучше, чтобы каждый ремесленникъ занимался своимъ ремесломъ, то...

[2]) Ср. Платонъ, *Государство*, 462 а: „существуетъ ли для государства большее зло, чѣмъ то, которое раздѣляетъ его на части и создаетъ нѣсколько государствъ вмѣсто одного? или добро большее, чѣмъ то, которое соединяетъ эти части въ одно цѣлое и дѣлаетъ государство единымъ“?

8. Но если даже согласиться съ тѣмъ, что высшимъ благомъ общенія оказывается его единство, доведенное до крайнихъ предѣловъ, все-таки это положеніе не доказывается, повидимому, такими словами, когда всѣ вмѣстѣ будутъ говорить: «это—мое» и «это—не мое»; вѣдь Сократъ именно это считаетъ признакомъ совершеннаго единства [1]). На самомъ дѣлѣ, выраженіе «всѣ»—двухсмысленно. Если понимать выраженіе «всѣ» въ смыслѣ «каждый въ отдѣльности», то, пожалуй, то, осуществленіе чего желаетъ видѣть Сократъ, будетъ достигнуто скорѣе, [чѣмъ Сократъ думаетъ]: каждый, имѣя въ виду одного и того же сына, или одну и ту же женщину, будетъ говорить: «это—мой сынъ», «это—моя жена»; и точно такъ же онъ будетъ разсуждать и о собственности и о каждомъ предметѣ вообще. 9. Но когда осуществится общность женъ и дѣтей, тѣ, которые пользуются этою общностью, не будутъ уже говорить «это—мое», а всякій изъ нихъ скажетъ «это—наше»; точно такъ же и собственность всѣ будутъ считать своей, общей, а не принадлежащей каждому въ отдѣльности. Такимъ образомъ, выраженіе «всѣ» заключаетъ въ себѣ, очевидно, нѣкоторую двухсмысленность: такія слова, какъ «всѣ», «оба», «четъ», «нечетъ», вслѣдствіе ихъ двухсмысленности, и въ разсужденіяхъ ведутъ къ спорнымъ умозаключеніямъ. Поэтому понимать «всѣ» въ его собирательномъ значеніи, хотя и хорошо, но не осуществимо, а понимать «всѣ» въ его раздѣлительномъ значеніи никоимъ образомъ не привело бы къ единомыслію. 10. Сверхъ того, утвержденіе Сократа заключаетъ въ себѣ и другую отрицательную сторону. Къ тому, что̀ составляетъ предметъ владѣнія очень большого числа лицъ, прилагается наименьшая забота: люди заботятся всего болѣе о томъ, что̀ принадлежитъ собственно лично имъ; менѣе заботятся они о томъ, что̀ составляетъ предметъ общихъ интересовъ; если они о немъ и заботятся, то постольку, поскольку это касается каждаго даннаго индивида. Помимо всего прочаго, люди скорѣе склонны пренебрегать общими интересами и потому, что каждый изъ нихъ про себя думаетъ: «объ этомъ другой позаботится». То же самое

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 462 с: „наилучшую организацію государство имѣетъ въ томъ случаѣ, когда бо́льшая часть гражданъ по отношенію къ одному и тому же говорятъ «это мое» и «это не мое».

мы видимъ на примѣрѣ домашней прислуги: большое число слугъ иной разъ служитъ хуже, чѣмъ если бы слугъ этихъ было меньше. 11. [По проекту Сократа], у каждаго гражданина будетъ чуть ли не тысяча сыновей, и эта тысяча будетъ считаться сыновьями не каждаго индивида, какъ таковаго, но любой человѣкъ будетъ въ равной степени сыномъ любого же отца [1]). И выйдетъ тогда то, что всѣ сыновья въ равной мѣрѣ будутъ пренебрегать своимъ отцомъ. Далѣе, при такомъ положеніи дѣла, слова «каждый—мой» будетъ относиться ко всякому гражданину, будетъ ли онъ хорошаго поведенія или дурного, безотносительно къ тому, сколько такихъ гражданъ будетъ; напримѣръ, скажутъ: «этотъ—мой или «этотъ—такого-то», называя такимъ образомъ каждаго изъ тысячи или сколько бы ни было гражданъ въ государствѣ, хотя бы въ этомъ и сомнѣвались. Вѣдь неизвѣстно будетъ, отъ кого то или иное дитя родилось и осталось ли оно жить послѣ рожденія. 12. Въ какомъ же смыслѣ лучше употреблять выраженіе «мое» по отношенію къ каждому объекту? Относить ли это выраженіе безразлично къ 2.000 или 10.000 объектовъ, или пользоваться имъ скорѣе въ томъ значеніи, въ какомъ «мое» понимается въ современныхъ государствахъ? Теперь одинъ называетъ опредѣленное лицо своимъ сыномъ, другой—братомъ, третій—двоюроднымъ братомъ или какимъ-либо инымъ родственникомъ, или по кровному родству, или по свойству, сначала съ собою, затѣмъ съ своими домочадцами; *сверхъ того одинъ другого называетъ фраторомъ или филетомъ* [2]). Вѣдь лучше быть двоюроднымъ братомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ сыномъ по проекту Сократа. 13. Какъ бы то ни было, [въ государствѣ, проектированномъ Сократомъ], невозможно было бы избѣжать тѣхъ случаевъ, когда нѣкоторые граждане стали бы все-таки признавать въ тѣхъ или иныхъ лицахъ именно своихъ братьевъ, дѣтей, отцовъ, матерей: физическое сходство, существующее ме-

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 463 с: „всякій, при встрѣчѣ со всякимъ, будетъ считать, что онъ встрѣчается либо съ братомъ, либо съ сестрой, либо съ отцомъ, либо съ матерью, либо съ сыномъ, либо съ дочерью, либо съ ихъ потомками, либо съ ихъ предками".

[2]) Принадлежатъ ли отмѣченныя курсивомъ слова къ тексту „Политики", или они составляютъ добавленіе одного изъ ея старинныхъ читателей? я склонялся бы въ сторону послѣдняго.

жду дѣтьми и родителями, необходимо послужило бы имъ взаимнымъ доказательствомъ въ пользу ихъ реальныхъ родственныхъ отношеній. Что такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые географы. Въ верхней Ливіи у нѣкоторыхъ племенъ существуетъ общность женъ, и между тѣмъ новорожденные распредѣляются между ихъ родителями на основаніи сходства между тѣми и другими [1]). Даже у нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ, у лошадей и коровъ, самки родятъ дѣтенышей, очень похожихъ на ихъ производителей; для примѣра можно сослаться на фарсальскую кобылицу съ кличкой «Справедливая» [2]).

14. Сверхъ того, при проектируемой общности женъ и дѣтей трудно уберечься отъ такого рода непріятностей, какъ оскорбленія дѣйствіемъ, умышленныя и непредумышленныя убійства, драки, перебранки; всѣ эти проступки ведутъ къ оскорбленію религіознаго чувства въ отношеніи къ отцамъ, матерямъ, близкимъ, а также и дальнимъ родственникамъ. Между тѣмъ проступки эти могутъ случаться неизбѣжно чаще въ томъ случаѣ, когда не знаешь своихъ близкихъ, чѣмъ когда знаешь ихъ; въ послѣднемъ случаѣ можно, по крайней мѣрѣ, искупить совершенныя правонарушенія установленными искупительными обрядами; а когда не знаешь, [какихъ близкихъ ты оскорбилъ], то не можетъ быть и никакого искупленія. 15. Странно также и то, что въ проектированной общности сыновей исключается лишь плотское сожительство между любящими, самой же любви преградъ не ставится, равно какъ допускаются и такія отношенія между отцомъ и сыномъ или между братьями, которыя оказываются наиболѣе всего предосудительными, хотя бы они основывались и исключительно на любовномъ чувствѣ. Странно было бы исключать плотское общеніе по той только причинѣ, что при немъ наслажденіе достигаетъ наивысшей степени интенсивности,

---

[1]) Ср. Геродотъ, IV, 180: „сообщеніе съ женщинами у нихъ [авсеевъ] смѣшанное, браковъ они не знаютъ и сообщаются какъ животныя. Каждый мѣсяцъ мужчины ихъ собираются въ одно мѣсто и, если ребенокъ какой-нибудь женщины пришелъ къ тому времени въ возрастъ, то онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на котораго похожъ“. [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[2]) Ср. Аристотель, *Исторія животныхъ*, VII, 6, 586а 12: „есть самки, похожія на своихъ матерей, а другія—на своихъ производителей, какъ, напримѣръ, кобылица въ Фарсалѣ съ кличкою „Справедливая“.

и не дѣлать никакого различія въ томъ, что въ одномъ случаѣ въ общеніи оказываются отецъ и сынъ, въ другомъ—братья. Кажется, впрочемъ, что общность женъ и дѣтей подходила бы къ земледѣльцамъ [проектированнаго Сократомъ государства] болѣе, чѣмъ къ его стражамъ: при общности женъ и дѣтей дружественныя чувства будутъ менѣе сильно развиты, а этимъ-то и должны отличаться подвластные люди, разъ хотятъ видѣть ихъ послушными. а не революціонерами. 16. Вообще проектированный законъ общности, всилу неизбѣжныхъ причинъ, ведетъ къ результату, противоположному тому, какой надлежитъ имѣть законамъ, правильно установленнымъ, и ради котораго Сократъ и считаетъ нужнымъ установить въ такомъ именно видѣ, [въ какомъ это выше изложено], отношенія женъ и дѣтей. Мы же полагаемъ, что дружелюбныя отношенія—величайшее благо для государствъ, ибо при наличности этихъ отношеній менѣе всего возможны случаи возмущеній [1]); да и Сократъ всего болѣе восхваляетъ единеніе государства. А это единеніе, что, повидимому, утверждаетъ и Сократъ, является результатомъ дружелюбныхъ отношеній (объ этомъ, какъ извѣстно, говоритъ въ своей рѣчи о любви Аристофанъ, а именно, что любящіе, вслѣдствіе своей сильной любви, стремятся къ соитію, стремятся изъ двухъ существъ стать однимъ) [2]). 17. Такимъ образомъ, тутъ оба [любящихъ] существа, или одно изъ нихъ, неизбѣжно приноситъ себя въ жертву, въ государствѣ же [Сократа] проектируемая имъ общность повела бы къ созданію дружбы «водянистой», и сынъ отца, и отецъ сына лишь въ ограничительномъ смыслѣ могли бы называть «своимъ». И подобно тому, какъ небольшая доза сладкаго, будучи смѣшана съ большимъ количествомъ воды, дѣлаетъ самую смѣсь неощутительной на вкусъ, такъ точно бываетъ и съ взаимной привязанностью, когда она существуетъ только по имени; а при проектированномъ Сократомъ государственномъ строѣ сынъ объ отцѣ, отецъ о сынѣ, братья о братьяхъ будутъ, конечно, заботиться очень мало. Люди, вѣдь, всего

---

[1]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, VIII, 1, 1155a 22 сл. (стр. 145 перевода Э. Л. Радлова). Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, IV, 4, 16: „согласіе—величайшее благо для государствъ".

[2]) Ср. Платонъ, *Пиръ*, 191 a.

болѣе заботятся и любятъ, во-первыхъ, то, что имъ принадлежитъ, и, во-вторыхъ, то, что имъ дорого; но ни того ни другого невозможно предполагать среди тѣхъ людей, которые будутъ жить въ государствѣ, проектированномъ Сократомъ. 18. И въ вопросѣ о [предполагаемомъ Сократомъ] перемѣщеніи новорожденныхъ дѣтей изъ класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ классъ стражей, и обратно, много путаницы [1]). Какимъ образомъ перемѣщеніе это будетъ осуществляться на практикѣ? Дающимъ и перемѣщающимъ лицамъ придется знать, кому какихъ дѣтей они даютъ. При этомъ неизбѣжно еще въ большей степени будетъ проявляться то, о чемъ говорено было ранѣе, именно безчинства, ссоры [2]), убійства; ибо тѣ, кто переданъ будетъ изъ класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ классъ стражей, не станутъ называть остальныхъ гражданъ своими братьями, дѣтьми, отцами, матерями; въ свою очередь тѣ, кто останется въ классѣ стражей, не будутъ такъ называть остальныхъ гражданъ. Въ результатѣ выйдетъ то, что всѣ, основываясь на взаимномъ родствѣ, перестанутъ остерегаться совершать какой-либо изъ указанныхъ выше дурныхъ поступковъ.

Итакъ, вотъ наши соображенія насчетъ общности дѣтей и женъ.

2.

1. Вслѣдъ затѣмъ надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о собственности. Какую должна она имѣть организацію у тѣхъ гражданъ, которые стремятся пользоваться наилучшимъ государственнымъ устроеніемъ? должна ли собственность быть общей или не общей? Этотъ вопросъ можно, пожалуй, разсматривать и не въ связи съ законоположеніями, касающимися дѣтей и женъ. Я думаю по данному вопросу такъ: если даже дѣти и жены, какъ это общепринято теперь, должны принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, то еще вопросъ, будетъ ли лучше, если собственность и утилизація ея станутъ общими?... [3]). Напримѣръ, чтобы земельные участки

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 415 b сл.

[2]) Вмѣсто рукописнаго ἔρωτας читаю ἔρις.

[3]) Пропускъ въ текстѣ. Общій смыслъ пропуска можетъ быть возстановленъ приблизительно такъ: Или въ данномъ случаѣ возможны нѣкоторыя исключенія?

были въ частномъ владѣніи, пользованіе же продуктами земли было бы общегосударственнымъ, какъ это и наблюдается у нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ [1])? или, наоборотъ, пусть земля будетъ общею и обработывается сообща, продукты же ея пусть распредѣляются для частнаго пользованія (говорятъ, такимъ образомъ владѣютъ сообща землею нѣкоторые изъ варваровъ)? или, наконецъ, и земельные участки и добываемые съ нихъ продукты должны быть общими? 2. Если бы обработка земли была поручаема особымъ лицамъ, то все дѣло можно было бы поставить иначе и рѣшить его легче; но разъ сами земледѣльцы трудятся для самихъ себя, то и рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ собственностью, представляетъ значительно бо̀льшія затрудненія. Такъ какъ равенства въ работѣ и въ получаемыхъ отъ нея результатахъ провести нельзя — наоборотъ, отношенія здѣсь неравныя—, то, неизбѣжно, возникаютъ упреки по адресу тѣхъ, которые много пожинаютъ или много получаютъ, хотя и мало трудятся, со стороны тѣхъ, которые меньше получаютъ, а работаютъ больше [2]). 3. Вообще нелегко жить вмѣстѣ и принимать общее участіе во всемъ, что̀ касается междулюдскихъ отношеній, а въ данномъ случаѣ дѣло осложняется въ наивысшей степени. Обратимъ вниманіе на компаніи совмѣстно путешествующихъ, гдѣ почти большинство компаньоновъ не сходится между собою въ обыденныхъ мелочахъ и изъ-за нихъ ссорится другъ съ другомъ. Да и изъ прислуги у насъ всего болѣе бываетъ препирательствъ съ тѣми, кѣмъ мы пользуемся для повседневныхъ услугъ. Такъ вотъ какія и имъ подобныя затрудненія представляетъ общность собственности.

4. Болѣе предпочтителенъ, поэтому, тотъ способъ пользованія собственностью, который практикуется теперь, особенно если онъ освященъ обычаями и урегулированъ правильнымъ законодательствомъ: онъ заключаетъ въ себѣ хорошія стороны обѣихъ системъ, которыя я имѣю въ виду—именно си-

---

[1]) Діодоръ, V, 34, 3 говоритъ объ испанскихъ ваккеяхъ: „они ежегодно дѣлятъ на участки свою землю и обработываютъ ее; продукты же, получаемые отъ земли, поступая въ общую собственность, раздаются каждому“.

[2]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, IX, 6, 1167 b 9 сл. (стр. 174 перевода Э. Л. Радлова).

стему собственности общей и систему собственности частной. Собственность должна быть общей только въ относительномъ смыслѣ, въ абсолютномъ же она должна быть частной. Ибо, когда эксплуатація собственности будетъ подѣлена между отдѣльными лицами, исчезнутъ среди нихъ взаимныя нареканія; напротивъ, получится большій барышъ, такъ какъ каждый будетъ съ усеріемъ относиться къ тому, что ему принадлежитъ, добродѣтель же послужитъ своего рода регуляторомъ въ эксплуатаціи, согласно пословицѣ «у друзей все общее» [1]. 5. И въ настоящее время существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ намеки на такую систему, указывающіе на то, что она въ основѣ своей не невозможна; особенно въ государствахъ, хорошо организованныхъ, она отчасти осуществлена, отчасти могла бы быть проведена [2]: имѣя частную собственность, индивидъ въ однихъ случаяхъ позволяетъ пользоваться ею своимъ друзьямъ, въ другихъ предоставляетъ ее въ общее пользованіе [3]. Такъ, напримѣръ, въ Лакедэмонѣ каждый пользуется рабами другого, вродѣ какъ бы своими собственными, точно такъ же лошадьми и собаками, а въ случаѣ нужды въ съѣстныхъ припасахъ—и продуктами, получаемыми съ государственныхъ полей. Такимъ образомъ, очевидно, лучше, чтобы собственность была частною, эксплуатація же ея общею. Дѣло законодателя—провести такой порядокъ среди гражданъ [4]. 6. Помимо всего прочаго, трудно выразить словами.

---

[1]) Пословица приписывалась древними Пиѳагору. Ср. Лаертій Діогенъ, X, 11: „Эпикуръ не требовалъ, чтобы собственность была общею, какъ Пиѳагоръ, который говорилъ, что у друзей все общее; по мнѣнію Эпикура, „друзья“ стали бы относиться другъ къ другу въ данномъ случаѣ съ недовѣріемъ, а разъ они не довѣряли бы другъ другу, то и друзьями не были бы“.

[2]) Имѣются въ виду Тарентъ, Карѳагенъ, Спарта, Критъ. См. ниже.

[3]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, II, 6, 23: „нравственно совершенные люди всецѣло парализуютъ зависть тѣмъ, что свои блага они предоставляютъ въ пользованіе своихъ друзей, а блага друзей считаютъ своею собственностью“.

[4]) Ср. Платонъ, *Законы*, 740 a: „пусть произведенъ будетъ раздѣлъ земли съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждый, получившій свою долю, считалъ ее общею собственностью всего государства“. Исократъ, *Ареопагитикъ*, 35: „собственность будетъ въ безопасности въ томъ случаѣ, если она будетъ находиться у своихъ законныхъ владѣльцевъ, пользованіе же собственностью должно быть общимъ для всѣхъ нуждающихся гражданъ“.

сколько наслажденія въ сознаніи того, что нѣчто тебѣ принадлежитъ; вѣдь свойственное каждому чувство любви къ самому себѣ — не случайно, но внѣдрено въ насъ самою природою. Правда, эгоизмъ, по справедливому признанію, заслуживаетъ порицанія. Но эгоизмъ заключается не въ любви самого себя, а въ большей, чѣмъ должно, степени этой любви [1]); то же приложимо и къ корыстолюбію; склонности же къ этимъ чувствамъ повинны, такъ сказать, всѣ люди. Съ другой стороны, какъ пріятно оказывать услуги и помощь друзьямъ, знакомымъ или товарищамъ [2])! 7. Осуществленіе всего этого мыслимо, однако, лишь при условіи существованія частной собственности. Наоборотъ, у тѣхъ, кто стремится провести единеніе государства въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, все это отпадаетъ, не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ, очевидно, уничтожается возможность проявленія на дѣлѣ двухъ добродѣтелей: цѣломудрія по отношенію къ женскому полу (вѣдь воздержаніе отъ чужой женщины, основанное на чувствѣ скромности,—прекрасное дѣло) и благородной щедрости въ отношеніи своей собственности: при общности имущества для благородной щедрости, очевидно, не будетъ мѣста, да и никто не будетъ въ состояніи проявить ее на дѣлѣ, такъ какъ она сказывается именно въ возможности распоряжаться своимъ добромъ [по своему желанію].

8. Изложенная нами законодательная система можетъ показаться привлекательной на видъ, какъ основанная на гуманныхъ началахъ. Познакомившійся съ этою системою радостно ухватится за нее, думая, что при ней наступитъ достойная удивленія всеобщая любовь; въ особенности [онъ склоненъ будетъ отдать этой системѣ предпочтеніе], когда кто-либо станетъ изобличать предъ нимъ то зло, какое существуетъ въ современныхъ государствахъ изъ-за отсутствія въ нихъ общности имущества: я имѣю въ виду процессы по взысканію долговъ, разборы дѣлъ по обвиненію въ лжесвидѣтельствахъ, лесть предъ богатыми [3]).

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 732 b: „каждый человѣкъ долженъ избѣгать слишкомъ сильно любить себя“.

[2]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, IX, 9, 1169 b 10. VIII, 1, 1155 a 7 (стр. 179 сл. 145 перевода Э. Л. Радлова).

[3]) Ср. Платонъ, *Государство*, 464 d—465 c.

9. Но, на дѣлѣ-то, все это зло проистекаетъ не изъ-за отсутствія общности имущества, а вслѣдствіе нравственной испорченности людей. Не видимъ мы развѣ, что и тѣ, кто чѣмъ-либо владѣетъ и пользуется сообща, ссорятся другъ съ другомъ не менѣе тѣхъ, которые имѣютъ частную собственность? Но, по нашему наблюденію, число тѣхъ, которые ведутъ тяжбы, возникающія изъ-за совладѣнія имуществомъ, не велико въ сравненіи съ тою массою лицъ, которыя владѣютъ частною собственностью. Сверхъ того справедливость требуетъ указать не только на то, какія отрицательныя стороны исчезнутъ въ томъ случаѣ, когда собственность будетъ общею, но и какія положительныя свойства уничтожатся при этомъ. На нашъ взглядъ, самое существованіе [при такомъ порядкѣ] окажется совершенно невозможнымъ. Коренную ошибку проекта Сократа должно усматривать въ неправильности его основной предпосылки. Дѣло въ томъ, что должно требовать относительнаго, а не абсолютнаго единства какъ семьи, такъ и государства. Если это единство пойдетъ слишкомъ далеко, то и самое государство уничтожится; если даже этого и не случится, все-таки государство, по пути къ своему уничтоженію, станетъ государствомъ худшимъ, все равно, какъ если бы кто симфонію замѣнилъ унисономъ или ритмъ однимъ тактомъ. 10. Стремиться къ объединенію и обобщенію массы нужно, какъ объ этомъ сказано и ранѣе, путемъ ея воспитанія. Тотъ, кто намѣренъ воспитывать массу, кто полагаетъ, что посредствомъ воспитанія ея и государство придетъ въ хорошее состояніе, жестоко бы ошибся въ своихъ разсчетахъ, если бы сталъ исправлять государство средствами, рекомендуемыми Сократомъ, а не внѣдреніемъ добрыхъ нравовъ, философіей и законами, какъ поступилъ, напримѣръ, въ дѣлѣ установленія общности собственности законодатель въ Лакедэмонѣ и на Критѣ путемъ установленія сисситій [1]). Не должно притомъ упускать изъ вниманія, а, напротивъ, слѣдуетъ подчеркнуть то, что сисситіи не существовали бы столько времени, столь длинный рядъ лѣтъ, если бы они не оказались и на дѣлѣ прекраснымъ учрежденіемъ. Вѣдь чуть ли не все давнымъ давно изобрѣтено, но одно

[1]) Сисситіями назывались у грековъ общественныя организаціи, участвовавшія въ общей трапезѣ.

не систематизировано, другое, хотя и извѣстно людямъ, да не находитъ у нихъ примѣненія! 11. Особенно станетъ ясною [несостоятельность положенія Сократа объ единствѣ государства], если присмотрѣться къ осуществленію этого единства на практикѣ. Невозможнымъ окажется созданіе государства безъ раздѣленія и обособленія элементовъ, входящихъ въ составъ его, либо по системѣ сисситій, либо по системѣ фратрій и филъ [1]). Такимъ образомъ отъ всѣхъ законоположеній Сократа останется только одно, именно, что стражи государства не должны заниматься земледѣліемъ; это послѣднее лакедэмоняне пробуютъ проводить въ жизнь и въ настоящее время.

Какимъ же способомъ будетъ организованъ государственный порядокъ въ его цѣломъ видѣ при предполагаемомъ Сократомъ общеніи? Объ этомъ онъ и словомъ не обмолвился, да и нелегко было бы на этотъ счетъ высказаться. Хотя почти все населеніе государства, т. е. масса остальныхъ, [не принадлежащихъ къ числу стражей], гражданъ и представляетъ собою значительное большинство, но и относительно его ничего опредѣленнаго не сказано, [такъ что мы не знаемъ], должна ли и у земледѣльцевъ собственность быть общею или индивидуально-частною, равно какъ должна ли, или не должна, быть среди нихъ общность женъ и дѣтей. 12. Вѣдь если такимъ образомъ все у всѣхъ будетъ общимъ, то чѣмъ же земледѣльцы будутъ отличаться отъ стражей? Въ чемъ скажется привилегія земледѣльцевъ, обязанныхъ подчиняться власти стражей? И чего ради они будутъ подчиняться власти ихъ? Или стражи должны будутъ придумать нѣчто такое, что придумали критяне, которые, предоставивъ рабамъ всѣ права, какія они даютъ гражданамъ, запрещаютъ имъ только посѣщеніе гимназій и пріобрѣтеніе оружія? И если у гражданъ проектированнаго Сократомъ государства все будетъ организовано по образцу остальныхъ государствъ, то въ чемъ же найдетъ свое выраженіе общность гражданъ? Неизбѣжно возникнетъ въ **одномъ** государствѣ два государства, и притомъ враждебныхъ другъ другу: Сократъ, вѣдь, придаетъ стражамъ значеніе какъ бы военнаго гарнизона, земледѣльцевъ же, реме-

---

[1]) Фратріи и филы—родовыя подраздѣле... [illegible] греческихъ государствахъ.

*

сленниковъ и остальное населеніе ставитъ на положеніе граждан[1]). 13. Распри, тяжбы, все то зло, которое, по увѣренію Сократа, встрѣчается въ государствахъ,—отъ всего этого не будутъ избавлены граждане и его государства. Правда, Сократъ утверждаетъ, что воспитаніе избавитъ гражданъ отъ необходимости имѣть у себя много узаконеній, напримѣръ, узаконеній, касающихся астиноміи, агораноміи и т. п.[2]); но [Сократъ забываетъ, что, по его проекту], воспитаніе это будутъ получать только стражи. Сверхъ того, онъ предоставляетъ собственность въ пользованіе земледѣльцевъ на условіи уплаты или оброка [въ пользу стражей], хотя, очевидно, такіе собственники будутъ находиться въ болѣе стѣснительныхъ условіяхъ и окажутся болѣе притязательными, чѣмъ въ нѣкоторыхъ государствахъ являются илоты, пенесты[3]) и рабы. 14. Сократъ, впрочемъ, ничего опредѣленнаго не сказалъ объ относительной важности всего этого, равно какъ и о предметахъ, близко соприкасающихся, какъ-то: какова будетъ политическая организація земледѣльцевъ, въ чемъ будетъ заключаться ихъ воспитаніе, какіе будутъ установлены для нихъ законы. А между тѣмъ нелегко установить все это, хотя и далеко не безразлично, какова будетъ организація класса земледѣльцевъ при условіи сохраненія общенія ихъ съ классомъ стражей. Допустимъ, что жены у земледѣльцевъ будутъ общія, собственность же будетъ принадлежать каждому отдѣльно; кто будетъ управлять домомъ, подобно тому какъ мужья распоряжаются всѣмъ, относящимся до полей? А если у земледѣльцевъ и собственность и жены будутъ общія?...[4]). 15. Было бы нелѣпо искать аналогій въ данномъ случаѣ въ области животнаго царства, допуская, что жены должны заниматься тѣмъ же самымъ, чѣмъ занимаются мужья[5]); вѣдь въ животномъ царствѣ никакого домохозяйства нѣтъ.

Шатко обоснована Сократомъ также и организація магистратуръ. По его проекту, власть всегда должна находиться въ ру-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 415 d—417 b, 543 b—c.

[2]) Платонъ, *Государство*, 425 c—d.

[3]) Спеціальное обозначеніе земледѣльцевъ-колоновъ въ Ѳессаліи, приблизительно то же, что спартанскіе илоты.

[4]) Пропускъ въ текстѣ рукописи.

[5]) Ср. Платонъ, *Государство*, 451 d.

кахъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Но это служитъ источникомъ возмущенія даже у людей, не обладающихъ повышеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, не говоря уже о людяхъ горячаго и воинственнаго темперамента. Ясно, почему для Сократа необходимо, чтобы власть находилась въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ: «божественное злато» не примѣшано въ души то однихъ, то другихъ лицъ, оно всегда въ душахъ однихъ и тѣхъ же. По увѣренію Сократа, тотчасъ при рожденіи, божество однимъ стражамъ примѣшиваетъ золото, другимъ серебро, мѣдь же и желѣзо предназначены для тѣхъ, кто должны быть ремесленниками и земледѣльцами [1]). 16. А помимо того, [по утвержденію Сократа], хотя стражи и лишены блаженства, дѣло законодателя устроить такъ, чтобы все государство въ его цѣломъ было счастливымъ. Но развѣ возможно сдѣлать все государство счастливымъ, разъ большинство, входящихъ въ его составъ элементовъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ не будутъ наслаждаться счастьемъ? Вѣдь понятіе счастія не принадлежитъ къ той же категоріи, какъ понятіе четнаго числа: сумма можетъ составить четное число при наличности нечетныхъ слагаемыхъ, но при счастіи этого быть не можетъ. И если стражи не счастливы, то кто же тогда счастливъ? Вѣдь не ремесленники же и вся масса мелкихъ рабочихъ?

Итакъ, вотъ какія затрудненія, да еще и другія, не менѣе существенныя, чѣмъ указанныя, представляетъ тотъ проектъ государственнаго устроенія, о которомъ говоритъ Сократъ.

3.

1. Почти въ такомъ же положеніи обстоитъ дѣло и съ написанными [Платономъ] позже «Законами». Поэтому цѣлесообразно разсмотрѣть вкратцѣ и тотъ проектъ государственнаго устроенія, который въ этомъ сочиненіи излагается. Въ сочиненіи «О государствѣ» Сократъ коснулся вообще только немногаго: какова должна быть организанія общности женъ и дѣтей, собственности, внутренняго строя государства. Напомнимъ, что въ сочиненіи «О государствѣ» все народонаселеніе предпола-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 415 a.

гается раздѣленнымъ на два класса: 1) классъ земледѣльцевъ и 2) классъ воиновъ; третій классъ, образуемый изъ воиновъ, представляетъ собою законосовѣщательный и правительственный органъ государства. Принимаютъ ли участіе въ управленіи, и если принимаютъ, то въ чемъ именно, земледѣльцы и ремесленники, имѣютъ ли они право владѣть оружіемъ и участвовать въ походахъ вмѣстѣ съ воинами, или нѣтъ, на всѣ эти вопросы Сократъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Женщины, напротивъ, по мнѣнію Сократа, должны принимать вмѣстѣ съ воинами участіе въ походахъ и получать то же самое воспитаніе, что и стражи [1]). Впрочемъ, разсужденія Сократа наполнены не идущими къ дѣлу соображеніями какъ вообще, такъ и въ тѣхъ ихъ частяхъ, которыя касаются вопроса о характерѣ воспитанія стражей.

2. Бо́льшая часть сочиненія «О законахъ» посвящена законодательнымъ вопросамъ, о государственномъ же устроеніи тамъ сказано мало. И хотя законодатель имѣетъ въ виду представить такое государственное устроеніе, которое бы подходило для всѣхъ государствъ вообще, тѣмъ не менѣе и въ «Законахъ» все мало-по-малу сбивается опять-таки на тотъ строй, проектъ котораго изложенъ въ «Государствѣ»; помимо общности женъ и собственности, во всемъ остальномъ законодатель усвояетъ одно и то же обоимъ проектамъ: воспитаніе и здѣсь и тамъ одно и то же, равно какъ и образъ жизни, состоящій въ воздержаніи отъ необходимыхъ повседневныхъ работъ, и сисситіи—все то же самое. Различіе только въ томъ, что, по проекту, изложенному въ «Законахъ», сисситіи должны быть также и для женщинъ [2]); далѣе, по проекту «Государства», число гражданъ, могущихъ носить оружіе, опредѣлено въ тысячу человѣкъ, по проекту же «Законовъ»—въ пять тысячъ [3]).

3. Всѣ разсужденія Сократа остроумны, отличаются тонкостью и новизною мысли, заставляютъ задуматься надъ ними. Но, пожалуй, трудно было бы признать, что все въ нихъ совершенно правильно: такъ, едва ли возможно не считаться съ

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 451 e—452 a.
[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 780 e.
[3]) Точнѣе 5.400. Ср. Платонъ, *Законы*, 737 e, 740 c, 745 b.

тѣмъ, что для только что указанной массы [гражданъ, способныхъ владѣть оружіемъ], потребуется пространство земли вродѣ занимаемаго Вавилономъ или другимъ какимъ-либо огромнымъ городомъ; только при такомъ условіи пять тысячъ ничего не дѣлающихъ людей, да еще сверхъ того принадлежащая къ нимъ безчисленная толпа женщинъ и прислуги могла бы получать пропитаніе. Конечно, [при созданіи проекта идеальнаго государства], можно предполагать, по своему желанію, [все что угодно], но и въ этихъ предположеніяхъ должно все-таки не выставлять завѣдомо неисполнимаго.

4. Далѣе въ «Законахъ» говорится, что законодатель, при изданіи законовъ, долженъ считаться съ двумя объектами: землею и людьми [1]). Хорошо было бы прибавить къ этому «и мѣстности, лежащія по сосѣдству», разъ государство должно вести политическій, а не изолированный образъ жизни; вѣдь государству неизбѣжно приходится пользоваться не только вооруженными силами, пригодными для защиты собственной территоріи, но и тѣми, посредствомъ которыхъ можно дѣйствовать внѣ ея предѣловъ. И если даже кто-либо не одобряетъ такого образа жизни, какъ не соотвѣтствующаго ни въ общемъ, ни въ частностяхъ идеѣ государства, тѣмъ не менѣе все-таки должно вселять страхъ врагамъ не только при ихъ вторженіи въ государственную территорію, но и когда они далеко [2]).

5. И относительно размѣра земельной собственности нужно еще сообразить, не лучше ли опредѣлить его точнѣе, [чѣмъ это указано въ «Законахъ»], гдѣ сказано, что размѣръ этой собственности долженъ быть такимъ, чтобы можно было жить скромно, все равно, какъ если бы кто подъ этимъ «скромно» понималъ «жить въ довольствѣ» [3]). Но такое опредѣленіе слишкомъ уже обще; да и сверхъ того можно жить скромно и все-таки испытывать недохватки. Поэтому лучше было бы дать такое опредѣленіе: жить скромно, но такъ, какъ это свойственно благородно-щедрому человѣку; ибо если выдѣлить одно изъ этихъ условій, то въ од-

---

[1]) Аристотель могъ вывести это изъ разсужденій въ *Законахъ*, 625 c, 704—709, 749 d, 842 c—e.

[2]) Слѣдую поправкѣ Бендера ἀποῦσιν вмѣсто рукописнаго ἀπελθοῦσιν.

[3]) Ср. *Законы*, 737 d.

номъ случаѣ въ результатѣ получится жизнь въ роскоши, въ другомъ—жизнь полная тяжелыхъ трудовъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, однѣ только указанныя добродѣтели, [т.-е. скромность и благородная щедрость], и могутъ быть принимаемы въ соображеніе при вопросѣ объ утилизаціи собственности; относиться къ собственности, напримѣръ, слишкомъ бережливо или слишкомъ расточительно нельзя, пользоваться же ею въ границахъ скромности и благородной щедрости можно. Такимъ образомъ, неизбѣжно должны быть принимаемы во вниманіе тѣ же условія и при утилизаціи собственности. 6. Странно и то, что проектъ «Законовъ», уравнивая собственность, не даетъ указаній относительно количества гражданъ, а, наоборотъ, допускаетъ возможность безпредѣльнаго дѣторожденія, предполагая, что, сколько бы ни рождалось дѣтей, дѣторожденіе все-таки будетъ стоять въ опредѣленной уравнительной нормѣ къ массѣ населенія, такъ какъ нѣкоторые браки окажутся бездѣтными, что и теперь наблюдается въ государствахъ [2]). Но это въ данномъ случаѣ не вполнѣ точно, принимая во вниманіе то положеніе, которое создается въ государствѣ, [проектированномъ въ «Законахъ»], и то, которое мы видимъ теперь: теперь никто не испытываетъ нужды, такъ какъ собственность дѣлится между массою, какъ бы велика она ни была, въ проектѣ же государства въ «Законахъ», гдѣ собственность не подлежитъ раздѣлу, всѣ сверхкомплектные, очевидно, не будутъ имѣть ничего, мало ли ихъ будетъ или много. 7. Пожалуй, кто-либо подумаетъ, что должно поставить предѣлъ скорѣе для дѣторожденія, нежели для собственности, такъ, чтобы не рождалось дѣтей сверхъ какого-либо опредѣленнаго числа [3]). Но и это число можно было бы опредѣлить не точно, а считаясь со всякаго рода случайностями, напримѣръ, съ тѣмъ, что нѣко-

---

[1]) Ср. Θеопомпъ, fr.110 (FHG. I, 295 M): „ни благо, ни зло не приходитъ къ людямъ само по себѣ; но богатство и власть вызываетъ и ведетъ къ потерѣ разсудка, а всилу этого и къ своеволію, бѣдность же и подчиненность влекутъ за собою скромность и умѣренность“.

[2]) Ср. *Законы*, 740 b.

[3]) Ср. Платонъ, *Государство*, 460 a: „установить количество браковъ мы предоставимъ правительству, чтобы оно преимущественно наблюдало за сохраненіемъ одного и того же числа мужей (гражданъ), считаясь при этомъ съ потерями во время войны, болѣзней и т. под.“.

торые изъ новорожденныхъ умрутъ, или нѣкоторые браки окажутся бездѣтными. Если же [вопросъ о приростѣ населенія] оставить безъ вниманія, что̀ бываетъ въ остальныхъ государствахъ, то это неизбѣжно поведетъ къ обѣднѣнію гражданъ, а бѣдность—источникъ возмущеній и преступленій. Вотъ почему коринѳянинъ Фидонъ, одинъ изъ древнѣйшихъ законодателей, полагалъ, что количество семейныхъ надѣловъ должно всегда оставаться равнымъ числу гражданъ, хотя бы первоначально всѣ имѣли неравные по размѣру надѣлы [1]). Въ «Законахъ» же дѣло обстоитъ совершенно иначе; но о томъ, какъ, по нашему мнѣнію, оно должно быть наилучше организовано, мы скажемъ впослѣдствіи [2]).

8. Въ «Законахъ» оставленъ также безъ вниманія вопросъ о томъ, какимъ образомъ правящіе будутъ отличаться отъ подчиненныхъ. Объ этомъ сказано только слѣдующее: какъ въ ткани основа дѣлается изъ другой шерсти, чѣмъ вся нить, такъ точно такое же отношеніе должно быть и у правящихъ къ управляемымъ [3]). Но если допустить увеличеніе всякаго рода собственности до пяти разъ, то почему не положить какого-либо предѣла и относительно земельной собственности [4]). Должно также обратить вниманіе и на [проектируемое въ «Законахъ»] раздробленіе того участка, на которомъ возведены строенія, какъ бы это раздробленіе не причинило ущерба хозяйству (вѣдь проектъ удѣляетъ каждому два отдѣльно лежащихъ участка для строеній, а жить на два дома—дѣло трудное) [5]).

9. Государственная организація въ ея цѣломъ не является, по проекту «Законовъ», ни демократіей ни олигархіей, но занимаетъ посредствующее мѣсто между ними и носитъ названіе

---

[1]) Время дѣятельности Фидона коринѳскаго относится, вѣроятно, къ первой половинѣ VII вѣка до Р. Хр. См. Пёльманъ, 72.

[2]) См. VII книгу.

[3]) Ср. *Законы*, 734 е.

[4]) Ср. *Законы*, 744 е: „законодатель, назначивъ размѣръ надѣла, дозволитъ пріобрѣтать въ собственный надѣлъ двойной и тройной, до четверного" (по сравненію съ основнымъ надѣломъ). Слова Аристотеля „до пяти разъ" нужно понимать въ смыслѣ: основной надѣлъ плюсъ увеличенный надѣлъ въ четыре раза.

[5]) Ср. *Законы*, 745 е.

политіи; въ ея составъ входятъ только тѣ, кто имѣетъ право носить оружіе. Если законодатель считаетъ эту форму правленія за наиболѣе пригодную, сравнительно съ остальными формами, для государства, то его утвержденіе, пожалуй, правильно; но если онъ считаетъ ее ближе всего подходящей къ той формѣ, которую онъ называетъ первой, [т.-е. идеальной], то тутъ онъ ошибается [1]): легко можетъ найтись и такой человѣкъ, который станетъ болѣе восхвалять лакедэмонское государственное устройство или какое-либо иное съ еще болѣе сильно выраженнымъ аристократическимъ характеромъ. 10. Нѣкоторые утверждаютъ, что наилучшая форма государственнаго строя должна состоять изъ соединенія всѣхъ формъ; поэтому-то они и отдаютъ предпочтеніе лакедэмонскому государственному устройству, которое, по ихъ увѣренію, состоитъ изъ олигархіи, монархіи и демократіи: царская власть въ Лакедэмонѣ олицетворяетъ собою монархію, власть геронтовъ — олигархію, демократическій же элементъ проявляется во власти эфоровъ, такъ какъ послѣдніе избираются изъ народа; по утвержденію другихъ, эфорія представляетъ собою тираннію, демократическій же элементъ они усматриваютъ въ сисситіяхъ и въ остальномъ повседневномъ обиходѣ жизни. 11. Въ «Законахъ» же говорится, что наилучшая форма государственнаго устроенія должна состоять изъ слiянія [крайней] демократіи и тиранніи; но эти послѣднія врядъ ли кто-либо станетъ считать вообще формами государственнаго устройства, а если бы кто и сталъ признавать ихъ таковыми, то долженъ былъ бы признать ихъ за наихудшія изъ всѣхъ. Итакъ, правильнѣе сужденіе тѣхъ, которые полагаютъ, что наилучшею формою государственнаго устроенія является соединеніе нѣсколькихъ формъ между собою, потому что тотъ государственный строй, который состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ формъ, является дѣйствительно лучшимъ.

Далѣе, [проектированная въ «Законахъ» политія], повидимому, не содержитъ въ себѣ никакого монархическаго элемента, а лишь элементы олигархическій и демократическій, причемъ она скорѣе даже имѣетъ тенденцію склоняться въ сторону олигархіи. Это ясно изъ способа назначенія магистратовъ: то, что они на-

---

[1]) Ср. *Законы*, 739 е.

значаются по жребію изъ числа избранныхъ, роднитъ этотъ способъ и съ демократіей и съ олигархіей [1]); но то, что лишь обладающіе большимъ имущественнымъ цензомъ обязаны принимать участіе въ народномъ собраніи, назначать магистратовъ и вообще заниматься государственными дѣлами, другіе же граждане устранены отъ этого,—все это подходитъ скорѣе къ олигархіи, равно какъ стремленіе къ тому, чтобы бо̀льшая часть магистратовъ назначалась изъ зажиточныхъ лицъ, а самыя главныя изъ должностей замѣщались лицами съ наивысшимъ имущественнымъ цензомъ [2]). 12. Способъ пополненія членовъ совѣта законодатель устанавливаетъ также на олигархическій манеръ [3]): [при первомъ избраніи] въ выборахъ участвуютъ непремѣнно лица, принадлежащія къ первому классу, затѣмъ снова такимъ же образомъ лица второго класса, далѣе третьяго; въ послѣднемъ случаѣ, однако, въ выборахъ должны участвовать не всѣ лица третьяго или четвертаго классовъ; [въ выборахъ членовъ совѣта] изъ четвертаго класса должны принимать участіе исключительно лица, принадлежащія къ первымъ двумъ классамъ. Затѣмъ, говоритъ законодатель, изъ избранныхъ такимъ образомъ должно быть назначено одинаковое число отъ каждаго класса. При такой организаціи выборовъ большинство, очевидно, составятъ лица, принадлежащія къ высшимъ имущественнымъ классамъ, и они будутъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ, такъ какъ нѣкоторыя лица изъ низшихъ классовъ не будутъ принимать участія въ выборахъ, не будучи къ нимъ привлекаемы.

13. Что такого рода государственный строй не будетъ представлять собою соединенія демократическаго и монархическаго элементовъ, ясно изъ вышесказаннаго и станетъ еще очевиднѣе изъ имѣющаго быть приведеннымъ ниже, когда мы дойдемъ до изслѣдованія подобнаго рода государственнаго строя вообще. Относительно же избранія магистратовъ нужно еще замѣтить, что, когда выборы происходятъ изъ намѣченныхъ заранѣе кандидатовъ, создается также рискованное положеніе: если извѣстное число лицъ, даже и незначительное, пожелаетъ войти между собою въ

---

[1]) Ср. *Законы*, 756 e, 763 e, 765 b сл.

[2]) Ср. *Законы*, 764 a, 765 c.

[3]) Ср. *Законы*, 756 b сл.

предварительное соглашеніе, всегда выборы будутъ совершаться такъ, какъ эти лица того пожелаютъ.

Вотъ каковъ характеръ государственнаго строя, изложеннаго въ «Законахъ».

4.

1. Имѣются также и другіе проекты государственныхъ устройствъ, предложенные съ одной стороны, частными лицами, съ другой — философами и политическими дѣятелями. Всѣ эти проекты стоятъ ближе, нежели проекты, изложенные въ «Государствѣ» и «Законахъ», къ существующимъ формамъ государственнаго строя, которыя и лежатъ въ основѣ современныхъ государствъ. Ни одинъ изъ авторовъ указанныхъ проектовъ не вводилъ такихъ новшествъ, какъ общность дѣтей и женъ, или женскія сисситіи [1]); напротивъ, всѣ эти проекты предпочтительно исходятъ изъ потребностей, предъявляемыхъ жизнью. Нѣкоторымъ изъ авторовъ этихъ проектовъ наиболѣе существеннымъ представляется правильное урегулированіе всего, относящагося къ собственности, такъ какъ всякаго рода внутренніе безпорядки, говорятъ авторы этихъ проектовъ, возникаютъ именно изъ-за вопросовъ, касающихся собственности.

Поэтому-то Фалей халкедонскій первый сдѣлалъ на этотъ счетъ такое предложеніе: вся земельная собственность гражданъ, говоритъ онъ, должна быть равною [2]). 2. По мнѣнію Фалея, та-

---

[1]) Киникъ Діогенъ, по свидѣтельству Лаертія Діогена (VI, 72), „говорилъ, что жены должны быть общія и не признавалъ никакого брака, но кто какую женщину убѣдилъ сойтись съ собою, тотъ пусть съ нею и сходится; поэтому и сыновья должны быть общими“. Если такого рода взгляды были высказаны Діогеномъ въ приписываемой ему „Политіи“, то, очевидно, Аристотель не зналъ ея. Или, можетъ быть, „Политія“ Діогена только слыла подъ его именемъ, и появилась позднѣе „Политики“ Аристотеля. Мысли объ общности женъ проводятся въ „Женскомъ Народномъ Собраніи“ Аристофана (ср. Пёльманъ *Исторія античнаго коммунизма и соціализма*, 296 сл. Б. В. Варнеке, *Женскій вопросъ на аѳинской сценѣ*, Казань 1905. В. П. Бузескулъ, *Историческіе этюды*, Спб. 1910), но это — комедія, а не „политія“, и Аристотель считалъ себя въ правѣ съ нею не считаться.

[2]) Свѣдѣнія о Фалеѣ исчерпываются данными Аристотеля въ „Политикѣ“. Полагаютъ, что Фалей издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе, быть

кое уравненіе собственности нетрудно провести въ моментъ образованія государствъ; послѣ ихъ образованія устроить это труднѣе, хотя все-таки какъ можно скорѣе нужно было бы уравнять собственность, и вотъ какимъ образомъ: богатые, [при выдачѣ своихъ дочерей замужъ], должны давать приданое за ними; но [когда богатые женятся на богатыхъ], они приданаго получать не должны; и наоборотъ, бѣдные [въ подобныхъ случаяхъ] приданаго не даютъ, но его получаютъ.

Платонъ, сочиняя свои «Законы», полагалъ, что должно допустить увеличеніе собственности до извѣстнаго предѣла, а именно: никому изъ гражданъ, какъ объ этомъ упомянуто уже выше, не должно быть дозволено пріобрѣтать собственность болѣе чѣмъ въ пять разъ того минимума ея, какимъ онъ владѣетъ. 3. Вводящіе такого рода законоположенія не должны упускать изъ виду (а Платонъ въ данномъ случаѣ поступаетъ какъ разъ вопреки этому), что, устанавливая норму собственности, нужно также опредѣлить и нормальное число дѣтей: если число дѣтей будетъ превосходить размѣры собственности, то въ результатѣ законъ неминуемо утратитъ свою силу; да и помимо того плохо будетъ, что многіе изъ богачей превратятся въ бѣдняковъ, а послѣдніе врядъ ли удержатся отъ того, чтобы не стремиться измѣнить свое положеніе на лучшее. 4. Что уравненіе собственности имѣетъ свое значеніе въ государственномъ общеніи, это, повидимому, ясно сознавали и нѣкоторые изъ древнихъ законодателей. Такъ, напримѣръ, Солонъ установилъ законъ, дѣйствующій также и въ другихъ государствахъ, по которому запрещается пріобрѣтеніе земли въ какомъ - угодно количествѣ. Равнымъ образомъ нѣкоторые законы воспрещаютъ продажу собственности; такъ у локрійцевъ [1]) существуетъ законъ, запрещающій продажу собственности, если къ тому не побуждаетъ очевидная нужда. [Есть также законъ], касающійся охраненія исконныхъ земельныхъ надѣловъ. Нарушеніе подобнаго закона на Левкадѣ [2]) повело къ тому, что ея государственный строй сталъ слишкомъ демократи-

---

можетъ, даже ранѣе „Государства“ Платона. См. Пёльманъ, *Исторія античнаго коммунизма и соціализма*, 120.

[1]) Вѣроятно, жившихъ въ южной Италіи.

[2]) Одинъ изъ Іонійскихъ острововъ.

ческимъ: требовавшійся ранѣе опредѣленный цензъ для замѣщенія магистратуръ съ того момента утратилъ свою силу. 5. Но допустимъ возможность осуществленія имущественнаго равенства; въ такомъ случаѣ оно будетъ или чрезмѣрно велико, такъ что повлечетъ за собою роскошь, или, наоборотъ, окажется чрезвычайно малымъ, такъ что жизнь будетъ жалкая. Отсюда ясно, что законодателю недостаточно еще уравнять собственность; онъ долженъ найти ея среднюю цифру. Но если даже кто-либо и установилъ бы такую среднюю цифру собственности для всѣхъ, пользы въ этомъ не было бы никакой, потому что скорѣе уже слѣдуетъ уравнивать людскіе вожделѣнія, а не собственность [1]. А этого возможно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, когда граждане будутъ надлежащимъ образомъ воспитаны посредствомъ законовъ.

6. На это Фалей, быть можетъ, сказалъ бы, что и онъ согласенъ съ этимъ положеніемъ, такъ какъ, и по его мнѣнію, равенство должно осуществляться въ государствахъ въ двоякомъ отношеніи: въ отношеніи имущественнаго владѣнія и въ отношеніи воспитанія. Но Фалей долженъ былъ бы указать, въ чемъ же это воспитаніе будетъ заключаться; а если воспитаніе будетъ для всѣхъ одно и то же, то тутъ нѣтъ никакой пользы. Возможно, оно и будетъ однообразно для всѣхъ, но характеръ-то его будетъ таковъ, что, и получивъ его, граждане все-таки станутъ стремиться домогаться денегъ или почестей, либо того и другого вмѣстѣ. 7. Да еще сверхъ того будутъ волноваться не только вслѣдствіе имущественнаго неравенства, но и вслѣдствіе неравенства въ оказываемыхъ имъ почестяхъ. Волненія же въ обоихъ этихъ случаяхъ бываютъ діаметрально противоположными: толпа волнуется изъ-за имущественнаго неравенства, а люди интеллигентные изъ-за почестей, въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ для всѣхъ равными. Объ этомъ говоритъ и поэтъ: «та-жь и единая честь воздается и робкимъ и храбрымъ» [2]). Люди поступаютъ не-

---

[1]) Ср. Сенека, *Письмо* 2: „не тотъ бѣденъ, кто малымъ владѣетъ, но тотъ бѣденъ, кто большаго желаетъ“.

[2]) *Иліада*, IX, 319. Ср. Платонъ, *Законы*, 756 е: „рабы и господа никогда не могли бы быть друзьями, все равно что плохіе и хорошіе люди, занимающіе одинаковое почетное положеніе“.

справедливо по отношенію другъ къ другу не только изъ-за неравенства въ предметахъ первой необходимости (противоядіе этому Фалей и усматриваетъ въ уравненіи собственности, такъ что людямъ не придется прибѣгать къ грабежу отъ холода, либо бѣдности), но также и потому, что они хотятъ жить въ радости и удовлетворять свои желанія. Если люди будутъ стремиться имѣть больше, чѣмъ то вызывается насущною необходимостью, они станутъ обижать другихъ именно въ видахъ удовлетворенія этого своего стремленія, да и не только ради этого одного, но также и для того, чтобы жить въ радости, среди наслажденій, безъ горестей. 8. Какое лекарство поможетъ противъ этихъ трехъ золъ? Въ одномъ случаѣ—обладаніе небольшой собственностью и трудъ, въ другомъ—скромность; что же касается третьяго случая, то если бы кто-либо пожелалъ найти радость въ самомъ себѣ, ему пришлось бы прибѣгнуть только къ одному средству — къ философіи, такъ какъ для достиженія остальныхъ средствъ потребно содѣйствіе людей. Величайшія преступленія совершаются людьми вслѣдствіе стремленія ихъ къ преизбытку, а не къ предметамъ первой необходимости; такъ, напримѣръ, люди становятся тираннами не для того, чтобы тѣмъ самымъ избѣгнуть холода; поэтому-то и большія почести назначаются не тому, кто убьетъ вора, но тому, кто убьетъ тиранна. Такимъ образомъ, предлагаемый Фалеемъ проектъ государственнаго устроенія можетъ принести пользу только въ качествѣ защиты отъ мелкихъ несправедливостей.

9. Сверхъ того Фалей желаетъ главнымъ образомъ устроить свое государство такъ, чтобы въ немъ граждане, въ нихъ взаимныхъ отношеніяхъ, жили прекрасно. Но должно, вѣдь, не упускать изъ виду и отношеній ихъ къ сосѣдямъ и всѣмъ иноземнымъ государствамъ. Необходимо также при организаціи государственнаго строя обратить вниманіе на военную силу. А объ этомъ Фалей не обмолвился ни однимъ словомъ, равно какъ и о матеріальныхъ средствахъ государства. Между тѣмъ нужно, чтобы этихъ средствъ было достаточно не только для внутреннихъ потребностей государства, но также и на случай опасностей извнѣ. Поэтому матеріальныя средства государства не должны быть такими, чтобы они могли возбуждать алчные аппетиты со стороны болѣе сильныхъ сосѣдей, причемъ государство

своими средствами не было бы въ состояніи отразить ихъ поползновенія; съ другой стороны, этихъ средствъ должно быть достаточно, чтобы имѣть возможность выдержать войну съ государствами, обладающими равными по количеству и по качеству средствами. 10. Фалей не представилъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній; между тѣмъ не должно упускать изъ виду и того, въ какомъ количествѣ обладаніе имуществомъ бываетъ полезно. Быть можетъ, лучшимъ предѣломъ въ этомъ отношеніи былъ бы такой, при которомъ болѣе сильные не находили бы выгоды воевать ради пріобрѣтенія себѣ излишка, но все-таки воевали бы и въ томъ случаѣ, если бы ихъ противники и не имѣли большихъ матеріальныхъ средствъ. Напримѣръ, Евбулъ совѣтывалъ Автофрадату, когда послѣдній собирался осадить Атарней [1]), сообразить, въ теченіе какого времени это укрѣпленіе можетъ быть взято и соотвѣтственно съ этимъ разсчитать [связанные съ осадой] расходы, соглашаясь при этомъ эвакуировать Атарней за сумму меньше той, въ какую обойдется осада. Такое предложеніе побудило Автофрадата, поразмысливъ дѣло, отказаться отъ осады Атарнея [2]). 11. Итакъ, имущественное равенство представляется до нѣкоторой степени полезнымъ во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ, устраняя между ними несогласія, но, говоря вообще, большого значенія оно никоимъ образомъ не имѣетъ. Вѣдь люди интеллигентные станутъ, пожалуй, негодовать на такое равенство, считая его недостойнымъ себя; потому-то, кажется, они и бываютъ зачастую зачинщиками возмущеній. Къ тому же людская алчность ненасытима: сначала имъ довольно и двухъ оболовъ [3]), а когда они къ этимъ двумъ оболамъ привыкнутъ, то имъ всегда будетъ нужно больше, и такъ до безконечности пойдутъ ихъ притязанія. Дѣло въ томъ, что вожделѣнія людей, по природѣ, безпредѣльны, а въ удовлетвореніи этихъ вожделѣній и проходитъ жизнь большинства людей. 12. При такомъ положеніи вещей выдвигается принципъ болѣе важ-

---

[1]) Городъ на эолійскомъ побережьѣ Малой Азіи.

[2]) Осада Атарнея, находившагося подъ властью Евбула, вифинскаго властителя, персидскимъ полководцемъ Автофрадатомъ происходила между 360—350 гг.

[3]) Мелкая монета, примѣрно 4 коп.

ный, чѣмъ уравненіе собственности: нужно настроить дѣло такъ, чтобы люди интеллигентные по своей природѣ не желали имѣть больше, а люди мало развитые не имѣли и возможности [желать этого]. А это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда они будутъ слабѣе, но никто не будетъ ихъ обижать. Къ тому же Фалей и неправильно проектировалъ имущественное равенство: онъ уравниваетъ только земельную собственность; но вѣдь богатство заключается и въ обладаніи рабами, стадами, деньгами, въ разнообразныхъ предметахъ такъ называемаго домашняго обихода. Такимъ образомъ, нужно стремиться установить во всемъ этомъ либо равенство, либо какую-либо среднюю мѣру, а не то—все оставить какъ оно есть. 13. Изъ проектированнаго Фалеемъ законодательства оказывается также, что онъ имѣетъ въ виду организацію небольшого государства, разъ, по его проекту, всѣ ремесленники станутъ государственными рабами и не будутъ составлять добавочный къ гражданскому населенію классъ. Но если всѣ работающіе для нуждъ государства должны быть государственными рабами, то получится нѣчто подобное тому, что существуетъ въ Эпидамнѣ [1]), или что намѣревался ввести въ свое время въ Аѳинахъ Діофантъ [2]).

На основаніи всего вышеизложеннаго всякій можетъ судить, что въ государственномъ устроеніи Фалея проектировано хорошо, что—плохо.

5.

1. Ипподамъ, сынъ Еврифонта, уроженецъ Милета, — тотъ самый, который изобрѣлъ распланировку городовъ [по улицамъ или кварталамъ] и раздѣлилъ [прямыми улицами] Пирей, который и вообще въ образѣ жизни, движимый честолюбіемъ, склоненъ былъ къ слишкомъ большой эксцентричности, такъ что, нѣкоторымъ казалось, онъ былъ болѣе занятъ своею густою шевелюрою и ея прической, а также одеждой простой и теплой не только въ зимнее, но и въ лѣтнее время—, желая показать себя ученымъ знатокомъ природы въ ея цѣломъ, первый изъ

[1]) Городъ на иллирійскомъ побережьѣ.

[2]) Діофантъ—выдающійся аѳинскій государственный дѣятель второй четверти IV вѣка до Р. Хр.

частныхъ людей попробовалъ изложить кое-что о наилучшемъ государственномъ устроеніи [1]).

2. По проекту Ипподама, государство заключаетъ въ себѣ 10.000 гражданъ и дѣлится на три класса: первый образуютъ ремесленники, второй — земледѣльцы, третій, на обязанности котораго лежитъ защита государства, — воины. Территорія государства также дѣлится на три части: священную, общественную и частную. Священная часть территоріи—та, съ доходовъ которой долженъ быть отправляемъ установленный религіозный культъ; общественная часть—та, съ доходовъ которой должны получать средства къ существованію защитники государства; наконецъ, третья часть находится въ частномъ владѣніи земледѣльцевъ [2]). По мнѣнію Ипподама, и законы существуютъ только трояваго вида, въ соотвѣтствіи съ категоріями тѣхъ преступленій, которыя влекутъ за собою судебные процессы; эти преступленія суть: оскорбленіе чести, нарушеніе права собственности и смертоубійство. 3. Ипподамъ проектировалъ учредить и одно верховное судилище, куда должны были быть переносимы разбирательства по всѣмъ дѣламъ, рѣшеннымъ, по мнѣнію тяжущихся, неправильно. Въ этомъ судилищѣ, по проекту Ипподама, должно состоять опредѣленное число старцевъ, назначаемыхъ путемъ избранія. Судебныя рѣшенія въ судахъ должны, по мнѣнію Ипподама, происходить не посредствомъ подачи голосовъ: каждый судья приноситъ съ собою дощечку, на которой написано «виновенъ», если судья безусловно обвиняетъ подсудимаго, а если онъ его безусловно оправды-

---

1) Время дѣятельности Ипподама—средина V в. до Р. Хр.

2) Такое предпочтеніе къ дѣленію на **три** части Ипподамъ, можетъ быть, заимствовалъ у Іона Хіосскаго, современника Эсхила, Софокла и Еврипида, который въ своемъ сочиненіи *Тройная борьба* говоритъ: „моей рѣчи начало такое: все—это три, не больше ни меньше этихъ трехъ. Превосходство каждаго индивида—троица: разумъ, сила, счастливый случай“ (Diels, Vorsokratiker [1], p. 230). Ср. Исократъ, *Объ обмѣнѣ имуществъ*, 268: „изъ древнихъ мудрецовъ одинъ утверждалъ, что масса безпредѣльна, Эмпедоклъ говорилъ, что она состоитъ изъ четырехъ частей, которыя пребываютъ въ распрѣ и дружбѣ, а Іонъ стоялъ за то, что такихъ частей не болѣе трехъ“. То же ученіе о троицѣ встрѣчается, впрочемъ, и у пиѳагорейцевъ, ср. Аристотель, *О небѣ*, I, 268 a 10: „пиѳагорейцы утверждаютъ, что все и вся опредѣляется тремя элементами“.

вает, то дощечка оставляется пустою; въ случаяхъ же условнаго осужденія или оправданія и то и другое рѣшеніе надлежитъ точно мотивировать. Современныя законоположенія, касающіяся судебныхъ разбирательствъ, были, по мнѣнію Ипподама, далеко несовершенны: произнося только либо обвинительный, либо оправдательный приговоръ, судьямъ, неизбѣжно, приходится поступать противъ данной ими присяги [судить по совѣсти]. 4. Сверхъ того Ипподамъ устанавливалъ законъ касательно тѣхъ, кто изобрѣтаетъ что-либо полезное для государства: такія лица должны получать почести; точно такъ же дѣти павшихъ на войнѣ должны быть воспитываемы на казенный счетъ. Но въ этомъ послѣднемъ законоположеніи Ипподама ничего новаго нѣтъ, такъ какъ такого рода законъ и въ настоящее время существуетъ и въ Аѳинахъ и въ другихъ государствахъ. Всѣ магистраты, по проекту Ипподама, должны быть избираемы народомъ, т.-е. тѣми тремя частями государства, о которыхъ упомянуто выше. Избранные магистраты обязаны имѣть попеченіе о дѣлахъ, касающихся государства, равно какъ о дѣлахъ, относящихся къ иноземцамъ и сиротамъ.

Вотъ почти всѣ наиболѣе примѣчательные пункты проекта государственнаго строя Ипподама. 5. Прежде всего поставитъ, пожалуй, кое-кого въ тупикъ проектируемое Ипподамомъ раздѣленіе гражданскаго населенія. Въ управленіи государствомъ принимаютъ участіе всѣ—и ремесленники и земледѣльцы и воины. Между тѣмъ земледѣлецъ не имѣетъ права носить оружіе, ремесленники не имѣютъ ни оружія ни земли, такъ что оказываются почти рабами по отношенію къ имѣющимъ право носить оружіе. Невозможно, слѣдовательно, допустить, чтобы земледѣльцы и ремесленники могли обладать всею совокупностью гражданскихъ правъ, такъ какъ необходимо назначать и стратеговъ и охранителей гражданъ [1]) и, вообще говоря, верховныхъ магистратовъ изъ лицъ, имѣющихъ право носить оружіе. А не принимающіе участія въ государственномъ управленіи могутъ ли любовно относиться къ самому государственному строю? 6. Но, съ другой стороны, лица, имѣющія право носить оружіе, должны быть и силь-

---

[1]) Πολιτοφύλακες—упоминаются въ ѳессалійской Ларисѣ; въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся городская администрація.

*

нѣе лицъ, принадлежащихъ къ первымъ двумъ классамъ. А это дѣло нелегкое въ томъ случаѣ, если классъ лицъ, носящихъ оружіе, немногочисленъ. Если же этотъ классъ будетъ сильнѣе, то къ чему остальнымъ гражданамъ принимать участіе въ государственномъ управленіи и имѣть правомочія въ назначеніи магистратовъ? Далѣе чѣмъ полезны для государства земледѣльцы? Ремесленники должны существовать, такъ какъ всякое государство въ нихъ нуждается, но они могутъ, какъ и въ остальныхъ государствахъ, существовать на доходы со своего ремесла. Земледѣльцы же только въ такомъ случаѣ могли бы на законномъ основаніи составлять часть государства, если бы они доставляли пропитаніе классу лицъ, имѣющихъ право носить оружіе; а по проекту Ипподама, земледѣльцы владѣютъ своими земельными участками на правахъ частной собственности, и эти участки будутъ воздѣлывать лично для себя. 7. Сверхъ того, если защитники государства сами будутъ воздѣлывать ту часть государственной территоріи, съ которой они будутъ получать средства къ жизни, то классъ воиновъ не будетъ отличаться отъ класса земледѣльцевъ, какъ того желаетъ законодатель. А если будетъ еще классъ, отличный отъ обработывающихъ землю лично для себя и отъ воиновъ, то получится въ государствѣ новая четвертая часть населенія, не принимающая участія ни въ чемъ, стоящая въ сторонѣ отъ управленія государствомъ. Если же устроить дѣло такъ, чтобы одни и тѣ же лица воздѣлывали и участки, принадлежащіе частнымъ лицамъ, и участки, составляющіе собственность государства, то, во-первыхъ, не хватитъ отъ обработки земли отдѣльнымъ лицомъ такого количества продуктовъ, которое было бы достаточно для двухъ семей, а во-вторыхъ, почему этимъ отдѣльнымъ лицамъ не получать свое пропитаніе и доставлять его воинамъ непосредственно отъ своей земли и отъ своихъ надѣловъ? Во всемъ этомъ немало путаницы.

8. Не лучше обстоитъ дѣло и съ закономъ Ипподама о судебномъ разбирательствѣ. По этому закону требуется, чтобы приговоръ былъ постановленъ обвинительный или оправдательный, разъ дѣлу, подлежащему разбору, придана абсолютная формулировка; такимъ образомъ, судья обращается въ простого посредника. Такой порядокъ можетъ быть осуществленъ при третейскомъ разбирательствѣ, и даже въ томъ случаѣ, когда третей-

скихъ судей нѣсколько, такъ какъ они могутъ придти къ взаимному соглашенію относительно приговора. Но въ судахъ такому порядку мѣста нѣтъ; напротивъ, большинство законодателей принимаютъ мѣры къ тому, чтобы судьи не сообщали своего рѣшенія другъ другу [1]). 9. Далѣе, развѣ не будетъ сумбурнымъ приговоръ въ томъ случаѣ, когда, по мнѣнію судьи, подсудимый хотя и долженъ уплатить извѣстную сумму, но не такую, какую взыскиваетъ съ него тяжущійся? Послѣдній взыскиваетъ съ подсудимаго 20 минъ, а одинъ судья присудитъ его къ уплатѣ десяти минъ (или судья постановитъ бо́льшую сумму, а взыскивается меньшая), другой—пяти, третій—четырехъ; такимъ способомъ судьи, очевидно, станутъ дробить сумму, такъ что одни присудятъ къ уплатѣ всей суммы, а другіе не присудятъ ничего. Какъ производить въ данномъ случаѣ подсчетъ голосовъ? Сверхъ того, никто не принуждаетъ судью къ лжеприсягѣ, разъ онъ безусловно оправдываетъ или обвиняетъ, если только жалоба написана просто, по правильной формѣ: вынесшій оправдательный приговоръ не постановляетъ, что обвиняемый ничего не долженъ, но только то, что онъ не долженъ 20 минъ; но тотъ судья, который, не будучи убѣжденъ въ томъ, что обвиняемый долженъ 20 минъ, все-таки выноситъ обвинительный приговоръ, оказывается уже клятвопреступникомъ.

10. Что касается предложенія Ипподама о необходимости воздавать какой-либо почетъ тѣмъ лицамъ, которыя изобрѣтаютъ что-либо полезное для государства, то на этотъ счетъ не безопасно вводить узаконеніе. Такого рода предложенія лишь на видъ очень красивы, а на самомъ дѣлѣ они могутъ повести къ ложнымъ доносамъ и даже, смотря по обстоятельствамъ, къ потрясеніямъ государственнаго строя.

Впрочемъ этотъ пунктъ [въ проектѣ Ипподама] соприкасается съ другою проблемою и требуетъ самостоятельнаго обсужденія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые еще колеблются въ рѣшеніи вопроса, вредно или полезно для государствъ измѣнять отеческіе законы даже въ томъ случаѣ, если какой-либо новый законъ и

---

[1]) Платонъ, *Законы*, 876 а, упоминаетъ о государствѣ, въ которомъ „суды плохіе и негласные, тайно совершающіе свои рѣшенія, тайно постановляющіе приговоры“.

окажется лучше существующаго[1]). Потому-то нелегко тотчасъ же согласиться съ указаннымъ выше предложеніемъ Ипподама, разъ вообще оказывается безполезнымъ трогать [существующій государственный строй]: можетъ оказаться, что кто-либо, яко бы въ интересахъ общаго блага, внесетъ предложенія объ отмѣнѣ [существующихъ] законовъ или государственнаго строя.

11. Упомянувъ, однако, объ этомъ предметѣ, правильнѣе будетъ распространиться о немъ вкратцѣ и еще. Рѣшеніе вопроса, какъ мы сказали, представляетъ затрудненіе. Можетъ показаться, что движеніе—состояніе лучшее, [чѣмъ покой]. И правда, въ остальныхъ дисциплинахъ всякаго рода прогрессъ полезенъ, напримѣръ, въ медицинѣ, когда она развивается впередъ сравнительно съ ея первобытнымъ состояніемъ, такъ же въ гимнастикѣ и вообще во всѣхъ искусствахъ и наукахъ. Такъ какъ и политику должно относить къ ихъ числу, то, очевидно, и въ ней необходимо долженъ совершаться тотъ же процессъ. Сама историческая дѣйствительность—можно утверждать это—служитъ подтвержденіемъ этого положенія: вѣдь старинные законы были до чрезвычайности несложны и напоминали законодательства варварскія. 12. Въ первобытныя времена греки ходили вооруженные, покупали себѣ другъ у друга женъ[2]). Сохраняющіяся кое-гдѣ старинныя законоположенія отличаются вообще большою наивностью. Таковъ, напримѣръ, законъ относительно убійствъ въ Кимѣ[3]): если обвинитель представитъ извѣстное число свидѣтелей изъ среды своихъ родственниковъ, подтверждающихъ

[1]) Имѣются въ виду, быть можетъ, пиѳагорейцы. По свидѣтельству Аристоксена (FHG. II, 278 M), глава школы утверждалъ, что лучше „пребывать въ отеческихъ нравахъ и законахъ, хотя бы они были и хуже другихъ". Иного мнѣнія Исократъ, *Евагоръ*, 7: „прогрессъ искусства и всего прочаго обусловливается не тѣмъ, что постоянно придерживаются существующаго порядка, но тѣмъ, что постоянно исправляютъ и рѣшаются на нововведенія въ томъ, что находится въ плохомъ состояніи". Ср. также замѣчаніе коринѳскаго оратора лакедэмонянамъ у Ѳукидида, I, 71, 3: „въ политикѣ, какъ и въ искусствахъ всегда имѣютъ перевѣсъ новыя средства. Пока государство находится въ покоѣ, неизмѣнныя учрежденія всего лучше; но когда необходимость вынуждаетъ людей ко многимъ предпріятіямъ, тогда требуются и многообразныя усовершенствованія въ законахъ". [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[2]) Ср. описаніе быта первобытной Эллады у Ѳукидида, I, 5 сл.

[3]) Какая Кима имѣется въ виду, неизвѣстно.

фактъ убійства, то обвиняемый тѣмъ самымъ признается виновнымъ въ убійствѣ. Вообще же всѣ люди стремятся не къ тому, что освящено преданіемъ, но къ тому, что представляетъ благо само по себѣ; и такъ какъ первые люди—были ли они рождены изъ земли или спаслись отъ какой-либо катастрофы—походили на обыкновенныхъ людей и къ тому же не одаренныхъ развитыми мыслительными способностями—какъ это и говорится о людяхъ, рожденныхъ изъ земли—, то было бы безразсудствомъ оставаться при ихъ постановленіяхъ. Сверхъ того, было бы не лучше и писанные законы оставлять въ неизмѣнномъ видѣ: какъ въ остальныхъ искусствахъ, такъ и въ государственномъ устроеніи невозможно изложить письменно все и со всѣми подробностями. Вѣдь законы неизбѣжно приходится излагать въ общей формѣ, человѣческія же дѣйствія—индивидуальны. Отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые законы въ свое время должны быть измѣняемы. 13. Но, съ другой стороны, дѣло это, кажется, требуетъ большой осмотрительности. Если измѣненіе закона представляетъ незначительное [сравнительно съ существующимъ] улучшеніе и, наоборотъ, если привычка съ легкимъ сердцемъ нарушать законъ ведетъ къ вреду, то, ясно, лучше простить тѣ или иныя погрѣшности какъ законодателей, такъ и магистратовъ: не столько произойдетъ пользы отъ измѣненія закона, сколько получится вреда, если создастся привычка не повиноваться существующему порядку [1]). 14. Обманчивъ также и примѣръ, заимствованный изъ области искусствъ. Не все равно—измѣнить ли искусство, или измѣнить законъ. Вся сила закона—заставить склонить голову предъ существующими обычаями. А это осуществляется лишь съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ, безъ труда совершаемое измѣненіе существующихъ законовъ на другіе, новые, можетъ повести къ ослабленію силы закона. Кромѣ того, если законы и подлежатъ измѣненію, то еще вопросъ, всѣ ли законы и при всякомъ ли государственномъ строѣ, или нѣтъ? Должно ли допустить, чтобы измѣненіе закона позволено было первому встрѣчному или тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ лицамъ? Это, вѣдь, далеко не одно и то же.

Мы оставимъ разсмотрѣніе этого вопроса, отложивъ его до другого времени.

[1]) Слѣдую поправкѣ Бернайса ὑπάρχουσιν вмѣсто рукописнаго ἄρχουσιν.

6.

1. При обсужденіи государственнаго устройства Лакедэмонскаго и Критскаго, равно какъ почти и всѣхъ остальныхъ государствъ, два пункта подлежатъ разсмотрѣнію: во-первыхъ, стоятъ ли въ соотвѣтствіи или въ несоотвѣтствіи съ наилучшимъ государственнымъ устроеніемъ законоположенія этихъ государствъ; во-вторыхъ, заключается ли въ этихъ законоположеніяхъ что-либо противорѣчащее основному духу и основному характеру того государственнаго устроенія, который законодатель имѣлъ въ виду.

2. Общепризнанъ тотъ фактъ, что въ томъ государствѣ, которое желаетъ имѣть правильный строй, граждане должны быть свободны отъ заботъ о предметахъ первой необходимости. Но какъ это осуществить, сказать нелегко. Существующій въ Ѳессаліи классъ пенестовъ нерѣдко поднималъ бунты противъ ѳессалійцевъ, точно такъ же, какъ и илоты противъ спартіатовъ (илоты только и ждали того момента, чтобы, воспользовавшись несчастіями [спартіатовъ, возстать противъ нихъ]). 3. Зато у критянъ никогда ничего подобнаго не случалось. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что на Критѣ лежащіе по сосѣдству города, даже въ случаяхъ междоусобной войны, никогда не вступали въ союзъ съ возставшими, такъ какъ это могло повредить указаннымъ городамъ, въ которыхъ также были свои періэки. Напротивъ, у спартіатовъ всѣ сосѣди были ихъ врагами: и аргосцы и мессенцы и аркадяне. Первоначальныя возмущенія пенестовъ противъ ѳессалійцевъ происходили также вслѣдствіе того, что послѣдніе вели еще пограничныя войны съ своими сосѣдями: ахейцами, перрэбами и магнетами. 4. Но, помимо всего прочаго, самый надзоръ за крѣпостными представляетъ, повидимому, трудную задачу: какъ слѣдуетъ съ ними обходиться? Если крѣпостнымъ дать волю, они начинаютъ нагличать и требовать для себя равноправія съ ихъ господами; если же держать крѣпостныхъ въ угнетеніи, они начинаютъ злоумышлять противъ господъ и ненавидѣть ихъ. Такимъ образомъ ясно, что лакедэмоняне, держащіе своихъ илотовъ въ угнетеніи, не могутъ считаться изобрѣтателями наилучшаго способа обхожденія съ ними.

5. Слишкомъ свободное отношеніе [лакедэмонскаго законодательства] къ женскому вопросу оказывается вредоноснымъ съ точки зрѣнія той главной цѣли, которую преслѣдуетъ лакедэмонскій государственный строй, и не служитъ къ благополучію государства вообще. Ясно, что какъ мужчина и женщина составляютъ часть семьи, такъ точно и государство неминуемо должно считать раздѣленнымъ на двѣ части—на населеніе мужское и женское. И при томъ государственномъ строѣ, гдѣ женскій вопросъ поставленъ неудовлетворительно, половина государства оказывается неизбѣжно какъ бы неузаконенной. Это и случилось въ Лакедэмонѣ: законодатель, желая видѣть все государство, въ его цѣломъ, закаленнымъ, вполнѣ провелъ свою точку зрѣнія по отношенію къ мужскому населенію, а относительно населенія женскаго пренебрегъ сдѣлать это. Вѣдь женщины въ Лакедэмонѣ въ полномъ смыслѣ слова ведутъ своевольный и изнѣженный образъ жизни. 6. Далѣе, при такомъ государственномъ строѣ богатство также должно имѣть большое значеніе, въ особенности, если мужчинами управляютъ женщины, что и наблюдается по большей части среди поставляющихъ наемниковъ и вообще воинственныхъ племенъ, исключая кельтовъ и, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ, у которыхъ явнымъ почетомъ пользуется сожительство съ мужчинами. Кажется, не безъ основанія поступилъ тотъ миѳологъ, который впервые сочеталъ Арея съ Афродитой: всѣ упомянутыя выше племена испытываютъ, повидимому, большое влеченіе къ любовному общенію либо съ мужчинами, либо съ женщинами. 7. У лакедэмонянъ было то же самое, и въ эпоху ихъ гегемоніи многія отрасли государственнаго управленія находились въ рукахъ женщинъ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ разница: правятъ ли женщины, или магистраты управляются женщинами? Результатъ получается одинъ и тотъ же. Такъ какъ отвага женщинъ въ повседневной жизни ни въ чемъ пользы не приноситъ (храбрость ихъ нужна развѣ только на полѣ брани), то лакедэмонскія женщины принесли очень много вреда и во время войны, что проявилось особенно ясно при вторженіи ѳиванцевъ: пользы тутъ, какъ и въ другихъ го-

---

[1]) Можетъ быть, имѣется въ виду время съ окончанія Пелопоннесской войны до битвы при Левктрахъ (404—370).

сударствахъ, женщины не принесли никакой, а нашумѣли больше, чѣмъ враги. 8. Въ первоначальныя времена свободный образъ жизни лакедэмонскихъ женщинъ имѣлъ, повидимому, полное основаніе, такъ какъ мужчины тогда пребывали долгое время внѣ родины въ военныхъ походахъ, ведя войны съ аргосцами, затѣмъ съ аркадянами и мессенцами [1]. Когда наступили спокойныя времена, мужчины, съ точки зрѣнія законодателя, оказались вполнѣ прошедшими хорошую школу благодаря той солдатской жизни, какую имъ пришлось проводить (эта жизнь имѣетъ много добродѣтельныхъ сторонъ); а когда Ликургъ, по преданію, попробовалъ подвести подъ свои законы и женщинъ, онѣ стали сопротивляться этому, такъ что Ликургу пришлось отказаться отъ своего намѣренія. 9. Итакъ, сами женщины виноваты въ томъ, что̀ произошло; отсюда ясно, что и недостатки законоположеній, къ нимъ относящихся, зависятъ отъ нихъ. Впрочемъ мы изслѣдуемъ не то, кто правъ, кто виноватъ, но что̀ правильно и что̀ неправильно.

Какъ уже и раньше сказано, ненормальное положеніе женщинъ въ Лакедэмонѣ, повидимому, вноситъ не только своего рода дисгармонію въ его государственный строй, какъ таковой, но содѣйствуетъ до нѣкоторой степени и развитію корыстолюбія. 10. Послѣ такого утвержденія нѣкоторые станутъ, пожалуй, съ упрекомъ указывать и на несоразмѣрность въ распредѣленіи собственности въ Лакедэмонѣ: одной части гражданъ довелось стать обладателями ея въ очень большихъ размѣрахъ, другая часть вынуждена ограничиваться совсѣмъ ничтожной собственностью. Земельная собственность въ Лакедэмонѣ досталась также въ руки немногихъ лицъ, а законоположенія и на этотъ счетъ страдаютъ дефектомъ: законодатель поступилъ правильно, отнесясь съ неодобреніемъ къ покупкѣ или продажѣ фамильной собственности; но онъ предоставилъ желающимъ право дарить эту собственность и завѣщать ее по наслѣдству. Результаты и въ томъ и въ другомъ случаѣ получались неизбѣжно одни и тѣ же. 11. Изъ всей территоріи и женщины владѣютъ двумя пятыми; объясняется это тѣмъ, что въ Лакедэмонѣ, съ одной стороны, существуетъ зна-

---

[1] Вѣроятно, имѣются въ виду войны второй половины VIII и конца VII вѣка. См. Пёльманъ, 73 сл.

чительное число дочерей-наслѣдницъ, а съ другой—тѣмъ, что тамъ за дочерьми даютъ большое приданое [1]. Правда, было бы лучше установить, чтобы за дочерьми не давалось никакого приданаго, либо давалось приданое незначительное или скромное [2]... А теперь [отецъ] воленъ выдать замужъ дочь-наслѣдницу, за кого онъ хочетъ. И если [отецъ] умретъ, не оставивъ завѣщанія, то оставшійся послѣ него наслѣдникъ можетъ выдать дочь-наслѣдницу за того, за кого онъ пожелаетъ. [Вышло то, что] на территоріи, которая въ состояніи прокормить 1500 всадниковъ и 30.000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ, не могли выставить и тысячи ихъ [3]. 12. Сами факты свидѣтельствуютъ о томъ, какъ плохо были организованы въ Лакедэмонѣ всѣ эти порядки: одного вражескаго удара государство не могло вынести, и погибло именно изъ-за малолюдства [4]. При прежнихъ царяхъ [5], говорятъ, права гражданства были предоставляемы и не-гражданамъ, такъ что въ то время, несмотря на продолжительныя войны, малолюдства въ Лакедэмонѣ не наблюдалось, число же спартіатовъ нѣкогда составляло даже 10.000 человѣкъ [6]; такъ ли это, или не такъ, все же лучше, когда государство, благодаря уравномѣренной собственности, изобилуетъ населеніемъ.

13. Законоположенія, касающіяся дѣторожденія, имѣютъ въ виду также противодѣйствовать малолюдству: законодатель, стремясь къ тому, чтобы число спартіатовъ было какъ можно больше,

---

[1] Гражданское право грековъ лишало женщинъ возможности быть наслѣдницами имущества. Въ извѣстныхъ случаяхъ онѣ могли лишь беречь имущество своего покойнаго отца и должны были передать его дѣтямъ, имѣющимъ родиться отъ ихъ замужества. Такія дѣвушки и носили названіе дочерей-наслѣдницъ (ἐπίκληροι).

[2] Пропускъ въ текстѣ.

[3] И Исократъ, *Панаѳинэйская рѣчь*, 45, говоритъ, что территорія Лакедэмонскаго государства такова, „какой нѣтъ ни у одного изъ эллинскихъ государствъ".

[4] Имѣется въ виду пораженія лакедэмонянъ при Левктрахъ. Ксенофонтъ, *Лакедэмонская политія*, 1, причисляетъ Спарту къ числу „самыхъ малонаселенныхъ городовъ".

[5] Какихъ именно, неизвѣстно.

[6] Во время нашествія Ксеркса число спартанскихъ гражданъ = 8000 человѣкъ.

побуждаетъ гражданъ къ возможно большему дѣторожденію. Въ Лакедэмонѣ на этотъ счетъ существуетъ даже законъ, что отецъ трехъ сыновей освобождается отъ военной службы, а отецъ четырехъ сыновей не платитъ никакихъ повинностей. И тѣмъ не менѣе—фактъ на лицо—, при возрастаніи населенія и при существующемъ порядкѣ раздѣленія земельной территоріи, неизбѣжно должно увеличиваться число бѣдняковъ.

14. Также плохо обстоитъ дѣло и съ эфоріей. Магистратура эта вѣдаетъ важнѣйшія отрасли управленія въ Лакедэмонѣ, пополняется же коллегія эфоровъ изъ среды всего гражданскаго населенія, такъ что въ составъ правительства попадаютъ зачастую люди очень бѣдные, которыхъ, вслѣдствіе ихъ необезпеченности, легко можно было подкупить. И въ прежнее время такіе факты подкупа нерѣдко случались, да и недавно они имѣли мѣсто въ андросскомъ дѣлѣ, когда нѣкоторые изъ эфоровъ, соблазненные деньгами, погубили, насколько это, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ зависѣло, все государство [1]). Такъ какъ власть эфоровъ чрезвычайно велика и подобна власти тиранновъ, то и цари лакедэмонскіе бывали вынуждены прибѣгать къ демагогическимъ пріемамъ, отчего также, въ свою очередь, получался вредъ для государственнаго строя: изъ аристократіи возникала демократія. 15. Эфорія обнимаетъ собою всю государственную организацію, потому что народъ, имѣя доступъ къ высшей власти, остается спокойнымъ. Создалось ли такое положеніе благодаря законодателю, или обязано простой случайности, оно оказывается полезнымъ для дѣла: [вѣдь цѣлью того государственнаго устроенія, которое разсчитываетъ на долговѣчное существованіе, должно служить то, чтобы всѣ элементы, входящіе въ составъ государства, находили желательнымъ самое это существованіе въ неизмѣнной формѣ.] Въ Лакедэмонѣ цари отвѣчаютъ этому пожеланію вслѣдствіе присущаго имъ почета, аристократія—благодаря ея участію въ герусіи (назначеніе геронтомъ является какъ бы наградою за добродѣтель, [присущую аристократу]), наконецъ, народъ—вслѣдствіе того, что изъ его состава пополняется эфорія. 16. Что изъ всѣхъ гражданъ должны быть избираемы эфоры, [это хорошо], но только не тѣмъ, слишкомъ уже дѣтскимъ, способомъ должно

[1]) Подробности неизвѣстны.

производиться избраніе, какъ это происходитъ въ настоящее время [1]). Въ рукахъ эфоровъ, сверхъ того, находится власть постановлять свои рѣшенія по важнымъ судебнымъ процессамъ; однако эфорами могутъ оказаться первые попавшіеся; поэтому было бы правильнѣе, если бы они постановляли свои приговоры не по собственному убѣжденію, но по буквѣ закона. Самый образъ жизни эфоровъ не соотвѣтствуетъ общему духу государства: эфоры могутъ вести вполнѣ свободный образъ жизни, между тѣмъ какъ по отношенію къ остальнымъ гражданамъ замѣчается въ этомъ отношеніи скорѣе излишняя строгость, такъ что они, не будучи въ состояніи выдерживать ее, тайно, съ обходомъ закона, наслаждаются физическими удовольствіями [2]).

17. Неладно обстоитъ дѣло въ Лакедэмонѣ и съ институтомъ геронтовъ. Если они люди нравственно-благородные и въ достаточной мѣрѣ обладаютъ, благодаря воспитанію, качествами, присущими совершенному человѣку, то всякій немедленно признаетъ пользу этого института для государства, хотя бы даже и возникало сомнѣніе, правильно ли то, что геронты являются пожизненными вершителями всѣхъ важныхъ рѣшеній: вѣдь какъ у тѣла, такъ и у разсудка бываетъ своя старость. Но если геронты получаютъ такого рода воспитаніе, что самъ законодатель относится съ недовѣріемъ къ нимъ, какъ къ совершеннымъ мужамъ, то и самый институтъ ихъ не безопасенъ для государства. 18. Лица, исправляющія должность геронтовъ, бываютъ и доступны подкупу и часто государственныя дѣла приносятъ въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ. Поэтому лучше было бы, если бы геронты не были такъ безотвѣтственны, какими они являются въ настоящее время. Правда, на это можно замѣтить, что всѣ магистратуры подвластны контролю эфоровъ. Но это-то обстоятельство и даетъ въ руки эфоріи слишкомъ большое преимущество, да и самый способъ, какимъ долженъ осуществляться указанный контроль эфоровъ надъ геронтами, по нашему разумѣ-

---

[1]) Подробности неизвѣстны.

[2]) Ср. замѣчаніе Платона, *Государство*, 548b, о спартанцахъ вообще, что они, „втихомолку наслаждаясь удовольствіями, скрываются отъ закона, какъ дѣти отъ отца“.

нію, неправиленъ. Сверхъ того, самый способъ избранія геронтовъ—также дѣтскій, равно какъ неправильно и то, что то лицо, которое стремится удостоиться чести избранія въ геронты, само хлопочетъ объ этомъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ, чтобы достойный быть геронтомъ сталъ таковымъ, хочетъ онъ этого или не хочетъ. 19. Теперь же и въ этомъ отношеніи, какъ равно и въ остальныхъ дѣлахъ, касающихся государственнаго устроенія, законодателемъ руководило, повидимому, одно соображеніе: онъ стремится вселить честолюбіе въ гражданъ и хочетъ играть на немъ же и въ дѣлѣ избранія геронтовъ. Вѣдь никто не станетъ добиваться власти, не будучи честолюбивымъ! А на дѣлѣ-то бо̀льшая часть сознательныхъ несправедливыхъ поступковъ совершается именно вслѣдствіе людского честолюбія и корыстолюбія.

20. О царской власти, о преимуществахъ ея или недостаткахъ въ государственной жизни, рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ [1]). Если даже царская власть и имѣетъ за собою преимущества, то, во всякомъ случаѣ, каждый изъ [двухъ] лакедэмонскихъ царей долженъ быть избираемъ на царство не такъ, какъ происходитъ это теперь, а избраніе должно стоять въ зависимости отъ образа жизни наслѣдника на царскій престолъ [2]). Но, ясно, и самъ законодатель не разсчитываетъ на то, чтобы можно было сдѣлать царей людьми совершенными; во всякомъ случаѣ, онъ не вѣритъ въ надлежащую мѣру такого совершенства въ царяхъ. Вотъ почему вмѣстѣ съ царями, [когда они покидали страну], посылали въ качествѣ лицъ, ихъ сопровождающихъ, ихъ личныхъ враговъ, и считали спасеніемъ для государства, когда между царями происходили распри.

21. Не могутъ считаться правильными и тѣ законоположенія, которыя были введены при первомъ установленіи сисситій, такъ называемыхъ фидитій. Средства на устройство ихъ должно давать скорѣе государство, какъ это имѣетъ мѣсто на Критѣ. Въ Лакедэмонѣ же каждый участникъ сисситій обязанъ

---

[1]) См. III книгу.

[2]) Престолонаслѣдіе въ Лакедэмонѣ было родовое. Уже Лисандръ, по свидѣтельству Эфора (Плутархъ, *Лисандръ*, 30), проектировалъ лишить власти царствующія династіи и „сдѣлать выборъ изъ числа наилучшихъ“.

вноситъ на нихъ свои деньги, несмотря на то, что нѣкоторые, по причинѣ крайней бѣдности, не въ состояніи тратиться на сопряженныя съ сисситіями издержки, такъ что въ результатѣ сисситіи оказываются учрежденіемъ, противорѣчащимъ намѣреніямъ законодателя. Онъ желалъ, чтобы институтъ сисситій былъ демократическимъ; но при тѣхъ законоположеніяхъ, которыя къ нимъ относятся, сисситіи оказываются институтомъ менѣе всего демократическимъ. Дѣло въ томъ, что участвовать въ сисситіяхъ людямъ очень бѣднымъ не легко, между тѣмъ, по традиціи, участіе въ нихъ служитъ показателемъ принадлежности къ сословію гражданъ, такъ какъ тотъ, кто не въ состояніи дѣлать взносовъ въ сисситіи, не пользуется правами гражданства.

22. Что касается закона о навархахъ [1]), то его порицали уже и нѣкоторые иные [2]), и порицаніе это вполнѣ основательно, такъ какъ законоположеніе о наварxіи бываетъ причиною распрей: въ самомъ дѣлѣ, наряду съ царями, являющимися несмѣняемыми предводителями, наварxія оказалась почти второю царскою властью.

Противъ основной мысли законодателя можно было бы сдѣлать упрекъ, какой высказалъ Платонъ въ «Законахъ» [3]): вся система лакедэмонскаго законодательства разсчитана только на часть добродѣтели, именно на относящуюся къ войнѣ добродѣтель, такъ какъ эта послѣдняя оказывается полезною для пріобрѣтенія господства. Поэтому-то лакедэмоняне держались, пока они вели войны, и стали гибнуть, достигнувъ гегемоніи: они не умѣли пользоваться досугомъ и не могли заняться какимъ-либо другимъ дѣломъ, которое стояло бы [въ ихъ глазахъ] важнѣе военнаго дѣла. 23. Не меньше этой и другая ошибка: по мнѣнію лакедэмонянъ, вожделѣнныя блага достигаются людьми скорѣе при помощи добродѣтели, чѣмъ порока, и въ этомъ отношеніи они совершенно правы; но ошибка въ томъ, что эти блага они ставятъ выше добродѣтели.

Плохо обстоитъ дѣло въ Спартѣ и съ государственными финансами: когда государству приходится вести большія войны,

---

[1]) Адмиралахъ.

[2]) Можетъ быть, Критій въ своей „Лакедэмонской политіи“.

[3]) 625 с сл., 630 е.

его казна оказывается пустою и взносы въ нее поступаютъ туго. А такъ какъ бо́льшая часть земельной собственности сосредоточена въ рукахъ спартіатовъ, то они и не контролируютъ другъ у друга налоговъ, [подлежащихъ уплатѣ]. И въ данномъ случаѣ получился результатъ, противоположный той пользѣ, какую имѣлъ въ виду законодатель: государство онъ сдѣлалъ бѣднымъ денежными средствами, въ частныхъ же лицахъ развилъ корыстолюбіе.

О лакедэмонскомъ государственномъ строѣ достаточно сказаннаго; мы отмѣтили всѣ пункты, могущіе вызвать всего болѣе нареканій.

7.

1. Критскій государственный строй стоитъ въ близкомъ отношеніи къ лакедэмонскому. Кое-какіе отдѣлы его не хуже [соотвѣтствующихъ отдѣловъ лакедэмонскаго строя], въ большей же своей части онъ оказывается все же менѣе разработаннымъ. Вѣроятно—да это подтверждается и преданіемъ—, лакедэмонское государственное устройство во многихъ своихъ частяхъ явилось подражаніемъ критскому, а извѣстно, что старинныя учрежденія бываютъ въ большинствѣ случаевъ менѣе разработаны, чѣмъ учрежденія, болѣе позднія. По преданію, Ликургъ, отправившись въ путешествіе, послѣ того какъ онъ вышелъ изъ-подъ опеки царя Харилла, значительную часть времени провелъ тогда на Критѣ, гдѣ у него были родственники. Дѣло въ томъ, что жители Ликта [1]) были лакедэмонскими колонистами; когда они отправились основывать колонію на островѣ, то нашли у тамошнихъ жителей уже организованную систему законодательства. Поэтому-то и теперь еще періэки, [являющіеся остатками стариннаго населенія], пользуются его основами, послѣ того какъ Миносъ первый привелъ его въ опредѣленную систему. 2. Самъ островъ Критъ какъ бы предназначенъ природою къ господству надъ Греціей; географическое положеніе его прекрасное: онъ лежитъ въ центрѣ того моря, по берегамъ и на островахъ котораго почти всѣ греки имѣли свои мѣста поселенія. Отъ Пелопоннеса до Крита разстояніе небольшое, а, съ другой стороны,

[1]) Городъ на Критѣ.

отъ Азіи Критъ отдѣляется только Тріопійскою областью и Родосомъ. Вотъ почему Миносъ и утвердилъ свою власть надъ моремъ, а изъ острововъ одни подчинилъ своей власти, другіе колонизировалъ, пока онъ, наконецъ, обратившись походомъ на Сицилію, не скончалъ дней своихъ тамъ около Камика.

3. Сходство между критскими и лакедэмонскими порядками заключается въ слѣдующемъ: для спартіатовъ земли обрабатываютъ илоты, для критянъ—періэки; у спартіатовъ и у критянъ существуютъ сисситіи, которыя въ первоначальныя времена назывались у лакедэмонянъ не фидитіями, а, какъ на Критѣ, андріями—явное доказательство, что сисситіи заимствованы лакедэмонянами у критянъ. Далѣе, политическій строй въ обоихъ государствахъ одинаковъ. Лакедэмонскіе эфоры имѣютъ ту же власть, какая на Критѣ у такъ называемыхъ космовъ; вся разница лишь въ томъ, что число эфоровъ пять, число космовъ—десять. Лакедэмонскіе геронты соотвѣтствуютъ тѣмъ критскимъ геронтамъ, которыхъ на Критѣ называютъ просто совѣтомъ. У критянъ раньше существовала и царская власть, но потомъ они ее отмѣнили, предводительство же на войнѣ у нихъ принадлежитъ космамъ. 4. Въ народномъ собраніи участвуютъ всѣ, но права выносить самостоятельное рѣшеніе народное собраніе не имѣетъ ни въ чемъ, а утверждаетъ только постановленія геронтовъ и космовъ.

Организація сисситій на Критѣ лучшая, нежели въ Лакедэмонѣ: въ Лакедэмонѣ каждый поголовно долженъ дѣлать опредѣленный взносъ—въ противномъ случаѣ законъ лишаетъ его гражданскихъ правъ, какъ объ этомъ сказано было и выше [1]); на Критѣ организація сисситій—скорѣе дѣло самого государства: отъ всего урожая, отъ всего приплода, отъ всѣхъ доходовъ, получаемыхъ государствомъ и... [2]) и налоговъ, платимыхъ періэками, отчисляется одна часть, идущая на дѣла культа и текущія государственныя повинности, а другая часть идетъ на сисситіи. Такимъ образомъ, на Критѣ всѣ, и женщины и дѣти и мужчины, кормятся на государственный счетъ. 5. Законодатель придумалъ много мѣръ къ тому, чтобы критяне, въ видахъ своей

---

[1]) Стр. 78 сл.

[2]) Пропускъ въ текстѣ.

же пользы, ѣли мало, точно такъ же, какъ и изыскалъ различныя мѣры насчетъ отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ, чтобы онѣ не рожали много дѣтей [1]). Ввиду этой послѣдней цѣли законодатель допустилъ сожительство мужчинъ съ мужчинами; дурное ли дѣло такое сожительство, или не дурное, обсудить это представится другой подходящій случай.

То, что сисситіи организованы у критянъ лучше, чѣмъ у лакедэмонянъ, ясно. Напротивъ, институтъ космовъ еще хуже, чѣмъ институтъ эфоровъ: отрицательныя стороны, присущія последнему, свойственны и институту космовъ, такъ какъ и въ число ихъ попадаютъ первые попавшіеся. Той пользы, какую приноситъ институтъ эфоровъ для государственнаго строя въ Лакедэмонѣ, мы не находимъ на Критѣ: въ Лакедэмонѣ эфоры избираются изъ всего состава гражданъ, и народъ, имѣя такимъ образомъ доступъ къ высшей власти, склоненъ къ сохраненію существующаго государственнаго порядка. На Критѣ же космы избираются не изъ всего состава грзжданъ, но изъ опредѣленныхъ родовъ, а геронтовъ избираютъ изъ числа тѣхъ, которые были раньше космами.

6. О критскихъ геронтахъ можно сказать то же самое, что и о геронтахъ въ Лакедэмонѣ: ихъ безконтрольность и несмѣняемость являются слишкомъ высокою честью ихъ служебнаго положенія, а то, что они управляютъ не на основаніи писанныхъ законовъ, но самовластно, является небезопаснымъ. Спокойствіе народа, лишеннаго участія въ управленіи, никоимъ образомъ не служитъ еще доказательствомъ правиль-

---

[1]) Плутархъ, *О физіономіи на дискѣ луны*, гл. 25, приводитъ извѣстіе объ Эпименидѣ Критскомъ, который яко бы училъ, „что природа согрѣваетъ живое существо совершенно ничтожнымъ количествомъ теплоты и поддерживаетъ его въ томъ даже случаѣ, если оно приметъ небольшое количество оливковаго масла, не употребляя никакой больше пищи". Въ приписываемыхъ Аристотелю *Проблемахъ*, I, 46, 865 a 1, въ числѣ причинъ заболѣваній указывается и на „излишекъ въ пищѣ или недостатокъ въ физической дѣятельности". По свидѣтельству Эфора (у Страбона, p. 482), критскіе молодые люди „должны были вступать въ бракъ всѣ въ одно и то же время, именно когда они выходили изъ агелы [въ агелахъ молодые люди вмѣстѣ воспитывались], но они не сразу брали къ себѣ въ домъ тѣхъ дѣвушекъ, на которыхъ женились, а лишь послѣ того, какъ жены ихъ научались управлять домашнимъ хозяйствомъ".

ности такого порядка. Космовъ—не такъ, какъ эфоровъ—нѣтъ никакой возможности подкупить, потому что космы живутъ на островѣ, далеко отъ тѣхъ, кто могъ бы ихъ подкупить [1]). Средство же, которымъ критяне стараются парализовать неудобство, [проистекающее изъ описаннаго выше положенія космовъ],—страннаго характера и пригодно не для строя политіи, а для династическаго строя. 7. Именно: нерѣдко противъ космовъ соединяются нѣкоторые изъ ихъ коллегъ, или изъ частныхъ лицъ, и прогоняютъ космовъ съ ихъ должности; впрочемъ, также и сами космы, въ теченіе отправленія ими должности, могутъ отказаться отъ нея. Было бы, конечно, лучше, если бы все это совершалось на законномъ основаніи, а не по людскому произволу, такъ какъ этотъ послѣдній—масштабъ небезопасный. Самое же печальное—полная отмѣна должности космовъ; она зачастую проводится тѣми властными лицами, которыя не пожелаютъ подчиниться приговору космовъ. Отсюда ясно, что критскій строй имѣетъ только кое-какое подобіе государственнаго строя, но это собственно не политія, а скорѣе династія [2]). Въ порядкѣ вещей также и то, что знать, раздѣляя народъ на партіи и составляя свою партію, создаетъ тѣмъ самымъ анархію, взаимныя распри и междоусобную борьбу. 8. А чѣмъ отличается такого рода состояніе отъ временнаго прекращенія государственной жизни вообще? И развѣ не рушится при этомъ государственное общеніе? Когда государство находится въ состояніи, подобномъ описанному, то возникаетъ большая опасность, если кто пожелаетъ и сможетъ напасть на него. Но, какъ выше сказано, своимъ существованіемъ критское государство обязано своему географическому положенію. Дальность разстоянія Крита вызвала на немъ то же послѣдствіе, какое въ Лакедемонѣ имѣлъ законъ, запрещающій обосновываться въ немъ иноземцамъ [3]). По-

---

[1]) По сравненію съ греческими континентальными государствами греческія государства на островахъ считались бѣдными. Ср. Ксенофонтъ, *Греческая исторія*, VI, 1, 12: „персидскій царь является самымъ богатымъ изъ людей, получая доходы не съ островов, а съ материка".

[2]) О политіи и династіи см. ниже.

[3]) Этотъ законъ приписывается Ликургу; на основаніи его иностранецъ могъ проживать въ Спартѣ только по спеціальному разрѣшенію; но и тѣ, кто получилъ его, могли были удаляемы магистратами за дурное поведеніе и т. п.

*

этому-то на Критѣ и періэки остаются спокойными, между тѣмъ какъ въ Лакедэмонѣ зачастую бывали случаи отпаденія илотовъ [1]). Критяне не имѣютъ владѣній внѣ ихъ острова, и лишь въ недавнее время чужеземная война докатилась и до нихъ. Эта война обнаружила воочію слабость дѣйствующихъ на Критѣ законовъ [2]).

Сказаннаго нами о критскомъ государственномъ устроеніи достаточно.

8.

1. И карѳагеняне, какъ полагаютъ, пользуются прекраснымъ государственнымъ устроеніемъ, во многихъ отношеніяхъ превосходящемъ устройство остальныхъ государствъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ карѳагенское устройство сходно преимущественно съ лакедэмонскимъ. (Вообще эти три государственныхъ организаціи — критская, лакедэмонская и карѳагенская — находятся до извѣстной степени въ очень близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу и значительно отличаются отъ остальныхъ государственныхъ организацій). Дѣйствительно, многія стороны государственнаго строя организованы у карѳагенянъ прекрасно. Доказательствомъ этого служитъ уже то, что самъ народъ въ Карѳагенѣ стоитъ за существующіе порядки организаціи и что тамъ не происходило мало-мальски значительныхъ междоусобій, равно какъ не возникало и тиранніи.

2. Сходство съ лакедэмонскимъ государственнымъ строемъ Карѳагенъ имѣетъ въ слѣдующемъ; подобно лакедэмонскимъ фидитіямъ въ Карѳагенѣ существуютъ сисситіи товариществъ; лакедэмонскимъ эфорамъ соотвѣтствуетъ магистратура ста четырехъ (отличіе—и въ положительную сторону—этихъ ста четырехъ отъ эфоровъ заключается въ слѣдующемъ: въ то время какъ эфорами бываютъ первые попавшіеся, сто четыре избираются исключительно изъ лицъ благороднаго происхожденія); карѳагенскіе цари и герусія аналогичны лакедэмонскимъ царямъ и геронтамъ, при-

[1]) И Платонъ, *Законы*, 777b, говоритъ объ илотахъ, какъ „о тягостномъ владѣніи: это на дѣлѣ обнаружилось во время неоднократныхъ отпаденій ихъ".

[2]) Имѣются въ виду событія или 345 г. или 333 г.

чемъ опять-таки преимущество [кароагенскаго строя] заключается въ томъ, что въ Кароагенѣ цари не должны ни непремѣнно происходить изъ одного и того же рода, ни изъ какого попало, но должны принадлежать либо къ выдающемуся [чѣмъ-либо] роду... [1]) избираются изъ числа именно этихъ [2]), а не престарѣлыхъ, [какъ въ Лакедэмонѣ]. Въ самомъ дѣлѣ, геронты, ставъ обладателями важныхъ функцій власти, могутъ принести большой вредъ, если они окажутся людьми ничтожными, что́ уже и имѣло мѣсто въ лакедэмонскомъ государствѣ.

3. Главное, въ чемъ можно было бы упрекнуть государственный строй указанныхъ выше трехъ государствъ, съ точки зрѣнія отклоненія его [отъ идеальнаго], присуще въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ тремъ организаціямъ. Если судить о кароагенскомъ строѣ въ отношеніи его къ тѣмъ задачамъ, которыя имѣютъ въ виду аристократія и политія, то въ немъ нѣкоторые элементы склоняются скорѣе въ сторону демократіи, другіе — въ сторону олигархіи. Цари вмѣстѣ съ геронтами, если среди послѣднихъ нѣтъ разногласія, полномочны въ однихъ случаяхъ вносить дѣла на рѣшеніе народнаго собранія, въ другихъ—не дѣлать этого; если геронты не пришли къ взаимному соглашенію, то рѣшающій голосъ тогда принадлежитъ народному собранію. Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя цари и геронты вносятъ на рѣшеніе послѣдняго, оно не принимаетъ только къ свѣдѣнію постановленія властей, но имѣетъ право обсуждать ихъ, и каждый желающій можетъ говорить противъ вносимыхъ предложеній, чего мы не находимъ въ остальныхъ государственныхъ организаціяхъ. 4. То же, что пентархіи [3]), обладающія многими важными функціями, кооптируются сами собою, что онѣ избираютъ совѣтъ ста, [т. е. высшихъ магистратовъ], что, сверхъ того, онѣ остаются у власти болѣе продолжительное время, чѣмъ остальные магистраты (пентархіи остаются у власти и послѣ отставки и до вступленія въ должность)—все это черты, свойственныя олигархическому строю.

[1]) Пропускъ въ текстѣ. Смыслъ можетъ быть возстановленъ такъ: Что касается геронтовъ, то они

[2]) Вѣроятно, судя по дальнѣйшему, подъ „этими" нужно понимать „видныхъ", „выдающихся", гражданъ.

[3]) Т. е. коллегіи, состоящія изъ пяти членовъ.

Напротивъ, отсутствіе вознагражденія магистратовъ за службу, избраніе ихъ не по жребію и т. п. должно считать чертами, свойственными строю аристократическому; ему соотвѣтствуетъ также и то, что въ Карѳагенѣ всѣ судебные процессы разбираются [опредѣленными, назначенными на то] магистратами, а не такъ, какъ въ Лакедэмонѣ, гдѣ различные процессы подлежатъ вѣдѣнію различныхъ [судей].

5. Всего же болѣе отклоняется отъ аристократическаго строя въ сторону олигархіи карѳагенское государственное устройство въ силу вотъ какого соображенія, раздѣляемаго большинствомъ: [въ Карѳагенѣ] считаютъ, что магистраты должны быть избираемы на должность не только на основаніи ихъ благороднаго происхожденія, но также и по ихъ имущественному цензу, такъ какъ-де невозможно необезпеченному человѣку управлять хорошо дѣлами и имѣть для этого достаточно досуга. Но если избраніе магистратовъ по ихъ имущественному цензу служитъ признакомъ, свойственнымъ олигархическому строю, а избраніе ихъ по ихъ добродѣтели отмѣчаетъ собою строй аристократическій, то мы въ силу этого могли бы разсматривать ту форму государственнаго строя, [гдѣ богатство объединяется съ добродѣтелью], какъ третью, на основахъ которой карѳагеняне и организовали всѣ элементы своего строя: ибо они избираютъ власти, обращая вниманіе именно на эти два пункта, и притомъ власти главнѣйшія—царей и стратеговъ. 6. Но въ такомъ отклоненіи отъ аристократическаго строя нужно усматривать ошибку законодателя. Вѣдь самое главное — и на это нужно прежде всего обращать вниманіе—заключается въ томъ, чтобы лучшіе люди въ государствѣ могли имѣть досугъ и ни въ чемъ не терпѣли непристойнаго съ собою обращенія, все равно будутъ ли они магистратами или частными людьми. А если должно считаться и съ тѣмъ, чтобы магистраты жили въ довольствѣ и тѣмъ самымъ могли пользоваться досугомъ, то плохо, когда высшія изъ магистратуръ, именно царское достоинство и стратегія, могутъ быть покупаемы за деньги [1]). Такого рода

[1]) О такого рода фактахъ свидѣтельствуетъ и Поливій, VI, 56, 4: „у карѳагенянъ, открыто давая взятки, получаютъ должности“. Быть можетъ, и Платонъ, *Государство*, 544 d, имѣетъ въ виду Карѳагенъ, когда онъ говорилъ о „покупаемой за деньги царской власти“.

законъ ведетъ къ тому, что богатство цѣнится выше добродѣтели, и все государство становится корыстолюбивымъ. 7. Вѣдь то, что́ считается цѣннымъ со стороны власть имущихъ, неизбѣжно является таковымъ и въ представленіи остальныхъ гражданъ. А гдѣ добродѣтель не цѣнится выше всего, тамъ государственный строй не можетъ быть признаваемъ строемъ твердо-аристократическимъ. Вполнѣ естественно, что покупающіе власть за деньги привыкаютъ извлекать изъ нея прибыль въ томъ случаѣ, когда они, при отправленіи своей магистратуры, поиздержатся, и невѣроятно, чтобы человѣкъ бѣдный, но нравственно-благородный, пожелалъ извлекать выгоду [изъ своего служебнаго положенія], а человѣкъ менѣе порядочный не пожелалъ [дѣлать этого, особенно если достиженіе власти] сопряжено было для него съ извѣстными расходами. Ввиду всего этого властвовать должны тѣ, кто въ состояніи властвовать наилучшимъ образомъ. Если кароагенскій законодатель не обратилъ вниманіе на то, чтобы нравственно-благороднымъ людямъ дать возможность жить въ достаткѣ, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, позаботиться о томъ, чтобы правители имѣли необходимый для нихъ досугъ.

8. Отрицательною стороною [всякаго государственнаго строя] можно считать и то, что одному человѣку предоставлена возможность занимать одновременно нѣсколько должностей; между тѣмъ въ Карѳагенѣ такой порядокъ пользуется доброй репутаціей. Однако, всякое дѣло всего лучше исполняется однимъ работникомъ. Съ этимъ непремѣнно долженъ считаться законодатель и не допускать того, чтобы одно и то же лицо и сапоги тачало и на флейтѣ играло. Такимъ образомъ, въ государствѣ не слишкомъ малыхъ размѣровъ, принципъ болѣе свойственный политіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и демократіи, заключался бы въ томъ, чтобы возможно большее число гражданъ имѣло доступъ къ магистратурамъ: тогда всякій будетъ дѣлать свое дѣло, какъ мы сказали, и болѣе сообразуясь съ общественными интересами и лучше и скорѣе [1]). Это ясно сказывается на военномъ и мор-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 370 с: „большею частью все совершается и лучше и легче, когда одно лицо будетъ дѣлать одно свойственное его природѣ дѣло, а отъ остальныхъ будетъ избавлено". Исократъ, *Бу-*

скомъ дѣлѣ, гдѣ принципъ приказанія и послушанія, проходитъ, такъ сказать, чрезъ весь служебный персоналъ.

9. Хотя, такимъ образомъ, строй карѳагенскаго государства и отмѣченъ олигархическимъ характеромъ, однако карѳагеняне удачно спасаются отъ возмущеній со стороны народа тѣмъ, что даютъ ему возможность разбогатѣть, а именно: они постоянно высылаютъ опредѣленную часть народа въ [подвластные Карѳагену] города. Этимъ карѳагеняне врачуютъ свой государственный строй и придаютъ ему стойкость. Но въ данномъ случаѣ все-таки главную роль играетъ случай, а въ сущности-то на обязанности законодателя лежитъ предупреждать среди гражданъ волненія. При теперешнемъ же положеніи стоитъ случиться какой-либо бѣдѣ, и масса населенія перестанетъ повиноваться, и никакого средства не найдется для водворенія спокойствія, вслѣдствіе [дефектовъ карѳагенскаго] законодательства въ этомъ отношеніи.

Вотъ какимъ образомъ организованы государственныя устройства въ Лакедэмонѣ, на Критѣ и въ Карѳагенѣ, устройства, по справедливости, пользующіяся хорошей славой.

9.

1. Среди тѣхъ лицъ, которыя высказались такъ или иначе о государственномъ устроеніи, нѣкоторыя даже и въ малой степени не принимали активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, но провели всю свою жизнь вдали отъ политики; то, что ими было высказано болѣе или менѣе замѣчательнаго въ этомъ отношеніи, почти все уже упомянуто выше. Напротивъ, нѣкоторыя были законодателями; одни изъ нихъ издавали законы для своихъ государствъ, другія для чужихъ, причемъ они и лично принимали участіе въ политической дѣятельности. Изъ этихъ законодателей одни были только авторами законовъ, другіе, какъ, напримѣръ, Ликургъ и Солонъ, были организаторами государственнаго строя, такъ какъ

зирисъ, 16: „онъ приказалъ однимъ и тѣмъ же лицамъ постоянно заниматься одними и тѣми же занятіями, зная, что тѣ, кто мѣняетъ родъ своихъ занятій, не знаетъ толкомъ ни одного дѣла, а тотъ, кто постоянно усиленно занимается однимъ и тѣмъ же дѣломъ, доводитъ его съ успѣхомъ до конца“.

они и издали законы и организовали въ соотвѣтствіи съ ними государственныя устройства.

2. О лакедэмонскомъ государственномъ устройствѣ было сказано выше [1]). Солона нѣкоторые считаютъ отличнымъ законодателемъ [2]): онъ уничтожилъ олигархію въ Аѳинахъ, проявлявшуюся уже слишкомъ неумѣренно, положилъ конецъ рабству простого народа и установилъ демократію «по старинѣ», удачно соединивъ въ ней всѣ элементы государственнаго строя: ареопагъ представлялъ элементъ, свойственный олигархическому строю, замѣщеніе должностей посредствомъ выборовъ—элементъ, присущій аристократическому строю, учрежденіе суда присяжныхъ было дѣломъ демократическимъ. Повидимому, однако, Солонъ удержалъ то, что существовало уже ранѣе его, именно ареопагъ и замѣщеніе магистратуръ путемъ выборовъ, но демократію именно онъ установилъ тѣмъ, что ввелъ судъ присяжныхъ, къ которому имѣли доступъ всѣ граждане. 3. Нѣкоторые упрекаютъ Солона за это, указывая, что онъ свелъ на нѣтъ другіе, не демократическіе, элементы государственнаго строя, передалъ высшую власть надъ всѣмъ суду присяжныхъ, члены котораго избирались по жребію. Когда судъ присяжныхъ получилъ преобладающее значеніе, то предъ демосомъ стали заискивать, какъ заискиваютъ предъ тиранномъ, и государственный строй обратился въ теперешнюю демократію. Значеніе ареопага «обрѣзалъ» Эфіальтъ вмѣстѣ съ Перикломъ; послѣдній ввелъ плату за участіе въ судѣ присяжныхъ, и тѣмъ самымъ каждый демагогъ получилъ возможность расширять въ этомъ отношеніи полномочія демоса, пока демократія не вылилась въ ту форму, какую мы видимъ теперь въ Аѳинахъ. 4. Произошло это, кажется, не въ соотвѣтствіи съ планами Солона, а скорѣе вслу стеченія обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что во время Персидскихъ войнъ, благодаря демосу, Аѳины пріобрѣли гегемонію на морѣ; это возбудило въ немъ высокомѣріе и, несмотря на противодѣйствіе благонамѣренныхъ политическихъ дѣятелей, демосъ сталъ подчиняться вліянію плохихъ руководителей. Между

---

[1]) См. стр. 73 сл.

[2]) И Платонъ, *Государство,* 599 е, считаетъ Харонда въ Италіи и Солона въ Греціи „хорошими“ законодателями, „принесшими пользу“ своими законами.

тѣмъ Солонъ, повидимому, далъ демосу лишь самую необходимую власть избирать магистратовъ и требовать отъ нихъ отчетности (если бы демосъ этими правами не обладалъ, то онъ былъ бы на положеніи раба и былъ бы враждебно настроенъ [противъ государственнаго строя]); всѣ же магистратуры, по плану Солона, должны были замѣщаться лицами знатнаго происхожденія и обладавшими имущественнымъ достаткомъ, именно изъ классовъ пентакосіомедимновъ, зевгитовъ и т. н. всадниковъ; четвертый классъ составляли ѳеты, не имѣвшіе доступа ни къ какой магистратурѣ [1]).

5. Законодателями были также Залевкъ для Локровъ Эпизефирійскихъ [2]) и Харондъ изъ Катаны [3]) для своихъ согражданъ, а также для остальныхъ халкидскихъ городовъ въ Италіи и Сициліи [4]). Нѣкоторые пытаются включить къ числу законодателей и Ономакрита, который будто бы былъ первымъ, отличившимся въ дѣлѣ законодательства; указываютъ, что Ономакритъ, хотя онъ былъ локріецъ по происхожденію, получилъ выучку на Критѣ, гдѣ онъ жилъ, изучая искусство мантики [5]); что онъ былъ пріятелемъ Ѳалета; что учениками Ѳалета были также Ликургъ и Залевкъ, а ученикомъ Залевка былъ Харондъ. Но устанавливающіе такое преемство слишкомъ мало считаются съ хронологіей [6]).

6. У ѳиванцевъ законодателемъ былъ Филолай коринѳянинъ [7]). Филолай происходилъ изъ рода Вакхіадовъ; вступивъ въ любовную связь съ Діокломъ, побѣдителемъ на олимпійскихъ состязаніяхъ, Филолай, когда Діоклъ уѣхалъ изъ Коринѳа, отвергъ преступную любовь къ себѣ его матери Алкіоны и удалился въ Ѳивы.

---

[1]) Подробности см. въ „Аѳинской Политіи" Аристотеля, гл. 6—12. См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, Харьковъ 1909, стр. 49 сл.

[2]) Городъ въ Южной Италіи.

[3]) Городъ въ Сициліи.

[4]) Время этихъ законодательствъ—VII в. до Р. Хр.

[5]) Т. е. прорицанія.

[6]) Наши свѣдѣнія объ Ономакритѣ Локрійскомъ исчерпываются приводимымъ свидѣтельствомъ Аристотеля. О Ѳалетѣ, какъ учителѣ Ликурга и законодателѣ критскомъ, упоминаютъ Страбонъ (по Эфору?), p. 482, и Плутархъ, *Ликургъ*, 4.

[7]) Повидимому, Филолай—законодатель также VII вѣка.

Въ Θивахъ оба, Филолай и Діоклъ, и скончали дни свои. И теперь еще показываютъ ихъ могильные холмы, расположенные такъ, что съ одного изъ нихъ можно хорошо видѣть другой; но если повернуться къ коринѳской территоріи, то одинъ холмъ виденъ, а другой—нѣтъ. 7. По преданію, Филолай и Діоклъ сами распорядились, чтобы ихъ могилы были расположены такимъ образомъ: Діоклъ хотѣлъ—изъ отвращенія къ тому, что съ нимъ приключилось—покоиться такъ, чтобы съ его могильной насыпи не была видна коринѳская область, а Филолай, напротивъ, желалъ, чтобы она была видна. Оба они жили въ Θивахъ по указанной выше причинѣ. Филолай, между прочимъ, установилъ въ Θивахъ также и законы, касающіеся дѣторожденія (эти законы ѳиванцы называютъ законами объ усыновленіи); они были установлены Филолаемъ спеціально съ цѣлью сохраненія [одинаковаго числа] земельныхъ надѣловъ.

8. Въ законодательствѣ Харонда нѣтъ ничего, лично ему принадлежащаго, за исключеніемъ закона о процессахъ противъ лжесвидѣтельствъ (онъ первый установилъ преслѣдованіе за нихъ). По точности и законченности формулировки своихъ законовъ Харондъ выдѣляется даже среди современныхъ законодателей.

Фалею принадлежитъ законъ объ уравненіи собственности, Платону законы объ общности женъ, дѣтей и имуществъ, о женскихъ сисситіяхъ, а также законъ, касающійся попоекъ, а именно то, что предсѣдательствовать на нихъ должны люди трезвые, далѣе законъ о военныхъ упражненіяхъ, всилу котораго упражняющіеся должны умѣть одинаково владѣть и правой и лѣвой рукою, такъ какъ одна рука должна столь же быть пригодна для военныхъ упражненій, какъ и другая.

9. Есть законы Драконта, но онъ далъ ихъ уже для существовавшаго государственнаго строя. Оригинальнаго, заслуживавшаго бы упоминанія, въ этихъ законахъ нѣтъ ничего, исключая только тягости размѣра наказаній [1]).

Также Питтакъ былъ творцомъ законовъ, но не государственнаго строя [2]). Оригиналенъ слѣдующій законъ Питтака: пья-

[1]) Иначе въ „Аѳинской политіи“, гл. 4. Ср. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, стр. 40 сл.

[2]) Питтакъ правилъ въ Митиленѣ на Лесбосѣ, вѣроятно, въ началѣ VI вѣка.

ные за совершенные ими проступки должны подвергаться болѣе суровому наказанію, нежели трезвые; такъ какъ пьяные въ большинствѣ случаевъ отличаются большею наглостью, чѣмъ трезвые, то Питтакъ заботился, [при изданіи этого закона], объ общественномъ благѣ и не желалъ оказывать того снисхожденія, которое должны были бы, пожалуй, скорѣе вызывать къ себѣ пьяные.

У ѳракійскихъ халкидцевъ былъ законодателемъ Андродамантъ, уроженецъ Регія [1]). Въ числѣ его законовъ можно отмѣтить законъ касательно убійствъ и законъ о дочеряхъ-наслѣдницахъ; впрочемъ, врядъ ли кто могъ бы указать на какую-либо оригинальную черту въ законодательствѣ Андродаманта.

Вотъ наши разсужденія о государственныхъ устройствахъ, какъ фактически существующихъ, такъ и оставшихся только въ проектахъ.

---

[1]) Упоминается только въ приведенномъ мѣстѣ „Политики“.

КНИГА III.

1.

1. При изслѣдованіи отдѣльныхъ формъ государственнаго устроенія и присущихъ имъ свойствъ надлежитъ прежде всего подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о государствѣ вообще и разобрать, что такое собственно государство. Въ настоящее время на этотъ счетъ существуетъ разногласіе. Одни утверждаютъ, что тотъ или иной актъ совершило государство, другіе говорятъ: нѣтъ, не государство, а олигархія или тираннъ. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что вся дѣятельность государственнаго мужа и законодателя имѣетъ въ виду исключительно государство, форма же государственнаго строя представляетъ извѣстнаго рода организацію, касающуюся обитателей государства. 2. Государство—понятіе сложное; подобно тому, какъ и всякое другое понятіе, представляя собою нѣчто цѣлое, состоитъ изъ многихъ элементовъ, такъ точно и государство. Отсюда ясно, что сначала нужно опредѣлить понятіе гражданина, потому что государство заключаетъ въ себѣ извѣстную совокупность гражданъ.

Итакъ, должно разсмотрѣть, кого слѣдуетъ называть гражданиномъ, что это такое гражданинъ? Дѣло въ томъ, что зачастую мы встрѣчаемъ разногласіе въ опредѣленіи понятія гражданина, и не всѣ согласны считать гражданиномъ одно и то же лицо: такъ, тотъ, кто въ демократіи гражданинъ, въ олигархіи часто уже не гражданинъ. 3. Тѣхъ лицъ, которыя получили названіе гражданъ въ какомъ-либо исключительномъ смыслѣ, напримѣръ, пожалованныхъ гражданъ, должно исключить [изъ области нашего изслѣдованія] [1]).

---

[1]) Пожалованный гражданинъ (ποιητὸς πολίτης)—гражданинъ, ставшій таковымъ въ силу опредѣленнаго законодательнаго акта. Пожалованные граждане не пользовались всею совокупностью гражданскихъ правъ; въ Аѳинахъ, напримѣръ, они не могли быть архонтами и жрецами.

Гражданинъ является таковымъ и не всилу того, что онъ живетъ въ томъ или иномъ опредѣленномъ мѣстѣ: вѣдь и метэки и рабы также, наряду съ гражданами, имѣютъ свое мѣстожительство [1]). Равнымъ образомъ не граждане и тѣ лица, которыя правомочны быть истцами и отвѣтчиками, такъ какъ этимъ же правомъ пользуются и иноземцы на основаніи заключенныхъ съ ними соглашеній (иноземцы пользуются именно этою привилегіей). Что касается метэковъ, то они не пользуются этимъ правомъ въ полномъ объемѣ, но должны избирать себѣ патрона; такимъ образомъ, [уже въ силу этого ограниченія], метэки участвуютъ въ государственномъ общеніи не въ полной мѣрѣ [2]).

4. И о юношахъ, не достигшихъ совершеннолѣтія и потому не внесенныхъ еще въ гражданскіе списки [3]), и о старцахъ, освобожденныхъ [за ихъ преклоннымъ возрастомъ] отъ исполненія гражданскихъ обязанностей, приходится сказать, что и тѣ и другіе—граждане лишь въ относительномъ, а не въ вполнѣ абсолютномъ смыслѣ [4]); и къ первымъ, [т. е. къ юношамъ], придется прибавить «свободные отъ повинностей» граждане, а ко вторымъ «перешедшіе за предѣльный возрастъ», или что-либо въ такомъ родѣ (дѣло не въ томъ или иномъ названіи—наша мысль и безъ того ясна). Мы же ставимъ своею задачею опредѣлить понятіе гражданина въ абсолютномъ значеніи этого слова, въ такомъ зна-

---

[1]) Метэки (μέτοικοι, точнѣе ξένοι μέτοικοι)—свободные иноземцы, жившіе на чужбинѣ, подъ покровительствомъ давшаго имъ пріютъ государства; они не пользовались политическими правами и обязаны были по отношенію къ государству, давшему имъ пріютъ, опредѣленными повинностями.

[2]) Соглашенія или договоры (σύμβολα), дружественные и торговые, заключались между двумя государствами, и на этихъ-то договорахъ основывалось между ними commercium. Самъ Аристотель жилъ въ Аѳинахъ подъ покровительствомъ такого договора, заключеннаго между Аѳинами и Македоніей. Что касается необходимости метэкамъ избирать себѣ патрона среди полноправныхъ гражданъ, то такая необходимость основывалась только на юридическихъ соображеніяхъ, фактически же метэки—напримѣръ, въ Аѳинахъ—были вполнѣ самостоятельны и правомочны.

[3]) Въ гражданскіе списки новые граждане вносились, когда имъ исполнялось 18 лѣтъ.

[4]) Ср. Платонъ, *Государство*, 498 c; „когда физическія силы ослабнутъ, гражданинъ освобождается отъ государственныхъ и военныхъ обязанностей тогда такихъ гражданъ нужно уже считать гражданами въ отставкѣ“.

ченіи, которое не имѣло бы какого-либо нуждающагося въ оговоркѣ дефекта; иначе пришлось бы ставить такого же рода вопросы—и давать отвѣты на нихъ—и относительно лицъ, утратившихъ гражданскія права, и относительно изгнанниковъ.

Лучше всего абсолютное понятіе гражданина можетъ быть опредѣлено такъ: гражданинъ тотъ, кто можетъ быть судьею и магистратомъ [1]). Нѣкоторыя изъ магистратуръ бываютъ временными, ихъ одно и то же лицо не можетъ отправлять вторично вообще, или можетъ занимать ихъ лишь по истеченіи опредѣленнаго времени; при отправленіи же иныхъ должностей, напримѣръ, судьи и члена народнаго собранія, никакихъ опредѣленій на этотъ счетъ нѣтъ. 5. Однако, пожалуй, кто-нибудь замѣтитъ, что судьи и члены народнаго собранія не суть магистраты и что всилу этого они и не принимаютъ участія въ государственномъ управленіи, хотя, съ другой стороны, было бы странно считать лишенными власти именно тѣхъ, кому принадлежитъ рѣшающая роль въ управленіи. Но указанное возраженіе и не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только объ имени. Въ самомъ дѣлѣ, общаго обозначенія [для опредѣленія отношеній] судей и членовъ народнаго собранія [къ правительству] не существуетъ; [и такъ какъ мы не знаемъ], какъ нужно обозначить обѣ эти магистратуры, то—лишь бы были разграничены понятія,—пусть эти должности и останутся безъ болѣе точнаго опредѣленія. Мы же будемъ считать гражданами тѣхъ, кто участвуетъ въ судѣ и народномъ собраніи. Такое, примѣрно, опредѣленіе понятія гражданина наилучше подходитъ ко всѣмъ тѣмъ, кто именуется гражданами.

6. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что для предметовъ, специфически различающихся между собою по содержанію, такъ что одинъ изъ нихъ является первымъ, другой—вторымъ, третій—третьимъ и т. д., общаго признака, [свойственнаго всѣмъ этимъ предметамъ, какъ таковымъ], или не бываетъ вовсе, или онъ имѣется лишь въ недостаточной степени. Между тѣмъ формы государственнаго устроенія именно специфически отличаются другъ

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 768 b: „тотъ, кто не имѣетъ права принимать участія въ засѣданіяхъ суда, считается вообще не принадлежащимъ къ государству“.

отъ друга, и однѣ изъ нихъ заслуживаютъ этого наименованія въ меньшей, другія — въ большей степени. Понятно, вѣдь, что формы государственнаго строя, основанныя на ошибочныхъ началахъ, или формы, отклоняющіяся отъ нормальныхъ, стоятъ ниже тѣхъ, которыя свободны отъ этихъ недостатковъ (что мы разумѣемъ подъ отклоняющимися формами, выяснится впослѣдствіи). Такимъ образомъ, и гражданинъ долженъ быть тѣмъ или инымъ въ зависимости отъ той или иной формы государственнаго строя. Тотъ гражданинъ, опредѣленіе понятія котораго дано нами выше, соотвѣтствуетъ преимущественно гражданину демократическаго строя; къ остальнымъ формамъ государственнаго устройства данное нами опредѣленіе можетъ также подходить, хотя это и не обязательно. 7. При нѣкоторыхъ формахъ государственнаго строя демоса [1]) нѣтъ, нѣтъ обычая и устраивать регулярныя народныя собранія, а бываютъ только народныя собранія чрезвычайныя, равно какъ и судейскія функціи подѣлены между различными должностными лицами; такъ, напримѣръ, въ Лакедэмонѣ различнаго рода гражданскіе процессы разбираетъ тотъ или иной изъ эфоровъ, уголовные—геронты, другія дѣла—также какіе-либо иные магистраты. То же самое и въ Карѳагенѣ, гдѣ опредѣленные магистраты разбираютъ всѣ судебные процессы. 8. Значитъ, наше опредѣленіе понятія гражданина нуждается въ поправкѣ: въ государствахъ не демократическаго строя членъ народнаго собранія и судья не суть магистраты съ опредѣленными функціями, но и тотъ и другой отправляютъ ихъ всилу предоставленныхъ имъ власти полномочій; имъ или всѣмъ, или нѣкоторымъ, даются полномочія обсуждать и разбирать или всѣ дѣла, или нѣкоторыя изъ нихъ. Отсюда опредѣляется, кто же подходитъ подъ понятіе гражданина? О томъ, кто имѣетъ участіе въ законосовѣщательной или судебной власти, мы и можемъ утверждать, что онъ-то и является гражданиномъ даннаго государства. Государствомъ же мы и называемъ совокупность таковыхъ гражданъ, совокупность, достаточную, вообще говоря, для самодовлѣющаго существованія.

9. На практикѣ гражданиномъ считается тотъ, у кого родители—и отецъ, и мать—граждане, а не кто-либо одинъ изъ

---

[1]) Т. е. совокупности полноправныхъ гражданъ.

нихъ, т. е. либо отецъ, либо мать. Другіе идутъ еще дальше въ этомъ отношеніи и требуютъ, напримѣръ, чтобы предки гражданина во второй, третьей или даже болѣе отдаленной степени родства были также гражданами. Но при такомъ общераспространенномъ, ограничительномъ, опредѣленіи понятія гражданина возникаетъ иногда затрудненіе добиться свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ можетъ быть удостовѣрено гражданское происхожденіе предка въ третьей либо въ четвертой степени. Правда, леонтинецъ Горгій, отчасти, пожалуй, затрудняясь [рѣшить этотъ вопросъ], отчасти иронизируя, сказалъ: подобно тому, какъ ступки—работа соотвѣтствующихъ мастеровъ, такъ точно и граждане Ларисы—издѣліе деміурговъ (дѣло въ томъ, что среди этихъ послѣднихъ нѣкоторые занимались изготовленіемъ ларисъ) [1]. Но въ сущности здѣсь дѣло рѣшается просто: если граждане Ларисы принимали участіе, согласно данному выше опредѣленію, въ государственномъ управленіи, то они были гражданами, потому что не представляется вообще никакой возможности распространять на первыхъ обитателей или основателей государства требованія, чтобы они происходили отъ гражданъ или гражданокъ. 10. Требованіе это встрѣчаетъ еще большее затрудненіе въ томъ случаѣ, когда кто-либо получилъ гражданскія права всилу измѣненія государственнаго строя, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ Клисѳенъ послѣ изгнанія тиранновъ, когда онъ вписалъ въ филы многихъ [проживавшихъ въ Аттикѣ] иностранцевъ и рабовъ-метэковъ, [т. е. вольноотпущенниковъ] [2]. По отношенію къ такимъ гражданамъ спорный вопросъ не въ томъ, кто изъ нихъ гражданинъ, но въ томъ, по праву или не по праву [онъ сталъ таковымъ], хотя и при этомъ можетъ встрѣтиться

---

[1]) Горгій, уроженецъ южно-италійскаго города Леонтинъ, извѣстный риторъ и софистъ, современникъ Перикла, читавшій лекціи также и въ Ѳессаліи, а слѣдовательно, вѣроятно, и въ ѳессалійскомъ городѣ Ларисѣ. Приводимое Аристотелемъ ироническое замѣчаніе Горгія о гражданахъ Ларисы—игра словъ: *Λαρισαῖοι*, граждане Ларисы, и *Λαρισοποιοί*, мастера ларисъ, особаго сорта котловъ. Деміурги въ Ларисѣ, какъ видно изъ приводимаго свидѣтельства, были магистраты съ столь большими полномочіями что они могли принимать въ составъ общины новыхъ гражданъ.

[2]) Объ этой реформѣ Клисѳена см у В. П. Бузескула, *Исторія аѳинской демократіи*, стр. 86 и у Пёльмана, стр. 108 сл.

еще новое затрудненіе, а именно: если кто-либо сталъ гражданиномъ не по праву, то, значитъ, онъ и не гражданинъ, такъ какъ несправедливое равносильно ложному. [На это, однако, можно возразить такъ]: мы, вѣдь, видимъ, что нѣкоторыя лица занимаютъ магистратуры не по праву, и тѣмъ не менѣе ихъ мы все-таки назовемъ магистратами, хотя [и прибавимъ при этомъ, что] они отправляютъ свои должности не по праву. Такъ какъ мы опредѣлили понятіе гражданина въ зависимости отъ отношенія его къ той или иной магистратурѣ, а именно сказали, что гражданинъ—тотъ, кто облеченъ таковой магистратурой, то, ясно, и вышеупомянутыхъ гражданъ мы должны считать гражданами, а по праву ли они граждане, или не по праву, это стоитъ въ связи съ указанною выше контроверзой.

Нѣкоторые затрудняются рѣшить, когда тотъ или иной актъ долженъ быть признаваемъ актомъ государственнымъ и когда—актомъ не государственнымъ; напримѣръ, при переходѣ олигархіи или тиранніи въ демократію, нѣкоторые отказываются отъ исполненія своихъ обязательствъ по контрактамъ, указывая на то, что эти контракты гарантированы не государствомъ, а тиранномъ, равно какъ не исполняютъ и многихъ другихъ подобнаго рода обязательствъ, приводя въ объясненіе то, что нѣкоторыя формы государственнаго строя покоятся на правѣ силы, а не на принципѣ общаго блага. 11. Хотя бы нѣкоторыя изъ демократическихъ государствъ и возникли такимъ путемъ, все-таки должно признавать акты, исходящіе отъ правительства такого демократическаго государства, актами государственными, равно какъ и акты, исходящіе отъ правительствъ олигархическаго и тиранническаго государствъ [1]).

Поставленный нами вопросъ, повидимому, соприкасается съ вопросомъ, также нелегкимъ для разрѣшенія, такого рода: при какихъ обстоятельствахъ должно утверждать, что государство осталось тѣмъ же самымъ или не тѣмъ же самымъ, но инымъ? При самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи этого вопроса можно было бы ограничиться ссылкою на территорію и ея обитателей,

---

[1]) Ср. Платонъ, *Политикъ*, 291e: „будетъ ли народная масса властвовать надъ собственниками насильственно, или съ ихъ согласія, будетъ ли она точно соблюдать законы, или нѣтъ,—все равно, никто, во всякомъ случаѣ, не сталъ бы перемѣнять самое названіе „демократія“ на другое“.

потому что можетъ случиться, что территорія и ея обитатели [въ топографическомъ отношеніи] разъединены, и одни обитатели жили на одной территоріи, другіе—на другой. Но это затрудненіе должно быть признано еще за сравнительно слабое, такъ какъ терминъ «государство» употребляется въ разнообразномъ значеніи, и, такимъ образомъ, указанное затрудненіе могло бы быть обойдено. 12. Равнымъ образомъ, когда люди живутъ на одной и той же территоріи, должно ли считать такое государство за одно? Разумѣется, дѣло въ данномъ случаѣ идетъ не о городскихъ стѣнахъ, потому что весь Пелопоннесъ можно было бы окружить одною стѣною [1]); нѣтъ, мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ Вавилонъ и тому подобный городъ, представляющій скорѣе племенной округъ, нежели городскую общину: по разсказамъ, уже три дня прошло, какъ Вавилонъ былъ взятъ, а часть жителей города ничего еще объ этомъ не знала [2]). Впрочемъ разсмотрѣніе этого вопроса полезно отложить до другого случая: во всякомъ случаѣ политикъ не долженъ оставить безъ вниманія и вопросъ относительно величины государства, какова она должна быть, равно какъ и то, что̀ полезнѣе для государства, чтобы въ немъ обитала одна народность, или нѣсколько [3]). 13. Но допустимъ, что одна и та же территорія заселена одними и тѣми же обитателями; спрашивается: до тѣхъ поръ, пока обитатели ея будутъ одного и того же происхожденія, должно ли и государство считать однимъ и тѣмъ же, несмотря на то, что постоянно одни поколѣнія вымираютъ, другіе нарождаются? Не происходитъ ли здѣсь то же, что̀ бываетъ съ рѣками и источниками? Мы обыкновенно называемъ и рѣки и источники одними и тѣми же именами, хотя непрерывно одна масса воды прибываетъ, другая убываетъ [4]).

---

[1]) Аристотель имѣетъ, быть можетъ, въ виду замѣчаніе аѳинянъ по адресу пелопоннесцевъ, передаваемое въ приписываемой Лисію *Надгробной рѣчи*, 44: „когда впослѣдствіи пелопоннесцы стали укрѣплять Исѳмъ... разгнѣванные аѳиняне совѣтовали имъ, разъ у нихъ созрѣло уже такое рѣшеніе, окружить стѣною весь Пелопоннесъ“.

[2]) Ср. Геродотъ I, 191.

[3]) По словамъ Геродота, VIII, 73, „въ Пелопоннесѣ обитаетъ семь народностей“.

[4]) Ср. Гераклитъ, fr. 91 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 79): „нельзя дважды войти въ одну и ту же рѣку, ибо одна вода смѣняется другой“. [Переводъ Г. Ф. Церетели].

*

Или, ввиду такого рода обстоятельствъ, должно считать только обитателей одними и тѣми же, а государство признавать инымъ? Если государство есть своего рода общеніе—а оно именно и есть политическое общеніе гражданъ,—то естественно, разъ форма государственнаго строя видоизмѣняется и отличается отъ прежней, и государство признавать не однимъ и тѣмъ же; вѣдь различаемъ же мы хоры—хоръ въ комедіи, хоръ въ трагедіи—, хотя часто и тотъ и другой хоръ состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ. 14. Точно такъ же мы называемъ инымъ всякаго рода другое общеніе и соединеніе, если видоизмѣняется характеръ его; напримѣръ, тональность, состоящую изъ однихъ и тѣхъ же тоновъ, мы называемъ различно, въ одномъ случаѣ дорійскою, въ другомъ—фригійскою [1]. А если такъ, то, очевидно, и тожественность государства должна быть опредѣляема преимущественно съ точки зрѣнія его политическаго строя; давать же послѣднему наименованіе иное или то же самое можно, и не обращая вниманіе на то, населяютъ ли его одни и тѣ же жители или совершенно другіе. Справедливо ли, при измѣненіи государствомъ его политическаго строя, нарушать контракты, или слѣдуетъ сохранять ихъ, это вопросъ иного порядка.

2.

1. Непосредственно вслѣдъ за только что изложеннымъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: должно ли добродѣтель хорошаго человѣка и годнаго гражданина признавать тожественною или не тожественною. Впрочемъ, если мы хотимъ придти къ какимъ-либо результатамъ въ подлежащемъ нашему изслѣдованію вопросѣ мы должны предварительно опредѣлить какими-либо общими чертами добродѣтель гражданина. Гражданинъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ государству, въ какомъ морякъ на суд-

---

[1]) См. ниже VIII книгу. Ср. Аристотель, *Топика*, VI, 13, 150 b 22: „недостаточно для познанія сложнаго соединенія сказать, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ, потому что важно не то, изъ чего сущность каждаго объекта состоитъ, но то, какимъ образомъ она изъ этихъ составныхъ элементовъ составлена“. 14, 151 a 23: „недостаточно указать только на соединеніе, но нужно сверхъ того и опредѣлить, какого оно качества“.

нѣ къ остальному экипажу. Хотя моряки на суднѣ занимаютъ и неодинаковое положеніе—одинъ изъ нихъ гребетъ, другой правитъ рулемъ, третій состоитъ помощникомъ рулевого, четвертый носитъ какое-либо иное соотвѣтствующее наименованіе, все-таки, очевидно, наиболѣе точное опредѣленіе добродѣтели каждаго изъ нихъ въ отдѣльности будетъ подходить только къ нему одному, но какое-либо общее опредѣленіе будетъ приложимо въ равной степени и ко всѣмъ. Почему? Потому, что благополучное плаваніе—цѣль, къ которой стремятся всѣ моряки въ совокупности и каждый изъ нихъ въ отдѣльности [1]). 2. То же самое и по отношенію къ гражданамъ: хотя они и не одинаковы [по своимъ внутреннимъ свойствамъ], все же ихъ задачей служитъ поддержаніе составляемаго ими общенія, а общеніемъ этимъ и является государственное устроеніе. Поэтому-то и гражданская добродѣтель необходимо обусловливается этимъ послѣднимъ. А такъ какъ существуетъ нѣсколько видовъ государственнаго устроенія, то очевидно, что добродѣтель годнаго гражданина, добродѣтель совершенная, не можетъ быть одною, между тѣмъ какъ, называя кого-либо хорошимъ человѣкомъ, мы предполагаемъ вообще одну добродѣтель, добродѣтель совершенную [2]). Отсюда ясно, что всякій гражданинъ можетъ быть годнымъ, не обладая тою добродѣтелью, которая дѣлаетъ человѣка таковымъ. 3. Можно, впрочемъ, придти къ тому же самому заключенію инымъ путемъ, исходя изъ изслѣдованія вопроса о наилучшей формѣ государственнаго устроенія. Если возможно допустить существованіе государства, состоящаго изъ исключительно годныхъ гражданъ, то каждый изъ нихъ долженъ и исполнять подлежащее ему дѣло хорошо, что̀ зависитъ отъ добродѣтели гражданина [3]). Но такъ какъ невозможно всѣмъ гражданамъ быть одинаковыми, то не можетъ

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 961e: „кормчій и моряки на кораблѣ, объединенные въ своихъ чувствованіяхъ разумомъ кормчаго, сохраняютъ и себя самихъ и все, что̀ относится къ кораблю“.

[2]) Ср. стихъ неизвѣстнаго элегическаго поэта, цитованный въ *Никомаховой этикѣ*, II, 5, 1106 b 34: „всѣ—благородны просто, но всѣ—разнообразно злы“.

[3]) Ср. отрывокъ 21 N изъ *Эола* Еврипида: въ государствѣ, говоритъ поэтъ, „не могутъ быть отдѣльно добрые и злые, но смѣшаны они, и эта смѣсь прекрасна“.

быть и одной добродѣтели гражданина и хорошаго человѣка; добродѣтель годнаго гражданина должна быть налицо у всѣхъ гражданъ, ибо только въ такомъ случаѣ государство окажется идеальнымъ, но добродѣтелью хорошаго человѣка не могутъ обладать всѣ, если только не предполагать, что всѣ граждане въ идеальномъ государствѣ должны быть хорошими. 4. Далѣе: государство заключаетъ въ себѣ неодинаковые элементы: подобно тому какъ всякій человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а душа, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ разумъ и инстинктъ, или подобно тому, какъ семья состоитъ изъ мужчины и женщины, собственность заключаетъ въ себѣ господина и раба, точно такъ же и государство включаетъ въ себя все это, да еще сверхъ того образуется изъ другихъ, неодинаковыхъ, элементовъ. Отсюда неизбѣжный выводъ: добродѣтель всѣхъ гражданъ не можетъ быть одною, точно такъ же, какъ среди членовъ хора не одинакова роль корифея и роль парастата [1]).

Итакъ, изъ указаннаго ясно, что добродѣтель хорошаго человѣка и годнаго гражданина не абсолютно тожественны. Но не можетъ ли быть она таковою при извѣстныхъ условіяхъ? Вѣдь мы же говоримъ, что годный правитель долженъ быть хорошимъ и разсудительнымъ, а политическій дѣятель непремѣнно долженъ быть разсудительнымъ [2]). Нѣкоторые утверждаютъ, что и воспитаніе правителя должно быть инымъ, что̀ бываетъ и на самомъ дѣлѣ: царскіе сыновья обучаются верховой ѣздѣ и военному искусству, какъ и Еврипидъ говоритъ: «не тонкости мнѣ надобны, а то, что̀ нужно государству», предполагая, слѣдовательно, особое воспитаніе для правителя [3]). 6. Если добродѣтель хорошаго правителя и добродѣтель хорошаго человѣка—тожественна, а гражданиномъ является подчиненный, то добро-

---

[1]) Предводитель полу-хора, какъ бы ассистентъ корифея, предводителя всего хора.

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *О верховой ѣздѣ*, 7, 1: „всякому правителю надлежитъ быть разсудительнымъ“.

[3]) Fr. 16 N изъ утраченной трагедіи *Эолъ* (вѣроятно, съ такими словами обращался царь Эолъ къ своимъ сыновьямъ). Онесикритъ (у Страбона, p. 730) приводитъ слѣдующую надпись якобы на гробницѣ персидскаго царя Дарія: „былъ другъ друзьямъ; былъ лучшій всадникъ и стрѣлокъ; первенствовалъ среди охотниковъ; все сдѣлать могъ“.

дѣтель гражданина и добродѣтель человѣка не можетъ быть абсолютно тожественной, но [можетъ быть таковой] только въ отношеніи къ опредѣленному гражданину, такъ какъ у правителя и гражданина добродѣтель не одна и та же. И это-то, можетъ быть, побудило Ясона сказать: «мнѣ нечего ѣсть, когда я не тираннъ», другими словами, Ясонъ какъ бы не понималъ, что значитъ быть частнымъ человѣкомъ [1]). 7. Способность властвовать и подчиняться заслуживаетъ похвалы, и добродѣтель-то гражданина, повидимому, и заключается въ способности прекрасно и властвовать и подчиняться [2]). Итакъ, если мы положимъ, что добродѣтель хорошаго мужа есть способность властвовать, а добродѣтель гражданина — и то и другое, [т. е. и властвовать и подчиняться], то обѣ эти добродѣтели не заслуживали бы одинаковой похвалы. Но такъ какъ онѣ и на самомъ дѣлѣ оказываются различными [3]) и такъ какъ властитель и подчиненный должны изучать не одно и то же, и гражданину падлежитъ усвоить себѣ и способность властвоватъ и способность подчиняться и ту и другую способности проявлять, то... [4]). Это можно видѣть изъ слѣдующаго. 8. Существуетъ власть господина [надъ рабами]; подъ этою властью мы понимаемъ такую власть, которая проявляется въ приложеніи къ работамъ первой необходимости; правителю нѣтъ нужды умѣть исполнять эти работы, но онъ долженъ только пользоваться результатами [ихъ исполненія]; въ противномъ случаѣ создалось бы даже положеніе, недостойное свободнаго человѣка: я имѣю въ виду то положеніе, когда [свободный] человѣкъ исполняетъ тѣ работы, которыя должны исполняться слугами. Рабы, по нашему разъясненію, распадаются на нѣсколько категорій, такъ какъ существуетъ и нѣсколько сортовъ работъ. Одну часть этихъ работъ исполняютъ мастеровые,

---

[1]) Ясонъ — тираннъ ѳессалійскаго города Феръ въ 70-хъ годахъ IV вѣка.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 942 с: „и во время мира нужно заботиться о томъ, чтобы, съ малыхъ лѣтъ, человѣкъ умѣлъ властвовать надъ другими и подчиняться другимъ". 643 е: „съ малыхъ лѣтъ должно вести воспитаніе въ такомъ духѣ, чтобы гражданинъ стремился возлюбить добродѣтель, состоящую въ умѣньѣ властвовать и подчиняться на основахъ права".

[3]) Слѣдую чтенію Бернайса ἄμφω ἕτερα вмѣсто рукописнаго ἀμφότερα.

[4]) Пропускъ въ текстѣ.

именно такіе рабы, которые, какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ, живутъ отъ «своихъ рукъ» [1]); къ числу ихъ принадлежатъ и ремесленники. Поэтому-то въ нѣкоторыхъ государствахъ послѣдніе въ древнее время, пока демократія тамъ не получила крайняго развитія, не имѣли доступа къ государственнымъ должностямъ. 9. Итакъ, ни хорошій человѣкъ, ни политическій дѣятель, ни добрый гражданинъ не должны обучаться такимъ работамъ, которыя умѣютъ исполнять люди, предназначенные къ такого рода подчиненію, [т. е. рабы], за исключеніемъ развѣ того, когда упомянутымъ категоріямъ лицъ, вслѣдствіе нужды, приходится исполнять эти работы для себя лично: въ такомъ случаѣ различіе между господиномъ и рабомъ отпадаетъ [2]). Но существуетъ и такая власть, всилу которой человѣкъ властвуетъ надъ людьми, себѣ подобными по происхожденію и свободными. Эту власть мы называемъ властью государственною; проявлять эту власть правитель долженъ научиться, пройдя самъ школу подчиненія; напримѣръ, чтобы быть иппархомъ [3]), нужно послужить въ конницѣ, чтобы быть стратегомъ [4]), нужно послужить въ строю, быть лохагомъ, таксіархомъ [5]). И совершенно правильно то утвержденіе, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться [6]). 10. Конечно, добродѣтель правителя и подчиненнаго различна; но хорошій гражданинъ долженъ умѣть и быть способнымъ и начальствовать и подчиняться, и сама-то добродѣтель гражданина и заключается въ умѣньѣ олицетворять власть надъ свободными людьми въ томъ и другомъ направленіи, [т. е. властвовать и подчиняться]. Добродѣтель хорошаго человѣка также имѣетъ въ виду и то и другое, [т. е. умѣнье властвовать и подчиняться], хотя скромность и справедливость.

---

[1]) Мастеровые, χερνῆτες, живущіе отъ рукъ своихъ, ἀπὸ τῶν χειρῶν.

[2]) Ср. Аристотель, *Риторика*, I, 9, 1367a 31: „свободный человѣкъ не долженъ заниматься никакою ремесленною работою: его задача жить не для другого, [но для себя]".

[3]) Начальникомъ конницы.

[4]) Предводителемъ пѣшихъ войскъ.

[5]) Командиромъ болѣе или менѣе крупныхъ отдѣльныхъ подраздѣленій войска.

[6]) Ср. изреченіе, приписываемое Солону (Лаертій Діогенъ I, 60): „властвуй, научившись сперва подчиняться".

свойственная начальнику, по своему характеру, отличается [отъ скромности и справедливости, свойственной подчиненному]. Очевидно, и добродѣтель, хотя бы справедливость, хорошаго, человѣка—съ одной стороны, свободорожденнаго, съ другой—подчиненнаго—не можетъ быть одна, она распадается на нѣсколько видовъ, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, будетъ ли человѣкъ властвовать или подчиняться, все равно какъ различается мужская и женская скромность и мужество [1]): мужчина, если бы онъ былъ храбръ настолько, насколько храбра мужественная женщина, показался бы трусомъ, а женщина, если бы она была такъ же скромна, какъ скроменъ настоящій мужчина, показалась бы болтушкой; и умѣнье управлять хозяйствомъ не въ одномъ и томъ же сказывается у мужчины и у женщины: дѣло мужчины—наживать, задача женщины—[нажитое] сохранять [2]). 11. Практическій разумъ—вотъ единственная добродѣтель, свойственная правителю; остальныя добродѣтели, повидимому, являются необходимымъ общимъ достояніемъ и подчиненныхъ и правителей; отъ подчиненнаго нечего требовать, какъ добродѣтели, практическаго разума, но нужно требовать лишь правильнаго сужденія: подчиненный это какъ бы мастеръ, дѣлающій флейты, а правитель—это флейтистъ, играющій на флейтѣ [3]).

Итакъ, тожественна ли добродѣтель хорошаго человѣка и годнаго гражданина, или она различна, въ какомъ отношеніи она тожественна и въ какомъ различна, ясно изъ предыдущаго.

---

[1]) Ср. Аристотель, *Поэтика*, 15, 1454 а 22: „существуетъ мужественный характеръ, но не пристало женщинѣ быть мужественной и строгой".

[2]) Ср. отрывокъ изъ неизвѣстной трагедіи, fr. 364 N: „для женщинъ одна краса, для мужчинъ другая". Платонъ, *Менонъ*, 71е: „добродѣтель женщины заключается въ томъ, чтобы хорошо управлять домомъ, охранять все къ нему принадлежащее и быть послушной мужу". Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 7, 25: „само божество повелѣло женщинѣ охранять накопленное, зная, что для такого рода охраны не плохое дѣло имѣть строгій характеръ, а потому божество и вложило въ сердце женщины бóльшую строгость, нежели въ сердце мужчины".

[3]) Ср. Платонъ, *Государство*, 601 d: „флейтистъ даетъ указанія мастеру флейтъ насчетъ послѣднихъ, чтобы онѣ пригодны были для него при игрѣ, и приказываетъ, какія флейты нужно сдѣлать".

3.

1. Остается еще одно затрудненіе въ опредѣленіи понятія гражданина: является ли гражданиномъ дѣйствительно только тотъ, кто можетъ принимать участіе въ управленіи, или же гражданами нужно считать также и ремесленниковъ? Если должно считать гражданами также и тѣхъ, кто не имѣетъ доступа къ магистратурамъ, то та добродѣтель, [которая состоитъ въ способности и властвовать и подчиняться], не можетъ быть свойственна всякому гражданину, потому что въ указанномъ случаѣ гражданиномъ оказывается и тотъ, [кто не имѣетъ доступа къ государственнымъ должностямъ]. А если ни одинъ изъ ремесленниковъ не является гражданиномъ, то, спрашивается, къ какому же классу населенія должны быть они относимы? Разумѣется, ремесленники—не метэки и не иноземцы. Или мы должны признать, что изъ создавшагося такимъ образомъ положенія не вытекаетъ ничего страннаго, такъ какъ, вѣдь, ни рабы ни вольноотпущенники ни въ какомъ случаѣ не причисляются къ метэкамъ и иноземцамъ? 2. Совершенно справедливо, что не должно считать гражданами всѣхъ тѣхъ, безъ кого не можетъ обойтись государство, потому что и мальчики—граждане не въ томъ смыслѣ, въ какомъ граждане—мужи: послѣдніе—граждане абсолютно, первые—съ извѣстнаго рода предпосылкой—они граждане, но не несущіе повинностей. Въ древнія времена въ нѣкоторыхъ государствахъ рабы и иноземцы составляли классъ ремесленниковъ, почему и въ настоящее время этотъ классъ состоитъ большею частью изъ рабовъ и иноземцевъ [1]). Но идеальное государство не дастъ ремесленнику гражданскихъ правъ; а если и ремесленникъ—гражданинъ, то нужно признать, что та гражданская добродѣтель, о которой рѣчь была выше, подходитъ не ко всѣмъ, даже и не ко всѣмъ свободорожденнымъ, но только къ тѣмъ, кто избавленъ отъ работъ, необходимыхъ для насущнаго пропитанія. 3. Исполняющіе подобнаго рода работы для одного лица—рабы, на общее пользованіе—ремесленники и поденщики. Отсюда ясно съ перваго

[1]) Платонъ, *Законы*, 848 a, причисляетъ къ одному классу „ремесленниковъ и вообще иноземцевъ“.

взгляда, какъ обстоитъ съ ними дѣло, и уже то, что ранѣе было сказано, освѣщаетъ весь вопросъ. А именно: такъ какъ существуетъ нѣсколько формъ государственнаго устроенія, то, неизбѣжно, должно существовать и нѣсколько разновидностей гражданина, преимущественно подчиненнаго гражданина, и, такимъ образомъ, при одной формѣ государственнаго строя необходимо считать гражданами ремесленниковъ и поденщиковъ, при другой— это невозможно, напримѣръ, при такъ называемой аристократіи, гдѣ почетныя должности даются только въ зависимости отъ добродѣтели и привилегированнаго положенія гражданина: невозможно человѣку, живущему на положеніи ремесленника или поденщика, удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ добродѣтелью [1]). 4. Въ государствахъ олигархическихъ нельзя поденщика дѣлать гражданиномъ (тамъ доступъ къ магистратурамъ обусловленъ большимъ имущественнымъ цензомъ), а ремесленника можно, такъ какъ многіе ремесленники разживаются отъ своего ремесла. Въ Ѳивахъ былъ законъ: кто въ теченіе десяти лѣтъ занимался рыночною торговлей, тотъ не имѣетъ права занимать государственную должность [2]). Напротивъ, во многихъ государствахъ законъ допускаетъ въ число гражданъ и иноземцевъ: такъ, въ нѣкоторыхъ демократіяхъ гражданинъ—тотъ у, кого только мать—гражданка; тотъ же самый порядокъ наблюдается во многихъ мѣстахъ по отношенію къ незаконнорожденнымъ. 5. Тѣмъ не менѣе, хотя, вслѣдствіе недостатка въ законныхъ гражданахъ, и вступаютъ въ число гражданъ лица такого состоянія (законъ разрѣшаетъ дѣлать это по причинѣ малонаселенности государства), съ увеличеніемъ народонаселенія все-таки постепенно устраняются [изъ числа гражданъ] сначала тѣ, родителями которыхъ были рабы или рабыни, затѣмъ тѣ, у которыхъ лишь мать имѣла гражданскія права, такъ что, въ концѣ кон-

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 4, 3: „люди, занимающіеся ремеслами, совсѣмъ не имѣютъ досуга, не могутъ заботиться объ интересахъ друзей и государства; такимъ образомъ, ремесленники оказываются плохими и помощниками друзей и защитниками родины".

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 4, 3: „въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя счастливы въ военныхъ предпріятіяхъ, никому изъ гражданъ не дозволено заниматься ремесленными работами".

цовъ, гражданами становятся лишь родившіеся отъ отца-гражданина и матери-гражданки. 6. Итакъ, изъ сказаннаго ясно, что существуетъ нѣсколько разновидностей гражданина; ясно также и то, что гражданиномъ по преимуществу является тотъ, кто обладаетъ совокупностью гражданскихъ правъ; и у Гомера [1]) сказано: «какъ будто бы былъ я скиталецъ презрѣнный», ибо тотъ, кто не обладаетъ совокупностью гражданскихъ правъ,— метэкъ [2]). Гдѣ подобнаго рода отношенія затушеваны, тамъ дѣлается это съ цѣлью ввести въ заблужденіе тѣхъ, которые имѣютъ въ государствѣ [только] свое мѣстожительство.

Итакъ, изъ сказаннаго ясно, должно ли считать добродѣтель, отличающую хорошаго человѣка и годнаго гражданина, различною или тожественною: въ одномъ государствѣ понятіе хорошаго человѣка и годнаго гражданина сливается, въ другомъ—различается; да и въ первомъ случаѣ не всякій хорошій человѣкъ въ то же время и гражданинъ, но гражданинъ только тотъ, кто стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ государственной жизни, кто имѣетъ или можетъ имѣть верховную власть въ дѣлѣ попеченія о государственныхъ дѣлахъ, или единолично или вмѣстѣ съ другими.

4.

1. Послѣ сдѣланныхъ разъясненій слѣдуетъ разсмотрѣть: должно ли допустить существованіе одной формы государственнаго строя, или нѣсколькихъ, и если ихъ имѣется нѣсколько, то какія это формы, сколько ихъ и въ чемъ ихъ отличія.

Государственный строй — это государственный распорядокъ, [поскольку онъ сказывается, какъ въ организаціи] государственныхъ властей вообще, такъ преимущественно верховной

---

[1]) *Иліада IX*, 648: „сердце мое раздымается гнѣвомъ, лишь вспомнаю о томъ я, какъ обезчестилъ меня предъ цѣлымъ народомъ ахейскимъ царь Агамемнонъ, какъ будто бы...“ и пр.

[2]) Совокупность гражданскихъ правъ составляетъ честь (τιμή) гражданина; аѳинскіе граждане пользовались слѣдующими четырьмя привилегіями гражданской чести: 1) правомъ быть магистратами, судьями и принимать участіе въ выборахъ; 2) правомъ заключать браки съ аѳинянками; 3) правомъ покупки и владѣнія недвижимою собственностью; 4) правомъ совершать общественныя жертвоприношенія.

власти: верховная власть повсюду стоитъ въ связи съ господствующей въ государствѣ системой управленія, а послѣдняя олицетворяется тою или иною формою государственнаго строя. Я имѣю въ виду, напримѣръ, то, что въ демократическихъ государствахъ верховная власть—въ рукахъ народа, въ олигархіяхъ, напротивъ,—въ рукахъ немногихъ; поэтому-то и государственный строй въ демократіяхъ и олигархіяхъ мы считаемъ различнымъ, и съ той же точки зрѣнія мы будемъ судить и объ остальномъ.

2. Сначала должно предпослать вопросъ: для какой цѣли организуется государство, и на сколько видовъ распадается власть, управляющая человѣкомъ въ его общественной жизни. Уже въ предыдущихъ нашихъ разсужденіяхъ [1]), при изъясненіи вопроса о домохозяйствѣ и власти господина въ семьѣ, было указано, что человѣкъ, по природѣ своей, есть существо политическое, всилу чего даже тѣ люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, инстинктивно стремятся къ образованію совмѣстнаго сожительства. 3. Побуждаетъ, впрочемъ, людей къ этому и сознаніе общей пользы, поскольку въ интересахъ каждаго индивида проявляется стремленіе устроить свою жизнь прекрасно; это-то стремленіе и является по преимуществу цѣлью какъ для объединенной совокупности людей, такъ и для каждаго человѣка, въ отдѣльности взятаго. Правда, люди объединяются и просто ради интереса, представляемаго самою жизнью, и составляютъ государственное общеніе: вѣдь, пожалуй, и въ жизни, взятой исключительно, какъ таковой, имѣется своего рода элементъ прекраснаго [2]), исключая развѣ только тѣхъ случаевъ, когда житейская обстановка складывается черезчуръ тяжело [3]). Ясно, что большинство людей готовы претерпѣвать великія злоключенія изъ привязанности къ жизни, такъ какъ въ ней, самой по себѣ заключается своего рода благоденстіе и естественная сладость.

---

[1]) Стр. 7 сл.

[2]) Ср. Сапфо, fr. 79 B.: „люблю я нѣжность; свѣтлое... прекрасное мнѣ выпало на долю“.

[3]) Эсхилъ, fr. 171 N: „прекрасной можетъ ли быть названа та жизнь, которая приноситъ горе“? Софоклъ, *Эантъ*, 473: „вести жизнь долгую—позоръ для человѣка, которому исхода нѣтъ отъ бѣдствій“.

4. [Что касается второго изъ поставленныхъ выше вопросовъ], то нетрудно различить такъ называемыя формы власти; о нихъ мы неоднократно разсуждали и въ эксотерическихъ сочиненіяхъ [1]). Власть господина надъ рабомъ, будучи, по правдѣ говоря, одинаково полезною и для прирожденнаго раба и для прирожденнаго господина, все-таки имѣетъ въ виду главнымъ образомъ соблюденіе интересовъ господина, для раба же она можетъ оказаться полезною лишь случайно (если гибнетъ рабъ, власть надъ нимъ господина, очевидно, должна прекратиться). 5. Далѣе, власть надъ дѣтьми, надъ женою и надъ всѣмъ домомъ, [та власть], которую мы называемъ вообще властью домохозяйственною, имѣетъ въ виду либо благо подвластныхъ господину лицъ, либо совмѣстно благо господина и его домочадцевъ; въ первомъ случаѣ происходитъ то же самое, что мы наблюдаемъ по отношенію къ остальнымъ искусствамъ, напримѣръ, медицинѣ и гимнастикѣ, гдѣ случайно можетъ быть затронуто благо и самихъ [врачей и учителей гимнастики]. Вѣдь ничто не мѣшаетъ пэдотрибу [2]) иногда и самому принять участіе въ гимнастическихъ упражненіяхъ, все равно какъ кормчій всегда является и однимъ изъ моряковъ. И пэдотрибъ, или кормчій, имѣетъ въ виду благо подвластныхъ ему лицъ, но когда онъ самъ становится однимъ изъ нихъ, то случайно и онъ принимаетъ участіе въ общеполезномъ дѣлѣ: кормчій становится морякомъ, пэдотрибъ—однимъ изъ лицъ, занимающихся гимнастическими упражненіями. 6. То же самое и въ отношеніи къ государственнымъ властямъ. Тамъ, гдѣ государство организовано на принципахъ равноправія и равенства гражданъ, выступаетъ на сцену притязаніе, чтобы носители власти пользовались ею поочередно. Это притязаніе исходило первоначально изъ естественныхъ основаній: требовалось, чтобы государственныя повинности исправлялись поочередно, и каждый желалъ, чтобы, подобно тому, какъ онъ самъ, будучи ранѣе у власти, заботился о пользѣ дру-

---

[1]) „Эксотерическія сочиненія", дословно „внѣшнія сочиненія", т. е. сочиненія, не касающіяся ближайшимъ образомъ философіи. По крайней мѣрѣ, въ *Евдемовой этикѣ* противополагаются οἱ ἐξωτερικοὶ λόγοι и οἱ κατὰ φιλοσοφίαν.

[2]) Директору палэстры, части гимнасія, предназначенной для гимнастическихъ упражненій.

гого, такъ чтобы и этотъ другой, [ставъ у власти], въ свою очередь, имѣлъ въ виду его пользу [1]). Въ настоящее время, ввиду интересовъ, связанныхъ съ общественнымъ дѣломъ и проистекающихъ отъ [нахожденія у] власти, всѣ желаютъ непрерывно обладать ею, какъ будто тѣ, кто стоитъ у нея, пользуются постояннымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, не взирая даже на свое болѣзненное состояніе, потому что и тогда они все-таки стали бы, пожалуй, стремиться къ магистратурамъ. 7. Итакъ ясно, что только тѣ формы государственнаго строя, которыя имѣютъ въ виду общую пользу, являются, согласно принципу абсолютной справедливости, правильными; тѣ же формы, при которыхъ имѣется въ виду только личное благо правителей, всѣ ошибочны и представляютъ отклоненія отъ правильныхъ: онѣ основаны на деспотическомъ принципѣ [2]), а государство есть общеніе свободныхъ людей.

Установивъ это положеніе, надлежитъ вслѣдъ затѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію формъ государственнаго устроенія, ихъ числа и свойствъ, и прежде всего формъ правильныхъ, такъ какъ изъ опредѣленія этихъ послѣднихъ ясными станутъ и ихъ отклоненія.

5.

1. Такъ какъ форма государственнаго устроенія то же самое, что и политическая система, послѣдняя же олицетворяется вер-

---

[1]) Ср. описаніе состоянія Аѳинъ въ пору высокаго значенія ареопага у Исократа, *Ареопагитикъ*, 24: „причина того, что это [высокое значеніе ареопага] пришлось по сердцу большинству людей, которые не стремились къ власти, заключалась въ томъ, что они научились трудиться и соблюдать бережливость; они не относились съ небреженіемъ къ своимъ личнымъ дѣламъ и не совали носъ въ чужія, не оставляли своихъ дѣлъ ради дѣлъ общественныхъ, но оказывали имъ, въ случаѣ нужды, помощь изъ тѣхъ средствъ, какія у каждаго были въ распоряженіи; не было у нихъ стремленія знать доходы государственнаго казначейства точнѣе, чѣмъ свои собственные. И до такой степени аѳиняне чуждались въ то время всѣхъ государственныхъ дѣлъ, что трудно было найти лицъ, пожелавшихъ бы поступить на государственную службу; не то мы видимъ теперь, когда они ни въ чемъ не нуждаются. Тогда аѳиняне смотрѣли на попеченіе о государственныхъ дѣлахъ не какъ на торговое предпріятіе, но какъ на повинность“.

[2]) Т. е. въ нихъ наблюдается то же отношеніе, какое мы видимъ между господиномъ и рабомъ.

ховною властью въ государствѣ, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что эта верховная власть должна быть въ рукахъ или одного, или немногихъ, или большинства. И когда одинъ ли человѣкъ, или немногіе, или большинство правятъ, руководясь общественной пользой, естественно, такія формы государственнаго устроенія суть формы правильныя, а тѣ формы, при которыхъ имѣются въ виду личные интересы или одного лица, или немногихъ, или большинства, суть отклоненія отъ правильныхъ. Вѣдь нужно же признать одно изъ двухъ: либо лица, участвующія [въ государственномъ общеніи], не суть граждане, либо, [если они—граждане], то должны принимать участіе въ общей пользѣ. 2. Монархическое правленіе, имѣющее въ виду общую пользу, мы обыкновенно называемъ царскою властью; власть немногихъ, но болѣе одного,—аристократіей (или потому, что въ данномъ случаѣ правятъ лучшіе [1]), или потому, что правительство имѣетъ въ виду высшее благо [2]) государства и входящихъ въ составъ его элементовъ); а когда въ интересахъ общей пользы правитъ большинство, тогда мы употребляемъ обозначеніе общее для всѣхъ вообще формъ государственнаго устроенія — политія [3]). 3. И такое разграниченіе логически правильно: одно лицо или немногія могутъ выдѣляться своею добродѣтелью, но преуспѣть во всякой добродѣтели для большинства — дѣло уже трудное; легче всего эта высшая степень совершенства можетъ проявляться у большинства въ отношеніи къ военной доблести, такъ какъ послѣдняя встрѣчается именно въ народной массѣ. Вотъ почему въ политіи наивысшая верховная власть сосредоточивается въ рукахъ военнаго сословія, именно пользуются этою властью лица, имѣющія право владѣть оружіемъ. 4. Отклоненія отъ указанныхъ правильныхъ формъ государственнаго устроенія — слѣдующія: отклоненіе отъ царской власти—тираннія, отъ аристократіи—олигархія, отъ политіи—демократія. Въ сущности тираннія—та же монархическая власть, но имѣющая въ виду интересы **одного** правителя; олигархія блюдетъ интересы зажиточныхъ классовъ, демократія—

---

1) ἄριστοι.

2) ἄριστον.

3) Терминъ политія обыкновенно употреблялся, впрочемъ, для обозначенія преимущественно демократическаго строя.

интересы неимущихъ классовъ; общей же пользы ни одна изъ этихъ отклоняющихся формъ государственнаго устроенія въ виду не имѣетъ.

Нужно, однако, нѣсколько пообстоятельнѣе сказать о томъ, что̀ представляетъ собою каждая изъ указанныхъ формъ государственнаго устроенія въ отдѣльности. Изслѣдованіе это сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями: вѣдь при научномъ, а не практически-утилитарномъ только изложеніи каждой дисциплины изслѣдователь не долженъ оставлять чего-либо безъ вниманія или что-либо обходить; его задача состоитъ въ томъ, чтобы по каждому отдѣльному пункту раскрыть истину.

5. Тираннія, какъ мы сказали, есть деспотическая монархія, перенесенная на почву политическаго общенія; олигархія—та его форма, когда верховную власть въ государственномъ управленіи имѣютъ лица, обладающія имущественною собственностью; наоборотъ, при демократіи эта власть сосредоточена не въ рукахъ лицъ, имѣющихъ большое состояніе, но въ рукахъ лицъ неимущихъ. И вотъ возникаетъ первое затрудненіе въ разграниченіи [того, что̀ такое олигархія и демократія]: если бы верховную власть въ государствѣ имѣло большинство, и большинство лицъ состоятельныхъ, [то, вѣдь, получилась бы демократія], такъ какъ демократія бываетъ именно тогда, когда верховная власть сосредоточена въ рукахъ большинства; съ другой стороны, точно такъ же, если бы оказалось гдѣ-нибудь, что неимущіе, хотя бы они и представляли собою меньшинство въ сравненіи съ зажиточными, все-таки захватили въ свои руки верховную власть въ управленіи, [получилась бы олигархія], такъ какъ, по нашему утвержденію, олигархія—тамъ, гдѣ верховная власть сосредоточена въ рукахъ небольшого количества лицъ. Такимъ образомъ оказалось бы, что предложенное нами разграниченіе формъ государственнаго устроенія сдѣлано неладно. 6. Но допустимъ, что кому-либо удалось бы объединить имущественное благосостояніе и меньшинство или, наоборотъ, имущественную недостаточность и большинство, и что, основываясь на такихъ признакахъ, стали бы давать наименованія формамъ государственнаго устроенія. [Что получилось бы въ такомъ случаѣ]? Олигархіей пришлось бы называть такую форму государственнаго строя, при которой магистратуры занимаютъ зажиточные, по количеству своему немногочисленные, демократіей—такую форму, при которой маги-

стратуры въ рукахъ неимущихъ, по количеству своему многочисленныхъ. Получается другое затрудненіе: какъ мы обозначимъ только-что указанныя формы государственнаго устроенія, ту, при которой верховная власть сосредоточена въ рукахъ зажиточнаго большинства, и ту, въ которой власть эту олицетворяетъ неимущее меньшинство? Вѣдь никакой иной формы государственнаго строя, помимо указанныхъ выше, не существуетъ. 7. Итакъ, изъ приведенныхъ соображеній, повидимому, съ очевидностью вытекаетъ слѣдующее: тотъ признакъ, что верховная власть находится либо въ рукахъ меньшинства, либо въ рукахъ большинства, есть признакъ случайный при опредѣленіи и того, что̀ такое олигархія, и того, что̀ такое демократія, потому что повсемѣстно зажиточныхъ бываетъ меньшинство, а неимущихъ—большинство; этотъ признакъ, значитъ, не можетъ служить указанными выше причинами различія [олигархіи и демократіи]. Настоящимъ признакомъ отличія олигархіи и демократіи служитъ богатство и бѣдность; вотъ почему тамъ, гдѣ власть основана—безразлично у меньшинства или большинства — на богатствѣ, мы имѣемъ дѣло съ олигархіей, а гдѣ правятъ неимущіе, тамъ предъ нами демократія. Тотъ же признакъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ меньшинствомъ, а во второмъ—съ большинствомъ, повторяю, есть признакъ случайный. Вѣдь имущественное благосостояніе—у немногихъ, а свободою пользуются всѣ граждане, и на этихъ-то принципахъ, [т. е. на принципахъ богатства и свободы] и тѣ и другіе, [т. е. олигархи и демократы], и основываютъ свои притязанія на власть въ государствѣ.

8. Прежде всего должно изслѣдовать указываемые обыкновенно, какъ отличительные, принципы олигархіи и демократіи, а также и то, что̀ признается справедливостью съ олигархической и демократической точекъ зрѣнія. Вѣдь всѣ, [олигархи и демократы], опираются на своего рода справедливость, но доходятъ при этомъ только до извѣстнаго пункта и то, что̀ они называютъ справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ея совокупности. Такъ, напримѣръ, справедливость, повидимому, состоитъ въ равенствѣ, и такъ на самомъ дѣлѣ бываетъ, но только не для всѣхъ, а для равныхъ; и неравенство также представляется справедливостью, и таковая есть на самомъ дѣлѣ, но опять-таки не для всѣхъ, а лишь для неравныхъ. Между тѣмъ люди упускаютъ изъ вниманія во-

просъ: «для кого», и потому судятъ фальшиво; причиною же этого является то, что они основываются тутъ на сужденіи о самихъ себѣ, въ сужденіи же о своихъ личныхъ дѣлахъ почти большая часть людей—плохіе судьи. 9. Такъ какъ справедливость—понятіе относительное и различается въ зависимости столько же отъ свойства объекта, сколько и субъекта, какъ объ этомъ уже ранѣе упомянуто было въ «Этикѣ» [1]), то относительно равенства, касающагося объектовъ, соглашаются всѣ, но по поводу равенства, касающагося субъектовъ, колеблются, и главнымъ образомъ вслѣдствіе только что указанной причины, именно фальшиваго сужденія о всемъ, касающемся личности; а затѣмъ, и олигархи и демократы, считая, что они все-таки согласны въ относительномъ пониманіи справедливости, укрѣпляются и въ той мысли, что они постигаютъ ее абсолютно. Олигархи разсуждаютъ такъ: если они въ извѣстномъ отношеніи — напримѣръ, въ отношеніи движимаго имущества—не равны, то, значитъ, они и вообще не равны; демократы же думаютъ такъ: если они въ какомъ-либо отношеніи равны, хотя бы въ отношеніи свободы—, то, слѣдовательно, они и вообще равны. Но самое-то существенное они тутъ и упускаютъ изъ виду. 10. Въ самомъ дѣлѣ: если бы они вступили въ общеніе и объединились исключительно ради пріобрѣтенія имущества, то они постольку могли бы претендовать на участіе въ жизни государства, поскольку это опредѣляется ихъ имущественнымъ положеніемъ. Въ такомъ случаѣ олигархическій принципъ, казалось бы, имѣлъ полную силу: вѣдь олигархи не признаютъ справедливымъ, напримѣръ, такой случай, когда кто-либо, внеся въ основной капиталъ въ сто минъ всего одну мину, предъявлялъ бы одинаковыя претензіи съ тѣмъ, кто внесъ всю остальную сумму, на дивидендъ съ основного капитала и съ наросшихъ на него процентовъ. [Дѣло представится въ совершенно иномъ освѣщеніи, если посмотрѣть на государство съ правильной точки зрѣнія]. Государство создается не ради только того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить также и государство, состоящее изъ рабовъ и прочихъ живыхъ существъ, чего, на самомъ дѣлѣ,

---

[1]) V, 6 (стр. 87 сл. перевода Э. Л. Радлова).

теперь не бываетъ, такъ какъ ни тѣ, ни другія не имѣютъ общенія въ блаженствѣ и въ жизни, устроенной по собственному предначертанію [1]). Равнымъ образомъ государство не возникаетъ ради заключенія оборонительнаго или наступательнаго союза, въ цѣляхъ предотвращенія возможности взаимныхъ обидъ, и не ради взаимнаго торговаго обмѣна и обслуживанія; иначе этруски и карѳагеняне и всѣ вообще народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государство. 11. Правда, у нихъ существуютъ соглашенія касательно ввоза и вывоза товаровъ, имѣются договоры для предотвращенія взаимныхъ недоразумѣній и есть письменныя постановленія касательно оборонительнаго и наступательнаго союза. Но для осуществленія всего этого у нихъ нѣтъ какихъ-либо общихъ магистратуръ, напротивъ, и у карѳагенянъ и у этрусковъ свои различныя магистратуры; ни карѳагеняне, ни этруски не заботятся о томъ, каковыми, [лично имъ присущими], свойствами они должны отличаться, ни о томъ, чтобы кто-либо изъ состоящихъ въ договорѣ не былъ несправедливъ, чтобы онъ не совершилъ какой-либо низости, но они пекутся исключительно о томъ, чтобы по отношенію къ обѣимъ договорившимся сторонамъ не было взаимныхъ несправедливостей. За добродѣтелью же и порокомъ въ государствахъ заботливо наблюдаютъ тѣ, кто печется о соблюденіи въ государствѣ добраго законопорядка; въ этомъ-то и сказывается необходимость заботиться о добродѣтели гражданъ тому государству, которое желаетъ называться государствомъ по истинѣ, а не на словахъ только. Въ противномъ случаѣ государственное общеніе превратится въ простой союзъ, отличающійся отъ остальныхъ союзовъ, заключенныхъ съ союзниками, далеко живущими, только въ отношеніи пространства. Да и законъ въ такомъ случаѣ оказывается простымъ договоромъ или, какъ говорилъ софистъ Ликофронъ, просто га-

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, X, 6, 1177 a 8 (стр. 197 перевода Э. Л. Радлова). *Физика*, II, 6, 197 b 6: „неодушевленныя существа, животныя, дѣти во всемъ поступаютъ случайно, ибо соотвѣтственныхъ предначертаній у нихъ не имѣется“. Старшій современникъ Аристотеля А н а к с а н д р и д ъ въ одной изъ своихъ комедій замѣчаетъ (Meineke, FCG. III, 162): „любезнѣйшій, нигдѣ нѣтъ государства изъ рабовъ“.

рантіею личныхъ правъ, сдѣлать же гражданъ добрыми и справедливыми онъ не въ силахъ.

12. Что это такъ, [что только попеченіе о нравственномъ воспитаніи гражданъ составляетъ истинную сущность государства], это ясно, потому что, если бы кто-нибудь и пожелалъ соединить отдѣленныя пространствомъ мѣста въ одно, такъ что, напримѣръ, городскія стѣны Мегаръ и Коринѳа соприкасались бы другъ съ другомъ, все-таки одного государства не образовалось бы; не было бы этого и въ томъ случаѣ, если бы Мегары и Коринѳъ вступили другъ съ другомъ въ эпигамію [1]), хоть послѣдняя и является однимъ изъ характерныхъ элементовъ общенія между государствами. Не образовалось бы государство и въ томъ случаѣ, если бы люди, живущіе отдѣльно другъ отъ друга, но не на такомъ далекомъ разстояніи, чтобы исключена была возможность общенія между ними, установили законы, воспрещающіе имъ поступать несправедливо другъ съ другомъ при обмѣнѣ предметами мѣстной промышленности, если бы, напримѣръ, одинъ былъ плотникомъ, другой—земледѣльцемъ, третій — сапожникомъ, четвертый — кѣмъ-либо инымъ въ этомъ родѣ, и хотя бы ихъ число доходило до безконечности, общеніе ихъ все-таки простиралось бы исключительно лишь на торговый обмѣнъ и оборонительный союзъ. 13. Почему же и въ такомъ случаѣ не образовалось бы государство? Очевидно, не изъ-за отсутствія близости общенія. Въ самомъ дѣлѣ: если бы даже они при такомъ общеніи объединились, причемъ каждый смотрѣлъ бы на свой личный домъ, какъ на государство, и если бы они защищали другъ друга, какъ при оборонительномъ союзѣ, лишь въ случаѣ нанесенія кѣмъ-либо несправедливостей, то и въ такомъ случаѣ, по тщательномъ разсмотрѣніи, все-таки, кажется, не получилось бы государства, хотя бы они и послѣ объединенія относились другъ къ другу такъ же, какъ они относились, живя раздѣльно.

Итакъ ясно, что государство не есть общеніе въ топографическомъ смыслѣ, оно не создается въ цѣляхъ охраненія правъ личности или ради удобствъ взаимнаго обмѣна. Конечно, всѣ эти условія

[1]) Право обоюдныхъ браковъ между гражданами двухъ государствъ, утверждаемое особымъ договоромъ, ср. jus connubii.

должны быть налицо для существованія государства, но даже и при наличности ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, государство еще не создается; оно появляется лишь тогда, когда образуется общеніе между семьями и родами ради благой жизни, въ цѣляхъ совершеннаго и самодовлѣющаго существованія. 14. Такого рода общеніе можетъ, однако, осуществиться только въ томъ случаѣ, если люди обитаютъ въ одной и той же мѣстности и если они состоятъ между собою въ эпигаміи. По этой-то причинѣ въ государствахъ и возникли родственные союзы и фратріи и [общія] жертвоприношенія и развлеченія, все это въ интересахъ совмѣстной жизни [1]). Эта послѣдняя основана на чувствѣ взаимной дружбѣ, потому что дружба есть именно необходимое условіе совмѣстной жизни [2]). Такимъ образомъ, цѣлью государства служитъ благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цѣли; само же государство представляетъ собою общеніе родовъ и селеній ради достиженія совершеннаго самодовлѣющаго существованія, которое, какъ мы утверждаемъ, состоитъ въ счастливой и прекрасной жизни, такъ что и государственное общеніе—это нужно подчеркнуть—имѣетъ въ виду проявленіе прекрасной дѣятельности, а не просто только совмѣстное жительство. 15. Отсюда слѣдуетъ, что тѣмъ, кто вкладываетъ бóльшую долю для такого рода общенія, надлежитъ принимать въ государственной жизни и большее участіе, нежели тѣмъ, кто, будучи равенъ съ ними или даже превосходя ихъ въ отношеніи свободнаго или благороднаго происхожденія, не можетъ сравняться съ ними въ политической добродѣтели, или тѣмъ, кто, превосходя богатствомъ, не въ состояніи превзойти ихъ въ добродѣтели.

Итакъ, изъ сказаннаго выше ясно, что всѣ тѣ, которые въ своихъ сужденіяхъ о формахъ государственнаго строя приходятъ къ контроверзамъ, правы въ своихъ доводахъ лишь отчасти.

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, VIII, 11, 1160 a 19 (стр. 156 сл. перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Ср. *Евдемова этика*, VII, 1, 1234 b 22: „главной задачей политики является, повидимому, созданіе дружбы... Но не могутъ быть друзьями тѣ, кто взаимно обижаютъ другъ друга“.

6.

1. Нелегко при изслѣдованіи опредѣлить, кому должна принадлежать верховная власть въ государствѣ: народной ли массѣ, или богатымъ, или нравственно-благороднымъ людямъ, или одному наилучшему изъ всѣхъ, или тирану. Все это, оказывается, представляетъ затрудненіе для рѣшенія. Почему, въ самомъ дѣлѣ? Развѣ справедливо будетъ, если бѣдные, опираясь на то, что они представляютъ большинство, начнутъ дѣлить между собою состояніе богатыхъ? Скажутъ, «да, справедливо», потому что верховная власть постановила считать это справедливымъ. Но что же въ такомъ случаѣ подойдетъ подъ понятіе крайней несправедливости? Съ другой стороны, ясно, что если большинство, взявъ у богатыхъ все, что̀ можно взять, начнетъ дѣлить между собою достояніе меньшинства, то это будетъ грозить гибелью государству. А вѣдь добродѣтель не губитъ того, что̀ она въ себѣ заключаетъ, да и справедливость не есть нѣчто такое, что̀ разрушаетъ государство [1]). Такимъ образомъ слѣдуетъ, что тотъ законъ, [всилу котораго верховная власть предоставляется большинству], не можетъ считаться закономъ, основаннымъ на справедливости. 2. Сверхъ того, [если бы считать законъ этотъ таковымъ], пришлось бы признать справедливыми и всѣ дѣйствія, совершенныя тиранномъ: вѣдь онъ поступаетъ насильственно, опираясь на свое превосходство, совершенно такъ же, какъ поступаетъ масса по отношенію къ богатымъ. Но, быть можетъ, справедливо, чтобы властвовало меньшинство, состоящее изъ богатыхъ? А если послѣдніе начнутъ такъ же поступать, т. е. станутъ расхищать и отнимать имущество у массы, будетъ это справедливо? Въ такомъ случаѣ [нужно было бы признать справедливымъ] и противоположное, [т. е. чтобы большинство грабило и т. д. меньшинство]. Но очевидно, что такой образъ дѣйствія низокъ и несправедливъ. 3. Что же, значитъ, должны властвовать и стоять во главѣ всего люди нравственно-благородные? Но въ такомъ случаѣ всѣ остальные не-

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, II, 5, 1106 а 15 (стр. 31 перевода Э. Л. Радлова). Платонъ, *Государство*, 608 е: „все, что̀ губитъ и разрушаетъ, есть зло, а все, что̀ сохраняетъ и приноситъ пользу, есть благо“.

избѣжно утратятъ политическія права, какъ лишенные чести, [присущей гражданину], занимать магистратуры. Магистратуры, вѣдь, мы считаемъ именно за привилегію, свойственную гражданской чести, а такъ какъ, [при господствѣ нравственно-благородныхъ], магистратами будутъ всегда одни и тѣ же лица, то остальные, конечно, останутся лишенными этой чести. Не лучше ли будетъ, если власть будетъ сосредоточена въ рукахъ одного, самаго дѣятельнаго? Но въ такомъ случаѣ характеръ правленія еще въ большей степени приблизится къ олигархіи, такъ какъ большинство тогда будетъ лишено политическихъ правъ. Пожалуй, кто-нибудь скажетъ: вообще плохо то, что верховную власть олицетворяетъ собою не законъ, а человѣкъ, душа котораго подвержена вліяніямъ аффектовъ [1]). Но если признать, что верховная власть олицетворяется въ законѣ, все равно будетъ ли этотъ законъ составленъ въ олигархическомъ или въ демократическомъ духѣ, какая отъ него будетъ польза при рѣшеніи упомянутыхъ затрудненій? Результатъ будетъ тотъ же, о которомъ рѣчь была выше.

4. Объ остальныхъ вопросахъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. То же положеніе, что верховная власть предпочтительнѣе должна быть въ рукахъ большинства, нежели меньшинства, хотя бы и состоящаго изъ наилучшихъ, можетъ дать, повидимому удовлетворительное разрѣшеніе [возникшему затрудненію] и заключаетъ въ себѣ при этомъ извѣстнаго рода оправданіе, а пожалуй даже и истину [2]). Можетъ случиться, что большинство, изъ

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 713 е: „если одинъ человѣкъ, или олигархія, или даже демократія, имѣя душу, волнуемую удовольствіями и страстями и нуждающуюся въ удовлетвореніи ихъ, душу, ничего не скрывающую, но одержимую ненасытною злою болѣзнью, станетъ властвовать надъ государствомъ или любымъ частнымъ человѣкомъ и начнетъ при этомъ попирать законы, . . . средствъ для спасенія нѣтъ".

[2]) Гераклитъ, fr. 104 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 80) такъ отзывался о большинствѣ и меньшинствѣ: „Гдѣ у нихъ разумъ, гдѣ здравый смыслъ? Они слѣдуютъ за пѣвцами, ихъ наставникъ толпа, они не знаютъ, что много дурныхъ, мало хорошихъ. Вѣдь лучшіе предпочитаютъ всему одно — вѣчную славу среди смертныхъ, а толпа жуетъ свою жвачку, точно скотъ. [Переводъ Г. Ф. Церетели]. Еврипидъ, fr. 358 N: „немногихъ [благородныхъ я] болѣе хвалю, чѣмъ многихъ злыхъ". *Иліада*, XIII, 237: „сила и слабыхъ мужей не ничтожная, когда совокупна". [Переводъ Гнѣдича].

котораго каждый индивидъ въ отдѣльности и не является годнымъ, объединившись вмѣстѣ, будетъ стоять выше немногихъ лучшихъ, не какъ каждый, [повторяю], въ отдѣльности, но какъ всѣ вмѣстѣ взятые, все равно какъ обѣды въ складчину бываютъ лучше обѣдовъ, устроенныхъ на иждивенiе одного человѣка [1]) Вѣдь такъ какъ большинство заключаетъ въ себѣ много лицъ, то, возможно, въ каждомъ изъ нихъ, въ отдѣльности взятомъ, и заключается извѣстная доля добродѣтели и практическаго разума; а когда эти лица объединятся, то изъ многихъ получается какъ бы одинъ человѣкъ, у котораго много и рукъ, много и ногъ, много и смысла, и вмѣстѣ съ тѣмъ много и характера и разсудительности. Вотъ почему сужденiе большинства о музыкальныхъ и поэтическихъ произведенiяхъ отличается большею трезвостью: одни изъ большинства судятъ объ одной сторонѣ этихъ произведенiй, другiе—о другой, а всѣ вмѣстѣ судятъ о цѣломъ [2]). 5. Годные люди отличаются отъ каждаго индивида, взятаго изъ массы тѣмъ же, чѣмъ, какъ говорятъ, красивые отличаются отъ некрасивыхъ, или чѣмъ картины, написанныя художникомъ, рознятся отъ картинъ природы: въ первомъ случаѣ объединено то, что̀ во второмъ оказывается разсѣяннымъ по различнымъ мѣстамъ; и когда объединенное во-едино будетъ раздѣлено на его составныя части, то, можетъ оказаться, у одного человѣка глазъ, у другого какая-либо иная часть тѣла будетъ выглядѣть прекраснѣе глаза и т. п., написаннаго на картинѣ [3]).

---

[1]) Гесiодъ, *Труды и Дни*, 722 сл.: (на пиру въ складчину) „удовольствiя очень много, расходовъ же самая малость".

[2]) Ср. слова Гёте: Das Publicum hat im einzelnen unrecht, im ganzen immer recht. Иначе судитъ Платонъ, *Законы*, 670 е: „смѣшна огромная толпа, думающая, что она хорошо можетъ судить о томъ, что̀ гармонично и ритмично, и что̀ нѣтъ". Въ духѣ Аристотеля выражается Кратинъ (Meineke, CGF. II, 192): „привѣтъ тебѣ, толпа великая, не во время смѣшливая, въ день послѣ праздника ты нашей мудрости изъ всѣхъ судья отмѣнный".

[3]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспоминанiя о Сократѣ*, III, 10, 2: Сократъ говоритъ живописцу Паррассiю: „когда вы (живописцы) пишете красивыя фигуры, то, въ виду трудности найти у одной модели всѣ детали безукоризненными, вы собираете изъ многихъ моделей то, что̀ въ каждой изъ нихъ самое красивое и такимъ образомъ, повидимому, создаете цѣлую фигуру прекрасною. Да, мы поступаемъ такъ, отвѣчалъ Паррасiй".

Однако мы не знаемъ, возможно ли для всякаго народа, т. е. для всякой народной массы, установить такое же отличительное отношеніе многихъ къ немногимъ годнымъ людямъ [1]). Пожалуй, и дѣйствительно, по отношенію къ нѣкоторымъ народамъ это невозможно (то же самое соображеніе могло бы найти себѣ примѣненіе и относительно животныхъ [и ихъ, въ отдѣльности взятыхъ, хорошихъ качествъ]: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, такъ сказать, отличаются нѣкоторыя изъ животныхъ [отъ людей?); но по отношенію къ тому или иному большинству ничто не мѣшаетъ признать сказанное нами истиннымъ.

6. Вотъ такимъ-то путемъ и можно было бы разрѣшить указанное ранѣе затрудненіе, [т. е. должна ли верховная власть находиться въ рукахъ большинства], а также и другое затрудненіе, стоящее въ связи съ нимъ: надъ чѣмъ собственно должна имѣть верховную власть масса свободорожденныхъ гражданъ, т. е. всѣ тѣ, кто и богатствомъ не обладаютъ и не выдаются чѣмъ-либо въ своей добродѣтели? Съ одной стороны, допускать таковыхъ къ занятію высшихъ магистратуръ не безопасно: не обладая развитымъ въ достаточной степени чувствомъ справедливости, не обладая [политическимъ] смысломъ, они могутъ поступать то несправедливо, то ошибочно. Но, съ другой стороны, рискованно и устранять ихъ отъ участія во власти: когда въ государствѣ много лицъ лишено политическихъ правъ, когда въ немъ много бѣдняковъ, тогда такое государство неизбѣжно бываетъ переполнено враждебно настроенными элементами. Остается одно—предоставить всей этой массѣ участвовать въ законосовѣщательныхъ и судебныхъ органахъ власти [2]). 7. Поэтому-

[1]) Ср. у Лаертія Діогена, II, 34, о Сократѣ: „по поводу незначительной толпы Сократъ говорилъ, что она похожа на то, какъ если бы кто-либо, признавъ одну тетрадрахму фальшивой, считалъ всю кучу такихъ же фальшивыхъ монетъ за настоящія“.

[2]) Ср. Исократъ, *Ареопагитикъ*, 26: „они (члены ареопага) рѣшили, что народъ въ качествѣ какъ бы тиранна долженъ назначать магистратовъ, карать погрѣшности, постановлять свое рѣшеніе въ спорныхъ вопросахъ; они же (т. е. члены ареопага), имѣя возможность пользоваться досугомъ и пріобрѣтя достаточныя средства къ жизни, должны имѣть попеченіе о государствѣ... И въ самомъ дѣлѣ, найдешь ли болѣе прочную и справедливую демократію, чѣмъ та, которая самымъ вліятельнымъ лицамъ предоставляетъ вершать дѣла, а народъ ставитъ надъ ними въ качествѣ верховной власти“?

то и Солонъ и нѣкоторые другіе законодатели указываютъ этой массѣ опредѣленное мѣсто [въ государственной организаціи], предоставляя ей право принимать участіе въ выборѣ магистратовъ и въ контролированіи отчета объ ихъ дѣятельности [по отправленіи ими службы]; но каждый въ отдѣльности изъ этой массы не допускается къ властвованію: когда масса объединена въ одно цѣлое, въ ней достаточно смысла, и въ перемѣшку съ лучшими, она приноситъ пользу государству, все равно какъ не очищенные пищевые продукты въ соединеніи съ очищенными дѣлаютъ всякую пищу болѣе пользительной, хотя бы этихъ очищенныхъ продуктовъ было и немного [1]). Индивидъ, въ отдѣльности [взятый изъ массы], далекъ отъ совершенства въ обсужденіи дѣлъ.

8. Самая организація [намѣченнаго нами] государственнаго устроенія представляетъ прежде всего извѣстнаго рода затрудненіе. Казалось бы, что правильно судить о медицинѣ можетъ только тотъ, кто самъ занимался врачебнымъ искусствомъ и вылечилъ больного отъ одолѣвающей его болѣзни, т. е. врачъ. То же самое и относительно остальныхъ искусствъ и всякаго рода дѣятельности, основанной на опытѣ. И какъ врачу должно давать отчетъ [въ своей дѣятельности] врачамъ, такъ и остальнымъ нужно давать отчетъ лицамъ одинаковой съ ними профессіи. Врачемъ же считается и практикующій врачъ, и человѣкъ, изучающій медицину научно, и, въ-третьихъ, человѣкъ только получившій медицинское образованіе; люди послѣдней категоріи встрѣчаются вообще говоря, во всѣхъ искусствахъ, и мы предоставляемъ право судить [о той или иной профессіи] такимъ лицамъ не менѣе, нежели спеціалистамъ-знатокамъ. 9. Пожалуй, такой же порядокъ можетъ быть установленъ и при всякаго рода выборахъ. Но сдѣлать правильный выборъ могутъ только спеціалисты своего дѣла, напримѣръ, люди, свѣдующіе въ землемѣрномъ искусствѣ, могутъ правильно выбрать землемѣра, лица, знающія штурманское дѣло,—штурмана; и если при выборахъ на нѣкоторыя работы и ремесла принимаютъ участіе и кое-кто

---

[1]) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ т. н. αὐτόπυρος ἄρτος—хлѣбъ изъ непросѣянной муки—и καθαρὸς ἄρτος—хлѣбъ, выпеченный изъ просѣянной муки.

изъ непричастныхъ [къ этимъ работамъ и ремесламъ] людей, то, во всякомъ случаѣ, они не [могутъ въ данномъ случаѣ оказать своего вліянія] въ большей степени, чѣмъ знатоки. Стоя на этой точки зрѣнія невозможно было бы предоставлять народной массѣ рѣшающій голосъ ни при выборахъ должностныхъ лицъ, ни при контролированіи отчета объ ихъ дѣятельности. 10. Можетъ быть, къ тому же этотъ порядокъ во всей его совокупности и не правиленъ. Во-первыхъ, всилу прежняго замѣчанія, народная масса, хотя и не лишена всецѣло достоинствъ, свойственныхъ свободорожденному человѣку, но каждый, въ отдѣльности взятый, будетъ судить хуже, чѣмъ знатоки, толпа же, объединенная вмѣстѣ, будетъ судить лучше или, во всякомъ случаѣ, не хуже знатоковъ; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ мастеръ является не единственнымъ и не наилучшимъ судьею, именно тамъ, гдѣ дѣло понимаютъ и лица, не обладающія спеціальными познаніями въ данномъ искусствѣ; напримѣръ, домъ знаетъ не только тотъ, кто его построилъ, но о немъ еще лучше судить будетъ тотъ, кто имъ пользуется, т. е. домохозяинъ; точно такъ же руль лучше знаетъ кормчій, чѣмъ мастеръ, сдѣлавшій руль, и о пиршествѣ гость будетъ судить правильнѣе, нежели поваръ. Итакъ, изъ указаннаго выше затрудненія можно, повидимому, скоро найти выходъ намѣченнымъ нами способомъ. 11. Но за этимъ затрудненіемъ слѣдуетъ другое. Кажется страннымъ, что о болѣе важныхъ дѣлахъ рѣшающее значеніе будутъ имѣть простые люди предпочтительно предъ нравственно-благородными. А вѣдь контролированіе дѣятельности магистратовъ и выборы ихъ—дѣло очень важное, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ сказано, это предоставлено народу, такъ какъ народное собраніе имѣетъ верховную власть во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ. [Что же выйдетъ?] Въ народномъ собраніи, въ совѣтѣ и судѣ участвуютъ, люди съ небольшимъ имущественнымъ цензомъ и любого возраста [1]), казначеями же и стратегами и вообще высшими магистратами бываютъ люди, обладающіе крупнымъ имущественнымъ цензомъ. 12. Но и послѣднее затрудненіе можно было бы разрѣшить такъ же легко, какъ первое и,

---

[1]) Принадлежатъ ли слова καὶ τῆς τυχούσης ἡλικίας къ первоначальному тексту „Политики“?

можетъ быть, указанный порядокъ—порядокъ правильный. Вѣдь властью является не членъ суда, не членъ совѣта, не членъ народнаго собранія, но судъ, совѣтъ и народное собраніе; каждый изъ поименованныхъ членовъ представляетъ только составную часть самихъ учрежденій (именно я считаю такими составными частями членовъ суда, народнаго собранія и суда), такъ что народная масса съ полнымъ правомъ имѣетъ въ своихъ рукахъ верховную власть надъ болѣе важными дѣлами [въ жизни государства]: и въ народномъ собраніи и въ совѣтѣ и въ судѣ участвуютъ многіе, да и имущественный цензъ всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, превышаетъ имущественный цензъ каждаго въ отдѣльности, или немногихъ, занимающихъ высокіе посты въ государствѣ. 13. Такимъ, слѣдовательно, образомъ, разрѣшается это дѣло. Изъ перваго же указаннаго нами затрудненія, [именно, кому должна принадлежать въ государствѣ верховная власть], съ очевидностью вытекаетъ только слѣдующее положеніе: правильное законодательство должно представлять собою верховную власть, магистраты же—будетъ ли ихъ одно лицо или нѣсколько—должны имѣть рѣшающее значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда законы на этотъ счетъ не въ состояніи дать точнаго отвѣта, такъ какъ нелегко въ нихъ вообще дать вполнѣ опредѣленныя установленія касательно всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ. А какого характера должно быть правильное законодательство, то тутъ ничего яснаго еще сказать нельзя, здѣсь остается еще указанное ранѣе затрудненіе, а именно: и законы въ той же мѣрѣ, что̀ и самыя формы государственнаго устроенія, могутъ быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости. Ясно только одно, что законы должны быть согласованы съ той или иной формою государственнаго строя. А если такъ, то, очевидно, законы, соотвѣтствующіе правильнымъ его формамъ, будутъ основаны на справедливости, законы, соотвѣтствующія отклоненіямъ отъ этихъ правильныхъ формъ, не будутъ основаны на справедливости [1]).

---

[1]) Исократъ, *Ареопагитикъ* 14: „законы, ораторы, частныя лица неизбѣжно должны уподобляться той или иной формѣ государственнаго строя и имъ руководствоваться“.

7.

1. Конечною цѣлью всѣхъ наукъ и искусствъ является благо; высшее же благо есть преимущественная цѣль самой главной изъ всѣхъ наукъ и искусствъ, именно политики. Государственнымъ благомъ является право, т. е. то, что служитъ на общую пользу. По общему представленію, право есть своего рода равенство; это положеніе до извѣстной степени согласно съ тѣми философскими разсужденіями, въ которыхъ нами были разбираемы этическія проблемы [1]). Утверждаютъ, что право есть нѣчто, имѣющее отношеніе къ личности, и что равные должны и имѣть равное [2]). Не слѣдуетъ, однако, оставлять безъ вниманія свойствъ этого личнаго равенства и неравенства: выясненіе этого вопроса представляетъ затрудненіе, и къ тому же онъ принадлежитъ къ области политической философіи. 2. Пожалуй, раздадутся такіе голоса: преизбытокъ всякаго блага долженъ послужить основаніемъ для неравнаго распредѣленія государственныхъ должностей, даже въ томъ случаѣ, если претенденты на занятіе ихъ во всемъ остальномъ ничѣмъ между собою не отличаются, но всѣ одинаковы, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, при индивидуальномъ различіи, должны быть различны права, именно въ зависимости отъ [различныхъ] достоинствъ [того или иного лица]. Но если это замѣчаніе справедливо, то должны пользоваться какимъ-либо преизбыткомъ въ политическихъ правахъ и тѣ, которые отличаются цвѣтомъ своей кожи, хорошимъ ростомъ или вообще какимъ бы то ни было преимуществомъ [3]). Но не кажется ли это фальшью

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, V, 6, 1131 a 9 сл. (стр. 87 сл. перевода Э. Л. Радлова).

[2]) По Платону, *Законы*, 757 c, „равенство „удѣляетъ большему большее, меньшему меньшее, давая въ мѣру каждому, сообразно съ его природными свойствами; и бо́льшія почести равенство всегда удѣляетъ тѣмъ, кто выше по своей добродѣтели, а тѣмъ, кто ниже по своей добродѣтели и воспитанію, оно удѣляетъ каждому надлежащее, сообразуясь съ указанными основаніями. И политическое равенство всегда является въ нашихъ глазахъ ни чѣмъ инымъ, какъ именно правомъ“.

[3]) Ср. Ксенофанъ, fr. 2 (Diels, *Vorsokratiker*¹, p. 50);, „вѣдь, если бы среди гражданъ нашелся человѣкъ, искусный въ кулачномъ бою, или пентаѳлѣ, или борьбѣ, или въ легкомъ бѣгѣ, (искусствѣ), которое на играхъ цѣнится выше силы—это не могло бы содѣйствовать благоустройству го-

даже при поверхностномъ обсужденіи? Эта фальшь станетъ ясною изъ разсмотрѣнія остальныхъ наукъ и искусствъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ одинаково искусныхъ флейтистовъ развѣ слѣдуетъ давать лучшія флейты тѣмъ, которые выдаются своимъ благороднымъ происхожденіемъ? Но вѣдь они все равно лучше играть не будутъ. Разумѣется, тому, кто отличается своею игрою на флейтѣ, слѣдуетъ давать и лучшій инструментъ. 3. Если наши слова все еще не ясны, то они станутъ понятными при дальнѣйшемъ обсужденіи приведеннаго нами примѣра. Положимъ, кто-нибудь, отличаясь искусною игрою на флейтѣ, значительно уступаетъ другому въ благородствѣ происхожденіи или красотѣ (а каждое изъ этихъ преимуществъ, т. е. благородство происхожденія и красота, конечно, есть болѣе драгоцѣнное благо сравнительно съ искусною игрою на флейтѣ и они соотвѣтственно болѣе выдвигаютъ искусство игры на флейтѣ, нежели то искуство, которое имѣетъ флейтистъ, какъ таковой), все-таки послѣднему слѣдуетъ давать лучшую флейту. Иначе пришлось бы согласиться, что преимущества, доставляемыя богатствомъ и благородствомъ происхожденія, должны оказывать рѣшающее вліяніе на характеръ исполненія, между тѣмъ какъ они никакого вліянія на него не имѣютъ. 4. Далѣе, если бы и было такъ на самомъ дѣлѣ, то каждое благо должно было бы быть сопоставляемо съ всякимъ другимъ благомъ: если бы хорошій ростъ давалъ какое-либо преимущество, то хорошій ростъ слѣдовало бы ставитъ па одну доску и съ богатствомъ и съ свободою, такъ что если А выдается своимъ хорошимъ ростомъ, а В отличается своею добродѣтелью, значитъ, и хорошій ростъ и добродѣтель должны быть поставлены на одну доску, несмотря на то, что, конечно, съ общей точки зрѣнія, добродѣтель стоитъ большаго, чѣмъ хорошій ростъ; вѣдь если А больше В, то, очевидно, есть С., равное [либо А, либо В]. 5. Такое уравненіе, однако, невозможно, а потому и въ области

сударства. Ничтожную радость даетъ городу побѣда, одержанная роднымъ бойцомъ на берегахъ Пизы, ибо не обогащаетъ она тайниковъ казны". [Переводъ Г. Ф. Церетели]. Платонъ, *Законы*, 696 b: „въ государствѣ не должны воздаваться чрезвычайныя почести тому, кто отличается богатствомъ, либо быстротою, либо красотою, либо силою, но кто не имѣетъ какой-либо другой добродѣтели или такой добродѣтели, въ которой отсутствуетъ скромность".

политики, совершенно логично, притязанія на занятія магистратуръ разсматриваются не съ точки зрѣнія всякаго рода неравенства; ибо, если одни скоры, другіе тихи на ногу, то это ни въ малой степени не должно вести къ тому, чтобы первые имѣли больше, вторые меньше [политическихъ правъ]; политика — не гимническій агонъ [1]), при которомъ это различіе, [т. е. быстрый или тихій бѣгъ], играетъ роль; въ политикѣ только элементы, составляющіе государство, должны быть мѣриломъ при притязаніяхъ [на большую или меньшую долю политическихъ правъ]. Поэтому вполнѣ основательно изъявляютъ притязанія на осуществленіе привилегій, связанныхъ съ гражданскою честью въ государствѣ, лица благороднаго происхожденія, свободорожденные, богатые; вѣдь въ государствѣ должны быть и свободорожденные и лица, платящія подоходный налогъ, и оно не могло бы состоять ни изъ исключительно лицъ неимущихъ, ни изъ однихъ рабовъ. 6. Если же для существованія государства необходимы указанные элементы, то, ясно, для него необходимы и справедливость и воинская доблесть: безъ наличности ихъ невозможно жить въ государствѣ. Все различіе лишь въ томъ, что безъ указанныхъ ранѣе элементовъ невозможно вообще существованіе государства, безъ этихъ же послѣднихъ не представляется возможнымъ жить въ государствѣ прекрасной жизнью.

Условіямъ простого существованія государства могутъ — и съ полнымъ основаніемъ — удовлетворять либо всѣ, либо нѣкоторые изъ указанныхъ элементовъ, но для осуществленія благой жизни, съ совершеннымъ правомъ, могутъ изъявлять свои притязанія, какъ объ этомъ и ранѣе упомянуто, лишь воспитаніе и добродѣтель.

7. Такъ какъ полнаго равенства и полнаго неравенства нѣтъ между отдѣльными лицами, равными или неравными между собою только въ чемъ-либо **одномъ**, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что всѣ такого рода формы государственнаго строя, [въ основѣ которыхъ заключаются положенія о полномъ равенствѣ или неравенствѣ], суть отклоненія [отъ формъ правильныхъ]. Уже и выше было сказано, что всѣ изъявляютъ свои притязанія [на ту или иную роль въ государствѣ], опираясь до извѣстной степени

[1]) Т. е. состязанія въ атлетикѣ, гимнастикѣ и пр.

на право, но не всѣ могутъ ссылаться при этомъ на абсолютное право. Богатые, [напримѣръ], ссылаются на то, что въ ихъ рукахъ сосредоточено обладаніе большей частью государственной территоріи, но, вѣдь, послѣдняя—общее достояніе государства [1]); далѣе они указываютъ на свою обыкновенно бóльшую надежность въ соблюденіи обязательствъ въ отношеніи къ государству по заключеннымъ съ ними контрактамъ; свободорожденные и лица благороднаго происхожденія упираютъ на то, что они стоятъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди болѣе благороднаго происхожденія — съ бóльшимъ правомъ граждане, чѣмъ люди низкаго происхожденія; благородство происхожденія, дѣйствительно, повсюду пользуется почетомъ, и лица, происшедшія отъ болѣе благородныхъ родителей, оказываются, какъ того и слѣдуетъ ожидать, лучше, ибо благородство происхожденія—добродѣтель, присущая извѣстному роду [2]). 8. Точно такъ же мы скажемъ, что и добродѣтель изъявляетъ по праву свои притязанія, потому что, по нашему утвержденію, справедливость, напримѣръ, есть добродѣтель, необходимая въ общественной жизни, а за справедливостью неизбѣжно слѣдуютъ и остальныя добродѣтели [3]). Равнымъ образомъ и большинство можетъ предъявлять свои притязанія предпочтительно предъ меньшинствомъ, потому что большинство, во всей его совокупности, и сильнѣе и богаче и лучше по сравненію съ меньшинствомъ. Итакъ, если бы всѣ эти элементы—я имѣю въ виду людей хорошихъ, богатыхъ и благороднаго происхожденія—были на лицо въ одномъ государствѣ, а наряду съ ними еще масса остальныхъ гражданъ, то возникнетъ или не возникнетъ споръ о томъ, кому же въ государствѣ должна принадлежать власть? 9. Конечно, рѣшеніе вопроса о томъ, кому въ государствѣ надлежитъ властвовать, должно сообразоваться съ каждою изъ указанныхъ выше формъ государ-

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, VIII, 16, 1163 b 65 (стр. 164 перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Ср. *Риторика*, II, 15, 1390 b 22: „благородство происхожденія есть почетное положеніе предковъ“.

[3]) Ср. *Никомахова этика*, V, 3, 1129 b 25 — 1130 a 5 (стр. 84 перевода Э. Л. Радлова). Платонъ, *Законы*, 631 c: „изъ разсудительности и скромности, смѣшанныхъ съ мужествомъ, можетъ возникнуть третья добродѣтель—справедливость“.

ственнаго строя, такъ какъ эти формы отличаются другъ отъ друга характеромъ ихъ верховной власти: напримѣръ, при одной формѣ государственнаго строя она сосредоточена въ рукахъ богатыхъ, при другой—въ рукахъ пригодныхъ и т. д., точно такъ же при каждой изъ остальныхъ. Но мы все-таки посмотримъ, какъ должно разобраться въ поставленномъ нами вопросѣ въ томъ случаѣ, когда всѣ указанные элементы одновременно имѣются на лицо.

10. Допустимъ, что число лицъ, обладающихъ добродѣтелью, вообще совсѣмъ невелико; чѣмъ тогда нужно руководствоваться? Нужно ли считаться съ небольшимъ числомъ ихъ, только имѣя въ виду предстоящую имъ задачу, а именно: въ состояніи ли они будутъ управлять государствомъ; или ихъ должно быть столько, чтобы оказалась возможность образовать изъ ихъ наличности государство? Возникаетъ новое затрудненіе, которое касается всѣхъ лицъ, изъявляющихъ притязанія на осуществленіе привилегій, связанныхъ съ гражданскою честью: можетъ оказаться, что претендующіе на власть въ государствѣ, опираясь на свое богатство, а равно и тѣ, которые основываются въ своихъ притязаніяхъ на благородствѣ происхожденія, на самомъ дѣлѣ, не могутъ сослаться при этомъ ни на какое право. Ибо, ясно, если бы явился кто-либо, хотя бы одинъ, превосходящій своимъ богатствомъ всѣхъ остальныхъ, то, основываясь на томъ же самомъ правѣ, этотъ о д и н ъ и долженъ властвовать надъ всѣми; точно такъ же было бы и въ томъ случаѣ, если бы нашелся кто-либо, превосходящій благородствомъ своего происхожденія всѣхъ претендентовъ, основывающихся въ своихъ притязаніяхъ на томъ, что они люди—свободнаго происхожденія. 11. То же самое, пожалуй, приключится и въ аристократическихъ государствахъ по поводу индивидуальной добродѣтели: если окажется какой-либо о д и н ъ человѣкъ, превосходящій своею добродѣтелью остальныхъ лицъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи, то, по тому же самому праву, ему и должна принадлежать верховная власть. Опять-таки, если изъ среды народной массы, которая вслѣдствіе того, что ей принадлежитъ сила бо́льшая, чѣмъ немногимъ, должна обладать верховною властью, выдѣлится о д и н ъ человѣкъ или болѣе, чѣмъ одинъ, но все-таки меньше, чѣмъ бо́льшая часть народной массы, обладающій или обладающіе

большей силою сравнительно съ остальными, то ему или имъ и должна принадлежать верховная власть предпочтительно предъ толпою. 12. Изъ всего этого ясно, повидимому, слѣдуетъ, что ни одинъ изъ тѣхъ критеріевъ, на основаніи которыхъ люди изъявляютъ притязанія на власть и настаиваютъ, чтобы всѣ остальные находились у нихъ въ подчиненіи,—не правиленъ. Да и противъ тѣхъ, которые требуютъ для себя верховной власти въ государственномъ управленіи, указывая на свою добродѣтель, равно какъ и противъ тѣхъ, которые опираются на свое богатство, народная масса могла бы представить до извѣстной степени справедливое возраженіе: вѣдь ничто не мѣшаетъ, чтобы народная масса въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалась, по сравненію съ немногими, выше стоящей и болѣе зажиточной, не въ лицѣ, конечно, отдѣльныхъ индивидовъ, но взятая во всей ея совокупности.

13. Здѣсь мы можемъ столкнуться съ тѣмъ затрудненіемъ, которое нѣкоторые ставятъ какъ проблему, требующую разрѣшенія, а именно: они затрудняются рѣшить вопросъ, долженъ ли законодатель, желающій издать наиболѣе правильные законы, сообразоваться въ данномъ случаѣ съ интересами лучшихъ или съ интересами большинства? Какъ поступить въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ только что указаннымъ положеніемъ, [т. е. когда масса, взятая во всей ея совокупности, стоитъ выше немногихъ]? Мы должны тутъ понимать правильное въ смыслѣ равномѣрнаго, а такое равномѣрно-правильное имѣетъ въ виду интересы всего государства и общее благо гражданъ. Гражданиномъ въ общемъ смыслѣ является тотъ, кто принимаетъ участіе какъ во властвованіи, такъ и въ подчиненіи; при каждой формѣ государственнаго строя сущность гражданина мѣняется. По отношенію же къ наилучшей формѣ государственнаго строя гражданиномъ оказывается тотъ, кто способенъ и желаетъ подчиняться и властвовать, имѣя въ виду жизнь, согласную съ требованіями добродѣтели.

8.

1. Если кто-либо одинъ, или нѣсколько человѣкъ, больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собою государство, отличались бы такимъ преизбыт-

комъ добродѣтели, что добродѣтель всѣхъ остальныхъ и ихъ политическая мощность не могла бы идти въ сравненіе съ добродѣтелью и политическою мощностью указаннаго большинства или одного человѣка, то такихъ лицъ не слѣдуетъ и считать составною частью государства: вѣдь съ ними поступятъ вопреки справедливости, если имъ предоставятъ тѣ же права, что̀ и остальнымъ, разъ они настолько не равны съ этими послѣдними своею добродѣтелью и политической мощностью. Такой [выдающійся] человѣкъ былъ бы все равно, что божество среди людей [1]). 2. Отсюда ясно, что и при законодательствѣ должно имѣть въ виду равныхъ и по ихъ происхожденію и по способностямъ, а для выдающихся людей и законовъ не нужно, потому что они сами — законъ. Да и въ смѣшномъ положеніи оказался бы тотъ, кто сталъ бы пробовать сочинять законы для нихъ: они сказали бы, пожалуй, то, что̀, по словамъ Антисѳена [2]), львы сказали зайцамъ, когда тѣ ораторствовали въ собраніи животныхъ и требовали для всѣхъ равноправія [3]).

На этомъ-то основаніи въ демократическихъ государствахъ и учрежденъ институтъ остракизма: изъ стремленія, какъ кажется, къ установленію всеобщаго равенства, въ нихъ подвергали остракизму, т.-е. изгоняли изъ государства на опредѣленный срокъ, тѣхъ, кто, какъ оказывалось, выдавался своею мощностью, опираясь либо на богатство, либо на популярность, либо на какую-либо иную силу, имѣющую значеніе въ государствѣ. 3. По преданію, по той же самой причинѣ не взяли съ собою и Аргонавты Геракла: корабль Арго̀ не пожелалъ везти его вмѣстѣ съ прочими пловцами, такъ какъ онъ далеко выдавался среди нихъ [4]). Равнымъ образомъ нельзя признать абсолютно правильными и тѣ упреки, которые разда-

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, V, 10, 1134 a 26 (стр. 94 сл перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Ученикъ Сократа, глава Кинической школы.

[3]) Въ одной изъ Эзоповыхъ басенъ (241-я по изд. Halm'а) львы на такое требованіе зайцевъ отвѣчаютъ: „косматоногіе, вашимъ рѣчамъ нужны такіе же когти и зубы, какіе у насъ".

[4]) Ср. FHG. I, 88 M: „Антимахъ говоритъ въ своей „Лидѣ", что Гераклъ былъ высаженъ съ Арго̀, такъ какъ корабль сѣлъ очень низко, будучи отягощенъ Геракломъ. Этому сказанію послѣдовалъ и эпиграмматикъ Посидиппъ и Ферекидъ" [Леросскій].

вались по поводу тиранніи и совѣта, даннаго Ѳрасибуломъ Періандру: разсказываютъ, что Періандръ ничего не сказалъ въ отвѣтъ глашатаю, посланному къ нему за совѣтомъ, а лишь сталъ вырывать тѣ колосья, которые слишкомъ выдавались своею величиною, и, такимъ образомъ, сравнялъ засѣянное поле; когда глашатай, не уразумѣвъ, въ чемъ дѣло, доложилъ Ѳрасибулу о происшедшемъ, тотъ понялъ поступокъ Періандра въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ убивать выдающихся людей [1]). 4. Такой образъ дѣйствія въ интересахъ не только тиранніи, да и не одни лишь тиранны такъ поступаютъ, но то же самое мы встрѣчаемъ и въ олигархіяхъ и въ демократіяхъ: остракизмъ преслѣдуетъ до извѣстной степени то же самое, что и власть тиранна—именно посредствомъ изгнанія выдающихся людей подрѣзывать въ корнѣ ихъ значеніе. Такой же политикѣ слѣдуютъ и [въ греческихъ] государствахъ и у [варварскихъ] племенъ тѣ, кто пользуется, въ данный моментъ, выдающейся властью; такъ поступили аѳиняне съ самосцами, хіосцами и лесбосцами: какъ только аѳиняне получили гегемонію въ свои руки, они смирили, вопреки договорамъ, эти [союзныя съ ними государства] [2]). А персидскій царь неоднократно «подрубалъ» мидянъ, вавилонянъ и остальныя племена, гордившіяся тѣмъ, что и они въ свое время пользовались владычествомъ [3]). 5. Такимъ образомъ средство это, [т.-е. остра-

---

[1]) Та же исторія о коринѳскомъ тираннѣ Періандрѣ (начало его правленія въ 625 г. до Р. Хр.) и милетскомъ тираннѣ Ѳрасибулѣ подробно изложена у Геродота, V, 92.

[2]) Имѣется въ виду самосская война 441—440 гг., событія на Хіосѣ и Лесбосѣ 427 и 428 гг. См. Пёльманъ, стр. 154.

[3]) Аристотель имѣетъ, вѣроятно, въ виду не только вообще суровое отношеніе персовъ къ мидянамъ, вавилонянамъ и пр. при усмиреніи возстаній, но и нѣкоторые частные случаи; напр., у Діодора, XI, 6, 3, говорится о Ксерксѣ, что онъ, отправляясь противъ грековъ, засѣвшихъ въ Ѳермопилахъ, поставилъ въ передніе ряды мидянъ, разсчитывая на ихъ храбрость или желая ихъ всѣхъ погубить, „потому что мидяне продолжали еще гордиться тою прежнею гегемоніей, которая недавно была ослаблена“; по словамъ Ксенофонта, *Воспитаніе Кира*, VII, 5, 19, Киръ приказалъ вавилонянамъ платить жалованье гарнизону, желая лишить ихъ всякихъ средствъ и сдѣлать ихъ самыми покорными и легко управляемыми; въ числѣ „остальныхъ“ имѣются въ виду, вѣроятно, и египтяне, которые, по свидѣтельству Діодора, XVII, 49, охотно подчинились Александру Великому, такъ какъ персы властвовали надъ ними, прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ.

кизмъ], примѣнимо ко всѣмъ вообще формамъ государственнаго строя, въ томъ числѣ и къ нормальнымъ. Правда, въ тѣхъ формахъ, которыя являются отклоненіями отъ нормальныхъ, примѣненіе остракизма служитъ личнымъ интересамъ; но онъ находитъ себѣ въ равной степени мѣсто и въ государственныхъ организаціяхъ, преслѣдующихъ общее благо. Это можно пояснить примѣромъ, взятымъ изъ области иныхъ искусствъ и наукъ.

Развѣ можетъ допустить портретистъ, чтобы на его картинѣ человѣкъ былъ написанъ съ ногою, превосходящею симметрію, хотя бы нога эта и была очень красива? Или развѣ выдѣлитъ чѣмъ-либо кораблестроитель корму или какую-либо иную часть корабля? Развѣ позволитъ хормейстеръ участвовать въ хорѣ кому-либо, кто поетъ громче и красивѣе всѣхъ остальныхъ хористовъ? 6. Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы лица, обладающія единоличною властью, дѣйствуя согласно съ государственными интересами, прибѣгали къ остракизму въ томъ случаѣ, когда онъ является одинаково полезнымъ какъ для ихъ личной власти, такъ и для блага государства. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о неоспоримомъ превосходствѣ [тѣхъ или иныхъ выдающихся въ государствѣ гражданъ], идея остракизма находитъ своего рода справедливое оправданіе именно въ интересахъ государства. Конечно, лучше, если законодатель съ самаго начала такъ организуетъ государственный строй, что не окажется нужды прибѣгать къ такого рода врачеванію, и лишь при «второмъ плаваніи» [1]), въ случаѣ надобности, можно пробовать исправить дѣло посредствомъ такого рода поправки, [т.-е. остракизма]. Не то мы видимъ въ [греческихъ] государствахъ: прибѣгая къ остракизму, они обращали вниманіе не на интересы соотвѣтственнаго государственнаго строя, а преслѣдовали при этомъ партійныя цѣли. Итакъ ясно, что при формахъ государственнаго устройства, представляющихъ отклоненія отъ нормальныхъ, остракизмъ, какъ средство, имѣющее въ виду частные интересы, полезенъ и справедливъ; но ясно и то, что, съ общей точки зрѣнія, остракизмъ— врядъ ли правовой институтъ. 7. При наилучшей же формѣ государственнаго строя большое за-

[1]) „Второе плаваніе“—поговорка, смыслъ которой тотъ, что когда попутный вѣтеръ измѣнилъ, плыть приходится на веслахъ.

трудненіе возникаетъ вотъ въ чемъ: какъ нужно поступать въ томъ случаѣ, если кто-либо будетъ превосходить другихъ преизбыткомъ не какихъ-либо иныхъ благъ, вродѣ могущества, богатства или популярности, но будетъ отличаться преизбыткомъ добродѣтели? Вѣдь не сказать же, что такого человѣка нужно устранить или удалить въ изгнаніе[1]); съ другой стороны, нельзя себѣ представить, чтобы надъ такимъ человѣкомъ и властвовали, потому что въ такомъ случаѣ получилось бы приблизительно то же самое, какъ если бы, распредѣляя государственныя власти, потребовали и власти надъ Зевсомъ. Остается одно, что, повидимому, и естественно: всѣмъ охотно повиноваться такому человѣку, такъ что такого рода люди оказались бы въ государствахъ пожизненными царями.

9.

1. Быть можетъ, послѣ приведенныхъ выше разсужденій, умѣстно перейти къ разсмотрѣнію сущности царской власти, которая, по нашему утвержденію, является одною изъ правильныхъ формъ государственнаго строя[2]). Изслѣдованію подлежитъ вопросъ: полезна ли царская власть для государства и занимаемой имъ территоріи, стремящихся къ прекрасной организаціи своего строя, или не полезна, а, наоборотъ, предпочтительнѣе какая-либо иная форма правленія, или для однихъ государствъ царская власть полезна, для другихъ не полезна? Но предварительно нужно установить: существуетъ ли только одинъ видъ царской власти, или же имѣется въ ней нѣсколько разновидностей.

---

[1]) Аристотель, несомнѣнно, имѣетъ въ виду, между прочимъ, и совѣтъ данный эфесцамъ Гераклитомъ, fr. 121 (Diels, *Vorsokratiker* [1], p. 82) насчетъ Гермодора: „слѣдовало бы всѣмъ взрослымъ эфесцамъ удавиться, а несовершеннолѣтнимъ покинуть городъ, такъ какъ они изгнали Гермодора, своего лучшаго гражданина, сказавъ: „Да не будетъ изъ насъ никто лучшимъ, не то пусть живетъ онъ въ другомъ мѣстѣ и у другихъ“. [Переводъ Г. Ф. Церетели].

[2]) Сократъ, по замѣчанію Ксенофонта, *Воспоминанія о Сократѣ*, IV, 6, 12, „полагалъ, что и царская власть и тираннія обѣ суть власти, но онъ установлялъ между ними такое различіе: царская власть, по мнѣнію Сократа, основывается на добровольномъ ея признаніи со стороны людей и она стоитъ въ согласіи съ государственными законами“.

2. Нетрудно усмотрѣть, что существуетъ нѣсколько видовъ царской власти, и самый способъ ея проявленія въ каждомъ данномъ случаѣ не одинъ и тотъ же. Такъ, царская власть въ Лакедэмонскомъ государствѣ основывается, повидимому, преимущественно на законѣ, но она не служитъ олицетвореніемъ верховной власти во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія: лакедэмонскій царь является верховнымъ вождемъ военныхъ силъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ находится за предѣлами лакедэмонской территоріи; сверхъ того, царямъ предоставлена верховная власть надъ религіознымъ культомъ [1]). Такимъ образомъ, царская власть въ Лакедэмонѣ является какъ бы своего рода самодержавною [2]) и несмѣняемою стратегіею [3]); но право надъ жизнью и смертью лакедэмонскій царь имѣетъ исключительно только во время похода. То же самое было и въ глубокой древности при военныхъ экспедиціяхъ, когда дѣйствовало право сильнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ Гомеръ: Агамемнонъ слушалъ брань, сдерживая себя, въ народныхъ сходкахъ, но, когда войско отправлялось противъ непріятеля, онъ имѣлъ полную власть распоряжаться надъ жизнью и смертью; именно Агамемнонъ заявляетъ [4]): «если-же кого (я увижу) внѣ ратоборства... нигдѣ уже послѣ ему не укрыться отъ псовъ и пернатыхъ: смерть въ моихъ, вѣдь, рукахъ» [5]).

3. Итакъ, вотъ одинъ видъ царской власти — пожизненная стратегія. Она бываетъ либо наслѣдственною, либо выборною. Наряду съ нею встрѣчается другой видъ единодержавія, примѣромъ котораго можетъ служить царская власть у нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ; она имѣетъ такое же значеніе, что̀ и власть тиранническая, но основывается она и на законѣ и на правѣ наслѣдованія. Такъ какъ по своимъ природнымъ свойствамъ,

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *Лакедэмонская политія*, 15, 1: (Ликургъ) „положилъ, чтобы царь совершалъ за государство всѣ общественныя жертвоприношенія, какъ бы отъ лица божества“.

[2]) Слѣдую латинскому переводу Moerbecka „imperialis“, чему по-гречески соотвѣтствовало бы αὐτοκράτωρ, а не αὐτοκρατόρων, какъ въ рукописяхъ.

[3]) Т.-е. военнымъ предводительствованіемъ.

[4]) *Иліада*, II, 391 сл. (переводъ Гнѣдича).

[5]) Слова, отмѣченныя разрядкой, въ дошедшемъ до насъ текстѣ Иліады не читаются.

варвары болѣе склонны къ перенесенію рабства, нежели эллины, а азіатскіе варвары превосходятъ въ этомъ отношеніи варваровъ, живущихъ въ Европѣ, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этомъ никакихъ признаковъ раздраженія [1]). Вслѣдствіе указанныхъ причинъ царская власть у варваровъ имѣетъ характеръ тиранніи, но стоитъ она прочно, такъ какъ основою ея служитъ традиція и законъ. 4. По тому же самому и охрана царской власти у варваровъ организована такъ же, какъ у царей, а не какъ у тиранновъ: вѣдь царей охраняютъ вооруженные граждане, тиранновъ же—наемники, потому что цари властвуютъ на законномъ основаніи надъ подчиняющимися имъ добровольно, тиранны же—надъ подчиняющимися имъ противъ воли; такимъ образомъ, цари получаютъ охрану своей власти отъ гражданъ, а тиранны должны охранять себя противъ гражданъ.

5. Къ указаннымъ двумъ видамъ единодержавія примыкаетъ еще третій видъ, бывшій въ распространеніи у древнихъ грековъ и носящій имя эсимнетіи. Эсимнетія, такъ сказать, представляетъ собою выборную тираннію; она отличается отъ варварской монархіи не тѣмъ, что основывается не на законѣ, а тѣмъ только, что она не переходитъ путемъ наслѣдованія. Одни эсимнеты обладали пожизненною эсимнетіею, другіе избирались на опредѣленное время, или для выполненія опредѣленныхъ порученій; такъ, напримѣръ, граждане Митилены [2]) избрали нѣкогда эсимнетомъ Питтака для защиты отъ тѣхъ эмигрантовъ, во главѣ которыхъ стояли Антименидъ и поэтъ Алкэй [3]). 6. О томъ, что митиленцы избрали Питтака именно тиранномъ, свидѣтельствуетъ Алкэй въ одной изъ своихъ застольныхъ пѣсенъ [4]). Алкэй укоряетъ митиленцевъ за то, что они, «при всеобщемъ одобреніи, поставили тиранномъ надъ мирнымъ несчастнымъ городомъ Пит-

---

[1]) Ср. отрывокъ изъ неизвѣстной трагедіи (291 N): „какъ сердцу варваровъ любезна тираннія"! Самъ Аристотель, судя по одному сохранившемуся отъ него отрывку (81, 1489 b 27), совѣтовалъ Александру Великому обращаться съ греками „предводительски" (ἡγεμονικῶς), съ варварами „деспотически".

[2]) На островѣ Лесбосѣ.

[3]) О Питтакѣ, см. Пёльманъ, стр. 85.

[4]) fr. 37 A.

така, человѣка низкаго происхожденія». Такія формы правленія, какъ эсимнетія, были и суть, съ одной стороны, тиранническими, какъ основанныя на деспотіи, съ другой — онѣ относятся къ формамъ монархическимъ, потому что царская власть при нихъ вручается эсимнету путемъ избранія и по добровольному соглашенію гражданъ.

7. Четвертымъ видомъ царскаго единовластія являются тѣ монархіи, которыя существовали въ героическое время и основывались на добровольномъ согласіи гражданъ, равно какъ и на правѣ законнаго наслѣдованія. Такъ какъ родоначальники этихъ героическихъ царей оказались благодѣтелями народной массы, или какъ изобрѣтатели тѣхъ или иныхъ ремеслъ, или какъ предводители на войнѣ, или какъ основатели государственнаго объединенія, или, наконецъ, какъ лица, расширившія государственную территорію, то они и становились царями по добровольному согласію гражданъ, а ихъ потомки получали царскую власть путемъ наслѣдованія. Власть этихъ героическихъ царей простиралась на предводительство во время войны, на совершеніе жертвоприношеній — поскольку это послѣднее не составляло спеціальной функціи жрецовъ — и сверхъ того на разбирательство судебныхъ процессовъ, причемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ одни цари творили судъ, не принося клятвы, другіе — принося ее (клятва заключалась въ томъ, что цари поднимали вверхъ свой скипетръ). 8. Въ древнія времена цари управляли непосредственно всѣми дѣлами, касающимися государства, руководили его внутреннею и внѣшнею политикою; впослѣдствіи же, послѣ того, какъ отъ нѣкоторыхъ функцій своей власти цари отказались сами, а другія были отняты у нихъ народомъ, въ однихъ [греческихъ] государствахъ за царями сохранилось только право жертвоприношенія, въ другихъ — гдѣ вообще-то и можетъ быть рѣчь о царской власти — цари удержали за собою [изъ принадлежащихъ имъ военныхъ функцій лишь право главнокомандованія за предѣлами государственной территоріи.

10.

1. Итакъ, вотъ какіе существуютъ четыре вида царской власти: во-первыхъ, царская власть героическихъ временъ, основан-

ная на добровольномъ подчиненіи ей гражданъ, но заключавшая въ себѣ опредѣленныя полномочія, а именно — царь былъ военнымъ предводителемъ, судьею и завѣдывалъ религіознымъ культомъ; во-вторыхъ, царская власть у варваровъ, наслѣдственная и деспотическая по закону; въ-третьихъ, такъ называемая эсимнетія—выборная тираннія, и, въ-четвертыхъ, царская власть въ Лакедэмонѣ, представляющая собою, въ сущности, наслѣдственную и пожизненную стратегію. Эти четыре вида царской власти отличаются одинъ отъ другого указанными выше свойствами. 2. Пятымъ видомъ царской власти будетъ тотъ, когда одно лицо является неограниченнымъ владыкою надъ всѣмъ, точно такъ же, какъ полномочно управляетъ государственными дѣлами [въ другихъ мѣстахъ] то или иное племя или государство. Такого рода царская власть организована по образцу власти домохозяйственной: подобно тому, какъ власть домохозяина является своего рода царскою властью надъ домомъ, такъ точно эта всеобъемлющая царская власть есть, въ сущности, домоправительство надъ однимъ или нѣсколькими государствами и племенами.

Строго говоря существуетъ только два вида царской власти, подлежащихъ разсмотрѣнію: послѣдній видъ, [то что мы назвали всеобъемлющей царской властью], и царская власть въ Лакедэмонѣ. Остальные же три вида царской власти въ большинствѣ случаевъ занимаютъ срединное положеніе между указанными двумя: ихъ компетенція, съ одной стороны, меньше компетенціи всеобъемлющей царской власти, съ другой стороны—превосходитъ власть лакедэмонскихъ царей. Такимъ образомъ, значитъ, изслѣдованію подлежатъ, собственно говоря, два слѣдующихъ вопроса: 1) полезно ли, или не полезно, для государствъ имѣть у себя пожизненнаго стратега, и долженъ ли онъ происходить изъ опредѣленнаго рода, или подлежать избранію; 2) полезно ли, или не полезно, чтобы одно лицо было полномочнымъ владыкою надъ всѣмъ.

3. Изслѣдованіе о пожизненной стратегіи относится скорѣе къ сферѣ законодательной дѣятельности, нежели къ вопросу о государственномъ строѣ, потому что эта стратегія можетъ найти себѣ мѣсто во всѣхъ его формахъ. Поэтому мы оставимъ въ сторонѣ этотъ первый видъ царской власти. Что же касается другого ея вида, то

онъ дѣйствительно представляетъ особую форму государственнаго строя, почему мы и должны разсмотрѣть его и коснуться заключающихся въ изслѣдованіи о немъ трудныхъ пунктовъ. Исходною точкою нашихъ изысканій мы поставимъ обсужденіе слѣдующаго вопроса: подъ какою властью полезнѣе находиться, подъ властью ли наилучшаго мужа, или подъ властью наилучшихъ законовъ? 4. Тѣ, которые рѣшаютъ, что полезно быть подъ властью царя, ссылаются на то соображеніе, что законы-де выражаютъ собою только общія положенія, а не заключаютъ въ себѣ предуказаній на отдѣльные въ данный моментъ случаи [1]); поэтому было бы нелѣпо, какъ и при всякаго рода иномъ искусственномъ установленіи, рабски придерживаться буквы предписанія вродѣ того, какъ, [напримѣръ], въ Египтѣ врачу дозволено было отступать [отъ установленныхъ закономъ методовъ врачеванія] по истеченіи четырехъ дней, [считая съ того момента, какъ врача пригласили къ больному]; если же онъ дѣлалъ это раньше, то поступалъ такъ на свой страхъ [2]). Такимъ образомъ, выходитъ, по той же самой причинѣ, что государственный строй, строго придерживающійся въ мелочахъ буквы закона, не есть наилучшій. [На это, однако, можно возразить, что] правители должны руководствоваться общими прин-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Политикъ*, 294 a сл.: „закону никогда не было бы возможности, если бы даже онъ охватилъ собою все самое совершенное, предуказывать опредѣленно всѣмъ и каждому наилучшее и самое справедливое".

[2]) Ср. Діодоръ, I, 82, 3: „во время военныхъ походовъ и пребыванія заграницей всѣ египтяне получаютъ врачебную помощь безплатно; египетскіе врачи имѣютъ содержаніе отъ государства и должны лечить на основаніи писаннаго узаконенія, выработаннаго многими стяжавшими себѣ славу древними врачами; если они, слѣдуя предписаніямъ законовъ, изложенныхъ въ священной книгѣ, окажутся не въ состояніи спасти больного, они свободны отъ какого-либо обвиненія; но если врачъ поступитъ вопреки написаннымъ указаніямъ, онъ подлежитъ смерти. Издавая такое постановленіе, законодатель руководствовался такимъ соображеніемъ: при наличности выработанныхъ долговременною практикою и составленныхъ наилучшими врачами способовъ врачеванія, мало надежды на то, чтобы впослѣдствіи оказались болѣе разсудительные врачи". Относительно указываемаго Аристотелемъ срока ср. его замѣчаніе въ *Исторіи животныхъ*, V, 20, 553 a 9: „всякаго рода перемѣны большею частью обнаруживаются три или четыре дня спустя, какъ это бываетъ съ кризисами при болѣзняхъ".

ципами, и что лучше то, въ чемъ совершенно отсутствуетъ элементъ аффекта, чѣмъ то, чему онъ свойственъ отъ природы; въ законѣ такого элемента аффекта нѣтъ, а во всякой человѣческой душѣ онъ неизбѣжно имѣется. 5. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что зато наилучшій мужъ будетъ судить болѣе правильно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Ясно, какъ бы то ни было, что ему необходимо быть законодателемъ, и что должны существовать законы, которые теряютъ свою абсолютную силу лишь тогда, когда они отклоняются [отъ общаго духа законодательства], во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ законы должны имѣть обязательную силу. А если о томъ или иномъ законѣ не въ состояніи или вообще рѣшить или рѣшить хорошо, то кто долженъ властвовать одинъ наилучшій мужъ, или всѣ? Правда, въ настоящее время даже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ фактахъ, сходятся всѣ, творятъ судъ, совѣщаются и постановляютъ рѣшенія; и если взять любого въ отдѣльности изъ этихъ всѣхъ, то онъ, возможно, окажется и хуже, [чѣмъ тотъ наилучшій мужъ]; но, вѣдь, государство-то состоитъ изъ многихъ. И подобно тому, какъ парадный обѣдъ въ складчину бываетъ лучше обѣда простого, заказаннаго на одну персону, такъ точно и толпа о многихъ вещахъ судитъ лучше, нежели одинъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. 6. Сверхъ того, масса менѣе подвержена порчѣ; подобно большому количеству воды масса менѣе подлежитъ порчѣ, чѣмъ немногіе. Когда гнѣвъ или какой-либо иной подобнаго рода аффектъ овладѣваетъ индивидомъ, рѣшеніе послѣдняго неминуемо становится негоднымъ; а чтобы это приключилось съ массою, нужно, чтобы всѣ заразъ пришли въ гнѣвъ и всилу этого поступили ошибочно. Подъ массою же мы будемъ разумѣть въ данномъ случаѣ, конечно, свободорожденныхъ, поступающихъ во всемъ по закону, за исключеніемъ только тѣхъ неизбѣжныхъ случаевъ, когда законъ оказывается недостаточнымъ. Если это условіе нелегко осуществимо въ приложеніи къ массѣ, допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ нѣсколькими хорошими мужами и гражданами, и посмотримъ, кто менѣе подверженъ порчѣ: одинъ ли правитель, или нѣсколько правящихъ лицъ, но всѣ одинаково хорошихъ? Развѣ не ясно, что эти послѣдніе? [Возразятъ]: эти нѣсколько заведутъ партійныя распри, а одинъ стоитъ внѣ борьбы партій. Этому возраженію, пожалуй,

возможно противопоставить, что тѣ нѣсколько, какъ и тотъ одинъ, одарены отличной психической организаціей.

7. Если правленіе нѣсколькихъ лицъ, всѣхъ одинаково хорошихъ, должно считать аристократіей, правленіе же одного лица — монархіей, то первая оказалась бы для государства предпочтительнѣе послѣдней—все равно, будетъ ли царская власть опираться на вооруженную силу, или же она обойдется безъ нея —, лишь бы только оказалось возможнымъ привлечь [къ аристократическому правленію] нѣсколькихъ лицъ, стоящихъ на одинаковой ступени [нравственнаго совершенства]. Можетъ быть, въ прежнія времена монархическая форма правленія господствовала именно вслѣдствіе того, что трудно было найти лицъ, отличающихся высокими нравственными качествами, такъ какъ тогда и вообще-то государства были малонаселенными. Кромѣ того, царей ставили вслѣдствіе оказанныхъ ими благодѣяній, а ихъ оказывали хорошіе мужи. Когда же нашлось много лицъ, одинаково доблестныхъ, они, отказавшись подчиняться власти одного лица, стали изыскивать какую-либо общую форму правленія и установили политію [1]). 8. Но послѣ того, какъ вслѣдствіе нравственной порчи эти лица стали лично обогащаться на счетъ общественныхъ интересовъ, изъ политіи логически развились, тѣмъ или инымъ путемъ, олигархіи, въ которыхъ главное значеніе удѣлялось богатству. Изъ олигархій же сначала возникли тиранніи, а затѣмъ изъ тиранній—демократіи: низменная страсть корыстолюбія правителей, постоянно побуждавшая ихъ къ ограниченію числа ихъ самихъ, повела къ усиленію враждебно-настроенной имъ массы, въ результатѣ чего послѣдняя обрушилась на нихъ и установила демократію. А такъ какъ [теперь] государства возросли, то, пожалуй, было бы нелегко представить себѣ какую-либо еще иную форму государственнаго строя, помимо демократіи.

9. Если кто-либо призналъ бы, что наилучшая для государствъ форма правленія—монархическая, то возникаетъ вопросъ, какъ быть съ царскими дѣтьми? Что же, и царское потомство также должно царствовать? Но, вѣдь, если среди него окажутся такія лица, съ какими пришлось уже встрѣтиться, то это будетъ пагубно. [Скажутъ]: въ такомъ случаѣ царь, разъ онъ имѣетъ въ

[1]) Т. е. конституціонный образъ правленія.

своихъ рукахъ полноту власти, не передастъ такимъ дѣтямъ престола. [На это, однако, можно возразить]: ну, въ этомъ дѣлѣ не такъ-то легко ему довѣриться, ибо оно затруднительно [само по себѣ] и требуетъ отъ человѣка большей добродѣтели, чѣмъ это свойственно природѣ человѣка. 10. Является также затрудненіе и при рѣшеніи вопроса объ охранѣ: долженъ ли вступающій на престолъ имѣть въ своемъ распоряженіи военную силу, опираясь на которую онъ будетъ въ состояніи заставить повиноваться себѣ тѣхъ, кто этого не желаетъ; а то, иначе, какъ онъ можетъ справиться съ управленіемъ? Вѣдь если бы даже онъ былъ полновластнымъ владыкою по закону и не совершалъ ничего по своему произволу и вопреки закону, все-таки у него, несомнѣнно, должна быть въ распоряженіи извѣстная сила, опираясь на которую онъ будетъ въ состояніи охранять законы. Правда, по отношенію къ законному царю вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ быстро и безъ затрудненія: такой царь долженъ обладать вооруженною силою, и она должна быть настолько значительна, чтобы царь, опираясь на нее, оказывался сильнѣе каждаго индивида и даже нѣсколькихъ индивидовъ, но слабѣе массы гражданъ. Такую именно охрану давали древніе, когда они назначали править государствомъ какого-либо эсимнета или тиранна; и когда [сиракузскій тираннъ] Діонисій сталъ требовать себѣ охраны, кто-то посовѣтовалъ сиракузянамъ дать ему охрану въ такихъ именно размѣрахъ [1]).

11.

1. Наше изложеніе привело насъ теперь къ разсужденію о такомъ царѣ, который во всемъ поступаетъ по своему произволу [2]); о такомъ царѣ намъ и должно представить свои соображенія. Такъ называемая законная монархія не является, какъ мы уже сказали, особой формою политическаго строя: при всякой формѣ его, напримѣръ, при демократіи и аристократіи, неизбѣжно существуетъ пожизненная стратегія, и во многихъ государствахъ во главѣ внутренняго управленія поставляется одно пол-

---

[1]) Ср. Діодоръ, XIII, 95, 3 сл.

[2]) Аристотель имѣетъ въ виду царя, подобнаго персидскому царю, который, по словамъ Геродота, III, 31, „могъ дѣлать все, что ни пожелаетъ“.

новластное лицо; такого рода власть существуетъ въ Эпидамнѣ и въ Опунтѣ, только съ нѣсколько ограниченными полномочіями [1]).

2. Мы же будемъ теперь разсуждать о такъ называемой всеобъемлющей царской власти, [т. е. абсолютной монархіи], которая состоитъ въ томъ, что при ней царь правитъ надъ всѣмъ по своему личному произволу. Нѣкоторымъ кажется даже противоестественнымъ, чтобы одно лицо имѣло всю полноту власти надъ всѣми гражданами въ томъ случаѣ, когда государство состоитъ изъ одинаковыхъ [2]): для одинаковыхъ по природѣ необходимо должны существовать по природѣ же одни и тѣ же права и привилегіи. И если вредно людямъ не одинаковой физической организаціи питаться одною и тою же пищею или носить одну и ту же одежду, то точно такъ же дѣло обстоитъ и съ привилегіями, присущими гражданской чести—и тутъ неравенство въ отношеніи равныхъ оказалось бы вредоноснымъ. 3. Поэтому справедливость требуетъ, чтобы всѣ равные властвовали въ той же мѣрѣ, въ какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелѣвалъ, то повиновался. [Гдѣ такой порядокъ существуетъ, тамъ] уже мы имѣемъ дѣло съ закономъ, ибо порядокъ и есть своего рода законъ. Поэтому предпочтительнѣе, чтобы властвовалъ законъ, а не кто-либо одинъ изъ среды гражданъ. На томъ же самомъ основаніи, даже въ томъ случаѣ, если признано будетъ лучшимъ, чтобы власть имѣли опредѣленныя лица, должно назначать этихъ послѣднихъ стражами закона и его слугами. Разъ неизбѣжно существованіе тѣхъ или иныхъ магистратуръ, то, скажутъ, будетъ несправедливо, при всеобщемъ равенствѣ, объединеніе ихъ въ рукахъ одного лица. 4. А на то замѣчаніе, что законъ, повидимому, не въ состояніи предусмотрѣть всѣ возможные случаи, можно возразить, что и человѣкъ былъ бы не въ силахъ ихъ предугадать. Во всякомъ случаѣ законъ, даже при его неопредѣленномъ общемъ характерѣ, способенъ дать полити-

---

[1]) Въ Эпидамнѣ (на Иллирійскомъ берегу) и въ Опунтѣ (въ Локридѣ) была олигархическая форма правленія.

[2]) Ср. Еврипидъ, *Антигона*, fr. 172 N: „не подобаетъ властвовать и не должно тиранномъ, безъ закона, быть; нелѣпо къ этому стремится тотъ, кто хочетъ одинъ быть выше тѣхъ, которые равны“.

ческое воспитаніе настолько, что магистраты будутъ въ состояніи и во всемъ остальномъ, [закономъ не предусмотрѣнномъ], руководствоваться при своемъ рѣшеніи и управленіи наиболѣе справедливымъ сужденіемъ. Сверхъ того, законъ даетъ магистратамъ возможность вносить въ него послѣдовательныя поправки въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи опыта, окажется, что эти поправки содѣйствуютъ улучшенію существующаго законодательства. Итакъ, кто требуетъ, чтобы законъ властвовалъ, требуетъ, кажется, того, чтобы властвовало только божество и разумъ, а кто требуетъ, чтобы властвовалъ человѣкъ, привноситъ въ это свое требованіе своего рода животный элементъ, ибо страстность есть нѣчто животное, да и гнѣвъ совращаетъ съ истиннаго пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми; напротивъ, законъ—это уравновѣшенный разумъ [1]). 5. Примѣръ изъ области искусствъ, который показываетъ, что лечить согласно буквальному предписанію—плохо, а предпочтительнѣе обращаться въ этомъ случаѣ къ знатокамъ врачебнаго искусства, основанъ, повидимому, на недоразумѣніи. Врачи, вѣдь, ничего не будутъ дѣлать вопреки здравому смыслу, руководясь только дружественнымъ расположеніемъ [къ больному], они и гонораръ получаютъ, послѣ того какъ вылечили больного; напротивъ, лица, занимающія государственныя должности, зачастую во многомъ поступаютъ, руководясь злобою, либо пріязнью. И если бы у насъ возникло подозрѣніе, что врачи, по наговору нашихъ недоброжелателей, собираются, ради корысти, погубить насъ, то, въ такомъ случаѣ, мы бы предпочли, чтобы они лечили насъ согласно буквальнымъ предписаніямъ. 6. Больные врачи зовутъ къ себѣ другихъ врачей, пэдотрибы приглашаютъ для гимнастическихъ упражненій другихъ пэдотрибовъ, потому что они не въ состояніи въ данномъ случаѣ судить объ истинѣ: имъ приходится судить о дѣлѣ, ихъ лично касающемся, да и находятся они въ состояніи аффекта. Такимъ образомъ ясно, что ищущій справедливости обратится къ чему-либо нейтральному, а это нейтральное и есть законъ [2]).

Да будет так!

---

[1]) Дословно: законъ—разумъ (νοῦς) безъ [врожденныхъ намъ[стремленій (инстинктовъ, ὄρεξις). Ср. *О душѣ*, III, 10, 433 a 26; „всякій разумъ — правиленъ; инстинктъ же и фантазія и правильны и неправильны“.

[2]) Ср. *Никомахова этика*, V, 7, 1132 a 19 (стр. 89 сл. перевода Э. Л. Радлова).

Сверхъ того нужно прибавить, что законы, основанные на обычаѣ, имѣютъ болѣе значенія и касаются болѣе важныхъ дѣлъ, нежели законы писанные, такъ что если какое-либо правящее лицо и кажется болѣе надежнымъ, чѣмъ писанные законы, то оно ни въ коемъ случаѣ не является таковымъ по сравненію съ законами, основанными на обычаѣ [1]). 7. Къ тому же не очень-то легко одному человѣку наблюдать за многимъ [2]); поэтому ему придется назначить въ помощь нѣсколькихъ магистратовъ. Какая же въ такомъ случаѣ разница: создастся ли такое положеніе вещей сразу, или же одно лицо установитъ соотвѣтствующій порядокъ? Къ этому присоединить можно еще то, о чемъ говорено было выше: если годный мужъ, всилу того, что онъ лучше другого, имѣетъ право на власть, то, вѣдь, двое хорошихъ мужей лучше одного хорошаго. Сюда подходитъ и изреченіе [3]): «два, совокупно идущихъ» и пожеланіе Агамемнона [4]): «[еслибъ] десять такихъ у меня совѣтниковъ [было]». И въ настоящее время должностныя лица бываютъ правомочны постановлять свои рѣшенія по поводу нѣкоторыхъ дѣлъ; напримѣръ, судья въ томъ случаѣ, когда, на основаніи существующаго законодательства, нельзя бываетъ вынести то или иное рѣшеніе. Но тамъ, гдѣ это оказывается возможнымъ, ни у кого не является сомнѣнія въ томъ, что самое лучшее будетъ—предоставить власть и рѣшеніе именно закону. 8. И только всилу того обстоятельства, что рѣшеніе однихъ вопросовъ можетъ быть подведено подъ законы, а другихъ—не можетъ, приходится недоумѣвать и изслѣдовать, что̀ предпочтительнѣе: господство ли наилучшаго закона или господство наилучшаго мужа, такъ какъ совершенно невозможно установить опредѣленный законъ для тѣхъ случаевъ, которые подлежатъ еще предварительному обсужденію. Защитники господства закона

---

1) Ср. Лаертій Діогенъ, III, 86: „законъ бываетъ двоякаго вида: одинъ—писанный, другой—неписанный; тотъ законъ, на основаніи котораго мы управляемся въ государствахъ,—писанный, законъ же, основанный на обычаѣ, называется закономъ неписаннымъ“.

2) Ср. Ксенофонтъ, *Воспитаніе Кира*, VIII, 2, 11: „если кто думаетъ, что у царя имѣется одинъ особенный глазъ, тотъ неправильно думаетъ: немногое одинъ могъ бы увидѣть и услышать“.

3) *Иліада*, X, 225.

4) *Иліада*, II, 372

вовсе не говорятъ противъ того, что въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе должно быть единоличнымъ; они настаиваютъ только на томъ, чтобы въ такихъ случаяхъ рѣшало не одно лицо, а нѣсколько. 9. Каждый магистратъ, воспитанный въ духѣ закона, будетъ судить правильно; но было бы, пожалуй, нелѣпостью предполагать, будто одно лицо, каково бы оно ни было, съ его парою глазъ, ушей, ногъ и рукъ, оказалось въ состояніи лучше разсмотрѣть дѣло, постановить о немъ рѣшеніе и привести это рѣшеніе въ исполненіе, нежели нѣсколько лицъ, снабженныхъ такими же органами и частями тѣла въ соотвѣтствующей пропорціи. Въ настоящее время монархи вынуждены прибѣгать къ помощи многихъ глазъ, ушей, рукъ, ногъ, именно тѣмъ, что они дѣлаютъ соучастниками своей власти лицъ, сочувствующихъ ихъ правленію и лично къ нимъ [1]) расположенныхъ. Если это — не [истинные] друзья монарха, они не станутъ поступать согласно съ его предначертаніями; а если они—друзья монарха и сочувствуютъ его правительственной системѣ, [то будутъ такъ поступать]: вѣдь дружба неизбѣжно предполагаетъ совершенное равенство, такъ что если монархъ предполагаетъ, что такіе друзья должны раздѣлять его власть, онъ допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и власть должна быть равною между совершенно равными.

Вотъ почти всѣ спорные пункты, выдвигаемые противъ царской власти. 10. По отношенію къ однимъ лицамъ они, пожалуй, основательны, къ другимъ—нѣтъ. Уже самою природою заложенъ одинъ принципъ права и пользы для деспотіи, другой—для монархіи, третій—для политіи; только для тиранніи такого принципа природа не создала, равно какъ и для остальныхъ формъ государственнаго строя, являющихся отклоненіями отъ нормальныхъ, потому что всѣ эти формы — противоестественны. Изъ сказаннаго ранѣе также ясно, что среди совершенно равныхъ полновластное господства одного надъ всѣми не можетъ быть доказано ни съ точки зрѣнія права, ни съ точки зрѣнія пользы, даже въ томъ случаѣ, есть ли законы, или нѣтъ ихъ, и если онъ самъ одинъ олицетворяетъ законъ, безразлично—хорошъ ли этотъ полновластный господинъ среди хорошихъ, или онъ плохъ

---

[1]) Слѣдую поправкѣ Музура αὐτοῖς вмѣсто рукописныхъ чтеній αὐτούς или αὐτοῦ.

*

среди плохихъ, или если даже онъ своею добродѣтелью превосходитъ другихъ. Послѣднее, впрочемъ, за исключеніемъ одного случая, который нужно выдѣлить и о которомъ намъ отчасти пришлось говорить выше [1]).

11. Но прежде всего нужно опредѣлить, что̀ должно разумѣть подъ принципами монархическимъ, аристократическимъ и политическимъ [2]). Монархическій принципъ предполагаетъ для своего осуществленія такую народную массу, которая, по своей природѣ, призвана къ тому, чтобы вручить руководительство государствомъ представителю какого-либо рода, выдающемуся надъ нею своею доблестью. Въ основѣ осуществленія аристократическаго принципа предполагается тоже народная масса [3]), которая способна, не поступаясь своимъ достоинствомъ свободорожденныхъ людей, вручить бразды правленія въ государствѣ людямъ, призваннымъ къ тому всилу ихъ доблести. Наконецъ, при осуществленіи принципа политіи народная масса [4]), будучи въ состояніи и подчиняться и властвовать на основѣ закона, распредѣляетъ магистратуры среди состоятельныхъ людей, сообразно съ ихъ заслугами. 12. Когда случится, что либо весь родъ, либо одинъ изъ всѣхъ остальныхъ будетъ отличаться и превосходить своею добродѣтелью добродѣтель всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, тогда, по праву, этотъ родъ долженъ быть царскимъ родомъ, а его представитель — полновластнымъ владыкою и монархомъ: какъ уже ранѣе сказано, это будетъ согласно съ тѣмъ принципомъ права, на который опираются обоснователи аристократической, олигархической и даже демократической формъ государственнаго строя; вѣдь вездѣ они признаютъ право за превосходствомъ, но за превосходствомъ не какимъ бы то ни было, а такимъ, какое мы обрисовали выше [5]). 13. Такого выдающагося мужа, въ самомъ дѣлѣ, непростительно было бы убивать или изгонять или подвергать остракизму, равно какъ и требовать съ

---

1) Ср. стр. 131 сл.

2) Точнѣе: относящимся къ политіи, [какъ третьей нормальной формѣ нормальнаго государственнаго строя].

3) Слова: ὃ πέφυκε φέρειν πλῆθος, считаемыя Иммишемъ, вслѣдъ за другими, вставкой, оставлены безъ перевода.

4) Слова: [ἐν ᾧ πέφυκε ἐγγίγνεσθαι πλῆθος πολεμικὸν], слѣдуя Герхеру, не принимаю въ текстъ.

5) Ср. стр. 135.

его стороны хотя бы частичнаго подчиненія: вѣдь части несвойственно быть выше цѣлаго, а такимъ цѣлымъ и является въ нашемъ случаѣ лицо, имѣющее такого рода превосходство Такимъ образомъ остается одно: повиноваться такому человѣку и признавать его абсолютно полновластнымъ владыкою, безъ какихъ-либо ограниченій.

Вотъ наши соображенія о монархіи и ея отличительныхъ видахъ, равно какъ и о томъ, полезна ли она, или неполезна, для государствъ, и, если полезна, то для какихъ и въ какомъ отношеніи.

12.

1. Изъ трехъ формъ государственнаго устроенія, признаваемыхъ нами нормальными, наилучшей, конечно, является та, въ которой управленіе сосредоточено въ рукахъ наилучшихъ [мужей]. А это будетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда либо кто-нибудь одинъ изъ общей массы, либо цѣлый родъ, либо, наконецъ, вся народная масса будетъ имѣть превосходство въ добродѣтели, когда при томъ одни будутъ въ состояніи повелѣвать, другіе—подчиняться, [что является необходимымъ] для наиболѣе желаннаго существованія. Въ предыдущихъ разсужденіяхъ было показано, что въ наилучшемъ государствѣ добродѣтель мужа и добродѣтель гражданина должна быть тожественна. Отсюда ясно, что такимъ же точно образомъ и при помощи тѣхъ же самыхъ средствъ, которыя служатъ къ развитію пригоднаго человѣка, можно было бы сдѣлать таковымъ и государство, будетъ ли оно монархическимъ или аристократическимъ. 2. Почти одно и то же воспитаніе, одни тѣ же навыки служатъ къ усовершенствованію человѣка и къ усовершенствованію политическаго дѣятеля и царя. Установивъ это положеніе, должно приступить къ разсужденію о наилучшей формѣ государственнаго устроенія, о способахъ ея возникновенія и организаціи. [Приступающему къ надлежащему разсмотрѣнію этого вопроса, необходимо...] [1]).

---

[1]) Поставленныя въ скобки слова скомбинированы Иммишемъ по образцу начальныхъ словъ VII книги „Политики". Отъ 12-ой главы III книги, очевидно, сохранилось до насъ только начало.

КНИГА IV.

1.

1. Во всѣхъ искусствахъ и наукахъ, вполнѣ обнимающихъ собою какую-либо одну опредѣленную область, а не ограничивающихся только частью ея, имѣется такой отдѣлъ, въ содержаніе котораго входитъ разсмотрѣніе всего того, что имѣетъ приложеніе къ каждому предмету, взятому въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, искусство гимнастики имѣетъ въ виду разсмотрѣніе того, какой родъ гимнастическихъ упражненій для кого полезенъ, какія упражненія должны быть признаны наилучшими (послѣднія, конечно, должны быть сообразованы въ соотвѣтствіи съ лицами, обладающими наилучшими физическими данными и поставленными въ наилучшія условія жизни), какія упражненія наилучше подходятъ для большинства людей (и съ этимъ вопросомъ искусство гимнастики должно считаться); наконецъ, если кто-либо вовсе даже и не стремится достигнуть надлежащей опытности и знанія въ томъ, что относится къ искусству состязаній, пэдотрибъ и руководитель гимнастическими упражненіями должны все-таки содѣйствовать развитію въ немъ этого умѣнья хотя бы въ слабой степени. 2. То же самое должно сказать о медицинѣ, кораблестроеніи, портняжномъ и всякомъ иномъ искусствѣ.

Отсюда ясно, что предметомъ такого же рода науки является и изслѣдованіе наилучшей формы государственнаго устроенія: что это за форма, каковы должны быть ея свойства, чтобы—при отсутствіи какихъ-либо внѣшнихъ препятствій — она оказалась наиболѣе желанною; далѣе, какому государству какая форма наиболѣе подходитъ (пожалуй, для многихъ государствъ оказалось бы невозможнымъ достигнуть наилучшей формы, такъ что хорошій

законодатель и истинный политическій дѣятель не должны упускать изъ виду какъ абсолютно наилучшей формы, такъ и относительно наилучшей при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ); наконецъ, политика должна считаться и съ третьей формой государственнаго устроенія, основанной на извѣстнаго рода предпосылкахъ. Нужно быть въ состояніи подвергнуть теоретическому разсмотрѣнію и такого рода форму государственнаго строя: какъ она въ началѣ возникла и какимъ образомъ, возникнувъ, она могла бы сохраниться на возможно продолжительное время. Я имѣю въ виду тотъ случай, когда, напримѣръ, какое-либо государство вообще не пользуется наилучшею формою государственнаго устроенія и въ частности не имѣетъ даже необходимыхъ для нея элементовъ, когда оно не въ состояніи утилизировать даже наличныя данныя [для достиженія наилучшаго устроенія], а пользуется государственнымъ строемъ низшаго качества. 3. Кромѣ всего этого нужно имѣть понятіе и о такой формѣ государственнаго устроенія, которая наиболѣе подходила бы для в с ѣ х ъ государствъ.

Хотя по большей части изслѣдователи, излагавшіе свои мнѣнія о государственномъ устроеніи, о многомъ разсуждаютъ прекрасно, но въ примѣненіи этихъ разсужденій на практикѣ они впадаютъ въ заблужденія. Вѣдь нужно имѣть въ виду не только наилучшую форму государственнаго устроенія, но и возможную [при данныхъ] обстоятельствахъ, и такую, которая всего легче можетъ найти примѣненіе ко всѣмъ государствамъ. А теперь одни изслѣдователи указываютъ на такую форму государственнаго строя, которая вообще очень трудно достижима и для своего осуществленія нуждается въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ условій, другіе имѣютъ въ виду болѣе осуществимую на практикѣ форму, причемъ, отвергая существующія формы государственнаго устроенія, одобряютъ лакедэмонскій строй или какой-либо иной [1]). 4. Между тѣмъ нужно постараться ввести такой государственный строй, который, при наличности данныхъ обстоятельствъ, оказался бы легче всего пріемлемымъ и гибкимъ: улучшить государственный строй задача менѣе сложная, чѣмъ изначала установить его, все равно какъ что-либо переучивать бываетъ легче, чѣмъ учить съ

[1]) Въ числѣ такихъ изслѣдователей, несомнѣнно, имѣется въ виду и Платонъ.

начала. Поэтому-то и политическій дѣятель, помимо всего прочаго, какъ объ этомъ только что упомянуто, долженъ умѣть помочь усовершенствованію существующихъ формъ государственнаго строя. А сдѣлать это онъ окажется безсильнымъ, если ему неизвѣстно, сколько видовъ государственнаго устроенія имѣется. Теперь нѣкоторые думаютъ, будто существуетъ всего-на-всего одинъ видъ демократіи, одинъ видъ олигархіи. А на самомъ дѣлѣ это не такъ. 5. Итакъ, значитъ, не должно упускать изъ виду различія формъ государственнаго устроенія, числа ихъ и способовъ организаціи.

Съ такою же предусмотрительностью должно обращать вниманіе и на наилучшіе законы и на наиболѣе подходящіе для каждой изъ формъ государственнаго строя. Законы нужно издавать—да такъ они всѣ и издаются—, примѣняясь къ данному государственному строю, а не наоборотъ—подгонять государственный строй къ законамъ. Въ самомъ дѣлѣ: государственнымъ строемъ обусловливается въ государствахъ порядокъ касательно магистратуръ, именно способа распредѣленія ихъ, устанавливается характеръ верховной власти, опредѣляется конечная цѣль всякаго политическаго общенія. Но законы должно отличать отъ того, что характеризуетъ данный государственный строй; на основаніи законовъ правители должны править, а также наблюдать за нарушителями ихъ [1]). 6. Такимъ образомъ, очевидно, и въ дѣлѣ законодательства необходимо принимать въ разсчетъ отличительныя черты, характеризующія каждую изъ формъ государственнаго строя, и наличность числа ихъ, такъ какъ нельзя предполагать, что одни и тѣ же законы окажутся полезными и для в с ѣ х ъ олигархій и для в с ѣ х ъ демократій, разъ мы будемъ считаться съ существованіемъ не одного только вида демократіи и олигархіи, а нѣсколькихъ видовъ ихъ.

2.

1. Въ нашемъ предыдущемъ разсужденіи [2]) о формахъ государственнаго устроенія мы распредѣлили ихъ такъ: три формы

---

[1]) Различіе между государственнымъ устроеніемъ и законодательствомъ проводится и П л а т о н о м ъ, *Законы*, 735 a. 678 a.

[2]) Ср. стр. 111 сл.

нормальныя—монархія, аристократія, политія, и три формы, отклоняющіяся отъ нормальныхъ,—тираннія—противовѣсъ монархіи, олигархія—аристократіи, демократія—политіи. Объ аристократіи и монархіи говорено было выше [1]) (разсмотрѣніе наилучшей формы государственнаго строя привело бы насъ къ разсужденію именно объ аристократіи и монархіи и къ опредѣленію того, что скрывается подъ этими терминами, потому что и аристократія и монархія предполагаютъ для своего осуществленія наличность добродѣтели, обставленной внѣшними благопріятными условіями). Было опредѣлено ранѣе также и то, въ чемъ отличіе аристократіи отъ монархіи, и когда государственный строй должно считать монархическимъ. Остается, такимъ образомъ, подвергнуть обсужденію ту форму государственнаго устроенія, которая носитъ общее названіе политіи, а также остальныя изъ указанныхъ формъ, т.-е. олигархію, демократію и тираннію.

2. Ясно, какая изъ формъ, отклоняющихся отъ нормальныхъ, является наилучшей и какая ближе всего къ ней. Конечно, наихудшей формою будетъ та, которая оказывается отклоненіемъ отъ первоначальной и самой божественной изъ всѣхъ формъ государственнаго строя, [именно отъ монархіи] [2]). Монархія, если это не звукъ пустой, если она существуетъ реально, основывается на высокомъ превосходствѣ монарха [надъ его подданными]. Такимъ образомъ, тираннія, какъ наихудшая изъ формъ государственнаго строя, всего далѣе отстоитъ отъ его сущности вообще [3]); къ ней непосредственно примыкаетъ олигархія (аристократія далеко не то же, что олигархія); наиболѣе же умѣренная изъ отклоняющихся формъ—демократія. 3. Въ такомъ же смыслѣ высказался ранѣе одинъ изъ [нашихъ] предшественниковъ [4]), хотя онъ и стоялъ на другой точкѣ зрѣнія; по его мнѣнію, хотя всѣ эти формы государственнаго строя раздѣляются на хорошія и плохія, какъ-то хорошая олигархія и пр., все же наиболѣе плохою формою является [хорошая] демократія, и тѣмъ не ме-

---

[1]) Ср. стр. 135 сл.

[2]) Ср. стр. 33.

[3]) Такъ же Платонъ, *Государство*, 544 c. 576 d. Ср. *Никомахова этика*, VIII, 12, 1170 b 8 сл. (стр. 157 перевода Э. Л. Радлова).

[4]) Платонъ.

нѣе она—наилучшая [форма] изъ плохихъ [формъ] [1]. 4. Мы же, съ своей стороны, утверждаемъ, что всѣ эти формы государственнаго устроенія—вообще ошибочны, и что нельзя сказать, будто одна форма олигархіи лучше другой, но лишь,—что она менѣе плоха по сравненію съ другой. Однако теперь критическій разборъ всего этого мы оставимъ въ сторонѣ. Наша задача состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы установить число различающихся другъ отъ друга формъ государственнаго устроенія, такъ какъ и демократія и олигархія подраздѣляются на нѣсколько видовъ; затѣмъ мы опредѣлимъ, какая форма государственнаго строя является, послѣ наилучшей, наиболѣе общей и наиболѣе пріемлемой и, если окажется какая-либо иная, [сравнительно съ указанной нами], аристократическая форма правленія, хорошо организованная и подходящая для большей части государствъ, то мы изслѣдуемъ и ее.

5. Мы затронемъ далѣе также вопросъ и о томъ, какая изъ остальныхъ формъ государственнаго строя для какихъ государствъ пріемлема, ибо легко можетъ оказаться, что при однихъ условіяхъ демократія подходитъ болѣе, чѣмъ олигархія, при другихъ—наоборотъ. Послѣ этого надлежитъ обсудить, какимъ образомъ должны быть организованы—если это оказывается желательнымъ—эти формы государственнаго строя, т. е. отдѣльные виды демократіи и олигархіи. Наконецъ, послѣ того, какъ мы по возможности сжато изложимъ всѣ эти вопросы, нужно будетъ попытаться еще изслѣдовать и то, въ чемъ заключаются разрушительные и спасительные элементы, свойственные каждой изъ

---

[1] Ср. Платонъ, *Политикъ*, 302 e сл.: „наилучшею изъ всѣхъ шести формъ государственнаго устроенія является монархія въ сочетаніи съ благими предначертаніями, которыя мы именуемъ законами... Такъ какъ немногіе занимаютъ какъ бы средину между однимъ и многими, то и ту форму, которая бываетъ представлена немногими, [т. е. олигархію], мы будемъ считать посредствующею между монархіей и демократіей. Послѣдняя оказывается во всѣхъ отношеніяхъ безсильною, она не въ состояніи сдѣлать ничего—будь это благо или зло—великаго по сравненію съ остальными формами, такъ какъ при демократическомъ строѣ магистратуры подѣлены между многими лицами, причемъ власть каждаго изъ нихъ ничтожна. Поэтому-то демократія изъ всѣхъ установленныхъ въ согласіи съ закономъ формъ государственнаго строя—самая плохая, но изъ противозаконныхъ формъ она все-таки наилучшая“.

формъ государственнаго строя и въ общемъ ихъ видѣ и въ ихъ разновидностяхъ, и отъ какихъ преимущественно причинъ тѣ и другіе зависятъ.

3[1]).

1. Наличность нѣсколькихъ формъ государственнаго строя объясняется множественностью отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается всякое государство. Прежде всего, мы видимъ, всѣ государства состоятъ изъ семей, затѣмъ изъ этой массы семей однѣ семьи, конечно, бываютъ зажиточныя, другія—бѣдныя, третьи—обладаютъ среднимъ достаткомъ; изъ числа зажиточныхъ и неимущихъ первые обладаютъ оружіемъ, вторые не обладаютъ. Простой народъ составляютъ, въ свою очередь, земледѣльцы, торговцы, ремесленники. Знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по количеству принадлежащей имъ собственности; держать, напримѣръ, лошадей человѣку не богатому затруднительно. 2. Вотъ почему, въ древнія времена, въ тѣхъ государствахъ, сила которыхъ основывалась на конницѣ, былъ олигархическій строй; при помощи конницы они вели войны съ своими сосѣдями. Такъ было, напримѣръ, въ Эретріи и Халкидѣ[2]), а также въ Магнесіи при Мэандрѣ[3]) и во многихъ другихъ малоазійскихъ государствахъ[4]). Къ отличіямъ, обусловливаемымъ богатствомъ, присоединяются еще отличія по происхожденію, по добродѣтели, а также по инымъ подобнаго рода преимуществамъ, на которыя мы указывали, когда, разсуждая объ аристократіи, мы говорили о ней какъ объ одномъ изъ элементовъ, со-

---

[1]) Вся эта глава, за исключеніемъ послѣдняго ея абзаца, заключена Иммишемъ, вслѣдъ за Зуземилемъ, въ [ ].

[2]) Города на о-вѣ Евбеѣ. Ср. Аристотель, fr. 603 (Страбонъ, X, 447): (Халкида и Эретрія) „выслали колоніи... когда господствовали въ этихъ государствахъ иппоботы; во главѣ государственнаго управленія стояли правители, выбиравшіеся изъ среды аристократіи, обладавшей имущественнымъ цензомъ“. Господство олигархіи иппоботовъ т. е. конекормителей, въ Халкидѣ продолжалось до конца VI вѣка до Р. Хр. Объ олигархіи въ Эретріи см. ниже V, 6, 1306 a 35 сл.

[3]) Городъ въ Іоніи.

[4]) Напр., въ Колофонѣ, Кимѣ.

ставляющихъ государство [1]). Тамъ, вѣдь, мы разобрали и то, сколько необходимыхъ составныхъ частей заключается въ каждомъ государствѣ; изъ нихъ принимаютъ участіе въ управленіи, [смотря по формѣ его строя], либо всѣ, либо ихъ меньшая, либо бо̀льшая части.

3. Ясна такимъ образомъ неизбѣжность существованія нѣсколькихъ формъ государственнаго строя, по характеру своему отличающихся одна отъ другой, такъ какъ и указанныя нами составныя части государствъ по характеру отличаются между собою. Государственный строй имѣетъ въ виду установленіе порядка въ органахъ управленія; при немъ всѣ [элементы, составляющіе государство], находятъ себѣ мѣсто либо на основаніи свойствъ, присущихъ имъ, либо всилу того или иного принципа, обусловливающаго ихъ равенство съ общей точки зрѣнія (я имѣю въ виду, напримѣръ, принципъ, уравнивающій или неимущихъ или зажиточныхъ, или общій тѣмъ и другимъ) [2]). Такимъ образомъ, неизбѣжно получается столько же формъ государственнаго строя, сколько имѣется способовъ управленія въ зависимости отъ превосходства и отличительныхъ свойствъ, присущихъ составнымъ частямъ государства.

4. Повидимому, однако, главными формами государственнаго устроенія признаются двѣ—демократія и олигархія, подобно тому, какъ говорятъ главнымъ образомъ и о двухъ вѣтрахъ—сѣверномъ и южномъ, а на остальные смотрятъ, какъ на отклоненія отъ двухъ первыхъ. И изъ формъ государственнаго строя аристократію считаютъ особымъ видомъ олигархіи, какъ представляющую до извѣстной степени эту послѣднюю, а такъ называемую политію признаютъ демократіей, все равно какъ и изъ вѣтровъ западный причисляютъ къ сѣверному, а восточный къ южному [3]). То же самое отношеніе, по утвержденію нѣкоторыхъ, замѣчается и въ отношеніи тональности: и въ ней два [главныхъ] вида, тональность дорійская и тональность фригійская, а

---

[1]) Въ предшествующихъ книгахъ этого нѣтъ, но ср. VII, 8.

[2]) Слова: ἢ κοινήν τιν' ἀμφοῖν принимаю въ текстъ.

[3]) Ср. Аристотель, *Метеорологія*, II, 6, 364 а 19: „въ общемъ одинъ вѣтеръ называется сѣвернымъ, другой—южнымъ. Къ сѣверному вѣтру присоединяется западный (онъ болѣе холодный, такъ какъ дуетъ съ запада), а къ южному — восточный (онъ болѣе теплый, какъ дующій съ востока)“.

остальныя комбинаціи относятся однѣ къ дорійской тональности, другія—къ фригійской. 5. И относительно формъ государственнаго строя обыкновенно держатся указаннаго мнѣнія. Но правильнѣе и лучше предлагаемое нами ихъ подраздѣленіе, согласно которому существуютъ двѣ или одна форма государственнаго строя, прекрасно организованная, а всѣ остальныя формы—отклоненія отъ наилучшей, все равно какъ имѣются такія же отклоненія и отъ хорошо скомпонованной тональности; и мы склонны сопоставлять олигархическія формы правленія, съ присущимъ имъ деспотическимъ характеромъ, съ болѣе напряженнымъ, [мажорнымъ], тономъ, а демократію, съ ея болѣе свободнымъ характеромъ,—съ ослабленнымъ, [минорнымъ], тономъ [1]).

6. Демократію не слѣдуетъ опредѣлять, какъ это обычно дѣлается нѣкоторыми въ настоящее время, просто какъ такую форму государственнаго строя, при которой верховная власть сосредоточена въ рукахъ народной массы, потому что и въ олигархіяхъ и вообще повсюду верховная власть принадлежитъ [правящему] большинству [2]); равнымъ образомъ и подъ олигархіей не должно разумѣть такую форму государственнаго строя, при которой верховная власть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Положимъ, что государство состояло бы всего на всего изъ 1.300 гражданъ; изъ нихъ тысяча были бы богачами и не допускали бы къ правленію остальныхъ трехсотъ—бѣдняковъ, но людей свободорожденныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ подобныхъ той тысячѣ; рѣшился ли бы кто-либо утверждать, что граждане такого государства имѣютъ демократическій строй? Точно такъ же если бы немногіе бѣдняки имѣли власть надъ большинствомъ зажиточныхъ, никто не назвалъ бы такого рода строй олигархическимъ, разъ остальные [бѣдняки], какъ и богачи, не имѣли бы связанныхъ съ гражданскою честью правъ. 7. Итакъ, скорѣе должно назвать демократическимъ строемъ такой, при которомъ верховная власть находится въ рукахъ свободорожденныхъ, а олигархическимъ — такой, когда она принадлежитъ богатымъ, и

---

[1]) Ср. ниже VIII, 5, 8.

[2]) Можетъ быть, Аристотель имѣетъ въ виду Платона, *Политикъ*, 291d: „и послѣ монархіи, я думаю, всякій назоветъ правленіе немногихъ (олигархію)... Третій видъ государственнаго строя, когда власть принадлежитъ народной массѣ, зовется именемъ демократіи“.

лишь случаю нужно приписать то, что первыхъ, т. е. свободорожденныхъ много, а вторыхъ, т. е. богатыхъ, немного. Ну, а если бы магистратуры, какъ это утверждается нѣкоторыми относительно Эѳіопіи, распредѣлялись по росту, либо по красотѣ, была ли бы это олигархія [1])? Вѣдь и красивыхъ и высокихъ не очень-то много бываетъ. 8. Нѣтъ, такими признаками не можетъ быть опредѣлена достаточно точно сущность олигархіи и демократіи! Такъ какъ и демократія и олигархія заключаютъ въ себѣ много составныхъ элементовъ, то въ разграниченіи ихъ должно идти дальше и утверждать, что олигархическимъ нельзя считать и такого строя, при которомъ меньшинство свободорожденныхъ властвуетъ надъ большинствомъ несвободорожденныхъ, что́ мы видимъ, напримѣръ, было въ Аполлоніи на Іонійскомъ морѣ и на [островѣ] Ѳерѣ. Въ обоихъ этихъ государствахъ политическими правами пользовались [исключительно] тѣ, которые отличались своимъ благороднымъ происхожденіемъ и приходились потомками первыхъ поселенцевъ этихъ государствъ, и которые, понятно, составляли меньшинство среди массы населенія. Нельзя считать и такого строя демократическимъ, при которомъ пользуются привилегированнымъ положеніемъ богачи, благодаря тому, что они составляютъ большинство; такъ было въ древности въ Колофонѣ, гдѣ бо́льшая часть гражданъ, до войны Колофона съ Лидіей [2]), пріобрѣла большую недвижимую собственность. Такимъ образомъ, [въ концѣ концовъ], демократіей нужно считать такой строй, когда свободорожденные и неимущіе, составляя большинство, будутъ имѣть верховную власть въ своихъ рукахъ, а олигархіей—такой строй, при которомъ власть находится въ рукахъ лицъ богатыхъ и отличающихся благороднымъ происхожденіемъ и образующихъ меньшинство.

9. Мы указали, что существуетъ нѣсколько формъ государственнаго строя, и показали, отъ чего это зависитъ. Но такъ какъ этихъ формъ все-таки больше, чѣмъ [двѣ] нами отмѣченныхъ

---

[1]) Ср. Геродотъ, III, 20: „говорятъ, что эѳіопы... самый рослый и красивѣйшій народъ. У нихъ существуютъ совершенно особые порядки..., таковъ въ частности выборъ на царство: достойнымъ царской власти они признаютъ того изъ соплеменниковъ, который окажется наибольшаго роста и соотвѣтствующей этому силы“. [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[2]) Въ первой половинѣ VII в. до Р. Хр.

то мы и поведемъ далѣе нашу рѣчь о томъ, что это за формы и почему столько ихъ имѣется. Исходная точка нашего разсужденія будетъ та же, что была указана ранѣе. Мы согласились съ тѣмъ, что всякое государство заключаетъ въ себѣ не одну составную часть, а нѣсколько. Предположимъ, мы пожелали бы уяснить себѣ отдѣльные виды животнаго царства; въ такомъ случаѣ мы сперва отдѣлили бы то, что необходимо должно имѣть всякое животное, напримѣръ, нѣкоторые органы чувствъ, органы для принятія пищи и для ея переваривапія, т. е. ротъ и желудокъ; далѣе мы отдѣлили бы тѣ части, посредствомъ которыхъ животное движется [1]). 10. Если бы у животныхъ существовали только перечисленные нами органы, но были бы различны (напримѣръ, было бы нѣсколько различныхъ видовъ рта, желудка, органовъ чувствъ, движенія), то въ зависимости отъ числа, получающагося изъ сочетанія этихъ различій, неизбѣжно, получилось бы и нѣсколько разновидностей животныхъ, такъ какъ немыслимо, чтобы одно и то же животное имѣло нѣсколько разновидностей рта, ушей и т. п. Такимъ образомъ, если сопоставить всѣ возможныя сочетанія этихъ разновидностей, то они и образуютъ виды животнаго царства, и окажется этихъ видовъ столько, сколько имѣется сочетаній необходимыхъ органовъ. 11. То же самое наблюденіе приложимо и къ указаннымъ выше формамъ государственнаго строя. И государство, какъ на это неоднократно указывалось [2]), состоитъ не изъ о д н о й, а изъ многихъ составныхъ частей. Одна изъ нихъ—народная масса, работающая надъ продуктами питанія; это—такъ называемые земледѣльцы. Вторая составная часть государства — классъ такъ называемыхъ ремесленниковъ, занимающійся ремеслами, безъ которыхъ невозможно самое существованіе государства; изъ этихъ ремеслъ одни должны существовать всилу необходимости, другія служатъ для удовлетворенія роскоши или для того, чтобы скрасить жизнь. Третья часть—торговый классъ, именно тотъ, который занимается куплей и продажей, оптовой и розничной торговлею. Четвертая часть—

---

[1]) Ср. А р и с т о т е л ь, *О частяхъ животныхъ*, II, 10, 655 b 29 сл.: „У всѣхъ нормальныхъ животныхъ имѣются двѣ самыхъ необходимыхъ части: 1) часть, посредствомъ которой они принимаютъ пищу, и 2) часть, посредствомъ которой они освобождаются отъ излишка ея“.

[2]) Напр. стр. 93.

наемные рабочіе; пятая — военное сословіе. Существованіе его столь же необходимо, какъ и существованіе другихъ классовъ, упомянутыхъ выше, если государство не желаетъ подпасть, при [первомъ же на него] нападеніи, подъ чужеземное иго. Мы имѣли бы дѣло съ одною изъ невозможностей, если бы допустили, что государство заслуживаетъ называться, по своей природѣ, рабскимъ: государство есть [нѣчто] самодовлѣющее, рабство же не самодовлѣюще.

12. Въ «Государствѣ» [Платона] [1]) вопросъ этотъ трактованъ остроумно, но разработанъ въ недостаточной мѣрѣ. Именно, Сократъ говоритъ, что существенныхъ составныхъ частей у государства четыре: классы ткачей, земледѣльцевъ, кожевниковъ и плотниковъ; но такъ какъ этихъ четырехъ классовъ оказывается для существованія государствъ недостаточно, то Сократъ присоединяетъ къ нимъ кузнецовъ и пастуховъ, пасущихъ необходимыя для домашняго обихода стада, а сверхъ того оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ. Всѣ эти классы, по мнѣнію Сократа, заполняютъ собою «первое» государство, какъ будто всякое государство образуется лишь ради удовлетворенія насущныхъ потребностей, а не имѣетъ предпочтительною своею цѣлью достиженіе прекраснаго существованія, и какъ будто для государства въ равной степени потребны какъ кожевники, такъ и земледѣльцы. 13. Военное же сословіе Сократъ вводитъ въ свое «государство» лишь съ момента расширенія его территоріи и послѣ того, какъ оно, войдя въ соприкосновеніе съ сосѣдями, должно будетъ начать съ ними войну. Но будетъ ли четыре или сколько угодно классовъ населенія въ государствѣ, все-таки окажется нужда въ такомъ человѣкѣ, который бы рѣшалъ судебнымъ порядкомъ тяжбы.

Если считать душу у человѣка частью болѣе существенною, нежели тѣло, то и въ государственномъ организмѣ «душу» государства должно признать болѣе важнымъ элементомъ, чѣмъ все, относящееся лишь къ удовлетворенію его необходимыхъ потребностей. А этою «душею» государства и является военное сословіе и то сословіе, на обязанности котораго лежитъ отправленіе правосудія при судебномъ разбирательствѣ, сверхъ того сословіе съ законо-

[1]) II, 369b—371e.

совѣщательными функціями, въ чемъ и находитъ свое выраженіе политическая мудрость [1]). И для дѣла вполнѣ безразлично, подѣлены ли эти функціи среди тѣхъ или иныхъ лицъ, или же онѣ объединены въ рукахъ однихъ и тѣхъ же: вѣдь и служить въ военной службѣ и обработывать землю зачастую приходится однимъ и тѣмъ же лицамъ. 14. Такимъ образомъ, если и то, что относится къ «душѣ» государственнаго организма, и то, что относится къ его «тѣлу», должно быть признано необходимыми составными частями государства, то ясно, что и военное сословіе является его необходимымъ элементомъ... [2]). Седьмой классъ составляютъ тѣ, которые служатъ государству своимъ имуществомъ и которыхъ мы вообще называемъ зажиточными. Восьмой классъ образуютъ тѣ, которые «служатъ народу», т.-е. занимаютъ государственныя должности (безъ должностныхъ лицъ существованіе государства не мыслимо); необходимо имѣть такихъ лицъ, которыя могли бы быть магистратами, исполнять государственныя повинности, или непрерывно, или съ соблюденіемъ очереди. Остаются еще тѣ классы, о которыхъ мы только что говорили: именно классъ, облеченный законосовѣщательными функціями, и классъ, творящій судъ между тяжущимися. Разъ въ государствахъ должны быть прекрасно и правомѣрно представлены власти законосовѣщательная и судебная, необходимо, чтобы носители этихъ властей обладали добродѣтелью, свойственною политической дѣятельности. 15. Многимъ кажется, что остальныя функціи [государственнаго организма] могутъ принадлежать однимъ и тѣмъ же лицамъ, что, напримѣръ, одни и тѣ же могутъ быть и воинами и земледѣльцами и ремесленниками, а сверхъ того и членами совѣта и судьями: такъ какъ всѣ эти лица имѣютъ въ виду достиженіе добродѣтели, то они и могутъ занимать бо́льшую часть магистратуръ. Но одни и тѣ же лица не могутъ быть [одновременно] и бѣдными и богатыми; вотъ почему эти элементы государства, т.-е. бѣдные и богатые, и признаются его

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, VI, 5, 1140 a 25 (стр. 111 перевода Э. Л. Радлова).

[2]) Далѣе, въ текстѣ, очевидно, небольшой пропускъ, который можетъ быть восполненъ приблизительно такъ: это будетъ пятая составная часть государства. Шестою являются жрецы.

существенными элементами. И такъ какъ одни изъ нихъ большею частью фактически составляютъ меньшинство, а другіе—большинство, то эти-то элементы, [т.-е. бѣдные и богатые], и оказываются въ государствѣ элементами діаметрально-противоположными другъ другу, такъ что въ зависимости отъ перевѣса того или иного изъ этихъ элементовъ устанавливается и соотвѣтствующая форма государственнаго строя. Поэтому-то и кажется, будто существуютъ такихъ формъ только двѣ: демократическая и олигархическая.

О томъ, что существуетъ, и по различнымъ причинамъ, нѣсколько формъ государственнаго строя, сказано ранѣе. Теперь поговоримъ о томъ, что и въ демократіи и въ олигархіи существуетъ нѣсколько видовъ ихъ.

4.

1. Это ясно и изъ предыдущихъ разсужденій, послѣ того, какъ мы признали, что народъ, а также и то сословіе, которое называется знатнымъ, подраздѣляется на нѣсколько разновидностей. Напримѣръ, одною разновидностью народа является классъ земледѣльцевъ, другою—ремесленниковъ, третьею—торговцевъ, занимающихся куплею и продажею, четвертою—моряковъ, изъ которыхъ кто служитъ въ военномъ флотѣ, кто—въ купеческомъ, кто занимается транспортомъ, а кто рыболовствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каждая изъ этихъ разновидностей моряковъ бываетъ очень многочисленна: напримѣръ, рыболовы въ Тарантѣ и Византіи [1]), военные матросы въ Аѳинахъ [2]), матросы на торговыхъ судахъ на Эгинѣ и Хіосѣ [3]), перевозчики на Тенедосѣ [4]). Къ перечисленнымъ нами подраздѣленіямъ народа относится классъ наемныхъ рабочихъ, которые, имѣя лишь скудныя сред-

---

[1]) Занимавшіеся главнымъ образомъ ловлею тунца.

[2]) Ср. Исократъ, *О мирѣ*, 48: „въ прежнее время, когда снаряжали корабли, сажали на нихъ въ качествѣ матросовъ иноземныхъ наемниковъ и рабовъ, гражданами же пользовались для службы въ тяжеловооруженной пѣхотѣ; нынѣ у насъ служатъ иноземцы въ качествѣ гоплитовъ, а гражданъ мы заставляемъ служить во флотѣ“.

[3]) Съ Хіоса вывозилось главнымъ образомъ вино и мраморъ.

[4]) Тенедосъ—островъ около берега Троады.

ства къ жизни, не въ состоянiи пользоваться досугомъ, затѣмъ тотъ классъ свободныхъ людей, у которыхъ гражданами были лишь либо отецъ, либо мать, и, наконецъ, иныя подобнаго же рода разновидности народной массы. Знатные, въ свою очередь, различаются по богатству, благородству происхожденiя, нравственной доблести, воспитанiю и т. под. отличительнымъ признакамъ.

2. Характернымъ отличiемъ такъ называемаго перваго вида демократiи служитъ равенство. Равенство же, гласитъ основной законъ этой демократiи, состоитъ въ томъ, что ни бѣдные, ни богатые не имѣютъ ни въ чемъ какихъ-либо преимуществъ; верховная власть не сосредоточена въ рукахъ ни тѣхъ, ни другихъ, но и бѣдные и богатые одинаково пользуются ею: если, какъ полагаютъ нѣкоторые, свобода и равенство являются характерными признаками демократiи, то это преимущественно нашло бы свое осуществленiе въ томъ, чтобы всѣ непремѣнно принимали участiе въ государственномъ управленiи. А такъ какъ народъ представляетъ въ демократiи большинство, постановленiя же большинства имѣютъ рѣшающее значенiе, то такого рода государственный строй и является демократическимъ. Итакъ, вотъ одинъ видъ демократiи. 3. Другой ея видъ [1])—тотъ, при которомъ достиженiе магистратуръ обусловлено, хотя бы и невысокимъ, имущественнымъ цензомъ. Обладающiй имъ долженъ получить возможность принимать участiе въ замѣщенiи магистратуръ, потерявшiй цензъ, лишается этого права. Третiй видъ демократiи—тотъ, при которомъ всѣ граждане, являющiеся безспорно таковыми [по своему происхожденiю], имѣютъ право на участiе въ замѣщенiи магистратуръ, властвуетъ же законъ. Четвертый видъ демократiи—тотъ, при которомъ всякiй съ того момента, какъ онъ станетъ гражданиномъ, пользуется правомъ на замѣщенiе магистратуръ, властвуетъ же опять-таки законъ. При пятомъ видѣ демократiи всѣ остальныя условiя тѣ же, [что и при четвертомъ видѣ ея], но верховная власть принадлежитъ не закону, а демосу. 4. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда рѣшающее значенiе будутъ имѣть народные декреты, а не законъ. Достигается это чрезъ посредство демагоговъ. Въ тѣхъ демократическихъ государствахъ,

---

[1]) Ἄλλο δὲ читаю безъ скобокъ.

гдѣ рѣшающее значеніе имѣетъ законъ, демагогамъ нѣтъ мѣста, тамъ на первомъ мѣстѣ стоятъ лучшіе граждане; но тамъ, гдѣ верховная власть основана не на законахъ, появляются демагоги [1]). Народъ становится тогда единодержавнымъ, какъ [своего рода коллективная] единица, составленная изъ многихъ [отдѣльныхъ единицъ]: верховная власть сосредоточивается въ рукахъ многихъ, причемъ пользуется этою властью не каждый, [взятый въ отдѣльности], но всѣ, [взятые вмѣстѣ, какъ одно цѣлое] [2]). А какой видъ единодержавія имѣетъ въ виду Гомеръ [3]), говоря, что «многодержавіе—не благо», тотъ ли, который нами только что указанъ, или тотъ, когда власть сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ каждое изъ нихъ индивидуально пользуется ею, остается неяснымъ. 5. Такого рода демосъ, какъ монархъ, стремится и управлять по-монаршему (ибо въ данномъ случаѣ законъ имъ не управляетъ) и становится деспотомъ (почему и льстецы у него въ почетѣ). Этотъ демократическій строй ближе всего напоминаетъ изъ отдѣльныхъ видовъ монархіи тираннію; поэтому и характеръ его соотвѣтствуетъ характеру тиранніи: и крайняя демократія и тираннія поступаютъ деспотически съ лучшими гражданами; постановленія такой демократіи имѣютъ то же значеніе, что въ тиранніи [единоличныя] распоряженія [тиранна]. Да и демагоги и льстецы въ сущности—одно и то же, или, во всякомъ случаѣ, схожи другъ съ другомъ; и какъ у тиранновъ огромную роль играютъ льстецы, такъ у описанной нами [крайней] демократіи—демагоги. 6. Послѣдніе бываютъ отвѣтственны въ томъ, что рѣшающее значеніе въ ней предоставляется не законамъ, а декретамъ народа, такъ какъ демагоги отдаютъ на его рѣшеніе все и вся. И вы-

---

[1]) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія*, 28: „пока Периклъ стоялъ во главѣ [аѳинской] демократіи, государственныя дѣла шли куда лучше; а по смерти Перикла пошли хуже: тогда демосъ впервые взялъ себѣ руководителемъ человѣка, не пользовавшагося хорошей репутаціей среди добропорядочныхъ гражданъ, между тѣмъ какъ до того послѣдніе всегда были руководителями народа“.

[2]) Ср. Аристофанъ, *Всадники*, 1111: „прекрасную, ты, власть имѣешь, Демосъ: вѣдь всѣ тебя боятся какъ тиранна“. 1330: „покажите мнѣ... монарха страны этой“.

[3]) *Иліада*, II, 204.

ходитъ такъ, что демагоги становятся могущественными вслѣдствіе сосредоточенія верховной власти въ полномъ объемѣ въ рукахъ демоса, они же властвуютъ надъ его рѣшеніями, такъ какъ народная масса находится у нихъ въ послушаніи. Сверхъ того, демагоги, взводя обвиненія на должностныхъ лицъ, напираютъ на то, что судить этихъ послѣднихъ долженъ [исключительно] демосъ, который охотно поддается на это, такъ что, [въ концѣ концовъ], значеніе всѣхъ магистратуръ сводится на нѣтъ. 7. Кажется, такого рода демократіи можно сдѣлать вполнѣ основательный упрекъ и прямо заявить, что она не представляетъ собою формы государственнаго строя[1]): тамъ, гдѣ отсутствуетъ власть закона, нѣтъ мѣста и [какой-либо] формѣ государственнаго строя. Законъ долженъ властвовать надъ всѣмъ[2]), магистратамъ же и народному собранію[3]) должно быть предоставлено обсужденіе детальныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, если демократія есть одна изъ формъ государственнаго строя, то, очевидно, такая ея организація, при которой все управленіе покоится на народныхъ декретахъ, не можетъ быть признано демократіей въ собственномъ смыслѣ[4]); ибо никакой декретъ, [въ противоположность закону], не можетъ имѣть общаго характера.

Такъ-то вотъ должны быть разграничены отдѣльные виды демократіи.

5.

1. Отличительный признакъ перваго вида олигархическаго строя состоитъ въ слѣдующемъ: достиженіе магистратуръ при немъ

---

1) Ср. Плутархъ, *Діонъ*, 53: „по Платону [ср. *Государство*, 557 сл., *Законы*, 712 e], демократія въ чистомъ видѣ — не государственный строй, а толкучій рынокъ".

2) Ср. Геродотъ, III, 38: „кажется мнѣ, правильно поступилъ Пиндаръ, назвавъ законъ царемъ надъ всѣмъ".

3) Слѣдую поправкѣ Виламовица-Мёллендорфа: καὶ τὴν ἐκκλησίαν вмѣсто рукописнаго: καὶ τὴν πολιτείαν.

4) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія*, 41, объ аѳинской демократіи IV в.: „демосъ самъ сдѣлалъ себя верховнымъ владыкою всего и всѣмъ онъ управляетъ посредствомъ своихъ декретовъ и судебныхъ постановленій, въ чемъ и находитъ свое выраженіе сила демоса". Иначе отзывается Демосѳенъ, *Противъ Тимократа*, 152: „наше государство управляется законами и народными постановленіями".

обусловлено необходимостью имѣть столь значительный имущественный цензъ, что бѣдные, хотя бы они представляли большинство [гражданскаго населенія], не допускаются къ магистратурамъ; послѣднія доступны только тѣмъ, кто пріобрѣлъ [необходимый имущественный цензъ]. Другой видъ олигархіи—тотъ, когда достиженіе магистратуръ обусловлено также высокимъ имущественнымъ цензомъ и когда лица, имъ обладающія, пополняютъ недостающихъ должностныхъ лицъ путемъ кооптаціи; если эта кооптація производится изъ всѣхъ [лицъ, обладающихъ необходимой имущественной квалификаціей], то такой строй, повидимому, носитъ скорѣе аристократическій оттѣнокъ, если же—только изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ лицъ, то получается [уже строй чисто] олигархическій. При третьемъ видѣ олигархіи въ замѣщеніи магистратуръ сынъ наслѣдуетъ отцу. Четвертый видъ олигархіи, когда имѣется налицо только что указанное условіе и когда властвуетъ не законъ, а магистраты; этотъ видъ въ олигархическомъ строѣ то же самое, что въ монархическомъ — тираннія, а въ демократическомъ—то, что̀ мы назвали послѣднимъ его видомъ, [т. е. крайней демократіей]. Такого рода олигархію зовутъ династіей [1]).

2. Вотъ сколько видовъ олигархіи и демократіи. Не нужно упускать изъ виду, что во многихъ мѣстахъ государственный строй, на основаніи существующей тамъ конституціи,—не демократическій, но, является таковымъ всилу господствующихъ обычаевъ и всего уклада жизни; точно такъ же въ другихъ государствахъ мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ: конституція государства—скорѣе демократическая, а укладъ жизни и господствующіе обычаи оказывается скорѣе олигархическими. Подобнаго рода явленія встрѣчаются чаще всего послѣ [происшедшихъ] государственныхъ переворотовъ, когда не сразу переходятъ къ новому строю, но сначала предпочитаютъ мелкія

[1]) Эти династіи существовали въ Элидѣ (см. ниже) и въ нѣкоторыхъ віотійскихъ городахъ. Ср. Ѳукидидъ, III, 62, 3: „у насъ [ѳиванцевъ] въ то время [въ эпоху Греко-Персидскихъ войнъ] государственное управленіе не было ни равноправной олигархіей, ни демократіей. Управленіе государствомъ находилось въ рукахъ немногихъ лицъ, что̀ всего болѣе противно законамъ, наиболѣе противорѣчитъ здравому государственному устройству и ближе всего къ тиранніи“. [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

взаимныя уступки, такъ что существовавшіе ранѣе законы остаются въ силѣ, перевѣсъ же имѣютъ тѣ, кто участвовалъ въ ниспроверженіи бывшаго государственнаго строя.

3. Наличность столькихъ видовъ демократіи и олигархіи вытекаетъ изъ отмѣченныхъ выше соображеній. Нужно, чтобы участіе въ управленіи принимали или всѣ упомянутые классы демоса, или одни изъ нихъ принимали участіе, другіе—нѣтъ. Когда верховную власть въ государственномъ управленіи имѣетъ въ своихъ рукахъ земледѣльческій классъ и классъ, обладающій среднимъ достаткомъ, тогда государственное управленіе покоится на законномъ основаніи. Гражданское населеніе можетъ жить только плодами трудовъ своихъ, оно не можетъ оставаться празднымъ; вслѣдствіе этого, поставивъ во главу угла законъ, оно собирается въ народныя собранія лишь въ случаѣ крайней необходимости [1]). Остальные граждане могутъ принимать участіе въ государственномъ управленіи лишь послѣ пріобрѣтенія установленнаго законами имущественнаго ценза: кто пріобрѣлъ этотъ цензъ, тотъ и имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи. И если бы это право не было предоставлено абсолютно всѣмъ, то получился бы [не демократическій, а] олигархическій строй; предоставить же всѣмъ возможность посвящать свой досугъ [на государственныя дѣла] невозможно, коль скоро нѣтъ средствъ къ жизни. Указанныя причины и ведутъ къ образованію перваго вида демократіи. 4. Второй видъ демократіи отличается отъ перваго слѣдующими признаками: хотя всѣ лица, въ принадлежности которыхъ къ гражданамъ, на основаніи ихъ происхожденія, нѣтъ никакого сомнѣнія, могутъ пользоваться [присущими имъ политическими правами], однако участвуютъ въ государственномъ управленіи только тѣ, кто можетъ, [благодаря своей обезпеченности, всецѣло] отдаться ему; въ такого рода демократіи властвуютъ законы, потому что недостатокъ въ обезпеченности удерживаетъ многихъ [отъ занятій государственными дѣлами]. При третьемъ видѣ демократіи принимать участіе въ управленіи могутъ всѣ свободорожденные, однако фактически

---

[1]) Въ аѳинскомъ государствѣ въ эпоху Солона регулярныя народныя собранія происходили ежемѣсячно, въ эпоху развитія демократіи—не болѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ.

участвують, по указанной выше причинѣ, не всѣ, такъ что и въ такого рода демократіи долженъ руководящую роль играть законъ. Четвертый видъ демократіи образовался въ государствахъ, въ хронологической постепенности, позже всѣхъ предыдущихъ. 5. Вслѣдствіе увеличенія населенія въ государствахъ по сравненію съ начальными временами, вслѣдствіе развитія матеріальнаго благосостоянія гражданъ, въ государственномъ управленіи принимаютъ участіе всѣ, опираясь на то превосходство, которое достигнуто народною массою. Благодаря полученной возможности отдаться государственной дѣятельности, масса участвуетъ фактически въ государственномъ управленіи, причемъ бѣдные получаютъ за это вознагражденіе. И такого рода народная масса особенно ретиво отдается политикѣ: забота о своихъ личныхъ дѣлахъ нисколько не служитъ ей при этомъ препятствіемъ, тогда какъ богатымъ именно эта забота и мѣшаетъ [отдаться всецѣло государственной дѣятельности], такъ что они очень часто манкируютъ посѣщать народныя собранія и судебныя засѣданія. Отсюда вытекаетъ то слѣдствіе, что въ государственномъ управленіи верховная власть принадлежитъ массѣ неимущихъ, а не законамъ. Вотъ сколько видовъ демократіи и вотъ каковы они всилу указанныхъ принудительныхъ причинъ.

6. Виды олигархіи слѣдующіе: первый видъ—когда недвижимая собственность, не слишкомъ большая, а умѣренная, сосредоточена въ рукахъ большинства [гражданскаго населенія]; владѣльцы этой собственности всилу этого имѣютъ возможность принимать участіе въ государственномъ управленіи; а такъ какъ число такихъ лицъ велико, то, неизбѣжно, верховная власть находится въ рукахъ не людей, но закона. То обстоятельство, что такихъ лицъ много, отдаляетъ ихъ, съ одной стороны, отъ монархическаго единодержавія; а то, съ другой стороны, что матеріальная обезпеченность ихъ ни столь значительна, чтобы исключительно отдаться государственнымъ дѣламъ, ни столь ничтожна, чтобы получать содержаніе отъ государства, побуждаетъ ихъ, естественно, требовать, чтобы господствовалъ надъ ними законъ, а не они сами. 7. Второй видъ олигархіи: число лицъ, обладающихъ собственностью, меньше числа лицъ при первомъ видѣ олигархіи, но самый размѣръ собственности больше; имѣя больше средствъ, эти собственники предъявляютъ

и больше претензій; поэтому они избираютъ изъ числа остальныхъ гражданъ правителей государства; но такъ какъ этотъ классъ собственниковъ не настолько еще силенъ, чтобы обходиться въ управленіи безъ закона, то они издаютъ подходящіе для себя законы. 8. Если власть такого рода собственниковъ усиливается въ томъ отношеніи, что число ихъ становится меньше, а самая собственность — больше, то образуется третій видъ олигархіи, ступенью выше: всѣ магистратуры сосредоточиваются въ рукахъ собственниковъ, причемъ законъ повелѣваетъ, чтобы, послѣ ихъ смерти, сыновья наслѣдовали имъ въ замѣщеніи магистратуръ. Когда же собственность ихъ разростется уже до огромныхъ размѣровъ и они пріобрѣтутъ себѣ массу сторонниковъ, то получится такого рода династическая система, которая близка къ монархіи. И тогда верховная власть въ государственномъ управленіи принадлежитъ уже людямъ, а не закону. Это четвертый видъ олигархіи, соотвѣтствующій послѣднему изъ перечисленныхъ нами видовъ демократіи.

9. Кромѣ демократической и олигархической есть еще двѣ формы государственнаго строя. Изъ нихъ одну признаютъ всѣ, въ томъ числѣ и мы, разновидностью одной изъ четырехъ формъ государственнаго строя. Эти четыре формы суть: монархія, олигархія, демократія и четвертая та, которую называютъ аристократіей. Пятая форма государственнаго строя носитъ имя, служащее обозначеніемъ государственнаго строя вообще, именно ее называютъ просто политіей. Эта форма встрѣчается не часто, почему ее и упускаютъ изъ виду тѣ, кто ставитъ своею задачею перечисленіе отдѣльныхъ формъ государственнаго строя; они, какъ и Платонъ, при своемъ перечисленіи ограничиваются только четырьмя формами [1]).

10. Аристократіей отлично можно назвать ту форму государственнаго строя, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ разсужденіи. А именно: аристократическою формою правленія, по справедливости, можно признавать только ту, когда, во главѣ

---

[1]) Четыре формы государственнаго строя Платонъ отмѣчаетъ въ *Политикѣ*, 302 с сл.; въ *Законахъ*, 712 с, онъ упоминаетъ лишь о трехъ главныхъ формахъ: демократіи, олигархіи и аристократіи, и лишь въ качествѣ добавочныхъ формъ относитъ сюда еще тираннію и монархію.

управленія, стоятъ люди абсолютно наилучшіе въ нравственномъ отношеніи, безъ какихъ-либо [ограничительныхъ] предпосылокъ, а не просто хорошіе мужи; ибо только при такой формѣ государственнаго управленія понятія «хорошій мужъ» и «хорошій гражданинъ» абсолютно тожественны, тогда какъ при остальныхъ формахъ эти понятія имѣютъ значеніе относительное, въ зависимости отъ соотвѣтствующаго государственнаго строя. Впрочемъ существуютъ нѣкоторыя формы государственнаго строя, отличающіяся отъ олигархическихъ и отъ такъ называемой политіи и именуемыя аристократическими. Это—такія формы, при которыхъ избраніе на должности обусловливается не только богатствомъ, но высокими нравственными качествами. 11. Такая форма государственнаго строя отличается отъ олигархіи и политіи и носитъ имя аристократіи [1]). Ибо и въ тѣхъ государствахъ, которыя не предъявляютъ вообще особенныхъ требованій къ добродѣтели гражданъ, встрѣчаются все-таки люди, пользующіеся доброй репутаціей и считающіеся людьми нравственно-благородными. И тамъ, гдѣ государственный строй считается и съ богатствомъ и съ добродѣтелью и съ интересами гражданъ, какъ, напримѣръ, въ Карѳагенѣ, государственный строй бываетъ аристократическимъ [2]); тамъ же, гдѣ принимаются въ разсчетъ только два изъ указанныхъ условій, т. е. добродѣтель гражданъ и народные интересы, что̀ мы видимъ, напримѣръ, въ Лакедэмонѣ, получается смѣшеніе двухъ формъ государственнаго строя—демократической и аристократической. Такимъ образомъ, аристократическій строй, помимо его первой и наиболѣе совершенной формы, имѣетъ еще двѣ указанныхъ разновидности; третьею же его разновидностью будутъ тѣ формы аристократическаго строя, которыя все болѣе и болѣе отклоняются отъ такъ называемой политіи къ олигархіи.

---

[1]) Ср. Аристотель, *Риторика*, I, 8, 1365 b 35: „люди, не выходящіе изъ предѣловъ законности, въ аристократіи пользуются властью, они кажутся лучшими изъ гражданъ, откуда получила названіе и сама форма правленія". [Переводъ Н. Н. Платоновой].

[2]) Ср. выше стр. 84 сл.

6.

1. Намъ остается сказать еще о такъ называемой политіи и о тиранніи. Политію мы отнесли сюда, хотя она, равно какъ и только что упомянутыя разновидности аристократіи, не является отклоненіемъ [отъ нормальныхъ формъ государственнаго строя]. По правдѣ сказать, всѣ формы государственнаго строя, суть отклоненія отъ самой правильной изъ нихъ, [т. е. политіи], но послѣднюю обыкновенно помѣщаютъ наряду съ аристократическими формами; сравнительно съ нею и съ аристократіей другія формы государственнаго строя являются уже отклоненіями [отъ формъ нормальныхъ], какъ объ этомъ мы говорили въ началѣ нашего разсужденія [1]). Подъ самый же конецъ упомянуть о тиранніи будетъ вполнѣ логично, потому что она менѣе всего соотвѣтствуетъ представленію, соединяемому съ государственнымъ строемъ вообще. А наша задача — изслѣдованіе формъ именно государственнаго строя. Мотивировавъ предложенную нами классификацію ихъ, мы должны обратиться теперь къ разсмотрѣнію политіи.

2. Сущность ея обрисовывается яснѣе, послѣ того какъ опредѣленъ характеръ олигархіи и демократіи. Говоря по-просту, политія является какъ бы смѣшеніемъ олигархіи и демократіи. Тѣ формы государственнаго строя, которыя имѣютъ наклонъ въ сторону демократіи, обычно называютъ политіями, а тѣ, которыя склоняются скорѣе въ сторону олигархіи, обыкновенно именуются аристократіями, потому что лица, обладающія бо̀льшимъ имущественнымъ достаткамъ, чаще всего бываютъ и болѣе воспитаны и болѣе благороднаго происхожденія. Сверхъ того, по общепринятому представленію, люди зажиточные тѣмъ самымъ избавлены отъ стремленія пріобрѣтать себѣ богатство, что̀ влечетъ за собою совершеніе [столькихъ] несправедливостей; а уже одно это упрочиваетъ за такими людьми названіе «людей во всѣхъ отношеніяхъ совершенныхъ», «знатныхъ» [2]).

---

[1]) Ср. стр. 112 сл.

[1]) Ср. Гесіодъ, *Труды и Дни*, 313: „богатству сопутствуетъ доблесть и слава“. [Ксенофонтъ], *Аѳинская политія*, I, 5: „у людей аристократическаго происхожденія очень рѣдко встрѣчаемся мы съ необузданностью

3. Такъ какъ аристократическій строй стремится доставить преобладаніе въ государствѣ наилучшимъ изъ гражданъ, то, говорятъ, и въ олигархіяхъ большинство состоитъ изъ совершенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей. Да и вообще кажется чѣмъ-то невозможнымъ, чтобы оказалось благоустроеннымъ такое государство, которое управляется не наилучшими, но дурными людьми, равно какъ такъ же невозможно, чтобы государство, не пользующееся благоустроеніемъ, управлялось наилучшими людьми: вѣдь «благозаконіе» состоитъ не въ томъ, чтобы законы-то были хороши, да имъ никто не повиновался [1]). Поэтому остается допустить двоякаго рода «благозаконіе»: при одномъ повинуются наличнымъ законамъ, при другомъ — тѣ законы, которымъ остаются вѣрными, составлены прекрасно (можно, вѣдь, повиноваться и плохо составленнымъ законамъ) [2]). Здѣсь опять-таки возможны два случая: либо законы могутъ быть наилучшими относительно, въ примѣненіи къ даннымъ обстоятельствамъ, либо они могутъ быть наилучшими абсолютно. 4. Сущность аристократическаго строя заключается, повидимому, въ томъ, что при немъ привилегіи, связанныя съ гражданскими правами, распредѣляются въ соотвѣтствіи съ нравственными качествами ихъ обладателей: вѣдь принципомъ аристократіи служитъ добродѣтель, олигархіи—богатство, демократіи—свобода. То же, что верховную силу имѣетъ рѣшеніе большинства, свойственно всѣмъ фор-

---

и несправедливостью, напротивъ имъ свойственна неукоснительная честность: наоборотъ, простой народъ отличается полнѣйшимъ невѣжествомъ, недисциплинированностью, низостью; бѣдность толкаетъ простой народъ на совершеніе постыдныхъ поступковъ, равно какъ его невоспитанность и невѣжество, именно изъ-за недостатка необходимыхъ средствъ къ жизни".

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 9, 14: „въ государствахъ благоустроенныхъ граждане не считаютъ достаточнымъ ограничиться просто изданіемъ прекрасныхъ законовъ; граждане, сверхъ того, избираютъ еще стражей законовъ, которые бы наблюдали за ихъ исполненіемъ, которые хвалятъ тѣхъ, кто поступаетъ по законамъ, и караютъ того, кто поступаетъ противозаконно"

[2]) У Лаэртія Діогена, III, 103, Платонъ различаетъ три значенія „благозаконія" (εὐνομία): 1) „когда сами законы совершенны"; 2) „когда граждане остаются вѣрными наличнымъ законамъ"; 3) „когда граждане честно исполняютъ свой долгъ по отношенію къ государству, хотя законы его и не согласуются съ практикою и задачами жизни".

мамъ государственнаго строя: что рѣшитъ большинство изъ числа лицъ, принимающихъ участіе въ государственномъ управленіи,— будь оно олигархическое, аристократическое, демократическое,— то и почитается имѣющимъ законную силу. Итакъ, элементъ, свойственный политіи и придающій ей такую прекрасную окраску, имѣется, [строго говоря], на лицо въ большей части государствъ: всѣ они стремятся согласовать интересы зажиточныхъ и неимущихъ, богатства и свободы (по распространенному почти въ большинствѣ случаевъ взгляду, зажиточность компенсируется нравственнымъ совершенствомъ) [1]). 5. Такъ какъ въ государственномъ организмѣ три элемента претендуютъ на равнозначимость: политическая свобода, имущественный достатокъ и нравственное совершенство (четвертый элементъ—благородство происхожденія—стоитъ въ ближайшей связи съ двумя послѣдними, такъ какъ оно искони связано съ имущественнымъ достаткомъ и нравственнымъ совершенствомъ), то ясно, что политіей должно называть такой государственный строй, при которомъ объединяются интересы зажиточныхъ и неимущихъ; объединеніе же всѣхъ трехъ элементовъ, [т. е. свободы, богатства и нравственной добродѣтели], должно преимущественно характеризовать аристократію по сравненію ея съ остальными формами государственнаго строя, исключая лишь [ту единственно] истинную и первую его форму, [которая одна и имѣетъ право называться вообще государственнымъ строемъ].

Мы сказали, что существуютъ и другія формы государственнаго строя помимо монархической, демократической и олигархической, мы указали ихъ сущность и то, чѣмъ отличаются одна отъ другой аристократическія формы и чѣмъ отличаются политіи отъ аристократіи; ясно, что политія и аристократія стоятъ другъ къ другу въ близкомъ отношеніи.

7.

1. Какимъ образомъ возникаетъ, наряду съ демократіей и олигархіей, такъ называемая политія и какова должна быть ея

---

[1]) Подобную мысль высказываетъ Платонъ, *Өеэтетъ*, 174 e, по которому у всякаго благороднаго есть „семеро богачей дѣдовъ". То же Еврипидъ, *Эолъ*, fr. 22 N: „у кого въ домѣ деньги очень долго водятся, тотъ и благороденъ".

организація, объ этомъ мы будемъ говорить непосредственно вслѣдъ за изложеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ ясными и отличительные признаки демократіи и олигархіи. Прежде всего должно установить разграниченіе обѣихъ этихъ формъ государственнаго строя, а затѣмъ поступить такъ, какъ поступаютъ [люди, связанные узами гостепріимства], съ знаками, [по которымъ они узнаютъ другъ друга, т. е. разломать ихъ на двѣ части и], взявъ отъ каждой изъ нихъ по половинѣ, сложить ихъ вмѣстѣ.

2. Три существенныхъ условія опредѣляютъ объединеніе и смѣшеніе демократіи и олигархіи. Прежде всего слѣдуетъ взять существующія законоположенія въ олигархіи и въ демократіи, относящіяся хотя бы, напримѣръ, къ судопроизводству. Въ олигархіяхъ богатые платятъ денежный штрафъ за уклоненіе отъ исполненія судейскихъ обязанностей, бѣднымъ же за исполненіе ихъ не полагается никакого вознагражденія; въ демократіяхъ бѣдные за исполненіе судейскихъ обязанностей получаютъ вознагражденіе, но зато и на богатыхъ за уклоненіе отъ нихъ не налагается никакого штрафа. Общее и среднее изъ этихъ законоположеній, свойственное и демократіи и олигархіи и смѣшанное изъ законоположеній той и другой, будетъ характернымъ признакомъ политіи. Итакъ, вотъ одинъ способъ соединенія. 3. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы взять среднее изъ присущихъ олигархіи и демократіи постановленій касательно, положимъ, участія въ народномъ собраніи. Для участія въ немъ при демократическомъ строѣ не требуется какой-либо имущественный цензъ, или же требуется цензъ совершенно незначительный; олигархическій строй, наоборотъ, выставляетъ въ данномъ случаѣ требованіе высокаго ценза. Общихъ признаковъ тутъ нѣтъ, но для политіи можно взять средній цензъ между обоими указанными. При третьемъ способѣ объединенія можно было бы взять одну часть постановленій олигархическаго законодательства и другую часть постановленій законодательства демократическаго. Я имѣю въ виду слѣдующее: однимъ изъ принциповъ демократическаго строя является замѣщеніе магистратуръ по жребію, олигархическаго же строя—по избранію, причемъ въ демократіяхъ это замѣщеніе не обусловлено имущественнымъ цензомъ, а въ олигархіяхъ обусловлено. Слѣдовательно, принципъ, свойственный аристократіямъ и политіямъ, состоялъ бы въ томъ, если

бы мы взяли изъ олигархіи и демократіи по одному изъ характерныхъ для нихъ признаковъ въ дѣлѣ замѣщенія магистратуръ, а именно: изъ олигархіи то, что магистратуры замѣщаются по избранію, а изъ демократіи то, что это замѣщеніе цензомъ не обусловлено. Итакъ, вотъ еще одинъ изъ способовъ смѣшенія. 4. Критеріемъ же того, что такого рода смѣшеніе демократіи и олигархіи произведено хорошо, служитъ то, когда можно будетъ одну и ту же форму государственнаго строя называть и демократіей и олигархіей. Тѣ, кто пользуется обоими этими обозначеніями, очевидно, чувствуютъ, что ими обозначается смѣшеніе прекрасное; а такое смѣшеніе заключается именно въ срединѣ, такъ какъ въ ней находятъ себѣ мѣсто обѣ противоположныя крайности [1].

Примѣромъ такого прекраснаго смѣшенія олигархическаго и демократическаго строя служитъ Лакедэмонская конституція [2]. 5. Многіе пытаются утверждать, что она—демократическая, такъ какъ ея порядки содержатъ въ себѣ много демократическихъ элементовъ, хотя бы прежде всего въ дѣлѣ воспитанія дѣтей: въ Лакедэмонѣ дѣти богатыхъ живутъ въ такой же обстановкѣ, что и дѣти бѣдныхъ, и получаютъ то же самое воспитаніе, какое могутъ получать и дѣти бѣдныхъ. То же самое продолжается и въ юношескомъ возрастѣ и въ зрѣломъ—и тогда ничѣмъ богатые и бѣдные не разнятся между со-

---

[1] Ср. *Евдемова этика*, 3, 7, 1234 b 5: „въ срединѣ какъ бы сходятся крайности".

[2] Ср. Исократъ, *Ареопагитикъ*, 61: „я знаю... что лакедэмоняне имѣютъ прекраснѣйшій государственный строй благодаря тому, что у нихъ господствуютъ демократическіе принципы: въ избраніи должностныхъ лицъ, въ повседневной жизни и во всѣхъ остальныхъ порядкахъ мы видимъ у нихъ господство принциповъ равенствъ и однообразія въ большей степени, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ". *Къ Никоклу*, 24: „мы всѣ знаемъ, что карѳагеняне и лакедэмоняне изъ всѣхъ грековъ пользуются наилучшимъ государственнымъ строемъ: въ мирное время ими управляютъ олигархи, въ военное—цари". Платонъ, *Законы*, 712 d сл.: „я не умѣю сказать, какъ слѣдуетъ назвать лакедэмонскій государственный строй. Мнѣ кажется, онъ имѣетъ сходство даже съ тираніей, потому что эфорія въ немъ, страннымъ образомъ, представляетъ элементъ, свойственный тираніи. А иногда мнѣ сдается, что лакедэмонскій государственный строй всего болѣе походитъ на демократическій. Съ другой стороны, отрицать въ немъ элементы, свойственные аристократіи, также было бы полною нелѣпостью. Наконецъ, и монархія въ Лакедэмонѣ—пожизненная и считается самою древнею изъ всѣхъ и признается таковою и всѣми людьми и нами самими".

бою: пища для всѣхъ одна и та же въ сисситіяхъ, одежду богачи носятъ такую же, какую можетъ приготовить себѣ любой бѣднякъ[1]). [Далѣе, лакедэмонскій государственный строй демократиченъ и въ томъ отношеніи, что] двѣ самыхъ важныхъ магистратуры народъ замѣщаетъ — одну путемъ избранія, а въ другой самъ принимаетъ участіе: геронты въ Лакедэмонѣ избираются, а въ эфоріи самъ народъ имѣетъ участіе[2]). По мнѣнію другихъ, лакедэмонскій государственный строй представляетъ собою олигархію, какъ заключающій много олигархическихъ элементовъ, хотя бы, напримѣръ, то, что всѣ магистратуры замѣщаются путемъ избранія и нѣтъ ни одной, замѣщаемой по жребію; далѣе, что лишь немногіе имѣютъ верховную власть присуждать къ смертной казни и къ изгнанію и т. под.[3]).

6. Нужно, конечно, чтобы въ государственномъ строѣ, прекрасно смѣшанномъ, и демократическій и олигархическій элементы были представлены, а не одинъ какой-либо изъ нихъ. И оба эти элемента должны находить себѣ опору въ самомъ государственномъ строѣ, а не внѣ его; [нужно устроить дѣло такъ], чтобы не бо́льшая часть сосѣдей желала видѣть этотъ строй именно такимъ (этого, вѣдь, пожалуй, можно достигнуть и при наличности плохого государственнаго строя), но чтобы иного строя, помимо существующаго, не желала ни одна изъ составныхъ частей, образующихъ населеніе государства вообще.

Теперь мы сказали о томъ, какова должна быть организація политіи и отдѣльныхъ видовъ такъ называемой аристократіи.

8.

1. Намъ осталось сказать еще о тиранніи не потому, что о ней стоило бы много распространяться, но для того, чтобы и

[1]) Ср. Ѳукидидъ, I, 6, 4: „у лакедэмонянъ люди богатые наиболѣе приблизились къ народу по образу жизни во всѣхъ отношеніяхъ“. Платонъ, *Законы*, 696 a: „справедливость требуетъ, лакедэмоняне, воздать вашему государственному строю и то, что вы не полагаете какого бы то ни было различія въ почетѣ и образѣ жизни между бѣдностью и богатствомъ, между положеніемъ частнаго человѣка и царя“.

[2]) Ср. выше стр. 76 сл.

[3]) Имѣются въ виду лакедэмонскіе геронты.

она нашла себѣ мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи, такъ какъ и тираннію мы считаемъ до извѣстной степени одною изъ формъ государственнаго строя. О монархіи мы трактовали въ предыдущемъ изложеніи, гдѣ мы разсматривали такъ называемую царскую власть съ точки зрѣнія ея полезности или вреда для государства, кого и изъ кого должно назначать царемъ и какова должна быть организація царской власти [1]). 2. Въ той же части нашего изслѣдованія, гдѣ рѣчь шла о царской власти, мы установили различіе двухъ видовъ тиранніи, такъ какъ свойства обоихъ ихъ до извѣстной степени совпадаютъ съ свойствами царской власти: и та и другая покоятся на законномъ основаніи (у нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ избираютъ самодержцевъ-монарховъ, а въ старину и у древнихъ эллиновъ избирались такого же рода монархи, которые назывались эсимнетами). [2]) Упомянутые два вида тиранніи имѣютъ нѣкоторыя отличія: съ одной стороны, оба они являлись монархическими формами государственнаго строя, какъ основанные на законѣ и на добровольномъ признаніи ихъ со стороны подданныхъ, съ другой стороны, это были формы тираническія, такъ какъ власть въ нихъ осуществлялась деспотически, по произволу тиранновъ. 3. Третій видъ тиранніи—тираннія по преимуществу—соотвѣтствуетъ абсолютной монархіи. Такого рода монархія естественно оказывается тиранніей, такъ какъ въ ней проявляется безотвѣтственная власть [монарха] надъ всѣми равными и лучшими, и въ интересахъ ея самой, а не въ интересахъ подданныхъ. Потому-то такая тираннія [возникаетъ всегда] противъ желанія подданныхъ: никто изъ свободныхъ людей не согласится добровольно подчиняться такого рода власти [3]).

---

[1]) См. выше стр. 135 сл.

[2]) Эсимнеты (нѣкоторую аналогію имъ представляютъ диктаторы въ Римѣ) были экстраординарные магистраты съ широкими полномочіями, избиравшіеся въ древнѣйшее время въ греческихъ государствахъ въ критическихъ обстоятельствахъ. Эсимнеты избирались пожизненно и имѣли законодательную власть

[3]) Ср. Аристотель, *Риторика*, I, 8, 1365 b 37: „монархія, какъ показываетъ самое названіе ея, есть такая форма правленія, въ которой одинъ властвуетъ надъ всѣми. Изъ монархій однѣ, подчиненныя извѣстнаго рода порядку, представляютъ собою монархію [въ настоящемъ смыслѣ слова], а другія, извращенныя, представляютъ собою тираннію“. [Переводъ Н. Н. Платоновой].

Итакъ, вотъ каковы виды тиранніи и вотъ сколько ихъ по указаннымъ причинамъ.

9.

1. Какая же форма государственнаго устроенія наилучшая? какъ можетъ быть наилучше организована жизнь для большинства государствъ и для большинства людей, безотносительно къ добродѣтели, превышающей добродѣтель обыденнаго человѣка, безотносительно къ воспитанію, для котораго потребны природныя дарованія и счастливое стеченіе обстоятельствъ [1]), безотносительно и къ тому идеальному государственному строю, о которомъ можно [только] мечтать, но примѣнительно лишь къ такой житейской обстановкѣ, которая доступна большинству, и къ такому государственному строю, который оказывается пріемлемымъ для большей части государствъ? 2. Различные виды такъ называемаго аристократическаго строя, о которомъ мы только что говорили, отчасти мало примѣнимы для большинства государствъ, отчасти приближаются къ такъ называемой политіи (почему и говорить должно объ обѣихъ этихъ формахъ какъ объ одной).

Сужденіе о всѣхъ поставленныхъ вопросахъ основывается на однихъ и тѣхъ же основныхъ принципахъ. Если въ нашей «Этикѣ» [2]) удачно сказано, что та жизнь — блаженная, при которой нѣтъ препятствій къ осуществленію добродѣтели, что добродѣтель есть средина [между двумя крайностями], то нужно признать, что наилучшей жизнью будетъ именно «средняя» жизнь, такая жизнь, при которой «средина» можетъ быть достигнута каждымъ индивидомъ. 3. Необходимо установить тотъ же самый критерій въ отношеніи какъ добродѣтели, такъ и порочности государства и его строя: вѣдь строй государства это его жизнь.

Въ каждомъ государствѣ мы встрѣчаемъ три класса гражданъ: очень зажиточные, крайне неимущіе и третьи, стоящіе въ срединѣ между тѣми и другими [3]). Такъ какъ, по общепринятому

---

[1]) Ср. Лукіанъ, *Сонъ*, 1: „многіе думали, что для воспитанія потребны и большіе труды и долгое время и значительныя траты и счастливая удача".

[2]) См. напр. *Никомахова этика*, I, 11, 1101 a 14. VII, 14. 1153 b 9 сл. (стр. 18, 141 сл. перевода Э. Л. Радлова).

[3]) Ср. Еврипидъ, *Просительницы*, 238 сл.: „три части гражданъ: одни—счастливые, эти пользы не приносятъ и вѣчно къ большему стре-

мнѣнію, умѣренность и средина—наилучшее [между двумя крайностями], то, очевидно, и средній достатокъ изъ всѣхъ благъ всего лучше [1]). 4. При наличности его легче всего повиноваться доводамъ разума; напротивъ, трудно слѣдовать за этими доводами человѣку сверхъ-прекрасному, сверхъ-сильному, сверхъ-знатному, сверхъ-богатому, или, наоборотъ, человѣку сверхъ-бѣдному, сверхъ-слабому, сверхъ-низкому по своему политическому положенію. Люди первой категоріи по преимуществу становятся наглецами и крупными мерзавцами [2]); люди второй категоріи обыкновенно дѣлаются подлецами и мелкими мерзавцами. А изъ преступленій одни совершаются изъ-за наглости, другіе — вслѣдствіе подлости. Сверхъ того люди обѣихъ этихъ категорій не уклоняются отъ власти, но ревностно стремятся къ ней, а и то и другое приноситъ государствамъ вредъ. 5. Далѣе, люди первой изъ указанныхъ категорій, владѣя преизбыткомъ благополучія, силы, богатства, дружескихъ привязанностей и т. под. не желаютъ, да и не умѣютъ подчиняться; и это наблюдается уже съ раннихъ поръ, съ дѣтскаго возраста: избалованные роскошью, въ которой они живутъ, имъ не въ привычку повиноваться даже въ школахъ [3]). Поведеніе людей второй категоріи,

---

мятся; другіе—неимущіе, нужду терпящіе; зависть жестокая ими руководитъ и злое жало устремлено у нихъ противъ богачей; негодные предстатели дурачатъ ихъ своею болтовней. Изъ трехъ частей та часть, что въ серединѣ, охраняетъ государства; она оберегаетъ тотъ порядокъ, который установитъ городъ“.

[1]) Ср. Гесіодъ, *Өеогонія*, 335: „лучше всего средина“. Еврипидъ, fr. 80 N: „то, что больше середины, причиняетъ боли смертнымъ“.

[2]) Аристотель, *Риторика*, II, 16: „[обладающіе богатствомъ люди] высокомѣрны и надменны, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ богатства... Они склонны къ роскоши и хвастовству... Они отличаются еще тѣмъ, что считаютъ себя достойными властвовать... И вообще характеръ, сообщаемый богатствомъ, есть характеръ человѣка неразумнаго и счастливаго“. [Переводъ Н. Н. Платоновой].

[3]) Ср. Платонъ, *Законы*, 791 d: „роскошь развиваетъ въ характерѣ молодыхъ людей брезгливость, вспыльчивость, сильную возбудимость изъ-за мелочей; наоборотъ, тяжелое и лютое порабощеніе принижаетъ людей, развиваетъ въ нихъ раболѣпство и ненависть къ людямъ и дѣлаетъ ихъ, въ концѣ концовъ, непригодными для совмѣстнаго жительства“. Аристотель, *Никомахова этика*, IV, 8, 1124 a 20 сл. (стр. 71 сл. перевода Э. Л. Радлова). Плутархъ, *О льстецѣ и другѣ*, 16: „Карнеадъ говорилъ, что дѣти

изъ-за ихъ крайней необезпеченности [въ матеріальномъ отношеніи], чрезвычайно униженное. Такимъ образомъ, они не способны властвовать и умѣютъ подчиняться только той власти, которая проявляется у господъ надъ рабами; люди же первой категоріи не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умѣютъ только такъ, какъ властвуютъ господа надъ рабами. 6. Получается государство, состоящее изъ рабовъ и господъ, а не изъ свободныхъ людей, государство, гдѣ одни исполнены зависти, другіе—презрѣнія. А такого рода чувства очень далеки отъ чувства дружбы въ политическомъ общеніи, которое [само по себѣ] должно заключать въ себѣ элементъ дружественности. Упомянутые же нами люди даже по одной дорогѣ идти не желаютъ съ своими противниками.

Государство стремится всего болѣе къ тому, чтобы всѣ въ немъ были равны и одинаковы, а равенство и однообразіе свойственны преимущественно людямъ «среднимъ». Такимъ образомъ, исходя изъ естественнаго, по нашему утвержденію, состава государства, неизбѣжно слѣдуетъ, что государство, состоящее изъ «среднихъ» людей, будетъ имѣть и наилучшій государственный строй. 7. Эти-то «средніе» граждане по преимуществу и остаются въ государствахъ цѣлыми и невредимыми [1]. Они не стремятся къ чужому добру, какъ бѣдняки, а другіе люди не посягаютъ на то, что этимъ «среднимъ» принадлежитъ; съ другой стороны, они не походятъ и на бѣдняковъ, которые стремятся къ имуществу богатыхъ. И такъ какъ никто на нихъ и они ни на кого не злоумышляютъ, то и жизнь ихъ протекаетъ безопасно. Поэтому прекрасное пожеланіе высказалъ Фокилидъ [2] «среднимъ множество благъ; въ городѣ среднимъ быть я желаю» [3]. 8. Итакъ ясно, что наилучшее государственное общеніе — то общеніе, которое достигается чрезъ посредство средняго элемента; и тѣ

богачей и царей умѣютъ только ѣздить верхомъ, а ничему другому порядочно не учатся; учителя при занятіяхъ льстятъ имъ похвалами, а въ борьбѣ нарочно поддаются имъ".

[1]) Въ одной трагедіи (fr. 547 N) говорится: „вездѣ средина безопаснѣе". Ср. Эсхилъ, *Евмениды*, 526: „божество даровало силу всякому среднему".

[2]) Греческій лирическій поэтъ, родомъ изъ Милета, жившій въ срединѣ VI в. до Р. Хр.

[3]) fr. 12 B.

государства имѣютъ наилучшій строй, гдѣ средній элементъ представленъ въ большемъ количествѣ, гдѣ онъ пользуется бо́льшимъ значеніемъ сравнительно съ обоими крайними элементами или, по крайней мѣрѣ, сильнѣе каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Соединившись въ тѣмъ или другимъ изъ этихъ крайнихъ элементовъ, средній элементъ пріобрѣтетъ вліяніе и воспрепятствуетъ образованію противоположныхъ крайностей. Поэтому-то величайшимъ благополучіемъ для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью среднею, но достаточною; а въ тѣхъ случаяхъ, когда одни владѣютъ слишкомъ многимъ, другіе же ничего не имѣютъ, возникаетъ либо крайняя демократія, либо олигархія въ чистомъ видѣ, либо тираннія, именно вслѣдствіе противоположныхъ крайностей въ имущественномъ отношеніи [гражданъ]. Вѣдь тираннія образуется какъ изъ чрезвычайно распущенной демократіи, такъ и изъ олигархіи; значительно рѣже тираннія возникаетъ изъ среднихъ формъ государственнаго строя и тѣхъ, что́ сродни имъ [1]). О причинахъ этого мы поговоримъ позднѣе, когда будемъ трактовать о государственныхъ переворотахъ [2]).

9. Итакъ, очевидно, «средняя» форма государственнаго строя есть форма идеальная, ибо только она не ведетъ къ партійной борьбѣ: тамъ, гдѣ средній элементъ многочисленъ, всего рѣже бываютъ среди гражданъ партійныя распри и раздоры. И крупныя государства по той же самой причинѣ—именно потому, что въ нихъ многочисленъ средній элементъ—менѣе страдаютъ отъ партійной борьбы; въ небольшихъ же государствахъ населеніе легче разбивается на двѣ партіи, такъ что между ними не остается мѣста для средняго элемента, и почти всѣ становятся тамъ либо бѣдняками, либо богачами. Демократіи, въ свою очередь, пользуются большею, въ сравненіи съ олигархіями, безопасностью; существованіе ихъ болѣе долговѣчно благодаря наличности въ нихъ средняго элемента, который подавляетъ своею численностью [остальные], и бываетъ сильнѣе представленъ въ государственной жизни демократій, нежели олигархій. Но когда, за отсутствіемъ средняго элемента, неимущій классъ подавляетъ

---

[1]) Т. е. изъ умѣренныхъ формъ демократій и олигархіи.
[2]) См. V книгу.

своею многочисленностью, государство оказывается въ злополучномъ состоянiи и быстрыми шагами идетъ къ гибели.

10. Въ доказательство выставленнаго нами положенiя можно привести и то, что наилучшiе законодатели вышли изъ среды средняго сословiя: оттуда происходили Солонъ (что̀ видно изъ его стихотворенiй), Ликургъ (царемъ онъ не былъ), Харондъ и почти бо́льшая часть остальныхъ.

Теперь ясно и то, почему въ большинствѣ случаевъ государственный строй бываетъ или демократическимъ или олигархическимъ. Среднiй элементъ занимаетъ въ государствахъ зачастую незначительное мѣсто; наоборотъ, всегда въ нихъ выдвигаются либо крупные собственники, либо простой народъ; и, выходя изъ средняго состоянiя, либо тѣ, либо другiе перетягиваютъ государственный порядокъ на свою сторону, такъ что и создается въ результатѣ либо демократическiй строй, либо олигархическiй. 11. Такъ какъ, сверхъ того, между простымъ народомъ и зажиточнымъ классомъ возникаютъ партiйныя распри и борьба, то кому изъ нихъ удастся одолѣть противника, тотъ и вводитъ не общiй и равный для обоюдныхъ интересовъ государственный строй; а на чьей сторонѣ оказалась побѣда, въ соотвѣтствiи съ этимъ такой государственный порядокъ и получаетъ перевѣсъ: [въ случаѣ побѣды простого народа]—демократическiй, [при побѣдѣ зажиточнаго класса]—олигархическiй. [Въ этомъ смыслѣ] и тѣ два греческихъ государства [1]), которымъ [въ свое время] принадлежала гегемонiя въ Грецiи, насаждали, въ зависимости отъ господствующаго въ нихъ государственнаго строя, въ другихъ государствахъ одно—демократiю, другое—олигархiю, причемъ считались съ интересами не этихъ другихъ государствъ, но лишь съ своею личною выгодою. 12. Всилу указанныхъ причинъ «среднiй» государственный строй либо никогда не встрѣчается, либо—рѣдко и въ немногихъ государствахъ. Одинъ лишь мужъ изъ числа стоявшихъ нѣкогда у кормила правленiя рискнулъ ввести этотъ [«среднiй»] строй [2]). Вообще же въ [греческихъ] государствахъ установился уже такой обычай: равенства не желать, но стре-

[1]) Аѳинское и Спартанское.

[2]) Вѣроятно, имѣется въ виду Солонъ. Слова ἐφ' ἡγεμονίᾳ γενομένων, заключенныя Иммишемъ, вслѣдъ за Джоуэттомъ въ [ ], принимаю въ текстъ.

миться властвовать, а если придется жить въ подчиненіи, терпѣливо переносить его.

Изъ сказаннаго ясно, каково наилучшее государственное устроеніе и чѣмъ оно бываетъ обусловлено.

13. Послѣ того, какъ нами опредѣлена наилучшая форма государственнаго строя, нетрудно усмотрѣть, какую форму изъ остальныхъ формъ демократическихъ и олигархическихъ (а разновидностей ихъ, по нашему утвержденію, нѣсколько) слѣдуетъ поставить на первое мѣсто за наилучшей, какую—на второе и т. д., въ зависимости отъ того, насколько та или другая и т. д. формы оказываются относительно лучшими или худшими. Конечно, [сравнительно] лучшей формою государственнаго строя всегда будетъ та, которая будетъ болѣе приближаться къ наилучшей, а сравнительно худшей—та, которая будетъ болѣе удаляться отъ формы государственнаго строя, [нами охарактеризованной въ качествѣ] «средней». [Изъ этого общаго правила] исключается тотъ случай, если бы кто-либо сталъ обсуждать весь вопросъ, [съ относительной точки зрѣнія], въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ предпосылокъ. Я говорю «въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ предпосылокъ» потому, что зачастую не бываетъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы нѣкоторыя государства, вмѣсто другой, болѣе предпочтительной самой по себѣ, конституціи, пользовались иной, [менѣе совершенной, но] для него полезной.

10.

1. Въ непосредственной связи съ разсмотрѣнными вопросами подлежитъ разсмотрѣнію и вопросъ: какой государственный строй для какихъ государствъ подходитъ и каковъ [соотвѣтственно этому долженъ быть] его характеръ? Сначала нужно установить общее правило для всѣхъ формъ государственнаго строя вообще, а именно: число доброжелателей того или иного строя въ государствѣ должно превышать, по своему значенію, число его недоброжелателей. Всякое государство должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія двухъ элементовъ, его составляющихъ: качества и количества. Подъ качествомъ я разумѣю: свободу, богатство, воспитаніе, благородство происхожденія; подъ количествомъ — превосходство массы населенія. 2. Можетъ случиться, что одна

часть изъ состава населенія государства будетъ превосходить другую въ качественномъ отношеніи, зато эта другая будетъ имѣть перевѣсъ надъ первой въ количественномъ отношеніи; такъ, напримѣръ, лица неблагороднаго происхожденія своею численностью будутъ превосходить лицъ благороднаго происхожденія, либо неимущіе будутъ превосходить богатыхъ, однако это количественное превосходство будетъ уступать превосходству въ отношеніи качества. Приходится поэтому оба эти отношенія, [и количественное и качественное], взаимно уравновѣшивать. Гдѣ количество неимущихъ превосходитъ указанное соотношеніе, тамъ, естественно, рождается демократія, именно отдѣльные виды ея въ зависимости отъ превосходства того или иного класса демоса: напримѣръ, если перевѣсъ будетъ на сторонѣ земледѣльческаго класса, тамъ возникаетъ первый изъ [указанныхъ нами] видовъ демократическаго строя, а гдѣ перевѣсъ—на сторонѣ класса ремесленниковъ и поденщиковъ, тамъ образуется послѣдній изъ видовъ демократическаго строя. Условія для возникновенія посредствующихъ видовъ его стоятъ въ связи съ наличностью соотвѣтствующихъ классовъ населенія. 3. Тамъ, гдѣ качественный перевѣсъ зажиточныхъ и знатныхъ превышаетъ ихъ количественный недостатокъ, возникаетъ олигархическій строй, именно отдѣльные виды его, опять-таки въ соотвѣтствіи съ перевѣсомъ сочувствующаго олигархіи населенія. Законодатель же долженъ, при созданіи той или иной конституціи, постоянно считаться со среднимъ элементомъ: если онъ будетъ издавать законы олигархическаго характера, онъ долженъ приноравливаться къ «среднимъ»; если [онъ будетъ создавать] законы въ демократическомъ духѣ, онъ долженъ подгонять къ нимъ «среднихъ». 4. Только тамъ, гдѣ въ составѣ населенія «средніе» имѣютъ перевѣсъ либо надъ обѣими крайностями, либо надъ одной изъ нихъ, государственный строй можетъ разсчитывать на устойчивость; и ничего страшнаго не представляетъ собою тотъ случай, если богатые, войдя въ соглашеніе съ бѣдными, ополчатся на «среднихъ»: никогда ни тѣ ни другіе не согласятся быть рабами одни другихъ; если же [допустить, что и] богатые и бѣдные будутъ стремиться создать такое положеніе, которое удовлетворяло бы и тѣхъ и другихъ, то имъ и не найти никакой иной конституціи, помимо «средней». Согласиться на господство тѣхъ

или другихъ, [т. е. богатыхъ или бѣдныхъ], по очереди они не рискнули бы изъ-за взаимнаго недовѣрія другъ къ другу. Между тѣмъ, [мы видимъ], посредники пользуются повсюду наибольшимъ довѣріемъ, а посредниками-то и являются въ данномъ случаѣ люди «средніе». И чѣмъ государственный строй будетъ лучше скомбинированъ [изъ разнородныхъ элементовъ], тѣмъ онъ окажется устойчивѣе. 5. Многіе законодатели, въ томъ числѣ и тѣ, которые имѣютъ въ виду установленіе аристократическаго строя, терпятъ неудачу не только вслѣдствіе того, что они предоставляютъ слишкомъ много привилегій зажиточному классу, но и потому, что они при этомъ стараются обойти простой народъ. Ибо, съ теченіемъ времени, изъ ложно понятаго блага неизбѣжно послѣдуетъ истинное зло; и государственный строй губятъ скорѣе чрезмѣрныя полномочія богатыхъ, нежели простого народа.

6. Существуютъ пять способовъ ухищреній, посредствомъ которыхъ въ государственной системѣ управленія предполагаютъ возможнымъ добиться расположенія простого народа. Они вращаются въ области организаціи народнаго собранія, магистратуръ, судебныхъ установленій, военной службы, гимнастическихъ упражненій. Что касается организаціи народнаго собранія, то право участвовать въ немъ предоставляется всѣмъ, причемъ на богатыхъ, въ случаѣ манкированія съ ихъ стороны, налагается денежный штрафъ, который и должны уплачивать или одни только богатые, или же ихъ штрафуютъ сильнѣе, [чѣмъ бѣдныхъ]. Въ дѣлѣ замѣщенія магистратуръ лица, обладающія опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, не имѣютъ права отъ нихъ отказываться, бѣдняки же сохраняютъ за собою это право. За уклоненіе отъ исполненія судейскихъ обязанностей на зажиточныхъ налагается штрафъ, бѣдные освобождены отъ него, или, какъ въ законодательствѣ Харонда, на богатыхъ налагается крупный штрафъ, на бѣдныхъ—мелкій. 7. Въ нѣкоторыхъ государствахъ всѣ, кто числится въ гражданскихъ спискахъ, получаютъ право участвовать въ народномъ собраніи и судѣ [1]); а если они послѣ того, какъ

[1]) Въ Аѳинахъ граждане, по достиженіи ими 20-лѣтъ, вносились въ особый вѣчевой списокъ (πίναξ ἐκκλησιαστικός) и съ этого момента пользовались всѣми гражданскими правами, за исключеніемъ доступа къ магистратурамъ и въ совѣтъ, что допускалось только съ 30-лѣтняго возраста.

занесены въ гражданскіе списки, будутъ уклоняться отъ исполненія той и другой обязанности, то на нихъ налагается большой денежный штрафъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, удержать ихъ угрозою штрафа отъ записи въ гражданскіе списки, [если они на то не имѣютъ еще права]; съ другой же стороны, разъ они не запишутся въ гражданскіе списки, то теряютъ право участвовать въ судѣ и въ народномъ собраніи. И относительно права владѣнія оружіемъ и участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ руководствуются въ законодательствахъ тѣми же самыми соображеніями: неимущимъ не дозволяется пріобрѣтать оружіе, богатые караются штрафомъ, если его не пріобрѣтутъ. [То же самое и насчетъ гимнастическихъ упражненій]: за уклоненіе отъ нихъ бѣдныхъ на нихъ не налагается никакого штрафа, богатые же платятъ штрафъ; [дѣлается это съ тою цѣлью], чтобы одни, подъ угрозою шрафа, принимали участіе въ гимнастическихъ упражненіяхъ, другіе же, какъ ничѣмъ не угрожаемые [за уклоненіе], не принимали въ нихъ участія. Это все— олигархическія ухищренія въ области законодательства.

8. Въ демократіяхъ этимъ ухищреніямъ противополагаются другія: за участіе въ засѣданіяхъ народнаго собранія и суда неимущимъ платятъ жалованье, зажиточные же, [за уклоненіе отъ этихъ обязанностей], никакому штрафу не подлежатъ. Кто желаетъ въ данномъ случаѣ придти къ правильной комбинаціи, очевидно, долженъ оба эти правила объединить въ одно: бѣднымъ платить жалованье за исправленіе обязанностей, богатыхъ штрафовать за уклоненіе отъ нихъ, потому что только въ такомъ случаѣ всѣ получили бы право принимать участіе [въ государственной жизни]; иначе управленіе ею будетъ сосредоточено только въ рукахъ того или иного класса населенія. Впрочемъ, [нужно сдѣлать оговорку]: управленіе государствомъ должно принадлежать исключительно лицамъ, имѣющимъ право носить оружіе; что же касается имущественнаго ценза, то невозможно установить его абсолютную количественную норму, но слѣдуетъ наладить дѣло такъ, чтобы сдѣлать этотъ цензъ возможно болѣе высокимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы число лицъ, могущихъ принимать участіе въ государственномъ управленіи, все-таки превышало число лицъ, лишенныхъ этого права. 9. Дѣло въ томъ, что бѣдные, хотя бы они и лишены были привилегій, связан-

ныхъ съ гражданскою честью, все-таки остаются спокойными, разъ никто ихъ не раздражаетъ и не отнимаетъ у нихъ того, что имъ принадлежитъ. Но устроить это дѣло [въ желательномъ для государства смыслѣ]—задача нелегкая, потому что тѣ, кто стоятъ у кормила правленія, не всегда бываютъ людьми пріятнаго обхожденія. И обыкновенно при наступленіи военнаго времени бѣдные остаются равнодушными, если только не давать имъ содержанія [за государственный счетъ]; а если такое содержаніе имъ дадутъ, они готовы идти сражаться.

10. Въ нѣкоторыхъ государствахъ полноправными гражданами считаются не только тѣ, кто служитъ въ данное время въ тяжеловооруженномъ ополченіи, но и тѣ, кто уже отслужилъ свои сроки. Такъ было у Малійцевъ [1]), которые, впрочемъ, должностными лицами избирали только состоявшихъ на дѣйствительной военной службѣ. И въ Греціи, послѣ прекращенія монархическаго строя, правительствующая роль въ государствахъ принадлежала прежде всего военному сословію, а именно—въ началѣ—всадникамъ; объясняется это тѣмъ, что тогда на войнѣ силу и перевѣсъ доставляла конница, тяжеловооруженная же пѣхота, за отсутствіемъ въ ней правильной организаціи, была безполезна: опытности въ дѣлѣ устроенія пѣхоты, ровно какъ и выработанныхъ правилъ тактики, у древнихъ не было, почему всю силу они и полагали въ конницѣ. Съ ростомъ государствъ и тяжеловооруженная пѣхота получила больше значенія, а это повело за собою то, что и въ государственномъ управленіи стало участвовать большее число гражданъ. Вотъ почему древніе называли демократіями тѣ формы государственнаго строя, которыя мы теперь называемъ вообще формами конституціонными. 11. На самомъ же дѣлѣ, конечно, архаическія формы государственнаго строя относятся къ числу олигархическихъ и монархическихъ. Населеніе тогда было малочисленное, болѣе или менѣе значительнаго средняго класса не существовало, народная масса были невелика и неорганизована, такъ что она болѣе, [чѣмъ позже], склонна была оставаться въ подчиненіи.

Теперь мы знаемъ причину существованія нѣсколькихъ формъ государственнаго строя, знаемъ, почему, помимо нами указан-

---

[1]) Жили въ южной части Ѳессаліи.

ныхъ, существуютъ и иныя формы (вспомнимъ, что какъ демократическихъ формъ правленія, такъ равно и другихъ, наблюдается не одна), знаемъ каковы между ними различія и чѣмъ эти различія объясняются, сверхъ того знаемъ, какая форма государственнаго устроенія должна быть признана, съ общей точки зрѣнія, наилучшей, и какая форма изъ остальныхъ къ какимъ государствамъ наиболѣе подходитъ.

11.

1. Обратимся теперь снова какъ къ общему, такъ и къ детальному разсмотрѣнію отдѣльныхъ элементовъ, составляющихъ основу каждой изъ формъ государственнаго строя, послѣ того какъ надлежащее исходное начало ихъ нами установлено. Во всякомъ государственномъ строѣ этихъ основныхъ элементовъ три; съ ними долженъ считаться энергичный законодатель, извлекая изъ нихъ пользу по отношенію къ каждой изъ формъ государственнаго строя. Отъ прекраснаго состоянія этихъ элементовъ зависитъ и благосостояніе самого государства; да и само различіе отдѣльныхъ формъ государственнаго строя обусловлено различной организаціей каждаго изъ этихъ элементовъ. Вотъ эти три элемента: первый — законосовѣщательный органъ о дѣлахъ государства, второй магистратуры (именно: какія магистратуры должны быть вообще, какія изъ нихъ главныя, каковъ долженъ быть способъ ихъ замѣщенія), третій—судебные органы.

Законосовѣщательный органъ правомоченъ рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи и расторженіи союзовъ, о законахъ, о смертной казни, объ изгнаніи и конфискаціи имущества, объ избраніи должностныхъ лицъ и объ ихъ отчетности. 2. Рѣшеніе всего этого круга дѣлъ можетъ быть поручено или всѣмъ гражданамъ или части ихъ (напримѣръ, какому-нибудь одному должностному лицу, или нѣсколькимъ), или рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ можетъ быть предоставлено всему составу гражданъ, а рѣшеніе другихъ—части его. Демократическимъ принципомъ считается тотъ, когда всѣ граждане имѣютъ законосовѣщательную власть во всѣхъ дѣлахъ, такъ какъ къ такого рода равенству демократія и стремится. 3. Если законосовѣщательная власть вручена всѣмъ гражда-

данамъ, то осуществляться это можетъ нѣсколькими способами. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что эта законосовѣщательная власть предоставляется не всѣмъ гражданамъ, въ полномъ составѣ, но между ними наблюдается извѣстная очередь; такова конституція Телекла Милетскаго [1]). И въ другихъ государствахъ совокупность должностныхъ лицъ представляетъ одну законосовѣщательную коллегію, магистратуры же замѣщаются всѣми гражданами поочередно, въ порядкѣ филъ и даже еще болѣе мелкихъ подраздѣленій гражданской общины, пока не пройдетъ очередь чрезъ всѣхъ; въ полномъ составѣ граждане собираются на совѣщаніе только тогда, когда дѣло идетъ о вопросахъ законодательства и вопросахъ, касающихся самой конституціи, а также для выслушанія распоряженій магистратовъ. 4. Другой способъ состоитъ въ томъ, что законосовѣщательная власть принадлежитъ пленарному собранію гражданъ; но созывается оно только для избранія должностныхъ лицъ, по вопросамъ, касающимся законодательства, войны, мира и пріема отчетности, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ дѣйствуютъ спеціально для каждой отрасли управленія назначенные магистраты, избранные изъ всѣхъ гражданъ по выбору или по жребію. Третій способъ: граждане созываются въ пленарное собраніе по вопросамъ, касающимся избранія магистратуръ и пріема отчетности, войны и союзовъ; остальными дѣлами управляютъ должностныя лица, назначенныя, по мѣрѣ возможности, путемъ выбора, что особенно необходимо бываетъ при тѣхъ магистратурахъ, которыя требуютъ отъ лицъ, облеченныхъ ими, спеціальныхъ знаній. 5. Четвертый способъ состоитъ въ томъ, что всѣ граждане совѣщаются въ объединенномъ собраніи о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, должностныя лица ни по какому вопросу не могутъ постановлять своего рѣшенія, но даютъ только предварительное заключеніе. Этотъ послѣдній способъ практикуется въ настоящее время въ крайнихъ демократіяхъ, кото-

---

[1]) Единственное упоминаніе о Телеклѣ—въ данномъ мѣстѣ „Политики". Зуземиль считаетъ его простымъ теоретикомъ и сопоставляетъ его съ упомянутыми ранѣе Ипподамомъ, Фалеемъ Платономъ и самимъ Аристотелемъ. Аналогичный проекту конституціи Телекла примѣръ мы находимъ въ Аѳинахъ, въ проектѣ организаціи „четырехъ совѣтовъ", въ 413—411 гг. См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, стр. 333 сл. и статью Ѳ. Ѳ. Соколова (*Четыре Совѣта*) въ его *Трудахъ*, Спб. 1910, стр. 271 сл.

рыя, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ династической олигархіи и тиранпической монархіи.

Всѣ эти способы свойственны демократическому строю. 6. Если же законосовѣщательная власть о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ сосредоточена въ рукахъ только нѣкоторыхъ лицъ, то это уже характерный признакъ олигархическаго строя. И здѣсь имѣется нѣсколько различныхъ способовъ осуществленія законосовѣщательной власти. Если избраніе упомянутыхъ нѣкоторыхъ лицъ обусловлено болѣе или менѣе умѣреннымъ имущественнымъ цензомъ, благодаря чему избранію подлежитъ большинство гражданъ, если послѣдніе неизмѣнно слѣдуютъ предписаніямъ законовъ, если обладаніе цензомъ даетъ право на участіе въ законосовѣщательной власти, то такого рода олигархія, какъ основанная на принципѣ умѣренности, приближается, по своему характеру, къ политіи. Когда же право на участіе въ законосовѣщательной власти принадлежитъ не всѣмъ, а только избраннымъ, но они правятъ, какъ и въ первомъ случаѣ, по закону, тогда мы имѣемъ дѣло съ олигархіею [въ собственномъ смыслѣ]. А когда лица, обладающія законосовѣщательною властью, пополняютъ свою коллегію посредствомъ кооптаціи изъ своей же среды, когда при этомъ сынъ вступаетъ на мѣсто отца и когда эта законосовѣщательная коллегія стоитъ выше закона, то такого рода строй долженъ быть признанъ крайней олигархіей. 7. Если законосовѣщательная власть по нѣкоторымъ дѣламъ, какъ, напримѣръ, по вопросамъ войны, мира, отчетности [магистратовъ], принадлежитъ всѣмъ, по остальнымъ же дѣламъ—должностнымъ лицамъ, и эти послѣдніе замѣщаются путемъ выбора, а не по жребію [1]), то такой государственный строй—строй аристократическій. А если для нѣкоторыхъ дѣлъ должностныя лица назначаются по выбору, а для другихъ—по жребію (въ послѣднемъ случаѣ или непосредственно по жребію, или по жребію изъ числа заранѣе намѣченныхъ кандидатовъ), или если въ способахъ замѣщенія магистратуръ примѣняются совмѣстно и выборъ и жребій, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло отчасти съ аристократіей, отчасти съ политіей въ собственномъ смыслѣ.

Вотъ какъ можетъ быть распредѣлена законосовѣщательная

---

[1]) Принимаю догадку Ньюмена μὴ κληρωτοί вмѣсто рукописнаго ἢ κληρωτοί.

власть въ соотвѣтствіи съ [различными] формами государственнаго строя; и каждая изъ этихъ формъ имѣетъ ту или иную правительственную организацію сообразно съ указаннымъ распредѣленіемъ [законосовѣщательной власти]. 8. Для того демократическаго строя, который признается по преимуществу таковымъ въ настоящее время (я имѣю въ виду такую демократію, гдѣ верховная власть народа стоитъ выше даже и закона), было бы полезно, въ цѣляхъ лучшей организаціи законосовѣщательной власти, примѣнять систему, практикуемую въ олигархическихъ государствахъ относительно судебныхъ установленій. Именно тамъ, подъ угрозою денежнаго штрафа, заставляютъ являться для отправленія судейскихъ обязанностей въ судъ тѣхъ, которые должны быть судьями, тогда какъ въ демократическихъ государствахъ, за отправленіе судейскихъ обязанностей, платятъ жалованье неимущимъ. Практику олигархическихъ государствъ слѣдовало бы ввести и по отношенію къ народнымъ собраніямъ: тогда всѣ—простой народъ со знатными, а эти послѣдніе вмѣстѣ съ народной массой—обсуждая дѣла сообща, станутъ дѣлать это лучше. Полезно также, чтобы въ обсужденіи принимали участіе, путемъ ли выбора или по жребію, всѣ классы гражданскаго населенія въ равной пропорціи. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда представители простого народа будутъ имѣть численный перевѣсъ надъ лицами, подготовленными къ политической дѣятельности, полезно было бы давать вознагражденіе не всѣмъ, но только такому числу ихъ, которое соотвѣтствовало бы числу знатныхъ, или же изъ того разряда, который имѣетъ численный перевѣсъ или излишекъ, исключать его по жребію. 9. При олигархическомъ же строѣ слѣдуетъ либо добавлять, путемъ избранія, извѣстное число лицъ изъ среды народной массы, либо установить такого рода должностную коллегію, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ и члены которой называются пробулами и номофилаками [1]),

---

[1]) Пробулы (πρόβουλοι) образовывали въ нѣкоторыхъ государствахъ совѣтъ, на обязанности котораго было выработывать законопроекты, представляемые на рѣшеніе народнаго собранія. Номофилаки (νομοφύλακες), собственно охранители законовъ, въ Аѳинахъ обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы не предлагался ни одинъ законъ ко вреду государства, и преслѣдовать лицъ, предложившихъ подобнаго рода законы; номофилаки должныбыли также сохранять существующіе законы и народные декреты.

въ народномъ же собраніи докладывать [только] о такихъ дѣлахъ, о которыхъ они представятъ свои предварительныя заключенія. При такомъ порядкѣ народъ будетъ имѣть свою долю участія въ законосовѣщательной власти и лишенъ будетъ возможности уничтожить тотъ или иной параграфъ конституціи; народныя постановленія тогда или будутъ вполнѣ согласоваться съ рѣшеніями пробуловъ и номофилаковъ, или они ни въ чемъ не будутъ противорѣчить вносимымъ законопроектамъ. Можно также совѣщательный голосъ предоставить всѣмъ, рѣшающій же голосъ—только магистратамъ. 10. Вообще должно поступать противоположно установившейся въ конституціонныхъ государствахъ практикѣ: народной массѣ должно быть предоставлено верховное право отклонять вносимые на ея рѣшеніе законопроекты, но не право окончательнаго принятія ихъ; [въ первомъ случаѣ] законопроектъ долженъ быть снова возвращенъ на обсужденіе магистратовъ. Въ конституціонныхъ государствахъ поступаютъ наоборотъ: немногіе имѣютъ верховное право отвергать законопроекты, принимать же ихъ они не имѣютъ права; послѣднее всегда принадлежитъ болѣе или менѣе пленарному народному собранію.

Вотъ наши заключенія о законосовѣщательной власти въ государствѣ, являющейся основнымъ элементомъ его строя.

12.

1. Непосредственно съ предыдущимъ стоитъ въ связи вопросъ о распредѣленіи магистратуръ. И по поводу этого элемента государственнаго строя можно поставить много разнообразныхъ вопросовъ: сколько должно быть магистратуръ, какова компетенція каждой изъ нихъ, какой срокъ каждая магистратура должна функціонировать (дѣло въ томъ, что въ однихъ государствахъ избираютъ магистратовъ на шестимѣсячный срокъ, въ другихъ—на еще болѣе короткій, въ третьихъ—на годъ, въ четвертыхъ—на еще болѣе продолжительное время), должны ли быть магистратуры пожизненными, или долгосрочными, или ни то ни другое, по одни и тѣ же лица должны отправлять магистратуры по нѣскольку разъ, или одно и то же лицо не можетъ дважды быть магистратомъ, а лишь одинъ разъ. 2. Въ вопросѣ объ организаціи магистратуръ нужно также обсудить: изъ кого, кѣмъ и

какимъ образомъ магистратуры должны быть замѣщаемы. Должно быть въ состояніи указать всѣ возможныя рѣшенія этихъ разнообразныхъ вопросовъ въ теоріи и затѣмъ приложить эти рѣшенія на практикѣ, сообразуясь съ тѣмъ, какія магистратуры для какого государственнаго строя полезны.

Не такъ-то легко дать опредѣленіе и того, что̀ собственно надлежитъ называть магистратурами. Для государственнаго общенія потребны многіе руководители; поэтому не всѣхъ ихъ, назначенныхъ по выбору или по жребію, должно считать магистратами; напримѣръ, прежде всего магистратами не должно считать жрецовъ, которыхъ нужно отличать отъ государственныхъ магистратовъ, далѣе хореговъ [1]) и глашатаевъ; точно такъ же назначаются по выборамъ и послы, [но они не считаются государственными магистратами]. 3. Нѣкоторыя изъ порученій, [возлагаемыхъ государствомъ на то или иное лицо], носятъ вполнѣ государственный характеръ; они имѣютъ въ виду какое-нибудь [опредѣленное] дѣло и касаются или всѣхъ гражданъ (такъ, напримѣръ, стратегъ командуетъ всѣмъ ополченіемъ), или какой-либо части ихъ (напримѣръ, порученія, даваемыя гинэкоkому [2]), пэдоному) [3]). Другія порученія имѣютъ въ виду государственное хозяйство (такъ зачастую назначаются къ выбору ситометры) [4]). Третьи порученія носятъ исключительно служебный характеръ и для исполненія ихъ государство, если оно располагаетъ значи-

---

[1]) Хореги (χορηγοί) въ Аѳинахъ должны были организовать и обучить на свои средства одинъ изъ хоровъ, принимавшихъ участіе на состязаніяхъ во время нѣкоторыхъ аѳинскихъ празднествъ. Хорегомъ назначали гражданина, имѣвшаго, по меньшей мѣрѣ, три таланта (около 4500 р.) состоянія. Каждая фила поставляла для каждаго празднества одного хорега. Послѣ Пелопоннесской войны было дозволено двумъ гражданамъ, принадлежавшимъ къ одной и той же филѣ, принимать совмѣстное участіе въ издержкахъ по одной хорегіи.

[2]) Гинэкономы (γυναικονόμοι)—магистраты, обязанные наблюдать за поведеніемъ женщинъ, особенно во время религіозныхъ и общественныхъ празднествъ.

[3]) Пэдономы (παιδονόμοι)—магистраты, обязанные предсѣдательствовать при гимнастическихъ упражненіяхъ дѣтей и вообще наблюдать за ихъ воспитаніемъ.

[4]) Ситометры (σιτομέτραι)—магистраты, на обязанности которыхъ было мѣрить хлѣбъ при общественныхъ его раздачахъ.

тельными матеріальными средствами, назначаетъ [просто] рабовъ. Магистратами же въ собственномъ смыслѣ должно называть тѣхъ лицъ, которымъ предоставлено право, для опредѣленнаго круга дѣлъ, имѣть законосовѣщательную, рѣшающую и распорядительную власть, въ особенности эту послѣднюю, потому что съ понятіемъ «распоряжаться» преимущественно связано представленіе о всякаго рода власти. Однако такого рода рѣшеніе поставленныхъ нами вопросовъ не имѣетъ, строго говоря, никакого значенія въ практическомъ отношеніи (потому что никогда еще не случалось, чтобы магистраты спорили о томъ, присвоено ли имъ самое названіе магистратовъ); вопросъ этотъ представляетъ, однако, своего рода спекулятивный интересъ.

4. Какія магистратуры и сколько ихъ потребно для существованія государства? Какія магистратуры не необходимы, но полезны для хорошо организованнаго государства? Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ имѣетъ большую важность, какъ по отношенію ко всякому государству, такъ въ особенности по отношенію къ государствамъ небольшимъ. Что касается большихъ государствъ, то въ нихъ можно и должно организовать дѣло такъ, чтобы одна магистратура имѣла опредѣленный кругъ дѣйствія: большая наличность гражданъ даетъ возможность многимъ изъ нихъ подвизаться на поприщѣ государственной службы, такъ что на однѣ изъ магистратуръ можно назначать одно и то же лицо лишь по истеченіи продолжительнаго времени, а на другія всего только одинъ разъ; да и каждое дѣло будетъ дѣлаться лучше, когда его будетъ вѣдать не много лицъ, а какое-либо одно лицо [1]). 5. Въ небольшихъ государствахъ, по необходимости, приходится сосредоточивать въ рукахъ немногихъ гражданъ отправленіе многихъ магистратуръ: вслѣдствіе малонаселенности такихъ государствъ нелегко организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы многіе граждане были облечены магистратурами; да и гдѣ взять въ небольшихъ государствахъ такихъ лицъ, которые могли бы быть преемниками магистратовъ? Правда, и для не-

---

[1]) Ср. выше стр. 5, 87, Ксенофонтъ, *Воспитаніе Кира*, II, 1, 21: „тѣ люди становятся наиболѣе сильными въ своей спеціальности, которые, отказавшись отъ занятія многими дѣлами, сосредоточиваютъ свое вниманіе на одномъ какомъ-либо дѣлѣ“.

большихъ государствъ иной разъ потребны бываютъ тѣ же самыя магистратуры и законоположенія, что и для большихъ; разница только въ томъ, что въ небольшихъ государствахъ зачастую однѣ и тѣ же магистратуры приходится возлагать на однихъ и тѣхъ же лицъ, въ большихъ же государствахъ къ этой мѣрѣ приходится прибѣгать лишь по прошествіи значительнаго промежутка времени. Поэтому въ небольшихъ государствахъ нѣтъ никакихъ препятствій возлагать много порученій на однихъ и тѣхъ же лицъ, такъ какъ они въ этихъ случаяхъ другъ другу помѣхою служить не будутъ; да и вообще при малонаселенности государства неизбѣжно изъ магистратуръ дѣлать своего рода копья-свѣтильники [1]). 6. Итакъ, если мы окажемся въ состояніи указать, какое количество магистратуръ должно непремѣнно существовать во всякомъ государствѣ, и въ какихъ магистратурахъ хотя и нѣтъ настоятельной необходимости, но все же онѣ должны быть на лицо, всякій, зная это, легче сообразитъ, какія именно магистратуры удобнѣе всего свести въ о д н у магистратуру. Нужно также не упускать изъ виду и того, о какихъ дѣлахъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, должны имѣть попеченіе м н о г і я магистратуры, и о какихъ дѣлахъ повсюду должна имѣть верховное попеченіе о д н а магистратура; напримѣръ, нужно ли для наблюденія за порядкомъ на городскомъ рынкѣ назначать одного агоранома, а для тѣхъ же цѣлей въ другомъ мѣстѣ—другого агоранома, или одинъ и тотъ же агораномъ [долженъ наблюдать за общимъ порядкомъ] во всемъ городѣ.

И еще вопросъ: слѣдуетъ ли распредѣлять магистратуры въ соотвѣтствіи съ характеромъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ, или же сообразуясь съ тѣми лицами, [которыми та или иная магистратура обслуживается]; я имѣю въ виду, напримѣръ, такой случай: долженъ ли одинъ магистратъ наблюдать за общимъ благочиніемъ, или нуженъ спеціальный магистратъ для наблюденія за благочиніемъ дѣтей и женщинъ. 7. Нужно считаться, наконецъ, и съ различіемъ формъ государственнаго строя и, въ связи съ этимъ, задать себѣ вопросъ: есть ли разница, или нѣтъ, въ характерѣ магистратуръ въ каждой изъ формъ государственнаго

---

[1]) Ср. выше стр. 5.

строя? Напримѣръ, однѣ и тѣ же ли магистратуры облечены верховною властью въ государствахъ демократическомъ, олигархическомъ, аристократическомъ, монархическомъ, безотносительно къ тому, замѣщаются ли эти магистратуры лицами равнаго и одинаковаго положенія, или же въ однихъ государствахъ онѣ замѣщаются лицами одного положенія, въ другихъ—другого (напримѣръ, въ аристократическихъ государствахъ магистратами являются лица, получившія надлежащее воспитаніе, въ олигархическихъ—богатыя, въ демократическихъ—свободорожденныя)? Или же нѣкоторыя магистратуры [одного того же характера] отличаются сами по себѣ, въ зависимости отъ различія формъ государственнаго строя, но только въ однихъ случаяхъ оказывается полезнымъ отожествленіе магистратуръ, въ другихъ—ихъ различеніе, такъ какъ умѣстно придать однѣмъ и тѣмъ же магистратурамъ иногда широкую сферу дѣятельности, иногда—узкую?

8. Нѣкоторыя магистратуры свойственны спеціально той или иной формѣ государственнаго строя. Напримѣръ, коллегія пробуловъ—органъ не демократическій, совѣтъ же—учрежденіе демократическое: непремѣнно, вѣдь, долженъ существовать такого рода институтъ, который бы имѣлъ своею задачею подвергать предварительному разсмотрѣнію проекты, [поступающіе на рѣшеніе] народнаго собранія, дабы послѣднее не тратило на обсужденіе ихъ слишкомъ много времени. Если коллегія лицъ, предварительно обсуждающихъ проекты, будетъ немногочисленна, то это—признакъ олигархическаго строя. Но небольшое число пробуловъ стоитъ въ связи съ самимъ характеромъ института ихъ; отсюда ясно, что этотъ послѣдній является характерною особенностью олигархическаго строя. А гдѣ имѣется и коллегія пробуловъ и совѣтъ, тамъ пробулы доминируютъ надъ членами совѣта, потому что членъ совѣта—элементъ свойственный демократическому строю, пробулъ—олигархическому. 9. Значеніе совѣта утрачивается въ такого рода демократическихъ государствахъ, гдѣ само народное собраніе беретъ на себя и составленіе предварительныхъ докладовъ; случается же это обыкновенно тогда, когда члены народнаго собранія получаютъ щедрую плату за посѣщеніе засѣданій; въ такомъ случаѣ члены народнаго собранія, имѣя необходимый досугъ, устраиваютъ засѣданія часто и обо всѣхъ дѣлахъ все сами рѣшаютъ. Пэдономы, гинэкономы и другіе ма-

гистраты, имѣющіе подобнаго рода компетенціи,—все это магистратуры, свойственныя аристократическому, а не демократическому строю: какимъ образомъ гинэкономы могли бы, напримѣръ, воспрепятствовать женамъ бѣдняковъ выходить изъ дому? Гинэкономія, впрочемъ, не свойственна и олигархическому строю: вѣдь жены олигарховъ живутъ въ роскоши. Однако сдѣланныхъ нами указаній пока достаточно.

10. Теперь нужно постараться основательно обсудить вопросъ о способахъ замѣщенія магистратуръ. Различіе этихъ способовъ обусловлено тремя факторами, изъ комбинаціи которыхъ неизбѣжно вытекаетъ и самое разнообразіе всѣхъ способовъ. Первый изъ этихъ факторовъ состоитъ въ томъ, кто замѣщаетъ магистратуры, второй—изъ кого онѣ замѣщаются, третій—какимъ образомъ замѣщеніе происходитъ. Каждый изъ этихъ трехъ факторовъ, въ свою очередь, имѣетъ три разновидности: 1) магистратуры замѣщаютъ или всѣ граждане или нѣкоторые изъ нихъ; 2) магистратуры замѣщаются или изъ всѣхъ гражданъ или изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ, напримѣръ, или изъ гражданъ, удовлетворяющихъ имущественному цензу, или изъ гражданъ родовитыхъ, или изъ гражданъ, выдающихся своими нравственными качествами или отличающихся чѣмъ-либо подобнымъ (напримѣръ, въ Мегарахъ магистратуры замѣщаются изъ числа гражданъ, которые, по возвращеніи въ Мегары изъ изгнанія, приняли участіе въ борьбѣ противъ демократіи) [1]; 3) замѣщеніе магистратуръ совершается или путемъ выбора или по жребію. 11. Въ свою очередь, и указанные нами способы могутъ быть двоякимъ образомъ комбинируемы. Я имѣю въ виду слѣдующее: на однѣ магистратуры назначаютъ всѣ, на другія—нѣкоторые; однѣ магистратуры замѣщаются всѣми, другія—нѣкоторыми; однѣ магистра-

---

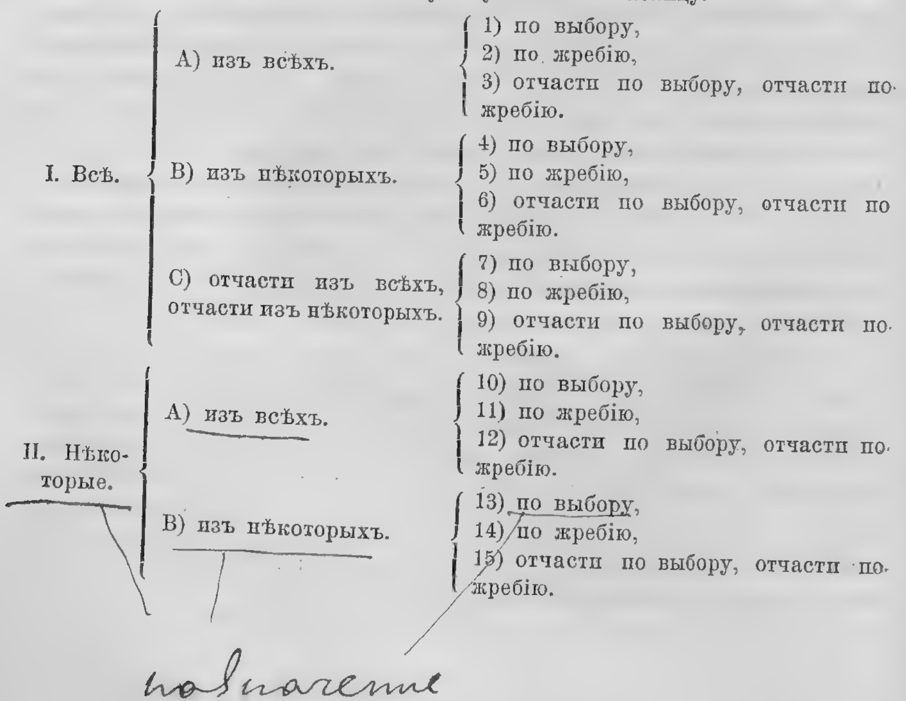
[1]) Неизвѣстно, какое событіе изъ исторіи Мегаръ имѣется въ виду въ данномъ случаѣ. О борьбѣ противъ демократіи въ Мегарахъ въ VII—VI в. см. Пёльманъ, стр. 92 сл. Повидимому, нѣчто подобное тому, что имѣло мѣсто въ Мегарахъ, имѣетъ въ виду и Платонъ, *Законы*, 715 а: „при происшедшей борьбѣ изъ-за замѣщенія магистратуръ побѣдители до такой степени забрали въ свои руки всѣ дѣла въ государствѣ, что ни одной магистратуры не предоставили ни побѣжденнымъ, ни даже ихъ потомкамъ, чтобы кто-либо изъ нихъ, ставъ магистратами, не поднялъ когда-либо знамя возстанія, вспомнивъ о минувшихъ несчастіяхъ“.

туры замѣщаются по выбору, другія—по жребію. При каждой изъ этихъ комбинацій опять-таки могутъ быть четыре различныхъ способа: или всѣ магистраты замѣщаются изъ всѣхъ по выбору, или всѣ магистраты замѣщаются изъ всѣхъ по жребію, притомъ или изъ всѣхъ вообще, или частично, напримѣръ, по филамъ, демамъ, фратріямъ, до тѣхъ поръ, пока магистратура не пройдетъ чрезъ всѣхъ гражданъ, или постоянно изъ всѣхъ [1])... или въ одномъ случаѣ такъ, въ другомъ—иначе. Съ другой стороны, если въ назначеніи на магистратуры [принимаютъ участіе лишь] нѣкоторые граждане, [то здѣсь возможны такого рода комбинаціи: они назначаютъ] или изъ числа всѣхъ гражданъ по выбору или изъ числа всѣхъ гражданъ по жребію, или изъ нѣкоторыхъ гражданъ по выбору, изъ нѣкоторыхъ—по жребію, или въ одномъ случаѣ такъ, въ другомъ—иначе, т. е. или по выбору или по жребію. Такимъ образомъ, [въ общей сложности] возможны двѣнадцать способовъ [замѣщенія магистратуръ], не считая тѣхъ, которые получаются изъ двухъ комбинацій [2]).

---

[1]) Пропускъ въ рукописяхъ.

[2]) Для уясненія указываемыхъ Аристотелемъ способовъ замѣщенія магистратуръ приводимъ составленную Зуземилемъ таблицу:

I. Всѣ.	A) изъ всѣхъ.	1) по выбору, 2) по жребію, 3) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
	B) изъ нѣкоторыхъ.	4) по выбору, 5) по жребію, 6) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
	C) отчасти изъ всѣхъ, отчасти изъ нѣкоторыхъ.	7) по выбору, 8) по жребію, 9) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
II. Нѣкоторые.	A) изъ всѣхъ.	10) по выбору, 11) по жребію, 12) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
	B) изъ нѣкоторыхъ.	13) по выбору, 14) по жребію, 15) отчасти по выбору, отчасти по жребію.

12. Изъ указанныхъ способовъ замѣщенія магистратуръ два отвѣчаютъ демократическому строю — это когда всѣ граждане участвуютъ въ замѣщеніи магистратовъ изъ числа всѣхъ же гражданъ... [1]) по выбору или по жребію, или путемъ соединенія того и другого, такъ что однѣ изъ магистратуръ замѣщаются по выбору, другія—по жребію. А если не всѣ граждане участвуютъ въ замѣщеніи магистратуръ изъ числа всѣхъ ли или нѣкоторыхъ, по жребію ли или по выбору, или чрезъ соединеніе того и другого, или если однѣ магистратуры замѣщаются изъ всѣхъ гражданъ, другія — изъ нѣкоторыхъ по выбору ли или по жребію или [2]) путемъ соединенія того и другого, т. е. такъ, что однѣ магистратуры замѣщаются по выбору, другія—по жребію, то такой способъ соотвѣтствуетъ строю политіи. Если же въ замѣщеніи магистратуръ изъ числа всѣхъ участвуютъ нѣкоторые и самое замѣщеніе производится по выбору или по жребію или путемъ соединенія того и другого, то это будетъ способъ, свойственный политіи съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Замѣщать же однѣ магистратуры по выбору, другія по жребію, и на однѣ изъ нихъ назначать изъ числа всѣхъ, на

II. Нѣкоторые.	C) отчасти изъ всѣхъ, отчасти изъ нѣкоторыхъ.	16) по выбору,
		17) по жребію,
		18) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
III. Отчасти всѣ, отчасти нѣкоторые.	A) изъ всѣхъ.	19) по выбору,
		20) по жребію,
		21) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
	B) изъ нѣкоторыхъ.	22) по выбору,
		23) по жребію,
		24) отчасти по выбору, отчасти по жребію.
	C) отчасти изъ всѣхъ, отчасти изъ нѣкоторыхъ.	25) по выбору,
		26) по жребію,
		27) отчасти по выбору, отчасти по жребію.

[1]) Въ текстѣ далѣе, вѣроятно, пропускъ, восполняемый Рабе такъ: и когда всѣ же граждане участвуютъ въ замѣщеніи магистратуръ изъ числа нѣкоторыхъ гражданъ.

[2]) Принимаю дополненіе Шпенгеля: ἢ αἱρέσει ἢ κλήρῳ ἤ.

другія—изъ числа нѣкоторыхъ, — способъ свойственный скорѣе олигархическому строю [1]). 13. При настоящей олигархіи примѣняется такой способъ: замѣщеніе магистратуръ производится нѣкоторыми изъ числа нѣкоторыхъ же, все равно будетъ ли при такого рода замѣщеніи примѣняться жребій (хотя жребій въ данномъ случаѣ примѣняется рѣже, чѣмъ выборъ), или если при этомъ будетъ примѣняться и выборъ и жребій. Наконецъ, истинно аристократическому строю свойственен тотъ способъ, при которомъ въ замѣщеніи магистратуръ изъ числа всѣхъ ли или нѣкоторыхъ участвуютъ нѣкоторые или всѣ, причемъ замѣщеніе производится [исключительно] путемъ выбора.

Вотъ сколько способовъ въ замѣщеніи магистратуръ и вотъ какъ они распредѣляются въ зависимости отъ того или иного государственнаго строя. Теперь станетъ ясно, какіе способы для какого государственнаго строя подходятъ; ясно и то, какъ должны быть замѣщаемы магистратуры, каковъ кругъ дѣйствія каждой изъ нихъ и что̀ подъ магистратурою понимается вообще. Подъ кругомъ дѣйствія магистратуры я разумѣю, напримѣръ, то, что въ ея компетенцію входитъ завѣдываніе государственными доходами или охрана государственной территоріи. Само собою разумѣется, кругъ дѣйствія магистратуръ различенъ, и одно дѣло, напримѣръ, — стратегія [2]), другое — наблюденіе надъ заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ.

13.

1. Остается сказать о послѣднемъ изъ трехъ элементовъ государства, именно объ органахъ судебной власти. И способы ея организаціи должно опредѣлять, исходя изъ тѣхъ же основоположеній нашего изслѣдованія. Различіе судовъ обусловливается тремя факторами: кто судьи, что̀ подлежитъ ихъ суду, какимъ образомъ судьи назначаются: иными словами: кто судьи, т. е. назначаются ли они изъ числа всѣхъ гражданъ, или изъ числа нѣкоторыхъ; что̀ подлежитъ ихъ суду—иначе сколько отдѣльныхъ

---

[1]) Слѣдующія затѣмъ слова: ἢ τὰς μὲν αἱρέσει τὰς δὲ κλήρῳ, вслѣдъ за Тюро̀, не принимаю въ текстъ.

[2]) Т. е. военное предводительство.

видовъ суда существуетъ; какъ судьи назначаются, другими словами—по жребію или по выбору.

Прежде всего установимъ число отдѣльныхъ видовъ суда. Ихъ восемь: 1) для принятія отчета отъ должностныхъ лицъ, 2) для суда надъ тѣми, кто совершилъ преступленіе, наносящее ущербъ государству, 3) то же, кто замыслилъ государственный переворотъ, 4) для разбора тяжебъ, возникающихъ между должностными и частными лицами по поводу оштрафованія первыми послѣднихъ, 5) для разбора гражданскихъ процессовъ по дѣламъ, касающимся крупныхъ торговыхъ сдѣлокъ, 6) для разбора процессовъ по дѣламъ объ убійствахъ, 7) для разбора процессовъ, касающихся иностранцевъ. 2. Судъ для разбора дѣлъ объ убійствахъ—безразлично, будутъ ли судьями одни и тѣ же лица, или другія—подраздѣляется, въ свою очередь, на нѣсколько видовъ: a) судъ для разбора преступленій съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, b) непредумышленныхъ убійствъ, c) судъ—когда обвиняемый сознается въ своемъ преступленіи, но при этомъ утверждаетъ что онъ имѣлъ не то правовое основаніе, d) судъ надъ изгнанниками, обвиняемыми въ убійствѣ, при возвращеніи ихъ на родину—это тотъ видъ суда, который въ аѳинскомъ уголовномъ правѣ носитъ названіе «судъ въ Фреаттó» [1]); подобнаго рода процессы, даже въ большихъ государствахъ, имѣютъ мѣсто, впрочемъ, всегда рѣдко. Судъ надъ чужестранцами вѣдаетъ процессы или a) иностранцевъ съ иностранцами же, или b) иностранцевъ съ горожанами. Наконецъ, помимо всѣхъ перечисленныхъ видовъ суда существуетъ 8) судъ для разбора процессовъ по мелкимъ торговымъ сдѣлкамъ, напримѣръ, на драхму, пять драхмъ или немного больше; и подобнаго рода судебные процессы должны быть разбираемы, хотя для нихъ и не необходима многочисленная судейская коллегія.

---

[1]) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія*, 57, 3: „если кто, находясь въ изгнаніи, за преступленіе, допускающее прощеніе, будетъ обвиненъ въ томъ, что онъ убилъ или ранилъ кого, его судятъ въ Фреатовомъ мѣстѣ [подлѣ гавани Зеи]: обвиняемый защищается, подъѣхавъ на суднѣ“. Въ той же главѣ „Аѳинской политіи“ перечисляются и другія подраздѣленія аѳинскаго уголовнаго суда, послужившія, вѣроятно, исходной точкой для устанавливаемой Аристотелемъ классификаціи судовъ.

3. Но мы оставимъ въ сторонѣ суды по дѣламъ объ убійствахъ и суды, касающіеся процессовъ иностранцевъ, и будемъ говорить только о судахъ, касающихся разбора государственныхъ дѣлъ. Плохая организація этихъ судовъ влечетъ за собою междоусобицы и даже ниспроверженіе [существующаго] государственнаго строя. Въ этихъ «государственныхъ» судахъ судьями неизбѣжно должны быть или всѣ граждане для всѣхъ перечисленныхъ нами видовъ процесса, причемъ судьи назначаются по выбору или по жребію; или же судьями должны быть всѣ граждане для всѣхъ видовъ процесса, причемъ одна часть судей назначается по выбору, другая по жребію; или, наконецъ, одни изъ процессовъ разбираются судьями, назначенными по жребію, другіе—судьями по выбору. Итакъ, получается четыре способа организаціи суда; и столько же способовъ будетъ въ томъ случаѣ, если судьи будутъ назначаться не изъ числа всѣхъ гражданъ и если они будутъ судить, соблюдая извѣстную очередь: опять-таки судьи могутъ быть назначаемы изъ числа нѣкоторыхъ гражданъ для всѣхъ процессовъ по выбору, или то же по жребію, или въ однихъ случаяхъ по жребію, въ другихъ по выбору, или, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ одни и тѣ же процессы будутъ разбираться совмѣстно судьями, назначенными по жребію и по выбору. 4. Таковы способы организаціи суда согласно нашему перечисленію, [въ соотвѣтствіи] [1]) съ указанными комбинаціями. Сверхъ того эти комбинаціи могутъ быть двоякаго характера; я имѣю въ виду, напримѣръ, что одни суды могутъ пополняться изъ всѣхъ гражданъ, другіе—изъ нѣкоторыхъ, третьи изъ всѣхъ и нѣкоторыхъ, хотя бы, въ томъ случаѣ, если въ одномъ и томъ же судѣ часть судей будетъ изъ состава всѣхъ гражданъ, другая часть—изъ числа нѣкоторыхъ, одни судьи будутъ назначены по жребію, другіе по выбору, третьи—по выбору и по жребію.

Итакъ, вотъ какія комбинаціи возможны въ способѣ организаціи судовъ. Изъ нихъ суды, перечисленные на первомъ мѣстѣ, свойственны демократическому строю; въ нихъ судьями состоятъ лица изъ среды всѣхъ гражданъ, они разбираютъ всѣ процессы;

---

[1]) Слѣдую восполненію пропуска, предложенному Ньюменомъ: ἀντίστροφαι.

тѣ суды, которые поименованы на второмъ мѣстѣ, суды свойственные олигархическому строю; въ нихъ всѣ процессы разбираются нѣкоторыми изъ гражданъ. Аристократическими же судами и судами, свойственными политіи, являются суды, названные на третьемъ мѣстѣ; въ нихъ для однихъ процессовъ судьями бываютъ лица, назначенныя изъ среды всѣхъ гражданъ, для другихъ— изъ нѣкоторой части ихъ.

КНИГА V.

1.

1. Все то, что̀ нами предположено было изслѣдовать, почти уже разсмотрѣно. Мы должны теперь, примыкая непосредственно къ предыдущему, разобрать: вслѣдствіе какихъ причинъ происходятъ государственные перевороты, сколько ихъ и какого характера они бываютъ; какіе элементы разрушенія заключаетъ въ себѣ каждая изъ формъ государственнаго строя; какая изъ этихъ формъ преимущественно въ какую переходитъ [послѣ совершившагося переворота]; какими средствами самосохраненія обладаетъ каждая форма государственнаго строя вообще и, наконецъ, что̀ служитъ по преимуществу для сохраненія каждой формы [въ ея первоначальномъ видѣ].

2. Прежде всего надлежитъ принять въ соображеніе слѣдующаго рода исходную точку зрѣнія: при созиданіи большей части формъ государственнаго строя царило общее согласіе насчетъ того, что, [въ своей основѣ], онѣ опираются на право и предполагаютъ соотносительное равенство [всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ государства], но что при осуществленіи этихъ принциповъ на практикѣ происходила ошибка, на что̀ ранѣе и было указано [1]). Такъ, демократическій строй возникъ на основѣ того принципіальнаго мнѣнія, что относительное равенство влечетъ за собою и равенство абсолютное: изъ того положенія, что [при демократическомъ строѣ] всѣ въ одинаковой степени люди свободорожденные, заключаютъ и объ ихъ абсолютномъ равенствѣ. Какъ на основу олигархическаго строя указывалось то, что относительное [2]) неравенство обусловливаетъ собою и неравенство абсолют-

---

[1]) Ср. выше стр. 114 сл.

[2]) Вмѣсто рукописнаго ἕν τι или ἔτι принимаю поправку Иммиша ὁτιοῦν.

ное: разъ существуетъ имущественное неравенство, то изъ него, всилу этого, вытекаетъ и неравенство абсолютное. 3. Опираясь на [указанное] абсолютное равенство, въ демократіяхъ всѣ и претендуютъ на полное равноправіе; въ олигархіяхъ же, на основѣ положенія о неравенствѣ, наблюдается стремленіе захватить больше правъ, такъ какъ большинство въ олигархіяхъ не пользуется равноправіемъ.

Въ извѣстномъ отношеніи всѣ формы государственнаго строя, [развившіяся на основѣ подобнаго рода предпосылокъ], находятъ свое оправданіе, но съ точки зрѣнія абсолюта онѣ покоятся на ошибочномъ основаніи. По этой-то причинѣ тѣ или другіе [классы гражданскаго населенія], исходя изъ указанныхъ предпосылокъ, разъ они не получатъ своей доли въ государственномъ управленіи, обнаруживаютъ попытки къ мятежу. Съ общей точки зрѣнія [1]) они, если угодно, поднимаютъ мятежъ и на вполнѣ справедливомъ основаніи; но все же къ этому средству менѣе всего станутъ прибѣгать тѣ, кто выдается своими нравственными качествами, хотя только такія лица, всилу ихъ абсолютнаго неравенства [по сравненію съ другими], и имѣли бы вполнѣ логическое на то основаніе. Встрѣчаются и такого рода лица выдающагося и знатнаго происхожденія, которыя не претендуютъ на равноправіе именно вслѣдствіе ихъ неравнаго положенія [съ остальными]: вѣдь благородство происхожденія признается за тѣми, кто отъ предковъ наслѣдуетъ доблесть и богатство.

4. Вотъ каковы бываютъ, такъ сказать, первоисточники внутреннихъ междоусобицъ, вотъ откуда зарождаются мятежи. Поэтому и государственные перевороты встрѣчаются двоякаго рода: 1) [посягаютъ] на существующій государственный строй, чтобы замѣнить его другимъ, напримѣръ, демократическій—олигархическимъ, олигархическій—демократическимъ, олигархію и демократію—аристократіей и политіей, или наоборотъ; 2) на существующій государственный строй не посягаютъ, онъ остается прежнимъ, но стоявшая во главѣ возмущенія партія стремится сама стать у кормила правленія, напримѣръ олигархическаго или монархическаго. 5. Далѣе, государственный переворотъ имѣетъ цѣлью укрѣпить или ослабить [тотъ или иной государственный

---

1) Вмѣсто рукописнаго πάντων не читать ли πάντως?

строй], напримѣръ, олигархическій сдѣлать болѣе или менѣе олигархическимъ, то же самое по отношенію къ демократическому строю—усилить его или ослабить, точно такъ же и при остальныхъ формахъ—либо ихъ укрѣпить либо ослабить. Иногда государственный переворотъ имѣетъ въ виду произвести только частичное измѣненіе въ государственномъ строѣ, напримѣръ, учредить или отмѣнить какую-либо магистратуру. Такъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, въ Лакедэмонѣ Лисандръ пытался отмѣнить царскую власть, а царь Павсаній—уничтожить эфорію [1]. 6. Въ Эпидамнѣ [2] государственный строй также испыталъ частичное измѣненіе въ томъ отношеніи, что вмѣсто филарховъ [3] былъ учрежденъ совѣтъ [4]; олигархическими же элементами [въ измѣненной] конституціи Эпидамна сохранилось то, что 1) изъ числа гражданъ, обладающихъ политическими правами, въ геліэю [5] обязательно должны являться магистраты, всякій разъ когда происходитъ балотировка какого-либо магистрата; 2) что тамъ былъ всего одинъ архонтъ.

Вообще повсюду причиною возмущеній бываетъ отсутствіе равенства, коль скоро это послѣднее оказывается несоотвѣтственнымъ въ отношеніи лицъ, находящихся въ неравномъ положеніи [6]; вѣдь и пожизненная царская власть есть неравенство, коль скоро она будетъ проявляться надъ лицами, [стоящими по отношенію къ царю] въ равномъ положеніи. И вотъ вообще для достиженія равенства и поднимаются возмущенія. 7. Равенство же

---

1) Быть можетъ, имѣется въ виду извѣстіе, передаваемое Эфоромъ, (Плутархъ, *Ликургъ*, 30. Діодоръ, XIV, 13), что Лисандръ хотѣлъ уничтожить наслѣдственную царскую власть Гераклидовъ въ Спартѣ.— Откуда почерпнуто извѣстіе о Павсаніи, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ Аристотель ошибается, называя Павсанія царемъ: онъ былъ только опекуномъ царя Плистарха.

2) Городъ на Иллирійскомъ берегу, имѣвшій первоначально олигархическій строй.

3) Представителей филъ, составлявшихъ тѣсный совѣтъ.

4) На демократической основѣ.

5) Народное собраніе.

6) Ср. Платонъ, *Законы*, 757 а: „и у неравныхъ равное стало бы неравнымъ, разъ у него не было бы опредѣленной мѣры; изъ-за этихъ равенства и неравенства государства и бываютъ преисполнены возмущеній“.

бываетъ двоякаго рода: равенство [просто] по количеству и равенство по достоинству. Подъ количественномъ равенствомъ я разумѣю тожество и равенство по количеству или величинѣ, подъ равенствомъ по достоинству — [равенство] по пропорціи. Напримѣръ, въ количественномъ отношеніи три больше двухъ, два больше одного, въ пропорціональномъ отношеніи — четыре больше двухъ, два больше одного: два есть равная часть четырехъ и единица равная часть двухъ, потому что два есть половина четырехъ, единица—половина двухъ. Соглашаясь въ томъ, что абсолютно справедливымъ можетъ быть только равенство по достоинству, люди разногласятъ между собою, какъ объ этомъ сказано ранѣе [1]), въ слѣдующемъ: одни полагаютъ, что, если они будутъ равны относительно, они должны быть равны и абсолютно; другіе, признавая себя относительно неравными, претендуютъ на таковое же для себя неравенство во всѣхъ отношеніяхъ. 8. Отсюда и возникаютъ преимущественно двѣ формы государственнаго строя— демократія и олигархія: благородное происхожденіе и нравственная добродѣтель присущи только немногимъ, а противоположныя имъ качества [2]) встрѣчаются у большинства; лицъ благороднаго происхожденія и нравственно чистыхъ нигдѣ не наберешь и сотни, а бѣдняки [3]) имѣются повсюду. Вообще ошибка—стремиться провести повсюду тотъ и другой видъ равенства съ его абсолютной точки зрѣнія. И доказательствомъ этого служитъ результатъ [такого стремленія]: ни одна изъ формъ государственнаго устроенія, основанная на принципахъ такого рода абсолютнаго равенства, не остается устойчивой. Объясняется это тѣмъ, что ошибочное первоначало можетъ повести только къ тому или иному плохому исходу [4]). Поэтому въ однихъ случаяхъ должно руководствоваться количественнымъ равенствомъ, въ другихъ—по достоинству. 9. Какъ бы то ни было, демократическій строй представляетъ бóльшую безопасность и рѣже влечетъ за собою вну-

---

1) См. выше стр. 114 сл., ср. *Никомахова этика*, V, 6, 1131 a 25 (стр. 87 перевода Э. Л. Радлова).

2) Слѣдую поправкѣ Ламбина τἀναντία вмѣсто рукописнаго ταῦτα.

3) Слѣдую чтенію ἄποροι, даваемому нѣкоторыми рукописями, въ томъ числѣ и той утраченной, съ которой быть сдѣланъ латинскій переводъ Moerbeka.

4) Ср. Еврипидъ, fr. 32 N: „отъ злого начала злой конецъ бываетъ“.

треннія возмущенія, нежели строй олигархическій. Въ олигархіяхъ таятся зародыши двоякаго рода неурядицъ: раздоры олигарховъ другъ съ другомъ и кромѣ того нелады ихъ съ народомъ; въ демократіяхъ же встрѣчается только одинъ видъ возмущеній, именно возмущеніе противъ олигархіи; самъ противъ себя народъ—и это слѣдуетъ подчеркнуть — бунтовать не станетъ. Сверхъ того политія, основанная на господствѣ средняго элемента, стоитъ ближе къ демократіи, чѣмъ къ олигархіи, а политія изъ всѣхъ, упомянутыхъ нами, формъ государственнаго строя пользуется наибольшей безопасностью.

2.

1. Такъ какъ мы предполагаемъ разсмотрѣть источники государственныхъ возмущеній и переворотовъ, то намъ слѣдуетъ прежде всего изслѣдовать вопросъ вообще объ ихъ первопричинахъ. Такихъ первопричинъ можно назвать три; каждую изъ нихъ, взявъ самое по себѣ, и должно прежде всего охарактеризовать въ основныхъ ея чертахъ. Во-первыхъ, нужно знать, настроеніе лицъ, поднимающихъ возстаніе, во-вторыхъ—цѣль, къ которой они при этомъ стремятся, и, въ-третьихъ, чѣмъ собственно начинаются политическія смуты и междоусобныя распри.

Что касается настроенія лицъ, подготовляющихъ государственный переворотъ, то поводомъ къ нему должно вообще считать по преимуществу тотъ, о которомъ намъ уже приходилось упоминать. А именно: одни, поднимая возстаніе, стремятся къ равноправію, основываясь на томъ, что они, по ихъ мнѣнію, обладая равными правами съ лицами привилегированнаго положенія, оказываются сравнительно съ послѣдними [чѣмъ-либо] обдѣленными; другіе, напротивъ, стремясь къ неравенству и къ преизбытку, поднимаютъ возстаніе въ томъ случаѣ, когда, по ихъ убѣжденію, они, находясь въ неравномъ положеніи съ остальными, не пользуются, сравнительно съ послѣдними, какими-либо преимуществами, но имѣютъ равное съ ними или даже меньшее. 2. Указанныя притязанія въ однихъ случаяхъ бываютъ справедливы, въ другихъ—нѣтъ: если возстанія поднимаютъ тѣ, которые пользуются меньшими правами, для того, чтобы уравняться съ остальными,—это справедливо; возстанія поднимаютъ

тѣ, которые пользуются равными правами съ остальными, съ тѣмъ, чтобы добиться бо́льшихъ правъ—это уже несправедливо. Сдѣланныхъ указаній достаточно для выясненія тѣхъ настроеній, какими обусловливаются возстанія.

Цѣлью возстаній служитъ стремленіе добиться прибыли [1]) и почестей или избѣжать того, что́ имъ противоположно: въ государствахъ происходятъ возстанія и изъ опасенія утраты гражданскихъ правъ и изъ нежеланія платить наложенный штрафъ, безразлично—угрожаетъ ли это самимъ возстающимъ или ихъ [политическимъ] друзьямъ.

3. Внѣшнихъ поводовъ [политическихъ] движеній, ведущихъ гражданъ къ возмущеніямъ и побуждающихъ ихъ предъявлять указанныя выше требованія, можно насчитать, пожалуй, семь, хотя, на самомъ дѣлѣ, ихъ и больше. Два изъ нихъ идутъ рука объ руку съ выше указанными [цѣлями возмущеній], но [дѣйствіе ихъ сказывается] неодинаково. Стремленіе получить прибыль и почетъ ведетъ къ взаимному раздраженію людей не потому, что они желаютъ пріобрѣсти ихъ, какъ сказано ранѣе, для самихъ себя, но потому, что они видятъ, какъ другіе люди—одни справедливо, другіе несправедливо—пользуются, по сравненію съ ними, большими привилегіями. Другими поводами къ взаимному раздраженію людей служатъ: наглость, страхъ, превосходство, презрѣніе, чрезмѣрное возвышеніе [тѣхъ или иныхъ элементовъ населенія въ государствѣ]; съ другой стороны, поводами къ возмущеніямъ являются: происки [однихъ предъ другими при замѣщеніи должностей], презрительное отношеніе [къ тѣмъ или инымъ лицамъ], нерѣшительность [въ проведеніи реформъ], несходство въ характерахъ [2]). 4. Какое значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ наглость и корыстолюбіе [правящаго класса] и въ какомъ отношеніи они служатъ причинами внутреннихъ распрей, на это нечего и указывать [3]): если люди, занимающіе от-

---

[1]) И по Платону, *Государство*, 464 d, одною изъ причинъ возстаній бываетъ стремленіе къ обогащенію. Ср. выше о проектѣ конституціи Фалея стр. 62.

[2]) Ср. *Экономика*, I, 4, 1344 a 18: „несходство въ характерахъ всего менѣе ведетъ къ дружбѣ".

[3]) Солонъ, по свидѣтельству Аристотеля, *Аѳинская политія*, 5, боялся „корыстолюбія и надменности, такъ какъ они ведутъ къ обостренію вражды".

вѣтственные посты въ государствѣ, поступаютъ нагло и корыстолюбиво, населеніе начинаетъ возмущаться какъ ими [1]), такъ и тѣмъ государственнымъ строемъ, который даетъ имъ возможность [такъ поступать]; при этомъ безразлично, простирается ли корыстолюбіе такихъ правителей на имущество частныхъ лицъ или на государственное добро. Ясно также, какое значеніе имѣетъ почетъ и почему и онъ служитъ причиною внутреннихъ неурядицъ: люди возмущаются, видя, какъ они сами до этого почета добраться не могутъ, а другіе, напротивъ, имъ пользуются [2]). Несправедливость здѣсь заключается въ томъ, что одни люди пользуются почетомъ, а другіе лишены его, причемъ не принимается въ соображеніе заслуги тѣхъ и другихъ. Справедливость торжествовала бы, напротивъ, въ томъ случаѣ, если бы почетъ воздавался по заслугамъ каждаго [3]). Превосходство [однихъ предъ другими] ведетъ также въ внутреннимъ распрямъ, когда кто-либо—одинъ или нѣсколько—будетъ выдаваться своимъ значеніемъ въ большей степени, нежели его надлежитъ ему имѣть въ государствѣ, въ соотвѣтствіи съ характеромъ господствующаго въ немъ строя [4]). Такого рода сосредоточеніе превосходства въ ру-

---

[1]) Слѣдую поправкѣ Нимейера αὐτούς вм. ἀλλήλους.

[2]) Ср. Плутархъ, *Аристидъ*, 13: (въ Аѳинахъ предъ Платейскою битвою) „люди, происходившіе изъ знатныхъ семействъ и обладавшіе крупными капиталами, обратились вслѣдствіе войны въ бѣдняковъ. Видя, что, вслѣдствіе потери богатства, у нихъ ускользаетъ въ государствѣ всякое значеніе и сила, въ то время какъ другіе начинаютъ пользоваться почетомъ въ государствѣ и пріобрѣтаютъ власть, они составили заговоръ свергнуть демократію“.

[3]) Ср. отрывокъ изъ исторіи *Гиппія Элидскаго* (fr. 13 M): „Гиппій говоритъ, что существуетъ два вида зависти—зависть справедливая, когда кто-либо завидуетъ тѣмъ, кто, будучи плохими, пользуются почетомъ, и зависть несправедливая, когда кто-либо завидуетъ тѣмъ, кто будучи хорошими людьми пользуются почетомъ„.

[4]) Ср. Демосѳенъ, *Противъ Аристократа*, 205: (аѳиняне) „понявъ, что Ѳемистоклъ начинаетъ думать о себѣ больше, чѣмъ они думаютъ о немъ, изгнали его изъ Аѳинъ и обвинили въ персофильствѣ“. Эсхинъ, *Противъ Ктесифонта*, 235: „развѣ вы забыли, что никто никогда не посягалъ на низверженіе демократіи до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствовалъ за собою бо̀льшую силу, чѣмъ ее имѣетъ судъ, пока онъ не сталъ бо̀льшимъ въ государствѣ, въ соотвѣтствіи съ значеніемъ господствующаго въ немъ строя“.

кахъ одного человѣка ведетъ обыкновенно къ установленію монархическаго или династическаго режима. 5. Поэтому въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Аргосѣ и въ Аѳинахъ, имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ остракизму, хотя было бы лучше съ самаго начала уже слѣдить за тѣмъ, чтобы въ государствѣ не появлялись столь выдающіяся личности, нежели, допустивъ это, потомъ прибѣгать къ подобнаго рода операціи. Страхъ служитъ причиною возмущеній въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, люди, совершившіе преступленіе, боятся понести за него заслуженную кару, а, съ другой стороны, тѣ, кому грозитъ опасность стать жертвою преступленія, желаютъ предупредить возможность этого преступленія еще до его совершенія. Такъ на Родосѣ знатные сплотились противъ демократіи, чтобы избѣжать грозившихъ имъ судебныхъ процессовъ [1]). 6. Презрѣніе ведетъ за собою внутреннія распри и революціонныя возмущенія: это случается, напримѣръ, въ олигархическихъ государствахъ, гдѣ бо̀льшая часть гражданъ не участвуетъ въ государственномъ правленіи, хотя она и сознаетъ свое численное превосходство. Да и въ демократическихъ государствахъ безпорядочность и хаотичность государственнаго строя, вызвавъ презрѣніе къ нему со стороны зажиточнаго класса, можетъ повести къ революціи. Такъ демократическій строй былъ уничтоженъ въ Ѳивахъ когда тамъ, послѣ битвы при Энофитахъ [2]), государственные порядки пришли въ разстройство; то же самое произошло въ Мегарахъ и было вызвано безпорядками и анархіей, возникшими среди побѣжденныхъ демократовъ, [3]) въ Сиракузахъ—предъ тираніей Гелона [4]), на Родосѣ—предъ ниспроверженіемъ [господствовавшей тамъ до того] демократіи.

7. Государственные перевороты происходятъ также вслѣдствіе непропорціональнаго возвышенія [одного какого-либо класса населенія въ сравненіи съ остальными]. Извѣстно, что тѣло состоитъ изъ [отдѣльныхъ] частей и должно увеличиваться въ

---

[1]) Вѣроятно, имѣется въ виду революція на Родосѣ въ 390 г. до Р. Хр., когда „лаконофильствующіе родосцы, возставъ противъ демократіи, изгнали изъ города сторонниковъ аѳинянъ“ (Діодоръ, XIV, 97).

[2]) Въ 456 г. до Р. Хр.

[3]) Ср. выше стр. 197.

[4]) Въ 484 г. до Р. Хр.

своемъ ростѣ пропорціонально, чтобы сохранялась симметрія; въ противномъ случаѣ оно гибнетъ, если, напримѣръ, нога будетъ длиною въ четыре локтя, а остальная фигура всего въ двѣ пяди [1]); или если тѣло приметъ видъ другого живого существа и будетъ при этомъ развиваться также непропорціонально не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Точно такъ же и государство состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ; изъ нихъ нѣкоторые выростаютъ зачастую незамѣтно, хотя бы, напримѣръ, масса неимущихъ въ демократіяхъ и политіяхъ. 8. Происходитъ это иной разъ и всилу случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, въ Тарантѣ послѣ пораженія и гибели многихъ знатныхъ въ борьбѣ съ іапигами, немного спустя послѣ Персидскихъ войнъ, изъ политіи возникла демократія [2]). Въ Аргосѣ, послѣ пораженія, нанесеннаго аргосцамъ Клеоменомъ Лаконскимъ, въ битвѣ «седьмого дня», пришлось принять въ число гражданъ извѣстное количество періэковъ [3]). Въ Аѳинахъ аристократія уменьшилась въ своемъ числѣ послѣ неудачныхъ сухопутныхъ битвъ, потому что она должна была, во время Лаконской [Пелопоннесской] войны, служить въ войскѣ съ начала призыва. Подобнаго рода перемѣны конституцій бываютъ, хотя и рѣже, и въ демократіяхъ: когда увеличивается число зажиточныхъ или возрастаетъ вообще имущественное благосостояніе гражданъ, демократическій строй переходитъ въ олигархическій и династическій.

9. Государственные перевороты совершаются и безъ насилія, вслѣдствіе происковъ [при замѣщеніи государственныхъ должностей]: такъ было дѣло въ Герэѣ [4]), гдѣ назначеніе должностныхъ лицъ по выбору замѣнено было назначеніемъ ихъ по жребію, потому что первый способъ сопряженъ былъ съ интригами со стороны лицъ, ищущихъ магистратуръ. Вызывается государственный переворотъ также и беззаботнымъ отношеніемъ [къ своимъ

---

[1]) = одному локтю.

[2]) Въ 473 г. до Р. Хр.

[3]) Битва „седьмого дня", т. е. на седьмой день послѣ новолунія. Плутархъ, *О женскихъ добродѣтеляхъ*, 5, говоритъ, что Клеоменъ одержалъ „побѣду" по однимъ извѣстіямъ въ 7-ой день новолунія, по другимъ—въ самое новолуніе (въ 520 г. до Р. Хр.).

[4]) Городъ на границахъ Аркадіи и Элиды въ Пелопоннесѣ.

обязанностямъ со стороны правительства], когда оно допускаетъ занимать высшія должности лицъ, враждебно относящихся къ существующему государственному строю; такъ въ Ореѣ была ниспровергнута олигархія, когда въ число правителей попалъ Гераклеодоръ, преобразовавшій олигархію въ политію и [затѣмъ] въ демократію [1]). Случаются перевороты и вслѣдствіе пренебреженія мелочами, [съ которыми также нужно считаться]: именно, зачастую это пренебреженіе мелочами ведетъ за собою незамѣтно большія перемѣны въ [установившемся] законномъ порядкѣ; такъ, въ Амбракіи [2]) имущественный цензъ необходимый для замѣщенія магистратуръ, былъ невеликъ, а въ концѣ концовъ онъ и совсѣмъ былъ отмѣненъ въ томъ предположеніи, что между небольшимъ цензомъ и отсутствіемъ какого-либо ценза разница очень невелика или даже ея совсѣмъ нѣтъ.

10. Разноплеменность населенія также служитъ источникомъ внутреннихъ неурядицъ, до тѣхъ поръ пока эта разноплеменность не сгладится: государство, вѣдь, образуется не изъ случайной массы людей, а потому для его образованія нужно извѣстное время. Поэтому въ большей части случаевъ дарованіе гражданскихъ правъ лицамъ, не принадлежащимъ къ первоначальному составу гражданства—будь это населеніе, жившее на территоріи государства до его образованія, или населеніе, позднѣе туда явившееся—вызываетъ внутреннія распри [3]). Когда, напримѣръ, ахейцы, вмѣстѣ съ трэзенцами основавшіе Сибарисъ, превзошли ихъ затѣмъ численностью, они изгнали трэзенцевъ, и это-то преступленіе тяжкимъ грѣхомъ, [требующимъ искупленія], легло надъ жителями Сибариса [4]). Въ Θуріяхъ сибариты враж-

---

1) Орей (или Гестіэя) на Евбеѣ въ началѣ IV в. находился въ сферѣ спартанскаго вліянія и получилъ олигархическій строй; около 377 г. Орей освободился отъ Спарты, и къ этому времени, надо полагать, относится измѣненіе его олигархической конституціи на демократическую.

2) Городъ въ Эпирѣ.

3) Ср. греческую пословицу: ποίησόν με ἔνοικον, ἵνα σὲ ποιήσω ἔξοικον, смыслъ которой таковъ: посели меня въ домъ, чтобы я тебя изъ него выселилъ, въ переносномъ значеніи: дай мнѣ гражданскія права—и это обрушится на твою голову.

4) Страбонъ, VI, 262, считаетъ основателями Сибариса только ахейцевъ; Діодоръ, XII, 9, 1 сл., называетъ Сибарисъ неопредѣленно греческою колоніею, но при этомъ замѣчаетъ, что въ Сибарисъ принято было

довали съ тѣми поселенцами, которые вмѣстѣ съ ними основали этотъ городъ: упирая на то, что территорія Ѳуріевъ принадлежитъ имъ, сибариты требовали себѣ бо̀льшихъ привилегій и въ результатѣ были изгнаны [1]). Въ Византіи пришлые поселенцы составили заговоръ противъ коренного населенія, заговоръ былъ открытъ, и его участникамъ, послѣ происшедшей битвы, пришлось покинуть Византію [2]). 11. Жители Антиссы [3]), принявъ [въ свое государство] хіосскихъ изгнанниковъ, потомъ изгнали ихъ, послѣ битвы, изъ города, а жители Занклы [4]), пріютившіе у себя самосцевъ, сами были изгнаны послѣдними [5]). Въ Аполлоніи, что на Понтѣ Евксинскомъ [6]), произошли внутреннія волненія изъ-за принятія въ число гражданъ иноземцевъ. Въ Сиракузахъ, послѣ низверженія тираніи [7]), иноземцы и наемники [8]) получили гражданскія права; отсюда возникли внутрен-

---

много новыхъ гражданъ. Около 510 г. до Р. Хр. Сибарисъ былъ разрушенъ кротонцами.

[1]) 58 лѣтъ спустя послѣ разрушенія Сибариса городъ былъ возстановленъ ѳессалійцами и остатками прежняго населенія, но жители Сибариса, пять или шесть лѣтъ спустя послѣ его возстановленія, снова были изгнаны кротонцами. Они обратились за помощью въ Спарту и Аѳины. Аѳиняне основали на мѣстѣ Сибариса, въ 444 г., новый городъ Ѳуріи. Но недолгое время, разсказываетъ Діодоръ, XII, 11, 1, „Ѳуріи наслаждались согласіемъ, затѣмъ тамъ началось большое возмущеніе и не безъ основательной причины: сибариты, жившіе до того на территоріи Ѳуріевъ, захватили себѣ самыя видныя магистратуры, а незначительныя мѣста предоставили тѣмъ лицамъ, которые приписались къ гражданамъ позже; по рѣшенію сибаритовъ, жены коренныхъ гражданъ должны были совершать главныя жертвоприношенія, а второстепенныя—жены позже приписавшихся къ гражданамъ. Далѣе сибариты взяли себѣ участки земли, расположенные близко къ городской территоріи, а лежащіе дальше предоставили пришельцамъ. Когда, по указаннымъ причинамъ, начались раздоры, тѣ, кто позже приписались къ гражданамъ, опираясь на свой численный перевѣсъ и силу, убили почти всѣхъ коренныхъ сибаритовъ, а сами заняли городъ“.

[2]) Византія—мегарская колонія, основанная въ 658 г. до Р. Хр. Подробностей сообщаемаго Аристотелемъ факты мы не знаемъ.

[3]) На о. Лесбосѣ.

[4]) Сицилійская Мессина.

[5]) Подробности см. у Геродота, VI, 22 сл.

[6]) Милетская колонія. См. ниже V, 5, 7.

[7]) Ѳрасибула въ 467/6 г. до Р. Хр.

[8]) Они были приведены въ Сиракузы братомъ Ѳрасибула Гелономъ въ

нія смуты, приведшія къ вооруженному столкновенію [1]). Бо́льшая часть гражданскаго населенія Амфиполя [2]) была изгнана изъ города принятыми въ число граждан поселенцами изъ Халкиды [3]).

12. Иной разъ въ государствахъ возникаютъ внутреннія распри и всилу чисто мѣстныхъ условій, когда, напримѣръ, государственная территорія не бываетъ пригодна для созданія одного государства. Такъ было дѣло въ Клазоменахъ, гдѣ жившіе на Хитѣ враждовали съ жителями на островѣ [4]); по той же самой причинѣ враждовали между собою жители Колофона и жители Нотія [5]). Да и въ Аѳинскомъ государствѣ не все населеніе настроено единомышленно: жители Пирея настроены куда болѣе демократично, чѣмъ жители самихъ Аѳинъ. И какъ на войнѣ переправы чрезъ рвы, хотя бы и очень небольшіе, разстраиваютъ фаланги, такъ и всякаго рода различіе влечетъ за собою, очевидно, раздоры. Быть можетъ, сильнѣе всего раздоры эти обусловливаются тѣмъ различіемъ, какое наблюдается между добродѣтелью и порочностью, далѣе между богатствомъ и бѣдностью, а затѣмъ слѣдуютъ и другія, болѣе или менѣе значительныя, причины, къ числу которыхъ принадлежитъ и та, что нами только что указана.

количествѣ 10000 человѣкъ; при Ѳрасибулѣ ихъ было 7000 (Діодоръ, XI, 72 сл.).

[1]) Въ 462 г. до Р. Хр.

[2]) Городъ въ устьяхъ Стримона во Ѳракіи.

[3]) Слѣдующія затѣмъ слова должны быть или удалены изъ текста „Политики", какъ не принадлежащія къ первоначальному ея тексту, или переставлены на другое мѣсто: „Въ олигархическихъ государствахъ внутреннія волненія происходятъ отъ того, что многіе считаютъ себя обиженными, такъ какъ они, будучи равноправны съ остальнымъ населеніемъ, какъ объ этомъ сказано ранѣе, не имѣютъ участія въ равной доли съ ними въ государственномъ управленіи; въ демократическихъ же государствахъ поднимаетъ знамя возстанія знать, потому что она, не находясь въ одинаковомъ положеніи [съ остальнымъ населеніемъ], пользуется одинаковыми съ нимъ правами".

[4]) Послѣ битвы при Микалѣ въ 479 г. до Р. Хр. клазоменцы, изъ страха предъ персами, переселились изъ своего города, лежавшаго на материкѣ, на противу него лежащій островъ. Хитъ, упоминаемый Эфоромъ, fr. 136 M, былъ, вѣроятно, поселеніемъ, выстроеннымъ клазоменцами на материкѣ, въ мѣстности, гдѣ были расположены прежнія Клазомены.

[5]) Нотій—гавань Колофона.

3.

1. Итакъ, внутреннія распри возникаютъ не о мелочахъ, но изъ мелочей, мятежи же поднимаются всегда по поводу дѣлъ важныхъ. Особенное значеніе пріобрѣтаютъ мелкія неурядицы въ томъ случаѣ, когда онѣ возникаютъ среди лицъ высокопоставленныхъ. Это произошло, напримѣръ, въ древнія времена въ Сиракузахъ, гдѣ возникъ государственный переворотъ на почвѣ распрей изъ-за любовныхъ дѣлъ между двумя молодыми людьми, занимавшими [въ то время отвѣтственныя] должности. Когда одинъ изъ нихъ отлучился изъ Сиракузъ, его коллега по службѣ переманилъ къ себѣ предметъ его любви; тогда первый, разобидѣвшись на второго, склонилъ, въ свою очередь, жену послѣдняго вступить съ нимъ въ связь. Каждому изъ нихъ удалось, затѣмъ, втянуть въ свои распри лицъ правящаго класса, и это-то обстоятельство повело къ общему раздѣленію государства на двѣ враждебныхъ партіи [1]). 2. Поэтому нужно принимать мѣры предосторожности противъ такого рода фактовъ въ моментъ ихъ зарожденія и стараться примирить враждующихъ между собою правителей, облеченныхъ властью: ошибка заключается въ самомъ началѣ вражды, а начало, какъ говорится, половина всякаго дѣла, такъ что сама по себѣ ничтожная начальная ошибка стоитъ въ ближайшемъ соотношеніи къ ошибкамъ во всемъ дальнѣйшемъ. Вообще распри среди знатныхъ приходится «расхлебывать» всему государству, какъ это случилось, напримѣръ, въ Гестіэѣ [2]), послѣ Персидскихъ войнъ [3]), когда тамъ два брата завели между собою тяжбу изъ-за отцовскаго наслѣдства. Болѣе бѣдный изъ нихъ утверждалъ, что его братъ скрылъ имущество отца и тотъ кладъ, который имъ былъ найденъ, и склонилъ на свою сторону демократическую партію; другой же братъ, обладавшій большимъ имуществомъ, привлекъ на свою сторону зажиточный классъ. 3. Въ Дельфахъ одно сватовство послужило

---

[1]) Ту же исторію, съ нѣкоторыми подробностями, разсказываетъ Плутархъ, *Политическія наставленія*, 32. Имѣется въ виду, вѣроятно, то движеніе, которое привело, въ концѣ концовъ, въ первые годы V в., къ изгнанію олигарховъ изъ Сиракузъ.

[2]) На Евбеѣ.

[3]) Вѣроятно, между 479 и 446 г. до Р. Хр.

причиною ссоры, а это повело впослѣдствіи къ общимъ внутреннимъ неурядицамъ. Дѣло было такъ: женихъ, по дорогѣ къ невѣстѣ, увидѣлъ неблагопріятное для себя предзнаменованіе и отказался отъ брака; тогда оскорбленные родственники невѣсты, въ то время, когда женихъ приносилъ жертву, подбросили въ его жертвенную корзину нѣкоторые предметы, принадлежавшіе святынѣ, а затѣмъ убили его какъ святотатца [1]). Въ Митиленѣ [2]) споръ, начавшійся изъ-за имущества дочерей-наслѣдницъ, послужилъ началомъ великихъ золъ и вызвалъ войну Митилены съ Аѳинами, во время которой Пахетъ взялъ Митилену [3]) А дѣло было такое: нѣкій зажиточный человѣкъ Тимофанъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей; Дександръ сталъ сватать ихъ за своихъ сыновей, но получилъ отказъ; тогда онъ поднялъ бунтъ и склонилъ при этомъ на свою сторону аѳинянъ, проксеномъ [4]) которыхъ онъ былъ въ Митиленѣ [5]). 4. Точно такъ же въ Фокидѣ возникла партійная борьба изъ-за дочери-наслѣдницы между Мнасеемъ, отцомъ Мнасона, и Евѳикратомъ, отцомъ Ономарха, а эта борьба послужила для фокидцевъ началомъ Священной войны [6]). И въ

---

[1]) Ср. Плутархъ, *Политическія наставленія*, 32: „въ Дельфахъ, говорятъ, произошла большая революція изъ-за нѣкоего Кратета. Оргилай, сынъ Фалида, хотѣлъ жениться на его дочери, а затѣмъ, когда, во время совершенія жертвенныхъ возліяній, лопнулъ по срединѣ кратеръ, онъ счелъ это за дурное предзнаменованіе, оставилъ невѣсту и ушелъ къ себѣ домой съ своимъ отцомъ. Когда, немного спустя, они приносили жертву, Кратетъ подбросилъ въ жертвенную корзину Оргилая какой то золотой предметъ изъ числа посвященныхъ богу, а затѣмъ свергъ со скалы Оргилая и его брата, безъ всякаго суда надъ ними, а кое-кого изъ ихъ друзей и домашнихъ, искавшихъ убѣжища въ святынѣ Аѳины Пронэи, убилъ. Когда подобнаго рода факты стали повторяться, дельфійцы убили Кратета и тѣхъ, кто поднялъ бунтъ, а изъ денегъ, прозванныхъ „проклятыми“ выстроили храмъ, что внизу“ (т. е. подъ террассой). Та же исторія повторяется у Эліана, *Пестрые разсказы*, XI, 5.

[2]) На Лесбосѣ.

[3]) Въ 428 г. до Р. Хр.

[4]) Проксенъ (πρόξενος)—гражданинъ, на обязанности котораго было оказывать покровительство и защиту иноземцу, имѣющему постоянное или временное пребываніе въ государствѣ проксена. Такимъ образомъ функціи проксена совпадали съ функціями теперешнихъ консуловъ.

[5]) Ср. Ѳукидидъ, III, 2.

[6]) Въ 355 г. до Р. Хр.

Эпидамнѣ произошелъ государственный переворотъ изъ-за «свадебныхъ дѣлъ»: нѣкто помолвилъ свою дочь за одного молодого человѣка; когда отецъ помолвленнаго, бывшій членомъ правительства, оштрафовалъ своего будущаго свояка, послѣдній, считая себя оскорбленнымъ этимъ, привлекъ на свою сторону лицъ, не пользовавшихся полными правами гражданства.

5. Государственные перевороты въ сторону олигархіи, демократіи, политіи обусловливаются также и тѣмъ, что какой-либо изъ элиментовъ государства—будь это какая-либо магистратура или какой-либо классъ населенія—выростаетъ въ своемъ значеніи. Такъ, ареопагъ [въ Аѳинахъ], возвысившійся въ эпоху Персидскихъ войнъ, придалъ, повидимому, государственному строю болѣе «строгую» [1]) форму; съ другой стороны, «корабельная чернь», какъ виновница Саламинской побѣды и, благодаря ей, виновница гегемоніи Аѳинъ на морѣ, способствовала укрѣпленію демократіи. Точно такъ же въ Аргосѣ аристократы, прославившіеся побѣдою надъ лакедэмонянами въ Мантинейской битвѣ [2]), попытались низвергнуть демократическій строй. 6. Въ Сиракузахъ демосъ, бывшій виновникомъ побѣды во время войны съ аѳинянами, измѣнилъ политію на демократическій строй [3]). Въ Халкидѣ [4]) демосъ, покончившій при помощи знатныхъ съ тиранномъ Фоксомъ, тотчасъ же захватилъ власть въ государствѣ. То же самое произошло въ Амбракіи, гдѣ демосъ, соединившись съ заговорщиками противъ тиранна Періандра, изгналъ его изъ города, а государственную власть забралъ въ свои руки [5]).

И вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующаго обстоятельства: тотъ, кто сталъ виновникомъ развитія государственной мощи—будь это частные люди, магистраты, филы, или какія-либо части и группы народонаселенія—все это становится двигающимъ рычагомъ возмущеній. Ибо или одни, относясь съ

---

[1]) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія*, 23, и В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 120 сл.

[2]) Въ 418 г. до Р. Хр.

[3]) Въ 413 г. до Р. Хр.; по словамъ Діодора, XIII, 34 сл., виновникъ этого переворота, Діоклъ, ввелъ замѣщеніе всѣхъ магистратуръ въ Сиракузахъ по жребію.

[4]) На Евбеѣ.

[5]) Вскорѣ послѣ 582 г. до Р. Хр.

завистью къ привилегированному положенію другихъ, поднимаютъ знамя возстанія, либо эти другіе, вслѣдствіе достигнутаго ими превосходства, не желаютъ оставаться на равномъ положеніи съ остальными. Государственный строй начинаетъ колебаться и въ томъ случаѣ, когда, окажется, что противоположные элементы въ государствѣ, напримѣръ, богатый классъ и простой народъ, уравняются въ своемъ положеніи другъ съ другомъ, а средняго элемента не будетъ вовсе или онъ будетъ представленъ совсѣмъ незначительно. Если одинъ изъ указанныхъ элементовъ достигнетъ слишкомъ большого и явнаго перевѣса, другой не пожелаетъ рисковать вступать съ нимъ въ борьбу. Этимъ, между прочимъ, объясняется и то, что отличающіеся своими нравственными совершенствами не поднимаютъ обыкновенно возстанія: слишкомъ ихъ мало, [чтобы идти] противъ большинства.

Вотъ каковы вообще причины и поводы внутреннихъ неурядицъ и государственныхъ переворотовъ при всѣхъ формахъ государственнаго строя.

8. Производятся же государственные перевороты либо насильственнымъ, либо коварнымъ путемъ, причемъ къ насилію прибѣгаютъ или непосредственно въ самомъ началѣ переворота, или по прошествіи нѣкотораго времени. И коварство бываетъ тоже двоякаго рода. Либо революціонеры, обольстивъ сначала народъ ложными обѣщаніями, производятъ переворотъ съ согласія народа, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, насиліемъ захватываютъ власть въ государствѣ въ свои руки, не взирая на то, что народъ вовсе этого не желаетъ. Такъ, напримѣръ, при господствѣ въ Аѳинахъ «Четырехсотъ», революціонеры обманули народъ увѣреніями, что персидскій царь дастъ аѳинянамъ деньги на войну съ лакедэмонянами, а затѣмъ, когда эти лживыя увѣренія обнаружились, «Четыреста» пытались удержать власть въ государствѣ въ своихъ рукахъ [1]). Либо революціонеры съ начала же дѣйствуютъ на народъ въ пользу переворота своими убѣжденіями, а затѣмъ снова склоняютъ народъ подчиниться ихъ власти, такъ что народъ добровольно соглашается на это.

---

[1]) О подробностяхъ этого переворота 411 г. до Р. Хр. см. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 327 сл.

Итакъ, вотъ вообще какія причины ведутъ къ государственнымъ переворотамъ при всѣхъ формахъ государственнаго строя.

4.

1. Мы должны теперь обратиться къ разсмотрѣнію того, какой характеръ принимаютъ государственные перевороты примѣнительно къ каждому изъ видовъ государственнаго строя, согласно сдѣланному нами его подраздѣленію.

Въ государствахъ демократическихъ перевороты всего чаще вызываются наглостью демагоговъ, которые, съ одной стороны, путемъ ложныхъ доносовъ по частнымъ дѣламъ на состоятельныхъ лицъ, заставляютъ этихъ послѣднихъ сплотиться (общій, вѣдь, страхъ предъ чѣмъ-нибудь объединяетъ и злѣйшихъ враговъ), съ другой же стороны, вообще наускиваютъ на нихъ народную массу. Правильность этого замѣчанія можно было бы подтвердить многими примѣрами. 2. Такъ, на Косѣ рушился демократическій строй, послѣ того какъ тамъ появились дрянные демагоги, а знать объединилась [1]). То же самое на Родосѣ: тамъ демагоги взяли на себя управленіе государственными финансами и стали препятствовать выплатѣ тѣхъ долговъ, которые государство должно было тріерархамъ [2]); послѣдніе были вынуждены сплотиться другъ съ другомъ въ виду грозящихъ имъ судебныхъ процессовъ и въ результатѣ свергли демократическое правленіе [3]). Ниспровергнута была демократія и въ Гераклеѣ, тотчасъ же послѣ основанія тамъ колоніи, благодаря демагогамъ: притѣсняемые ими аристократы удалились въ изгнаніе, затѣмъ изгнанники объединились и, возвратившись въ Гераклею, уничтожили въ ней демократическое правленіе [4]). 3. Подобнымъ же образомъ низвержена была демократія и въ Мегарахъ: демагоги, ради конфискацій имущества, изгнали многихъ знатныхъ; изгнанниковъ этихъ

---

[1]) Когда это произошло, неизвѣстно.

[2]) Тріерархъ (τριήραρχος), капитанъ тріеры—корабля съ тремя рядами—или (какъ въ Аѳинахъ) гражданинъ, снаряжавшій на свой счетъ тріеру.

[3]) См. выше стр. 211.

[4]) Имѣется въ виду, вѣроятно, Гераклея Понтійская, мегарская колонія основанная въ срединѣ VI в. до Р. Хр.

набралось много, они вернулись въ Мегары, нанесли въ битвѣ ударъ демократической партіи и возстановили олигархическій строй [1]). Та же судьба постигла демократію въ Кимѣ, гдѣ ее ниспровергъ Ѳрасимахъ. Почти такимъ же образомъ, какъ оказывается при ближайшемъ изслѣдованіи, происходили государственные перевороты и въ остальныхъ мѣстахъ. То демагоги, желая подластиться къ народу, начинаютъ притѣснять знатныхъ, и тѣмъ самымъ побуждаютъ ихъ сплотиться, то они требуютъ раздѣла имущества знатныхъ, либо отдаютъ доходы ихъ на государственныя повинности; то демагоги наводятъ на богатыхъ ложные извѣты, чтобы получить возможность конфисковать ихъ имущества.

4. Въ древнія времена, когда демагогъ становился вмѣстѣ съ тѣмъ военачальникомъ, демократическій строй обыкновенно переходилъ въ тираннію [2]); почти бо́льшая часть древнихъ тиранновъ происходила изъ демагоговъ. Причина, почему прежде это такъ случалось, а теперь не бываетъ, заключается въ слѣдующемъ: въ древнія времена демагоги происходили изъ среды полководцевъ (по части краснорѣчія они не были мастерами), теперь же, съ расцвѣтомъ ораторскаго искусства, демагогомъ становится тотъ, кто умѣетъ красно́ говорить; но такъ какъ въ военномъ дѣлѣ теперешніе демагоги не опытны, то они и не посягаютъ стать тираннами, а если что-либо подобное и случается, то развѣ только на короткое время. 5. Въ прежнія времена тиранніи возникали чаще, нежели теперь, еще и потому, что въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ сосредоточивались большія полномочія (такъ въ Милетѣ тираннія возникла изъ пританіи: пританъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ верховную власть надъ многими важными дѣлами) [3]), а также вслѣдствіе того, что и общины тогда были невелики, простой народъ жилъ за городомъ на своихъ земельныхъ участкахъ, безъ отдыха занимался своей работой, и, такимъ образомъ, его «предстоятели», разъ они обла-

---

[1]) Ср. выше стр. 197, 211.

[2]) Такъ „Писистратъ сталъ тиранномъ, будучи демагогомъ и полководцемъ“ (Аристотель, *Аѳинская политія*, 22).

[3]) Пританъ въ Милетѣ, вѣроятно, титулъ главнаго магистрата, заступившій мѣсто прежняго царя. Милетскіе тиранны: Ѳрасибулъ ок. 600 г., Гистіэй и Аристагоръ ок. 500 г. до Р. Хр.

дали военными талантами, посягали на тираннію. Но становились всѣ они тираннами потому, что пользовались довѣріемъ народа, а средство пріобрѣсти это довѣріе заключалось въ томъ, что они объявляли себя ненавистникомъ богатыхъ. Такъ въ Аѳинахъ Писистратъ достигъ тиранніи, послѣ того какъ онъ разошелся съ педіаками [1]), Ѳеагенъ въ Мегарахъ — избивъ скотъ зажиточныхъ, найденный имъ на чужомъ пастбищѣ у рѣки [2]), Діонисій [Старшій въ Сиракузахъ]—послѣ того, какъ онъ обвинилъ Дафнэя и богачей, и эта-то вражда Діонисія къ богатому классу заставила народъ увѣровать въ его демократическія чувства [3]). 6. Встрѣчаются также и перемѣны «отцовской» демократіи на «современную» [4]). Тамъ, гдѣ магистратуры замѣщаются по выборамъ, а не по имущественному цензу, гдѣ въ выборахъ участвуетъ самъ народъ, демагоги, стремясь захватить въ свои руки государственныя должности, упираютъ на то, что народъ имѣетъ верховную власть и надъ основными законами. Цѣлительнымъ средствомъ къ уничтоженію или къ ослабленію этого [зла] могло бы служить то, чтобы при выборахъ должностныхъ лицъ голосованіе происходило по отдѣльнымъ филамъ [5]), а не поголовно.

Вотъ по какимъ причинамъ происходятъ государственные перевороты въ демократическихъ государствахъ.

5.

1. Два наиболѣе часто встрѣчающихся повода, ведущихъ къ крушенію олигархій, заключаются въ слѣдующемъ: первый — притѣсненіе олигархами народной массы; въ этомъ случаѣ достаточно любого «предстоятеля» [народа, чтобы произвести переворотъ], въ особенности, если случится, что этотъ защитникъ народныхъ

---

1) Ср. Геродотъ, I, 59. Педіаки (или Педіеи)—жители „равнины“—крайняя аристократическая партія въ Аѳинахъ, состоявшая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ.

2) О Ѳеагенѣ см. Пёльманъ, стр. 92.

3) Дафнэй—одинъ изъ сиракузскихъ полководцевъ. Подробности сообщаетъ Діодоръ, XIII, 85 сл.

4) Т. е. умѣренной на крайнюю.

5) Т. е. родовымъ подраздѣленіямъ.

интересовъ самъ принадлежитъ къ средѣ олигарховъ, какъ было дѣло на Наксосѣ, гдѣ таковымъ оказался Лигдамисъ, ставшій впослѣдствіи наксосскимъ тиранномъ [1]). 2. Различные поводы къ возстанію даютъ также и другія лица, [помимо олигарховъ]. Иногда крушеніе государственнаго строя вызываютъ зажиточные люди въ государствѣ, которые, несмотря на это, не занимаютъ въ немъ магистратуръ, но когда лишь очень немногіе пользуются почетомъ, связаннымъ съ гражданскими правами, какъ это имѣло мѣсто въ Массаліи [2]), въ Истрѣ [3]), въ Гераклеѣ [4]) и въ другихъ государствахъ. Здѣсь лица, не имѣвшія доступа къ магистратурамъ, поддерживали [среди населенія] броженіе до тѣхъ поръ, пока этотъ доступъ не получили сначала старшіе братья, а затѣмъ, въ свою очередь, и младшіе. (Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ не могутъ одновременно занимать государственныя должности отецъ и сынъ, въ другихъ—старшій и младшій братья). Въ результатѣ въ Массаліи олигархическій строй принялъ характеръ, приближающій его къ политіи, въ Истрѣ олигархія, въ концѣ концовъ, обратилась въ демократію, а въ Гераклеѣ власть отъ олигарховъ перешла въ

---

[1]) Ср. Геродотъ I, 61, 64. Аристотель, fr. 517 (изъ *Наксосской политіи*): „большинство зажиточныхъ наксосцевъ жило въ городѣ, остальная часть—по селамъ. Въ одномъ такомъ селѣ, по имени Лестады, проживалъ Телестагоръ, человѣкъ очень богатый, пользовавшійся хорошей репутаціей и уваженіемъ у народа вообще, а въ частности у тѣхъ, кто ежедневно отправлялся въ городъ [по торговымъ дѣламъ]. И когда они возвращались изъ города, продавъ свой товаръ дешево, то у нихъ вошло въ привычку говорить, что лучше бы имъ отдать этотъ товаръ Телестагору, чѣмъ продать его за такую дешевую цѣну. И вотъ какъ-то разъ какіе-то молодые люди [въ городѣ] торговались съ сельчанами изъ-за большой рыбы, и когда имъ рыбакъ сказалъ то же самое, [т. е., что лучше ему отдать эту рыбу Телестагору], они разобидѣлись на эту присказку, и, будучи навеселѣ, съ шумомъ прибѣжали къ Телестагору. Послѣдній принялъ ихъ любезно, но юноши нанесли рядъ оскорбленій ему и его дочерямъ-невѣстамъ. Наксосцы, возмутившись поведеніемъ юношей, схватились за оружіе и бросились на молодыхъ людей. Поднялся огромный мятежъ, въ которомъ во главѣ наксосцевъ стоялъ Лигдамисъ какъ военный предводитель, а послѣ того онъ сталъ и тиранномъ въ Наксосѣ" (въ срединѣ VI в. до Р. Хр.).

[2]) Ср. ниже VI, 4, 5.

[3]) Милетская колонія въ устьяхъ Дуная.

[4]) Вѣроятно, Понтійской.

руки 600 гражданъ. 3. Въ Книдѣ [1]) олигархическій строй былъ низвергнутъ послѣ того, какъ знатные возстали другъ противъ друга вслѣдствіе того, что только немногіе изъ числа ихъ имѣли доступъ къ государственнымъ должностямъ и, какъ только что упомянуто, сынъ не могъ быть на государственной службѣ вмѣстѣ съ отцомъ, равно какъ и изъ братьевъ, если ихъ было нѣсколько, этимъ правомъ могъ пользоваться только старшій. Народъ, воспользовавшись этою враждою знатныхъ, выбралъ себѣ изъ ихъ среды «предстоятеля», напалъ на знатныхъ и одержалъ надъ ними побѣду—взаимныя распри, вѣдь, всегда ведутъ къ слабости. 4. Точно такъ же народъ произвелъ перемѣну государственнаго строя въ Эриѳрахъ [2]), гдѣ въ давнишнія времена было олигархическое правленіе Василидовъ [3]); хотя они и прекрасно пеклись о государственныхъ дѣлахъ, все-таки, въ концѣ концовъ, народъ сталъ роптать на то, что власть сосредоточена въ рукахъ немногихъ.

Вторая причина броженія, бывающаго въ олигархическихъ государствахъ, обусловлена образомъ дѣйствій самихъ олигарховъ, когда они, движимые честолюбіемъ, берутъ на себя роль демагоговъ [4]). Демагогія при этомъ бываетъ двоякаго рода. Иногда она возникаетъ въ средѣ самихъ олигарховъ, потому что, хотя бы послѣднихъ было и немного, все же среди нихъ найдется демагогъ; такъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ при «Тридцати» Хариклъ [5]) своими демагогическими пріемами получилъ силу надъ «Тридцатью», или то же самое было въ правленіе «Четырехсотъ» съ Фринихомъ [6]). 5. Иногда сами олигархи становятся демагогами надъ чернью. Такъ, напримѣръ, въ Ларисѣ [7]) такъ называемые стражи гражданъ, избраніе которыхъ зависѣло отъ черни, стали заниматься демагогическою дѣятельностью. И вообще въ тѣхъ олигархическихъ государствахъ, гдѣ избирательное право при замѣ-

---

[1]) Дорійская колонія на мало-азійскомъ побережьѣ.

[2]) Іонійская колонія въ М. Азіи.

[3]) Знатная фамилія, правившая въ Эриѳрахъ послѣ отмѣны монархіи.

[4]) Ср. Ѳукидидъ, VIII, 89, 3: (демагоги) „и не думаютъ о равенствѣ съ прочими, напротивъ каждый жаждетъ первенства для себя“.

[5]) См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 359 сл.

[6]) См. тамъ же, 331, 341.

[7]) Въ Ѳессаліи.

щенія магистратуръ принадлежитъ не тому классу, изъ котораго избираются магистраты, но гдѣ избирателями являются тяжеловооруженные или простой народъ, тамъ, хотя бы достиженіе магистратуръ было обусловлено наличностью большого имущественнаго ценза или же принадлежностью къ гетэріямъ [1]), происходитъ то же самое, что имѣло мѣсто въ Абидосѣ [2]), [т. е. тамъ олигархія рушится изъ-за честолюбія самихъ же демагоговъ]. То же грозитъ и тѣмъ олигархическимъ государствамъ, гдѣ суды комплектуются не изъ среды лицъ, принадлежащихъ къ правительству: [привлекая на свою сторону народъ различными послабленіями] при судебныхъ разбирательствахъ, судьи [тѣмъ самымъ] обращаются въ демагоговъ и производятъ государственный переворотъ. Подобнаго рода фактъ имѣлъ мѣсто въ Гераклеѣ Понтійской.

6. Иногда государственный переворотъ происходитъ въ томъ случаѣ, когда въ олигархіяхъ власть сконцентрируется въ рукахъ еще меньшаго количества лицъ; тогда обойденные, стремясь получить равныя права [съ узурпаторами], видятъ себя вынужденными прибѣгнуть къ содѣйствію народа. Происходятъ государственные перевороты въ олигархіяхъ и тогда, когда нѣкоторые олигархи, ведя распутную жизнь, начнутъ посягать на имущества частныхъ лицъ; въ такомъ случаѣ эти люди стремятся провести [въ государственной жизни различнаго рода] нововведенія, и либо сами пытаются захватить тиранническую власть, либо подготовляютъ къ этому кого-либо другого; такъ, напримѣръ, Гиппаринъ въ Сиракузахъ выдвинулъ Діонисія [Младшаго] [3]). А въ Амфиполѣ нѣкто по имени Клеотимъ поселилъ въ городъ выходцевъ изъ Халкиды и затѣмъ вооружилъ ихъ противъ зажиточныхъ амфиполитянъ [4]). Точно такъ же тотъ уроженецъ Эгины, который велъ переговоры съ Харетомъ, попытался по той же самой причинѣ, [т. е. потому, что онъ растратилъ свое имущество], произвести государственный переворотъ на Эги-

---

[1]) Политическимъ клубамъ (главнымъ образомъ олигархическимъ, имѣвшимъ цѣлью низверженіе демократіи).

[2]) Милетская колонія на Геллеспонтѣ.

[3]) По Діодору, XVI, 6, 2 и Плутарху, *Діонъ*, 3, Гиппаринъ, одинъ изъ видныхъ сиракузцевъ, былъ тестемъ Діонисія Старшаго.

[4]) Ср. выше стр. 215.

нѣ [1]). 7. Иногда олигархи пробуютъ тотчасъ же возбудить въ народѣ то или иное движенiе, иногда они начинаютъ расхищать общественное добро, и тогда или въ средѣ самихъ же олигарховъ поднимается противъ такихъ лицъ мятежъ, или же граждане начинаютъ вести борьбу съ расхитителями, что имѣло мѣсто въ Аполлонiи Понтiйской. Но если среди олигарховъ царитъ согласiе, тогда не такъ-то легко олигархiя разлагается сама собой. Доказтельство этому даетъ государственный строй въ Фарсалѣ [2]), гдѣ небольшая группа олигарховъ держитъ надъ массою верховную власть въ своихъ рукахъ именно потому, что въ ихъ взаимныхъ отношенiяхъ они солидарны.

8. Олигархiя разрушается и въ томъ случаѣ, когда въ ней образуется другая олигархiя. Бываетъ это тогда, когда, при немногочисленности правящаго класса вообще, въ замѣщенiи высшихъ магистратуръ не участвуютъ даже всѣ эти немногiе. Это случилось нѣкогда въ Элидѣ [3]): тамъ государствомъ управляли олигархи, и изъ ихъ числа лишь очень немногiе попадали въ герусiю [4]), состоявшую всего изъ 90 пожизненныхъ членовъ. самые же выборы сосредоточены были, по династическому образцу. [въ рукахъ нѣсколькихъ знатныхъ фамилiй], подобно тому какъ происходили выборы въ спартанскую герусiю.

9. Крушенiе олигархiй можетъ произойти и въ военное и въ мирное время. Во время войны олигархи оказываются вынужденными, не довѣряя народу, пользоваться наемными войсками, и тотъ, кому они вручатъ [главную команду надъ ними], зачастую становится тиранномъ, какъ имъ сталъ, напримѣръ, въ Коринѳѣ Тимофанъ [5]); а если такихъ командировъ будетъ нѣсколько, то послѣднiе сами постараются добиться для себя власти [въ родѣ] династической [6]); иногда, впрочемъ, они, страшась этого, предоставляютъ и народной массѣ право на участiе въ го-

---

[1]) Ньюменъ усматриваетъ въ упоминаемомъ Харетѣ аѳинскаго полководца и относитъ упоминаемый фактъ къ 367 г. до Р. Хр.

[2]) Въ Ѳессалiи.

[3]) Главный городъ въ области того же имени въ Пелопоннесѣ.

[4]) Совѣтъ старѣйшинъ.

[5]) Въ 70-хъ гг. IV в. до Р. Хр.

[6]) Т. е. устроить такое правленiе, представлять которое будетъ еще меньшее количество лицъ, чѣмъ то было въ олигархiи.

сударственномъ управленіи, такъ какъ имъ безъ содѣйствія народа не обойтись. Во время мира олигархи, вслѣдствіе взаимнаго другъ къ другу недовѣрія, вручаютъ военную охрану государства наемному войску и дѣлаютъ начальникомъ его человѣка, занимающаго незаинтересованное положеніе [среди враждующихъ партій олигарховъ]; послѣдній иногда захватываетъ верховную власть надъ этими партіями. Такую власть захватилъ въ Ларисѣ Симъ при правленіи Алевадовъ, а въ Абидосѣ Ифіадъ во время господства тамъ гетэрій, къ одной изъ которыхъ Ифіадъ принадлежалъ [1]).

10. Причиною междоусобныхъ распрей въ олигархическихъ государствахъ бываетъ и то, что одни изъ олигарховъ отвергаютъ предложенія другихъ олигарховъ [породниться съ ними посредствомъ] заключенія брачныхъ союзовъ или поступаютъ враждебно [одни по отношенію къ другимъ] при [разбирательствѣ] судебныхъ процессовъ. Примѣры перваго рода, т. е. вражды олигарховъ изъ-за неудавшагося сватовства, были указаны выше [2]); между прочимъ олигархію всадническаго сословія въ Эретріи [3]) сокрушилъ Діагоръ, задѣтый также въ дѣлѣ, касающемся сватовства. А изъ-за судебнаго приговора произошло возмущеніе въ Гераклеѣ [4]) и въ Ѳивахъ: въ Гераклеѣ Еветіонъ, а въ Ѳивахъ Архій понесли заслуженную вполнѣ, правда, кару, какъ обвиненные въ прелюбодѣяніи, но выполненіе самого наказанія ихъ было произведено въ партійномъ духѣ: политическіе противники Еветіона и Архія до такой степени увлеклись партійною враждою, что выставили ихъ обоихъ на городской площади съ колодками на шеѣ.

11. Многія олигархіи были ниспровергнуты вслѣдствіе того, что онѣ носили слишкомъ деспотическій характеръ, чѣмъ и вызвали раздраженіе противъ себя со стороны части правящаго класса. Такъ было съ олигархіями въ Книдѣ и на Хіосѣ. Государственные перевороты въ такъ называемыхъ политіяхъ и олигархіяхъ зависятъ иногда и отъ простой случайности; это

---

[1]) Вѣроятно, имѣются въ виду событія, имѣвшія мѣсто въ половинѣ IV вѣка до Р. Хр.

[2]) См. выше стр. 216 сл.

[3]) На Евбеѣ. Ср. выше стр. 115.

[4]) Вѣроятно, Понтійской.

происходитъ тогда, когда замѣщеніе членовъ совѣта, суда и остальныхъ магистратуръ бываетъ обусловлено наличностью [у кандидатовъ на эти должности] имущественнаго ценза. Часто случается, что первоначально, въ зависимости отъ соотвѣтствующихъ обстоятельствъ, цензъ былъ установленъ правильный, такъ что, на основаніи его, въ олигархіяхъ дѣйствительно немногіе, а въ политіяхъ средній классъ участвовалъ въ государственномъ управленіи; затѣмъ, когда наступаетъ «благоденствіе» въ государствѣ, въ зависимости ли отъ господствующаго мира или всилу какихъ-либо другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, имущественная собственность, оставаясь тою же, какою она была первоначально, значительно поднимается въ расцѣнкѣ, такъ что всѣ граждане, [на основаніи своего имущественнаго ценза], должны получить доступъ къ занятію всѣхъ государственныхъ должностей. Въ такомъ случаѣ переворотъ или совершается постепенно, мало-по-малу, безшумно, или же онъ, [наоборотъ], наступаетъ и быстрѣе.

12. Вотъ причины междоусобныхъ распрей и въ связи съ ними государственныхъ переворотовъ въ олигархическихъ государствахъ. При этомъ нужно замѣтить вообще, что демократическій и олигархическій строй переходитъ иногда не въ соотвѣтственно имъ противоположный, но въ тотъ же самый; напримѣръ, изъ демократій и олигархій, ограниченныхъ законами, рождаются демократіи и олигархіи, гдѣ мѣсто закона занимаетъ уже произволъ, и наоборотъ.

6.

1. Въ государствахъ аристократическаго типа междоусобныя распри происходятъ отчасти вслѣдствіе того, что въ нихъ лишь немногія лица пользуются правами, связанными съ гражданскою честью; это обстоятельство, какъ указано выше, вызываетъ политическія движенія и въ олигархическихъ государствахъ, такъ какъ, въ сущности, аристократическій строй, въ извѣстномъ отношеніи, то же, что и олигархическій: и тутъ и тамъ къ правящему классу принадлежатъ немногіе, хотя принципъ, на основаніи котораго допускаются эти немногіе къ власти, въ обоихъ случаяхъ не одинаковъ. Во всякомъ случаѣ, указаннаго сходства достаточно для

того, чтобы можно было и аристократическій строй считать, [строго говоря], олигархическимъ. Особенно же указанный поводъ [къ распрямъ] приходится признавать неизбѣжнымъ въ томъ случаѣ, когда то или иное количество людей пришли къ горделивому сознанію того, что всѣ они сходны другъ съ другомъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ. Такъ было дѣло въ Лакедэмонѣ, гдѣ такъ называемыхъ Парѳеніевъ, опиравшихся на свое происхожденіе отъ «Одинаковыхъ» [1]), изобличили въ заговорѣ противъ государства и отправили въ Тарантъ основывать колонію [2]).

2. [Дальнѣйшими поводами къ крушенію аристократическаго строя являются слѣдующіе]: 1) когда кто-либо, будучи лицами видными по своему положенію и нисколько не уступающими, по своимъ нравственнымъ качествамъ, тѣмъ, которые пользуются бо́льшими привилегіями въ государствѣ, этимъ привилегированнымъ положеніемъ не пользуются; примѣромъ этого служитъ Лисандръ и отношеніе къ нему спартанскихъ царей [3]). 2) Когда кто-либо, будучи человѣкомъ мужественнымъ, не занимаетъ въ государствѣ надлежащаго почетнаго положенія, какъ, напримѣръ, Кинадонъ, устроившій при Агесилаѣ вооруженный заговоръ противъ спартіатовъ [4]). 3) Когда одна часть населенія въ государствѣ находится въ чрезмѣрно угнетенномъ матеріальномъ положеніи, а другая, напротивъ, слишкомъ благоденствуетъ; тогда возмущеніе происходитъ чаще всего во время войнъ, какъ то мы видимъ на примѣрѣ Лакедэмона во время Мессенской войны [5]), что ясно видно изъ

---

[1]) „Одинаковыми“, ὅμοιοι (ср. лат. pares, откуда пэры), назывались въ Лакедэмонѣ граждане, получавшіе воспитаніе на государственный счетъ, принимавшіе участіе въ общественной трапезѣ и жившіе по основамъ „Ликургова“ законодательства. Только они одни пользовались политическими правами и представляли, собственно, въ политическомъ смыслѣ спартанское государство.

[2]) Тарантъ былъ основанъ въ 705 г. до Р. Хр., по преданію, т. н. парѳеніями, незаконными дѣтьми спартанскихъ вдовъ и дѣвицъ, не имѣвшими полныхъ гражданскихъ правъ.

[3]) Агесилая и Павсанія. Ср. выше стр. 206.

[4]) О заговорѣ Кинадона въ Спартѣ въ 397 г. до Р. Хр. см. Ксенофонтъ, *Греческая исторія*, III, 3, 4 сл.

[5]) Имѣется въ виду Вторая Мессенская война (конецъ VII в.), когда, по словамъ Павсанія, IV, 18, 1—3, „въ Спартѣ былъ неурожай, поведшій за собою возмущеніе“. См. Пёльманъ, стр. 73.

стихотворенія Тиртэя «Благозаконіе» [1]): нѣкоторая часть гражданъ, угнетаемыхъ войною, требовала тогда передѣла земли. 4) Наконецъ, если кто-либо, занимая очень важное положеніе въ государствѣ и имѣя всѣ данныя къ тому, чтобы стать еще выше, поднимаетъ возмущеніе, чтобы стать единодержавнымъ; въ такомъ, повидимому, положеніи оказались Павсаній въ Лакедэмонѣ, бывшій главнокомандующимъ во время Персидскихъ войнъ [2]), и Аннонъ въ Карѳагенѣ [3]).

3. Но главною причиною крушенія политій и аристократій служатъ встрѣчающіеся въ ихъ государственной организаціи случаи правонарушенія. Зародышъ же крушенія заключается въ томъ, что въ политіи въ неправильной пропорціональности объединены элементы демократическій и олигархическій, въ аристократіи же оба эти элемента и элементъ добродѣтели, въ особенности два первыхъ, именно элементы демократическій и олигархическій, потому что именно ихъ-то и пытаются объединить въ своемъ государственномъ строѣ политіи и бо̀льшая часть такъ называемыхъ аристократій. 4. Вѣдь и отличаются другъ отъ друга [такъ называемыя] аристократіи отъ такъ называемыхъ политій только характеромъ объединенія въ каждой изъ нихъ указанныхъ элементовъ, и въ зависимости отъ того аристократіи менѣе, политіи болѣе устойчивы. Тотъ государственный строй, который отклоняется болѣе въ сторону олигархіи, называютъ аристократическимъ, а тотъ, ко-

---

[1]) Тиртэй—поэтъ и предводитель спартанцевъ во Второй Мессенской войнѣ.

[2]) См. Пёльманъ, стр. 147 сл. и ср. выше стр. 206.

[3]) Подробно о возмущеніи Аннона въ Карѳагенѣ, говоритъ Юстинъ, XXI, 4, относящій этотъ фактъ ко времени вторичной тиранніи въ Сиракузахъ Діонисія Младшаго (346—344). По словамъ Юстина, Аннонъ, одинъ изъ видныхъ карѳагенскихъ аристократовъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи силы, превосходившія силы государства, замыслилъ отравить, во время свадебнаго пира своей дочери, весь карѳагенскій сенатъ и затѣмъ захватить власть въ свои руки. Заговоръ былъ открытъ, но съ Аннономъ ничего не сдѣлали изъ страха предъ его могуществомъ. Послѣ того Аннонъ вторично попробовалъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, но когда и это не удалось, Аннонъ овладѣлъ, при помощи 20.000 вооруженныхъ рабовъ, однимъ изъ карѳагенскихъ укрѣпленій и призвалъ на помощь туземцевъ-африканцевъ и мавританскаго царя. Однако Аннонъ потерпѣлъ пораженіе и послѣ страшныхъ пытокъ былъ распятъ, а его сыновья и родственники были убиты.

торый болѣе склоняется въ сторону демократіи, именуется политіей. Поэтому политіи, въ смыслѣ сохраненія государственнаго строя, болѣе прочны, чѣмъ аристократіи: строй политіи опирается на большинство, да онъ имѣетъ и бо́льшую привлекательность въ томъ отношеніи, что при немъ осуществляется равноправіе [1]). Между тѣмъ если государственный строй предоставитъ значительный перевѣсъ политической силы въ руки тѣхъ, которые обладаютъ большимъ имущественнымъ достаткомъ, эти послѣдніе ищутъ случая впасть въ наглость и корыстолюбіе. 5. По какому изъ двухъ указанныхъ путей пойдетъ государственный строй, въ сторону того и будетъ клониться измѣненіе его, разъ тотъ или иной классъ въ государствѣ возобладаетъ въ своемъ значеніи, такъ что, слѣдовательно, политія перейдетъ въ демократію, аристократія—въ олигархію. А то измѣненіе пойдетъ и по діаметрально-противоположному пути, т. е. аристократія обратится въ демократію (это въ томъ случаѣ, если менѣе обезпеченный классъ, подъ вліяніемъ испытываемой имъ несправедливости, станетъ тянуть въ пользу демократіи), а политія—въ олигархію. Дѣло въ томъ, что устойчивымъ государственнымъ строемъ бываетъ единственно такой, при которомъ осуществляется равенство по достоинству и при которомъ каждый пользуется тѣмъ, что ему [по праву] принадлежитъ. 6. Съ подобнаго рода примѣромъ мы встрѣчаемся въ Ѳуріяхъ, гдѣ слишкомъ высокій имущественный цензъ, требовавшійся при замѣщеніи магистратуръ, былъ впослѣдствіи сокращенъ, а число самихъ магистратуръ увеличено [2]). А такъ какъ владѣніе всею земельною собственностью сосредоточено было, съ нарушеніемъ всякаго закона, въ рукахъ знатныхъ, то господствовавшій тогда въ Ѳуріяхъ государственный строй, клонившійся скорѣе въ сторону олигархіи, давалъ имъ возможность увеличивать свое состояніе... [3]). Народъ, развившій свои силы во время войны, одержалъ верхъ надъ ѳурійскимъ гарни-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Горгій*, 483 с: „толпа и люди слабые, представляя собою болѣе или менѣе ничтожество, все-таки питаютъ склонность къ тому, чтобы пользоваться равнымъ“ (съ противоположными имъ людьми).

[2]) Платонъ, *Политикъ*, 303 а, говоритъ, что одною изъ характерныхъ чертъ демократическаго строя является то, чтобы „магистратуры по малости были распредѣлены между многими“.

[3]) Пропускъ въ текстѣ.

зономъ и заставилъ тѣхъ, которые имѣли бо́льшіе земельные надѣлы, [чѣмъ это позволялось по закону], отступиться отъ нихъ [1]).

7. Сверхъ того всякаго рода аристократическій строй, какъ приближающійся къ строю олигархическому, ведетъ къ бо́льшему обогащенію знатныхъ. Это мы видимъ на примѣрѣ Лакедэмона, гдѣ собственность сосредоточена въ рукахъ немногихъ лицъ, гдѣ, поэтому, знатные болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ дѣлать все, что̀ хотятъ, могутъ родниться, съ кѣмъ желаютъ. И государственный строй Локровъ погибъ изъ-за такого брака Діонисія, какой не могъ бы имѣть мѣста ни въ демократическомъ, ни въ правильно организованномъ аристократическомъ государствѣ [2]). Аристократическія государства, однако, чаще всего мѣняютъ свой строй незамѣтно, разслабляя его, [такъ сказать], постепенно. Я и ранѣе, по поводу всѣхъ вообще формъ государственнаго строя, указывалъ на то, что и мелочныя причины ведутъ къ переворотамъ: сто̀итъ только пренебречь чѣмъ бы то ни было въ дѣлѣ государственнаго управленія, какъ послѣ этого начинаетъ легко сдвигаться съ своего мѣста и нѣчто болѣе существенное и что̀ легче дается въ руки, и такъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока весь государственный механизмъ не придетъ въ разстройство.

8. То же самое сказалось и въ государственномъ строѣ Ѳурій: тамъ былъ законъ, всилу котораго переизбраніе на должность стратега допускалось чрезъ пять лѣтъ; нѣкоторые граждане изъ молодыхъ, воинственно настроенные и пользовавшіеся расположеніемъ всего ѳурійскаго гарнизона, не обращая вниманія на лицъ, стоявшихъ у кормила правленія и разсчитывая на легкое осуществленіе [задуманнаго ими предпріятія], прежде всего попытались измѣнить вышеуказанный законъ въ томъ смыслѣ, что одни и тѣ же лица могутъ занимать должность стратега непрерывно; при этомъ они предполагали, что народъ охотно

---

[1]) Когда имѣло мѣсто указанное измѣненіе государственнаго строя въ Ѳуріяхъ, точно неизвѣстно—по мнѣнію Зуземиля, вскорѣ послѣ 411 г. до Р. Хр.

[2]) Послѣ самоубійства своей первой жены, Діонисій Старшій, тираннъ сиракузскій, женился одновременно на двухъ женщинахъ. Одна изъ нихъ была Дорида, дочь Ксенета, аристократа изъ Локровъ Эпизефирійскихъ. Отъ нея у Діонисія родился сынъ Діонисій (Младшій). Когда въ 357 г. до Р. Хр. Діонисій Младшій былъ изгнанъ изъ Сиракузъ Діономъ, онъ уѣхалъ въ Локры, гдѣ и сталъ тиранномъ.

будетъ избирать въ стратеги именно ихъ. Но ѳурійскіе магистраты, назначенные наблюдать за исполненіемъ упомянутаго закона (они назывались симбулами) [1]), сначала попробовали противиться измѣненію [закона], но потомъ вошли въ соглашеніе съ молодежью, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что она, измѣнивъ упомянутый законъ, въ остальномъ оставитъ государственный строй statu quo. Однако, когда впослѣдствіи симбулы хотѣли препятствовать задуманному молодежью измѣненію и другихъ законовъ, они тутъ ничего не могли подѣлать, и весь государственный порядокъ Ѳуріевъ измѣнился въ династическій строй, причемъ во главѣ его стали тѣ, кто началъ проводить нововведенія.

9. Всѣ формы государственнаго строя рушатся, впрочемъ, либо отъ внутреннихъ, либо отъ внѣшнихъ причинъ, коль скоро на мѣсто его вводится строй, ему діаметрально противоположный, либо близко къ нему приближающійся, либо, хотя и отличающійся отъ него, но въ сущности однородный съ нимъ по характеру. Это мы видимъ на примѣрахъ гегемоній Аѳинъ и Лакедэмона: аѳиняне отмѣняли повсюду олигархическія правленія, лакедэмоняне—демократическія [2]).

Теперь почти все сказано о причинахъ и поводахъ, ведущихъ къ междоусобнымъ распрямъ и государственнымъ переворотамъ.

7.

1. Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ говорить о тѣхъ спасительныхъ мѣропріятіяхъ, благодаря которымъ государству вообще и каждой изъ формъ государственнаго строя въ частности можно обезпечить устойчивое состояніе. Прежде всего ясно, что если намъ извѣстны причины, ведущія къ гибели государствъ, то мы тѣмъ самымъ знаемъ и причины, обусловливающія ихъ сохраненіе: противоположныя дѣйствія возникаютъ изъ противоположныхъ причинъ, а разрушеніе и сохраненіе противополож-

---

[1]) Σύμβουλοι—собственно совѣтники, можетъ быть, аналогичны пробуламъ (πρόβουλοι)—коллегіи, обязанностью которой было выработывать проекты законовъ или декретовъ, представляемыхъ на утвержденіе народнаго собранія.

[2]) Ср. выше стр. 182.

ныя дѣйствія. Въ томъ государственномъ строѣ, въ которомъ хорошо объединены элементы, способствующіе его жизненности, должно предохранять ихъ отъ какихъ-либо могущихъ ихъ постигнуть [со стороны гражданъ] правонарушеній, причемъ въ особенности слѣдуетъ обращать вниманіе на сохраненіе всѣхъ мелкихъ деталей [1]). 2. Правонарушенія прокрадываются въ государственную жизнь незамѣтно, все равно какъ ничтожная расточительность, стоитъ ей только укорениться, ведетъ къ потерѣ состоянія; она подтачиваетъ его незамѣтно именно потому, что совершается не сразу, [а мало-по-малу]; объясняется это тѣмъ, что [такая развивающаяся постепенно расточительность] затуманиваетъ разсудокъ подобнаго рода софизмомъ: если каждая отдѣльная часть мала, то и цѣлое невелико. А это отчасти такъ, отчасти не такъ: цѣлое, взятое во всей его совокупности, не мало, оно лишь состоитъ изъ мелкихъ частей. Такимъ образомъ, должно прежде всего остерегаться, какъ бы разрушеніе государства не началось, а затѣмъ уже не вѣрить тѣмъ софизмамъ, которые сочиняются для обморочиванія народной массы: софизмы эти будутъ изобличены самими фактами. А какіе софизмы мы называемъ софизмами политическими, объ этомъ сказано ранѣе [2]).

3. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что въ теченіе продолжительнаго времени сохраняются нѣкоторыя не только аристократическія, но и олигархическія государства, и не потому, что самый строй ихъ отличается [большею] прочностью, а благодаря лишь тому, что лица, занимающія магистратуры, хорошо относятся какъ къ лицамъ, не причастнымъ къ государственному

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 424 b—d: „попечители государства должны стремиться къ тому, чтобы его не коснулась порча, незамѣтно для нихъ самихъ; нужно строже всего наблюдать за тѣмъ, чтобы, вопреки установленному порядку, не вводилось нововведеній въ гимнастику и музыку, но охранять и ту и другую сколь можно тщательнѣе... Нарушеніе закона, входя такимъ путемъ, [т. е. по мелочамъ], легко остается скрытымъ... И происходитъ то, что оно мало-по-малу вкрадывается, далѣе внѣдряется въ навыки и занятія, а отсюда уже болѣе замѣтно переходитъ во взаимныя отношенія, а затѣмъ съ большею наглостью возстаетъ на законы и на правительство и, въ концѣ концовъ, ниспровергаетъ все и въ государственной и въ частной жизни“.

[2]) См. выше стр. 185 сл.

управленію, такъ и къ лицамъ, къ нему причастнымъ [1]): первыхъ они не притѣсняютъ и тѣхъ изъ нихъ, которые способны къ государственному правленію, привлекаютъ къ нему, честолюбивыхъ не лишаютъ ихъ привилегій, связанныхъ съ наличностью гражданскихъ правъ, не покушаются на стремленіе массы населенія улучшить свое матеріальное положеніе, во взаимныхъ же отношеніяхъ къ своей коллегіи, т. е. къ лицамъ, участвующимъ въ государственномъ управленіи, они стоятъ на почвѣ демократическаго равенства. Ибо то равенство, добиться котораго для народной массы стремятся демократы, при участіи въ управленіи «равноправныхъ» [въ аристократическомъ и олигархическомъ государствѣ], не только правомѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полезительно [2]). 4. Поэтому, при многочисленности правящей коллегіи, большую пользу приносятъ нѣкоторыя изъ демократическихъ узаконеній, напримѣръ, избраніе магистратовъ на полгода, чтобы всѣ «равноправные» могли поочереди быть магистратами: вѣдь «равноправные» олицетворяютъ собою какъ бы демократію, почему и среди нихъ, какъ объ этомъ было сказано выше, нерѣдко появляются демагоги [3]). Затѣмъ, [при такомъ кратковременномъ и очередномъ отправленіи магистратуръ], олигархическій и аристократическій строй не такъ-то легко могутъ перейти въ династическій: тѣ, кто короткое время стоятъ у власти, не съ такою легкостью позволятъ себѣ творить зло, какъ тѣ, кто стоитъ у нея продолжительное время, а это-то обстоятельство и ведетъ къ тому, что въ олигархическихъ и демократическихъ государствахъ рождаются тиранніи, причемъ и тутъ и тамъ къ тиранніи

---

[1]) Ср. Исократъ, *Къ Никоклу*, 16: „тѣ изъ олигархическихъ и остальныхъ государствъ сохраняются наибольшее время, въ которыхъ всего лучше умѣютъ ублажать народную массу". Плутархъ, *Изреченія спартанцевъ*, 1, приводитъ изреченіе, приписываемое спартанскому царю Ѳеопомпу, у котораго кто-то спросилъ, какимъ путемъ легче всего можно сохранить за собою царскую власть. Ѳеопомпъ отвѣчалъ: „предоставить друзьямъ справедливую свободу слова, не допускать, по мѣрѣ возможности, несправедливаго отношенія къ подданнымъ".

[2]) Ср. Исократъ, *Никоклъ*, 15: „олигархическія и демократическія государства стремятся предоставить равноправіе всѣмъ гражданамъ; и въ тѣхъ и въ другихъ считается благомъ то, чтобы одинъ предъ другимъ не могъ имѣть какихъ-либо привилегій".

[3]) См. выше стр. 224.

стремятся тѣ, кто пользуется наибольшимъ значеніемъ, т. е. въ демократіяхъ—демагоги, въ олигархіяхъ—«династы» [1]), либо тѣ, кто занимаетъ важнѣйшія магистратуры, и притомъ въ теченіе продолжительнаго времени.

5. Сохраненію государственнаго строя способствуетъ не только то, что изъ него удалены всѣ разрушительные элементы, но иногда и то, что эти элементы грозятъ своимъ появленіемъ: такого рода гроза, вселяя страхъ, побуждаетъ [гражданъ] отдавать предпочтеніе наличному государственному строю. Поэтому лица, пекущіеся о немъ, должны указывать гражданамъ на грозящую опасность [утратить существующій государственный строй], чтобы они охраняли его и непрестанно заботились о его прочности, подобно тому какъ заботятся они о ночной охранѣ, и при этомъ представлять близкимъ то, что, на самомъ дѣлѣ, далеко. Далѣе слѣдуетъ стараться соперничество и распри, возникающія среди знатныхъ лицъ, предупреждать средствами, предоставляемыми законами; то же должно дѣлать и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя соперничествомъ не заражены, чтобы оно не коснулось и ихъ. Сумѣть понять зараждающееся зло въ самомъ его началѣ—дѣло не перваго встрѣчнаго, а именно политическаго дѣятеля.

6. Въ цѣляхъ предупрежденія государственныхъ переворотовъ, связанныхъ въ олигархіяхъ и политіяхъ съ имущественнымъ цензомъ [гражданъ], именно въ томъ случаѣ, когда цензъ этотъ остается прежнимъ, между тѣмъ какъ денежные капиталы гражданъ возрастаютъ, полезно руководствоваться слѣдующимъ: нужно сравнивать сумму новаго ценза съ суммою прежняго, и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ревизія ценза происходитъ ежегодно, производить каждый же годъ и эту сравнительную расцѣнку; въ болѣе крупныхъ же государствахъ дѣлать это или чрезъ два года на третій, или чрезъ четыре на пятый. И если окажется, что подоходный капиталъ гражданъ увеличился или уменьшился сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда установлена была расцѣнка имущественнаго ценза по соображеніямъ государственнаго порядка, то слѣдуетъ издать и соотвѣтствующій законъ, касающійся либо увеличенія, либо уменьшенія суммы ценза въ данное время: расцѣнку нужно повысить, если подоходный капиталъ гражданъ увеличился,

---

[1]) Представители знатныхъ фамилій.

въ зависимости отъ степени его увеличенія,—понизить и уменьшить, разъ подоходный капиталъ убавился. 7. Если указанныхъ мѣръ не предпринимать, то, въ однихъ случаяхъ, олигархія можетъ перейти въ династію, а политія—въ олигархію, въ другихъ случаяхъ изъ политіи можетъ возникнуть демократія, а изъ олигархіи—политія или демократія.

И въ демократіяхъ и въ олигархіяхъ и въ монархіяхъ [1]) и при всякаго рода другомъ государственномъ строѣ общимъ правиломъ должно служить слѣдующее: ни одному гражданину не слѣдуетъ давать возможности чрезмѣрно увеличивать свою политическую силу, противу надлежащей мѣры; скорѣе нужно пытаться устроить такъ, чтобы предоставить гражданамъ возможность осуществлять ихъ политическія права въ небольшихъ размѣрахъ и на продолжительные сроки, нежели въ большихъ размѣрахъ, но на сроки кратковременные: послѣднее развращаетъ ихъ, да и не всякій способенъ достойно нести свой счастливый жребій [2]), Если же провести на практикѣ указанное общее правило не представляется возможнымъ, то не слѣдуетъ, предоставивъ гражданину полный комплексъ гражданскихъ правъ, сразу же ихъ всѣ и отнять; и то и другое слѣдуетъ дѣлать постепенно. 8. Лучше же всего попытаться, посредствомъ соотвѣтствующихъ законоположеній, наладить дѣло такъ, чтобы никто изъ гражданъ не выдавался очень своимъ значеніемъ, будетъ ли оно основываться на сочувствіи къ нему его друзей или на его матеріальномъ достаткѣ; въ противномъ случаѣ лучше удалять такихъ выдающихся людей за предѣлы государства. Такъ какъ нѣкоторые граждане заводятъ новшества въ государствѣ даже своимъ образомъ жизни, то слѣдуетъ установить такого рода магистратуру, которая надзирала бы за тѣми, образъ жизни которыхъ оказывается вреднымъ въ государственныхъ интересахъ, а именно въ демократіяхъ—въ интересахъ демократическаго строя, въ олигархіяхъ—олигархическаго и т. под., соотвѣтственно въ каждой изъ остальныхъ формъ государственнаго строя. По тѣмъ же причинамъ нужно остерегаться того, чтобы одна

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова καὶ ἐν μοναρχίᾳ пропущены.

[2]) Ср. слова Солона у Аристотеля, *Аѳинская политія*, 12: „сытость наглость порождаетъ, лишь только преизбытокъ счастья выпадетъ на долю тѣхъ людей, у которыхъ умъ нескладенъ“.

часть гражданскаго населенія благоденствовала [на счетъ другой]: врачебнымъ средствомъ противъ этого всегда является привлеченіе тѣхъ классовъ, которые этимъ благоденствіемъ не пользуются, къ тѣмъ или инымъ государственнымъ занятіямъ и магистратурамъ (противоположными классами населенія въ государствѣ я считаю: знатныхъ и народную массу, имущихъ и неимущихъ); при этомъ слѣдуетъ попытаться либо какимъ-нибудь образомъ сблизить неимущихъ съ имущими, либо усилить средній классъ въ государствѣ: послѣднее средство ведетъ къ прекращенію внутреннихъ распрей, на почвѣ неравенства возникающихъ.

9. Но самое главное при всякомъ государственномъ строѣ это — посредствомъ [соотвѣтствующихъ] законоположеній и остального распорядка устроить дѣло такъ, чтобы лицамъ, занимающимъ магистратуры, невозможно было обращать ихъ въ источникъ своего корыстолюбія. За этимъ съ особенною тщательностью должно слѣдить въ государствахъ олигархическихъ. Масса, исключенная отъ участія въ государственномъ управленіи, не очень уже негодуетъ на это, напротивъ, она даже довольна тѣмъ, если ей предоставятъ возможность спокойно заниматься своими личными дѣлами; но если масса того мнѣнія, что правящій классъ расхищаетъ общественное добро, то она печалуется на то, что ей не дано въ удѣлъ пользоваться почетомъ, сопряженнымъ съ властью въ государствѣ, и съ прибылью, [которую эта власть съ собою приноситъ]. 10. Если бы кому удалось устроить [на вполнѣ честныхъ началахъ] государственное правленіе, то единственно это облегчило бы возможность объединенія въ одномъ государствѣ демократическаго и аристократическаго строя: въ такомъ случаѣ и знать и народная масса могли бы имѣть то, чего и та и другая для себя желаютъ. Вѣдь, съ одной стороны, допустить всѣхъ къ государственному властвованію — принципъ, свойственный демократіи; съ другой стороны, предоставить магистратуры знатнымъ — принципъ, свойственный аристократіи; оба эти принципа объединятся въ томъ случаѣ, когда нельзя будетъ извлекать изъ магистратуръ личной выгоды. Въ самомъ дѣлѣ: въ такомъ случаѣ неимущіе не пожелаютъ быть у власти, такъ какъ съ нею не сопряжено какихъ-либо выгодъ, они обратятся скорѣе всего къ своимъ личнымъ дѣламъ, зажиточные же будутъ въ состояніи отправлять магистратуры, потому что, [благодаря своему богат-

ству] они не будутъ нуждаться ни въ какихъ побочныхъ доходахъ изъ общественныхъ суммъ. И въ результатѣ неимущимъ предоставлена будетъ возможность стать зажиточными, такъ какъ они окажутся въ состоянiи приналечь на свои дѣла, а знатные получатъ возможность не быть въ подчиненiи у первыхъ встрѣчныхъ. 11. А чтобы избѣжать расхищенiя общественнаго достоянiя, передача денежныхъ суммъ [магистратами ихъ преемникамъ] должна происходить въ присутствiи всего состава гражданъ, и копiи со счетовъ должны быть хранимы во фратрiяхъ, лохахъ и филахъ [1]; за безкорыстное отправленiе службы отличившимся должны быть воздаваемы установленныя закономъ почести. Въ государствахъ демократическихъ слѣдуетъ щадить зажиточныхъ и не подвергать раздѣлу не только ихъ имѣнiя, но и доходовъ, съ нихъ получаемыхъ (послѣднее иногда тайно совершается въ нѣкоторыхъ государствахъ); гораздо лучше удерживать [отъ излишнихъ тратъ] тѣхъ изъ зажиточныхъ, которые согласны предоставлять свои средства на государственныя повинности, сопряженныя съ большими расходами, но безполезныя, какъ, напримѣръ, постановку хоровъ для спектаклей, устройство факельцуговъ и т. п. 12. Напротивъ, въ государствахъ олигархическихъ слѣдуетъ прилагать большую заботливость по отношенiю къ неимущимъ, предоставлять имъ доходныя магистратуры [2], и если кто-либо изъ зажиточныхъ позволитъ себѣ нагло обходиться съ неимущими, налагать на виновнаго болѣе строгое взысканiе, чѣмъ если бы позволилъ себѣ сдѣлать это человѣкъ изъ неимущаго класса. Далѣе, фамильное имущество не должно переходить [къ наслѣдникамъ] по дарственной записи, но по праву родового наслѣдованiя, причемъ одинъ человѣкъ не долженъ получать нѣсколько наслѣдствъ, а только одно. Такимъ путемъ можно было бы соблюсти въ большей степени имущественное равенство, и большинство изъ малосостоятельныхъ достигло бы благосостоянiя. 13. Какъ для демократическихъ, такъ и для олигархическихъ

---

[1]) О фратрiяхъ и филахъ см. выше стр. 51. Лохами назывались обыкновенно военныя подраздѣленiя гражданъ, а также своего рода акцiонерныя компанiи, объединявшiяся на почвѣ денежныхъ интересовъ.

[2]) Ср. [Ксенофонтъ], *Аѳинская политiя*, I, 3: „народъ стремится къ тѣмъ магистратурамъ, которыя приносятъ доходъ и пользу для его домашняго хозяйства“.

государствъ принесла бы пользу слѣдующая мѣра: тѣмъ изъ гражданъ, которые пользуются своими политическими правами въ меньшемъ размѣрѣ [сравнительно съ остальными], удѣлять во всемъ прочемъ либо равное, либо предоставлять имъ даже высшее мѣсто (въ демократическихъ государствахъ это относится къ зажиточному классу, въ олигархическихъ—къ неимущему). Исключеніе должны составлять только верховныя магистратуры: ихъ должно вручать исключительно членамъ правящаго класса, или привлекать къ нимъ большинство послѣдняго.

14. Тремъ качествамъ должны удовлетворять тѣ лица, которыя собираются занимать верховныя должности [въ государственномъ управленіи]: 1) сочувствоватьсу ществующему государственному строю, 2) обладать большими способностями при выполненіи обязанностей, сопряженныхъ съ занимаемою имъ магистратурою, 3) быть добродѣтельными и справедливыми при каждой формѣ государственнаго строя въ соотвѣтствіи съ предъявляемыми ею требованіями. Вѣдь если не одно и то же считается правомѣрнымъ при всѣхъ формахъ государственнаго строя, то, неизбѣжно, и въ пониманіи того, что такое справедливость, существуетъ въ нихъ различіе. И вотъ возникаетъ затрудненіе: а что если три указанныхъ нами качества не окажутся на лицо у одного и того же субъекта, какой здѣсь должно сдѣлать выборъ? Напримѣръ, одинъ обладаетъ талантами полководца, но не высокихъ нравственныхъ качествъ и не сочувствуетъ данной формѣ государственнаго строя; другой—человѣкъ справедливый и любовно относящійся къ данной конституціи, но талантовъ полководческихъ не имѣетъ [1])—кого же изъ этихъ двухъ нужно предпочесть? 15. Кажется, въ данномъ случаѣ нужно считаться со слѣдующими двумя соображеніями: какими качествами въ большей степени и какими въ меньшей степени обладаютъ всѣ люди. Поэтому въ вопросѣ, касающемся военнаго предводительствованія, скорѣе нужно отдать предпочтеніе опытности въ военномъ дѣлѣ, нежели качествамъ, связаннымъ съ понятіемъ добродѣтели: военный талантъ встрѣчается рѣже, порядочность—чаще; въ вопросахъ, касающихся сохранности суммъ, вручаемыхъ казна-

[1]) Слѣдуя чтенію нѣкоторыхъ рукописей, читаю послѣ φίλος—μὴ στρατηγικὸς δέ.

чею, слѣдуетъ поступать наоборотъ: должность казначея требуетъ отъ лица, занимающаго ее, наличности добродѣтели въ большей степени, чѣмъ это свойственно большинству, а тѣ знанія, какія при этомъ потребны,—общее достояніе. Но можетъ возникнуть еще такого рода вопросъ: если у даннаго субъекта имѣются на лицо необходимыя способности и сочувствіе къ существующему государственному порядку, къ чему нужна еще добродѣтель? Онъ, вѣдь, принесетъ пользу и двумя этими своими качествами. Но развѣ не можетъ случиться, что субъекты, обладающіе ими, окажутся людьми, не знающими надъ собой удержа? И подобно тому, какъ они, зная и любя свои интересы, не въ состояніи все-таки сами себѣ прислуживать, такъ точно ничто имъ не помѣшаетъ прибѣгать къ услугамъ нѣкоторыхъ другихъ во вредъ интересамъ общественнымъ.

16. Въ общемъ же нужно сказать: все то, что̀, по нашему утвержденію, какъ основанное на законахъ, является для государства полезнымъ, служитъ и къ сохраненію его строя. Главнымъ же правиломъ будетъ то, которое уже неоднократно нами указывалось [1]): нужно наблюдать за тѣмъ, чтобы та часть населенія, которая желаетъ сохраненія существующаго строя, была сильнѣе той части, которая этого не желаетъ. Помимо всего этого не должно упускать изъ виду того, на что̀ не обращается вниманія въ тѣхъ государствахъ, строй которыхъ отклоняется отъ нормальнаго, именно на необходимость существованія въ государствѣ средняго класса; многое изъ того, что̀ считается элементами, свойственными демократіи, ослабляетъ демократическія государства, и многое изъ того, что̀ признается элементами, свойственными олигархіи, ослабляетъ олигархическія государства. 17. Тѣ, кто усматриваютъ въ демократіи или въ олигархіи единственное спасеніе, впадаютъ въ этомъ отношеніи въ преувеличеніе; они забываютъ, что въ данномъ случаѣ происходитъ то же, что̀ бываетъ съ носомъ: если носъ отклоняется отъ той формы, которая является самой красивой, т. е. прямолинейной, и становится либо кривымъ, либо курносымъ, но все-таки и при этомъ продолжаетъ оставаться красивымъ, онъ радуетъ нашъ взоръ; но если носъ еще болѣе уклонится въ сторону той или иной крайности, то

---

[1]) Ср. выше стр. 183 сл.

прежде всего нарушится соразмѣрное отношеніе отдѣльныхъ частей физіономіи, и въ концѣ концовъ дѣло дойдетъ до того, что эта соразмѣрность совершенно утратится, и носъ потеряетъ свой обликъ вслѣдствіе либо колоссальной либо слишкомъ малой формы; то же самое приложимо и къ остальнымъ частямъ человѣческаго тѣла. Этотъ законъ пропорціональности должно соблюдать и по отношенію ко всѣмъ формамъ государственнаго строя. 18. И олигархическій и демократическій строй, несмотря на ихъ отклоненіе отъ идеальнаго порядка, все-таки могутъ имѣть сносную организацію. Но если кто-либо начнетъ усиливать тотъ или другой строй, то прежде всего онъ его испортитъ, а въ концѣ концовъ обратитъ въ ничто. Поэтому законодатель и политическій дѣятель должны хорошо знать, какія демократическія учрежденія служатъ къ сохраненію демократическаго строя и какія ведутъ къ его гибели; то же самое и въ приложеніи къ олигархическому строю. Ни демократія, ни олигархія не могутъ продолжительное время существовать безъ наличности въ нихъ зажиточнаго класса и народной массы; но коль скоро проведено будетъ въ нихъ имущественное равенство, неизбѣжно возникнетъ изъ демократіи и олигархіи другой государственный строй. Такимъ образомъ, развращающіе зажиточный классъ и народную массу слишкомъ радикальными законами въ сущности разрушаютъ самое государство.

19. Подобнаго рода промахи встрѣчаются и въ демократіяхъ и въ олигархіяхъ; въ демократіяхъ, гдѣ народная масса является верховною распорядительницею въ дѣлѣ изданія законовъ, ошибку эту совершаютъ демагоги: ихъ борьба съ зажиточнымъ классомъ раздѣляетъ постоянно государство на два враждебныхъ лагеря. Наоборотъ, демагогамъ всегда слѣдовало бы говорить въ пользу зажиточнаго класса, а въ олигархіяхъ олигархи должны были бы радѣть объ интересахъ народа. И клятвенное обѣщаніе олигархи должны были бы давать совершенно противоположное тому, какое они даютъ теперь. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ олигархическихъ государствахъ олигархи клянутся такъ: «И буду я зломыслить противъ демоса и совѣтовать ему что ни на есть худое»; а слѣдовало бы держаться противоположной точки зрѣнія, и, прикидываясь доброжелателями демоса, олигархи должны были бы указывать въ своихъ клятвенныхъ обѣщаніяхъ на то, что «они не совершатъ ничего несправедливаго въ отношеніи демоса».

20. Но самое важное изъ всѣхъ указанныхъ нами средствъ, способствующихъ сохраненію государственнаго строя, средствъ, которыми нынѣ всѣ пренебрегаютъ, это—воспитаніе [юношества] въ духѣ соотвѣтствующаго государственнаго строя. Никакой пользы не принесутъ самые наиполезные законы, единогласно всѣми лицами, къ государству причастными, одобренные, если граждане не будутъ пріучены [къ государственному порядку], если они не будутъ въ духѣ его воспитаны, т. е. если основные законы государства—демократическіе, въ духѣ демократіи, олигархическіе,—въ духѣ олигархіи: если, вѣдь, не дисциплинированъ одинъ, не дисциплинировано и все государство [1]). 21. Задача же такого рода государственнаго воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы поступать въ угоду олигархамъ или сторонникамъ демократіи, но чтобы дать возможность первымъ поддерживать олигархическій строй, вторымъ—демократическій. Между тѣмъ въ настоящее время въ олигархіяхъ сыновья лицъ, принадлежащихъ къ правящему классу, избалованы, а сыновья неимущихъ закаляются до усталости гимнастическими упражненіями, и потому эти послѣдніе и предпочитаютъ замышлять [всякаго рода] новшества въ государственной жизни и въ состояніи осуществить свои замыслы [2]). 22. Въ демократическихъ же государствахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя таковыми признаются по преимуществу, дѣло воспитанія организовано вовсе не въ интересахъ государства, и причиною этого служитъ то, что тамъ плохо понимается, что́ такое свобода. Въ самомъ дѣлѣ, демократія обыкновенно характеризуется двумя принципами: 1) сосредоточеніемъ верховной власти въ рукахъ большинства и 2) свободою. Понятіе права, [по мнѣнію демократовъ], совпадаетъ съ понятіемъ равенства; равенство понимается въ томъ смыслѣ,

---

[1]) Аристотель имѣетъ въ виду, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, аѳинское государство, ср. Лаэртій Діогенъ, V, 17: „часто Аристотель, имѣя въ виду аѳинянъ, говорилъ, что они изобрѣли пшеницу и законы, но не умѣютъ утилизировать ни пшеницы, ни законовъ“.

[2]) Ср. Платонъ, *Государство*, VIII, 556 d: „часто исхудалый, загорѣлый бѣднякъ, стоя въ битвѣ рядомъ съ изнѣженнымъ, нагулявшимъ себѣ на чужой счетъ брюшко богачемъ, видитъ, какъ этотъ богачъ задыхается, какъ ему трудно; и развѣ не придетъ тогда бѣдняку на мысль, что такого рода богачи богаты только своею порочностью; а когда одинъ бѣднякъ бываетъ съ глазу на глазъ съ другимъ бѣднякомъ, развѣ не скажетъ онъ по поводу такихъ богачей: грошъ—цѣна нашимъ господамъ“.

*

что рѣшенія народной массы должны имѣть верховную силу, свобода же [1]) толкуется такъ: дѣлай каждый, что хочешь [2]). Вотъ и живетъ въ такого рода демократіяхъ каждый по своему желанію, или «по влеченію своего сердца», какъ говоритъ Еврипидъ [3]). А это плохо: должно, вѣдь, считать жизнь, согласующуюся съ даннымъ государственнымъ строемъ, не рабствомъ, но спасеніемъ [4]).

Вотъ въ общемъ тѣ причины, всилу которыхъ происходятъ перевороты въ государствахъ, ведущіе къ ихъ разрушенію, и тѣ средства, при помощи которыхъ государства сохраняются въ теченіе продолжительнаго времени.

8.

1. Остается разсмотрѣть, какія причины ведутъ къ разрушенію и какія средства служатъ къ предохраненію монархическаго строя. Судьбы монархіи и тиранніи почти сходны съ судьбами разсмотрѣнныхъ нами формъ государственнаго строя: монархія приближается, [по своему характеру], къ аристократіи, а тираннія состоитъ изъ соединенія крайней олигархіи и крайней демократіи. Поэтому-то тираннія—самый вредный для подданныхъ типъ государственнаго строя, такъ какъ она состоитъ изъ соединенія двухъ золъ и заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ отклоненія отъ нормы, всѣ ошибки, какія свойственны каждой изъ [двухъ указанныхъ только что] формъ государственнаго строя.

2. Происхожденіе каждаго изъ обоихъ видовъ монархическаго

---

[1]) Слѣдую одобряемой Иммишемъ поправкѣ Шпенгеля, выбрасывающаго изъ текста [καὶ ἴσον].

[2]) Ср. поговорку: „Керкира, ты свободна, испражняйся, гдѣ хочешь" А въ документахъ объ отпущеніи рабовъ на волю всегда говорилось: отпускаемый на волю рабъ будетъ отнынѣ „свободнымъ и во всемъ недосягаемымъ въ теченіе всей его жизни, можетъ дѣлать, что угодно и идти куда ему хочется".

[3]) Fr. 891 N.

[4]) Ср. Андокидъ, *Противъ Алкивіада*, 19: „я вижу всеобщее спасеніе въ повиновеніи правительству и законамъ". Эсхинъ, *Противъ Ктесифонта*, 6: „когда соблюдаютъ законы въ государствѣ, сохраняется и демократическій строй его". Аристотель, *Риторика*, I, 4, 1360 a 19: „въ законахъ—спасеніе государства".

строя восходитъ къ діаметрально-противоположному началу. Царская власть возникла для защиты привилегированнаго класса отъ народной массы. Царь назначается изъ среды этого класса всилу его превосходства въ добродѣтели или въ подвигахъ, зависящихъ отъ добродѣтели, лично ему присущей, либо свойственной его роду. Тираннъ же назначается изъ среды народа, именно народной массы, противъ знатныхъ, чтобы народъ не терпѣлъ никакой несправедливости отъ послѣднихъ. 3. Примѣры этого указываетъ исторія: бо̀льшая часть тиранновъ вышла, собственно говоря, изъ демагоговъ, которые пріобрѣли довѣріе народа тѣмъ, что они клеветали на знатныхъ [1]. И подобнымъ образомъ возникли [нѣкоторыя] тиранніи уже послѣ того, какъ государства, [гдѣ они возникали], развились до значительной силы. Другія тиранніи, предшествовавшія только что упомянутымъ, образовались изъ монархій, цари въ которыхъ нарушали отеческія преданія и стремились къ болѣе деспотической власти. Третьи тиранніи возникли въ средѣ лицъ, избранныхъ на высшія должности (въ древнія времена въ демократіяхъ назначались магистраты—гражданскіе и вѣдавшіе дѣла культа—на продолжительное время). Наконецъ, нѣкоторыя тиранніи вышли изъ олигархій, въ которыхъ какое-либо одно лицо избиралось на главнѣйшія магистратуры въ качествѣ верховнаго правителя. 4. При всѣхъ этихъ случаяхъ было легко—стоило только захотѣть—добиться тиранніи, благодаря тому значенію, какое доставляла однимъ царская власть, другимъ—ихъ почетное положеніе въ государствѣ. Такъ, Фидонъ въ Аргосѣ [2]) и другіе [3]) достигли тиранніи на основѣ царской власти, а іонійскіе правители [4]) и Фаларидъ [5]) стали тираннами всилу принадлежавшаго имъ почетнаго положенія въ государствѣ; Панэтій въ Леонтинахъ [6]), Кипселъ

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 565 d: „тираннія рождается и произростаетъ изъ предстоятельскаго корня“ (ἐκ προστατικῆς ῥίζης), причемъ подъ „предстоятелемъ“ здѣсь разумѣется то же, что имѣетъ въ виду Аристотель, говоря о демагогахъ.

[2]) См. Пёльманъ, стр. 72.

[3]) Напр. Харилай, о которомъ см. ниже V, 10, 3.

[4]) Напр. въ Милетѣ Ѳрасибулъ, въ Эфесѣ Пиѳагоръ.

[5]) Тираннъ въ Акрагантѣ, ок. 570 г. до Р. Хр.

[6]) Въ Сициліи въ концѣ VII в.

въ Коринѳѣ [1]), Писистратъ въ Аѳинахъ [2]), Діонисій въ Сиракузахъ и др. точно также изъ демагоговъ стали тираннами.

5. Какъ мы только что упомянули, монархія создается на тѣхъ же основахъ, что и аристократія: царская власть покоится на достоинствѣ царя, или всилу лично присущей ему, либо его роду, добродѣтели, или вслѣдствіе [оказанныхъ имъ государству] благодѣяній [3]), или вслѣдствіе этихъ послѣднихъ и того значенія, какимъ царь пользуется. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ лица, оказавшія тѣ или иныя благодѣянія, или бывшія въ состояніи сдѣлать это для государствъ или племенъ, достигали царскаго достоинства. Одни изъ нихъ во время войнъ спасли [государства] отъ грозящаго имъ рабства, какъ, напримѣръ, Кодръ [4]), другіе освободили государства [отъ рабскаго ига], какъ Киръ [5]), третьи положили основаніе государству или пріобрѣли для него территорію, какъ цари лакедэмонскіе, македонскіе, молосскіе [6]). 6. [Согласно своей роли], царь долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, владѣющія имущественною собственностью, не терпѣли ничего несправедливаго, а народъ ни въ чемъ не былъ оскорбляемъ [7]). Тираннъ же, какъ нами неоднократно было указываемо, не обращаетъ никакого вниманія на общественные интересы, а имѣетъ въ виду исключительно лишь свою личную выгоду. Цѣль жизни тиранна—стремленіе къ пріятному, цѣль жизни царя—стремленіе къ прекрасному. Тираннъ видитъ свое преимущество въ томъ, чтобы пріумножить свои матеріальныя средства, царь преимущественно имѣетъ въ виду усилить престижъ, связанный съ его

---

1) Ок. 657 г. до Р. Хр. См. Пёльманъ, стр. 93.

2) См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 69 сл.

3) Ср. выше стр. 142.

4) См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 32.

5) Основатель Персидскаго царства, который, по словамъ Геродота, III, 82, освободилъ персовъ отъ ига мидянъ.

6) Въ Эпирѣ.

7) Ср. Исократъ, *Къ Никоклу*, 16: „ты, [Никоклъ, царь Саламина Кипрскаго], прекрасно будешь руководить народомъ, если не позволишь толпѣ наглпчать и если не допустишь, чтобы надъ нею наглпчали, если ты, напротивъ, будешь слѣдить за тѣмъ, чтобы наиболѣе достойные получали принадлежащій имъ по праву почетъ въ государствѣ, а остальное населеніе ни въ чемъ не терпѣло несправедливости. Вотъ первыя и главныя правила хорошаго государственнаго строя“.

званіемъ [1]). Охрана царя состоитъ изъ гражданъ, охрана тиранна — изъ наемниковъ. 7. И легко доказать, что тираннія заключаетъ въ себѣ все то зло, что̀ присуще и демократіи и олигархіи. Какъ у олигарховъ, такъ и у тиранновъ конечная цѣль направлена на богатство, потому что, естественно, только при помощи его тиранны могутъ и держать при себѣ охрану и вести роскошный образъ жизни; общими чертами той и другой, [т. е. олигархіи и тиранніи], является полное недовѣріе къ народной массѣ: вотъ почему и тиранны и олигархи лишаютъ ее права носить оружіе, тѣснятъ чернь, удаляютъ ее изъ города и разсѣляютъ [по различнымъ мѣстамъ городской черты]. Отъ демократіи, съ другой стороны, тираннія заимствуетъ борьбу со знатными, стремленіе и тайно и явно съ ними раздѣлаться, отправить ихъ въ изгнаніе, такъ какъ въ знатныхъ тиранны и демократы видятъ своихъ соперниковъ въ искусствѣ управленія, лицъ, стоящихъ на пути къ ихъ власти. И, правда, случается, знатные составляютъ противъ тиранновъ заговоры, такъ какъ знатные, съ одной стороны, и сами желаютъ властвовать, а, съ другой стороны, имъ не по сердцу быть въ рабствѣ у тиранновъ. Этимъ-то и объясняется совѣтъ, данный Періандромъ Ѳрасибулу—подрѣзывать выдающіеся колосья; этимъ Періандръ хотѣлъ сказать, что нужно всегда стараться избавиться отъ гражданъ, выдающихся [своимъ значеніемъ] [2]).

8. Какъ уже было сказано, нужно признать, что причины государственныхъ переворотовъ въ монархіяхъ бываютъ тѣ же, что̀ и въ государствахъ конституціонныхъ: вслѣдствіе испытываемой несправедливости, страха, презрѣнія многіе изъ подданныхъ монархическихъ государствъ ополчаются противъ ихъ строя, особенно изъ-за несправедливости, ведущей къ наглости [со стороны правителей], а иногда также и вслѣдствіе того, что подданные

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, VIII, 12, 1160 b 2 сл. (стр. 157 перевода Э. Л. Радлова). Исократъ, *Письмо 7*, хвалитъ Тимоѳея, тиранна Гераклеи Понтійской за то, что „онъ предпочитаетъ пріобрѣсти себѣ добрую славу болѣе, чѣмъ скопить большое богатство". Ср. Діонъ Хрисостомъ, I, 50 R: „царь думаетъ, что, всилу своей власти, онъ долженъ придавать большее значеніе не деньгамъ и удовольствіямъ, но заботамъ и попеченіямъ [о своихъ подданныхъ]".

[2]) См. выше стр. 133.

лишаются принадлежащей имъ собственности. И цѣли государственныхъ переворотовъ тожественны какъ тамъ, такъ и здѣсь, т. е. какъ въ тиранніяхъ, такъ и въ монархіяхъ; монарху принадлежитъ и большое богатство и большой почетъ, а и къ тому и къ другому всѣ стремятся. 9. Покушенія происходятъ въ однихъ случахъ на личность правителей, въ другихъ—на присущую имъ власть. Тѣ покушенія, которыя совершаются изъ-за [проявляемой тираннами] наглости, направляются на самую личность ихъ. А такъ какъ наглость можетъ проявляться очень разнообразно, то каждое проявленіе ея, въ отдѣльности взятое, можетъ дать толчокъ къ раздраженію, причемъ бо̀льшая часть лицъ, приведенныхъ въ раздраженіе, совершаютъ покушенія на тиранновъ съ цѣлью отомстить имъ, а не съ цѣлью добиться высшаго положенія [1]). Такъ покушеніе на Писистратидовъ произошло вслѣдствіе того, что сестра Гармодія была однимъ изъ нихъ оскорблена, а самъ Гармодій также, въ свою очередь, обиженъ. И Гармодій мстилъ за сестру, а Аристогитонъ—за Гармодія [2]). Противъ Періандра, тиранна въ Амбракіи [3]), составленъ былъ заговоръ изъ-за того, что онъ, во время пирушки съ своимъ любовникомъ, спросилъ его, забеременѣлъ ли онъ уже отъ него. 10. Филиппъ [Македонскій] былъ убитъ Павсаніемъ за то, что онъ не защитилъ Павсанія отъ оскорбленія, нанесеннаго ему Атталомъ [4]). Аминта Малый былъ убитъ Дердою за то, что онъ хвастался своею любовною связью съ нимъ, когда тотъ былъ молодымъ человѣкомъ [5]). Тотъ же поводъ послужилъ къ заговору со стороны одного евнуха противъ Евагора Кипрскаго: его евнухъ убилъ за то оскорбленіе, которое нанесено было ему сыномъ Евагора, увлекшимъ его жену [6]). 11. Часто покушенія совершаются изъ-за того, что нѣкоторые изъ монарховъ состояли

---

[1]) Одинъ изъ учениковъ Аристотеля, Фаній Эресскій, написалъ спеціальный трактатъ: „убійство тиранновъ изъ-за мести“.

[2]) См. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 76 сл.

[3]) См. выше стр. 218.

[4]) Атталъ—знатный македонянинъ, дядя Клеопатры, супруги Филиппа. Павсаній—одинъ изъ тѣлохранителей Филиппа. Филиппъ убитъ въ 336 г. до Р. Хр.

[5]) Аминта II—македонскій царь (392—390), Дерда—правитель Элимеи (въ верхней Македоніи).

[6]) Евагоръ, кипрскій царь, убитъ въ 374—373 г. до Р. Хр.

въ предосудительныхъ плотскихъ сношеніяхъ съ заговорщиками. Таково было покушеніе Кратэя на Архелая [1]). Кратэй всегда тяготился своею связью съ Архелаемъ, такъ что оказалось достаточнымъ ничтожнаго предлога, чтобы покончить съ нимъ, а именно: Архелай обѣщалъ выдать за Кратэя одну изъ своихъ дочерей, но обѣщанія своего не сдержалъ; старшую свою дочь онъ выдалъ, застигнутый [врасплохъ] войною съ Сиррою и Аррабэемъ [2]), за элимейскаго царя, младшую—за своего сына Аминта [III], разсчитывая этимъ бракомъ примирить Аминту съ своимъ же сыномъ, рожденнымъ отъ Клеопатры (однако все-таки главною причиною непріязненнаго отношенія Кратэя къ Архелаю послужило то, что онъ тяготился любовною связью съ нимъ). Къ этому заговору противъ Архелая, по той же причинѣ, примкнулъ и Элланократъ изъ Ларисы. Архелай попользовался его молодостью, но не сдержалъ своего обѣщанія и не вернулъ его изъ его изгнанія на родину; и Элланократъ рѣшилъ тогда, что Архелай состоялъ съ нимъ раньше въ связи не по любовному влеченію, а просто, чтобы проявить надъ нимъ свою наглость. Пиоонъ и Гераклидъ, уроженцы Эна [3]), убили Котиса [4]), мстя за своего отца, а Адамантъ отложился отъ Котиса, оскорбленный тѣмъ, что онъ имъ былъ въ отрочествѣ оскопленъ.

12. Многіе, въ гнѣвѣ на то, что имъ нанесены были унизительныя оскорбленія дѣйствіемъ, обиженные этимъ поруганіемъ, либо составляли заговоры, либо расправлялись сами съ лицами, принадлежавшими къ правящему классу и даже къ царской фамиліи. Такъ, въ Митиленѣ [5]) Мегаклъ, составивъ съ своими приверженцами покушеніе на Пенѳилидовъ, которые, шатаясь по городу [6]), били встрѣчныхъ дубинами, перебилъ ихъ. А впослѣдствіи Смердисъ, который былъ избитъ Пенѳиломъ и выгнанъ

---

[1]) Архелай, македонскій царь, убитъ въ 399 г. до Р. Хр.

[2]) Аррабэй, правитель Линкестиды (въ верхней Македоніи), дѣдъ Евридики, супруги Аминта III, царя македонскаго, сына Архелая, правившаго въ 389—383 и 381—369 гг. до Р. Хр.; Сирра—отецъ Евридики.

[3]) Городъ во Ѳракіи.

[4]) Ѳракійскій властитель, убитъ въ 358 г. до Р. Хр.

[5]) Городъ на о-вѣ Лесбосѣ.

[6]) Слѣдую чтенію нѣкоторыхъ рукописей περιόντας.

изъ дома его жены, убилъ его [1]). Во главѣ покушенія на Архелая стоялъ Декамнихъ, настроившій предварительно заговорщиковъ противъ него. Декамнихъ былъ разгнѣванъ на Архелая потому, что послѣдній выдалъ Декамниха на бичеваніе поэту Еврипиду, который сердился на Декамниха за то, что тотъ сказалъ что-то вродѣ того, будто у Еврипида дурно пахнетъ изо рта [2]). 13. Подобнаго же рода поводы повели то къ убійству, то къ заговорамъ противъ многихъ другихъ властителей. Страхъ равнымъ образомъ ведетъ къ организаціи покушеній, потому что и онъ является одною изъ причинъ государственныхъ переворотовъ какъ въ монархическихъ государствахъ, такъ и въ конституціонныхъ. Напримѣръ, Артапанъ составилъ заговоръ противъ Ксеркса въ страхѣ за то, что на него будетъ сдѣланъ доносъ, такъ какъ онъ повѣсилъ Дарія, [сына Ксеркса], безъ приказанія послѣдняго; Артапанъ же сдѣлалъ это, надѣясь, что Ксерксъ проститъ его, не вспомнивъ того, что̀ онъ сказалъ ему во время обѣда [3]). Другія покушенія вызваны были чувствомъ презрѣнія [къ тѣмъ, противъ которыхъ они совершались]. Такой мотивъ, напримѣръ, послужилъ къ составленію покушенія противъ Сарданапалла [4]), котораго кто-то увидѣлъ, какъ онъ прялъ шерсть вмѣстѣ съ женщинами (если истинно то, что̀ объ этомъ разсказываютъ миѳологи [5]); но если и не съ Сарданапалломъ, то съ кѣмъ-либо другимъ это могло бы приключиться на самомъ дѣлѣ). На Діонисія [Младшаго] Діонъ составилъ покушеніе также изъ чувства презрѣнія къ нему: онъ видѣлъ, что Діонисія презираютъ и его сограждане, а самъ Діонисій всегда пьянъ [6]). 15. Изъ чувства презрѣнія устраиваются по-

---

[1]) Пенѳилиды—тиранны на Лесбосѣ въ VII в. до Р. Хр.

[2]) Ср. выше стр. 249.

[3]) Артапанъ (или Артабанъ), любимецъ Ксеркса. По Ктесію (*Перс. ист.*, 29—30), Юстину (III, 1) и Діодору (XI, 69), Артапанъ убилъ сначала Ксеркса, а затѣмъ возбудилъ подозрѣніе Артаксеркса противъ Дарія и покончилъ съ послѣднимъ.

[4]) Предпослѣдній ассирійскій царь, настоящее имя котораго было Ассурбанипалъ.

[5]) Имѣется въ виду ближайшимъ образомъ Ктесій.

[6]) Ср. Аристотель, *Сиракузская политія*, fr. 588 (= Аѳиней, X, 435 e): „Аристотель въ «Сиракузской политіи“ разсказываетъ, что Діонисій Младшій однажды пьянствовалъ девять дней подъ-рядъ, такъ что у него

кушенія и тѣми или иными друзьями властителя. Довѣріе, которымъ они у него пользуются, способствуетъ ихъ презрѣнію къ нему, и они надѣются, что замыслы ихъ останутся въ тайнѣ. Покушенія, изъ чувства презрѣнія къ правителямъ, совершаются и тѣми лицами, которыя разсчитываютъ, что они въ состояніи удержать власть какимъ-либо способомъ: полагаясь на свою силу и основываясь на ней, они относятся съ презрѣніемъ къ грозящей имъ опасности и съ легкостью въ сердцѣ пробуютъ привести въ исполненіе свои планы. Такими соображеніями руководствуются, напримѣръ, военачальники по отношенію къ своимъ монархамъ. Напримѣръ, Киръ составилъ заговоръ на Астіага, такъ какъ относился съ презрѣніемъ и къ его образу жизни и къ его военной силѣ: къ послѣдней изъ-за ея слабости, а къ образу жизни потому, что Астіагъ упивался роскошью. [Руководствуясь тѣмъ же], ѳракіецъ Севѳъ, полководецъ Амадока, составилъ заговоръ противъ послѣдняго [1]).

У нѣкоторыхъ къ составленію покушеній является нѣсколько побудительныхъ мотивовъ, напримѣръ, и презрѣніе, и корыстолюбіе, что имѣло мѣсто, хотя бы, при покушеніи Миѳридата на Аріобарзана [2]). Мотивами этого рода руководятся преимущественно такія лица, которыхъ природа наградила смѣлостью и которыя занимаютъ у монарховъ высокія военныя должности. Вѣдь храбрость, въ соединеніи съ силою, придаетъ смѣлости; и кто обладаетъ тою и другою, тѣ и устраиваютъ покушенія, и они легко удаются. 16. У лицъ, составляющихъ покушенія на почвѣ честолюбія, поводы бываютъ противоположны выше указаннымъ. Этими поводами не служатъ ни стремленіе къ большому богатству, ни жажда высокихъ почестей, что присуще тираннамъ и что побуждаетъ часто составлять покушенія на нихъ. Не этими мотивами руководствуясь, честолюбивый человѣкъ рѣшается рискнуть на опасное предпріятіе. Если мотивами покушеній въ первомъ случаѣ являются указанныя выше причины,

---

зрѣніе помутилось". Покушеніе Діона, дяди Діонисія, имѣло мѣсто въ 357 г. до Р. Хр. См. Пёльманъ, стр. 260.

[1]) Амадокъ—властитель одрисовъ во Ѳракіи въ концѣ V в.

[2]) Аріобарзанъ, сатрапъ (съ 387 г.) въ Даскиліи на Пропонтидѣ, былъ распятъ на крестѣ своимъ сыномъ Миѳридатомъ въ 362 г. до Р. Хр.

то тѣ покушенія, которыя совершаются на почвѣ честолюбія, исходятъ изъ совершенно иныхъ мотивовъ. И какъ если бы дѣло шло о какомъ необыкновенномъ поступкѣ, совершеніе котораго составило бы лицу, приведшему его въ исполненіе, имя и принесло бы ему извѣстность у всѣхъ остальныхъ людей, такъ честолюбцы расправляются съ монархами, стремясь пріобрѣсти себѣ тѣмъ самымъ не власть, монарху принадлежащую, но громкую славу. 17. Однако число тѣхъ, которые руководствуются такого рода соображеніями, очень ограничено. При покушеніяхъ на почвѣ честолюбія предполагается, что покушающійся долженъ совершенно не заботиться о своемъ спасеніи въ томъ случаѣ, если предпріятіе ему не удастся осуществить. Такого рода люди должны стоять на точкѣ зрѣнія Діона, а встать на нее многимъ не такъ-то легко: Діонъ пошелъ войной на Діонисія съ небольшимъ отрядомъ, причемъ говорилъ, что если дѣло его увѣнчается успѣхомъ, съ него достаточно и того, что онъ его предпринялъ; а если ему придется пасть тотчасъ же по вступленіи на вражескую почву, то такая смерть будетъ для него прекрасною смертью [1]).

18. Тираннія, какъ и всякая иная форма государственнаго строя, рушится также и вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, если только противъ нея ополчается какое-нибудь иное государство съ болѣе прочнымъ государственнымъ строемъ. Стремленіе къ такого рода низверженію тиранніи, очевидно, будетъ заключаться въ противорѣчіи принциповъ, [которые лежатъ въ основѣ тиранніи и въ основѣ другого болѣе прочнаго государственнаго строя]. А желаемаго достигаютъ всѣ, разъ они получатъ на то возможность. Демократія и тираннія—противоположныя другъ другу формы государственнаго строя, все равно какъ по Гесіоду [2]), одинъ гончаръ враждебенъ другому (строго говоря, впрочемъ, крайняя демократія—та же тираннія); съ другой стороны, враждебны монархія и аристократія изъ-за противоположности государственнаго строя той и другой (вотъ почему лакедэмоняне, равно какъ и сиракузяне, низвергли многія тиранніи въ ту пору, когда у нихъ былъ прекрасный государствен-

---

[1]) О Діонѣ см. выше стр. 250.
[2]) *Труды и Дни*, 25.

ный порядокъ) [1]). 19. Съ другой стороны, гибель тиранніи кроется въ ней самой, коль скоро лица, въ ней заинтересованныя, начнутъ между собою распри. Такъ [въ Сиракузахъ] пала тираннія Гелона и въ недавнее еще время тираннія Діонисія. Тираннія Гелона рушилась вслѣдствіе того, что Ѳрасибулъ, братъ Гіерона, демагогическими пріемами сталъ привлекать на свою сторону сына Гелона и возбуждать въ немъ низменные инстинкты, чтобы самому добиться власти. Когда же приверженцы сына Гелона сплотились и рѣшили не уничтожать окончательно тиранніи, но раздѣлаться съ Ѳрасибуломъ, сообщники Ѳрасибула, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, изгнали всѣхъ сторонниковъ тиранніи [2]). А Діонисія изгналъ изъ Сиракузъ его тесть Діонъ, склонивъ на свою сторону народъ, и послѣ того самъ погибъ [3]).

20. Два мотива, главнымъ образомъ, обусловливаютъ покушенія, дѣлаемыя на тиранніи: ненависть и презрѣніе. Первый изъ этихъ мотивовъ, т. е. ненависть, долженъ быть признанъ неизбѣжной спутницей тиранновъ; но многія изъ катастрофъ вызываются также и чувствомъ презрѣнія [къ тираннамъ]. Доказательствомъ этого служитъ слѣдующее: большинство тиранновъ, пріобрѣвшихъ господство, удержали его [за собою до конца своей жизни], но тѣ, кто имъ наслѣдовалъ, чуть ли не тотчасъ всѣ погибаютъ. И вотъ почему: ихъ жизнь, полная наслажденій, возбуждаетъ въ подданныхъ презрѣніе къ нимъ, что̀ и представляетъ много удобныхъ поводовъ для составленія покушеній. 21. Однимъ изъ элементовъ, присущихъ ненависти, должно считать и гнѣвъ, такъ какъ и онъ, до нѣкоторой степени, служитъ причиною тѣхъ же самыхъ дѣяній. Часто гнѣвъ бываетъ даже болѣе дѣйствительнымъ двигателемъ, чѣмъ ненависть, и покушенія, [вызываемыя гнѣвомъ], проводятся энергичнѣе, такъ какъ при гнѣвѣ, какъ одномъ изъ аффектовъ, разсудокъ безмолвствуетъ. Гнѣвъ же всего чаще возбуждается наглымъ поведеніемъ тиранновъ, что̀ и повело,

---

[1]) Ср. Ѳукидидъ, I, 18, 1: „тиранны Аѳинъ и большинство тиранновъ остальной Эллады, и раньше того долго томившейся подъ властью тиранніи, были, наконецъ, низвергнуты лакедэмонянами“. О Сиракузахъ ср. Пёльманъ, стр. 140 сл. Аристотель имѣетъ въ виду 466/5—413/2 гг. исторіи Сициліи.

[2]) Въ 466 г. до Р. Хр.

[3]) См. выше стр. 225, 232.

между прочимъ, къ крушенію тиранніи Писистратидовъ и многихъ другихъ тиранновъ. Зато ненависть болѣе разсудочна: гнѣвъ сопряженъ съ горестнымъ чувствомъ, при которомъ нелегко разсуждать; напротивъ, вражда [никакого осадка] горечи въ себѣ не содержитъ [1]).

Подводя итоги, должно сказать, что тѣ причины, которыя, согласно нашему утвержденію, ведутъ къ крушенію олигархіи въ ея чистомъ и законченномъ видѣ и крайней демократіи, способствуютъ и паденію тиранніи, такъ какъ и крайняя олигархія и крайняя демократія—тѣ же тиранніи, только распредѣленныя на нѣсколько лицъ.

22. Монархическій строй рѣже всего рушится вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, почему онъ и долговѣченъ. Зато въ самой монархіи заключается цѣлый рядъ элементовъ разрушенія. И погибаетъ она двоякимъ способомъ: 1) когда члены царской фамиліи ведутъ между собою распри, 2) въ томъ случаѣ, если цари пытаются проводить свое правленіе съ сильной тенденціей въ сторону тиранніи, а именно когда цари станутъ требовать расширенія прерогативъ своей власти и перестанутъ считаться съ требованіями закона. Въ наше время царствъ въ собственномъ смыслѣ болѣе нѣтъ, а если гдѣ они и бываютъ, то это скорѣе—правительства, олицетворяемыя однимъ лицомъ, и тиранніи. Царская власть обусловливается, съ одной стороны, добровольнымъ признаніемъ ея со стороны подданныхъ, съ другой—она представляетъ собою верховную инстанцію надъ дѣлами высшаго порядка. А теперь много «равныхъ», и никто изъ нихъ не выдается настолько, чтобы могъ

---

[1]) Ср. *Риторика*, II, 4, 30, 1382 а 1 сл.: „вражду порождаетъ гнѣвъ, оскорбленіе, клевета. Гнѣвъ проистекаетъ изъ вещей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нимъ самимъ, а вражда можетъ возникнуть и безъ этого, потому что разъ мы считаемъ человѣка такимъ-то, мы ненавидимъ его. Гнѣвъ всегда бываетъ направленъ противъ отдѣльныхъ объектовъ... а ненависть [можетъ быть направлена] и противъ цѣлаго ряда объектовъ, напримѣръ, всякій ненавидитъ вора и клеветника. Гнѣвъ врачуется временемъ, ненависть же неизлечима. Первый есть стремленіе вызвать досаду, а вторая [стремится причинить] зло, ибо человѣкъ гнѣвающійся желаетъ дать почувствовать свой гнѣвъ, а для человѣка, ненавидящаго это, совершенно безразлично... Гнѣвъ соединенъ съ чувствомъ истины, а ненависть не соединена съ нимъ“. [Переводъ Н. Н. Платоновой].

изъявлять претензіи на величіе и достоинство власти, [присущей монарху]. Поэтому-то подданные добровольно такой власти выносить не станутъ. А если кому удастся захватить власть путемъ обмана или насилія, то это, очевидно, поведетъ къ тиранніи. 23. Въ тѣхъ царствахъ, гдѣ власть переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, помимо указанныхъ причинъ, ведущихъ къ гибели, нужно указать еще и слѣдующія: 1) многіе изъ такихъ наслѣдственныхъ царей легко возбуждаютъ къ себѣ презрѣніе, 2) они правятъ надменно, не имѣя, однако, въ своемъ распоряженіи той силы, какую имѣютъ тиранны, но опираясь исключительно на престижъ, связанный съ понятіемъ царской власти. Тогда катастрофа наступаетъ быстро: разъ кого не желаютъ имѣть царемъ, то онъ уже царемъ и не будетъ; тираннъ же, напротивъ, остается тиранномъ, даже если его и не желаютъ имѣть таковымъ.

Итакъ, вотъ по какимъ и имъ подобнымъ причинамъ рушатся монархическія государства.

9.

1. Сохранность монархическихъ государствъ, очевидно, обусловливается, въ общемъ, причинами противоположными тѣмъ, которыя ведутъ къ ихъ крушенію; въ частности же сохраненіе монархическаго режима зависитъ отъ того, что онъ испытываетъ [своевременно тѣ или иныя] ограниченія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ менѣе верховныхъ полномочій будетъ имѣть царская власть, тѣмъ долѣе, очевидно, она сама по себѣ сохранится въ неприкосновенномъ видѣ: въ такомъ случаѣ сами цари становятся менѣе деспотическими, приближаются, въ своемъ поведеніи, къ своимъ подданнымъ, и всилу этого возбуждаютъ въ этихъ послѣднихъ зависть въ меньшей степени. На этомъ-то основаніи царская власть долго удерживалась у молоссовъ [1]). То же самое и въ Лакедэмонѣ, именно вслѣдствіе того, что съ самаго начала царская власть тамъ была подѣлена между двумя лицами, а также благодаря тому, что Ѳеопомпъ сократилъ, въ свою очередь, пре-

---

[1]) Народъ эллинскаго племени, перешедшій, по преданію, изъ Ѳессаліи въ Эпиръ и занявшій тамъ Додонскую область. Царство молоссовъ распалось лишь въ 192 г. до Р. Хр.

рогативы царской власти различными мѣрами, въ томъ числѣ учрежденіемъ эфоріи. Ѳеопомпъ, ослабивъ значеніе царской власти, тѣмъ самымъ способствовалъ продолжительности ея существованія, такъ что въ извѣстномъ отношеніи Ѳеопомпъ царскую власть не умалилъ, а, напротивъ, возвеличилъ. Говорятъ, такого рода мысль самъ Ѳеопомпъ вложилъ въ свой отвѣтъ его женѣ, которая сказала ему, не стыдно ли ему, что онъ передаетъ своимъ сыновьямъ царскую власть въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ какъ онъ унаслѣдовалъ ее отъ отца. «Нисколько не стыдно», отвѣчалъ Ѳеопомпъ: «такъ какъ я передаю имъ ее болѣе долговѣчною» [1]).

2. Тираннія сохраняется двумя діаметрально-противоположными способами. Одинъ изъ нихъ—традиціоннаго характера, и имъ руководствуется большинство тиранновъ въ своемъ правленіи. Говорятъ, что въ значительной своей части способъ этотъ установленъ былъ Періандромъ Коринѳскимъ [2]); съ другой стороны, многое въ этомъ способѣ могло быть заимствовано и изъ Персидской державы. Нѣкоторыя изъ средствъ, способствующихъ возможному сохраненію тиранніи, нами уже ранѣе были указаны; однимъ изъ нихъ является, напримѣръ, «подрѣзывать» всѣхъ лицъ, чѣмъ-либо выдающихся, убирать прочь съ дороги всѣхъ людей гордыхъ, не дозволять организаціи сисситій, гетэрій, не заводить [общественнаго] воспитанія [3]) и т. под., вообще остерегаться всего того, чтó можетъ повести къ развитію чувствъ самолюбія и солидарности, не допускать заводить школъ или какихъ-либо другихъ обществъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли, и вообще устраивать все такъ, чтобы всѣ оставались по преимуществу чужими другъ къ другу, такъ какъ взаимное общеніе способствуетъ образованію солидарности [4]). 3. Далѣе нужно устроить такъ,

---

[1]) Ѳеопомпъ правилъ въ Спартѣ во второй половинѣ VIII в. до Р. Хр.

[2]) 627—586 гг. до Р. Хр. См. Пёльманъ, стр. 93.

[3]) Ср. Исократъ, *Никоклъ*, 54: „безъ моего разрѣшенія не заводите ни гетэрій, ни съѣздовъ: подобнаго рода организаціи во всѣхъ другихъ государствахъ имѣютъ очень важное значеніе, но въ монархическихъ государствахъ они рискованны“.

[4]) Одинъ тираннъ на Кефаллепіи запретилъ подданнымъ „имѣть въ мѣсяцъ болѣе, чѣмъ два праздника, и оставаться въ городѣ болѣе десяти дней“ [Гераклидъ Понтійскій], *О государственномъ строѣ*, 32 (F. H. G. II, 222 M).

чтобы всѣ лица, пребывающія въ городѣ, постоянно были на виду и проводили свое время предъ дверьми своихъ домовъ: тогда имъ наиболѣе затруднительно будетъ скрыть то, чѣмъ они занимаются; да и находясь постоянно какъ бы на положеніи рабовъ, они привыкнутъ быть смирными [1]). [Можно присоединить] также другія правила подобнаго же рода, правила, которыми руководствуются для поддержанія тиранніи въ Персіи и въ варварскихъ странахъ. Всѣ такого рода правила преслѣдуютъ одну цѣль. Тираннъ долженъ постараться устроить такъ, чтобы отъ него ничего не ускользывало изъ того, о чемъ говорятъ или чѣмъ занимаются его подданные [2]); онъ долженъ держать шпіоновъ, вродѣ, напримѣръ, бывшихъ въ Сиракузахъ такъ называемыхъ «приводительницъ» [3]), или тѣхъ «подслушивателей» [4]), которыхъ всякій разъ подсылалъ Гіеронъ туда, гдѣ происходило какое-нибудь дружеское собраніе или засѣданіе: въ страхѣ предъ такого рода лицами подданные отвыкаютъ свободно обмѣниваться мыслями, а если и станутъ говорить свободно, то скрыть имъ свои рѣчи труднѣе. 4. Тиранну слѣдуетъ возбуждать среди согражданъ взаимную вражду и ссоры, вооружать друзей противъ друзей, простой народъ противъ знати, богачей противъ богачей. Въ виды тиранна входитъ также раззорять своихъ подданныхъ [5]), чтобы, съ одной стороны, [на ихъ сред-

---

[1]) Ср. Исократъ, *Панегирикъ*, 151: „монархическій строй принижаетъ духъ гражданъ и дѣлаетъ его робкимъ: находясь постоянно при царской резиденціи, пресмыкаясь предъ царями и всячески погашая въ себѣ всѣ болѣе или менѣе возвышенныя мысли, граждане преклоняются предъ смертнымъ человѣкомъ и зовутъ его божествомъ и относятся съ презрѣніемъ скорѣе къ богамъ, чѣмъ къ людямъ“.

[2]) Исократъ, *Къ Никоклу*, 23, совѣтуетъ Никоклу, тиранну Кипрскаго Саламина: „покажи себя страшнымъ, дабы ничто изъ происходящаго не укрывалось отъ тебя“. Фригійскій царь Мидасъ „держалъ при себѣ многихъ вѣстовыхъ, которые доносили ему о томъ, что говорятъ и чѣмъ занимаются его подданные; благодаря этому не было покушеній на власть Мидаса и онъ дожилъ царемъ до старости, причемъ и говорили про него, что у него длинныя уши“ (Кононъ въ *Библіотекѣ* Фотія, cod. 186, p. 130 b 40 Bekker).

[3]) ποταγωγίδες—шпіоны-женщины.

[4]) ὠτακουσταί.

[5]) Ср. Платонъ, *Государство*, 567 a: (тираннъ предпринимаетъ войны)

ства имѣть возможность] содержать свою охрану [1]) и чтобы, съ другой стороны, подданные, будучи заняты заботами объ ежедневномъ пропитаніи, не имѣли досуга составлять противъ него заговоровъ. Примѣрами такого рода образа дѣйствія тиранновъ могутъ служить: возведеніе египетскихъ пирамидъ [2]), сооруженіе обѣтныхъ даровъ Кипселидовъ [3]), построеніе Олимпійскаго храма Писистратидами [4]), а на Самосѣ Поликратовскія работы [5]). Всѣ подобнаго рода предпріятія разсчитаны на одно и то же: бѣдность подданныхъ [тиранна] и [вслѣдствіе этой бѣдности] отсутствіе у нихъ свободнаго времени [для вмѣшательства въ государственныя дѣла]. 5. Сюда же относится и организація податной системы вродѣ того, какъ она была организована въ Сиракузахъ, гдѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, при правленіи Діонисія [Старшаго], вся собственность его подданныхъ ушла на уплату податей. Тираннъ долженъ вести и войны, чтобы подданные его не имѣли вслѣдствіе этого свободнаго времени и постоянно нуждались въ руководителѣ [6]). Въ то время какъ царская власть поддерживается друзьями царя, тиранну свойственно менѣе всего довѣрять имъ [7]), такъ какъ хотя и всѣ желали бы устроить на его власть покушеніе, но осуществить это всего болѣе способны его друзья.

6. Всѣ тѣ признаки, которые характеризуютъ крайнюю демо-

„съ тою цѣлью, чтобы подданные отъ взносовъ на военныя потребности раззорились, принуждены были всилу этого заботиться о своемъ повседневномъ существованіи и тѣмъ самымъ имѣли меньше возможности составлять противъ тиранна заговоры“.

[1]) Слѣдую чтенію Викторія: ἤ τε вм. μήτε.

[2]) Ср. Геродотъ, II, 124: (Хеопсъ) „заставилъ всѣхъ египтянъ работать на него“, и далѣе разсказъ о постройкѣ пирамидъ.

[3]) Дары эти были посвящены коринѳскими тираннами Кипселидами въ Дельфы и въ Олимпію.

[4]) Храмъ Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ началъ строить Писистратъ, постройку продолжалъ его сынъ Гиппій, но не довелъ до конца.

[5]) См. Пёльманъ, стр. 88.

[6]) Ср. Платонъ, *Государство*, 566 е: (тираннъ) „прежде всего всегда старается предпринять какія-либо войны, чтобы народъ нуждался въ руководителѣ“. И Платонъ и Аристотель, вѣроятно, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ Діонисія Старшаго, о чемъ см. Пёльманъ, стр. 259 сл.

[7]) Ср. Эсхилъ, *Промеѳей*, 224: „врожденная болѣзнь у тиранніи—недовѣріе къ друзьямъ“.

кратію, свойственны также и тиранніи: господство женщинъ въ семейномъ быту, отчего тайны мужей должны сильно пострадать, и по той же причинѣ своевольничанье рабовъ; рабы и женщины не злоумышляютъ противъ тиранновъ, напротивъ, пользуясь при господствѣ ихъ благоденствіемъ, и тѣ и другія, разумѣется, благосклонно относятся и къ тиранніямъ и къ демократіямъ (вѣдь и демосъ желаетъ быть своего рода монархомъ). Отсюда и тутъ и тамъ льстецы пользуются большимъ почетомъ: въ демократіяхъ—демагогъ, этотъ льстецъ народа, а въ тиранніяхъ—люди, держащіе себя униженно, что̀ могутъ дѣлать только льстецы. Это ведетъ къ тому, что тиранны любятъ все дурное въ людяхъ [1]); когда имъ льстятъ, они этому рады; а льстить развѣ станетъ какой-либо свободомыслящій человѣкъ? Благородные люди могутъ любить, или, во всякомъ случаѣ, они не способны льстить. Плохіе же люди способны на все дурное: «клинъ клиномъ выбивай»—говоритъ пословица. 7. Тиранническій принципъ—не сочувствовать ничему возвышенному, ничему свободному. На эти качества претендуетъ только самъ тираннъ, а если находится, наоборотъ, человѣкъ, обладающій высокими чувствами, преклоняющійся предъ свободою, то тѣмъ самымъ онъ лишаетъ тираннію того, что̀ даетъ ей деспотическое превосходство. Поэтому-то такихъ людей, какъ способныхъ рушить ихъ господство, тиранны ненавидятъ. Тираннъ приглашаетъ къ своему столу и вообще ведетъ компанію предпочтительнѣе съ иноземцами, чѣмъ съ мѣстными гражданами [2]): на послѣднихъ онъ смотритъ какъ на своихъ враговъ, тогда какъ первые, [онъ знаетъ], не станутъ къ нему въ оппозицію. Вотъ какими и имъ подобными средствами тираннъ старается сохранить свою власть; все это—средства совершенно низменнаго характера.

8. Все то, что̀ нами было до сихъ поръ разсмотрѣно, можно, говоря коротко, свести къ тремъ пунктамъ. Именно тираннъ стремится къ проведенію трехъ цѣлей: 1) вселить малодушное на-

---

[1]) Ср. Геродотъ, III, 80: (тираннъ) „любитъ самыхъ негодныхъ изъ горожанъ“. Еврипидъ, *Іонъ*, 626: „тиранну дурныхъ друзей имѣть отрадно“.

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *Гіеронъ*, 6, 5: (Гіеронъ) „довѣряетъ болѣе иноземцамъ, чѣмъ своимъ гражданамъ, варварамъ болѣе, чѣмъ эллинамъ“.

строеніе въ своихъ подданныхъ, такъ какъ человѣкъ малодушный не станетъ составлять противъ кого-либо заговоровъ; 2) поселить въ среду своихъ подданныхъ взаимное недовѣріе: тираннія можетъ рушиться только тогда, когда часть гражданъ будутъ взаимно довѣрять другъ другу [2]); поэтому тиранны—враги всѣхъ нравственно-благородныхъ людей, какъ опасныхъ для ихъ господства, и не только потому, что эти нравственно-благородные не претендуютъ на деспотическую власть, но и потому, что они пользуются довѣріемъ, какъ въ своей средѣ, такъ и среди другихъ, и не станутъ заниматься доносами ни на своихъ, ни на чужихъ; 3) лишить подданныхъ политической энергіи: никто не возьмется за приведеніе въ исполненіе того, для чего у него нѣтъ силъ, такъ что не станетъ покушаться и на низверженіе тиранніи, разъ у него нѣтъ на то силы. 9. На указанные три пункта направлены всѣ помыслы тиранновъ; на нихъ основаны всѣ ихъ средства къ удержанію тиранніи. Ихъ можно было бы свести къ слѣдующимъ предпосылкамъ: 1) вселить въ подданныхъ взаимное недовѣріе, 2) лишить ихъ политической силы, 3) развить среди нихъ малодушіе. Вотъ одинъ способъ, посредствомъ котораго тираннія можетъ достигнуть своего сохраненія.

10. Другой способъ заставляетъ тиранновъ избрать путь, почти противоположный вышеуказанному. Этотъ способъ можно понять, припомнивъ то, что̀ сказано нами объ обстоятельствахъ, ведущихъ къ крушенію царской власти. Подобно тому, какъ одинъ изъ способовъ, содѣйствующихъ ея уничтоженію, заключается въ томъ, чтобы придать царской власти болѣе тиранническій оттѣнокъ, такъ спасительнымъ средствомъ для тиранніи оказывается сдѣлать тиранническую власть похожей скорѣе на власть царскую. При этомъ тиранну нужно стараться только объ одномъ—удержать въ своихъ рукахъ власть, чтобы ее чувствовали не только желающіе ей подчиняться, но и не желающіе. А если тираннъ упуститъ изъ своихъ рукъ власть, потеряетъ онъ и тираннію. Но это должно оставаться, такъ сказать, въ умѣ тиранна, въ своей же дѣятельности онъ долженъ поступать или представляться поступающимъ, какъ отличный актеръ въ роли царя. 11. Прежде всего ему надлежитъ

1) Вмѣсто рукописнаго ἑαυτοῖς и предложенной Шпенгелемъ поправки ἑαυτοῖς ⟨καὶ τοῖς ἄλλοις⟩ не читать ли ἀλλήλοις?

заботиться [1]) объ общественномъ достояніи, избѣгать тратить деньги на такія награды, которыя возбуждаютъ въ народной массѣ чувство неудовольствія, именно когда она видитъ, что то, что получается отъ ея работы и скуднаго заработка, щедро раздается гетэрамъ, иноземцамъ, [всякаго рода] артистамъ [2]). Тираннъ долженъ давать отчетъ въ приходахъ и расходахъ, какъ уже и поступали нѣкоторые изъ тиранновъ [3]). Поступая такимъ образомъ, тираннъ покажется скорѣе не тиранномъ, а домоправителемъ; при этомъ тиранну нечего безпокоиться о томъ, что у него можетъ не оказаться денегъ: вѣдь верховная-то власть въ государствѣ—въ его рукахъ. 12. Когда тираннамъ приходится уѣзжать за предѣлы своего государства, имъ полезнѣе даже не имѣть денегъ, чѣмъ оставлять накопленныя ими сокровища, потому что въ такомъ случаѣ тѣ, на которыхъ возложена охрана государственнаго порядка, скорѣе, пожалуй, покусятся на ихъ власть. Эта охрана представляетъ бо̀льшую, нежели граждане, опасность для тиранновъ во время ихъ отсутствія, такъ какъ граждане [4]) сопутствуютъ тиранну, охрана же остается въ городѣ. Затѣмъ тиранну слѣдуетъ поступать такъ, чтобы было ясно, что подати и добровольные взносы собираются на поддержаніе государственнаго хозяйства, и если придется употреблять ихъ на военныя нужды, то тираннъ долженъ вообще являть себя охранителемъ и казначеемъ ихъ, какъ суммъ общественныхъ, а не какъ суммъ частныхъ. 13. Когда тираннъ появляется къ народу, ему слѣдуетъ держать себя не надменно, но величественно, вообще такъ, чтобы встрѣчные съ нимъ его не боялись, а скорѣе уважали. Правда, достигнуть этого тиранну, какъ человѣку, котораго свойственно презирать, не такъ-то легко. Вотъ почему тиранну слѣдуетъ, если онъ даже и не печется объ остальныхъ добродѣтеляхъ, заботиться все-таки о воинской доблести и вселять въ своихъ подданныхъ, по крайней мѣрѣ, та-

---

1) Слѣдуя Шпенгелю и Иммишу, удаляю τοῦ δοκεῖν предъ φροντίζειν.

2) Ср. Исократъ, *О мирѣ*, 91: „у тиранновъ вошло въ обычай доставлять себѣ удовольствія трудами остального населенія“. Архилохъ, fr. 142 B говорилъ: „часто тѣ деньги, которыя собираются съ большимъ трудомъ, по оболу, текутъ въ брюхо распутницамъ“.

3) Напримѣръ, Гелонъ въ Сиракузахъ (Діодоръ, XI, 26, 5), Микиѳъ, тираннъ Регія (Діодоръ, XI, 66).

4) Вѣроятно, имѣются въ виду наиболѣе знатные изъ горожанъ.

кого рода о немъ представленіе. Не только самъ тираннъ, но и никто изъ его свиты не должны позволять себѣ наглыхъ поступковъ въ отношеніи кого-либо изъ подданныхъ, не посягать ни на юношей, ни на дѣвушекъ. Онъ долженъ точно также удерживать придворныхъ дамъ отъ надменныхъ поступковъ по отношенію къ остальнымъ женщинамъ, такъ какъ изъ-за женской наглости многія тиранніи пришли къ погибели.

14. По части физическихъ удовольствій и развлеченій нужно поступать не такъ, какъ поступаютъ теперь кое-какіе изъ тиранновъ [1]), которые предаются имъ не только съ ранняго утра, подрядъ нѣсколько дней, но стремятся дѣлать это на показъ другимъ, чтобы на нихъ смотрѣли съ изумленіемъ, какъ на людей счастливыхъ и блаженныхъ. Нѣтъ, тираннъ долженъ быть особенно умѣренъ во всемъ этомъ [2]), или же, въ крайнемъ случаѣ, избѣгать дѣлать это на показъ другимъ. Нападаютъ и презираютъ не трезваго, а пьянаго, не бодрствующаго, а спящаго. 15. Однимъ словомъ, тираннъ долженъ поступать почти во всемъ не такъ, какъ мы ранѣе характеризовали тиранновъ. Онъ долженъ устраивать и украшать государство не какъ тираннъ, а какъ опекунъ. Помимо этого, тиранну надлежитъ постоянно съ особымъ рвеніемъ, хотя бы только по виду, относиться ко всему, касающемуся религіознаго культа: если подданные считаютъ правителя богобоязненнымъ человѣкомъ и усерднымъ въ дѣлахъ культа, они менѣе будутъ опасаться потерпѣть отъ него какое-либо беззаконіе, они рѣже станутъ злоумышлять противъ него, такъ какъ на его сторонѣ союзники боги [3]). Но при этомъ тираннъ не долженъ казаться религіознымъ изувѣромъ. 16. Лицъ, отличающихся въ чемъ-либо, тираннъ долженъ окружить такимъ почетомъ, чтобы имъ и въ голову не приходило, будто они могутъ получить бо́льшій почетъ отъ гражданъ

---

[1]) Вѣроятно, Аристотель имѣетъ въ виду Діонисія Младшаго Сиракузскаго, Никокла, тиранна Кипрскаго Саламина.

[2]) Какъ, напримѣръ, Писистратъ, который, по словамъ Θеопомпа, fr 147, „умѣренно пользовался удовольствіями", или Ферскій тираннъ Ясонъ, о которомъ ср. Ксенофонтъ, *Греческая исторія*, VI, 1, 16: „онъ былъ, насколько мнѣ извѣстно, самымъ воздержнымъ по части физическихъ наслажденій".

[3]) Ср. Пиндаръ, fr. 209: „все равно—трепетать ли предъ богомъ или предъ мужемъ, богу любезнымъ".

автономнаго государства. И раздавать эти почести долженъ самъ тираннъ, а кары поручать налагать другимъ, магистратамъ и суду [1]).

Общимъ средствомъ для сохраненія всякаго рода единодержавной власти служитъ слѣдующее: никого, въ отдѣльности взятаго, не возвеличивать, а если уже приходится дѣлать это, то возвышать нѣсколькихъ лицъ, потому что послѣднія въ такихъ случаяхъ будутъ слѣдить другъ за другомъ. А если все-таки монарху придется возвеличить кого-либо одного, то уже, во всякомъ случаѣ, не человѣка съ отважнымъ характеромъ, такъ какъ такой человѣкъ скорѣе всего способенъ на самыя отчаянныя предпріятія. Если монархъ рѣшитъ парализовать значеніе того или иного лица, то дѣлать это нужно постепенно и не сразу всю власть отнимать у него. 17. Далѣе монархъ долженъ воздерживаться отъ всякаго рода насильственныхъ дѣйствій, и въ особенности избѣгать: 1) насилій физическихъ и 2) насилій [эротическаго характера] по отношенію къ молодежи. Въ особенности онъ долженъ остерегаться поступать такъ съ людьми честолюбивыми: легкомысленное отношеніе къ имущественной собственности съ неудовольствіемъ переносятъ люди корыстолюбивые, пренебрежительное отношеніе къ ихъ гражданскимъ правамъ съ трудомъ переносятъ люди честолюбивые и нравственно-благородные. Поэтому тиранну слѣдуетъ или совершенно не прибѣгать къ мѣрамъ физическаго воздѣйствія, или же дѣлать видъ, что онъ налагаетъ такого рода кары «отечески», а не изъ чувства презрѣнія. Въ своихъ отношеніяхъ къ молодымъ людямъ тираннъ долженъ считаться съ эротическими влеченіями этихъ послѣднихъ, а не добиваться ихъ любви, пользуясь своей властью, и вообще то, что можетъ быть сочтено за безчестіе, онъ долженъ искупать предоставленіемъ потерпѣвшимъ бо̀льшихъ почестей. 18. Изъ лицъ, посягающихъ на жизнь тиранна, тѣ самые опасные и за тѣми должно наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ, кто готовъ отдать свою жизнь, лишь бы погубить тиранна. Поэтому онъ долженъ всего болѣе опасаться тѣхъ, которые считаютъ или себя или близкихъ ихъ сердцу оскорбленными имъ. Вѣдь тотъ, кто посягаетъ, будучи въ состояніи раздраженія,

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *Гіеронъ*, 3: „если нужда заставитъ кого-либо карать, то правитель долженъ поручить это сдѣлать другимъ, но раздавать награды ему слѣдуетъ самому“.

не щадитъ самого себя, какъ объ этомъ сказалъ и Гераклитъ: «трудно бороться со страстью, ибо цѣна ей жизнь» [1]).

19. Такъ какъ въ составъ государства входятъ два элемента—классъ людей неимущихъ и классъ людей состоятельныхъ, то тираннъ долженъ внушить и тѣмъ и другимъ, что ихъ благополучіе опирается на его власть, и [устроить дѣло такъ], чтобы одни отъ другихъ ни въ чемъ не терпѣли обиды. А тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся сильнѣе, онъ преимущественно долженъ заинтересовать въ поддержаніи его власти. И если тиранну удастся достигнуть этого, ему не придется ни отпускать рабовъ на волю, ни разоружать гражданъ: привлеченіе одного изъ упомянутыхъ классовъ на сторону власти [тиранна] достаточно, чтобы всякаго рода покушенія на нее потерпѣли неудачу. 20. Было бы излишнимъ распространяться детально обо всемъ этомъ. Цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій ясна: тираннъ въ глазахъ своихъ подданныхъ долженъ быть не тиранномъ, но домоправителемъ и царемъ, не узурпаторомъ, но опекуномъ; тираннъ долженъ вести скромный образъ жизни, не позволять себѣ излишествъ, знатныхъ привлекать на свою сторону своимъ обхожденіемъ, а большинствомъ руководить при помощи демагогическихъ пріемовъ [2]). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является не только то, что правленіе тиранна будетъ болѣе прекраснымъ и завиднымъ, что онъ будетъ властвовать надъ лучшими, а не угнетаемыми, что онъ не будетъ никогда возбуждать ненависти и вселять страха, но и то, что власть тиранна станетъ долговѣчнѣе и, наконецъ, что самъ тираннъ, въ своемъ нравственномъ обликѣ, предстанетъ или человѣкомъ абсолютно [3]) склоннымъ къ добродѣтели или стоящимъ на полдорогѣ къ ней, человѣкомъ не негоднымъ, а негоднымъ только на половину.

21. И все-таки олигархія и тираннія—болѣе кратковременныя формы государственнаго строя. Дольше всего продолжалась тираннія въ Сикіонѣ, тираннія самого Орѳагора и его потомковъ,

---

[1]) Fr. 85 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 78).

[2]) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія*, 16: „къ Писистрату тянуло и большинство знатныхъ и большинство изъ народной партіи: первыхъ онъ привлекъ на свою сторону своимъ обхожденіемъ, вторыхъ помощью, оказываемою имъ народу на его личныя потребности“.

[3]) Не читать ли вмѣсто рукописнаго καλῶς—ὅλως или ἁπλῶς?

именно сто лѣтъ. Объясняется это тѣмъ, что сикіонскіе тираны обращались съ подданными кротко, во многомъ рабски слѣдовали постановленіямъ законовъ, далѣе тѣмъ, что къ Клисѳену, оказавшемуся человѣкомъ воинственнымъ, не относились съ презрѣніемъ и, наконецъ, тѣмъ, что тираны сикіонскіе своими заботами о народѣ во многихъ отношеніяхъ расположили его въ свою пользу. По преданію, Клисѳенъ увѣнчалъ вѣнкомъ того судью, который отказался признать его побѣдителемъ на состязаніи, а нѣкоторые прибавляютъ даже, будто на сикіонской площади стояла статуя этого судьи, изображавшая его сидящимъ [1]). И о Писистратѣ также разсказываютъ, будто онъ снизошелъ какъ-то до того, что явился, по вызову, на судебное разбирательство въ Ареопагъ. 22. На второмъ мѣстѣ, по продолжительности, стоитъ тираннія Кипселидовъ въ Коринѳѣ: она продолжалась 73 года 6 мѣсяцевъ. Кипселъ былъ тиранномъ 30 лѣтъ, Періандръ 40½, Псамметихъ, сынъ Горга, три года. Тѣ же самыя причины повели къ продолжительной тиранніи и Кипселидовъ, что̀ и Орѳагоридовъ. Кипселъ въ сущности былъ демагогъ, прожилъ все свое правленіе безъ стражи, Періандръ же, хотя и былъ настоящимъ тиранномъ, но зато человѣкомъ воинственнымъ [2]). 23. Третья, по продолжительности, тираннія—тираннія Писистратидовъ въ Аѳинахъ. Правда, она была съ перерывами: Писистратъ во время своей тиранніи два раза былъ изгоняемъ, такъ что изъ 33 лѣтъ только 17 приходятся на его тираннію, 18—на тираннію его сыновей, а всего, значитъ, тираннія Писистратидовъ продолжалась 35 лѣтъ [3]). Изъ остальныхъ тиранній нужно упомянуть еще о тиранніи Гіерона и Гелона въ Сиракузахъ. Она продолжалась недолго, но все-таки въ цѣломъ 18 лѣтъ. Гелонъ семь лѣтъ былъ тиранномъ, и на 8-мъ году скончался, Гіеронъ правилъ 10 лѣтъ, Ѳрасибулъ на 11-мъ мѣсяцѣ своего правленія былъ изгнанъ [4]). Но бо́льшая часть всѣхъ тиранній были совсѣмъ кратковременны.

---

[1]) О сикіонской тиранніи, продолжавшейся съ 670 по 570 гг. до Р. Хр., см. Пёльманъ, стр. 91.

[2]) О тиранніи Кипселидовъ (657—583), см. Пёльманъ, стр. 93 сл.

[3]) О тиранніи Писистратидовъ см. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 70 сл.

[4]) О сиракузской тиранніи см. Пёльманъ, 258 сл. По предположенію Иммиша, за ἐξέπεσεν пропускъ, гдѣ должна была идти рѣчь о другихъ тираннахъ, въ томъ числѣ объ обоихъ Діонисіяхъ (405—345).

Теперь нами уже почти все сказано о причинахъ крушенія и о средствахъ сохраненія какъ монархическихъ, такъ и конституціонныхъ государствъ.

10.

1. Въ «Государствѣ» [Платона] [1]) Сократъ говоритъ о государственныхъ переворотахъ, но неудачно. Такъ, онъ не посвящаетъ спеціальнаго изложенія вопросу о переворотахъ въ государствахъ съ наилучшимъ и первымъ государственнымъ строемъ. Сократъ объясняетъ причины этихъ переворотовъ тѣмъ, что ничто вообще не остается неизмѣннымъ, но что все подвержено измѣненіямъ въ теченіе опредѣленнаго періода времени; въ основѣ этихъ измѣненій является, [по мнѣнію Сократа], отношеніе чиселъ, именно отношеніе четырехъ къ тремъ, которое будучи скомбинировано съ пятеркою, даетъ два гармоническихъ сочетанія, иными словами когда число этой фигуры будетъ кубическимъ [2]); при этомъ Сократъ высказываетъ такого рода взглядъ, что природа въ извѣстное время производитъ на свѣтъ людей негодныхъ и не поддающихся никакой культурѣ. Возможно, что въ данномъ случаѣ Сократъ и не совсѣмъ неправъ, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ оказаться такіе люди, которыхъ воспитаніе безсильно сдѣлать людьми пригодными. Но, спрашивается, почему это обстоятельство должно служить причиною государственныхъ переворотовъ предпочтительно въ тѣхъ государствахъ, строй которыхъ Сократъ называетъ наилучшимъ, а не во всѣхъ остальныхъ, да и вообще не во всемъ томъ, что́ возникаетъ [въ мірѣ]?

---

[1]) Въ VIII и IX книгахъ.

[2]) Далеко не увѣренный въ правильной и точной передачѣ словъ Аристотеля, дающихъ резюме хитрыхъ выкладокъ Платона (*Государство*, 546 b сл.), привожу слова Аристотеля въ подлинникѣ: φησὶ γὰρ αἴτιον εἶναι τὸ μὴ μένειν μηθὲν ἀλλ' ἔν τινι περιόδῳ μεταβάλλειν, ἀρχὴν δ' εἶναι τούτων ὧν ἐπίτριτος πυθμὴν πεμπάδι συζυγεὶς δύο ἁρμονίας παρέχεται, λέγων ὅταν τοῦ διαγράμματος ἀριθμὸς τούτου γένηται στερεός и присоединяю объясненіе Ньюмена: for he says that the cause [of its change] is that nothing [that comes into existence] abides, but that everything changes in a period of some kind, and that the source [of change] is contained in those things whose ratio 4 : 3 taken in its lowest terms, wedded to the number 5, furnisches two harmonies, meaning [that this happens] when the number of this diagram becomes cubed.

2. И если время есть главная причина, всилу которой, по словамъ Сократа, все измѣняется, развѣ не должны измѣняться, въ теченіе указаннаго промежутка, всѣ объекты, независимо отъ того, возникли ли они одновременно или неодновременно, такъ что, напримѣръ, если какой-либо объектъ возникъ за день до наступленія измѣненія, развѣ онъ не долженъ измѣняться вмѣстѣ [съ прочими объектами]? Кромѣ того, почему этотъ [наилучшій государственный строй] долженъ непремѣнно измѣниться въ Лаконскій? Вѣдь сколько разъ всѣ формы государственнаго строя измѣняются въ форму, имъ противоположную, а не ближе всего къ нимъ подходящую. То же самое можно сказать и относительно всѣхъ остальныхъ государственныхъ переворотовъ. Лаконскій строй, по словамъ Сократа, переходитъ въ олигархію, олигархія въ демократію, демократія въ тираннію. Но бываютъ измѣненія и обратнаго порядка, напримѣръ, демократія переходитъ въ олигархію, и это чаще, чѣмъ въ монархію.

3. Относительно тиранніи Сократъ не говоритъ, испытываетъ она вообще измѣненія или не испытываетъ, а если испытываетъ, то всилу какихъ причинъ, и въ какую форму тираннія переходитъ. Умолчаніе Сократа обо всемъ этомъ объясняется тѣмъ, что ему не такъ-то просто было о данныхъ вопросахъ разсуждать: всѣ они—характера неопредѣленнаго. По мысли Сократа, тираннія должна перейти въ первую и наилучшую форму государственнаго строя, такъ какъ только въ такомъ случаѣ [начертанный имъ] циклъ эволюціи, дѣйствуя непрерывно, завершался бы. Но и тираннія переходитъ иногда въ тираннію же, какъ, напримѣръ, тираннія въ Сикіонѣ отъ Мирона перешла къ Клисоену, либо въ олигархію, какъ, напримѣръ, тираннія Антилеонта [1]) въ Халкидѣ, либо въ демократію, какъ тираннія Гелона въ Сиракузахъ, либо въ аристократію, какъ тираннія Харилая въ Лакедэмонѣ [2]), то же и въ Карѳагенѣ.

4. Также и олигархическій строй можетъ перейти въ тираннію, какъ это имѣло мѣсто въ большинствѣ древнихъ олигархій

¹) Упоминается только въ данномъ мѣстѣ.

²) Аристотель, по мнѣнію Зуземиля, слѣдовалъ, вѣроятно, той версіи преданія (Эфоръ?), по которой Харилай (или Хариллъ) измѣнилъ въ Спартѣ, во время путешествія Ликурга на Критъ, монархическое правленіе на тираннію.

въ Сициліи, гдѣ олигархія въ Леонтинахъ перешла въ тираннію Панэтія, олигархія въ Гелѣ—въ тираннію Клеандра, олигархія въ Регіи—въ тираннію Анаксилая, то же самое и во многихъ другихъ городахъ [1]. Странно также мнѣніе Сократа, что переходъ въ олигархію объясняется тѣмъ, будто лица, стоящія у власти,—корыстолюбивы и любостяжательны [2], а не тѣмъ, что они имѣютъ большой имущественный преизбытокъ и всилу этого считаютъ не соотвѣтствующимъ справедливости, если ничѣмъ не обладающіе будутъ пользоваться въ государствѣ равными правами съ тѣми, кто обладаетъ собственностью. Къ тому же во многихъ олигархіяхъ [полноправнымъ гражданамъ] не только не позволено заниматься денежными спекуляціями, но послѣднія воспрещаются даже соотвѣтствующими законоположеніями, тогда какъ въ Карѳагенѣ, гдѣ строй демократическій, граждане занимаются денежными спекуляціями, и все-таки до сихъ поръ измѣненія государственнаго строя тамъ не произошло. 5. Не менѣе странно и то утвержденіе Сократа [3], будто олигархическое государство состоитъ изъ двухъ государствъ, государства богатыхъ и государства бѣдныхъ. Почему же это должно было имѣть мѣсто скорѣе въ олигархіи, чѣмъ въ Лаконскомъ государствѣ или въ какомъ-либо иномъ, гдѣ не всѣ обладаютъ равною собственностью или не всѣ одинаково добродѣтельны? И все-таки, несмотря на то, что никто не сталъ бѣднѣе въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше, олигархіи переходятъ въ демократіи, разъ неимущіе составляютъ большинство, и, наоборотъ, демократія переходитъ въ олигархію, если зажиточный классъ станетъ сильнѣе народной массы, и послѣдняя оставитъ это въ небреженіи, а первый это учтетъ. И между тѣмъ, какъ многія причины обусловливаютъ собою государственные перевороты, Сократъ указываетъ [4] только на одну, именно будто богатые раззоряются, вынужденные занимать деньги за огромные проценты на свою распутную жизнь; да развѣ всѣ, либо большинство, были уже богатыми съ самаго начала? 6. Все это совершенно ошибочно, [и скорѣе дѣло нужно

---

1) См. Пёльманъ, стр. 89 сл.
2) Платонъ, *Государство*, 550 e сл.
3) Платонъ, *Государство*, 551 d.
4) Платонъ, *Государство*, 555 d.

представлять себѣ такъ]: если потеряютъ свое состоянiе кто-либо изъ власть имущихъ, тогда они стремятся реформировать государственный строй, а если потеряетъ свое состоянiе кто-либо изъ остальныхъ [гражданъ], то изъ этого никакихъ серьезныхъ последствiй не происходитъ. Также невѣрно, будто при такого рода революцiяхъ государственный строй переходитъ предпочтительно въ демократическую форму, а не въ какую-либо иную. Недопущенiе къ осуществленiю гражданскихъ правъ, нарушенiе справедливости, проявленiе наглости—все это ведетъ къ внутреннимъ распрямъ и государственнымъ переворотамъ, если даже [лица, предпринимающiя ихъ], и не расточатъ своего имущества... [1]) потому что [при демократiи гражданамъ] позволено поступать во всемъ по ихъ желанiю, что̀ объясняется, по словамъ Сократа, чрезмѣрной въ ней свободой. Вообще, не взирая на то, что существуетъ нѣсколько видовъ олигархическаго и демократическаго строя, Сократъ говоритъ о происходящихъ въ нихъ перемѣнахъ такъ, какъ будто бы былъ только одинъ видъ олигархiи и одинъ видъ демократiи.

---

[1]) Пропускъ въ текстѣ; рѣчь шла о демократiи, ср. Платонъ, *Государство,* 557 b.

КНИГА VI.

1.

1. Выше мы говорили о различныхъ формахъ законосовѣщательной, т. е. верховной, власти въ государствѣ, объ организаціи магистратуръ и судебныхъ установленій, а именно какая организація къ какому государственному строю подходитъ [1]); говорили мы также о крушеніи и сохраненіи [различныхъ] формъ государственнаго строя, т. е. отъ чего его крушеніе и сохраненіе зависитъ и какими причинами оно обусловливается [2]). Ввиду того, что существуетъ нѣсколько видовъ какъ демократическаго строя, такъ и остальныхъ, цѣлесообразно разсмотрѣть также и то, что по отношенію къ нимъ нами ранѣе было оставлено въ сторонѣ, и при этомъ опредѣлить для каждой формы государственнаго строя свойственный ей и наиболѣе полезный способъ организаціи. 2. Мы должны будемъ также разсмотрѣть и возможныя комбинаціи всѣхъ способовъ организаціи указанныхъ выше элементовъ государственнаго строя: будучи объединяемы между собою, эти комбинаціи вносятъ измѣненія въ характеръ различныхъ формъ государственнаго строя, такъ что аристократіи принимаютъ олигархическій оттѣнокъ, а политіи—болѣе демократическій. Подъ тѣми объединительными комбинаціями, которыя надлежитъ разсмотрѣть, но которыя по настоящее время еще не были разсмотрѣны, я разумѣю слѣдующія: положимъ, напримѣръ, что [въ томъ или иномъ государствѣ] законосовѣщательные институты и выборы магистратовъ организованы олигархически, судебные же институты—аристократически; или эти послѣднія и законосовѣщательные институты имѣютъ

---

[1]) Ср. выше IV книгу.
[2]) Ср. выше V книгу.

олигархическую организацію, а выборы магистратовъ—аристократическую; или вообще можно представить себѣ какую-либо иную комбинацію, при которой не всѣ элементы государственнаго строя будутъ организованы въ полномъ соотвѣтствіи съ его основнымъ характеромъ.

3. Ранѣе было указано [1]), къ какому государству подходитъ та или иная форма демократическаго строя, равно какъ и для какого состава населенія подходитъ та или иная форма олигархическаго строя, и какая изъ остальныхъ формъ государственнаго строя для какихъ государствъ оказывается полезной. При этомъ дѣло идетъ, очевидно, не только о томъ, какая изъ этихъ формъ государственнаго строя оказывается наилучшей для государствъ, но и о томъ, какимъ образомъ должны быть организованы на практикѣ и эти и остальныя формы государственнаго строя. Вотъ объ этомъ-то мы вкратцѣ и поговоримъ теперь; и начнемъ прежде всего съ разсмотрѣнія демократическаго строя, потому что, разсмотрѣвъ его, мы тѣмъ самымъ выяснимъ и строй, ему противоположный, именно тотъ, который нѣкоторые называютъ строемъ олигархическимъ. 4. При такого рода изслѣдованіи мы должны принять въ соображеніе всѣ характерныя свойства демократіи и все то, что́ признается неотъемлемыми элементами демократическаго строя, такъ какъ изъ соединенія этихъ элементовъ и получаются отдѣльные виды демократіи, и такихъ видовъ не одинъ, а нѣсколько, и притомъ различныхъ между собою. Многоразличіе видовъ демократіи объясняется двумя причинами: о первой изъ нихъ мы говорили ранѣе [2]); она заключается въ томъ, что то, что́ называется въ демократіи демосомъ, различно по своему составу: въ него входятъ, съ одной стороны, земледѣльческій классъ, съ другой—ремесленный и классъ поденщиковъ. Если къ первому изъ указанныхъ классовъ присоединить второй, а къ третьему классу, въ свою очередь, оба первыхъ, то самый демократическій строй будетъ не только клониться въ болѣе положительную или болѣе отрицательную сторону, но и вообще онъ утратитъ черты тожества. 5. Вторая причина многоразличія видовъ демократіи—та, о которой мы говоримъ теперь.

---

[1]) Ср. выше стр. 183 сл.

[2]) Ср. выше стр. 160 сл.

А именно: тѣ элементы, которые характеризуютъ демократію и которые считаются присущими демократическому строю, будучи [такъ или иначе] комбинируемы, ведутъ къ совершенному измѣненію его, причемъ въ одномъ случаѣ въ эту измѣненную демократію перейдетъ меньшее количество присущихъ ей элементовъ, въ другомъ—большее, а въ третьемъ—всѣ они. Полезно знать каждый изъ этихъ элементовъ на тотъ случай, если бы кто-либо пожелалъ практически организовать новую форму демократіи или внести въ существующія формы ея тѣ или иныя исправленія. Вѣдь создающіе тѣ или иныя формы государственнаго строя стремятся объединить въ каждой изъ нихъ всѣ присущіе ей элементы въ соотвѣтствіи съ ея основнымъ принципомъ; но они поступаютъ въ данномъ случаѣ ошибочно, какъ на это было указано уже ранѣе въ разсужденіи о крушеніи и сохраненіи государствъ [1]).

Теперь мы скажемъ о требованіяхъ, характерѣ и цѣляхъ [различныхъ формъ государственнаго строя].

6. Основнымъ принципомъ демократическаго строя является свобода. По общепринятому мнѣнію, только при одномъ этомъ строѣ всѣ граждане пользуются свободой, такъ какъ къ ней, какъ утверждаютъ, стремится всякая демократія [2]). А однимъ изъ условій свободы служитъ очередное подчиненіе и властвованіе. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ демократическаго права состоитъ въ томъ, что равенство въ немъ осуществляется въ количественномъ отношеніи, а не на основаніи достоинства. И если понимать демократическое право именно такъ, то, разумѣется, верховная власть въ демократіи должна сосредоточиваться въ рукахъ народной массы, и то, чтó рѣшено будетъ большинствомъ, должно считаться окончательнымъ рѣшеніемъ, и это окончательное рѣшеніе должно признаваться справедливымъ. Каждый гражданинъ, говорятъ, долженъ пользоваться равными правами; этимъ объясняется то, что въ демократическихъ государствахъ неимущіе имѣютъ больше верховной власти въ своихъ рукахъ, чѣмъ зажиточные: вѣдь неимущіе составляютъ большинство, а верховную силу и имѣетъ рѣшеніе большинства. 7. Итакъ, однимъ изъ характерныхъ признаковъ демократическаго строя, по признанію всѣхъ

---

[1]) Ср. выше стр. 241 сл.

[2]) Ср. Платонъ, *Государство*, 557 а сл.

сторонниковъ демократіи, является свобода. Второй принципъ демократическаго строя заключается въ предоставленіи возможности жить каждому по его желанію [1]); этотъ принципъ, говорятъ, есть именно результатъ свободы, тогда какъ слѣдствіемъ рабства будетъ отсутствіе возможности жить каждому согласно его желанію. Итакъ, это—второй отличительный признакъ демократическаго строя. Отсюда уже возникло стремленіе не быть вообще въ подчиненіи—лучше всего ни у кого; если же этого достигнуть нельзя, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы поочередно [властвовать и подчиняться]. И въ данномъ случаѣ это стремленіе совпадаетъ съ принципомъ свободы, основаннымъ на принципѣ равноправія.

8. Принимая во вниманіе эти положенія и считаясь съ основными принципами демократіи, мы должны признать слѣдующіе признаки характерными для демократическаго строя: всѣ магистраты избираются изъ всего состава гражданъ; всѣ властвуютъ надъ каждымъ, въ отдѣльности взятымъ, и этотъ послѣдній, когда до него дойдетъ очередь, властвуетъ надъ всѣми; магистратуры замѣщаются по жребію либо всѣ безъ исключенія, либо за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ спеціальнаго опыта и знанія; замѣщеніе магистратуръ не обусловлено никакимъ имущественнымъ цензомъ или цензомъ самымъ невысокимъ; никто не можетъ отправлять одну и ту же магистратуру дважды [2]), за исключеніемъ только немногихъ магистратуръ военнаго характера [3]); всѣ магистратуры, либо тѣ, гдѣ это представляется возможнымъ, краткосрочны; судебная власть принадлежитъ всѣмъ и избираются судьи изъ всего состава гражданъ; компетенція судей охватываетъ всякаго рода дѣла или бо́льшую часть ихъ, именно важнѣйшія и существеннѣйшія, какъ-то: принятіе отчетовъ отъ должностныхъ лицъ, утвержденіе и расторженіе государственныхъ и частныхъ кон-

---

[1]) Никій въ одной изъ своихъ рѣчей (Ѳукидидъ, VII, 69, 2) напоминалъ аѳинянамъ объ ихъ „отчизнѣ, пользующейся полной свободою и о свободномъ же предоставленіи возможности всякому проводить жизнь по его желанію“.

[2]) Исключаю изъ текста, слѣдуя Виламовицу-Мёллендорфу, ἢ ὀλιγάκις.

[3]) Такъ въ Аѳинскомъ государствѣ „занимать военныя должности можно нѣсколько разъ, изъ остальныхъ магистратуръ ни одну, исключая только то, что членомъ совѣта можно быть дважды“. Аристотель, *Аѳинская политія*, 62.

трактовъ. Народное собраніе представляетъ собою верховную власть въ государствѣ во всѣхъ дѣлахъ, его касающихся; ни одинъ магистратъ такой верховной власти не имѣетъ ни въ какомъ дѣлѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, въ самомъ ограниченномъ кругѣ дѣлъ; надъ главнѣйшими же государственными дѣлами верховная власть принадлежитъ совѣту. 9. Совѣтъ изъ всѣхъ демократическихъ учрежденій есть органъ наиболѣе демократическій, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ за участіе въ его засѣданіяхъ жалованье платится не всѣмъ гражданамъ; тамъ же, гдѣ всѣ члены совѣта получаютъ жалованье, онъ утрачиваетъ свое значеніе, такъ какъ народное собраніе, отъ котораго исходитъ назначеніе жалованья, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ рѣшенія по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія (объ этомъ сказано было, впрочемъ, ранѣе, въ предыдущихъ разсужденіяхъ) [1]. Слѣдующею характерною чертою демократическаго строя является то, что всѣ при немъ состоятъ на жалованьѣ: члены народнаго собранія, судьи, магистраты, или же, въ крайнемъ случаѣ, его получаютъ главнѣйшіе магистраты, члены главнѣйшихъ судовъ, члены совѣта, члены ординарныхъ народныхъ собраній, или изъ магистратовъ тѣ, которые должны принимать участіе въ общихъ трапезахъ. И если характерными свойствами олигархическаго строя служатъ благородство происхожденія, богатство и образованіе, то характерными признаками демократическаго строя должны, повидимому, считаться противоположныя свойства, т. е. простое происхожденіе, бѣдность и грубость. 10. Что касается магистратуръ въ демократіяхъ, то ни одна изъ нихъ не должна быть пожизненною; а если какая-либо магистратура окажется таковою вслѣдствіе какого-либо давнишняго переворота въ государствѣ, то слѣдуетъ въ такомъ случаѣ сократить присвоенное ей значеніе, и если магистратуры ранѣе замѣщались по выборамъ, теперь ихъ слѣдуетъ замѣщать посредствомъ жребія [2].

Итакъ, вотъ общіе признаки, характеризующіе демократическій строй. Изъ принципа права, какъ оно понимается съ демократической точки зрѣнія—а именно изъ общаго равноправія въ

[1]) Ср. выше стр. 167 сл.

[2]) Все послѣдующее до конца главы Иммишъ, вслѣдъ за Зуземилемъ, заключаетъ въ [ ].

отношеніи количества—и возникаетъ, главнымъ образомъ, тотъ строй, который признается демократическимъ, возникаетъ и само демократическое государство. На основѣ этого равноправія неимущіе ни въ чемъ не должны имѣть большей власти, чѣмъ состоятельные, верховная власть должна принадлежать не какому-либо одному классу, но всѣмъ гражданамъ вообще, основываясь на равенствѣ въ отношеніи количества. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію демократовъ, въ государствѣ осуществляются принципы и равенства и свободы.

11. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ это равенство можетъ быть достигнуто? Или должно подоходный налогъ, получаемый съ 500 лицъ, подѣлить между тысячью, такъ чтобы эта тысяча могла уравняться въ своихъ правахъ съ пятьюстами? Или не слѣдуетъ установлять равенства такимъ способомъ, но, сохранивъ все-таки дѣленіе по подоходному налогу, взять затѣмъ поровну и изъ числа пятисотъ и изъ числа тысячи и передать въ ихъ руки верховную власть въ дѣлахъ, касающихся избранія магистратовъ и судей? Спрашивается: будетъ ли такого рода государственный строй удовлетворять полной справедливости согласно принципу демократическаго права, или, скорѣе, онъ будетъ близокъ къ справедливости въ томъ случаѣ, когда въ немъ верховная власть будетъ принадлежать всей народной массѣ? Сторонники демократіи утверждаютъ, что справедливо то, чтó будетъ рѣшено большинствомъ, а сторонники олигархіи считаютъ справедливымъ то рѣшеніе, которое будетъ постановлено тѣми, кто обладаетъ большею имущественною собственностью, потому что, по ихъ мнѣнію, постановлять рѣшенія должно, руководствуясь количествомъ собственности. 12. Но и въ томъ и въ другомъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ неравенствомъ и несправедливостью: если принять олигархическій принципъ меньшинства, то получится тираннія (вѣдь коль скоро одинъ человѣкъ будетъ обладать большею собственностью, чѣмъ остальныя зажиточныя лица, то, по принципу олигархическаго права, этотъ одинъ только и долженъ, по справедливости, властвовать); если же согласиться съ основаннымъ на числовыхъ отношеніяхъ демократическимъ принципомъ большинства, то справедливость также будетъ нарушена при конфискаціи имущества богатыхъ, находящихся въ

меньшинствѣ, какъ на это, впрочемъ, было уже указано ранѣе [1]). Итакъ, чтобы достигнуть такого равенства, которое нашло бы признаніе съ точки зрѣнія и демократовъ и олигарховъ, должно поискать его въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя даютъ и тѣ и другіе понятію права. Въ самомъ дѣлѣ, и демократы и олигархи утверждаютъ, что постановленія большинства гражданъ должны имѣть рѣшающую силу. 13. Пусть будетъ такъ, хотя бы и не съ абсолютной точки зрѣнія. Государство состоитъ изъ двухъ элементовъ—богачей и бѣдняковъ; вслѣдствіе этого, постановленія тѣхъ и другихъ, или большинства ихъ, должны имѣть рѣшающее значеніе; а если постановленія тѣми и другими будутъ вынесены противоположныя, то рѣшающее значеніе должны имѣть тѣ постановленія, которыя вынесены большинствомъ, т. е. тѣми, кто обладаетъ болѣе высокимъ цензомъ. Напримѣръ: богатыхъ десятеро, бѣдныхъ двадцать; одно постановленіе вынесено шестью изъ числа богатыхъ, другое—15 изъ числа менѣе состоятельныхъ; къ бѣднякамъ присоединилось четверо изъ числа богатыхъ, къ богачамъ—пятеро изъ числа бѣдныхъ; слѣдовательно, на чьей сторонѣ окажется, послѣ произведеннаго числового подсчета и тѣхъ и другихъ, перевѣсъ имущественнаго ценза, постановленіе этой стороны и должно имѣть рѣшающее значеніе. 14. Но если на обѣихъ сторонахъ число голосовъ будетъ равное, то въ такомъ случаѣ получится такого же рода затрудненіе, какое бываетъ теперь, когда голоса въ народномъ собраніи или въ судѣ дробятся поровну на двѣ части; тогда приходится рѣшать дѣло либо жребіемъ, либо какимъ-либо другимъ подобнымъ образомъ. Хотя и весьма затруднительно найти истину во всемъ, что касается области равноправія, все-таки это легче, чѣмъ заставить согласиться съ собою тѣхъ, которые имѣютъ то или иное превосходство: вѣдь болѣе слабые всегда стремятся къ равноправію, а сильные нисколько объ этомъ не заботятся.

2.

1. Изъ четырехъ видовъ демократическаго строя наилучшимъ является, какъ объ этомъ сказано было въ предшествующихъ

---

[1]) Ср. выше стр. 119 сл.

разсужденіяхъ [1]), тотъ, который занимаетъ по порядку первое мѣсто; къ тому же этотъ видъ демократіи и самый древній изъ всѣхъ. Я называю его первымъ въ соотвѣтствіи съ естественною классификаціею населенія въ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наилучшимъ классомъ народонаселенія является классъ земледѣльческій; поэтому и возможно бываетъ насаждать демократію тамъ, гдѣ народная масса занимается земледѣліемъ или скотоводствомъ. Такъ какъ этотъ классъ, какъ не обладающій значительною собственностью, не въ состояніи отдаваться исключительно политической дѣятельности, то онъ и не имѣетъ возможности часто принимать участіе въ засѣданіяхъ народнаго собранія [2]). Имѣя, благодаря своимъ занятіямъ, въ своемъ распоряженіи все необходимое, земледѣльческій классъ занимается своимъ дѣломъ и не стремится къ дѣламъ постороннимъ [3]); ему пріятнѣе личный трудъ, чѣмъ занятія политикой и вопросы государственнаго управленія, поскольку отправленіе магистратуръ не будетъ сопряжено съ большими матеріальными выгодами [4]). Вѣдь масса людей жаждетъ получить прибыль, а не почетъ [5]). 2. Доказательствомъ этого служитъ то, что эта масса переносила въ старину тиранніи, а въ настоящее время выдерживаетъ олигархіи, лишь бы только никто не мѣшалъ ей заниматься своимъ дѣломъ и не отнималъ отъ нея ничего изъ того, что ей принадлежитъ: при этихъ условіяхъ одна часть земледѣльческаго класса быстро богатѣетъ, а другая не испытываетъ нужды. Сверхъ того, если у

---

[1]) Ср. выше стр. 167 сл.

[2]) Слѣдуя поправкѣ Бойезена, принимаемой и Иммишемъ, исключаю стоящее предъ ἔχειν—μή.

[3]) Ср. Еврипидъ, *Просительницы*, 420 сл.: „пахарь-бѣднякъ, хотя-бъ онъ былъ и образованъ, все-жъ не могъ бы, подъ бременемъ трудовъ своихъ, интересоваться общественною жизнью".

[4]) Ср. Аристофанъ, *Земледѣлецъ*, fr. 1 (II, 985 Meineke); „А. Хочу пахать я землю. Кто помѣшаетъ мнѣ? В. Мы. А. Даю я тысячу драхмъ, избавьте лишь меня отъ службы".

[5]) Ср. Гераклитъ, fr. 111 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 71): „лучшіе предпочитаютъ всему одно: вѣчную славу среди смертныхъ, а толпа жуетъ свою жвачку, точно скотъ". [Переводъ Г. Ф. Церетели]. Платонъ, *Законы*, 870 а, толпа „вслѣдствіе извращенной природы и отсутствія воспитанія таитъ въ себѣ безконечное стремленіе къ ненасытному и безпредѣльному пріобрѣтенію денегъ".

земледѣльцевъ и есть нѣкоторое честолюбіе, то оно удовлетворяется предоставленіемъ имъ верховной власти въ дѣлѣ избранія магистратовъ и контролированія ихъ. А если въ нѣкоторыхъ демократическихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Мантинеѣ [1]), земледѣльческій классъ и не участвуетъ въ избраніи должностныхъ лицъ, и магистратуры тамъ замѣщаются по выбору, въ извѣстной очереди, нѣкоторыми лицами изъ всего состава гражданъ, все же остальные граждане имѣютъ право быть членами совѣта, то и это вполнѣ удовлетворяетъ ихъ (тотъ строй, какой нѣкогда былъ въ Мантинеѣ, должно признать также однимъ изъ видовъ демократіи). 3. Для той формы демократическаго строя, о которомъ я говорилъ выше, и полезнымъ и обычнымъ на практикѣ является слѣдующій порядокъ: весь народъ участвуетъ въ выборахъ должностныхъ лицъ, въ пріемѣ отчетовъ ихъ, отправляетъ обязанности судей, но высшія магистратуры замѣщаются по выборамъ и на основаніи имущественнаго ценза, причемъ чѣмъ магистратура выше, тѣмъ больше потребный для ея замѣщенія цензъ; или же ни одна магистратура не замѣщается на основаніи ценза, но лишь принимаются во вниманіе, при замѣщеніи магистратуръ, соотвѣтствующія способности человѣка. Государство, имѣющее такого рода организацію, разумѣется, будетъ имѣть хорошее правленіе, такъ какъ магистратуры всегда будутъ представлены наилучшими гражданами, и это будетъ происходить согласно волѣ народа, не питающаго зависти къ нравственно-благороднымъ людямъ. Да и послѣдніе, равно какъ и знатные останутся довольны такимъ порядкомъ, потому что они не будутъ находиться въ подчиненіи у тѣхъ лицъ, которыя хуже ихъ, свои же магистратуры они станутъ отправлять правомѣрно, такъ какъ контроль надъ ихъ дѣятельностью будетъ принадлежать другимъ. 4. Быть въ нѣкоторой зависимости отъ другихъ и не имѣть возможности дѣлать все, чтò тебѣ заблагоразсудится,—дѣло полезное: вѣдь предоставленіе каждому возможности поступать по его желанію не можетъ предупредить то злое начало, которое лежитъ въ природѣ каждаго человѣка. И, такимъ образомъ, неизбѣжнымъ является то, чтó признается наиболѣе полезнымъ въ государствѣ: предоставить бразды правленія нрав-

---

[1]) Въ Аркадіи.

ственно-благороднымъ людямъ, какъ менѣе способнымъ впасть въ ошибку, и ни въ чемъ не умалять правъ народной массы.

Ясно, что описанная нами форма демократическаго строя является наилучшей, ясно также и почему: потому, что при ней народъ представленъ классомъ, надѣленнымъ опредѣленными качествами.

5. Для созданія земледѣльческаго класса населенія въ государствѣ безспорно полезны нѣкоторыя законоположенія, выработанныя въ древнее время во многихъ государствахъ. Эти законоположенія сводятся къ слѣдующему: запрещается вообще пріобрѣтать во владѣніе землю свыше опредѣленной мѣры, или землю можно пріобрѣтать лишь начиная отъ опредѣленнаго мѣста по направленію къ городу и акрополю. Во многихъ государствахъ въ древнее время было также законоположеніе, всилу котораго запрещалось продавать первоначальные надѣлы. Ту же цѣль преслѣдуетъ и приписываемый Оксилу [1]) законъ, по которому опредѣленная часть принадлежащей каждому земли не должна быть отдаваема подъ залоговыя обязательства. 6. Да и въ настоящее время можно избѣжать многихъ злоупотребленій, если воспользоваться закономъ афитэйцевъ [2]), который пригоденъ для указанныхъ нами выше цѣлей. Дѣло вотъ въ чемъ: афитэйцы, при значительномъ количествѣ гражданскаго населенія, имѣютъ мало земли, и однако же всѣ они занимаются земледѣліемъ; земельная собственность подлежитъ у нихъ обложенію не вся, во всей ея совокупности, но она подѣлена у нихъ на столь мелкія части, что даже имущественный цензъ бѣдняковъ выше ценза, [признаваемаго законнымъ].

7. Вслѣдъ за земледѣльческимъ классомъ населенія наилучшимъ классомъ въ демократіи является тотъ, который занимается скотоводствомъ и живетъ на доставляемые этимъ послѣднимъ доходы. Скотоводство стоитъ во многихъ отношеніяхъ близко къ земледѣлію; да и для военной службы скотоводы оказываются, по своему образу жизни, наиболѣе пригодными: они полезны для нея и своимъ физическимъ закаломъ и тѣмъ, что могутъ долго оставаться подъ открытымъ небомъ. Остальные классы населенія,

---

1) Легендарный царь Элиды.

2) Городъ на полуостровѣ Палленѣ въ Македоніи.

изъ которыхъ состоятъ прочія демократическія государства; всѣ почти уступаютъ классамъ земледѣльческому и пастушескому. Образъ жизни [этихъ остальныхъ классовъ]—плохой, и ни одно изъ тѣхъ занятій, которыми занимается масса, состоящая изъ ремесленниковъ, торговцевъ, поденщиковъ, не имѣетъ ничего общаго съ добродѣтелью. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что всѣ указанные классы населенія, постоянно торча на площади и въ городѣ, съ удобствомъ, такъ сказать, могутъ принимать участіе въ засѣданіяхъ народнаго собранія. Наоборотъ, земледѣльцы, живя въ разсыпную по государственной территоріи, встрѣчаются рѣдко другъ съ другомъ, да и нѣтъ имъ надобности въ такого рода встрѣчахъ. 8. Тамъ, гдѣ территорія государства расположена такимъ образомъ, что пахотная земля находится въ далекомъ разстояніи отъ города, легко можно устроить и хорошую демократію и политію. Народная масса въ такомъ случаѣ бываетъ вынуждена селиться на поляхъ; а это ведетъ къ тому, что даже если и есть на-лицо городская чернь, все-таки она не можетъ господствовать въ народныхъ собраніяхъ такихъ демократическихъ государствъ [1]), безъ [привлеченія въ эти собранія] народной массы, живущей на всемъ протяженіи государственной территоріи.

Теперь мы сказали, какъ должно организовать наилучшую и первую демократію; ясно также, какова должна быть организація и остальныхъ видовъ демократіи: нужно послѣдовательно отклоняться [отъ наилучшей ея формы], т. е. всегда удалять [отъ власти] худшіе элементы населенія.

9. Что касается крайней демократіи, въ которой всѣ граждане безъ исключенія принимаютъ участіе въ государственномъ управленіи, то ея не въ состояніи выносить ни одно государство, да и продержаться ей долго нелегко, если только ее не поддержатъ законы и добрые нравы гражданъ (о томъ же, что̀ ведетъ къ крушенію и этой и остальныхъ формъ государственнаго строя, большею частью почти уже все сказано ранѣе). Чтобы установить эту крайнюю демократію, чтобы укрѣпить въ ней демосъ, стоящіе во главѣ ея обыкновенно привлекаютъ въ

---

[1]) Слѣдую поправкѣ Зуземиля, читающаго вмѣсто рукописнаго ἐν ταῖς δημοκρατικαῖς ἐκκλησίαις—ἐν ταῖς τοιαύταις δημοκρατίαις.

число гражданъ возможно большее количество лицъ и даютъ права гражданства не только законорожденнымъ дѣтямъ, но и незаконорожденнымъ, и тѣмъ, у которыхъ одинъ изъ родителей, т. е. либо отецъ либо мать, были гражданами. Вѣдь всѣ эти элементы скорѣе даже подходятъ для такого рода демократіи! 10. Такъ обыкновенно поступаютъ демагоги. На самомъ же дѣлѣ слѣдуетъ допускать [эти элементы] въ число гражданъ до тѣхъ поръ, пока народная масса не будетъ превышать общаго числа знатныхъ и «среднихъ». Дальше этого идти не слѣдуетъ, такъ какъ если норма въ данномъ случаѣ будетъ нарушена, самый государственный строй утратитъ свой порядокъ; знатные, и такъ уже съ трудомъ переносящіе такого рода демократическій строй, еще въ большей степени придутъ въ раздраженіе, а это и послужило въ Киренѣ причиною внутреннихъ безпорядковъ [1]). На небольшое зло можно и не обращать вниманія, но если зло станетъ возрастать, оно скорѣе бросается въ глаза. 11. Для крайней демократіи полезны, далѣе, и тѣ установленія, которыми воспользовался въ Аѳинахъ Клисѳенъ въ цѣляхъ усиленія демократіи, равно какъ и основатели демократическаго строя въ Киренѣ. Съ одной стороны, слѣдуетъ образовывать новыя филы и фратріи, и притомъ увеличить ихъ число, съ другой—частныя святыни объединить въ небольшое количество святынь общихъ, и вообще придумать такъ хитро, чтобы всѣ сословія въ государствѣ по возможности смѣшались между собою, а прежнія ассоціаціи гражданъ распались [2]). 12. Наконецъ, всѣ тѣ мѣропріятія, къ которымъ прибѣгаютъ тиранны, повидимому, свойственны и демократіи. Я имѣю въ виду, напримѣръ, свободное положеніе рабовъ (что́ до извѣстной степени могло бы быть полезно), женщинъ, дѣтей, предоставленіе свободы каждому жить по его желанію. Все это будетъ очень содѣйствовать упроченію крайней демократіи, такъ какъ для многихъ пріятнѣе жить безпорядочно, нежели со здравымъ смысломъ.

---

[1]) Въ Киренѣ сначала былъ монархическій строй, а затѣмъ (въ концѣ V в.) демократическій, причемъ смѣна эта сопровождалась большими безпорядками. См. Діодоръ, XIV, 34.

[2]) О Клисѳенѣ см. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 81 сл.

3.

1. Для законодателя и для лицъ, желающихъ учредить подобнаго рода государственный строй, [т. е. демократію], главнѣйшею и далеко не единственною задачею является не столько его организація, сколько принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ для его сохраненія [1]). Вѣдь не трудно продержаться одинъ, два, три дня какому бы то ни было государственному строю. Поэтому должно, исходя изъ нашихъ предыдущихъ разсужденій о мѣропріятіяхъ, служащихъ къ сохраненію государствъ, и о причинахъ, ведущихъ ихъ къ крушенію, попытаться устроить для государства безопасность, оберегаясь, съ одной стороны, отъ тѣхъ элементовъ, которые разрушаютъ государство, съ другой—издавая такого рода законы, и неписанные и писанные, которые заключали бы въ себѣ по преимуществу распоряженія, служащія къ сохраненію государственнаго строя [2]). И притомъ не слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что́, въ интересахъ демократіи или олигархіи, способно придать государству по возможности наиболѣе рѣзко выраженный демократическій или олигархическій отпечатокъ, но обращать вниманія на то, что́ можетъ обезпечить государству наиболѣе продолжительное существованіе. 2. Теперешніе же демагоги, въ своей угодливости предъ народомъ, часто устраиваютъ конфискаціи имуществъ посредствомъ возбужденія судебныхъ процессовъ. Поэтому пекущіеся о сохраненіи государственнаго строя должны противодѣйствовать этому путемъ изданія соотвѣтствующихъ законоположеній, всилу которыхъ имущество осужденныхъ по судебному приговору никоимъ образомъ не должно подлежать конфискаціи

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 960 b: „конечною цѣлью во всемъ постоянно должно служить не стремленіе довести что-либо до конца, или пріобрѣсти что-либо, или основать городъ, но нужно придумать совершенныя мѣры для охраненія того, что́ создано; и только тогда уже считать то вѣчнымъ, когда сдѣлано въ этомъ отношеніи все надлежащее, а до тѣхъ поръ признавать цѣлое не завершеннымъ“.

[2]) Наряду съ писанными законами греки придавали большое значеніе законамъ, которые у нихъ назывались ἄγραφοι νόμοι—неписанные законы; эти законы устанавливали истинное естественное право, считались законами божественнаго происхожденія, ихъ нельзя было нарушать, хотя бы они стояли въ противорѣчіи съ законами писанными.

въ пользу государства и быть обращаемо въ его рессурсы, но должно почитаться священнымъ. Тогда и получится острастка для намѣревающихся совершать преступленія (вѣдь совершившіе его все равно подвергнутся наказанію), да и чернь менѣе будетъ склонна постановлять обвинительные приговоры надъ подсудимыми, такъ какъ сама она отъ этого не получитъ никакой прибыли. Помимо того, должно стараться, по возможности, сокращать число государственныхъ процессовъ, препятствуя, подъ угрозою суровыхъ наказаній, безъ надлежащихъ основаній начинать ихъ: подобнаго рода процессы обыкновенно возбуждаются не противъ лицъ, принадлежащихъ къ демократической партіи, а противъ знатныхъ. А нужно устроить такъ, чтобы всѣ граждане относились съ наибольшимъ расположеніемъ и къ этой, [т. е. демократической], формѣ правленія; если же этого нельзя достигнуть, то, по крайней мѣрѣ, нужно наладить дѣло такъ, чтобы на лицъ, облеченныхъ верховною властью въ государствѣ, не смотрѣли какъ на враговъ.

3. Такъ какъ населеніе въ крайнихъ демократіяхъ бываетъ очень многочисленнымъ, то затруднительно бываетъ устраивать народныя собранія безъ назначенія платы за посѣщеніе ихъ. Такой порядокъ тамъ, гдѣ у государства нѣтъ [необходимыхъ] доходныхъ статей, оказывается очень тягостнымъ для знатныхъ, потому что въ такомъ случаѣ приходится неизбѣжно пополнять казну установленіемъ чрезвычайныхъ налоговъ, конфискаціями, плохимъ судопроизводствомъ, а все это ниспровергло уже не малое число демократій. Итакъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ [необходимыхъ] доходныхъ статей нѣтъ, должно устраивать засѣданія народныхъ собраній рѣдко, а судебныя засѣданія—съ большимъ количествомъ засѣдающихъ судей, но въ теченіе небольшого числа дней. Это имѣетъ преимущество въ двоякомъ отношеніи: 1) богатые перестанутъ бояться издержекъ, хотя и не они, а неимущіе будутъ получать плату за посѣщеніе судебныхъ засѣданій; 2) самое судебное разбирательство будетъ вестись гораздо лучше: состоятельные люди не пожелаютъ отрываться на много дней отъ своихъ личныхъ дѣлъ, а на короткое время они охотно согласятся на это. 4. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ [необходимыя] доходныя статьи имѣются, должно остерегаться поступать такъ, какъ теперь поступаютъ демагоги, которые употребляютъ на раздачи излишки

этихъ доходовъ. Народъ принимаетъ эти подачки и вмѣстѣ съ тѣмъ снова и снова нуждается въ нихъ, такъ что такого рода вспомоществованіе неимущимъ напоминаетъ «дырявую бочку». Истинный другъ народа долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы народныя массы не были въ слишкомъ бѣдственномъ имущественномъ положеніи, которое ведетъ къ тому, что самый демократическій строй становится никуда негоднымъ. Итакъ, нужно изыскать какія-либо средства къ тому, чтобы благосостояніе гражданъ въ демократіи было по возможности продолжительнымъ. Такъ какъ это въ интересахъ и зажиточнаго класса, то слѣдуетъ всю сумму, образующуюся отъ излишка собираемыхъ доходовъ, распредѣлять между неимущими, причемъ устраивать это распредѣленіе преимущественно такимъ образомъ, чтобы всякому оказалось возможнымъ составить такой капиталъ, какой нуженъ для пріобрѣтенія въ свою собственность небольшого участка земли, а если этого нельзя сдѣлать, то на открытіе торговли или на обзаведеніе сельскимъ хозяйствомъ [1]). Если это не можетъ быть предоставлено всѣмъ неимущимъ, то нужно устраивать очередныя раздачи по филамъ или по какимъ-либо инымъ подраздѣленіямъ гражданъ. Въ то же время зажиточные должны дѣлать денежные взносы на устройство необходимыхъ народныхъ собраній и судебныхъ засѣданій, причемъ зажиточныхъ людей слѣдуетъ освободить отъ безполезныхъ литургій [2]). 5. Подобнаго рода, разумными въ государственномъ смыслѣ, мѣропріятіями карѳагеняне располагаютъ въ свою пользу народъ. Они постоянно отправляютъ часть простого народа въ окрестные города и тѣмъ самымъ способствуютъ его обогащенію. А со стороны знатныхъ было бы и гуманнымъ и разумнымъ дѣломъ, если бы они распредѣляли между собою неимущихъ и, снабдивъ ихъ необходимой поддержкой, направляли на ту или иную работу. Нехудо подражать также и тому, что дѣлаютъ тарантинцы: они, установивъ общность имущества для пользованія неимущихъ,

---

[1]) Ср. Исократъ, *Ареопагитикъ*, 32: (во времена Солона и Клисѳена) „имѣющіе состояніе... помогали въ нуждѣ гражданамъ, передавая однимъ изъ нихъ сельское хозяйство за умѣренную арендную плату, другихъ приспосабливая къ торговлѣ, третьимъ доставляя средства на обзаведеніе остальными промыслами“.

[2]) Т. е. государственныхъ повинностей

расположили къ себѣ тѣмъ самымъ народную массу; далѣе всѣ магистратуры у тарантинцевъ двоякаго рода: однѣ замѣщаются по выбору, другія — по жребію; по жребію съ тою цѣлью, чтобы весь народъ участвовалъ въ ихъ замѣщеніи, а по выбору для того, чтобы государственное правленіе представлено было лучше. Ту же самую систему можно примѣнить и по отношенію къ магистратурамъ, устроивъ дѣло такимъ образомъ, что одна часть гражданъ будетъ замѣщать ихъ по жребію, другая по выборамъ.

Теперь сказано о томъ, какъ должно организовать демократическое правленіе.

4.

1. Изъ приведенныхъ соображеній почти яснымъ становится и то, какимъ образомъ должны быть организуемы олигархическія правленія. Именно, каждый видъ олигархическаго строя должно создавать изъ элементовъ, противоположныхъ элементамъ демократическаго строя, причемъ онъ долженъ находиться въ соотвѣтственномъ отношеніи къ противоположному ему виду демократіи. Наиболѣе умѣренный видъ олигархическаго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ первый по порядку приближается къ такъ называемой политіи. При немъ имущественный цензъ долженъ быть установленъ двоякаго рода—болѣе низкій и болѣе высокій. Первый откроетъ гражданамъ доступъ къ занятію обыкновенныхъ государственныхъ должностей, второй—болѣе важныхъ. Каждый обладающій [установленнымъ] имущественнымъ цензомъ имѣетъ возможность пользоваться всѣми присущими гражданину правами, причемъ, благодаря ему, изъ всего состава населенія образуется настолько значительное число полноправныхъ гражданъ, что оно будетъ, во всякомъ случаѣ, превосходить число лицъ, гражданскими правами не пользующихся. Однако привлекать къ числу полноправныхъ гражданъ всегда слѣдуетъ лицъ, принадлежащихъ къ лучшему слою населенія.

2. Подобнаго же рода организацію должно придать и слѣдующему за описаннымъ виду олигархіи, повысивъ лишь слегка необходимый для полученія гражданскихъ правъ имущественный цензъ. Зато тотъ олигархическій строй, который соотвѣтствуетъ

крайней демократіи и который всего болѣе приближается къ строю династическому и тиранническому, поскольку онъ является строемъ наихудшимъ изъ олигархическихъ, постольку долженъ и требовать для себя болѣе сильныхъ предохранительныхъ мѣропріятій. (Подобно тому, какъ здоровые отъ природы организмы и хорошо построенныя и снаряженныя для морскихъ экспедицій суда легче выдерживаютъ бури, которыя не наносятъ ни тѣмъ, ни другимъ вреда, болѣзненные же организмы и плохо построенныя, съ плохимъ экипажомъ, суда не въ состояніи выдерживать и слабыхъ бурь, такъ точно и наихудшія изъ формъ государственнаго строя нуждаются въ наибольшихъ предохранительныхъ мѣропріятіяхъ.) 3. Въ демократіяхъ спасительнымъ средствомъ для ихъ сохраненія является вообще многолюдность населенія (право, основанное на численномъ превосходствѣ, противополагается въ нихъ праву, основанному на личныхъ достоинствахъ каждаго); отсюда ясно, что олигархія должна искать средствъ для своего сохраненія въ томъ, что составляетъ [своего рода] антитезу многолюдности населенія, а именно въ установленіи хорошаго порядка.

Масса народонаселенія распадается обыкновенно на четыре класса: земледѣльческій, ремесленный, торговый, классъ поденщиковъ; отсюда получается и четыре пригодныхъ для военныхъ надобностей рода оружія: конница, тяжеловооруженная пѣхота, легковооруженная пѣхота, матросы. Тамъ, гдѣ условія мѣстности удобны для верховой ѣзды, имѣются благопріятныя данныя для созданія мощной олигархіи: жители такой мѣстности видятъ главную силу своей безопасности именно въ конницѣ, а съ другой стороны, и содержать коней могутъ только люди, обладающіе большою имущественною собственностью. Тамъ, гдѣ условія мѣстности благопріятны для организаціи тяжеловооруженной пѣхоты, создается примыкающій къ только что указанному видъ олигархическаго строя: вѣдь служба въ тяжеловооруженной пѣхотѣ скорѣе по плечу зажиточному классу, нежели неимущему. Легковооруженная же пѣхота и матросы—родъ оружія всецѣло свойственный демократіямъ. 4. И въ настоящее время въ тѣхъ государствахъ, гдѣ въ количественномъ отношеніи преобладаетъ легковооруженная пѣхота и матросы, при возникновеніи внутреннихъ междоусобицъ, зачастую олигархи терпятъ пораженія. Чтобы помочь этой бѣдѣ, имъ приходится брать примѣръ съ

обладающихъ военными талантами полководцевъ, которые къ силѣ, представляемой конницею и тяжеловооруженною пѣхотою, присоединяютъ еще соотвѣтственное число легковооруженныхъ. А народныя массы съ помощью этихъ легковооруженныхъ одерживаютъ верхъ надъ зажиточными во время внутреннихъ смутъ, потому что легковооруженные, именно вслѣдствіе того, что они легко вооружены, безъ труда справляются съ коннымъ и тяжеловооруженнымъ ополченіемъ. 5. Такимъ образомъ, олигархія, организующая свои военныя силы изъ элемента, свойственнаго по преимуществу демократіи, направляетъ ихъ въ сущности противъ самой себя; на самомъ же дѣлѣ, олигархи должны были бы считаться съ различіемъ юношескаго возраста на старшій и на младшій, и своихъ сыновей, пока они находятся еще въ младшемъ возрастѣ, обучать подвижнымъ упражненіямъ, свойственнымъ легковооруженной пѣхотѣ; [обученные такимъ образомъ], они послѣ того какъ выйдутъ изъ отроческаго возраста, должны сами закаляться въ военномъ дѣлѣ.

Участіе въ государственномъ управленіи олигархи предоставляютъ тѣмъ изъ народной массы, которые, какъ объ этомъ выше сказано [1]), пріобрѣли опредѣленный имущественный цензъ, или, какъ въ Ѳивахъ, тѣмъ изъ нея, которые въ теченіе нѣкотораго времени не занимались никакими ремесленными работами, или, наконецъ, какъ въ Массаліи, на основаніи выбора, дѣлаемаго между лицами достойными изъ числа какъ гражданъ, такъ и не гражданъ. 6. Сверхъ того, съ важнѣйшими магистратурами, которыя должны оставаться въ рукахъ правящаго класса гражданъ, слѣдуетъ соединять государственныя повинности, чтобы простой народъ добровольно отказывался отъ замѣщенія ихъ и относился снисходительно къ самимъ магистратамъ, какъ лицамъ, дорого оплачивающимъ свою власть. Хорошо также, если магистраты, при вступленіи въ должность, устраивали бы пышныя жертвоприношенія и предпринимали бы сооруженіе какого-либо общественнаго зданія: въ такомъ случаѣ народъ, принимая участіе въ соединенныхъ съ жертвоприношеніями угощеніяхъ и видя, какъ городъ украшается обѣтными дарами въ честь боговъ и общественными зданіями, охотно стоитъ за сохраненіе господ-

[1]) Ср. выше стр. 107.

ствующаго государственнаго строя. Да и для самихъ знатныхъ все это останется памятникомъ произведенныхъ ими затратъ. Нынѣшніе олигархи, однако, ничего подобнаго не дѣлаютъ, а поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они ищутъ столько же прибыли отъ своего господства въ государствѣ, сколько и почета. Вотъ почему отлично подходитъ къ такого рода нынѣшнимъ олигархіямъ наименованіе демократій въ миніатюрѣ.

Теперь достаточно опредѣлено, какова должна быть организація демократическихъ и олигархическихъ государствъ.

5.

Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, что сказано выше, надлежитъ правильно установить все, касающееся магистратуръ: сколько ихъ, каковы онѣ, какія у нихъ функціи—предметъ, о которомъ рѣчь шла уже и выше [1]. Государство, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ обходиться безъ необходимыхъ магистратуръ, равно какъ и невозможно установить правильную общественную жизнь, не считаясь съ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ доброму порядку государства, служащему его украшеніемъ. Нужно имѣть въ виду также и то, на что приходилось указывать выше [2]), а именно: въ небольшихъ государствахъ число магистратуръ должно быть меньше, въ большихъ—больше. Такимъ образомъ полезно помнить и то, какія изъ магистратуръ могутъ быть объединяемы въ одну и какія изъ нихъ должны быть представлены каждая отдѣльно.

2. Среди магистратуръ на первомъ мѣстѣ стоитъ та, въ кругъ дѣятельности которой входитъ попеченіе о поддержаніи необходимаго порядка на городской площади. Для этого должна существовать какая-либо власть, наблюдающая за совершеніемъ торговыхъ сдѣлокъ и вообще за благочиніемъ на площади. Вѣдь всѣмъ государствамъ неизбѣжно приходится, для удовлетворенія необходимыхъ взаимныхъ нуждъ, обращаться какъ къ куплѣ, такъ и къ продажѣ; это служитъ самымъ сподручнымъ средствомъ для достиженія того самодовленія, ради котораго люди, очевидно, и объединились въ одну гражданскую общину. 3. Второю маги-

---

[1]) Ср. выше стр. 192 сл.
[2]) Ср. выше стр. 194 сл.

стратурою, непосредственно слѣдующею за только что упомянутою и стоящею съ нею въ ближайшемъ отношеніи, является та, которая вѣдаетъ попеченіе объ общественныхъ и частныхъ зданіяхъ, находящихся въ городѣ, о томъ, чтобы эти зданія были въ надлежащемъ порядкѣ, чтобы дома не грозили обвалами, чтобы дороги были въ хорошемъ состояніи и приводились въ исправный видъ, чтобы границы отдѣльныхъ владѣній были опредѣлены вполнѣ точно, и тому под. Въ большинствѣ греческихъ государствъ такого рода магистратуру называютъ астиноміей [1]); кругъ ея дѣятельности распадается на нѣсколько спеціальныхъ отдѣловъ, для каждаго изъ которыхъ въ болѣе населенныхъ государствахъ и назначаются спеціальные магистраты, какъ, напримѣръ, надзиратели за городскими стѣнами, попечители источниковъ, охранители гаваней. 4. Другая магистратура, аналогичная астиноміи, также необходима. Къ функціямъ ея принадлежатъ перечисленные выше предметы, только мѣстомъ ея дѣятельности служитъ государственная территорія, т. е. то, что расположено за предѣлами собственно города. Магистратовъ, отправляющихъ эту должность, въ однихъ мѣстахъ называютъ агрономами [2]), въ другихъ илорами [3]). Къ этимъ тремъ «попечительнымъ» магистратурамъ присоединяется четвертая; лицамъ, облеченнымъ ею, вносятся государственные доходы, они хранятъ ихъ и распредѣляютъ на нужды отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія. Такихъ магистратовъ называютъ аподектами [4]) и казначеями. Далѣе слѣдуютъ магистраты, которымъ должно предъявлять контрактные договоры частнаго характера и копіи судебныхъ рѣшеній; къ этимъ же магистратамъ должны быть направляемы письменныя жалобы по судебнымъ дѣламъ, и они же вѣдаютъ судебными процессами въ ихъ первоначальной стадіи. Въ нѣкоторыхъ государствахъ отправленіе этой магистратуры бываетъ распредѣлено между нѣсколькими лицами, но одинъ изъ нихъ всегда является во главѣ всей коллегіи; эти верхов-

---

[1]) Городской надзоръ.
[2]) Завѣдующіе городскими угодьями.
[3]) Завѣдующіе лѣсами.
[4]) Пріемщики.

ные магистраты носятъ названія: іеромнемоны, эпистаты, мнемоны и т. под.

5. Далѣе слѣдуетъ магистратура, и самая необходимая и, пожалуй, самая тяжелая: облеченные ею магистраты приводятъ въ исполненіе приговоры надъ осужденными по суду, взыскиваютъ недоимки съ тѣхъ, которые состоятъ въ числѣ государственныхъ должниковъ, наблюдаютъ за арестованными. Магистратура эта тягостна, такъ какъ она возбуждаетъ къ себѣ большую ненависть; поэтому тамъ, гдѣ съ отправленіемъ этой магистратуры не связано большой денежной выгоды, либо никто не соглашается принимать ее на себя, либо, принявъ ее, не желаютъ, при отправленіи ея, дѣйствовать по законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, магистратура эта необходима, потому что не было бы никакой пользы въ правосудіи, если бы рѣшенія, постановленныя судомъ, не приводились въ исполненіе, такъ что если государственное общеніе вообще не мыслимо безъ суда и судей, то оно столь же теряетъ свой смыслъ, разъ судебные приговоры не будутъ приводиться въ исполненіе. 6. Поэтому было бы лучше, чтобы эта магистратура была представлена не о д н и м ъ магистратомъ, но чтобы она подѣлена была между различными магистратами изъ отдѣльныхъ судебныхъ палатъ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ попытаться распредѣлить между нѣсколькими лицами и тѣ обязанности, которыя связаны съ взысканіемъ недоимокъ съ лицъ, числящихся государственными должниками. Сверхъ того нѣкоторыя взысканія по судебнымъ приговорамъ могли бы быть поручаемы и магистратамъ, исполняющимъ другія функціи, причемъ магистраты, вступающіе въ отправленіе своей должности, могли бы приводить въ исполненіе судебные приговоры, произнесенные надъ магистратами, сложившими свои обязанности, а судебный приговоръ, произнесенный надъ магистратомъ, состоящимъ въ должности, могъ бы приводить въ исполненіе какой-нибудь другой магистратъ, напримѣръ, астиномы приводили бы въ исполненіе приговоры, произнесенные надъ агораномами, и наоборотъ. Вѣдь чѣмъ меньше ненависти будетъ противъ лицъ, производящихъ взысканія, тѣмъ скорѣе исполненіе приговоровъ будетъ доведено до конца. А если одни и тѣ же лица будутъ и постановлять приговоры и приводить ихъ въ исполненіе, то тутъ получится своего рода ненависть въ квадратѣ; если же

одни и тѣ же лица обо всемъ...[1]), то онп стануть ко всѣмъ во враждебныя отношенія. 7. Во многихъ государствахъ къ тѣмъ магистратамъ, которые приводятъ въ исполненіе постановленія судебныхъ приговоровъ, присоединяются еще тѣ, которые надзираютъ за арестованными, напримѣръ, такъ называемые одиннадцать въ Аѳинахъ. Поэтому цѣлесообразнѣе отдѣлять и эту магистратуру отъ первой изъ указанныхъ и найти какой-нибудь ловкій выходъ, [съ цѣлью сдѣлать ее менѣе непопулярной]. Необходима-то эта магистратура не менѣе, чѣмъ первая изъ указанныхъ; случается, однако, что люди нравственно-благородные особенно настойчиво избѣгаютъ ея, вручать же ее въ руки людей сомнительной репутаціи небезопасно, такъ какъ подобнаго рода люди скорѣе сами нуждаются въ надсмотрѣ за ними, чѣмъ могутъ сторожить другихъ. Ввиду этого нужно избѣгать, чтобы магистратура, въ функціи которой входитъ наблюденіе за арестованными, была представлена одиимъ лицомъ и чтобы ею облечены были непрерывно одни и тѣ же лица; гораздо лучше поручать исполненіе этой магистратуры, тамъ, гдѣ это возможно, тѣмъ изъ молодыхъ людей, которые состоятъ въ разрядѣ эфебовъ[2]), или несутъ гарнизонную службу, различные же магистраты должны по-очереди имѣть наблюденіе за ними.

8. Всѣ перечисленныя выше магистратуры должны быть, какъ самыя необходимыя, поставлены на первомъ мѣстѣ. За ними слѣдуютъ магистратуры столь же необходимыя, но болѣе высокаго ранга, такъ какъ для отправленія ихъ нужны и опытность [со стороны тѣхъ, которые ими облечены], и большое довѣріе къ этимъ послѣднимъ [со стороны гражданъ]. Къ числу такого рода магистратуръ слѣдуетъ отнести магистратуры, имѣющія цѣлью охрану государства, и тѣ магистратуры, которыя учреждаются для военныхъ надобностей. И въ мирное и въ военное время должны быть такія лица, которыя пеклись бы объ охранѣ городскихъ воротъ и стѣнъ, производили бы смотры гражданъ, [состоящихъ на военной службѣ], и строили бы ихъ

---

[1]) Пропускъ въ текстѣ; смыслъ, вѣроятно, такой: „будутъ судить да рядить“.

[2]) Т. е. молодыхъ людей въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, составлявшихъ во многихъ греческихъ государствахъ спеціальную категорію гражданъ, отбывавшихъ, выражаясь современнымъ языкомъ, „воинскую повинность“.

въ боевой порядокъ. 9. Въ однихъ государствахъ для выполненія всѣхъ этихъ функцій учреждаемо бываетъ большее число магистратуръ, въ другихъ—меньшее, въ маленькихъ государствахъ—одна магистратура на все. Называютъ такого рода магистратовъ стратегами [1]) и полемархами [2]). Сверхъ того, если въ государствѣ имѣется конница, или легковооруженная пѣхота, или стрѣлковые батальоны, или флотъ, то и для каждаго въ отдѣльности рода оружія учреждаются иногда спеціальныя магистратуры. Ихъ называютъ наварxіями [3]), гиппархіями [4]), таксіархіями [5]), а подчиненныя имъ магистратуры соотвѣтственно именуются: тріерархіями [6]), лохагіями [7]), филархіями [8]) и т. д. Весь кругъ этихъ магистратуръ обнимаетъ собою одну категорію ихъ, т. е. заключаетъ въ своемъ вѣдѣніи военное дѣло.

10. Итакъ, вотъ что можно сказать о военныхъ магистратурахъ.

Такъ какъ чрезъ нѣкоторыя изъ магистратуръ, хотя и не чрезъ всѣ, проходятъ большія суммы государственныхъ денегъ, то, конечно, должна быть и другого рода магистратура, въ функціи которой входило бы исключительно лишь принятіе отчета и производство контроля. Такіе магистраты называются евѳинами [9]), логистами [10]), эксетастами [11]), синегорами [12]).

Надъ всѣми этими магистратурами стоитъ власть, имѣющая верховныя полномочія надъ всѣми государственными дѣлами; въ рукахъ лицъ, облеченныхъ этою властью, часто сосредоточено бываетъ приведеніе въ исполненіе постановленныхъ рѣшеній, внесеніе законопроектовъ, предсѣдательствованіе въ народномъ

---

[1]) Полководцы.

[2]) Военачальники.

[3]) Командованіе надъ флотомъ.

[4]) Командованіе надъ конницею.

[5]) Командованіе надъ отдѣльными отрядами (легковооруженной пѣхоты или стрѣлковъ).

[6]) Командованіе тріерою, военнымъ кораблемъ съ тремя рядами гребцовъ.

[7]) Командованіе надъ лохами, отрядами пѣхоты.

[8]) Командованіе отрядами конницы.

[9]) Контролеры.

[10]) Счетчики.

[11]) Ревизоры.

[12]) Буквально говорящіе вмѣстѣ, защитники.

собранiи—въ тѣхъ государствахъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ демосу. Такого рода власть, объединяющая въ своихъ рукахъ всю совокупность государственныхъ дѣлъ, разумѣется, непремѣнно должна существовать въ государствѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ лица, облеченныя этою властью, называются пробулами, потому что они имѣютъ въ своихъ рукахъ пробулевтическую власть[1]), въ демократiяхъ же эта власть принадлежитъ совѣту.

Итакъ, вотъ всѣ почти магистратуры съ политическимъ кругомъ дѣятельности, касающимся собственно государства.

11. Другой видъ «попечительныхъ» магистратуръ касается религiознаго культа. Сюда относятся жрецы, попечители всего, имѣющаго отношенiе къ святынямъ, охраненiе существующихъ священныхъ зданiй, возстановленiе приходящихъ въ ветхость и забота о всемъ остальномъ, что служитъ для поддержанiя религiознаго культа. Случается, что попеченiе о всемъ этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ небольшихъ государствахъ, сосредоточено въ лицѣ одного магистрата, въ другихъ же мѣстахъ имѣются много отдѣльныхъ жреческихъ магистратуръ, какъ-то: iеропои[2]), наофилаки[3]), казначеи священныхъ суммъ. Затѣмъ слѣдуютъ спецiальные магистраты для всѣхъ государственныхъ жертвоприношенiй, совершенiе которыхъ, по закону, не можетъ быть поручено обыкновеннымъ жрецамъ, но которыя, какъ совершаемыя на государственномъ очагѣ, имѣютъ особенно почетное значенiе. Такихъ магистратовъ называютъ архонтами, царями, пританами.

12. Итакъ, необходимыя магистратуры, въ общемъ итогѣ, вѣдаютъ слѣдующiя сферы дѣятельности: религiозную, военную, финансовую (приходъ и расходъ), полицейскую (городскую площадь, самый городъ, гавани, всю территорiю государства), далѣе судебную (записи контрактовъ, приведенiе въ исполненiе судебныхъ приговоровъ, арестъ), контрольную (отчетность, ревизiю, контролированiе магистратовъ), наконецъ, законосовѣщательную касательно государственныхъ дѣлъ.

---

[1]) Т. е. власть постановлять предварительныя рѣшенiя.

[2]) Наблюдатели за жертвоприношенiями.

[3]) Стражи храмовъ.

13. Въ государствахъ, пользующихся большимъ «досугомъ» и благоденствіемъ, и сверхъ того пекущихся о добронравіи, бываютъ слѣдующія спеціальныя магистратуры: гинэкономія[1]), помофилакія[2]), пэдономія[3]), гимнасіархія[4]); кромѣ того, попеченіе о гимническихъ и діонисовскихъ агонахъ[5]) и вообще объ имѣющихся въ государствѣ иныхъ подобнаго рода публичныхъ зрѣлищахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ магистратуръ, очевидно, не свойственны демократическому строю. Таковы, напримѣръ, гинэкономія и пэдономія. Вѣдь неимущій человѣкъ вынужденъ бываетъ пользоваться помощью при работѣ и женъ и дѣтей, за неимѣніемъ рабовъ. Изъ трехъ властей для отправленія тѣхъ магистратуръ, на которыя избираются магистраты съ верховными полномочіями, именно номофилаковъ, пробуловъ и совѣта, номофилаки—аристократическій институтъ, пробулы—олигархическій, совѣтъ—демократическій.

Вотъ все, что въ общихъ чертахъ, можно сказать о всѣхъ магистратурахъ.

---

[1]) Надзоръ за женщинами.
[2]) Охрана законовъ.
[3]) Надзоръ за дѣтьми.
[4]) Управленіе гимназіями.
[5]) Т. е. гимнастическихъ и театральныхъ состязаніяхъ.

КНИГА VII.

1.

1. Намѣревающемуся представить надлежащее изслѣдованіе о наилучшемъ государственномъ строѣ необходимо прежде всего точно установить: какая жизнь заслуживаетъ наибольшаго предпочтенія. Разъ это остается невыясненнымъ, неизвѣстно, конечно, будетъ и то, какой государственный строй долженъ быть признанъ наилучшимъ. Вѣдь ясно, что пользующіеся наилучшимъ государственнымъ строемъ должны, подъ вліяніемъ окружающей ихъ обстановки, и поступать въ своей дѣятельности наилучшимъ образомъ, если не препятствуютъ этому какія-либо неожиданныя случайности. Вотъ потому-то и надлежитъ прежде всего согласиться въ томъ, какой же образъ жизни для всѣхъ, говоря вообще, является наиболѣе всего предпочтительнымъ, а затѣмъ уже рѣшить вопросъ, представляется ли такой образъ жизни тожественнымъ или различнымъ для всей совокупности людей, [объединенныхъ государствомъ], и для каждаго изъ нихъ, въ [отдѣльности взятаго].

2. Полагая, что въ нашихъ эксотерическихъ [1]) разсужденіяхъ съ достаточною полнотою обслѣдованъ вопросъ объ идеалѣ жизни, мы и для нашей теперешней цѣли используемъ эти разсужденія [2]). Въ самомъ дѣлѣ, основываясь на указанномъ въ нихъ

---

[1]) Ср. выше стр. 110, прим. 1.

[2]) Ср. *Евдемова этика*, II, 1, 1218 b 32: „всѣ блага распадаются на блага внѣшнія и блага духовныя; изъ нихъ болѣе предпочтительны послѣднія, какъ мы и установили это подраздѣленіе въ эксотерическихъ разсужденіяхъ [ср. *Никомахова этика*, I, 8, 1098 b 9 сл., стр. 13 перевода Э. Л. Радлова]; ибо въ душѣ сосредоточены разсудительность, добродѣтель и наслажденіе, блага, которыя или отчасти, или во всей совокупности, всѣми признаются благами конечными“.

подраздѣленіи, едва ли кто сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что существуютъ три сорта благъ: блага внѣшнія, физическія и духовныя; всѣ эти блага должны быть на-лицо у человѣка счастливаго. Развѣ можно назвать счастливымъ того, кто не обладаетъ, хотя бы въ незначительной степени, мужествомъ, скромностью, справедливостью, разсудительностью, кто боится пролетающей мимо него мухи, кто не останавливается ни предъ какими, даже самыми крайними, средствами, лишь бы утолить голодъ и жажду, кто изъ-за полушки готовъ пожертвовать самыми близкими своими друзьями, кто до такой степени неразсудителенъ и дѣлаетъ въ логикѣ столь грубые промахи, что уподобляется ребенку, либо сумасшедшему? 3. Но между тѣмъ какъ на этотъ счетъ почти всѣ пришли къ полному соглашенію, существуетъ разногласіе о размѣрахъ и относительной цѣнности упомянутыхъ выше благъ [въ практическомъ приложеніи ихъ къ счастливой жизни]. И если наличность добродѣтели, даже въ ничтожной степени, признается въ этомъ отношеніи достаточной, стремленія къ богатству, имущественной собственности, могуществу, славѣ и т. под. не имѣютъ никакихъ ограничительныхъ предѣловъ [1]). Такого рода ненасытнымъ людямъ мы скажемъ, что въ установленномъ нами положеніи легко убѣдиться при помощи фактовъ: стоитъ лишь обратить вниманіе на то, что не добродѣтели пріобрѣтаются и охраняются внѣшними благами, но, наоборотъ, внѣшнія блага пріобрѣтаются и охраняются добродѣтелями; что счастье въ жизни—будетъ ли оно для людей выражаться въ наслажденіи, или въ добродѣтели, или и въ томъ и въ другомъ—сопутствуетъ тѣмъ людямъ, которые въ преизбыткѣ украшены чистымъ сердцемъ и тонкимъ разумомъ и которые обнаруживаютъ умѣренныя требованія въ дѣлѣ пріобрѣтенія внѣшнихъ благъ, въ гораздо большей степени, нежели тѣмъ, которые обладаютъ внѣшними благами въ большей степени, чѣмъ это нужно,

[1]) Ср. Платонъ, *Апологія Сократа*, 29 е: „о, лучшій изъ мужей, гражданинъ города Аѳинъ..., не стыдно ли тебѣ, что ты заботишься о деньгахъ, чтобы ихъ было у тебя какъ можно больше, о славѣ и о почестяхъ, а о разумности, объ истинѣ, и о душѣ своей, чтобы она была какъ можно лучше, не заботишься и не помышляешь?“ [Переводъ Вл. Соловьева].

тогда какъ въ благахъ внутреннихъ у нихъ ощущается недостатокъ [1]).

4. Впрочемъ и теоретическое разсужденіе приводитъ, очевидно, къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ. [Внѣшнія блага, какъ своего рода орудіе—а всякое орудіе пригодно для какой-нибудь опредѣленной цѣли—имѣютъ предѣлъ; преизбытокъ внѣшнихъ благъ, неизбѣжно, либо приноситъ обладателямъ ихъ вредъ или, во всякомъ случаѣ, не приноситъ никакой пользы; всякое же изъ духовныхъ благъ поскольку находится въ преизбыткѣ, постольку оказывается болѣе полезнымъ, если вообще можно допустить, что духовныя блага олицетворяютъ собою не только прекрасное, но и полезное.] Во всякомъ случаѣ, очевидно, высшее совершенство объектовъ, сравниваемыхъ между собою въ цѣляхъ познанія превосходства одного изъ нихъ надъ другимъ, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ тому различію между этими объектами, какое мы констатируемъ при изслѣдованіи каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Такимъ образомъ, если душа и абсолютно и по отношенію къ намъ, людямъ, является болѣе цѣннымъ объектомъ, нежели имущественная собственность и тѣло, то, конечно, и высшее совершенство каждаго изъ этихъ объектовъ стоитъ въ одинаковомъ соотношеніи [къ такому же совершенству души]. Далѣе, всѣ внѣшнія блага, естественно, желательны для души, и всѣ благомыслящіе люди должны ихъ же-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Апологія Сократа*, 30 а: „вѣдь я (Сократъ) только и дѣлаю, что хожу и убѣждаю каждаго изъ васъ, молодого и стараго, заботиться раньше и сильнѣе не о тѣлахъ вашихъ или о деньгахъ, но о душѣ, чтобы она была какъ можно лучше: не отъ денегъ рождается доблесть, а отъ доблести бываютъ у людей деньги и всѣ прочія блага, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественной“. [Переводъ Вл. Соловьева]. Исократъ, *О мирѣ*, 32: „своими духовными благами мы пріобрѣтаемъ и все остальное, намъ полезное, въ чемъ мы нуждаемся; такимъ образомъ, тотъ, кто небрежетъ развивать свой разумъ, упускаетъ изъ виду то, что онъ пренебрегаетъ не только развитіемъ своихъ умственныхъ способностей, но и возможностью дѣйствовать лучше во всемъ остальномъ“. Ксенократъ, fr. 63 (III, 127 Mullach): „Ксенократъ Халкедонскій признаетъ счастьемъ обладаніе личной добродѣтелью и присущей ей двигающей силою“. [Демокритъ]. *Золотыя изреченія*, 77 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 421): „слава и богатство безъ разсудка—ненадежныя пріобрѣтенія“. Аристотель, *Никомахова этика*, X, 9, 1179 а 9 (стр. 201 перевода Э. Л. Радлова).

лать именно ради души, а не, наоборотъ, душа должна быть желаема ради внѣшнихъ благъ.

5. Итакъ, условимся, что на долю каждаго приходится столько же счастья, сколько моральной и интеллектуальной добродѣтели и согласованной съ нею дѣятельности. Порукою намъ въ томъ божество, которое счастливо и блаженно не всилу какихъ-либо внѣшнихъ благъ, но само по себѣ и всилу присущихъ его природѣ свойствъ. Въ этомъ-то и состоитъ, конечно, отличіе счастія отъ счастливой удачи [1]): внѣшнія блага, не духовныя, выпадаютъ на нашу долю благодаря случайности и счастливой судьбѣ, но нѣтъ никого, кто былъ бы справедливымъ и скромнымъ отъ судьбы и благодаря ей. Слѣдствіемъ этого положенія, вытекающимъ изъ тѣхъ же самыхъ основаній, является то, что и наилучшее государство есть вмѣстѣ съ тѣмъ государство счастливое и руководящееся въ своей дѣятельности принципомъ прекраснаго. Дѣйствовать прекрасно невозможно тѣмъ, кто совершаетъ не прекрасные поступки; и никакого прекраснаго дѣянія ни человѣкъ, ни государство не можетъ совершить безъ моральной и интеллектуальной добродѣтели. Мужество, справедливость и разсудительность имѣютъ въ государствѣ то же значеніе и тотъ же обликъ, какіе они имѣютъ въ каждомъ индивидѣ, и въ зависимости отъ наличности этихъ качествъ индивидъ и называется справедливымъ, разсудительнымъ и скромнымъ.

6. Пусть послужатъ предыдущія соображенія предисловіемъ къ нашему изслѣдованію. Не коснуться ихъ вовсе было бы нельзя, хотя такъ же невозможно подробно разсмотрѣть всѣ относящіеся сюда вопросы: это—предметъ особой дисциплины. Пока будемъ считать прочно установленнымъ слѣдующее положеніе: наилучшее существованіе, какъ для каждаго индивида въ отдѣльности, такъ и вообще для государствъ, есть то, при которомъ добродѣтель настолько обезпечена внѣшними благами, что, вслѣдствіе этого, оказывается возможнымъ поступать въ своей дѣятельности согласно требованіямъ добродѣтели [2]). Возраженія, ко-

---

[1]) Ср. *Риторика*, I, 5, 1361 b 39: „удача (εὐτυχία) заключается въ пріобрѣтеніи и обладаніи или всѣми, или большею частью, или главнѣйшими изъ тѣхъ благъ, происхожденіе которыхъ случайно“.

[2]) Аристотель скрыто полемизируетъ съ Ксенократомъ, который ото-

торыя могутъ быть приведены противъ этого положенія, мы оставимъ въ настоящемъ разсужденіи въ сторонѣ и разсмотримъ ихъ впослѣдствіи, если кто не убѣдился еще тѣми доводами, которые приведены выше.

2.

1. Остается разобрать, должно ли признавать счастье каждаго индивида, въ отдѣльности взятаго, и счастье государства тожественнымъ, или не тожественнымъ. Отвѣтъ на это ясенъ, такъ какъ, повидимому, всѣ согласны съ тѣмъ, что—тожественно. Кто полагаетъ счастливую жизнь индивида въ богатствѣ, тотъ признаетъ счастливымъ и цѣлое государство въ томъ только случаѣ, если оно будетъ богатымъ. Кто всего болѣе почитаетъ жизнь тиранна, тотъ готовъ признать самымъ счастливымъ такое государство, которое заключаетъ въ своихъ рукахъ наибольшую полноту власти. Кто, наконецъ, цѣнитъ индивида въ зависимости отъ присущей ему добродѣтели, тотъ и государство будетъ считать болѣе счастливымъ такое, въ которомъ эта добродѣтель найдетъ большее для себя примѣненіе. 2. Но здѣсь возникаютъ два вопроса, требующіе разъясненія: 1) какая жизнь заслуживаетъ большаго предпочтенія, [жизнь ли гражданина, какъ] объединяющая людей въ одномъ государственномъ организмѣ и пріобщающая ихъ къ нему, или, скорѣе, жизнь чужестранца, стоящаго внѣ государственнаго общенія [1])? и 2) какой государственный строй, какую государственную организацію должно признать наилучшей, ту ли, при которой для всѣхъ желательно участвовать въ государственной жизни, или ту, при которой это желательно не для всѣхъ, но для большинства [2])? Въ сферу разсмотрѣнія и изслѣдованія политики, [какъ науки о го-

---

жествлялъ хорошую и счастливую жизнь. Ср. *Топика*, VII, 1, 152 а 7: „Ксенократъ доказываетъ тожество счастливой и хорошей жизни, такъ какъ, по его утвержденію, изъ всѣхъ родовъ жизни самая предпочтительная—жизнь хорошая и счастливая, а самое предпочтительное и великое можетъ быть только одни мъ".

[1]) Ср. слова Аристиппа въ *Воспоминаніяхъ о Сократѣ* Ксенофонта, II, 1, 13: „а я... не заключаю себя въ государство, но повсюду являюсь чужестранцемъ".

[2]) Вмѣсто εἴτε καὶ τισὶ μὲν читаю εἴτε πᾶσι μὲν.

сударствѣ], относится разрѣшеніе только второго вопроса, а не того, что является предпочтительнымъ для каждаго индивида. Поэтому мы теперь будемъ преимущественно заниматься въ нашемъ изслѣдованіи разсмотрѣніемъ лишь второго вопроса, считая его кардинальнымъ въ наукѣ о государствѣ, первый же вопросъ отнесемъ къ числу вопросовъ, представляющихъ второстепенный интересъ.

3. Итакъ ясно, что наилучшимъ государственнымъ строемъ должно признать такой, организація котораго даетъ возможность всякому человѣку поступать въ своей дѣятельности наилучшимъ образомъ и жить счастливо. Но даже тѣ, кто согласны въ томъ, что всего болѣе предпочтительна жизнь, согласная съ требованіями добродѣтели, колеблются, чему отдать предпочтеніе: политической ли жизни и практически дѣятельной, или такой жизни, которая свободна отъ всякой внѣшней дѣятельности, напримѣръ, той созерцательной жизни, какая нѣкоторыми только и считается жизнью, достойною философа [1]). Тѣ, кто всего ревностнѣе относятся къ запросамъ, предъявляемымъ добродѣтелью, и изъ людей ранѣе жившихъ и теперь живущихъ, очевидно, и склонялись къ этимъ двумъ образамъ жизни, именно къ образу жизни политическаго дѣятеля и образу жизни философа. 4. Далеко не безразлично знать, на чьей сторонѣ истина, такъ какъ необходимо, чтобы трезвый разумъ человѣка соразмѣрялся съ лучше поставлен-

---

[1]) Аристотель, вѣроятно, имѣетъ въ виду Анаксагора, о которомъ у Лаэртія Діогена, II, 6 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 304) разсказывается слѣдующее: „Анаксагоръ отличался благородствомъ происхожденія и богатствомъ, но въ то же время и великодушіемъ; онъ отказался отъ отцовскаго имущества въ пользу своихъ родственниковъ; а когда они его стали обвинять въ томъ, что онъ пренебрегаетъ имъ, Анаксагоръ замѣтилъ: «а чего вы сами-то не заботитесь»? Въ концѣ-концовъ Анаксагоръ отказался отъ имущества и обратился къ изслѣдованію природы, нисколько не интересуясь политическою дѣятельностью“. То же повторяетъ объ Анаксагорѣ Климентъ Александрійскій, *Strom.* II, 130, p. 497 P (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 310): „Анаксагоръ утверждалъ, что цѣль жизни—созерцаніе ея и получающаяся въ результатѣ этого созерцанія свобода“. Ср. *Никомахова этика*, X, 9, 1179 b 13 сл. (стр. 201 сл. перевода Э. Л. Радлова). И Сократъ, по словамъ Плутарха, *Слѣдуетъ ли управлять старику государствомъ*, 26, „первый показалъ, что жизнь во всякое время, въ каждой своей части, и въ аффектахъ и въ дѣйствіяхъ, заключаетъ въ себѣ для всѣхъ своего рода философію“.

ною цѣлью жизни, трезвый разумъ какъ каждаго индивида, такъ и государства въ его цѣломъ. По мнѣнію однихъ, властвовать надъ своими ближними «деспотически»—дѣло величайшей несправедливости, властвовать же надъ ними «политически» хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, но препятствуетъ благоденствію самого властителя [1]). Совершенно противоположно мнѣніе другихъ: практически дѣятельная, т. е. государственная жизнь, только и есть удѣлъ мужа [2]), потому что въ [примѣненіи] каждой добродѣтели открывается большее поле дѣятельности не для частнаго человѣка, но только для того, кто занимается общественными и государственными дѣлами [3]). 5. Одни думаютъ такъ. Другіе же утверждаютъ, что счастливымъ является исключительно деспотическій и тиранническій способъ организаціи государственной жизни. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ отличительною чертою ихъ строя и законодательства [4]) является стремленіе подчинить своей власти сосѣдей. Вотъ почему, хотя въ большинствѣ государствъ законодательная система, въ своей значительной части, находится, такъ сказать, въ хаотическомъ состояніи, все-таки законы, если и имѣютъ въ виду какую-нибудь одну опредѣленную цѣль, такъ это именно стремленіе къ господству надъ другими [государствами]. Такъ, въ Лакедэмонѣ и на Критѣ почти все воспитаніе гражданъ и почти вся законодательная система имѣютъ въ виду военныя цѣли [5]). Также у всѣхъ не-греческихъ племенъ, достаточно сильныхъ для того, чтобы имѣть превосходство надъ другими, военная мощь пользуется большимъ зна-

---

[1]) Ср. Исократъ, *Письмо VI*, 11: „мнѣ кажется болѣе предпочтительною и лучшею жизнь частныхъ лицъ, нежели тиранновъ, и я считаю болѣе пріятнымъ тотъ почетъ, съ которымъ сопряжена государственная жизнь, въ политіяхъ, [т. е. въ конституціонныхъ государствахъ], нежели въ монархіяхъ“.

[2]) Ср. слова Горгія у Платона, *Менонъ*, 71 е: „добродѣтель мужа заключается въ способности заниматься политическою дѣятельностью“.

[3]) Иначе высказывается по этому поводу Аристотель въ *Никомаховой этикѣ*, X, 9, 1171 a 6 (стр. 201 перевода Э. Л. Радлова).

[4]) Слѣдую рукописямъ, дающимъ чтеніе δ' οὗτος καὶ τῶν νόμων καὶ τῆς πολιτείας ὅρος вмѣсто принятаго Иммишемъ: δὲ καὶ τῆς πολιτείας οὗτος ὅρος τῶν νόμων.

[5]) Ср. Платонъ, *Законы*, 626 a: „критскій законодатель составилъ всѣ законы и общаго и частнаго характера, имѣя въ виду одну цѣль—войну“.

ченіемъ; это мы видимъ, напримѣръ, у скиѳовъ, персовъ, ѳракійцевъ, кельтовъ [1]). 6. Въ нѣкоторыхъ государствахъ опредѣленными законоположеніями рекомендуется даже развивать въ себѣ эту воинскую добродѣтель, напримѣръ, въ Карѳагенѣ, гдѣ, говорятъ, считается знакомъ отличія украшеніе, состоящее изъ запястій по числу сдѣланныхъ походовъ. Да и въ Македоніи былъ въ старину законъ, всилу котораго человѣкъ, не убившій ни одного непріятеля, долженъ былъ носить особаго рода поясъ. Въ Скиѳіи человѣкъ, не убившій еще ни одного врага, не имѣлъ права во время одного праздника пить изъ круговой чарки. У воинственнаго племени иберовъ вколачиваютъ вокругъ могилы умершаго столько кольевъ, сколько имъ истреблено было враговъ [2]). И у другихъ племенъ существуетъ много подобнаго рода обрядовъ, отчасти установленныхъ законами, отчасти освященныхъ обычаями. 7. Правда, могло бы показаться, при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ высокой степени страннымъ, если бы главная задача государственнаго дѣятеля заключалась въ возможности изысканія средствъ властвовать и господствовать надъ сосѣдями, все равно желаютъ они этого или не желаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло бы считаться задачею государственнаго дѣятеля или законодателя то, что само по себѣ не составляетъ предмета закона [3])? А не можетъ быть дѣломъ закона властвованіе не только по праву, но и вопреки праву; стремленіе же къ насильственному подчиненію, конечно, противорѣчитъ идеѣ права.

8. Ничего подобнаго мы не усматриваемъ въ остальныхъ искусствахъ, сопряженныхъ со знаніемъ. Ни врачъ, ни кормчій не ставятъ своею задачею убѣждать или побуждать силою паціентовъ—лѣчиться, пассажировъ—плыть на кораблѣ. Однако, несмотря на это, повидимому, большинство людей считаютъ за-

---

[1]) Ср. Геродотъ, II, 167: „ѳракійцы, скиѳы, персы, лидяне, то есть, почти всѣ варвары меньше цѣнятъ тѣхъ гражданъ и ихъ потомковъ, которые занимаются ремеслами, напротивъ, считаютъ благородными тѣхъ, которымъ совершенно чуждъ ручной трудъ, и которые вѣдаютъ только военное дѣло". [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[2]) Ср. Н. А. Ригана, *Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.*, XIX (1910), стр. X сл.

[3]) Еврипидъ, *Іонъ*, 442: „развѣ справедливо то, что вы, законы издавъ для смертныхъ, сами навлекаете на себя упрекъ въ беззаконіи"?

дачей политики умѣнье «деспотически» властвовать и не стыдятся допускать въ отношеніи остальныхъ людей такія мѣропріятія, какія по отношенію къ самимъ себѣ они не считаютъ ни справедливыми, ни полезными: для самихъ себя они требуютъ признанія ихъ власти справедливою, а по отношенію къ остальнымъ имъ до справедливости нѣтъ никакой заботы. 9. Но такого рода «деспотическая» политика, въ своей основѣ, нелѣпа, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда сама природа предопредѣлила, что однимъ людямъ свойственно подлежать «деспотической» власти, другимъ—не свойственно. Если это такъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя стремиться къ «деспотической» власти надъ всѣми, но только надъ тѣми, кому свойственно подлежать ей; вѣдь для того, чтобы устроить пиръ, либо жертвоприношеніе не на людей должно устраивать охоту, но лишь на тѣ существа, которыя служатъ для нея, а таковыми въ данномъ случаѣ являются дикія животныя, и притомъ такія, мясо которыхъ идетъ въ пищу. Напротивъ, и совершенно изолированное государство могло бы оказаться счастливымъ само по себѣ въ томъ случаѣ, когда устройство его организовано безспорно прекрасно, если только вообще возможно предположить гдѣ-либо существованіе такой государственной организаціи, которая, будучи сама по себѣ изолирована и имѣя хорошіе законы, не будетъ стремиться ни къ войнѣ, ни къ господству надъ врагами, за отсутствіемъ подобнаго рода завоевательныхъ стремленій. 10. Отсюда, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что нужно тщательно заботиться о государственной оборонѣ, но не должно считать ее высшею и главною цѣлью государства, а лишь средствомъ быть готовымъ къ войнѣ. Задачею же энергичнаго законодателя должно служить стремленіе увидѣть государство и живущее въ немъ населеніе и вообще всякаго рода иное общеніе людей наслаждающимися благою жизнью и возможнымъ для нихъ счастьемъ. Конечно, тѣ или другія изъ устанавливаемыхъ съ этой цѣлью законоположеній будутъ далеко не одинаковы; и отъ искусства законодателя зависитъ предусмотрѣть, какія надлежащія мѣропріятія государство должно предпринять по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ—буде они имѣются—въ зависимости отъ отличительныхъ свойствъ каждаго изъ нихъ, какія мѣры оно должно выработать примѣнительно къ каждому изъ своихъ сосѣдей. Впрочемъ вопросъ объ этомъ будетъ

должнымъ образомъ разобранъ ниже, когда мы будемъ изслѣдовать, какія цѣли долженъ преслѣдовать наилучшій государственный строй.

3.

1. Обращаясь къ тѣмъ, по признанію которыхъ предпочтительнѣе всего жизнь, покоящаяся на добродѣтели и которые придерживаются различныхъ воззрѣній насчетъ способовъ примѣненія этой жизни, мы дадимъ отвѣтъ и тѣмъ и другимъ. [Вспомнимъ, что] одни отвергаютъ всякое участіе въ государственной дѣятельности, поскольку она выражается въ занятіи магистратуръ, считая жизнь свободнаго человѣка совершенно отличною отъ жизни государственнаго дѣятеля и наиболѣе всего предпочтительною [1]); другіе, напротивъ, наилучшею жизнью признаютъ жизнью государственнаго дѣятеля, указывая на то, что невозможно человѣку, ничѣмъ не занимающемуся, поступать хорошо, такъ какъ дѣятельность, направленная на благо, тожественна со счастіемъ. И тѣ и другіе въ одномъ отношеніи правы, въ другомъ—не правы. Конечно, истина—то, что жизнь свободнаго [отъ государственныхъ обязанностей] человѣка лучше жизни господина [надъ рабами]: имѣть дѣло съ рабомъ постольку, поскольку онъ—рабъ, не заключаетъ въ себѣ ничего возвышеннаго, все равно какъ и отдавать приказанія, касающіяся житейскихъ надобностей—не имѣетъ ничего общаго съ прекраснымъ. 2. Но развѣ правильно считать всякую власть деспотіею? Вѣдь различіе въ господствѣ надъ свободными людьми и надъ рабами не менѣе существенно, чѣмъ различіе между существомъ, по своей природѣ свободнымъ, и существомъ, по своей природѣ рабскимъ, о чемъ достаточно было сдѣлано указаній въ началѣ нашего разсужденія. Съ другой стороны, не соотвѣтствуетъ истинѣ превозносить бездѣятельность надъ дѣятельностью, такъ какъ счастье предполагаетъ именно дѣятель-

---

[1]) Ср. Лаэртій Діогенъ, VIII, 63: „Аристотель говоритъ, что Эмпедоклъ былъ свободнымъ человѣкомъ и чуждался всякаго рода государственной службы, и что онъ отказался отъ предлагаемой ему царской власти, какъ объ этомъ говоритъ Ксанѳъ въ его біографіи, отдавъ, очевидно, предпочтеніе простому образу жизни“. Ср. выше объ Анаксагорѣ, стр. 300, прим. 1.

ность, причемъ дѣятельность справедливыхъ и скромныхъ людей заключаетъ въ своей конечной цѣли много прекраснаго. 3. Послѣ такого опредѣленія, пожалуй, кто-либо будетъ склоненъ думать, что имѣть верховную власть надъ всѣмъ — высшее благо, такъ какъ въ такомъ случаѣ явилась бы возможность совершить наибольшее число прекраснѣйшихъ дѣлъ [1]), такъ что тотъ, кто можетъ властвовать, не долженъ уступать этой власти своему ближнему, но постараться отнять власть у этого ближняго, не обращая никакого вниманія и не считаясь съ тѣмъ, кто эти ближніе—отецъ и дѣти, дѣти и отецъ, и вообще другъ и другъ. Вѣдь высшее благо—предпочтительнѣе всего, а благая дѣятельность и является этимъ высшимъ благомъ.

4. Такое мнѣніе, пожалуй, было бы и справедливо, если бы въ грабежѣ и насиліи заключалась высшая цѣль всего сущаго, но такъ какъ это—абсурдъ, то поэтому и указанное предположеніе ложно. Дѣло въ томъ, что для того, чтобы поступать въ своей дѣятельности прекрасно, нужно отличаться [отъ себѣ подобныхъ] настолько же, насколько отличается мужчина отъ женщины, отецъ отъ дѣтей, господинъ отъ рабовъ тотъ же, кто преступаетъ законы добродѣтели, не въ состояніи впослѣдствіи исправить то зло, какое онъ уже совершилъ своимъ уклоненіемъ съ ея пути. Вѣдь между подобными другъ другу существами прекрасное и справедливое заключается въ чередованіи [властвованія и подчиненія], потому что это чередованіе и создаетъ равенство и подобіе, неравенство же между равными и различіе между одинаковыми суть явленія противоестественныя, а ничто противоестественное не можетъ быть прекраснымъ. Поэтому если какой-либо человѣкъ будетъ превосходить другого въ добродѣтели и окажется въ состояніи проявлять наилучшую дѣятельность, то слѣдовать за такимъ человѣкомъ—прекрасно, а повиноваться ему—справедливо. Само собою разумѣется, что такой человѣкъ долженъ обладать не одною только добродѣтелью, но и способностью проявлять свою дѣятельность [въ духѣ добродѣтели].

---

[1]) Можетъ быть, Аристотель въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду Ясона, тиранна Ферскаго, о которомъ онъ замѣчаетъ въ *Риторикѣ*, I, 12, 1373 а 25: „ѳессаліецъ Ясонъ говорилъ, что должно иногда поступать несправедливо, чтобы имѣть возможность совершать много справедливыхъ дѣлъ". [Переводъ Н. Н. Платоновой].

5. Если все это такъ и если счастьемъ должно считать благую дѣятельность, то и вообще для всякаго государства и въ частности для каждаго индивида наилучшею жизнью была бы жизнь дѣятельная. Но это не значитъ еще, какъ думаютъ нѣкоторые, что нужно проявлять свою дѣятельность только по отношенію къ другимъ, все равно какъ не тѣ только идеи оказываются осуществимыми на практикѣ, которыя преслѣдуютъ положительные результаты, вытекающіе изъ самой дѣятельности, но еще большее значеніе имѣютъ тѣ теоріи и размышленія, цѣль которыхъ въ самихъ себѣ и которыя существуютъ ради самихъ себя. Вѣдь и тутъ цѣлью является благая дѣятельность, такъ что [уже стремленіе къ этой цѣли] есть своего рода дѣятельность; и даже при всякаго рода внѣшнихъ дѣйствіяхъ мысль, направляющая ихъ, можетъ быть, въ строгомъ смыслѣ, названа дѣятельностью. 6. Тѣмъ не менѣе и тѣ государства, которыя создаются ради самихъ себя и предпочитаютъ пребывать въ такомъ изолированномъ состояніи, не должны чуждаться дѣятельности; и онѣ могутъ проявлять хотя бы частичную дѣятельность, потому что и въ такого рода государствахъ многія группы, находящіяся между собою въ общеніи, могутъ стоять хотя бы отчасти во взаимныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. То же самое можно сказать и о каждомъ индивидѣ, въ отдѣльности взятомъ, ибо въ противномъ случаѣ едва ли мыслимо было бы допустить благое существованіе божества и всего міра, у которыхъ нѣтъ никакой внѣшней дѣятельности, помимо лично имъ присущей внутренней.

Итакъ ясно, что наилучшая жизнь для каждаго индивида въ отдѣльности и для всего государства въ его цѣломъ видѣ [1]) должна быть одною и тою же.

4.

1. Послѣ того какъ мы предпослали, въ качествѣ введенія, сказанное выше, а объ остальныхъ формахъ государственнаго строя представили наши соображенія ранѣе, пора обратиться къ разсмотрѣнію того, что намъ осталось изслѣдовать, и прежде всего выяснить, каковы же должны быть предпосланы требованія

---

[1]) Слѣдую чтенію Беккера, выкидывающаго слова καὶ τοῖς ἀνθρώποις.

для такого государства, которое могло бы имѣть желанную организацію. Вѣдь наилучшій государственный строй не можетъ возникнуть безъ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ для того условій. Поэтому мы въ правѣ выставить массу такого рода предварительныхъ условій, въ качествѣ желательныхъ, но ни одно изъ нихъ, разумѣется, не должно быть неисполнимымъ [по своему существу]. Я имѣю въ виду, напримѣръ, вопросы о количествѣ гражданскаго населенія, о размѣрахъ территоріи государства.

2. Всякаго рода ремесленники, напримѣръ, ткачи, кораблестроители, должны имѣть въ своемъ распоряженіи матеріалъ, пригодный для ихъ работы [1]); и чѣмъ этотъ матеріалъ будетъ лучшаго изготовленія, тѣмъ, разумѣется, лучше будутъ и продукты ремесла. Точно такъ же и въ рукахъ государственнаго дѣятеля и законодателя долженъ быть въ распоряженіи соотвѣтствующій и пригодный матеріалъ. Первымъ условіемъ для матеріальнаго обезпеченія существованія государства является совокупность гражданъ; и вотъ возникаетъ вопросъ, какъ велико должно быть ихъ число, какія отъ природы они должны имѣть качества, точно такъ же, какого размѣра должна быть территорія государства и каковы должны быть ея свойства.

3. Большинство полагаетъ, что счастливое государство должно быть непремѣнно большимъ по своимъ размѣрамъ [2]). Но если даже это мнѣніе справедливо, все же является недоумѣніе, какое государство должно считать большимъ и какое небольшимъ. Величину государства измѣряютъ количествомъ его населенія; но скорѣе нужно обращать вниманіе не на количество, а на качество [3]). Вѣдь и у государства есть свои задачи, а по-

---

¹) Ср. Ксенофонтъ, *О командованіи конницею*, 6, 1: „никто не былъ бы въ состояніи создать что-либо по своему желанію, если бы у него не было подъ руками того матеріала, изъ котораго онъ будетъ творить и которымъ мастеръ могъ бы распоряжаться по своему усмотрѣнію“.

²) Ср. Платонъ, *Законы*, 742 d: „каждый здравомыслящій политическій дѣятель долженъ желать не того, чего желаетъ большинство, утверждающее, будто хорошій законодатель долженъ стремиться создать государство какъ можно бо́льшихъ размѣровъ и наиболѣе богатое и что, будто, имѣя это въ виду, онъ и долженъ издавать соотвѣтствующіе законы“.

³) Ср. Ксенофонтъ, *Анабазисъ*, VII, 7, 36: „не количество служитъ опредѣленіемъ великаго и малаго, но качество отдающаго и получающаго.

тому величайшимъ государствомъ должно признавать такое, которое въ состоянiи выполнить эти задачи наилучшимъ образомъ. Иппократа можно назвать бòльшимъ какъ врача, а не какъ человѣка по сравненiю съ другимъ человѣкомъ, отличающимся отъ Иппократа болѣе высокимъ ростомъ. 4. Но если даже критерiемъ [по отношенiю къ государству] должно служить количество [его населенiя], все-таки нельзя руководствоваться при этомъ случайнымъ количествомъ (вѣдь въ государствахъ, конечно, должно быть и большое число рабовъ, также метэковъ и иностранцевъ), но принимать въ разсчетъ только то населенiе, которое составляетъ органическую часть государства и которое служитъ его существенными элементами. Вотъ преизбытокъ такого рода элементовъ населенiя дѣйствительно служитъ показателемъ того, что государство велико, а то государство, которое заключаетъ въ себѣ многочисленный классъ ремесленниковъ, но мало тяжеловооруженныхъ, нельзя считать государствомъ большимъ: вѣдь понятiя большого государства и многонаселеннаго государства не тожественны. 5. Опытъ показываетъ, однако, какъ трудно, чтобы не сказать невозможно, дать правильно-закономѣрную организацiю слишкомъ многонаселенному государству; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что всѣ тѣ государства, которыя славятся прекрасной организацiей, не допускаютъ чрезмѣрнаго увеличенiя ихъ народонаселенiя. Это ясно и на основанiи логическихъ соображенiй: законъ имѣетъ въ виду обезпечить извѣстнаго рода порядокъ; хорошiй законъ, очевидно, долженъ имѣть въ виду дать хорошiй порядокъ; а развѣ въ чрезмѣрно большое количество можетъ быть введенъ какойнибудь порядокъ? Это было бы дѣломъ божественной силы, которая и въ этомъ случаѣ является силой, все объединяющей. 6. Прекрасное обыкновенно находитъ свое воплощенiе въ количествѣ и пространствѣ [1]); поэтому и то государство, въ которомъ объединяются величина и благопорядокъ, должно быть считаемо наипрекраснѣйшимъ. Съ другой стороны, и для величины государства, какъ и всего остального, животныхъ, растенiй, орудiй,

---

[1]) Ср. *Метафизика*, III, 1078 a 36: „главныя свойства прекраснаго: порядокъ, симметрiя, опредѣленные размѣры". Платонъ, *Филебъ* 64 e: „соразмѣрность и симметрiя повсюду соединены съ представленiями о красотѣ и добродѣтели".

существуетъ извѣстная мѣра. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ нихъ, будучи либо чрезвычайно малымъ, либо выдаваясь своею величиною, не будетъ въ состояніи проявлять присущихъ ему качествъ, но въ одномъ случаѣ совершенно утратитъ свои естественныя свойства, въ другомъ эти свойства будутъ у него обрѣтаться въ плохомъ состояніи. Такъ, напримѣръ, судно въ одну пядень не будетъ уже вообще судномъ, равно какъ и судно въ двѣ стадіи [1]); между тѣмъ судно опредѣленныхъ размѣровъ—будутъ ли эти размѣры отличаться своею ничтожностью, или, напротивъ, чрезвычайностью—все-таки годно хотя бы и для плохого на немъ плаванія.

7. Равнымъ образомъ, однако, и государство съ крайне малочисленнымъ населеніемъ не можетъ довлѣть себѣ (а государство есть нѣчто самодовлѣющее). Государство съ чрезмѣрно большимъ населеніемъ, правда, довлѣетъ себѣ въ своихъ потребностяхъ, но оно является въ этомъ случаѣ племенною, а не государственною единицею, такъ какъ нелегко дать такому государству какую-либо организацію. И дѣйствительно, кто станетъ предводителемъ такого до чрезвычайныхъ размѣровъ дошедшаго населенія, кто будетъ глашатаемъ? развѣ только человѣкъ съ голосомъ Стентора. Отсюда слѣдуетъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ государство должно заключать въ себѣ такое количество населенія, которое было бы прежде всего самодовлѣющимъ для устройства благой жизни на началахъ политическаго общенія. Можетъ оказаться и такое государство, которое, превосходя первое по количеству населенія, будетъ больше его; но, какъ мы уже указали, это увеличеніе населенія не должно быть безграничнымъ. А какова граница преизбытка населенія, легко усмотрѣть изъ задачъ, предлежащихъ государству. Дѣятельность государства распредѣляется между властвующими и подчиненными; задача первыхъ—давать [административныя] приказанія и постановлять [судебныя] рѣшенія. А для того, чтобы постановлять рѣшенія на основѣ права, и для того, чтобы распредѣлять магистратуры по достоинству, граждане непремѣнно должны знать другъ друга, какими качествами они обладаютъ; гдѣ этого не бываетъ, тамъ и съ замѣщеніемъ магистратуръ и съ производствомъ судебныхъ процессовъ,

---

[1]) 370 метровъ.

дѣло, неизбѣжно, обстоитъ плохо. Вѣдь и въ томъ и въ другомъ случаѣ импровизировать—дѣло не справедливое, а это явно имѣетъ мѣсто при чрезвычайно густомъ населеніи государства. 8. Сверхъ того въ густонаселенномъ государствѣ легко даровать права гражданства и иностранцамъ и метэкамъ, такъ какъ нетрудно провести это секретно именно вслѣдствіе преизбытка населенія. Такимъ образомъ ясно, какова должна быть идеальная граница размѣровъ населенія въ государствѣ: государство должно имѣть возможно большій преизбытокъ населенія въ цѣляхъ самодовлѣющаго его существованія, но этотъ преизбытокъ долженъ оставаться легко обозримымъ.

Вотъ какъ мы опредѣляемъ величину [населенія] государства.

5.

1. Одинаково обстоитъ дѣло и съ вопросомъ о территоріи государства. Что касается свойствъ, какимъ она должна удовлетворять, то, очевидно, всякій одобрилъ бы такую территорію, которая гарантируетъ государству наибольшее самодовлѣніе [въ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей]. Этому условію удовлетворяетъ, конечно, такая территорія, на которой произростаютъ всякаго рода продукты, такъ какъ самоудовлетвореніе и заключается въ томъ, чтобы все имѣлось, чтобы ни въ чемъ не было недостатка [1]). Протяженіе и продуктивность территоріи должны быть таковыми, чтобы населеніе ея имѣло возможность проводить жизнь, имѣя [необходимый] досугъ, наслаждаясь свободой и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаясь умѣреннымъ въ своихъ потребностяхъ. Правильно ли или неправильно даваемое нами теперь опредѣленіе, это мы обстоятельнѣе разсмотримъ впослѣдствіи [2]), когда придется говорить вообще о собственности, т. е. объ имущественномъ достаткѣ, именно какимъ образомъ и въ какомъ видѣ должно

---

[1]) И по Платону, *Законы*, 704 с, территорія идеальнаго государства „ни въ чемъ не должна нуждаться". Ср. Солонъ у Геродота, I, 32: „совмѣщеніе всего въ одномъ лицѣ невозможно подобно тому, какъ ни одна страна не довлѣетъ себѣ во всемъ, но имѣя одно, нуждается въ другомъ, и та страна наилучшая, которая имѣетъ больше всѣхъ". [Переводъ Ѳ. Г. Мищенка].

[2]) Одно изъ обѣщаній въ „Политикѣ", оставшихся не выполненными.

пользоваться ею [1]). Дѣло въ томъ, что въ обсужденіи этого вопроса есть немало спорныхъ пунктовъ, такъ какъ люди въ этомъ отношеніи впадаютъ въ ту или иную крайность—одни ударяются въ скряжничество, другіе—въ роскошь.

2. Конфигурацію территоріи опредѣлить нетрудно. Въ этомъ случаѣ, однако, слѣдуетъ считаться съ нѣкоторыми указаніями и лицъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, такъ какъ территорія должна быть трудно доступна для вторженія непріятелей, но, съ другой стороны, она должна имѣть удобные выходы для жителей [2]). Сверхъ того, какъ населеніе государства, по нашему утвержденію, должно быть легко обозримо, такъ легко обозрима должна быть и его территорія; «легко обозрима» же въ приложеніи къ территоріи значитъ то же, что ее легко можно защищать [3]). Если желаютъ достигнуть идеальнаго мѣстоположенія города, то его надлежитъ устроить такъ, чтобы онъ былъ оріентированъ одинаково хорошо и по отношенію къ морю, и по отношенію къ материку. При этомъ нужно принять во вниманіе одно, ранѣе указанное уже, условіе: городъ долженъ представлять собою среди всего окружающаго его пространства центральный пунктъ, изъ котораго возможно было бы повсюду выслать помощь. Другое условіе заключается въ томъ, чтобы къ городу могли быть легко доставляемы земельные продукты, далѣе, чтобы былъ удобный подвозъ къ нему лѣсныхъ матеріаловъ и вообще всего того, что государствомъ будетъ пріобрѣтено для обработки.

3. Много разногласій по поводу того, полезно ли или вредно

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *Гіеронъ*, 4, 8: „изобиліе и достатокъ измѣряются не цифрами, но способомъ пользованія ими на практикѣ, такъ что преизбытокъ достатка означаетъ «много», а недостача достатка—«мало»".

[2]) Аристотель, вѣроятно, въ данномъ случаѣ имѣлъ предъ собою сочиненіе писателя первой половины IV в. до Р. Хр., Энея Тактика, „Стратегическія книги", или „Мемуары о стратегикѣ". Ср. его *Commentarius Poliorceticus*, 8: „прежде всего нужно, чтобы территорія государства была трудно доступна для непріятельскихъ вторженій, чтобы въ ней трудно было разбивать лагерь, трудно передвигаться по ней, чтобы по рѣкамъ, по ней протекающимъ, трудно было переправляться и плавать".

[3]) Платонъ, *Законы*, 761 а, рекомендуетъ „сдѣлать территорію [своего идеальнаго государства] во всѣхъ отношеніяхъ трудно доступной для враговъ и всего болѣе доступной для друзей, для государства вообще, для вьючныхъ животныхъ, скота".

для государствъ, управляемыхъ хорошими законами, быть въ сообщеніи съ моремъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, продолжительное пребываніе въ государствѣ иноземцевъ, воспитанныхъ въ иныхъ законахъ, не полезно для поддержанія въ немъ добраго порядка, равно какъ не полезенъ для него и приростъ населенія, возникающій вслѣдствіе того, что, благодаря удобствамъ морскихъ сообщеній, въ государство прибываетъ и проживаетъ въ немъ масса купцовъ изъ-за границы; [при этомъ указывается на то, что] это обстоятельство стоитъ въ противорѣчіи съ правильною организаціею государственной жизни [1]). 4. Но если не считаться съ указанными неудобствами, то совершенно очевидно, что сообщеніе города и всей территоріи государства съ моремъ является большимъ преимуществомъ и въ цѣляхъ безопасности государства и съ точки зрѣнія полнаго снабженія его всѣмъ необходимымъ. Вѣдь гораздо легче выдержать непріятельское нападеніе, когда можно получить помощь тѣмъ, которымъ приходится искать спасенія, съ обѣихъ сторонъ одновременно, т. е. и съ суши, и съ моря; равнымъ образомъ и для того, чтобы нанести ударъ нападающимъ, разъ этого нельзя достигнуть съ обѣихъ сторонъ, [т. е. съ суши и съ моря], все-таки, хотя бы съ одной стороны, легче добиться въ томъ случаѣ, когда для государства открыты оба пути, [т. е. сухопутный и морской]. Точно также, при этихъ условіяхъ, удобнѣе для государства получать тѣ необходимые продукты, какихъ у него нѣтъ, а, съ другой стороны, излишекъ своихъ продуктовъ переправлять заграницу. Вѣдь государство должно вести торговлю въ своихъ личныхъ интересахъ, а не въ интересахъ другихъ. 5. Тѣ, кто обращаютъ самихъ себя въ рынокъ для всѣхъ, дѣлаютъ это въ цѣляхъ личной выгоды; но государству не подобаетъ принимать участія въ такихъ корыстолюбивыхъ стремленіяхъ, оно не должно домогаться быть такого рода торжищемъ. И теперь мы видимъ, что во многихъ государствахъ и городахъ существуютъ порты и гавани, прекрасно устроенные въ интересахъ государства, не составляющіе съ городомъ одного цѣлаго, но и не слишкомъ далеко отъ него рас-

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 705 a: „лежащее по близости къ государственной территоріи море, съ точки зрѣнія повседневной жизни, пріятное сосѣдство, но въ сущности сосѣдство солено-горькое“.

положенные, обнесенные стѣнами и снабженные иными того же рода укрѣпленіями. Ясно, что если, благодаря тѣсному общенію городовъ съ гаванями, получается та или иная выгода для послѣднихъ, то такая же выгода будетъ и для городовъ; если же это общеніе въ какомъ-либо отношеніи приноситъ вредъ, то его легко предупредить путемъ изданія соотвѣтствующихъ законоположеній, которыя опредѣляли бы и точно обозначали бы, кому изъ жителей городовъ и портовъ должно быть дозволено и кому запрещено вступать во взаимныя сношенія [1]).

6. Что касается морской силы, то, совершенно очевидно, всего полезнѣе довести ея развитіе до опредѣленнаго предѣла. Государство должно быть не только готово къ самозащитѣ, но и вселять страхъ [намѣревающимся напасть на него], оно должно охранять не только себя, но и часть своихъ сосѣдей, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. А каковы должны быть размѣры и величина морской силы, это уже нужно сообразовать съ образомъ жизни населенія государства; если оно желаетъ играть руководящую въ политическомъ отношеніи роль, то, конечно, и морскія его силы должны стоять въ соотвѣтствіи съ этою цѣлью его дѣятельности. 7. Съ другой стороны, вовсе нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы въ государствахъ было многочисленное населеніе, состоящее изъ толпы матросовъ, и, во всякомъ случаѣ, эти послѣдніе никоимъ образомъ не должны имѣть гражданскихъ правъ. [Я имѣю въ виду] не собственно флотскій экипажъ, который, наряду съ пѣхотою, вербуется изъ свободнаго гражданскаго населенія и который играетъ главную роль и составляетъ главную силу въ морскомъ дѣлѣ, я говорю о проживающей въ государствѣ массѣ періэковъ и крестьянъ, изъ которыхъ очень большое число идетъ и въ морскую службу. Такой порядокъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ настоящее время, напримѣръ, хотя бы въ государствѣ гераклеотовъ [2]), которое снаряжаетъ большое количество тріеръ, хотя само-по-себѣ это государство уступаетъ по численному составу своихъ гражданъ цѣлому ряду другихъ государствъ.

---

[1]) Аристотель слѣдуетъ въ данномъ случаѣ Платону, *Законы*, 952 d сл.
[2]) Т. е. въ Гераклеѣ Понтійской.

Вотъ наши соображенія о территоріи государства, его гаваняхъ, городахъ, общеніи съ моремъ и морскихъ силахъ.

6.

О надлежащей количественной нормѣ гражданскаго населенія мы говорили выше; теперь скажемъ о томъ, какими природными свойствами оно должно обладать. Объ этомъ можно получить достаточно ясное представленіе, обративъ вниманіе на знаменитыя эллинскія государства и на распредѣленіе различныхъ племенъ по всей вселенной. Народности, обитающія въ странахъ съ холоднымъ климатомъ, на сѣверѣ Европы, преисполнены мужественнаго характера, но интеллектуальная жизнь и художественные интересы у нихъ менѣе развиты. Поэтому онѣ дольше сохраняютъ свою свободу, но неспособны къ государственной жизни и не могутъ господствовать надъ своими сосѣдями. Наоборотъ, народности, населяющія Азію, очень интеллигентны и обладаютъ художественнымъ вкусомъ, зато имъ не хватаетъ мужественности; поэтому онѣ живутъ въ подчиненномъ и рабскомъ состояніи. Эллинская народность, занимающая въ географическомъ отношеніи какъ бы срединное мѣсто между жителями сѣвера Европы и Азіи, объединяетъ въ себѣ природныя свойства тѣхъ и другихъ: она обладаетъ и мужественнымъ характеромъ и развитымъ интеллектомъ; поэтому она сохраняетъ свою свободу, пользуется наилучшей государственной организаціей и была бы способна властвовать надъ всѣми, если бы только была объединена однимъ государственнымъ строемъ [1]). 2. То же самое различіе наблюдается и между отдѣльными эллинскими племенами: у однихъ природныя свойства развиты въ какомъ-либо одномъ направленіи, [т. е. они одарены либо

---

[1]) Ср. Исократъ, *Объ обмѣнѣ имуществъ*, 293: „вы (греки) выдаетесь и отличаетесь отъ остальныхъ народовъ не своею заботливостью о военныхъ дѣлахъ, не тѣмъ, что у васъ наилучшій государственный строй и что вы ревностно охраняете завѣщанные вамъ предками законы, нѣтъ, васъ отличаетъ то же различіе, которое уже самою природою установлено, различіе людей отъ остальныхъ живыхъ существъ, различіе эллинской народности отъ варварской—это различіе заключается въ томъ, что вы стоите выше въ сравненіи съ остальными въ отношеніи разсудительности и способности къ мышленію“.

интеллектуальностью, либо мужественностью], у другихъ мы встрѣчаемся съ счастливой комбинаціей обоихъ этихъ качествъ. Ясно, что прирожденными интеллектуальностью и мужественностью должны обладать тѣ люди, которыми законодатель будетъ пользоваться въ качествѣ лицъ, вполнѣ пригодныхъ для внѣдренія [въ гражданъ] добродѣтели. Если, нѣкоторые [1]) требуютъ для государства учрежденія института «стражей», которые относились бы дружелюбно къ своимъ и непріязненно къ чужимъ, то [дѣлается это въ томъ предположеніи, что] отъ сердца исходитъ дружелюбное чувство, такъ какъ сердце обладаетъ тою психическою силою, которая заставляетъ насъ относиться [къ людямъ] любовно. 3. Доказательствомъ этого служитъ то, что оно сильнѣе бьется отъ оказываемаго намъ невниманія со стороны близкихъ намъ лицъ и нашихъ друзей, нежели со стороны лицъ намъ незнакомыхъ. Вотъ почему и Архилохъ [2]), упрекая своихъ друзей, умѣстно обращается къ своему сердцу со словами: «терзаешься ты о друзьяхъ» [3]). Властвующее свободное начало у всѣхъ людей зависитъ именно отъ этой психической силы: сердце желаетъ властвовать, оно не переноситъ подчиненія. Не хорошо звучитъ, однако, указанное выше требованіе, обращенное къ «стражамъ» —быть жестокими къ чужимъ. Относиться такъ ни къ кому не слѣдуетъ, и великіе духомъ, по природѣ своей, люди непріязненно относятся только къ тѣмъ, кто противъ нихъ несправедливо поступаетъ. Въ этомъ случаѣ они еще болѣе страдаютъ, какъ объ этомъ было выше сказано, тогда, когда чувствуютъ себя обиженными людьми, къ нимъ близкими. 4. И это вполнѣ резонно: въ такомъ случаѣ, наносится не только [нравственный и матеріальный] ущербъ, но утрачивается и та благорасположенность [со стороны близкихъ лицъ], на которую можно было разсчитывать ввиду оказанныхъ имъ благодѣяній. Поэтому-то и говорится [4]): «войны братьевъ тяжелы» и «кто любовію пылалъ, въ томъ и ненависть клокочетъ» [5]).

---

[1]) Платонъ, *Государство*, 375 c.

[2]) Поэтъ, уроженецъ о-ва Пароса, начала VII в.

[3]) Fr. 67 B.

[4]) Еврипидъ, fr. 975 N. Ср. [Демокритъ], *Золотыя изреченія*, 90 (Diels, *Vorsokratiker*[1], p. 423): „вражда между родными куда тяжелѣе вражды между чужими“.

[5]) Отрывокъ изъ неизвѣстной трагедіи fr. 78 N.

Вотъ общія соображенія о лицахъ, причастныхъ къ государственной жизни: сколько ихъ должно быть и какими они должны отличаться природными качествами, а также какова должна быть территорія государства и какими свойствами она должна обладать. Въ логическихъ построеніяхъ нельзя искать той же точности, какую мы вправѣ предъявлять къ наблюденіямъ надъ фактами, доступными изслѣдованію путемъ опыта.

7.

1. Подобно тому, какъ и въ остальныхъ, созданныхъ природою, сложныхъ образованіяхъ не встрѣчается тожества во всѣхъ элементахъ, образующихъ организмъ въ его цѣломъ видѣ, хотя эти элементы и являются интегральною частью его существованія, такъ точно, очевидно, нельзя считать основными элементами государства всѣ тѣ элементы, которые необходимы для его существованія. Этотъ принципъ одинаково приложимъ и ко всякаго рода другому общенію, которое должно образовываться изъ элементовъ одного какого-либо рода. Правда, у лицъ, участвующихъ въ общеніи, нѣчто непремѣнно должно быть общимъ и тожественнымъ, не взирая на то, будутъ ли они при этомъ получать равныя или неравныя доли; этимъ общимъ и тожественнымъ можетъ быть, напримѣръ, питаніе или обладаніе извѣстнымъ количествомъ земельной собственности, или что-либо другое подобное. 2. Но когда изъ двухъ объектовъ одинъ служитъ средствомъ, а другой цѣлью, то между ними нѣтъ ничего общаго, за исключеніемъ только того, что одинъ объектъ играетъ при этомъ активную, а другой—пассивную роль [1]). Въ такомъ соотношеніи находятся, напримѣръ, всякаго рода инструментъ и рабочій, съ одной стороны, и производимая этимъ инструментомъ и этимъ рабочимъ работа, съ другой. Между домомъ и домостроителемъ нѣтъ ничего, что бы ихъ связывало, но искусство домостроителя существуетъ ради дома. Поэтому-то и государство должно имѣть собственность, но самая собственность вовсе не составляетъ [главнаго] элемента государства, хотя въ ней и заключается много

---

[1]) Ср. *Никомахова этика*, VIII, 13, 1161 а 32 (стр. 159 перевода Э. Л. Радлова).

[побочныхъ] элементовъ, обусловливающихъ его жизненность [1]). Государство же есть общеніе подобныхъ другъ другу людей, имѣющее цѣлью обезпечить послѣднимъ наивозможно лучшее существованіе.

3. Такъ какъ высшимъ благомъ является счастье, а счастье состоитъ въ совершенной дѣятельности и примѣненіи добродѣтели, и такъ какъ, всилу вещей, одни люди могутъ быть участниками добродѣтели, другіе же способны къ этому въ малой степени, или вовсе не способны, то, ясно, что это именно и повело къ образованію отдѣльныхъ, различныхъ типовъ государства и нѣсколькихъ формъ государственнаго строя: различные способы и различныя средства, при помощи которыхъ индивиды стремятся «поймать» счастье и добродѣтель, повели къ созданію различныхъ формъ жизни и государственнаго строя. Посмотримъ теперь, сколько же имѣется такихъ элементовъ, безъ которыхъ было бы невозможно существованіе государства; въ этихъ элементахъ мы и должны найти то, что̀ мы называемъ необходимыми частями государства. 4. Итакъ, мы должны перечислить служебныя функціи государства, и тогда вопросъ для насъ станетъ яснымъ. Должно быть 1) пропитаніе [2]), 2) ремесла (человѣческая жизнь нуждается во многихъ орудіяхъ), 3) оружіе (оно необходимо для участниковъ государственнаго общенія какъ для поддержанія авторитета власти противъ неповинующихся внутри государства, такъ и для отраженія несправедливыхъ притязаній извнѣ), 4) извѣстный запасъ денежныхъ средствъ для личныхъ надобностей и для военныхъ нуждъ, 5) и это прежде всего—попеченіе о религіозномъ культѣ, т. е. то, что называется жречествомъ, 6)—самое необходимое—рѣшеніе о томъ, что̀ полезно [въ общихъ интересахъ] и что̀ справедливо во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ между собою. 5. Вотъ служебныя функціи которымъ должно удовлетворять всякое государства: вѣдь государство не представляетъ собою случайнаго сброда людей, оно есть нѣчто само-

---

[1]) Противоположнаго мнѣнія держится авторъ приписываемой Аристотелю *Экономики*, I, 1, 1343 а 10: „государство представляетъ собою комплексъ семей, земельныхъ участковъ, денежныхъ средствъ, самодовлѣющій для благой жизни".

[2]) Ср. Платонъ, *Государство*, 369 с: „первая и главнѣйшая изъ потребностей—это приготовить себѣ пропитаніе для существованія и жизни, вторая—потребность въ жильѣ, третья—въ одѣяніи" и т. п.

довлѣющее, какъ мы утверждаемъ, въ своемъ существованіи; а если окажется, что чего-либо изъ перечисленнаго нами не хватаетъ, то абсолютно невозможнымъ становится и это самодовлѣющее общеніе. Такимъ образомъ, государственный организмъ нуждается въ удовлетвореніи перечисленныхъ нами служебныхъ функцій. Значитъ, въ немъ должны быть на-лицо: извѣстное количество землепашцевъ, которые снабжали бы его пищею, ремесленники, военная сила, зажиточный классъ, жрецы и судьи, охраняющіе интересы права и пользы.

8.

1. Установивъ это, остается разсмотрѣть, всѣ ли граждане должны принимать участіе въ отправленіи всѣхъ указанныхъ выше служебныхъ функцій государства. Возможно, что одни и тѣ же всѣ будутъ и землепашцами, и ремесленниками, и членами совѣта, и членами суда, или для выполненія каждой изъ названныхъ функцій должны быть назначены отдѣльныя лица, или, наконецъ, однѣ изъ функцій должны быть отправляемы спеціальными классами гражданъ, другія—совокупностью всѣхъ гражданъ. Не для всякаго государственнаго строя возможно въ данномъ случаѣ установить однообразіе. Какъ мы уже сказали [1]), допустимо, что будутъ принимать участіе во всемъ и всѣ граждане и не всѣ, но нѣкоторые изъ гражданъ только въ нѣкоторыхъ дѣлахъ государства. Это-то и вноситъ различіе въ государственный строй: въ демократическихъ государствахъ всѣ граждане участвуютъ во всемъ, въ олигархическихъ мы встрѣчаемъ обратное явленіе.

2. Такъ какъ мы изслѣдуемъ теперь вопросъ о наилучшемъ государственномъ строѣ, а онъ заключается въ томъ, чтобы государство при немъ было наиболѣе счастливымъ, счастье же, какъ объ этомъ сказано ранѣе, не можетъ существовать отдѣльно отъ добродѣтели, то изъ этого ясно, что въ государствѣ, пользующемся наипрекраснѣйшей организаціей и объединяющемъ въ себѣ мужей абсолютно справедливыхъ, а не условно справедливыхъ

---

[1]) Ср. выше стр. 188 сл.

[примѣнительно къ той или иной государственной системѣ], граждане не должны вести жизнь, какую ведутъ ремесленники или торговцы (такого рода жизнь неблагородна и идетъ въ разрѣзъ съ добродѣтелью); граждане проектируемаго нами государства не должны быть и землепашцами, такъ какъ они будутъ нуждаться въ досугѣ и для развитія своей добродѣтели, и для занятія политическою дѣятельностью. 3. Остаются тѣ элементы государства, которые являются въ немъ самыми важными: военное сословіе, законосовѣщательный органъ объ общихъ интересахъ государства и судебный органъ, пекущійся о правѣ. Должно ли быть предоставлено отправленіе всѣхъ этихъ функцій отдѣльнымъ лицамъ, или онѣ должны быть сосредоточены въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ? Очевидно, что и здѣсь въ однихъ случаяхъ оно можетъ быть поручено однимъ и тѣмъ же лицамъ, въ другихъ—различнымъ. Такъ какъ для выполненія каждой изъ указанныхъ функцій потребны люди различнаго возраста и для одного дѣла требуется сообразительность, для другого—физическая сила, то эти функціи должны быть отправляемы различными лицами; но такъ какъ, съ другой стороны, немыслимо, чтобы люди, имѣющіе возможность проявлять силу и оказывать сопротивленіе, постоянно оставались въ подчиненномъ состояніи, то въ этомъ отношеніи указанныя функціи могутъ быть отправляемы одними и тѣми же лицами. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, люди, владѣющіе оружіемъ, властны сохранить или отмѣнить самый государственный строй. 4. Такимъ образомъ, остается одно—передать однимъ и тѣмъ же лицамъ изъ обоихъ этихъ классовъ въ государствѣ отправленіе указанныхъ функцій, но не одновременно, а [руководствоваться при этомъ слѣдующимъ правиломъ]: подобно тому, какъ природа наградила физическою силою молодыхъ, а сообразительностью—стариковъ, такъ полезно и справедливо подѣлить соотвѣтствующимъ образомъ и отправленіе [государственныхъ функцій] между тѣми и другими. Такое раздѣленіе будетъ стоять въ соотвѣтствіи съ [присущимъ имъ] достоинствомъ.

5. И владѣніе собственностью должно сосредоточиваться въ рукахъ обоихъ этихъ классовъ. Вѣдь граждане должны пользоваться благосостояніемъ, а гражданами и являются лица, принадлежащія къ этимъ классамъ. Ремесленники не имѣютъ правъ гражданства, какъ и вообще всякій другой классъ населенія, дѣя-

тельность котораго не направлена на служеніе добродѣтели. Это очевидно изъ [сдѣланной нами] предпосылки, что быть счастливымъ возможно только въ единеніи съ добродѣтелью, а государство не можетъ считаться счастливымъ, если принимается во вниманіе лишь какая-либо часть населенія, а не вся совокупность гражданъ. Если право собственности должно принадлежать гражданамъ, то ясно, что землепашцы должны быть рабами, либо періэками не эллинскаго происхожденія.

6. Остается среди перечисленныхъ классовъ—классъ жрецовъ. Организація его тоже ясна. Нельзя ставить жрецомъ ни землепашца, ни ремесленника (вѣдь воздавать почести божествамъ приличествуетъ гражданамъ!). Такъ какъ все гражданское населеніе государства распадается на два класса, т. е. на военный и законосовѣщательный, и такъ какъ надлежитъ, съ одной стороны, справлять религіозный культъ, а, съ другой, дать отдохновеніе тѣмъ, которые утомились за время своей службы государству, то этимъ послѣднимъ и слѣдовало бы поручить отправленіе жреческихъ функцій.

Теперь мы указали тѣ элементы, безъ которыхъ невозможно существованіе государства, опредѣлили и число ихъ: хотя землепашцы, ремесленники и всякаго рода поденщики необходимо должны быть на-лицо въ государствѣ, но собственно элементами, составляющими государство, являются военное сословіе и тѣ, кто облечены законосовѣщательною властью; и каждый изъ этихъ элементовъ различается одинъ отъ другого, причемъ въ одномъ отношеніи различіе это является абсолютнымъ, въ другомъ—относительнымъ.

9.

1. Повидимому, не теперь и не недавно политическимъ мыслителямъ стала извѣстной та истина, что государство должно быть раздѣлено на отдѣльные классы, и что военный классъ долженъ быть отдѣленъ отъ класса земледѣльческаго. Въ Египтѣ, а также и на Критѣ, такой порядокъ существуетъ еще и по настоящее время, причемъ, какъ говорятъ, въ Египтѣ онъ былъ установленъ соотвѣтствующими узаконеніями Сесостриса, а на

Критѣ—Миноса [1]). 2. Къ старинѣ также относится, повидимому, и организація сисситій, которыя на Критѣ были введены въ правленіе царя Миноса, а въ Италіи въ еще гораздо болѣе раннюю эпоху. Италійскіе историки [2]) разсказываютъ, что былъ нѣкто Италъ, царь Энотріи; по имени его энотры перемѣнили свое имя на италовъ и отъ него же получила имя Италіи та береговая полоса Европы, которая тянется между Скиллетійскимъ и Ламетійскимъ заливами, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи полдня пути [3]). 3. Передаютъ, что этотъ Италъ замѣнилъ бывшій у энотровъ кочевой бытъ бытомъ земледѣльческимъ, далъ имъ новые законы и впервые установилъ сисситіи. И теперь еще кое у кого изъ потомковъ Итала существуютъ сисситіи и примѣняются нѣкоторые изъ изданныхъ имъ законовъ. Мѣстность, расположенную по направленію къ Тирренскому морю [4]), занимали опики, которые какъ раньше, такъ и теперь прозываются авсонами, а мѣстность по направленію къ Япигійскому и Іонійскому морю, именно такъ называемый Сиритисъ, населяли хонійцы, по происхожденію также энотры. 4. Итакъ, установленіе сисситій ведетъ свое первоначальное происхожденіе изъ Италіи, раздѣленіе же народонаселенія государствъ на классы—изъ Египта, причемъ время правленія Сесостриса значительно предшествуетъ времени царствованія Миноса. Да и вообще нужно считаться съ тѣмъ, что и остальныя учрежденія много или, лучше сказать, безконечное число разъ были уже изобрѣтены въ теченіе вѣковъ: потребность имѣть то, что́ необходимо [для существованія], разумѣется, учила [людей],

---

[1]) О раздѣленіи жителей Египта на классы ср. Геродотъ, II, 164: „у египтянъ семь классовъ: жрецы, воины, пастухи рогатаго скота, свинопасы, купцы, перевозчики и кормчіе“,

[2]) Имѣется въ виду, вѣроятно, историкъ второй половины V в. до Р. Хр. Антіохъ Сиракузскій, въ одномъ изъ отрывковъ котораго читается (I, 181 M): „Антіохъ, сынъ Ксенофана, написалъ объ Италіи слѣдующее... ту страну, которая теперь называется Италіей, въ древности занимали энотры... по имени правившаго у нихъ одно время царя Итала, они перемѣнили свое имя на италовъ... Италъ подчинилъ своей власти всю страну, расположенную между Напетинскимъ и Скиллетинскимъ заливами“.

[3]) Теперешніе заливы Golfo di Squillai (въ юго-восточной части Италіи) и Golfo di Eufemia (въ юго-западной части Италіи).

[4]) Т. е. Лацій, Кампанію и Луканію.

какими средствами нужно пользоваться [для ея удовлетворенія] [1]); когда же первыя потребности были удовлетворены, то, вполнѣ логически, должны были развиваться стремленія придать жизни [большее] благообразіе и довольство. Тотъ же процессъ мы должны предполагать и по отношенію къ государственнымъ учрежденіямъ.

5. Доказательствомъ же того, что всѣ эти учрежденія древняго происхожденія, служитъ намъ Египетъ: египтяне считаются самымъ древнимъ народомъ, а они всегда имѣли и законы, и государственную организацію. Поэтому и намъ слѣдуетъ, съ одной стороны, использовать въ достаточной степени прежнія изобрѣтенія, а, съ другой, пытаться восполнить то, что [въ прежнее время] было упущено изъ виду.

Ранѣе было указано, что земельная собственность на территоріи, занимаемой государствомъ, должна принадлежать лицамъ, имѣющимъ право носить оружіе и участвовать въ государственномъ управленіи; указано было и то, почему классъ земледѣльческій долженъ отличаться отъ класса военнаго, какова по размѣрамъ и по качеству должна быть государственная территорія. 6. Теперь, прежде всего, нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ она должна быть распредѣлена, кто должны быть земледѣльцами, какими качествами должны они обладать: мы вѣдь, въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ [2]), стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что обладаніе земельной собственностью не должно быть общимъ, но что она должна быть предоставлена, на дружественныхъ началахъ, въ общее пользованіе, и что каждый гражданинъ долженъ получать отъ нея свое пропитаніе. Всѣ согласны въ томъ, что сисситіи въ благоустроенныхъ государствахъ полезный институтъ; почему и намъ онъ представляется таковымъ, объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи. Въ сисситіяхъ должны принимать участіе непремѣнно всѣ граждане, хотя лицамъ мало обезпеченнымъ и нелегко изъ своихъ средствъ вносить [на сисситіи] установленную порцію, да при этомъ еще поддерживать свое остальное домашнее хозяйство. 7. Далѣе, расходы на отправленіе религіознаго культа должны быть общими для

---

[1]) Ср. Еврипидъ, fr. 709 N: „нужда научитъ мудрости и тупицу".

[2]) Имѣется въ виду, главнымъ образомъ, Платонъ.

всего государства. Слѣдовательно, необходимо подѣлить всю земельную территорію государства на двѣ части; одна изъ нихъ должна находиться въ общемъ пользованіи всего государства, другая быть въ частномъ владѣніи. Каждая изъ этихъ двухъ частей, въ свою очередь, должна быть раздѣлена пополамъ: одна половина земли, находящейся въ общемъ пользованіи, должна идти на служеніе богамъ, другая—доставлять фондъ на покрытіе издержекъ [по устройству] сисситій. Одна половина частновладѣльческой земли должна быть расположена на границахъ государства, другая—примыкать къ городу. [Дѣлается это для того], чтобы у всѣхъ было по два надѣла въ каждомъ изъ обоихъ участковъ [1]). 8. Помимо того, что при такомъ раздѣлѣ земли соблюденъ былъ бы принципъ равноправія, создалось бы и большее единодушіе въ случаѣ войнъ съ сосѣдями. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ не придерживаются указаннаго порядка, тамъ одни собственники относятся съ равнодушіемъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ со стороны пограничныхъ сосѣдей государства, а другіе слишкомъ ретиво и несогласно съ принципомъ прекраснаго заботятся объ охранѣ границъ. Поэтому-то въ нѣкоторыхъ государствахъ и существуетъ законъ, недозволяющій пограничнымъ жителямъ принимать участіе въ обсужденіи вопроса о войнахъ съ ихъ сосѣдями, такъ какъ эти пограничные жители, будучи въ данномъ случаѣ лично заинтересованы, не въ состояніи подать правильный совѣтъ.

Итакъ, государственная территорія, по изложеннымъ причинамъ, должна быть подѣлена указаннымъ выше образомъ.

9. Если уже говорить объ идеалѣ, то земледѣльцами должны быть преимущественно рабы. Они, однако, не должны всѣ принадлежать къ одной національности [2]) и не должны быть горячаго темперамента, потому что, при соблюденіи этихъ условій, они оказались бы полезными для работы и нечего было бы опасаться какихъ-либо попытокъ съ ихъ стороны къ возмущенію. Затѣмъ, на второмъ мѣстѣ, слѣдовало бы поручать обработку земли лицамъ не эллинскаго происхожденія—періэкамъ, которые

---

[1]) То же рекомендуетъ Платонъ, *Законы*, 745 с.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 777 с: „тѣ, которые будутъ рабами, не должны быть земляками, и хорошо, если они, по мѣрѣ возможности, не будутъ понимать языка одинъ другого".

обладаютъ тѣми же природными качествами, что и рабы. Изъ нихъ проживающіе на частновладѣльческой земельной собственности должны числиться въ разрядѣ рабовъ частныхъ лицъ, а тѣ, которые живутъ на собственной полосѣ, должны состоять государственными рабами. Какъ должно утилизировать рабскій трудъ и почему правильнѣе всѣмъ рабамъ, въ видѣ награды за ихъ работу, гарантировать въ будущемъ свободу, объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи [1]).

10.

1. Выше было указано на то, что городъ долженъ стоять въ возможно тѣсномъ сообщеніи съ материкомъ и моремъ, а равно и со всею государственною территоріею. Если же стремиться къ тому, чтобы мѣстоположеніе города было наилучшимъ [2]), то для этого нужно обратить вниманіе на четыре слѣдующихъ пункта: прежде всего, и это самое главное, мѣстоположеніе города должно удовлетворять санитарнымъ требованіямъ. При этомъ нужно замѣтить, что города, обращенные къ востоку и въ сторону восточныхъ вѣтровъ, болѣе удовлетворяютъ санитарнымъ условіямъ; за ними слѣдуютъ города, защищенные отъ сѣверныхъ вѣтровъ—въ такихъ городахъ легче переносится холодное время года [3]). 2. Изъ прочихъ условій нужно считаться съ такими, которыя были бы благопріятны

---

[1]) Обѣщаніе осталось въ дошедшемъ до насъ текстѣ „Политики“ не выполненнымъ. Но ср. *Экономику*, I, 5, 1344 b 4: „когда не выпадаетъ лучшей судьбы на долю лучшихъ, когда нѣтъ справедливой оцѣнки добродѣтели и порока, тогда люди становятся хуже. То же самое бываетъ и съ рабами... Нужно всѣмъ поставить опредѣленную конечную цѣль; въ интересахъ справедливости и пользы должно положить наградою свободу, и (рабы) пожелаютъ трудиться, когда они будутъ видѣть предъ собою эту награду и когда для труда ихъ будетъ назначено опредѣленное время“. Ксенофонтъ, *О домохозяйствѣ*, 5, 16: „для рабовъ нисколько не менѣе, чѣмъ для свободныхъ, нужны благія надежды, даже въ большей степени, чтобы они желали оставаться въ своемъ рабскомъ состояніи“.

[2]) Не читать ли ἀρίστην вмѣсто рукописныхъ πρὸς αὑτήν или πρὸς αὐτήν, и поправки, предлагаемой Иммишемъ, προσάντην?

[3]) Ср. Иппократъ, *О воздухѣ, водахъ и мѣстоположеніи*, I, 530 Kühn: „города, расположенные на востокъ, очевидно, болѣе удовлетворительны въ санитарномъ отношеніи, чѣмъ города, обращенные на сѣверъ и на югъ“.

для внутренней политической дѣятельности гражданъ и для ихъ военныхъ предпріятій. На случай военныхъ дѣйствій городъ долженъ давать гражданамъ удобный выходъ, для непріятелей же быть трудно доступнымъ и трудно обложимымъ. Водою и источниками городъ долженъ быть снабженъ отъ природы въ наивозможно большемъ изобиліи; въ противномъ случаѣ это должно быть возмѣщено устройствомъ обильныхъ цистернъ для сохраненія дождевой воды, такъ чтобы никогда не было въ послѣдней недостатка на случай, если бы горожане оказались, изъ-за войны, отрѣзанными отъ [окружающей городъ] территоріи.

3. Такъ какъ необходимость заботиться о здоровьѣ жителей города стоитъ въ связи съ соотвѣтствующимъ его мѣстоположеніемъ, то на второмъ планѣ будетъ задача устроить въ городѣ здоровое водоснабженіе. Выполненіе этой задачи заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Вѣдь то, что̀ мы употребляемъ для нашихъ физическихъ потребностей въ очень большомъ количествѣ и весьма часто, оказываетъ огромное вліяніе на наше здоровье; а вода и состояніе атмосферы какъ разъ относятся сюда [1]). Поэтому, если въ тѣхъ городахъ, которые предусмотрительны по части своего санитарнаго состоянія, окажется, что не вся вода, протекающая въ нихъ, одинаковаго для здоровья качества, или если источниковъ въ нихъ будетъ мало, нужно отдѣлять воду, идущую на питаніе, отъ воды, служащей для остальныхъ потребностей.

4. Что касается укрѣпленныхъ мѣстъ въ городѣ, то польза отъ нихъ не одинакова для всѣхъ формъ государственнаго строя. Напримѣръ, наличность акрополя подходитъ для олигархическихъ и монархическихъ государствъ, одинаковая укрѣпленность всѣхъ пунктовъ—для демократическихъ, для аристократическихъ ни то, ни другое, но скорѣе когда имѣется нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ.

---

[1]) Ср. Иппократъ, *О природѣ человѣка*, I, p. 361 Kühn: „одни болѣзни зависятъ отъ нашего образа жизни, другія—отъ воздуха, который мы вдыхаемъ. Тотъ и другой родъ болѣзней нужно распознавать слѣдующимъ образомъ: если одною болѣзнью одновременно заболѣваетъ много народа, то причину этихъ заболѣваній нужно приписывать тому, что̀ является наиболѣе общимъ для насъ и чѣмъ мы по преимуществу всѣ пользуемся. А это-то и есть то, чѣмъ мы дышимъ“. *О воздухѣ* и пр. I, 532 Kühn: „вода въ сильнѣйшей степени оказываетъ вліяніе на здоровье“.

Расположеніе частныхъ домовъ [по улицамъ] считается болѣе красивымъ и болѣе полезнымъ въ интересахъ житейскаго обихода тогда, когда улицы идутъ прямо, по новѣйшей модѣ, т. е. по Ипподамову способу [1]). Для безопасности же въ военномъ отношеніи, наоборотъ, лучше тотъ способъ распланировки города, какой существовалъ въ старину: эта распланировка была такова, что при ней съ трудомъ могли найти выходъ изъ города наемныя войска, а нападающимъ на городъ трудно было въ ней оріентироваться. 5. Поэтому, [при построеніи городовъ], слѣдуетъ придерживаться обѣихъ этихъ системъ, причемъ можно поступать при расположеніи домовъ въ городѣ такъ же, какъ поступаютъ сельскіе жители при посадкѣ виноградныхъ лозъ, располагая ихъ пересѣкающимися рядами [2]). Не нужно устраивать города такъ, чтобы онъ весь имѣлъ правильную распланировку; надо, чтобы распланировка шла правильно только по отдѣльнымъ частямъ и кварталамъ: такъ будетъ лучше въ интересахъ и безопасности города и его благообразія.

Что касается городскихъ стѣнъ, то отрицающіе ихъ надобность для тѣхъ городовъ, которые противопоставляютъ стѣнамъ доблесть жителей, судятъ уже слишкомъ по-старинному, особенно если обратить вниманіе на то, что такого рода хвастливыя притязанія опровергаются реальною дѣйствительностью [3]). 6. Конечно, когда имѣешь дѣло съ непріятелемъ одинаковой съ тобой храбрости или немного превосходящимъ тебя въ численномъ отношеніи, неблагопристойно пытаться защищаться за укрѣпленными стѣнами. Но такъ какъ приходится и допустимо [на практикѣ] имѣть дѣло съ непріятелемъ, превышающимъ тебя и количествомъ и храбростью, превосходящей, хотя бы у немногихъ, храбрость, свойственную человѣку, то, разъ идетъ дѣло о спасеніи жизни, объ избавленіи отъ бѣдствій и надругательства,

---

[1]) Ср. выше стр. 65.

[2]) То, что́ у римлянъ называлось quincunx и что̀ имѣло такой видъ:
$\overline{}\,—\,\overline{}\,—\,\overline{}\,—\,\overline{}$

[3]) Извѣстенъ анекдотъ, приписываемый [Плутархомъ], *Лаконскія изреченія. Агесилай,* 30, Агесилаю, спартанскому царю, что „города нужно укрѣплять не камнемъ и деревомъ, а доблестью жителей". По греческой поговоркѣ „думать по-старинному" значитъ „глупо думать". Подъ „реальной дѣйствительностью" возможно разумѣть нападенія Эпаминонда на Спарту.

слѣдуетъ подумать о наиболѣе безопасномъ и наиболѣе пригодномъ для военныхъ цѣлей укрѣпленіи стѣнъ. Это всецѣло относится къ нашему времени, когда сдѣланы такіе большіе успѣхи въ изобрѣтеніи метательныхъ снарядовъ и осадныхъ машинъ [1]). 7. Требованіе не окружать города стѣнами равносильно тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ рекомендовать [для устройства города] искать мѣстность, удобную для непріятельскихъ вторженій, и приказалъ бы снести всѣ гористыя мѣста. [Чтобы быть послѣдовательнымъ], нужно уже запретить и частныя жилища окружать стѣнами, такъ какъ, при наличности ихъ, обитатели этихъ жилищъ тоже окажутся трусами. Сверхъ того, нужно считаться и съ тѣмъ, что если городъ окруженъ стѣнами, то можно пользоваться имъ и такъ, и иначе, т. е. какъ имѣющимъ стѣны и какъ ихъ не имѣющимъ, что̀ исключается въ томъ случаѣ, если стѣнъ у города нѣтъ. 8. А если такъ, то слѣдуетъ не только окружать городъ стѣнами, но и заботиться объ ихъ исправности: это поведетъ и къ достойному украшенію города и послужитъ на пользу его защиты во время войны противъ какъ иныхъ способовъ осады городовъ, такъ и изобрѣтенныхъ въ настоящее время. Въ соотвѣтствіи съ тѣми успѣхами, какіе сдѣлали въ настоящее время наступательныя войны, нужно придерживаться при защитѣ городовъ и ранѣе изобрѣтенныхъ средствъ, а равно изыскивать и изобрѣтать новыя. Вѣдь на тѣхъ, кто хорошо подготовленъ [встрѣтить нападеніе], не рискуютъ дѣлать первый натискъ.

Такъ какъ всѣ граждане должны быть подѣлены на извѣстныя группы для сисситій и такъ какъ, съ другой стороны, придется снабдить стѣны, въ удобныхъ для того мѣстахъ, гауптвахтами и сторожевыми башнями, то само собою напрашивается устроить нѣкоторыя изъ сисситій именно въ этихъ гауптвахтахъ.

11.

1. Это можно было бы организовать слѣдующимъ образомъ: зданія, предназначенныя для культа, и тѣ зданія, куда собираются для сисситій главнѣйшіе магистраты, удобно объединять на одномъ

---

[1]) Аристотель имѣетъ въ виду изобрѣтеніе катапультъ при Діонисіи Старшемъ въ Сиракузахъ.

и томъ же приспособленномъ для того мѣстѣ [1]). Отдѣльно должны быть расположены лишь тѣ святыни, для которыхъ или законъ, или какое-либо иное, предписанное оракуломъ, повелѣніе требуетъ изолированнаго положенія. Самое мѣсто, [гдѣ слѣдуетъ располагать зданія для отправленія культа и для сисситій], должно представлять собою площадь, которая имѣла бы достаточные размѣры, отличалась бы удобствомъ положенія и была бы болѣе защищена въ сравненіи съ сосѣдними частями города [2]). 2. Ниже этого мѣста надлежитъ устроить такого рода площадь, какая слыветъ подъ этимъ именемъ [не только у персовъ], но и въ [городахъ] Θессаліи, именуемая тамъ «свободной площадью» [3]). Эта площадь должна быть чиста отъ всякаго рода товаровъ, и ни ремесленникъ, ни землепашецъ, ни кто-либо иной изъ подобнаго сорта людей не имѣетъ права вступать на нее, развѣ только если они будутъ позваны магистратами. Указанное мѣсто выиграло бы въ красотѣ, если бы оказалось возможнымъ расположить на немъ и гимнасіи для лицъ зрѣлаго возраста. Должно и эти зданія, придающія красоту городу, распредѣлять сообразно съ возрастами лицъ, [въ нихъ упражняющихся], причемъ при [гимнасіяхъ для] молодыхъ должны находиться какіе-либо магистраты, гимнасіи же для лицъ зрѣлаго возраста должны быть расположены по близости отъ того мѣста, гдѣ имѣютъ свое присутствіе магистраты. Пре-

---

[1]) Иначе Платонъ, *Законы*, 778 c: „святыни должно располагать вокругъ всей городской площади... а около нихъ правительственныя и судебныя мѣста".

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, III, 8, 10: „для храмовъ и жертвенниковъ должно быть избираемо наиболѣе соотвѣтствующее мѣсто, которое, будучи импозантно по своему положенію, вмѣстѣ съ тѣмъ и отличалось бы наименьшею доступностью: при видѣ такого мѣста пріятно помолиться, пріятно и подойти къ нему съ благоговѣйнымъ настроеніемъ".

[3]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспитаніе Кира*, I, 2, 3: „у персовъ есть такъ называемая свободная площадь, на которой расположены царскій дворецъ и остальныя присутственныя мѣста. Съ этой площади удалены въ другое мѣсто товары, на нее не пускаютъ торговцевъ съ ихъ крикливыми голосами и грубымъ обращеніемъ. Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы благовоспитанныхъ, культурныхъ людей не касался шумъ, производимый при торговлѣ. Въ свою очередь, свободная площадь подѣлена на четыре части, группирующіяся около присутственныхъ мѣстъ: одна часть предназначена для упражненій молодежи, другая—лицъ зрѣлаго возраста, третья—для лицъ, перешедшихъ тотъ возрастъ, когда берутъ на военную службу".

бываніе на глазахъ у магистратовъ особенно вселяетъ истинный стыдъ и страхъ, свойственный свободнымъ людямъ [1]).

Торговая площадь должна быть отдѣлена отъ упомянутой нами площади и расположена отдѣльно; для нея нужно выбрать мѣсто, къ которому былъ бы удобный подвозъ для всякаго рода товаровъ, доставляемыхъ морскимъ и сухопутнымъ транзитомъ.

3. Такъ какъ «предстоятельство» въ государствѣ подѣлено между жрецами и магистратами, то и помѣщенія для сисситій жрецовъ должны быть расположены вблизи зданій, посвященныхъ культу. Присутственныя мѣста для тѣхъ магистратовъ, которые вѣдаютъ заключеніе контрактовъ, уголовныя и гражданскіе процессы и остальную относящуюся сюда процедуру, также агораномію и такъ называемую астиномію, должны быть устраиваемы вблизи [торговой] площади, на какомъ-нибудь вообще оживленномъ пунктѣ. Такого рода мѣсто пригодно для устройства на немъ площади для повседневныхъ надобностей: вѣдь та, верхняя, площадь предназначается, по нашему проекту, для «досуга», а эта— для дѣловыхъ потребностей.

4. Указаннымъ правиламъ слѣдуетъ подражать и при оборудованіи государственной территоріи: и на ней должны быть устроены, для необходимаго надзора, присутственныя мѣста для магистратовъ, которые называются одни илорами [2]), другіе агрономами, гауптвахты и сисситіи. По государственной территоріи должны быть распредѣлены также и святыни, однѣ, посвященныя богамъ, другія—героямъ [3]). Было бы утомительно останавливаться долго

---

[1]) Софоклъ, *Эантъ*, 1073 ст.:

„Погрязнетъ въ беззаконіи страна,
Гдѣ страхъ отсутствуетъ предъ закономъ.
Нельзя начальствовать надъ войскомъ, если
Въ солдатахъ вовсе стыдъ и страхъ исчезнутъ". [Переводъ П. Н. Краснова].

Аристотель, *Риторика*, II, 6, 1384 a 34: „[люди] больше [стыдятся того], что̀ дѣлается ими на глазахъ другихъ и явно, откуда и пословица «стыдъ находится на глазахъ». Поэтому мы больше стыдимся тѣхъ, кто постоянно бываетъ съ нами и кто на насъ обращаетъ вниманіе, потому что въ томъ и другомъ случаѣ мы находимся на глазахъ этихъ людей".

[2]) См. выше стр. 289.

[3]) Ср. Платонъ, *Законы*, 848 c: „должно быть установлено двѣнадцать селеній, по одному на каждый изъ 12 участковъ, [на которые раздѣлена вся

на этомъ и трактовать о всемъ детально. Все это нетрудно придумать, но куда труднѣе выполнить на дѣлѣ: слова—результатъ благихъ пожеланій, факты—дѣло случая. Поэтому мы и отказываемся теперь отъ дальнѣйшаго обсужденія по затронутому нами вопросу.

12.

1. Теперь надлежитъ намъ говорить о самомъ государственномъ строѣ: изъ какихъ и какого качества элементовъ должно состоять то государство, которое хочетъ стать государствомъ счастливымъ и имѣть прекрасную организацію. Благо вездѣ и повсюду зависитъ отъ соблюденія двухъ условій: 1) правильнаго установленія конечной цѣли всякаго рода дѣятельности и 2) отысканія соотвѣтственныхъ средствъ, ведущихъ къ конечной цѣли. Можетъ случиться, что оба эти требованія будутъ стоять въ противорѣчіи другъ съ другомъ, и можетъ случиться, что они будутъ совпадать: иногда цѣль опредѣлена прекрасно, но происходятъ ошибки въ средствахъ, ведущихъ къ достиженію этой цѣли; другой разъ имѣются всѣ средства, ведущія къ достиженію цѣли, но сама-то цѣль поставлена плохо. А то, какъ это случается, напримѣръ, въ медицинѣ, бываютъ ошибочны и цѣль, и средства. Въ самомъ дѣлѣ, врачи иной разъ ни представляютъ себѣ достаточно ясно, въ чемъ должно выражаться здоровое состояніе человѣческаго организма, ни находятъ дѣйствительныхъ средствъ для достиженія предлежащей имъ цѣли. А въ наукахъ и искусствахъ должно стремиться обладать и тѣмъ и другимъ, т. е. умѣть опредѣлить и цѣль, и способствующія достиженію цѣли средства.
2. Ясно, что всѣ стремятся къ благу и счастью въ жизни; однако одни оказываются въ состояніи его достигнуть, другимъ же либо какая-нибудь случайность, либо сама природа препятствуетъ въ этомъ [1]). Вѣдь для прекрасной жизни потребны тѣ или иныя

государственная территорія], въ каждомъ селеніи, прежде всего, должны быть избраны мѣста для площади и для святынь боговъ и слѣдующихъ за богами дэмоновъ“ и т. д.

[1]) Ср. Аристотель, *Риторика*, I, 5, 1360 b 4: „у всякаго человѣка въ отдѣльности и у всѣхъ вмѣстѣ есть, можно сказать, извѣстная цѣль, стре-

[внѣшнія] благопріятствующія обстоятельства—въ меньшей степени для лицъ находящихся въ лучшихъ условіяхъ, въ большей—для находящихся въ худшихъ. Наконецъ, нѣкоторые, хотя имъ дана возможность достигнуть счастья, ищутъ его съ самаго начала неправильно. Такъ какъ нашею задачею является опредѣленіе наилучшаго государственнаго строя, а онъ состоитъ въ томъ, чтобы государство имѣло наилучшую политическую организацію, послѣднее же было бы достигнуто въ томъ случаѣ, если бы государству предоставлена была возможность пользоваться наибольшимъ счастьемъ, то, ясно, не должно упускать изъ виду, что̀ такое счастье. 3. Уже въ «Этикѣ» (если приведенные тамъ аргументы могутъ на что-либо пригодиться) мы установили, и теперь подтверждаемъ это, что счастье составляетъ дѣятельность въ духѣ добродѣтели и совершенное примѣненіе этой послѣдней, и это—не въ условномъ, но въ абсолютномъ смыслѣ [1]); подъ «условнымъ» я разумѣю необходимое [для достиженія счастья], подъ «абсолютнымъ» — прекрасное само по себѣ. Возьмемъ примѣръ изъ области дѣятельности права: справедливо наложенныя наказанія и кары суть акты добродѣтели, но какъ акты, вызванные необходимостью, они заключаютъ въ себѣ прекрасное только всилу этой необходимости, и было бы куда предпочтительнѣе, если бы прибѣгать къ подобнаго рода актамъ не было нужды ни человѣку, ни государству. Напротивъ, акты, направленные къ доставленію почета и благосостоянія, суть акты наипрекраснѣйшіе съ абсолютной точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что акты перваго рода направлены лишь къ удаленію какого-либо зла, акты же второго рода, наоборотъ, имѣютъ своею цѣлью уготовать и создать благо. 4. Энергичный человѣкъ используетъ и бѣдность, и болѣзнь, и остальныя невзгоды, посылаемыя судьбою, прекрасно, но блаженство-то заключается [не въ этихъ невзгодахъ, а въ томъ], что̀ противоположно имъ. Вѣдь въ «Этикѣ» установлено также и

мясь къ которой они одно избираютъ, другого избѣгаютъ; эта цѣль, коротко говоря, есть блаженство съ его составными частями". [Переводъ Н. Н. Платоновой].

[1]) Ср. *Никомахова этика*, I, 1098 b 16 и 1099 a 31 сл. (стр. 12 сл. перевода Э. Л. Радлова). Перипатетики опредѣляли счастье, какъ „безпрепятственное примѣненіе добродѣтели во всемъ томъ, что̀ согласно съ природою".

то, что добродѣтельнымъ человѣкомъ является тотъ, для котораго, всилу его добродѣтели, благомъ служитъ абсолютное благо [1]); отсюда ясно, что и въ примѣненіи этихъ благъ такой человѣкъ, разумѣется, будетъ дѣйствовать добродѣтельно и прекрасно въ абсолютномъ смыслѣ. Это и повело къ возникновенію того мнѣнія, будто дѣйствительныя причины счастья заключаются во внѣшнихъ благахъ. Но это все равно, какъ если бы причину блестящей и прекрасной игры на киѳарѣ стали усматривать скорѣе въ самомъ инструментѣ, а не въ искусствѣ играющаго на немъ виртуоза.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что [для счастья наилучшаго государства] одни данныя должны быть уже готовы [сами по себѣ], другія должны быть подготовлены законодателемъ. 5. Поэтому и мы относимъ къ области благихъ пожеланій наличность въ государственной системѣ всего того, въ доставленіи чего властна одна судьба (мы полагаемъ, что она именно властна въ этомъ отношеніи). Но сдѣлать государство добродѣтельнымъ—дѣло уже не судьбы, а—знанія и свободной воли. Добродѣтель государства сказывается въ томъ, что граждане, участвующіе въ государственномъ управленіи,—добродѣтельны. Въ нашемъ государствѣ всѣ граждане участвуютъ въ государственномъ управленіи. Слѣдовательно, необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ человѣкъ становится добродѣтельнымъ. Вѣдь если допустить, что всѣ граждане добродѣтельны [уже въ своей массѣ], такъ что каждому въ отдѣльности и не нужно быть добродѣтельнымъ, то это было бы даже предпочтительнѣе [для государства], такъ какъ добродѣтель каждаго въ отдѣльности влекла бы за собою добродѣтель и всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ.

6. Троякаго рода факторы дѣлаютъ людей хорошими и добродѣтельными. Эти факторы слѣдующіе: природа, привычка и разумъ. Прежде всего нужно родиться человѣкомъ, какъ таковымъ, а не какимъ-либо инымъ живымъ существомъ, и имѣть присущія человѣку физическія и психическія свойства. Но при извѣстныхъ условіяхъ нѣтъ еще никакой выгоды въ природныхъ данныхъ: привычки измѣняютъ человѣческую природу, и нѣкоторыя изъ прирожденныхъ качествъ человѣка, всилу привычекъ, развиваются

[1]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, III, 5, 1113 a 15 сл. (стр. 46 сл. перевода Э. Л. Радлова).

по двумъ направленіямъ—и въ лучшую, и въ худшую стороны. 7. Между тѣмъ, какъ остальныя живыя существа ведутъ по преимуществу образъ жизни, подсказанный имъ природою, и только нѣкоторыя изъ нихъ—немногіе экземпляры—руководятся также и привычками, человѣкъ повинуется также и голосу разума, такъ какъ только онъ одинъ одаренъ имъ. Такимъ образомъ, у человѣка всѣ указанные три фактора жизни должны находиться во взаимной гармоніи. И люди во многомъ поступаютъ вопреки создавшимся у нихъ навыкамъ и требованіямъ природы именно благодаря разуму, разъ они убѣждены, что поступить такъ, а не иначе, будетъ для нихъ лучше [1]). Мы уже ранѣе опредѣлили [2]), каковыми должны быть люди по своей природѣ для того, чтобы они могли представить собою сподручный матеріалъ для законодателя. Остальное — дѣло воспитанія, посредствомъ котораго люди одно усваиваютъ по привычкѣ, другое—посредствомъ обученія.

13.

1. Такъ какъ всякое государственное общеніе состоитъ изъ властвующихъ и подчиненныхъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть, долженъ ли быть различнымъ, или тожественнымъ, образъ жизни тѣхъ и другихъ. Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса и воспитаніе тѣхъ и другихъ должно будетъ принять различный или тожественный характеръ. Если бы властвующіе отличались отъ подчиненныхъ настолько же, насколько, по нашему представленію, отличаются боги и герои отъ людей, превосходящіе послѣднихъ, прежде всего своими физическими свойствами, а затѣмъ и психическими, и если бы, такимъ образомъ, съ несомнѣнною ясностью можно было констатировать пре-

[1]) Ср. Аристофанъ, *Осы*, 1457 сл.: „отступить отъ природы своей—дѣло тяжелое. Однако многіе люди такъ поступили: усваивая мнѣнія другихъ, они измѣняли свой характеръ". Аристотель, *Риторика*, I, 11, 1370 a 25: „разумныя желанія—тѣ, которыя являются подъ вліяніемъ убѣжденія, потому что мы желаемъ увидѣть и пріобрѣсти многія вещи, о которыхъ мы слышали и [въ пріятности которыхъ] мы убѣждены". [Переводъ Н. Н. Платоновой].

[2]) Ср. выше стр. 314 сл.

восходство властвующихъ надъ подчиненными, то, очевидно, было бы лучше предоставить однимъ и тѣмъ же людямъ—однимъ всегда властвовать, другимъ разъ на всегда быть въ подчиненіи. 2. Но согласиться съ такою постановкою вопроса нелегко, да и фактически дѣло обстоитъ далеко не такъ, какъ разсказываетъ Скилакъ [1]) касательно индусовъ, у которыхъ цари будто бы въ такой сильной степени превосходили своихъ подданныхъ [2]). Такимъ образомъ становится ясно, по многимъ причинамъ, что всѣмъ должно въ одинаковой степени принадлежать право на очередное участіе и во властвованіи и въ подчиненіи. Вѣдь въ этомъ и осуществлялось бы одно и то же равенство для равныхъ. Да и трудно было бы удержаться государственной организаціи, построенной на принципѣ, противорѣчащемъ понятію права: всѣ обитатели государственной территоріи, [не пользующіеся гражданскимъ равноправіемъ и] стремящіеся къ введенію новыхъ порядковъ, оказались бы заодно съ подчиненными, между тѣмъ— одна изъ невозможностей, чтобы члены правительства настолько превосходили своею численностью [всѣхъ остальныхъ], что они могли бы оказаться сильнѣе этихъ послѣднихъ. 3. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что властвующіе должны отличаться отъ подчиненныхъ. И дѣло законодателя дать этому реальное осуществленіе и устроить такъ, чтобы и тѣ и другіе принимали участіе [и во властвованіи и въ подчиненіи]. Объ этомъ, впрочемъ, была уже рѣчь ранѣе [3]). Сама природа установила это различіе: она сдѣлала одно и то же по своему происхожденію существо двоякимъ [4])—одно болѣе молодымъ, другое болѣе зрѣлымъ. Однимъ изъ нихъ подобаетъ быть въ подчиненіи, другимъ — властвовать [5]). Никто, считаясь съ соотвѣтствующимъ возрастомъ, не станетъ негодовать на то, что онъ находится [при данныхъ условіяхъ] въ подчиненіи, и не будетъ считать себя [въ данное время] болѣе могущественнымъ, разъ онъ знаетъ, что

[1]) Греческій географъ и путешественникъ средины V в. до Р. Хр.

[2]) Ср. Geogr. gr. min. I, p. XXIV M.

[3]) Ср. выше стр. 319.

[4]) Рукописное чтеніе, вѣроятно, испорчено; не читать ли: ποιήσασα διττὸν τῷ γένει ταὐτό.

[5]) Ср. Платонъ, *Государство*, 412 с: „ясно, что старшіе должны быть начальниками, младшіе—подчиненными“. То же *Законы*, 690 а.

и онъ при другихъ условіяхъ получитъ свою долю въ «пиршествѣ», именно когда достигнетъ соотвѣтственнаго возраста.

4. Итакъ можно утверждать, что при однихъ обстоятельствахъ одни и тѣ же, а при другихъ не одни и тѣ же должны властвовать и быть въ подчиненіи. Отсюда слѣдуетъ, что и воспитаніе [властвующихъ и подчиненныхъ], съ одной стороны, необходимо должно быть одно и то же, съ другой—различное. Говорятъ: кто хочетъ прекрасно повелѣвать, долженъ сначала научиться повиноваться. А всякая власть, какъ объ этомъ сказано было въ предшествующихъ разсужденіяхъ [1]), можетъ осуществляться съ одной стороны въ интересахъ властвующаго, съ другой—въ интересахъ подчиненнаго; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду власть хозяина надъ рабами, во второмъ—власть надъ свободными. 5...[2]) Различіе нѣкоторыхъ приказаній заключается не въ результатахъ [ихъ исполненія], но въ тѣхъ мотивахъ, которыми эти приказанія были продиктованы. Поэтому многія изъ такихъ работъ, которыя, повидимому, должны быть исполняемы слугами, отлично могутъ быть дѣлаемы и свободорожденными молодыми людьми. Вѣдь наши дѣйствія отличаются сами по себѣ не столько тѣмъ, имѣютъ ли они въ виду прекрасное или не прекрасное, сколько тѣмъ, какова ихъ конечная цѣль, т. е. ради чего они совершаются. Такъ какъ, по нашему утвержденію, добродѣтель гражданина-правителя тожественна съ добродѣтелью наилучшаго человѣка, такъ какъ, далѣе, одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ сначала быть въ подчиненіи, а затѣмъ властвовать, то задачею законодателя и было бы устроить дѣло такъ, чтобы люди были хорошими, указать, какой образъ дѣйствій ведетъ къ этому и въ чемъ заключается конечная цѣль наиболѣе добродѣтельной жизни.

6. Душа человѣка состоитъ изъ двухъ частей. Одна изъ нихъ обладаетъ разумомъ сама по себѣ, другая не обладаетъ разумомъ сама по себѣ, но способна прислушиваться къ его голосу [3]). По нашему утвержденію, человѣкъ считается вообще

---

[1]) Ср. выше стр. 17.110.

[2]) Пропускъ въ текстѣ.

[3]) Ср. Аристотель, *Никомахова этика*, I, 13, 1103 а 1 (стр. 21 сл. перевода Э. Л. Радлова).

хорошимъ въ зависимости отъ обладанія добродѣтелями обѣихъ этихъ частей. Всякому, кто согласенъ съ нашимъ раздѣленіемъ душевныхъ способностей, будетъ ясно признать, въ какой изъ обѣихъ частей души скорѣе должно искать конечную цѣль, [къ которой стремится человѣкъ]. Вѣдь всегда худшее существуетъ ради лучшаго, и этотъ принципъ въ одинаковой степени сказывается и въ томъ, что̀ сдѣлано руками человѣка, и въ томъ, что̀ создано природою—вездѣ лучшимъ является то, что̀ надѣлено разумомъ [1]). 7. Разумъ, согласно принятому нами способу дѣленія, бываетъ двоякаго рода: разумъ практическій и разумъ теоретическій. Очевидно, точно также и та часть души, [которая не одарена разумомъ, но способна слѣдовать за нимъ], должна быть раздѣлена на двѣ части. Да и дѣятельность этой второй части души—мы должны утверждать и это—стоитъ въ соотвѣтственномъ отношеніи къ дѣятельности первой части души, [т. е. части, одаренной разумомъ]. И тѣ, кто способенъ вообще обладать обѣими частями души, должны отдать предпочтеніе дѣятельности той части души, которая лучше по своей природѣ. Вѣдь каждый всегда отдаетъ наибольшее предпочтеніе тому, достиженіе чего является для него высшею цѣлью.

8. Далѣе, вся жизнь человѣческая распадается на занятія и досугъ, на войну и миръ, а вся дѣятельность человѣка направлена частью на необходимое и полезное, частью—на прекрасное. Предпочтеніе здѣсь должно быть оказано то же самое, что̀ и при [указанныхъ] частяхъ души и обусловленной ими дѣятельности: можно отдать предпочтеніе войнѣ ради мира, занятіямъ—ради досуга, необходимому и полезному—ради прекраснаго. 9. Со всѣмъ этимъ долженъ считаться политическій дѣятель, и его законодательная работа должна сообразоваться и съ частями души, и съ обусловленною ими дѣятельностью, а еще болѣе того

---

[1]) Ср. *Большая этика*, II, 10, 1208 a 12: „душа состоитъ изъ худшей и лучшей частей, а всегда худшее существуетъ ради лучшаго, подобно тому, какъ и, при наличности тѣла и души, тѣло существуетъ ради души; поэтому мы въ такомъ случаѣ и будемъ утверждать, что тѣло находится въ прекрасномъ состояніи, когда это состояніе тѣла будетъ не препятствовать, но содѣйствовать и побуждать душу къ совершенію предлежащей ей задачи. Ибо, повторяемъ, худшее существуетъ ради лучшаго, а именно для содѣйствія этому лучшему“.

она должна имѣть въ виду осуществленіе болѣе высокихъ цѣлей. Такимъ же точно образомъ законодатель долженъ поступать и при установленіи соотвѣтствующаго образа жизни и распорядка соотвѣтствующихъ занятій. Нужно, чтобы граждане имѣли возможность заниматься своими дѣлами и, [въ случаѣ надобности], вести войну, но, что̀ еще предпочтительнѣе, наслаждаться миромъ и [правильно] пользоваться «досугомъ», совершать все необходимое и полезное, а еще болѣе того—прекрасное. Имѣя въ виду эти цѣли, должно установить и соотвѣтственное воспитаніе для дѣтскаго и для остальныхъ возрастовъ, нуждающихся въ воспитаніи.

10. Тѣ эллинскія государства, которыя въ настоящее время пользуются, по общему мнѣнію, наилучшей организаціей [1]), и тѣ законодатели, которые установили эту послѣднюю, повидимому, въ своихъ государственныхъ установленіяхъ преслѣдовали не наивысшую цѣль и не считались съ тѣмъ, чтобы введенные ими законы и установленный ими характеръ воспитанія преслѣдовали развитіе всѣхъ добродѣтелей. Эти законодатели, наоборотъ, довольно нелѣпо обратили все свое вниманіе на развитіе такихъ добродѣтелей, которыя, на первый взглядъ, сулятъ принести обладателямъ ихъ пользу и бо̀льшую выгоду [2]). Подобно этимъ законодателямъ, и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто составляли проекты законовъ уже въ болѣе позднее время, держались того же самаго взгляда, что̀ и первые: восхваляя строй лакедэмонскаго государства, они восхищаются тою цѣлью, какая была, въ свое время, поставлена себѣ его законодателемъ, именно приноровить все въ законодательной системѣ къ доставленію гражданамъ внѣшней силы и военныхъ успѣховъ [3]). 11. Такого рода взгляды обыкновенно легко опровергнуть логическими доводами, да они теперь опровергнуты и фактами. И подобно тому, какъ огромная масса людей стремится къ тому, чтобы достигнуть неограниченнаго господства надъ многими, что̀ будто бы сильно способствуетъ внѣшнему

---

[1]) Имѣются въ виду лакедэмоняне и критяне.

[2]) Ср. Платонъ, *Лахетъ*, 182 e: „лакедэмоняне всего болѣе въ своей жизни заботятся о томъ, чтобы отыскать и приготовить для себя то, путемъ усвоенія и пріобрѣтенія чего они могли бы получить преимущество въ военномъ дѣлѣ“.

[3]) Имѣются въ виду, прежде всего, «Законы» Платона.

счастью, такъ точно и Өиброн[1]), да и всѣ прочіе, кто писалъ о государственномъ строѣ лакедэмонянъ, съ нескрываемымъ восторгомъ относятся къ личности ихъ законодателя, указывая на то, что, благодаря закаленности лакедэмонянъ въ перенесеніи опасностей, они широко распространили свою власть. 12. Но въ настоящее время, когда лакедэмонской гегемоніи болѣе уже не существуетъ, всѣмъ ясно, что лакедэмоняне не могутъ быть названы счастливыми[2]), да и законодатель ихъ вовсе не безупреченъ. И, однако, было бы смѣшно признавать, что они, оставаясь вѣрными его законодательству, при отсутствіи какихъ бы то ни было препятствій пользоваться установленными имъ законами, все-таки добровольно лишились возможности наслаждаться прекрасною жизнью. Равнымъ образомъ заблуждаются также и въ вопросѣ о характерѣ той власти, къ которой долженъ законодатель относиться съ почтеніемъ: вѣдь власть надъ свободными людьми болѣе прекрасна и болѣе соотвѣтствуетъ добродѣтели, нежели власть надъ рабами. 13. Кромѣ того, нечего признавать государство счастливымъ и восхвалять законодателя за то, что онъ «натаскалъ» своихъ согражданъ достигнуть власти надъ сосѣдями, такъ какъ въ этомъ заключается большой вредъ [для самихъ гражданъ]. Вѣдь ясно, что тогда и каждый гражданинъ, по мѣрѣ возможности, долженъ пытаться стремиться къ тому, чтобы быть въ состояніи властвовать надъ своимъ собственнымъ государствомъ. А въ этомъ стремленіи лакедэмоняне какъ разъ обвиняютъ своего царя Павсанія, не взирая на всѣ его заслуги[3]). Такимъ образомъ, ни одинъ изъ указанныхъ нами принциповъ, ни одинъ изъ указанныхъ нами законовъ, не заключаетъ въ себѣ ни государственной мудрости, ни пользы, ни истины. Напротивъ, законодатель долженъ стремиться внѣдрить въ души людей тотъ принципъ, что высшее благо и въ общественной и въ частной жизни—понятіе тожественное. 14. О военной же выправкѣ гражданъ нужно заботиться не ради того, чтобы они поработили

---

[1]) Лакедэмонянинъ, упоминается только въ данномъ мѣстѣ „Политики".

[2]) Ср. приводимый Николаемъ Дамасскимъ (Fragm. hist. gr., III, 390 M) оракулъ, будто бы данный Ликургу: „государство (спартанское) будетъ счастливо, если будетъ оставаться вѣрнымъ его (Ликурга) законамъ".

[3]) См. Пёльманъ, 150 сл.

недостойныхъ [свободы], но для того, чтобы прежде всего они сами не попали въ рабство къ другимъ, затѣмъ, чтобы они стремились достигнуть гегемоніи на пользу подвластнымъ, а не ради пріобрѣтенія «деспотической» власти надъ всѣми, наконецъ, въ-третьихъ, чтобы они стремились къ «деспотической» власти только надъ тѣми, кто достоинъ быть рабомъ [1]). 15. И логическія соображенія, и фактическія данныя свидѣтельствуютъ въ пользу того, что законодатель долженъ преимущественно прилагать старанія къ тому, чтобы его законоположенія, касающіяся и военнаго дѣла и всего прочаго, имѣли въ виду доставить гражданамъ досугъ, [необходимый для государственной дѣятельности], и миръ. Вѣдь большинство государствъ, обращающихъ вниманіе лишь на военную подготовку, держатся, пока они ведутъ войны, и гибнутъ, лишь только достигли господства. Подобно стали, они теряютъ свой закалъ во время мира. А виноватъ въ этомъ бываетъ законодатель, который не воспиталъ въ гражданахъ умѣнія пользоваться своимъ досугомъ.

16. Такъ какъ для людей конечная цѣль, и въ ихъ государственномъ быту и въ ихъ частной жизни, оказывается тожественной, и такъ какъ, конечно, одно и то же назначеніе и у наилучшаго человѣка и у наилучшаго государственнаго строя, то ясно, что [въ государствѣ] должны быть налицо добродѣтели, способствующія достиженію досуга, [потребнаго для политической дѣятельности]; а, какъ неоднократно было указываемо, конечною цѣлью войны служитъ миръ, работы—досугъ. 17. Изъ добродѣтелей же ведутъ къ досугу и пользованію счастьемъ не только тѣ, которыя въ своемъ конечномъ результатѣ имѣютъ въ виду доставить этотъ досугъ, но и тѣ, конечный результатъ которыхъ заключается въ работѣ. Вѣдь для того, чтобы имѣть возможность наслаждаться досугомъ, нужно обладать многими предметами первой необходимости. Поэтому гражданамъ государства надлежитъ быть и умѣ-

---

[1]) Ср. Исократъ, *Панаѳинейская рѣчь*, 219: „я думаю, всѣ готовы согласиться съ тѣмъ, что тѣ люди хуже всего и заслуживаютъ величайшаго наказанія, которые пользуются благими изобрѣтеніями не на пользу, а во вредъ, которые обращаютъ ихъ не противъ „варваровъ", не противъ провинившихся въ чемъ-либо, не противъ вторгающихся въ ихъ страну, но противъ тѣхъ, кто къ нимъ всего ближе, кто одного съ ними происхожденія. А такъ поступали спартанцы".

*

ренными [въ своихъ требованіяхъ] и мужественными и закаленными. Пословица говоритъ: «нѣтъ досуга для рабовъ», а тѣ, кто не умѣютъ храбро смотрѣть въ глаза опасности, становятся рабами нападающихъ на нихъ. 18. Итакъ, мужество и выносливость нужны для [приложенія ихъ къ] трудовой жизни [во время войны], интеллектуальное развитіе нужно для того, чтобы пользоваться досугомъ [въ мирной жизни] [1]), умѣренность и справедливость должны проявляться и въ то и другое время, преимущественно же онѣ потребны для жизни мирной, обставленной досугомъ. Вѣдь война сама по себѣ содѣйствуетъ развитію справедливости и умѣренности, наслажденіе же благосостояніемъ и досугъ, сопровождаемый миромъ, скорѣе способствуютъ развитію въ людяхъ надменности [2]). 19. Итакъ тѣ, чья дѣятельность проявляется въ наилучшихъ поступкахъ, кто наслаждается всѣмъ тѣмъ, что̀ считается счастьемъ, должны обладать большою справедливостью и большою скромностью; и это приложимо, напримѣръ, даже къ такимъ людямъ, которые, по выраженію поэтовъ [3]), обитаютъ на островахъ блаженныхъ. Такимъ людямъ, пожалуй, тѣмъ въ большей степени будутъ нужны развитой интеллектъ, умѣренность и справедливость, чѣмъ они проводятъ болѣе спокойную жизнь и въ изобиліи наслаждаются всякаго рода благами. Поэтому, очевидно, и государство, которое претендуетъ на то, чтобы стать счастливымъ и добродѣтельнымъ, должно обладать указанными добродѣтелями. Если непристойно вообще неумѣть пользоваться благами, то еще болѣе непристойно неумѣть пользоваться ими во время досуга, и это абсурдъ—будто хорошіе люди только тѣ, кто не имѣетъ досуга [для государственной дѣятельности], кто ведетъ войны, а тѣ, кто наслаждается миромъ и досугомъ,—рабы. 20. Слѣдовательно, развивать свою доблесть должно не такъ, какъ это дѣлается въ Лакедэмонѣ. Правда, лакедэмоняне, наравнѣ съ про-

---

[1]) Т. е. для государственной дѣятельности.

[2]) Ср. Ксенофонтъ, *Воспитаніе Кира*, VIII, 4, 14: „мнѣ кажется труднѣе найти человѣка, съ достоинствомъ переносящаго счастье, чѣмъ несчастье: счастье во многихъ вселяетъ гордость, а несчастье всѣхъ заставляетъ смириться". Въ древности ходила поговорка „Колофонская гордость", которая имѣла въ виду „людей богатыхъ и надменныхъ, ибо таковыми были колофонцы".

[3]) Ср. Гесіодъ, *Труды и Дни*, 170 сл.

чими греками, признають величайшими одни и тѣ же блага, по отъ прочихъ грековъ они отличаются тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, достигнуть обладанія этими благами скорѣе возможно при посредствѣ опредѣленной добродѣтели. Но такъ какъ эти блага—нѣчто большее и наслажденіе ими также нѣчто большее, чѣмъ наслажденіе добродѣтелями... [1]) и, что чрезъ посредство ея, ясно изъ этого [2]).

21. Но какимъ образомъ, при помощи какихъ средствъ можно достигнуть этого? Вотъ что нужно разсмотрѣть. Уже ранѣе [3]) мы установили, что для этой цѣли потребны природныя данныя, навыки и разумъ. Какими должны быть люди по своей природѣ, это опредѣлено выше. Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть, должно ли начинать воспитаніе съ воспитанія разсудка, или съ воспитанія навыковъ. И то и другое воспитаніе должно наисовершеннѣйшимъ образомъ гармонировать одно съ другимъ, такъ какъ не исключена возможность, что разумъ впадетъ въ ошибку при опредѣленіи высшей цѣли, и то же самое можетъ произойти при воспитаніи навыковъ. 22. Здѣсь прежде всего ясно, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, начало даетъ рожденіе и что цѣль [этого рожденія], въ свою очередь, является началомъ другой цѣли [4]). Для насъ, [людей], разумъ и умъ—цѣль, къ которой стремится природное развитіе людей; поэтому-то и должны рожденіе человѣка и воспитаніе его навыковъ сообразовать съ этою цѣлью. 23. Далѣе, подобно тому, какъ душа и тѣло—два [начала, составляющихъ природу человѣка], такъ

---

1) Пропускъ въ текстѣ.

2) Смыслъ всей фразы, вѣроятно, должно возстановлять слѣдующимъ образомъ: Но такъ какъ существуютъ болѣе высокія блага, чѣмъ тѣ блага, которыя можетъ доставить война, то и наслажденіе первыми благами выше, чѣмъ наслажденіе благами, зависящими отъ воинской добродѣтели, что достаточно ясно на основаніи упомянутаго выше. Иначе судилъ о спартанской добродѣтели Ксенофонтъ, *Лакедэмонская политія*, 10 4: „развѣ не должно преклоняться предъ слѣдующимъ установленіемъ Ликурга? онъ... побудилъ всѣхъ спартанцевъ публично «упражняться» во всѣхъ добродѣтеляхъ... онъ указалъ на самую настоятельную необходимость развивать въ себѣ всякаго рода политическія добродѣтели".

3) Ср. выше, стр. 332.

4) Ср. Платонъ, *Фэдръ*, 245 d: „всякое рожденіе должно возникать изъ начала, само же начало должно возникать изъ ничего, потому что если бы начало возникало изъ чего-либо, оно не могло бы возникнуть изъ начала".

точно мы различаемъ и въ душѣ два элемента: элементъ, не имѣющій разума, и элементъ, одаренный разумомъ; и эти элементы, въ свою очередь, обладаютъ двумя свойствами, изъ которыхъ одно—наклонности, другое—умъ. И подобно тому, какъ возникновеніе тѣла предшествуетъ возникновенію души, такъ элементъ души, не имѣющій разума, образуется ранѣе элемента, одареннаго разумомъ. И это тоже не требуетъ доказательствъ: состояніе возбужденности, волевыя стремленія, а также проявленія страсти присущи даже новорожденнымъ дѣтямъ, между тѣмъ какъ разсудительность и мыслительныя способности, естественно, появляются у нихъ только съ ихъ ростомъ [1]). Поэтому-то и забота о тѣлѣ должна предшествовать заботѣ о душѣ, а затѣмъ, послѣ тѣла, нужно позаботиться о воспитаніи наклонностей съ тѣмъ, чтобы воспитаніе ихъ послужило воспитанію ума, а воспитаніе тѣла—воспитанію души.

14.

1. Такъ какъ законодателю съ самаго начала надлежитъ обращать вниманіе на то, чтобы физическія силы воспитываемыхъ достигли высшаго совершенства, то прежде всего ему слѣдуетъ позаботиться о бракѣ, именно опредѣлить, когда браки должны заключаться и какимъ свойствамъ должны удовлетворять лица, вступающія въ брачное сожитіе. Законодатель долженъ при этомъ имѣть въ виду самихъ брачущихся, а также и ихъ возрастъ; брачущіеся должны подходить другъ къ другу по возрасту и ихъ потентность должна быть одинаково сильною: иначе выйдетъ такъ, что мужъ въ состояніи производить дѣтей, жена же не можетъ уже рожать, или наоборотъ—жена рожать можетъ, а мужъ импотентенъ. Подобнаго рода положеніе вызываетъ взаимное раздраженіе и раздоры. 2. Затѣмъ законодателю нужно принимать въ разсчетъ то время, когда дѣти должны заступать мѣсто родителей: не слѣдуетъ допускать слишкомъ большой разницы въ годахъ между отцомъ и дѣтьми, потому что въ такомъ случаѣ, съ одной

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 441 a: „и на дѣтяхъ каждый можетъ видѣть, что, тотчасъ послѣ рожденія, они бываютъ преисполнены состоянія возбужденности, разсудительности же, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ, у нѣкоторыхъ дѣтей никогда не бываетъ, у большинства же изъ нихъ она появляется поздно“.

стороны, утратило бы свое значеніе то чувство признательности, на которое въ правѣ разсчитывать отцы [въ ихъ преклонные годы] отъ своихъ дѣтей, а, съ другой стороны, отцы не могли бы быть полезными своимъ дѣтямъ. Но не слѣдуетъ допускать и того, чтобы отцы и дѣти, по возрасту, были слишкомъ близки между собою: эта близость возрастовъ представляетъ большое неудобство, потому что, съ одной стороны, въ такомъ случаѣ дѣти, какъ почти сверстники своихъ отцовъ, питаютъ къ послѣднимъ чувство почтенія въ меньшей степени, а, съ другой стороны, и въ домашнемъ обиходѣ возникаетъ тогда много поводовъ ко всякаго рода распрямъ. Наконецъ, возвращаясь къ нашей исходной точкѣ зрѣнія, законодатель долженъ постоянно помнить о томъ, чтобы физическія свойства рождаемыхъ дѣтей соотвѣтствовали его, законодателя, предначертаніямъ.

3. Почти всего этого можно достигнуть, если обратить вниманіе на слѣдующаго рода вспомогательное обстоятельство: крайній предѣлъ половой потентности ограниченъ для мужчинъ, круглымъ счетомъ, семьюдесятью годами ихъ жизни, для женщинъ—пятьюдесятью; поэтому и начало поры брачнаго сожитія должно соотвѣтствовать обоимъ указаннымъ срокамъ. 4. Ранніе браки въ отношеніи дѣторожденія неблагопріятны. И у всѣхъ животныхъ приплодъ отъ молодыхъ производителей бываетъ слабый, рождаются большею частью самки и притомъ низкорослыя. То же самое, конечно, должно находить себѣ приложеніе и по отношенію къ людямъ. Да это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ распространены ранніе браки, населеніе отличается слабой физической организаціей и бываетъ низкорослымъ. Сверхъ того, во время родовъ молодыя женщины страдаютъ сильнѣе и очень многія изъ нихъ погибаютъ [1]). Оттого-то

---

[1]) Ср. Аристотель, *Исторія животныхъ*, VII, 1, 582a 16: „до 21 года человѣческое сѣмя безплодно, затѣмъ оно даетъ плодъ; но дѣти молодыхъ родителей рождаются низкорослыя и слабыя, какъ и у большей части остальныхъ живыхъ существъ. Женщины молодыя зачинаютъ быстрѣе, но когда забеременѣютъ, то болѣе мучатся во время родовъ. Да и физическая ихъ организація ослабѣваетъ въ большинствѣ случаевъ и онѣ скорѣе старѣютъ, такъ какъ и мужчины и женщины чаще въ молодыхъ годахъ, чѣмъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ совершаютъ актъ совокупленія. [Обыкновенно послѣ третьяго ребенка у нихъ уже не бываетъ болѣе дѣтей“. По свидѣтельству Аристоксена,

нѣкоторые связываютъ съ этимъ фактомъ данное трезэнцамъ предсказаніе оракула, которое нужно относить именно къ тому, что у нихъ много молодыхъ женщинъ погибало вслѣдствіе ихъ ранняго замужества, а не къ собиранію плодовъ [1]). 5. И ради внѣдренія скромности полезно выдавать замужъ дѣвушекъ, когда онѣ будутъ постарше, такъ какъ, вступивъ въ половыя сношенія въ періодъ ранней молодости, онѣ проявляютъ при этомъ большую невоздержность. Къ тому же физическія силы молодыхъ людей, приступающихъ къ совершенію полового акта въ періодъ созрѣванія сѣмени, задерживаются, повидимому, въ своемъ развитіи, такъ какъ и для созрѣванія сѣмени нужно опредѣленное время, по истеченіи котораго это созрѣваніе прекращается. 6. Ввиду всѣхъ указанныхъ соображеній всего бы болѣе подходило дѣвушкамъ вступать въ бракъ въ 18-лѣтнемъ возрастѣ, а мужчинамъ въ 37 лѣтъ или немногимъ раньше. При заключеніи браковъ въ этомъ возрастѣ физическія силы брачущихся будутъ въ самой порѣ расцвѣта, и такой разсчетъ отлично совпадетъ для супруговъ съ тѣмъ періодомъ, когда ихъ половая потентность прекращается. Сверхъ того, и то время, когда дѣти вступаютъ въ самостоятельный періодъ жизни, какъ разъ придется на эту пору, такъ какъ тогда дѣти окажутся именно въ періодѣ ихъ расцвѣта (при томъ, конечно, предположеніи, что бракъ тотчасъ же будетъ плодороднымъ), между тѣмъ какъ отцы начнутъ въ то время, къ 70-ти годамъ ихъ жизни, уже слабѣть.

7. Итакъ, о времени заключенія брака мы сказали [2]). Что же касается наиболѣе подходящаго для этого времени года, то тутъ можно слѣдовать обычно установившейся практикѣ: и мы можемъ

---

fr. 20 (II, 278 M) Пиѳагоръ рекомендовалъ молодымъ людямъ совершенно воздерживаться отъ полового акта до 20 лѣтъ, а „когда они достигнутъ этого возраста, изрѣдка совершать его, такъ какъ такое умѣренное пользованіе имъ ведетъ къ благосостоянію и отцовъ и ихъ потомства“.

[1]) Подлинный текстъ оракула, читающійся на поляхъ нѣкоторыхъ рукописей „Политики“ гласитъ: „не срѣзывай молодой нивы“.

[2]) Платонъ, *Государство*, 460 e, говоря объ образѣ жизни „стражей“ государства, ограничиваетъ пору брачнаго сожитія для женщинъ періодомъ 20—40-лѣтняго возраста, для мужчинъ 25—55-лѣтняго возраста. Въ *Законахъ*, 721 a, 785 b, для мужчинъ устанавливается время для заключенія брака отъ 30—35 лѣтъ, 772d—отъ 25—35 лѣтъ, для женщинъ отъ 16 (или 18) до 20 лѣтъ.

признать зиму наиболѣе пригоднымъ временемъ для вступленія въ брачное сожительство. Супругамъ, впрочемъ, слѣдуетъ по вопросамъ своей половой жизни считаться съ наставленіями врачей и натурфилософовъ, такъ какъ первые могутъ дать надлежащіе совѣты по части благопріятныхъ моментовъ въ развитіи физическихъ силъ супруговъ, а послѣдніе могутъ сообщить свѣдѣнія объ [ожидаемыхъ въ это время] вѣтрахъ (сѣверные вѣтры въ этомъ отношеніи рекомендуются натурфилософами предпочтительно предъ южными)[1].

8. Что касается того, какія физическія свойства родителей могли бы оказаться наиболѣе полезными для производимаго ими потомства, то подробное обсужденіе этого вопроса должно относиться скорѣе къ области педономіи[2]; но общія указанія на этотъ счетъ умѣстно дать и здѣсь.

Для нормальнаго физическаго состоянія гражданина [какъ такового], для его здоровья и для его производительныхъ силъ какъ отца, вовсе не надо обладать физическою мощью атлетовъ; съ другой стороны, не подходятъ тутъ и люди съ слишкомъ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, не могущіе выносить тяжелой работы; нужно придерживаться въ данномъ случаѣ средины между обѣими крайностями. Организмъ [гражданина] долженъ быть развитъ, но не посредствомъ изнурительныхъ упражненій, и развитіе это не должно быть направлено въ одну сторону, какъ то бываетъ съ атлетами; при развитіи организма гражданина слѣдуетъ имѣть въ виду ту дѣятельность, [которая является характернымъ отличіемъ] свободорожденныхъ людей. Это относится одинаково какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. 9. Беременныя женщины также должны наблюдать за своимъ организмомъ, онѣ не должны предаваться ничегонедѣланію, не должны питаться тяжелою пищею. Первому легко можетъ оказать содѣйствіе законодатель путемъ изданія соотвѣтствующихъ предписаній—ходить въ опредѣленные дни для отправленія религіозныхъ обрядовъ въ честь родовспомогательныхъ божествъ [въ святилища послѣднихъ]. Духовная жизнь [беременныхъ жен-

---

[1]) Ср. указаніе Пиѳагора, проводимое Лаэртіемъ Діогеномъ, VIII, 9: „половые акты слѣдуетъ совершать зимою, а не лѣтомъ: они легче совершаются осенью и весною, тяжело въ теченіе всего лѣта и не полезны тогда для здоровья".

[2]) Т. е. воспитанія дѣтей.

щинъ], въ противоположность ихъ физической жизни, должна быть обставлена болѣе спокойно: вѣдь плодъ, который онѣ носятъ въ себѣ, питается отъ женщины такъ же, какъ растенія питаются отъ почвы, изъ которой они произростаютъ [1]).

10. По вопросамъ, связаннымъ съ «опорочиваніемъ» новорожденныхъ дѣтей [2]) и ихъ кормленіемъ, пусть въ силѣ будетъ тотъ законъ, что ни одного калѣку-ребенка кормить не слѣдуетъ. Что же касается числа дѣтей, то въ томъ случаѣ, если установившіеся обычаи [3]) воспрещаютъ «опорочиваніе» кого-либо изъ новорожденныхъ, оно и не должно имѣть мѣста, такъ какъ количество дѣторожденій при этомъ все-таки строго опредѣлено. Если же у состоящихъ въ супружескомъ сожитіи долженъ родиться ребенокъ сверхъ этого положеннаго числа, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ аборту, прежде чѣмъ зародышъ вполнѣ созрѣлъ [4]); преступленіемъ противъ божескихъ законовъ [5]) и государственныхъ установленій будетъ [совершеніе аборта въ томъ случаѣ], если зародышъ уже вполнѣ созрѣлъ.

11. Установивъ тотъ начальный возрастъ для мужчины и женщины, съ котораго они могутъ вступать въ брачное сожительство, должно опредѣлить и тотъ предѣльный срокъ, до ко-

---

[1]) Ср. Ксенофонтъ, *Лакедэмонская политія*, 1, 3: „чтобы начать съ начала, скажу о дѣторожденіи. Въ остальныхъ государствахъ беременнымъ женщинамъ, получившимъ въ дѣвическомъ возрастѣ прекрасное воспитаніе, даютъ, по возможности, въ пищу немного хлѣба и мало жаренаго, вина же имъ совершенно не полагается, или только вино съ водою“. Иппократъ *О природѣ ребенка*, 1, 414 Kühn: „я утверждаю, что всѣ растенія получаютъ жизнь отъ влаги, находящейся въ землѣ, и какъ земля должна заключать въ себѣ влагу, такъ должны имѣть ее и растенія. Такъ же точно и ребенокъ живетъ отъ матери, пока онъ находится въ ея лонѣ; и если здорова мать, то будетъ здоровъ и новорожденный“.

[2]) Въ древней Греціи новорожденнаго ребенка клали у ногъ отца; если отецъ бралъ его на руки, это значило, что онъ признаетъ его своимъ и желаетъ его оставить. Въ противномъ случаѣ, отецъ оставлялъ ребенка на землѣ, въ знакъ того, что онъ отказывается отъ него. Такіе „опороченныя“ дѣти иногда брались на воспитаніе бездѣтными супругами.

[3]) Слѣдую рукописному чтенію ἐθῶν вмѣсто предлагаемаго Иммишемъ ἐτῶν.

[4]) Собственно: прежде чѣмъ у него появилась чувствительность и жизнь.

[5]) Вмѣсто рукописнаго ὅσιον должно, вѣроятно, читать ἀνόσιον.

тораго имъ подобаетъ отправлять, въ интересахъ государства, ихъ супружескія обязанности. Потомство перезрѣлыхъ родителей, такъ же какъ и потомство слишкомъ молодыхъ, появляется на свѣтъ, и въ физическомъ и въ интеллектуальномъ отношеніи, несовершеннымъ, а потомство престарѣлыхъ родителей—слабымъ. Поэтому [лучше всего опредѣлить этотъ предѣльный срокъ], сообразуясь съ порою расцвѣта интеллектуальныхъ способностей человѣка. Эта пора у большинства людей, по указанію нѣкоторыхъ поэтовъ, измѣряющихъ человѣческую жизнь по «седмицамъ» [1]), совпадаетъ съ пятидесятилѣтнимъ возрастомъ. 12. Такимъ образомъ, кто переступилъ этотъ возрастъ на 4—5 лѣтъ, тотъ долженъ отказаться отъ «явнаго» дѣтопроизводства, и можетъ продолжать, въ остальное время жизни, отправленіе супружескихъ обязанностей лишь въ интересахъ своего здоровья или тому подобной причины. А что касается посторонних связей мужа или жены, то такія связи нигдѣ и никоимъ образомъ вообще не признаются благопристойными, пока существуетъ то, что называется законнымъ бракомъ. И если кто-либо будетъ изобличенъ въ преступной связи въ теченіе [законнаго] періода дѣтопроизводства, то виновный долженъ понести за свой проступокъ соотвѣтствующее его положенію, какъ гражданина, наказаніе, [т. е. онъ долженъ подвергнуться лишенію гражданскихъ правъ] [2]).

15.

1. Большое различіе, нужно полагать, существуетъ въ способахъ питанія новорожденныхъ дѣтей для укрѣпленія ихъ физическихъ силъ. Наблюденія надъ животными, равно какъ и надъ племенами, поставившими своею главною заботою развитіе въ

[1]) Ср. Солонъ, fr. 27 B.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 784a: „если въ теченіе того времени, когда супруги могутъ производить дѣтей по законамъ, кто-либо изъ нихъ заведетъ постороннюю связь, то они подлежатъ такому же наказанію, какъ и тѣ, кто, какъ выше сказано, не вступилъ еще въ возрастъ, нормальный для дѣтопроизводства. Тѣ изъ супруговъ, которые въ періодъ, слѣдующій за этимъ возрастомъ, будутъ умѣрены въ отправленіи полового акта, должны всячески быть прославляемы, поступающіе же противно этому пусть встрѣтятъ обратный почетъ; преимущественно же ихъ должно карать лишеніемъ гражданскихъ правъ“.

себѣ воинственнаго темперамента, показываютъ, что обильное питаніе молокомъ всего лучше укрѣпляетъ физическія силы дѣтей, и что вино, какъ напитокъ, могущій повлечь за собою заболѣванія, должно быть совершенно вычеркнуто [изъ числа питательныхъ для дѣтей веществъ] [1]). 2. Полезно также движеніе, поскольку оно совмѣстимо вообще съ столь нѣжнымъ возрастомъ [2]). Чтобы избѣжать могущихъ быть при этомъ вывиховъ нѣжныхъ членовъ тѣла, нѣкоторыя племена пользуются въ данномъ случаѣ и въ настоящее время нѣкоторыми механическими приспособленіями, предохраняющими тѣла малышей отъ поврежденій. Полезно тотчасъ же, съ малыхъ лѣтъ, пріучать дѣтей къ холоду: это—отличнѣйшее средство и для здоровья и для [закала въ] воинской дѣятельности. Поэтому-то у многихъ варваровъ существуетъ обычай купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ; другія племена, напримѣръ, кельты, завертываютъ дѣтей въ холодныя [3]) одѣяла 3. Вообще все, къ чему можно пріучить ребенка, лучше пріучать его непосредственно «съ пеленокъ», но пріучать постепенно. То обстоятельство, что въ организмѣ дѣтей содержится больше животной теплоты, отлично способствуетъ закаливанію ихъ къ холоду [4]).

Итакъ, вотъ какія и тому подобныя заботы полезно прилагать къ дѣтямъ въ начальный періодъ ихъ роста.

4. Въ слѣдующую затѣмъ пору возраста, до 5 лѣтъ, когда, понятно, не годится еще начинать обучать чему-либо ребенка, ни обременять его какою-либо работою, которая могла бы помѣшать его росту, слѣдуетъ дозволять ему столько движенія, сколько

---

[1]) Противоположнаго мнѣнія держится Иппократъ, *О воздухѣ, водахъ, мѣстоположеніи*, I, 542 Kühn: „я полагаю, что лучше давать дѣтямъ вино, сильно разбавленное водою: оно въ меньшей степени сжигаетъ и сушитъ артеріи". Аристотель, съ приписываемомъ ему трактатѣ *О снѣ*, 3, 457 a 14, замѣчаетъ: „вина вредны для дѣтей и для кормящихъ грудью (разницы никакой не будетъ, будетъ ли пить вино ребенокъ или кормилица); а если уже пить, то слѣдуетъ пить немного и разбавленное водою: вино, въ особенности красное, развиваетъ газы".

[2]) Ср. Платонъ, *Θеэтетъ*, 153b: „наше тѣло разрушается отъ покоя и отсутствія движеній". Та же мысль въ приложеніи къ воспитанію въ *Законахъ*, 789b.

[3]) Слѣдую чтенію ψυχρόν.

[4]) Иппократъ, *Афоризмы*, III, 710 Kühn, держался противоположнаго взгляда: „по мѣрѣ роста, у человѣка развивается больше животной теплоты".

является потребнымъ для того, чтобы организмъ не оставался въ бездѣйствіи [1]). Для этой цѣли нужно занимать ребенка какъ другими, [подходящими его возрасту], занятіями, такъ и играми [2]); однако игры эти должны соотвѣтствовать достоинству свободорожденнаго человѣка, не должны слишкомъ утомлять ребенка и быть разнузданными. 5. Что касается разсказовъ и сказокъ, слушать которые умѣстно въ соотвѣтственномъ дѣтскомъ возрастѣ, то о выборѣ ихъ надлежитъ озаботиться тѣмъ магистратамъ, которые зовутся пэдономами [3]). Все это должно служить какъ бы преддверіемъ для послѣдующихъ занятій; поэтому и игры дѣтей должны подражать тому, чѣмъ они будутъ заниматься въ—серьезъ впослѣдствіи [4]). 6. Совершенно неосновательно воспрещаютъ нѣкоторые законодатели [5]) дѣтямъ громкій крикъ и плачъ—и то и другое содѣйствуютъ ихъ росту и является для ихъ организма своего рода гимнастикой: задерживаніе дыханія развиваетъ силу при работѣ, а это и бываетъ съ дѣтьми, когда они надрываются крикомъ. Пэдонамъ слѣдуетъ наблюдать вообще за тѣмъ, какъ проводятъ время дѣти, такъ же и за тѣмъ, чтобы они какъ можно меньше оставались въ обществѣ рабовъ; въ этомъ возрастѣ, т. е. отъ пяти до семи лѣтъ, дѣти должны воспитываться въ домашней обстановкѣ. 7. Само собою разумѣется, слѣдуетъ отстранять [6]) отъ ушей и глазъ дѣтей, когда они находятся въ малолѣтнемъ возрастѣ, все то, что́ несоотвѣтствуетъ достоинству свободорожден-

---

[1]) Ср. Аристотель, *О происхожденіи животныхъ* I, 18, 725b 23: „въ теченіе 5 лѣтъ тѣло людей пріобрѣтаетъ половину того роста, какой потомъ вообще бываетъ у нихъ".

[2]) Платонъ, *Государство*, 377a, рекомендуетъ прежде чѣмъ знакомить дѣтей съ „миѳами", гдѣ строго говоря, все ложь и лишь крупицы истины, занимать дѣтей „играми или гимнастическими упражненіями".

[3]) Ср. Платонъ, *Государство*, 376e: „разсказы бываютъ двоякаго рода: правдивые и лживые. Что же, нужно при воспитаніи дѣтей разсказывать и тѣ и другія, или начать со лживыхъ? ...Вѣдь мы сначала разсказываемъ дѣтямъ миѳы—а это, говоря вообще, лживые разсказы съ крупицами истины".

[4]) Аристотель, *Поэтика*, 4, 1448b5: „подражать свойственно людямъ съ дѣтскаго возраста; человѣкъ тѣмъ и отличается отъ прочихъ живыхъ существъ, что онъ всего болѣе способенъ къ подражанію, и первые его уроки состоятъ именно въ подражаніи".

[5]) Ср. Платонъ, *Законы*, 792b.

[6]) Слѣдую рукописямъ, дающимъ чтеніе ἀπελαύνειν.

наго человѣка. Да и вообще законодатель долженъ удалить изъ государства всякаго рода сквернословіе и т. п., потому что изъ привычки такъ или иначе сквернословить развивается и склонность къ совершенію дурныхъ поступковъ. Въ особенности нужно не допускать сквернословія въ среду молодежи; надо, чтобы они не говорили сами и не слышали отъ другихъ чего-либо подобнаго. Если же все-таки обнаружится, что кто—либо говоритъ или дѣлаетъ то, что запрещено, то свободорожденнаго человѣка, но не зачисленнаго еще въ сисситіи, должно подвергать бичеванію, а если онъ уже старше этого возраста [1]), то лишать его гражданскихъ правъ, такъ какъ подобнаго рода проступки, допустимые лишь среди рабовъ, несовмѣстимы съ достоинствомъ свободнаго человѣка.

8. Разъ мы не допускаемъ въ государствѣ непотребныхъ разговоровъ, то, очевидно, не должно дозволять въ немъ и выставокъ непристойныхъ картинъ или представленій неприличныхъ пьесъ. Такимъ образомъ, начальствующія лица должны прилагать заботы о томъ, чтобы никакая статуя или картина не представляли собою воспроизведеніе чего-либо непристойнаго, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда законъ допускаетъ, въ культѣ извѣстныхъ божествъ, такого рода непристойности [2]). Отправлять такіе культы законъ, впрочемъ, дозволяетъ лишь лицамъ, достигшимъ опредѣленнаго возраста, притомъ къ участію въ нихъ допускаются какъ мужчины, такъ и дѣти и женщины.

9. Закономъ должно быть воспрещено молодымъ людямъ присутствовать, въ качествѣ зрителей, на представленіяхъ ямбовъ [3]) и комедій до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ возраста, въ которомъ имъ дозволено принимать участіе въ сисситіяхъ и въ попойкахъ: можно надѣяться, что полученное ими къ тому времени воспитаніе сдѣлаетъ всѣхъ ихъ невоспріимчивыми къ проистекающему отъ подобнаго рода зрѣлищъ вреду. Теперь мы о всемъ этомъ говоримъ мимоходомъ; потомъ же нужно будетъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ и точнѣе опредѣлить, не

---

[1]) Т. е. старше 21 года.

[2]) Вѣроятно, имѣются въ виду нѣкоторые сюжеты изъ цикла, относящагося къ Діонису.

[3]) Сатировскихъ драмъ.

слѣдуетъ ли вообще воспретить [молодежи посѣщеніе театра], а если этого дѣлать и не слѣдуетъ, то какимъ путемъ можно обойти встрѣчающіеся при этомъ различнаго рода спорные пункты. Теперь мы затронули этотъ вопросъ постольку, поскольку оно представлялось необходимымъ. 10. Впрочемъ, можетъ быть, актеръ-трагикъ Ѳеодоръ не плохо высказывался въ такомъ родѣ, что онъ никогда не дозволялъ ни одному актеру, даже и изъ числа второстепенныхъ, выступать на сценѣ ранѣе его, Ѳеодора, такъ какъ зрители, [замѣчалъ онъ], настраиваются соотвѣтственно тому, что̀ всего прежде достигаетъ ихъ слуха [1]). То же самое можетъ быть приложимо и къ нашему общенію съ людьми и съ окружающими насъ предметами: мы всегда больше любимъ наши первыя впечатлѣнія. Поэтому-то должно и молодежь оберегать отъ соприкосновенія со всѣмъ дурнымъ, въ особенности съ тѣмъ, въ чемъ заключается что-либо низменное или что̀ разжигаетъ дурныя страсти.

По истеченіи пятилѣтняго возраста, слѣдующіе два года, до семи лѣтъ, дѣти должны уже присутствовать на урокахъ по тѣмъ предметамъ, которые имъ потомъ придется изучать самимъ. 11. Все воспитаніе должно быть раздѣлено, по степенямъ возраста, на два класса: 1) отъ семилѣтняго возраста до наступленія половой зрѣлости и 2) отъ наступленія половой зрѣлости до 21 года. Обычный способъ дѣленія возрастовъ человѣческой жизни по седьмицамъ, можетъ быть, и не плохъ, но все-таки и при этомъ дѣленіи слѣдуетъ сообразоваться съ природою.

Всякое искусство, въ томъ числѣ и искусство воспитанія, имѣетъ цѣлью восполнить то, чего недостаетъ отъ природы. Итакъ, прежде всего надлежитъ разсмотрѣть, слѣдуетъ ли такъ или иначе урегулировать воспитаніе дѣтей, затѣмъ, полезнѣе ли вручать заботу о немъ государству, или же предоставлять воспитаніе дѣтей частной иниціативѣ (этотъ послѣдній способъ практикуется и теперь въ большей части государствъ), и, наконецъ, въ-третьихъ, въ чемъ забота о воспитаніи должна выражаться.

---

[1]) О своемъ современникѣ, актерѣ Ѳеодорѣ, Аристотель упоминаетъ въ *Риторикѣ*, III, 2, 1404 b 22, какъ объ отличавшемся прекраснымъ голосомъ.

КНИГА VIII.

1.

1. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что законодатель долженъ отнестись съ исключительнымъ вниманіемъ къ воспитанію молодежи, такъ какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ этотъ предметъ находится въ пренебреженіи, и самый государственный строй терпитъ отъ того ущербъ. Вѣдь для каждой формы государственнаго строя соотвѣтственное воспитаніе—предметъ первой необходимости: каждая форма государственнаго строя отличается присущимъ ей характеромъ [1]), который обыкновенно и служитъ къ сохраненію самого строя и опредѣляетъ его изначала, какъ, напримѣръ, демократическій характеръ строя—демократію, олигархическій—олигархію. И всегда наилучшій характеръ государственнаго строя обусловливаетъ собой и болѣе высокую его форму. 2. Далѣе, всѣ [прирожденныя] способности [человѣка], всякое практическое примѣненіе ихъ для соотвѣтственной каждой изъ нихъ работѣ нуждаются въ предварительномъ воспитаніи и въ предварительномъ принаравливаніи. Очевидно, все это необходимо и для проявленія дѣятельности въ духѣ добродѣтели. А такъ какъ все государство въ его цѣломъ имѣетъ въ виду одну конечную цѣль, то, ясно, для всѣхъ гражданъ нужно тожественное воспитаніе, и забота объ этомъ воспитаніи должна

---

[1]) Ср. Платонъ, *Государство*, 544d: „развѣ ты не знаешь, что существуетъ столько же разновидностей людскихъ характеровъ, сколько и формъ государственнаго строя? Или, по твоему мнѣнію, формы эти возникаютъ откуда-то изъ дуба либо камня, а не изъ характера даннаго государства, и что въ какую сторону склоняется послѣдній, туда же клонится и все остальное“?

быть заботою государственною, а не дѣломъ частной инпціативы. Теперь всякій печется о воспитаніи своихъ дѣтей по своему, каждый и учитъ ихъ по своему, какъ ему вздумается. На дѣлѣ же, то, что́ имѣетъ въ виду общій интересъ, должно быть и дѣлаемо сообща. Не слѣдуетъ, сверхъ того, думать, будто каждый гражданинъ —самъ по себѣ, нѣтъ, всѣ граждане принадлежатъ государству, потому что каждый изъ нихъ является частицей государства [1]). А забота о каждой частицѣ, естественно, должна имѣть въ виду попеченіе о всемъ цѣломъ, вмѣстѣ взятомъ [2]). 3. Въ этомъ отношеніи можно одобрить лакедэмонянъ: они прилагаютъ очень большія заботы о воспитаніи дѣтей, и оно носитъ у нихъ общегосударственный характеръ.

Итакъ, ясно, должны существовать узаконенія, касающіяся воспитанія, и послѣднее должно быть общимъ. Но нельзя оставить безъ вниманія и того, что́ вообще представляетъ собою воспитаніе и какъ оно должно быть организовано. Въ настоящее время на этотъ счетъ существуютъ различныя точки зрѣнія: не всѣ согласны въ томъ, нужно ли вести обученіе молодыхъ людей, въ цѣляхъ воспитать въ нихъ добродѣтель, или же [вести это воспитаніе такъ], чтобы молодые люди могли достигнуть наибольшаго счастья; невыяснено также и то, на что́ нужно обращать при воспитаніи преимущественное вниманіе, на развитіе ли интеллектуальныхъ способностей, или на развитіе нравственныхъ качествъ. 4. Вслѣдствіе такой неустойчивости во взглядахъ на современное воспитаніе и обсужденіе [связанныхъ съ нимъ вопросовъ] является сумбурнымъ, и остается совершенно невыясненнымъ: нужно ли развивать въ дѣтяхъ тѣ ихъ душевныя свойства,

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 923a: „я, законодатель, не считаю васъ принадлежащими самимъ себѣ, ни всю эту собственность, но считаю и васъ и ее принадлежащими всему роду вашему, и до васъ бывшему и вамъ наслѣдующему, а еще болѣе того считаю весь вашъ родъ и всю вашу собственность принадлежностью государства“.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 903b: „будемъ же убѣждать юношу въ томъ, что для того, кто заботится обо всемъ, все устроено для спасенія и добродѣтели цѣлаго... и что каждая твоя частица, какъ бы она микроскопична ни была, постоянно имѣетъ въ виду все и стремится къ нему“. *Хармидъ*, 156e: „нужно заботиться о цѣломъ; если эта забота о цѣломъ плохо поставлена, то и часть цѣлаго не можетъ быть въ хорошемъ состояніи“.

которыя имъ пригодятся въ практической жизни, или тѣ, которыя имѣютъ въ виду добродѣтель, или, наконецъ, тѣ, что ведутъ къ высшему отвлеченному знанію. Каждый изъ приведенныхъ здѣсь взглядовъ имѣетъ своихъ защитниковъ. Не пришли также ни къ какому соглашенію и насчетъ того, что же ведетъ къ добродѣтели. Такъ какъ далеко не всѣ цѣнятъ одну и ту же добродѣтель, то—логическое отсюда слѣдствіе—разногласятъ и въ вопросѣ, касающемся ея примѣненія на практикѣ.

2.

1. Совершенно очевидно, что изъ числа полезныхъ [въ житейскомъ обиходѣ] предметовъ должны быть изучаемы тѣ, которые дѣйствительно необходимы, но не всѣ безъ исключенія. Такъ какъ всѣ занятія людей раздѣляются на такія, которыя приличны для свободорожденныхъ людей, и на такія, которыя свойственны несвободнымъ, то, очевидно, изъ перваго рода занятій должно участвовать лишь въ тѣхъ, которыя не обратятъ человѣка, занимающагося ими, въ ремесленника. Ремесленными же нужно считать такія занятія, такія искусства и такіе предметы обученія, которые дѣлаютъ физическія, психическія и интеллектуальныя силы свободорожденныхъ людей непригодными для примѣненія ихъ къ добродѣтели и для связанной съ нею дѣятельности. Оттого-то мы и называемъ ремесленными такія искусства и занятія, которыми ослабляются физическія силы. Это тѣ работы, которыя исполняются за плату; онѣ отнимаютъ досугъ для развитія интеллектуальныхъ силъ человѣка и принижаютъ ихъ. 2. И изъ числа «свободныхъ» наукъ свободорожденному человѣку можно изучать нѣкоторыя только до извѣстныхъ предѣловъ; чрезмѣрно же налегать на нихъ съ тѣмъ, чтобы изучить ихъ во всѣхъ деталяхъ, причиняетъ указанный выше вредъ.

Большая разница существуетъ въ томъ, для какой цѣли всякій что-нибудь дѣлаетъ или изучаетъ. Если это совершается въ личныхъ интересахъ, или въ интересахъ друзей, или, наконецъ, въ интересахъ добродѣтели, то оно достойно свободорожденнаго человѣка; но поступать точно такимъ же образомъ въ интересахъ чужихъ—зачастую можетъ оказаться поведеніемъ, свойственнымъ

наемнику и рабу. Распространенные нынѣ предметы обученія, какъ уже замѣчено выше, носятъ двойственный характеръ. 3. Въ настоящее время обычными предметами обученія являются слѣдующіе четыре: грамматика [1]), гимнастика, музыка и иногда рисованіе. Изъ нихъ грамматика и рисованіе изучаются какъ предметы, полезные въ житейскомъ обиходѣ и часто имѣющіе практическое примѣненіе [2]); гимнастикой занимаются потому, что она способствуетъ развитію мужества. Что касается музыки, то можетъ, пожалуй, возникнуть сомнѣніе [въ пользѣ ея изученія], такъ какъ теперь большею частью занимаются музыкою только ради удовольствія [3]). Но предки наши помѣстили музыку въ число общеобразовательныхъ предметовъ потому, что сама природа, какъ на это было указываемо неоднократно [4]), стремится доставить намъ возможность не только правильно направлять нашу дѣятельность, но и прекрасно пользоваться нашимъ досугомъ. А послѣдній — мы снова подчеркиваемъ это — служитъ основнымъ принципомъ всей нашей дѣятельности. 4. Если же необходимы и дѣятельность и досугъ, и досугъ долженъ быть въ значительной степени предпочтенъ дѣятельности, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ досугъ этотъ нужно заполнить. Конечно, не игрой же, такъ какъ въ такомъ случаѣ она, неизбѣжно, оказалась бы конечною цѣлью нашей жизни. Разъ это невозможно, то играмъ должно скорѣе удѣлить мѣсто среди нашей дѣятельности: вѣдь трудящемуся человѣку потребенъ отдыхъ, а игра и существуетъ ради отдохновенія [5]), дѣятельность же всякаго рода влечетъ за собою напряженный трудъ. Поэтому игры должны имѣть свое мѣсто, но при

---

[1]) Чтеніе и письмо.

[2]) Ср. Діодоръ, XII, 13,1 о Харондѣ (см. выше стр. 90 сл.): „законодатель (Харондъ) выдвинулъ на первый планъ, сравнительно со всѣми остальными предметами обученія, грамматику. И это вполнѣ основательно: благодаря ей возможно добиться знанія очень многихъ вещей, весьма полезныхъ въ житейскомъ обиходѣ: народныхъ постановленій, законовъ, писемъ, завѣщаній и всего остальнаго, что чаще всего регулируетъ жизнь“.

[3]) Ср. Платонъ, *Законы*, 655c: „очень многіе утверждаютъ, что въ музыкѣ заключается своего рода правильность, ритмичность, которая можетъ доставить человѣческой душѣ наслажденіе“.

[4]) Ср. выше стр. 339 сл.

[5]) Ср. Платонъ, *Филебъ*, 30 e: „игра является иногда отдохновеніемъ отъ занятій“.

этомъ, назначая время игръ, нужно пользоваться удобнымъ для того моментомъ, такъ какъ онѣ служатъ своего рода лекарствомъ: движенiе при играхъ ведетъ къ успокоенiю души, и благодаря тому, что съ игрою связано и развлеченiе, оно содѣйствуетъ ея отдохновенiю. 5. Но досугъ, очевидно, заключаетъ уже въ самомъ себѣ и наслажденiе, и блаженство, и счастливую жизнь, и все это выпадаетъ на долю не занятыхъ людей, а людей, пользующихся досугомъ. Дѣлающiй что-либо дѣлаетъ это ради чего-либо, такъ какъ цѣль имъ еще не достигнута, между тѣмъ какъ счастье само по себѣ есть цѣль, и оно соединяется, въ представленiи всѣхъ людей, не съ горемъ, но съ наслажденiемъ. Однако это наслажденiе не всѣ еще признаютъ тожественнымъ для всѣхъ; каждый опредѣляетъ наслажденiе въ соотвѣтствiи съ своей индивидуальностью и присущими ей свойствами; наилучшiй человѣкъ предпочитаетъ, конечно, наилучшее наслажденiе, то, которое проистекаетъ изъ наилучшихъ его свойствъ. Отсюда ясно, что для умѣнья пользоваться досугомъ въ жизни нужно кое-чему научиться, кое въ чемъ воспитаться, и что какъ это воспитанiе, такъ и это обученiе заключаютъ цѣль въ самихъ себѣ, между тѣмъ какъ то обученiе, которое признается необходимымъ для примѣненiя его къ дѣловой жизни, имѣетъ въ виду другiя цѣли. 6. Поэтому-то и наши предки помѣстили музыку въ число общевоспитательныхъ предметовъ, не какъ предметъ необходимый (никакой настоятельной необходимости въ обученiи музыкѣ нѣтъ) и не какъ предметъ общеполезный, въ родѣ грамотности, которая нужна и для веденiя денежныхъ дѣлъ, и для домоводства, и для научныхъ занятiй, и для многихъ отраслей государственной дѣятельности. И рисованiе также, очевидно, изучается потому, что оно приноситъ пользу при лучшей критической оцѣнкѣ художественныхъ произведенiй, какъ, въ свою очередь, гимнастика служитъ къ укрѣпленiю здоровья и развитiю физическихъ силъ. Ничего подобнаго занятiя музыкой не даютъ. Поэтому остается принять одно, что она служитъ для заполненiя нашего досуга, и съ этою-то цѣлью она, очевидно, и введена въ обиходъ воспитанiя. Въ самомъ дѣлѣ, [тѣ, кто вводитъ музыку въ число предметовъ воспитанiя], полагаютъ, очевидно, что она служитъ интеллектуальнымъ развлеченiемъ свободорожденныхъ людей. Поэтому-то и Гомеръ выразился такъ: «Только его одного приглашать надлежитъ

къ богатому пиру» [1]); онъ говоритъ также и о другихъ, кого слѣдуетъ приглашать, и продолжаетъ: «Кто приглашаетъ пѣвца, который всѣхъ услаждаетъ» [2]). Въ другомъ мѣстѣ Одиссей говоритъ, что наилучшимъ времяпрепровожденіемъ бываетъ такое, когда среди веселящихся людей «гости въ домахъ рядомъ по чину сидятъ, пѣснопѣвцу внимая» [3]).

3.

1. Итакъ, ясно, имѣется и такого рода воспитаніе, которое родители должны давать своимъ сыновьямъ не потому, чтобы оно было практически полезно или необходимо для нихъ, но потому, что оно достойно свободорожденнаго человѣка и само по себѣ прекрасно. Входитъ ли въ кругъ этого воспитанія одинъ предметъ, или ихъ нѣсколько, и каковы они, и какъ [они должны быть поставлены], о всемъ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи [4]). Теперь же, изъ нашихъ предварительныхъ указаній, достаточно выяснилось, что уже и древніе свидѣтельствуютъ въ пользу нашего мнѣнія объ обычныхъ предметахъ воспитанія; музыка подтверждаетъ это и съ фактической стороны. Сверхъ того, [въ пользу нашего мнѣнія говоритъ слѣдующее]: дѣтей слѣдуетъ обучать общеполезнымъ предметамъ не только въ интересахъ получаемой отъ этого пользы—таково, напримѣръ, обученіе грамотѣ, но и потому, что, благодаря этому обученію, возможно бываетъ сообщить имъ цѣлый рядъ другихъ свѣдѣній. 2. Такъ обстоитъ дѣло и съ рисованіемъ: и его изучаютъ не ради того, чтобы не впасть въ ошибку при своихъ собственныхъ покупкахъ, или чтобы не подвергнуться обману при покупкѣ и продажѣ домашней утвари, но рисованіе изучаютъ потому, что оно развиваетъ глазъ при опредѣленіи физической красоты. Вообще, искать повсюду лишь одной пользы всего менѣе приличествуетъ людямъ высокихъ душевныхъ качествъ и свободорожденнымъ.

---

1) Въ томъ видѣ, въ какомъ приводится стихъ Аристотелемъ, его не имѣется въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ гомеровскихъ поэмъ.

2) Стихъ, очевидно, цитированъ на память; онъ читается такъ въ *Одиссеѣ*, XVII, 385: ἢ καὶ θέσπιν ἀοιδὸν, ὅ κεν τέρπῃσιν ἀείδων.

3) *Одиссея*, XI 7.

4) Обѣщаніе осталось невыполненнымъ.

Ясно, что въ дѣлѣ воспитанія развитіе навыковъ должно предшествовать развитію ума, и что физическое воспитаніе должно предшествовать воспитанію интеллектуальному. Отсюда слѣдуетъ, что мальчиковъ должно [прежде всего] отдавать въ руки учителей гимнастики и пэдотрибовъ: первые приведутъ въ надлежащее состояніе ихъ организмъ, а вторые будутъ направлять соотвѣтствующимъ образомъ ихъ занятія гимнастикой [1]).

3. Среди греческихъ государствъ, которыя, по общепринятому мнѣнію, въ настоящее время прилагаютъ всего болѣе заботъ о воспитаніи молодежи, почти всѣ стремятся придать ему «атлетическое» направленіе и тѣмъ самымъ калѣчать фигуру дѣтей и мѣшаютъ ихъ естественному росту [2]). Лакедэмоняне въ такую ошибку не впали, зато постоянными тяжелыми упражненіями они обращаютъ дѣтей въ своего рода дикихъ животныхъ; поступаютъ они такъ въ томъ разсчетѣ, будто бы это всего болѣе полезно для развитія мужества [3]). Однако, какъ на это часто было указываемо, не слѣдуетъ обращать всѣ свои заботы на эту одну цѣль, не слѣдуетъ преимущественно ее имѣть въ виду. Далѣе, если бы и стремиться только къ ея достиженію, все равно этимъ ничего не достигнешь. Вѣдь ни у животныхъ, ни у варварскихъ племенъ мы не замѣчаемъ того, чтобы храбрость непремѣнно отличала самыхъ дикихъ изъ нихъ; напротивъ, она скорѣе свойственна бываетъ животнымъ, отличающимся болѣе кроткимъ нравомъ, похожимъ на нравъ львовъ [4]). 4. Есть много племенъ, которыя питаютъ склонность къ убійствамъ и людоѣдству.

---

[1]) Ср. Аристотель, *Аѳинская политія* 42: (аѳинскій народъ) „избираетъ двухъ пэдотрибовъ и учителей, которые учатъ сражаться въ вооруженіи, метать стрѣлы и дротики, пускать пращи".

[2]) Киникъ Діогенъ, по свидѣтельству Лаэртія Діогена, VI, 30, „запретилъ педотрибу воспитывать въ палэстрѣ (сыновей Ксеніада) по образцу атлетовъ».

[3]) На точкѣ зрѣнія спартанцевъ стоялъ Иппократъ, *О воздухѣ* и пр., I, 565 Kühn: „спокойствіе и отсутствіе упражненій ведетъ къ развитію трусости, утомленія, а тяжелые труды—храбрости".

[4]) Ср. Аристотель, *Исторія животныхъ*, IX, 44, 629b 8: „левъ голодный очень свирѣпъ, но когда онъ сытъ и наѣлся,—очень кротокъ". Выше, въ томъ же сочиненіи (р. 488 b 16), левъ причисляется къ числу „свободныхъ, храбрыхъ и благородныхъ животныхъ".

Таковы ахейцы и геніохи, обитающіе на берегахъ Понта[1]) и нѣкоторыя другія племена изъ числа живущихъ на материкѣ[2]), въ однихъ отношеніяхъ сходныя съ ахейцами и геніохами, а въ другихъ даже превосходящія ихъ. Все это—племена разбойничьи, но храбростью они вовсе не обладаютъ. Да и о самихъ лакедэмонянахъ мы знаемъ, что пока они одни ревностно занимались тяжелыми упражненіями, они превосходили всѣхъ прочихъ грековъ, а теперь и по части гимнастическихъ упражненій и воинственной энергіи они уступаютъ другимъ. Вѣдь лакедэмоняне отличались отъ другихъ не тѣмъ, что они упражняли свою молодежь указаннымъ выше образомъ, но единственно тѣмъ, что они закаляли ее противъ тѣхъ, кто этимъ пренебрегалъ. 5. Отсюда слѣдуетъ, что въ воспитаніи первую роль должно играть прекрасное, а не дико-животное. Вѣдь ни волкъ, ни какой-либо другой дикій звѣрь не сталъ бы бороться съ тою опасностью, цѣль которой—прекрасное; на такую опасность скорѣе рискнетъ мужественный человѣкъ[3]). Но тѣ люди, которые при воспитаніи храбрости въ дѣтяхъ допускаютъ чрезмѣрную ретивость, которые оставляютъ ихъ не воспитанными по части всего того, что имъ необходимо для жизни, дѣлаютъ изъ дѣтей, по всей справедливости, ремесленниковъ[4]). Они дѣлаютъ дѣтей полезными только для разрѣшенія одной изъ задачъ, связанныхъ съ ролью человѣка въ государствѣ, но и въ этомъ отношеніи, какъ показываютъ наши соображенія, они поступаютъ хуже другихъ. Судить о всемъ этомъ нужно не по фактамъ прошлаго, а по фактамъ настоящаго: теперь у лакедэмонянъ есть соперники по части гимнастическаго воспитанія, а ранѣе у нихъ такихъ соперниковъ не было.

---

[1]) На восточномъ побережьѣ Чернаго моря.

[2]) Главнымъ образомъ Малой Азіи.

[3]) Ср. Платонъ, *Законы*, 641 b: „ставъ хорошими мужами, они и во всемъ остальномъ стали бы поступать прекрасно, а также и въ побѣдѣ надъ врагами“.

[4]) Ср. Платонъ, *Законы*, 644 а: „воспитаніе имѣющее цѣлью научить людей наживать деньги, либо развивать силу, либо пріобщиться къ мудрости безъ ума и справедливости,—это воспитаніе, свойственное ремесленнику, а не свободному человѣку: да и вообще оно не достойно называться воспитаніемъ“.

4.

1. Итакъ, можно считать общепризнаннымъ то положеніе, что [при воспитаніи молодежи] необходимо обучать ее гимнастикѣ; ясно также и то, какъ обученіе это должно быть поставлено. Конечно, до наступленія періода половой зрѣлости должно отдавать предпочтеніе болѣе легкимъ гимнастическимъ упражненіямъ, причемъ [изъ программы воспитанія], чтобы ничто не мѣшало физическому росту молодыхъ людей, совершенно исключаются насильственное откармливаніе ихъ [1]) и непосильныя работы. Важное свидѣтельство въ пользу того, что эти мѣры могутъ задержать развитіе физическихъ силъ, можно почерпнуть изъ списковъ побѣдителей на Олимпійскихъ состязаніяхъ [2]): въ этихъ спискахъ рѣдко встрѣтишь двухъ — трехъ однихъ и тѣхъ же лицъ, одержавшихъ побѣды въ бытность ихъ мальчиками и затѣмъ взрослыми мужами. Это объясняется тѣмъ, что молодые люди, отъ постоянныхъ непосильныхъ гимнастическихъ упражненій, теряютъ свои силы [3]). 2. Послѣ того, какъ, по достиженіи возмужалости, три года будутъ посвящены на усвоеніе остальныхъ предметовъ воспитанія [4]), умѣстно въ слѣдующій затѣмъ періодъ возраста подвергать воспитываемыхъ какъ болѣе тяжелымъ работамъ, такъ и принудительному питанію. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ одновременно заставлять слишкомъ напряженно работать и интеллектуальныя и физическія силы: напряженіе тѣхъ и другихъ, естественно, производитъ діаметрально-противоположное дѣйствіе, а именно: физическое напряженіе препятствуетъ развитію интеллектуальныхъ силъ, напряженіе интеллектуальное—физическихъ.

3 [5]). Что касается музыки, то мы уже и ранѣе разсмотрѣли нѣкоторые возбуждающіе по данному вопросу сомнѣніе пункты.

---

[1]) Что дѣлалось при воспитаніи атлетовъ.

[2]) Аристотель составлялъ подобнаго рода списки.

[3]) Ср. *Никомахова этика*, II, 2, 1104a 15 (стр. 25 перевода Э. Л. Радлова).

[4]) Т. е. чтенія, письма, музыки и рисованія.

[5]) Начиная съ этого отдѣла и до конца, Аристотель перенесъ въ VIII-ую книгу „Политики", по мнѣнію Амсдорфа, разсужденіе изъ его спеціальнаго трактата о музыкѣ.

Поэтому мы вполнѣ умѣстно можемъ теперь обратиться къ продолженію нашего изслѣдованія, чтобы оно послужило основою для разсужденій тѣхъ лицъ, кто пожелалъ бы подробно трактовать о томъ же предметѣ.

Нелегко точно опредѣлить, въ чемъ заключается природа музыки, ради чего слѣдуетъ ею заниматься—ради ли развлеченія и [сопряженнаго съ нимъ] отдыха, подобно тому, какъ мы съ тою же цѣлью предаемся сну и участвуемъ въ попойкахъ. Дѣло въ томъ, что послѣднія сами въ себѣ не преслѣдуютъ никакой серьезной цѣли, онѣ просто пріятны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утишаютъ заботы, какъ говоритъ Еврипидъ [1]). Поэтому нѣкоторые и музыку ставятъ на одну линію со сномъ и попойками и прибѣгаютъ къ этимъ занятіямъ, т. е. спятъ, пьютъ вино и музицируютъ, для одной и той же цѣли, присоединяя сюда также и танцы [2]). 4. Или же скорѣе слѣдуетъ думать, что музыка стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ моральной добродѣтели и что она оказываетъ въ данномъ случаѣ такое же дѣйствіе, что и гимнастика: подобно тому, какъ гимнастика способствуетъ до извѣстной степени развитію физическихъ качествъ, такъ точно и музыка способна оказать нѣкоторое воздѣйствіе на этическую природу [человѣка], развивая въ немъ способность правильно радоваться? Или—и это было бы третьимъ вопросомъ, который должно поставить на разрѣшеніе—музыка заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что̀ служитъ для [надлежащаго] пользованія досугомъ и для [развитія] интеллекта?

Достаточно извѣстно, что молодыхъ людей слѣдуетъ воспитывать не для забавы: когда учатся, то не играютъ; напротивъ, корни ученія горьки [3]). Конечно, неумѣстно мальчикамъ и юношамъ вообще проводить свой досугъ такъ, какъ его проводятъ

---

[1]) *Вакханки*, 381.

[2]) Ср. Лукіанъ, *О танцахъ*, 79: „танцы до такой степени очаровываютъ, что... всякій, о чемъ-либо горюющій, выходитъ изъ театра съ болѣе свѣтлымъ настроеніемъ, какъ будто онъ принялъ какого-то одурманивающаго снадобья, утоляющаго, по словамъ поэта, боль и успокаивающаго раздраженіе“.

[3]) Иначе Платонъ, *Законы*, 819b, 820d, совѣтующій учить „съ шуткой и развлеченіемъ,“ такъ какъ „ученье, сопровождаемое шуткой, принесетъ пользу“.

взрослые люди; что еще не совершенно, то не можетъ достигнуть и высшей цѣли [1]). 5. Пожалуй, можно было бы допустить, что то, чѣмъ занимаются въ-серьезъ мальчики, послужитъ средствомъ развлеченія для нихъ тогда, когда они созрѣютъ и станутъ мужами. Но если это такъ, то къ чему слѣдовало бы обучать мальчиковъ музыкѣ, а не поступать такъ, какъ поступаютъ персидскіе и мидійскіе цари, которые развлекаются музыкою и знакомятся съ нею чрезъ посредство другихъ лицъ, [т. е. музыкантовъ]? Тѣмъ болѣе, что музыкальное исполненіе тѣхъ, кто постоянно упражняется въ одномъ и томъ же дѣлѣ и искусствѣ, будетъ, конечно, болѣе артистично, нежели исполненіе тѣхъ, кто занимается имъ лишь столько времени, сколько это потребно исключительно лишь въ цѣляхъ усвоенія. И если мальчики сами должны основательно заниматься музыкою, то почему ихъ не слѣдовало бы также обучать и поварскому искусству? Но это было бы, конечно, нелѣпостью. 6. Точно также еще вопросъ, служитъ ли музыка къ улучшенію этической природы человѣка? И почему опять-таки мальчики должны изучать музыку сами, а не слушать, какъ играютъ и поютъ другіе, и при этомъ должнымъ образомъ радоваться и быть въ состояніи составить себѣ правильное сужденіе [объ исполняемыхъ пьесахъ]? Такъ поступаютъ лакедэмоняне, которые, хотя сами музыкѣ и не обучаются, все-таки, какъ говорятъ, могутъ правильно судить о томъ, какія пѣсни хороши и какія не хороши. То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и въ томъ случаѣ, [если согласиться съ утвержденіями тѣхъ], что музыка должна служить къ тому, чтобы сдѣлать нашу жизнь болѣе радужной и доставить развлеченіе, приличное для свободорожденнаго человѣка. Къ чему опять-таки нужно учить музыкѣ самихъ мальчиковъ, а не допустить, чтобы они наслаждались ею при исполненіи ея другими? 7. Мы можемъ иллюстрировать высказываемыя нами соображенія, обратившись къ разсмотрѣнію существующаго у насъ представленія о богахъ: у поэтовъ Зевсъ самъ не поетъ и не играетъ на киѳарѣ; тѣхъ же, кто занимается этими искусствами, мы называемъ профессіональными ремесленниками, и за-

---

[1]) Ср. *Евдемова этика*, II, 1, 1219 b 7: „ни что не завершенное не счастливо, ибо оно не представляетъ собою цѣлаго“.

ниматься ими мужу мы считаемъ неподобающимъ дѣломъ, исключая только тѣ случаи, когда онъ выпилъ или играетъ и поетъ въ шутку. Но, можетъ быть, мы къ этому еще вернемся впослѣдствіи.

5.

1. Первая задача [настоящаго изслѣдованія] заключается въ слѣдующемъ: должно или не должно помѣщать музыку въ число предметовъ воспитанія? Мы поставили выше на разрѣшеніе три вопроса относительно назначенія музыки. Что же она представляетъ: есть ли это предметъ воспитанія, забава, интеллектуальное развлеченіе? Съ полнымъ основаніемъ можно музыку отнести ко всѣмъ этимъ категоріямъ и во всѣхъ нихъ она, очевидно, принимаетъ свою долю участія. Забава имѣетъ своимъ назначеніемъ дать отдыхъ, а отдыхъ, конечно, пріятенъ, такъ какъ онъ служитъ своего рода лекарствомъ противъ грусти, навѣваемой на насъ тяжелой работой [1]). Далѣе, интеллектуальное развлеченіе, по общему признанію, должно заключать въ себѣ не только прекрасное, но также и доставлять удовольствіе, потому что счастье состоитъ именно въ соединеніи прекраснаго съ доставляемымъ имъ удовольствіемъ. Музыку же всѣ считаютъ за очень пріятное удовольствіе, будетъ ли она музыкою инструментальною или вокально-инструментальною. 2. И Мусэй [2]) говоритъ, что «смертнымъ пѣть—всего пріятнѣй» Поэтому музыку, какъ средство, способное развеселить, съ полнымъ основаніемъ, допускаютъ въ такія собранія людей, куда они сходятся, чтобы провести время. Такимъ образомъ, разсматривая музыку уже съ этой точки зрѣнія, можно утверждать, что она должна служить предметомъ воспитанія для молодежи. Какъ всѣ безвредныя развлеченія, она не только вполнѣ соотвѣтствуетъ высшей цѣли [человѣческой жизни], но доставляетъ еще къ тому же и отдохно-

---

[1]) Ср. Иппократъ, *Афоризмы*, III, p. 714 Kühn: „тѣ болѣзни, которыя производитъ пресыщеніе, излечиваетъ опоражниваніе, а тѣ, что происходятъ отъ пустоты, излечиваетъ насыщеніе; такъ и во всемъ остальномъ врачебное значеніе имѣетъ противоположное". Пиндаръ, *Немейскія оды*, IV, 1: „лучшій врагъ трудовъ понесенныхъ—веселье".

[2]) Миѳическій поэтъ.

веніе[1]). А такъ какъ человѣку рѣдко удается достигнуть высшей цѣли своего существованія, такъ какъ онъ, напротивъ, нуждается въ частомъ отдыхѣ и прибѣгаетъ къ забавамъ не ради какой-либо высшей цѣли, но и просто ради развлеченія, то было бы вполнѣ цѣлесообразнымъ, если бы онъ находилъ полное отдохновеніе въ удовольствіи, доставляемомъ музыкой.

3. Встрѣчаются люди, для которыхъ забава служитъ высшею цѣлью ихъ жизни, потому что и это, пожалуй, заключаетъ въ себѣ нѣкоторый элементъ наслажденія и можетъ служить цѣлью; но не случайное наслажденіе можетъ быть такою цѣлью[2]). Стремясь къ тому наслажденію, которое составляетъ конечную цѣль, люди принимаютъ за него другое наслажденіе, [т. е. наслажденіе случайное], потому что и оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ наслажденіемъ, которое является высшею цѣлью человѣческой дѣятельности. Дѣло въ томъ, что подобно тому, какъ высшая цѣль человѣческой жизни не должна быть предпочитаема чему-либо такому, что́ сулитъ многое въ будущемъ, такъ точно и упомянутыя выше случайныя наслажденія не должны быть ради чего-либо такого, что̀ только мелькаетъ въ будущемъ, но они должны существовать ради того, что̀ уже произошло, напримѣръ, для отдохновенія отъ трудовъ и для облегченія горестей[3]). Итакъ, здѣсь можно съ полнымъ правомъ усматривать ту причину, которая побуждаетъ людей стремиться найти свое счастье при помощи этихъ [случайныхъ] наслажденій. 4. Но не только одной этой причиной объясняется то, почему прибѣгаютъ къ наслажденію, доставляемому музыкою; къ ней обращаются также и потому, что она, повидимому, приноситъ пользу тѣмъ, кто хочетъ отдохнуть [послѣ труда].

---

[1]) Ср. Платонъ, *Законы*, 667 е: „забава принадлежитъ къ числу безвредныхъ развлеченій въ томъ случаѣ, когда она не приноситъ никакого вреда и не противодѣйствуетъ тому, что̀ требуетъ для себя усерднаго вниманія или разсужденія“.

[2]) Ср. Аристотель, *Поэтика*, 14, 1453 b 10: „въ трагедіи должно искать не всякаго рода наслажденія, но того, которое ей свойственно“. Платонъ, *Законы*, 658 d: „музыка должна быть оцѣниваема и съ точки зрѣнія доставляемаго ею наслажденія, но не всякого рода музыка имѣется тутъ въ виду, а та наипрекраснѣйшая музыка, которая услаждаетъ наилучшихъ и достаточно воспитанныхъ людей“.

[3]) Ср. *Никомахова этика*, X, 6, 1176 b 9 сл. (стр. 197 перевода Э. Л. Радлова).

Тѣмъ не менѣе нужно еще разсмотрѣть, не является ли такая польза отъ музыки лишь пользою случайною, и уяснить что, на самомъ дѣлѣ, сущность музыки болѣе высокаго порядка въ сравненіи съ указанною приносимой ею пользой. [И тогда возникаетъ вопросъ], не должна ли музыка, помимо того, что она доставляетъ обычное наслажденіе (это чувство испытывается всѣми, такъ какъ, дѣйствительно, музыка даетъ физическое наслажденіе, почему слушаніе ея и любо людямъ всякаго возраста и всякихъ ступеней развитія), служить еще болѣе высокой цѣли, а именно: производить свое дѣйствіе на человѣческую этику и психику? Это стало бы очевиднымъ, если бы было доказано, что музыка оказываетъ извѣстнаго рода вліяніе на наши моральныя качества [1]).

5. Что такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, доказываютъ, помимо многаго иного, въ особенности пѣсни Олимпа [2]), которыя, по общему признанію, наполняютъ наши души энтузіазмомъ, а энтузіазмъ есть аффектъ этическаго порядка въ нашей психикѣ. Даже простое восприятіе имитацій, хотя бы безъ сопровожденія ихъ мелодіей или ритмомъ, возбуждаетъ во всѣхъ насъ сочувственное къ нимъ настроеніе. А такъ какъ музыка относится къ области пріятнаго, добродѣтель же состоитъ въ [восріятіи нами] надлежащей радости, любви и ненависти, то, очевидно, ничего не слѣдуетъ такъ ревностно изучать и ни къ чему не должно въ такой степени привыкать, какъ къ тому, чтобы умѣть правильно судить о благородныхъ характерахъ и прекрасныхъ поступкахъ и достойно радоваться тѣмъ и другимъ. 6. Ритмъ и мелодія содержатъ въ себѣ ближе всего приближающіяся къ реальной дѣйствительности отображенія гнѣва и кротости, мужества и умѣренности и всѣхъ противоположныхъ имъ свойствъ, а также и прочихъ нравственныхъ качествъ. Это

---

1) Ср. Платонъ, *Государство*, 401 d: „главное значеніе музыки заключается въ томъ, что ея ритмика и гармонія преимущественно проникаетъ въ нутро нашей души и могучимъ образомъ касается ея благообразія, и дѣлаетъ нашу душу, дѣйствительно, благообразной, если только пользоваться музыкою правильно; въ противномъ же случаѣ и дѣйствіе музыки будетъ обратное“.

2) Легендарный представитель древнѣйшей инструментальной музыки у грековъ (особенно игры на флейтѣ).

ясно изъ опыта: когда мы воспринимаемъ нашимъ ухомъ ритмъ и мелодію, у насъ измѣняется душевное настроеніе. Привычка же испытывать горестное или радостное настроеніе при воспріятіи того, что подражаетъ дѣйствительности, ведетъ къ тому, что мы начинаемъ испытывать тѣ же чувства и при столкновеніи съ [житейской] правдой. Кто, напримѣръ, смотря на чей-либо портретъ, испытываетъ радостное чувство не почему-либо иному, а именно потому, что онъ видитъ предъ собою изображеніе даннаго лица, тому, конечно, пріятно будетъ и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ человѣкомъ, на портретъ котораго онъ смотритъ[1]). 7. Во всемъ остальномъ, касающемся области чувственнаго воспріятія, напримѣръ, въ томъ, что доступно нашему осязанію и вкусу, не имѣется никакого подобія этическимъ свойствамъ[2]). Въ томъ, что воспринимается нашимъ зрѣніемъ, это подобіе сказывается лишь въ незначительной степени: посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ только формы предмета, и, какъ таковыя, онѣ лишь въ незначительной степени и далеко не у всѣхъ вызываютъ соотвѣтственныя эмоціи въ нашемъ чувственномъ воспріятіи[3]). Къ тому же мы имѣемъ здѣсь не дѣйствительное подобіе этическихъ свойствъ, но воспроизводимыя путемъ рисунка и красокъ фигуры

---

[1]) Ср. Аристотель, *Поэтика*, 4, 1448 b 15: „на изображенія смотрятъ люди съ удовольствіемъ, потому что, взирая на нихъ, приходится узнавать и разсуждать, что каждый [предметъ обозначаетъ], напр., что это—тотъ-то; если же смотрящій не видѣлъ раньше [предмета изображенія], то послѣдній доставитъ ему наслажденіе не какъ воспроизведеніе предмета, но благодаря отдѣлкѣ или колориту, или другой какой-нибудь причинѣ“. [Переводъ В. Г. Аппельрота].

[2]) Ср. Аристотель, *Проблемы*, 19, 27, 919 b 26: „Почему изъ всѣхъ объектовъ нашего чувственнаго воспріятія этическія свойства заключаются только въ тѣхъ объектахъ, которые мы воспринимаемъ посредствомъ слуха? Вѣдь даже одна мелодія, безъ сопровожденія ея словами, заключаетъ въ себѣ этическія свойства, между тѣмъ какъ ни краски, ни запахи, ни вкусовыя ощущенія ничего подобнаго въ себѣ не заключаютъ. Не потому ли, что только объекты, воспринимаемые путемъ слуха, сопровождаются движеніемъ?... А эти движенія возбуждаютъ въ насъ энергію, а энергія есть признакъ этическаго свойства“.

[3]) Ксенофонтъ, *Воспоминанія о Сократѣ*, III, 10, 5: (въ живописи) „въ выраженіи лица, въ фигурахъ стоящихъ и движущихся людей проглядываетъ величіе, свобода, униженность, связанность, скромность, разсудительность, надменность, грубость“.

суть скорѣе лишь внѣшнія отображенія этихъ свойствъ, поскольку они отражаются на внѣшнемъ видѣ человѣка, когда онъ приходитъ въ состояніе аффекта. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было безразлично, [въ отношеніи своей внѣшней формы], то, на что мы смотримъ, все же молодежь должна смотрѣть не на картины Павсона, а на картины Полигнота, или на произведенія какого-либо иного живописца или ваятеля, который умѣетъ въ нихъ выразить этическій характеръ изображеннаго лица[1]).

8. Напротивъ, что касается мелодій, то уже въ нихъ самихъ содержится воспроизведеніе характеровъ. Это ясно изъ слѣдующаго: музыкальные лады существенно отличаются другъ отъ друга, такъ что, при слушаніи ихъ, у насъ является различное настроеніе, и мы далеко неодинаково относимся къ каждому изъ нихъ; такъ, слушая одни лады, напримѣръ, такъ называемый миксолидійскій, мы испытываемъ болѣе жалостное и подавленное настроеніе [2]), слушая другіе, менѣе строгіе, лады [3]), мы въ нашемъ настроеніи размягчаемся; иные лады вызываютъ въ насъ по преимуществу среднее, уравновѣшенное, настроеніе; послѣднимъ свойствомъ обладаетъ, повидимому, только одинъ изъ ладовъ, именно дорійскій [4]). Что касается фригійскаго лада, то онъ дѣй-

---

[1]) Аристотель, *Поэтика*, 2, 1448 a 1: „такъ какъ всѣ подражатели подражаютъ дѣйствующимъ [лицамъ], послѣднія же необходимо бываютъ или хорошими или дурными . . ., то, конечно, подражать приходится или лучшимъ, чѣмъ мы, или худшимъ, или даже такимъ, [какъ мы], подобно тому, какъ поступаютъ живописцы: Полигнотъ, напр. [знаменитый живописецъ V в.], изображалъ лучшихъ людей, Павсонъ [живописецъ второй половины V в.]—худшихъ, а Діонисій [живописецъ V в.]—подобныхъ дѣйствительно существующимъ". 6, 1450 a 26: „Полигнотъ былъ отличнымъ живописцемъ характеровъ". [Переводъ В. Г. Аппельрота].

[2]) Платонъ, *Государство*, 398 d, называетъ миксолидійскій (т. е. смѣшанно-лидійскій) ладъ „жалобнымъ".

[3]) Вѣроятно, Аристотель имѣетъ въ виду различные варіанты іонійскаго и лидійскаго ладовъ, которые Платонъ, *Государство*, 398 e, характеризуетъ, какъ „нѣжные и пригодные во время пирушекъ".

[4]) Гераклидъ Понтійскій (у Аѳинэя, 624 d) такъ описываетъ дорійскій ладъ: „дорійскій ладъ отличается характеромъ мужественнымъ, величественнымъ, не веселымъ, не радостнымъ, но мрачнымъ и могучимъ, однообразнымъ и однороднымъ". О вопросахъ, относящихся къ теоріи греческой музыки, см. книгу В. И. Петра, *О составахъ, строяхъ и ладахъ въ древне-греческой музыкѣ*, Кіевъ 1901.

ствуетъ на насъ возбуждающимъ образомъ. 9. Всѣ эти вопросы отлично трактованы тѣми писателями, которые занимались ими въ приложеніи къ теоріи воспитанія, и ихъ теоретическія соображенія находятъ себѣ подтвержденіе въ самихъ фактахъ. Тѣ же самые принципы имѣютъ приложеніе и по отношенію къ ритмикѣ: одни ритмы имѣютъ болѣе спокойный характеръ, другіе—подвижной; изъ этихъ послѣднихъ въ однихъ ритмахъ движенія болѣе грубыя, въ другихъ—болѣе благородныя [1]).

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что музыка способна оказывать извѣстное воздѣйствіе на этическую сторону души; и разъ музыка обладаетъ такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена въ число предметовъ воспитанія молодежи. 10. Обученіе музыкѣ подходитъ къ самой природѣ этого возраста: въ молодомъ возрастѣ люди не склонны, по доброй волѣ, налегать на что-либо имъ непріятное, а музыка какъ разъ, по своей природѣ, принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, которые доставляютъ пріятное. Да и у гармоніи и ритмики существуетъ, повидимому, какое-то сродство ихъ [съ душою] [2]), почему одни изъ философовъ и утверждаютъ [3]), что сама душа есть гармонія, а другіе [4]) говорятъ, что душа носитъ гармонію въ себѣ.

6.

1. Теперь надлежитъ рѣшить вопросъ, оставленный нами ранѣе безъ отвѣта: должно ли обучать молодежь музыкѣ такимъ образомъ, чтобы сами юноши умѣли пѣть и играть на музыкаль-

---

[1]) Ср. Аристотель, *Риторика*, III, 8, 1408 b: „изъ ритмовъ, героическій ритмъ отличается торжественнымъ характеромъ и не обладаетъ гармоніей, которая присуща разговорной рѣчи. Ямбъ есть именно форма рѣчи большинства людей... Трохей болѣе подходитъ къ комическимъ танцамъ, чтó доказываютъ тетраметры, потому что тетраметръ—ритмъ скачковъ. Затѣмъ остается пэанъ". [Переводъ Н. Н. Платоновой]. *Поэтика*, 24, 1459 b 34: „героическій размѣръ изъ всѣхъ метровъ самый спокойный и полный достоинства... ямбъ же и тетраметръ подвижны, причемъ первый подходитъ къ дѣйствію, а второй—къ танцамъ". [Переводъ В. Г. Аппельрота].

[2]) Ср. Платонъ, *Тимэй*, 47 d: „гармонія имѣетъ стремленія, родственныя съ движеніями нашей души".

[3]) Имѣются въ виду пиѳагорейцы.

[4]) Главнымъ образомъ Платонъ въ „Фэдонѣ".

ныхъ инструментахъ, или не должно. Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что для развитія человѣка въ томъ или иномъ направленіи далеко не безразлично, будетъ ли онъ самъ изучать на практикѣ то или иное дѣло. Само собою разумѣется, невозможно или, во всякомъ случаѣ, трудно стать основательнымъ судьею въ томъ дѣлѣ, въ совершеніи котораго самъ не участвовалъ. Съ другой стороны, и дѣти должны же имѣть какое-либо занимательное занятіе, и въ этомъ отношеніи нужно считать прекраснымъ изобрѣтеніемъ ту погремушку Архита [1]), которую даютъ въ руки малымъ дѣтямъ, чтобы они, занимаясь ею, не ломали ничего изъ домашнихъ вещей: вѣдь то, что́ молодо, не можетъ оставаться спокойнымъ [2]). Итакъ, если погремушка Архита подходитъ для малыхъ дѣтей, то такой же «погремушкой» въ воспитаніи взрослыхъ мальчиковъ является музыка.

Изъ вышеприведенныхъ соображеній очевидно, что музыкальное воспитаніе должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы воспитываемые изучали музыку на практикѣ сами.

2. Нетрудно опредѣлить, что́ подходитъ и что́ не подходитъ къ соотвѣтствующему возрасту, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко опровергнуть то утвержденіе, будто практическое изученіе музыки—занятіе, свойственное ремесленникамъ. Прежде всего, [что касается перваго пункта], то для того, чтобы умѣть судить о дѣлѣ, нужно самому умѣть его дѣлать, а потому и люди должны, пока они молоды, сами заниматься этимъ дѣломъ. Когда они станутъ старше, они должны эти занятія оставить, зато они будутъ въ состояніи судить о прекрасномъ и испытывать надлежащую радость, благодаря урокамъ, полученнымъ ими въ молодости. 3. Тотъ же упрекъ, который дѣлаютъ нѣкоторые, будто занятіе музыкой обратитъ людей въ ремесленниковъ, опровергнуть нетрудно: нужно только изслѣдовать, въ какихъ размѣрахъ лица, воспитываемыя въ цѣляхъ усвоенія ими политической добродѣтели, должны заниматься практическимъ изученіемъ музыки, съ какими мелодіями и съ какими ритмами они должны ознакомиться, наконецъ, на какихъ инструментахъ они должны научиться играть, такъ какъ и

---

[1]) Архитъ изъ Тарента—современникъ Платона, пиѳагорейскій философъ, математикъ, полководецъ и политическій дѣятель.

[2]) Ср. Платонъ, *Законы*, 653 d: „вся молодежь, говоря вообще, не въ состояніи оставаться въ спокойномъ и тихомъ состояніи".

это послѣднее, конечно, далеко не безразлично. Установленіемъ всего этого можно обойти упомянутый упрекъ, потому что нельзя отрицать и того, что нѣкоторые виды музыки оказываютъ [на занимающихся ею] дѣйствіе отрицательное.

4. [Прежде всего] ясно, что занятія музыкой не должны служить помѣхой для послѣдующей дѣятельности человѣка и не должны обращать его, въ физическомъ отношеніи, въ ремесленника, дѣлать его негоднымъ для исполненія имъ его военныхъ и гражданскихъ обязанностей, будетъ ли это касаться практическаго примѣненія ихъ, или теоретическаго изученія въ послѣдующее время. Занятія музыкой будутъ удовлетворять [своему истинному назначенію] въ томъ случаѣ, когда молодые люди не будутъ напряженно заниматься ею съ цѣлью принимать затѣмъ участіе въ профессіональныхъ состязаніяхъ, далѣе, если [изъ программы обученія] будетъ удалено исполненіе такихъ [музыкальныхъ] фокусовъ и экстравагантностей, какія въ настоящее время проникли въ программу музыкальныхъ состязаній, а оттуда перешли и въ школы. Не эти цѣли [должно преслѣдовать музыкальное образованіе молодежи; оно должно быть направлено къ тому], чтобы дать возможность молодымъ людямъ наслаждаться красотою мелодіи и ритма, а не удовольствоваться лишь тѣмъ наслажденіемъ, какое дается музыкою вообще и какое способны испытывать даже нѣкоторыя изъ животныхъ, а также вся масса рабовъ и малыхъ дѣтей[1]).

5. Изъ всего сказаннаго ясно и то, игрѣ на какихъ инструментахъ должно обучать молодежь. Въ музыкальное воспитаніе не должна быть допускаема ни флейта, ни какой-либо иной инструментъ, на которомъ играютъ профессіональные музыканты, вродѣ, напримѣръ, киѳары или чего-либо подобнаго; нужно взять такіе инструменты, игра на которыхъ развиваетъ слухъ, какъ вообще, такъ и спеціально музыкальный. Къ тому же флейта инструментъ, способствующій не столько развитію этическихъ свойствъ человѣка, сколько его оргіастическихъ наклонностей, почему и обращаться къ ней надлежитъ въ такихъ случаяхъ, когда зрѣлище, [сопровождаемое игрою на флейтѣ], можетъ ока-

---

[1]) Платонъ въ *Государствѣ* (620 а) упоминаетъ о „лебедяхъ и другихъ музыкальныхъ животныхъ“.

зывать на человѣка скорѣе очистительное дѣйствіе, нежели способно его чему-либо научить. Добавимъ къ этому еще и то, что игра на флейтѣ создаетъ своего рода помѣху въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ при ней исключена бываетъ возможность пользоваться [одновременно и] рѣчью. Поэтому-то наши предки съ полнымъ правомъ исключили игру на флейтѣ изъ числа предметовъ образованія молодежи, какъ [и вообще изгнали ее изъ обращенія] среди свободорожденныхъ людей, хотя сначала игра на флейтѣ и была среди нихъ въ ходу. 6. Послѣ же того, какъ наши предки, благодаря увеличившемуся благосостоянію, получили возможность наслаждаться бо̀льшимъ досугомъ и духъ ихъ сталъ воспарять въ большей степени къ добродѣтели, когда, отчасти еще ранѣе, а въ особенности послѣ Персидскихъ войнъ, одержанные нашими предками подвиги наполнили ихъ гордостью, они ухватились за изученіе всякаго рода предметовъ, не дѣлая между ними никакого различія, напротивъ, ревностно отыскивая ихъ. Тогда-то и введено было въ кругъ школьнаго воспитанія обученіе игрѣ на флейтѣ. И въ Лакедэмонѣ какой-то хорегъ [1]) самъ игралъ на флейтѣ среди поставленнаго имъ хора, а въ Аѳинахъ флейта была въ такомъ ходу, что на ней умѣло играть почти большинство свободорожденныхъ людей. Это ясно видно изъ той таблицы, которую посвятилъ Ѳрасиппъ, поставившій хоръ для Экфантида [2]). 7. Впослѣдствіи, однако, на основаніи полученнаго опыта, флейта была выведена изъ употребленія, послѣ того какъ [наши предки] научились лучше судить о томъ, что̀ относится къ добродѣтели и что̀ къ ней не относится. Ту же самую участь испытали и многіе другіе старинные инструменты, какъ, напримѣръ, пектиды [3]), ба̀рбиты [4]), и вообще тѣ инструменты—семиугольники, треугольники,

---

[1]) Хорегъ—предводитель хора—долженъ былъ организовать и обучить на свой счетъ хоръ, участвовавшій въ драматическихъ, а также, можетъ быть, и въ лирическихъ состязаніяхъ.

[2]) Мраморныя таблицы въ память одержанныхъ хорегами побѣдъ посвящались ими обыкновенно Діонису. Экфантидъ—одинъ изъ древнѣйшихъ представителей аттической комедіи.

[3]) Разновидность лидійской лиры, струны у которой были различной длины.

[4]) Струнный инструментъ, вродѣ лиры, но больше ея и съ болѣе крѣпкими струнами.

самбики[1])—игра на которыхъ щекочетъ чувства слушателей и требуетъ спеціальной виртуозности.

8. Очень остроумно и передаваемое древними преданіе объ изобрѣтеніи флейты. Разсказываютъ, что Аѳина, изобрѣтя флейту, отбросила ее въ сторону. Недурное объясненіе придумано было этому, а именно: будто богиня поступила такъ въ гнѣвѣ на то, что, при игрѣ на флейтѣ, физіономія принимаетъ безобразный видъ. Настоящая же причина, конечно, заключается въ томъ, что обученіе игрѣ на флейтѣ не имѣетъ никакого отношенія къ развитію интеллектуальныхъ качествъ[2]), Аѳина же, въ нашемъ представленіи, служитъ олицетвореніемъ науки и искусства.

7.

1. Итакъ, мы исключаемъ [изъ программы воспитанія] профессіональное обученіе игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, какъ и вообще всѣ занятія, [носящія такой характеръ]. Подъ профессіональнымъ же обученіемъ мы понимаемъ такое обученіе, которое имѣетъ въ виду подготовить музыкантовъ для состязаній: изучающій музыку съ такой профессіональной точки зрѣнія занимается ею не ради своего усовершенствованія въ добродѣтели, но ради того, чтобы доставить удовольствіе своимъ слушателямъ. А такая цѣль занятія музыкой—цѣль грубая; поэтому-то мы и полагаемъ, что такія занятія—дѣло не свободорожденныхъ людей, но наемниковъ, и что эти занятія обращаютъ людей въ ремесленниковъ, потому что та цѣль, которую они имѣютъ [при этомъ] въ виду,—негодная цѣль. Грубость слушающей музыку публики ведетъ обыкновенно къ тому, что самый характеръ музыки измѣняется, такъ что и исполнители начинаютъ под-

---

[1]) Семиугольники, треугольники—инструменты вродѣ арфы, со струнами одинаковой толщины, но различной длины. Самбика—одна изъ разновидностей ихъ—инструментъ, заимствованный греками изъ Египта.

[2]) Аристотель имѣетъ въ виду, вѣроятно, старинное изреченіе, передаваемое Аѳинеемъ, 337 с.: „въ флейтиста боги ума не вселили; когда онъ въ свою флейту дуетъ, умъ у него улетаетъ".

лаживаться ко вкусамъ публики, какъ своимъ исполненіемъ, такъ
и сопутствующими ему тѣлодвиженіями [1]).

2. Остается изслѣдовать вопросъ о музыкальныхъ ладахъ и
ритмахъ какъ вообще, такъ и въ приложеніи къ воспитанію.
Прежде всего, должно ли пользоваться всѣми ладами, всѣми рит-
мами, или нужно дѣлать между ними различіе? Далѣе, устано-
вимъ ли мы то же разграниченіе и для тѣхъ лицъ, кто занио
мается воспитаніемъ юношества, или нужно установить специальн-
для нихъ какое-нибудь иное, уже третье по счету, разграниченіе?
Вѣдь музыка, какъ мы видимъ, состоитъ изъ [двухъ основныхъ
элементовъ], изъ мелопэіи [2]) и ритма, причемъ нужно не упу-
скать изъ виду, какое дѣйствіе оказываетъ каждый изъ этихъ
элементовъ въ дѣлѣ воспитанія. Наконецъ, какая въ этомъ от-
ношеніи музыка должна заслуживать предпочтенія, та ли, гдѣ
хороша мелодія, или та, гдѣ хорошъ ритмъ?

3. По нашему мнѣнію, нѣкоторые изъ современныхъ специа-
листовъ по музыкѣ и тѣхъ философовъ, которые заявили свою
опытность въ дѣлѣ музыкальнаго воспитанія, дали въ большин-
ствѣ случаевъ прекрасные отвѣты на поставленные нами вопросы.
Поэтому тѣхъ, кто желаетъ обстоятельно и детально ознакомиться
съ этимъ предметомъ, мы можемъ отослать къ работамъ упомя-
нутыхъ лицъ, сами же мы будемъ разсуждать о немъ теперь
только съ общей точки зрѣнія и намѣтимъ лишь его основныя
черты. 4. Мы принимаемъ то подраздѣленіе мелодій, какое уста-
новлено нѣкоторыми философами, различающими мелодіи: этиче-
скія, практическія и энтузіастическія [3]). Тѣ же философы опре-
дѣляютъ далѣе и природу отдѣльныхъ ладовъ, соотвѣтствующую
каждому виду этихъ мелодій, такъ что одной мелодіи [4]) свой-

---

1) Ср. Аристотель, *Поэтика*, 26, 1461 b 2 сл.: „[исполнители трагедій]
какъ будто публика не пойметъ ихъ, если они отъ себя чего-нибудь не при-
бавятъ, пускаютъ въ ходъ всевозможныя движенія, кувырканье, какъ плохіе
флейтисты“.

2) Т. е. изъ комбинаціи всѣхъ элементовъ, относящихся къ мелосу—
пѣснѣ, аккомпанируемой игрою на инструментѣ—за исключеніемъ ритма.

3) Т. е. мелодіи, дѣйствующія на наши моральныя свойства, мелодіи
возбуждающія нашу дѣятельность, и мелодіи, приводящія насъ въ восторгъ.

4) Вмѣсто рукописнаго μέρος принимаю поправку Tyrwhitt'а—μέλος.

4) Этическимъ мелодіямъ соотвѣтствуетъ дорійскій ладъ, энтузіастиче-
скимъ—фригійскій, практическимъ—можетъ быть, ипофригійскій.

ственна одна природа, другой—другая. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, [согласно вышесказанному], утверждаемъ, что музыка должна имѣть полезное примѣненіе не ради одной цѣли [1]), а ради нѣсколькихъ: 1) ради воспитанія, 2) ради очищенія (что мы разумѣемъ подъ словомъ «очищеніе», объ этомъ теперь мы только ограничиваемся общимъ намекомъ, къ болѣе же обстоятельному выясненію этого вопроса вернемся въ сочиненіи о поэтикѣ) [2]), 3) ради интеллектуальнаго развлеченія, т. е. ради успокоенія и отдохновенія отъ напряженной дѣятельности. 5. Отсюда ясно, что хотя можно пользоваться всѣми ладами, но примѣнять ихъ должно не одинаковымъ образомъ. Для воспитанія нужно обращаться къ тѣмъ ладамъ, которые всего болѣе соотвѣтствуютъ этическимъ мелодіямъ, для аудиторіи же слушателей, когда музыкальное произведеніе исполняется другими лицами, можно пользоваться и практическими и энтузіастическими мелодіями. Вѣдь аффекту, сильно дѣйствующему на психику нѣкоторыхъ лицъ, подвержены въ сущности всѣ, причемъ дѣйствіе его отличается лишь степенью своей интенсивности; напримѣръ, [всѣ испытываютъ] состояніе жалости, страха, а также энтузіазма. И энтузіастическому возбужденію подвержены нѣкоторыя лица, впадающія въ него подъ вліяніемъ религіозныхъ пѣснопѣній, когда эти пѣснопѣнія дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на психику и приносятъ какъ бы исцѣленіе и очищеніе [3]). 6. То же самое, конечно, испытываютъ и тѣ, кто подверженъ состоянію жалости и страха и вообще всякаго рода прочимъ аффектамъ, поскольку каждый такой аффектъ свойственъ данному индивиду [4]). Всѣ такія лица получаютъ своего рода очищеніе, т. е. облегченіе, связанное съ наслажде-

---

[1]) Какъ думалъ Платонъ въ *Законахъ* (659 d—660 a), возводившій все значеніе музыки исключительно къ этикѣ.

[2]) Обѣщаніе въ дошедшемъ до насъ текстѣ „Поэтики" не исполнено.

[3]) По Платону, *Государство*, 567 c, при очищеніи души происходитъ дѣйствіе обратное тому, какой бываетъ при лѣченіи тѣла: „врачи, удаляя наихудшія части тѣла, оставляютъ наилучшія, при очищеніи же бываетъ наоборотъ".

[4]) Въ *Проблемахъ* (19, 48, 922 b 21) Аристотель говоритъ, что при такъ называемомъ ипофригійскомъ ладѣ, который характеризуется имъ какъ „энтузіатическій и вакхическій", мы всегда испытываемъ какой-либо аффектъ, причемъ прибавляетъ, что „слабые субъекты въ большей степени, нежели сильные, подвержены аффектамъ".

ніемъ. Точно такъ же пѣснопѣнія очистительнаго характера доставляютъ людямъ безвредную радость. Поэтому такого рода ладами и соотвѣтственными имъ мелодіями должно предоставить пользоваться [1]) актерамъ, исполняющимъ музыкальные нумера во время драматическихъ состязаній въ театрѣ. 7. Такъ какъ театральная публика бываетъ двоякого сорта: съ одной стороны, она состоитъ изъ людей свободорожденныхъ и культурныхъ благодаря полученному ими воспитанію, съ другой стороны, это—публика грубая, состоящая изъ ремесленниковъ, наемниковъ и т. под., то и для этого послѣдняго сорта публики нужно, въ цѣляхъ предоставленія ей отдыха, устраивать [особыя музыкальныя] состязанія и зрѣлища. Подобно тому, какъ психика этой публики отклоняется въ сторону отъ естественной психики, такъ и въ музыкальныхъ ладахъ встрѣчаются отклоненія отъ нормальныхъ, а въ мелодіяхъ наблюдается повышенное настроеніе и противуестественная окраска. Вѣдь каждый получаетъ наслажденіе отъ того, что свойственно его натурѣ; поэтому и лицамъ, участвующимъ въ состязаніяхъ предъ такого рода публикой, нужно предоставить возможность пользоваться подходящимъ для нея родомъ музыки.

8. Для воспитанія же, какъ выше сказано, нужно пользоваться мелодіями этическаго характера и соотвѣтствующими имъ ладами. Такимъ ладомъ, какъ мы сказали уже выше [2]), является ладъ дорійскій. Но можно воспользоваться при воспитаніи юношества также и тѣмъ или инымъ изъ другихъ ладовъ, если лица, причастныя къ занятіямъ философіей и опытныя въ музыкальномъ воспитаніи, одобрятъ его. Сократъ въ «Государствѣ» [Платона] [3]) неправъ, когда онъ утверждаетъ, что, наряду съ дорійскимъ ладомъ, можно оставить только еще фригійскій, тѣмъ болѣе, что онъ изъ музыкальныхъ инструментовъ исключаетъ флейту. Фригійскій ладъ въ ряду остальныхъ имѣетъ такое же значеніе, какое занимаетъ флейта среди музыкальныхъ инструментовъ: какъ фригійскому ладу, такъ и флейтѣ свойственъ оргіастическій, страстный характеръ. 9. Доказательствомъ этому служитъ поэзія: для выраженія вакхическаго экстаза и тому подобныхъ состояній воз-

---

[1]) Слѣдую поправкѣ Шпенгеля, вставляющаго предъ θετέον ⟨χρῆσθαι⟩.

[2]) См. выше стр. 367.

[3]) 399 а сл.

бужденія изъ всѣхъ инструментовъ преимущественно нужна бываетъ флейта, а среди ладовъ вакхическая поэзія для соотвѣтствующаго выраженія прибѣгаетъ къ фригійскому ладу. Диѳирамбъ, напримѣръ, по общему признанію, считается фригійскимъ, въ доказательство чего лица, занимавшіяся этимъ вопросомъ, приводятъ многочисленные примѣры, между прочимъ и слѣдующій: Филоксенъ, попытавшійся обработать миѳы въ дорійскомъ ладѣ, оказался не въ состояніи исполнить это, но, руководимый самою природою, онъ снова обратился къ фригійскому ладу, какъ наиболѣе соотвѣтствующему [этому роду произведеній] [1]). 10. Что касается дорійскаго лада, то всѣ согласны въ томъ, что ему свойственна наибольшая стойкость и что онъ, по преимуществу, отличается мужественнымъ характеромъ. Сверхъ того мы всегда отдаемъ предпочтеніе срединѣ предъ крайностями и, по нашему утвержденію, къ этой срединѣ и должно стремиться; дорійскій же ладъ среди прочихъ отличается именно этими свойствами. Отсюда ясно, что молодежь надлежитъ предпочтительно воспитывать на дорійскихъ мелодіяхъ.

Существуютъ двѣ цѣли, къ которымъ должно стремиться: возможное и пристойное, и каждый человѣкъ долженъ преимущественно браться за то, что̀ для него возможно и что̀ для него пристойно. Но и то и другое стоитъ въ зависимости отъ соотвѣтствующаго возраста человѣка. Такъ, напримѣръ, людямъ, утомленнымъ долгими годами жизни, не такъ-то легко пѣть въ напряженныхъ ладахъ; такимъ людямъ сама природа подсказываетъ обратиться къ пѣснямъ, сочиненнымъ въ вялыхъ ладахъ [2]). 11. Вотъ почему основательный упрекъ дѣлаютъ Сократу нѣкоторые знатоки музыки въ томъ, что онъ готовъ исключить изъ программы воспитанія вялые лады, такъ какъ онъ считалъ ихъ ладами «опьяняющими» не въ томъ смыслѣ, что они дѣйствительно способны привести человѣка въ состояніе опьяненія (послѣднее скорѣе приводитъ человѣка въ вакхическій экстазъ), но потому, что они лишены строгости. Для слѣдующей за юностью поры возраста, т. е. для возраста зрѣлаго, должно допустить и

---

[1]) Филоксенъ изъ Киѳеры, жилъ въ 435—380 гг. до Р. Хр., авторъ диѳирамбовъ.

[2]) Платонъ, *Законы* 670 d, рекомендуетъ также „выбирать тѣ лады и тѣ ритмы“, которые подходятъ къ соотвѣтствующимъ возрастамъ. Вялыми ладами были лады іонійскій и лидійскій (ср. *Государство*, 398 e).

эти лады и соотвѣтствующія имъ мелодіи. Но если въ числѣ ладовъ имѣется такой, который приличествуетъ юношескому возрасту, именно потому, что онъ способствуютъ, помимо воспитанія, развитію благопристойности и благовоспитанности — а этимъ требованіямъ, кажется, всего болѣе удовлетворяетъ, лидійскій ладъ —, то ясно, что въ дѣлѣ воспитанія должно руководствоваться слѣдующими тремя принципами: держаться средины, добиваться возможнаго, стремиться къ пристойному [1]).

Несправедливо к Платону. [illegible]

[illegible] 37. [illegible]

---

[1]) Уже старинный переводчикъ „Политики“, Wilhelm von Moerbecke, чувствуя, что текстъ ея обрывается какъ бы на полусловѣ, замѣтилъ: „Дальнѣйшаго продолженія этого труда я еще не нашелъ въ греческомъ подлинникѣ“.

ГРЕЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И „ПОЛИТИКА" АРИСТОТЕЛЯ.

Болѣе обстоятельное и подробное изложеніе трактуемыхъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ вопросовъ можно найти, помимо общихъ капитальныхъ трудовъ по исторіи греческой философіи и философіи права, исторіи Греціи и греческой литературы, въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: H. Henkel, Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat, Leipzig 1872. (I. Политическая литература грековъ. II. Ученіе грековъ о формахъ государственнаго строя. III. Начала греческой науки о государствѣ). H. v. Arnim, Die politischen Theorien des Altertums, Wien 1910. J. Kaerst, Geschichte des hellenistischen Zeitalters, I, Leipzig 1901 (стр. 1—96: Греческое государство-городъ). R. Schöll, Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen, München 1890. E. Barker, The political thought of Plato and Aristotle, London 1906. Кн. Е. Н. Трубецкой, Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. Вопросы философіи и психологіи, I (1890), кн. 4. Р. Пёльманъ, Исторія античнаго коммунизма и соціализма, русск. пер. Спб. 1910 (стр. 68—280). R. Dareste, La science de droit en Grèce. Platon, Aristote, Théophraste, Paris 1893. M. Wundt, Geschichte der griechischen Ethik, I, Leipzig 1908. Ed. Zeller, Der platonische Staat in seiner Bedeutuug für die Folgezeit. Vorträge und Abhandlungen, I, Leipzig 1875. H. Raeder, Platons philosophische Entwickelung, Leipzig 1905 (особ. стр. 181—247 и 395—419). Кн. Е. Н. Трубецкой, Соціальная утопія Платона. Вопросы философіи и психологіи, XIX (1908), кн. 1 и 2. W. Oncken, Die Staatslehre des Aristoteles, I. II, Leipzig 1870—75. W. L. Newman, The politics of Aristotle, I, Oxford 1887.

I.

Предварительныя замѣчанія.

«Политика» Аристотеля завершаетъ собою рядъ тѣхъ произведеній греческой письменности, которыя, будучи однородны по содержанію, объединяются въ опредѣленную группу памятниковъ, именуемыхъ нами, ради краткости, памятниками греческой политической литературы. Условимся понимать подъ этимъ обозначеніемъ литературныя произведенія, имѣющія своимъ предметомъ обсужденіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, теоретическаго или практическаго характера, которые касаются государства вообще, его возникновенія, развитія, организаціи и т. п. въ частности, которые, иными словами, относятся къ области государствовѣдѣнія, или, сохраняя греческій терминъ, политики.

Терминъ политика стоитъ въ непосредственной связи съ тѣмъ словомъ, которымъ греки пользовались для обозначенія понятія государства — πόλις. Но это же слово греки примѣняли и для обозначенія понятія города, городской общины. Такимъ образомъ, греческое понятіе πόλις содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, представленіе болѣе широкое, чѣмъ то, какое мы соединяемъ съ понятіемъ о государствѣ, означая и государство, и городъ; съ другой стороны, самое представленіе о государствѣ, заключающееся въ понятіи πόλις, уже того представленія, какое мы усвояемъ теперь термину «государство». Понимая подъ словомъ πόλις «государство-городъ», греки усматривали въ сосредоточеніи государственно-общественной жизни населенія въ одномъ πόλις необходимое условіе для осуществленія развитія наиболѣе высокой культуры. Только

всилу своего пріобщенія къ πόλις индивидъ становился πολίτης, гражданиномъ, и могъ принимать—въ той или иной степени—участіе въ πολιτεία, государственномъ быту.

Итакъ, въ представленіи грека «жить въ государствѣ» и «жить въ городѣ» значило одно и то же. Тотъ народъ, или то племя, которые не пріобщились къ жизни въ «государствѣ-городѣ», не составляютъ государства въ собственномъ смыслѣ. Поэтому они остаются и внѣ кругозора греческой политики, какъ науки о государствѣ. Не считается она и съ болѣе крупными государственными образованіями, поскольку они охватываютъ собою нѣсколько городскихъ общинъ, или отчасти общинъ, отчасти поселковъ. Въ исторіи Греціи извѣстны нѣсколько попытокъ болѣе широкаго концентрированія народныхъ силъ, принимавшаго характеръ союзныхъ государствъ, или государственныхъ союзовъ (вспомнимъ хотя бы аттическую державу, возникшую въ V в. до Р. Хр. изъ делосско-аттическаго морского союза). Но и такого рода обширныя политическія организаціи остаются внѣ кругозора греческой политической мысли, вращавшейся исключительно въ предѣлахъ «государства-города». Объясняется это ограниченіе тѣмъ, что, съ исторической точки зрѣнія, греческій государственный бытъ былъ сконцентрированъ въ автономномъ управленіи «государства-города» въ значительно большей степени, чѣмъ это мы видимъ въ новое время. Это положеніе, въ существенныхъ чертахъ, не измѣнилось даже тогда, когда, въ эпоху эллинизма, образовалась охватывавшая и эллинскій міръ система управляемыхъ по династическому образцу большихъ государствъ, или когда греки оказались подъ римскимъ протекторатомъ. Впрочемъ, эллинистическія государства еще не существовали въ ту пору, когда политическая литература достигла своего высшаго завершенія въ «Политикѣ» Аристотеля. Однако нужно отмѣтить теперь же, что ни Аристотель, ни его предшественники не коснулись, говоря о государствѣ, и болѣе раннихъ попытокъ греческой федеративной или имперіалистической концентраціи. Упрекать Аристотеля, ни тѣмъ менѣе его предшественниковъ, въ такомъ ограниченіи пониманія политики, какъ науки о государствѣ, у насъ нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ такое ограниченіе стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ и направленіемъ греческой государственной жизни, а также съ партикуляристи-

ческой раздробленностью эллинской націи, никогда, какъ извѣстно, не достигшей государственнаго объединенія.

Но и ограниченная предѣлами «государства-города» греческая политическая мысль не охватывала, въ отношеніи государственности, его населеніе во всей совокупности, а брала его лишь частично, исключивъ изъ своего кругозора многочисленный классъ рабовъ и отчасти не менѣе также многочисленный классъ населенія свободнаго, но не пользовавшагося равноправіемъ съ гражданами. Институтъ рабства, какъ одинъ изъ устоевъ греческой жизни, не отваживались колебать даже самые радикальные греческіе мыслители. И Аристотель относитъ многочисленный классъ рабовъ къ неизбѣжнымъ составнымъ частямъ государства, оправдывая рабство тѣмъ укоренившимся въ сознаніи грековъ соображеніемъ, что лишь греки имѣютъ абсолютное превосходство надъ не-греками, что только греки, благодаря этому превосходству, могутъ достигнуть добродѣтели, ἀρετή, что сама природа предопредѣлила грекамъ быть господами и властвующими, а не-грекамъ предоставила быть рабами и подвластными [1]). Признавая рабство, какъ нѣчто неизбѣжное и закономѣрное, даже наиболѣе радикальные изъ грековъ защитники демократическаго принципа равноправія требовали этого равноправія лишь для свободорожденныхъ, о полномъ же уничтоженіи рабства греки не рисковали мечтать ни въ теоріи, ни тѣмъ менѣе на практикѣ. Вращаясь въ ограниченной сферѣ «государства-города», политическая мысль грековъ сознательно игнорировала почти добрую половину его населенія [2]) и видѣла въ ней элементъ, какъ бы недостойный стать предметомъ серьезнаго обсужденія съ государственной точки зрѣнія.

Указанными выше ограниченіями политическая мысль грековъ была, до извѣстной степени, скована въ своемъ развитіи и откинуть ихъ она никогда не могла. Зато въ другомъ отношеніи политическая мысль грековъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ ея самыхъ видныхъ представителей—Платона и Аристотеля,

---

[1]) См. выше стр. 12 сл.

[2]) О цифровомъ соотношеніи гражданскаго и негражданскаго населенія, напримѣръ, аѳинскаго государства въ тридцатыхъ гг. V в. до Р. Хр. см. В. П. Бузескулъ, *Исторія аѳинской демократіи*, 198 сл.

возвысилась и въ области политики, и въ области соціологіи надъ исторической дѣйствительностью. Извѣстно, что политическое развитіе греческаго «государства-города» уже очень рано, послѣ замѣны монархическаго режима аристократическимъ, рѣшительно и безповоротно, за немногими исключеніями, склонилось въ сторону демократіи. Уже въ VII в. аристократія вырождается въ плутократію, но и господству послѣдней, въ концѣ этого вѣка, демосъ, необезпеченная народная масса, лозунгами которой были свобода и равенство, начинаетъ наносить ударъ за ударомъ. Сначала демосъ требуетъ кодификаціи обычнаго права и добивается равенства предъ закономъ, этой первой ступени политической свободы; затѣмъ возникаетъ борьба за политическое равноправіе, которая (что̀ мы видимъ яснѣе всего на примѣрѣ аѳинскаго государства) приводитъ, въ теченіе V в., къ полному успѣху. Но чѣмъ болѣе осуществлялся на практикѣ демократическій принципъ политическаго равенства, тѣмъ все очевиднѣе становилось, что онъ далеко еще не ведетъ къ полному благу государства. Демократическое credo гласило: всякій человѣкъ, принадлежащій къ составу демоса, способенъ принимать участіе въ государственной жизни и для этого не требуется спеціальной подготовки. На практикѣ же выходило, что лишь обезпеченный человѣкъ имѣетъ достаточный досугъ (σχολή) для развитія своей духовной природы. И получалось отсюда, что у кого больше этого «досуга», тотъ неизбѣжно становится въ болѣе благопріятныя условія для достиженія политическаго вліянія. Человѣку зажиточному и человѣку необезпеченному тутъ трудно было тягаться; и это должно было нанести ударъ принципу демократическаго равенства. Представлялся двоякій выходъ: или предоставить вліяніе въ государственной жизни зажиточному классу, не потому, что онъ зажиточенъ, а потому, что онъ болѣе культуренъ; но въ такомъ случаѣ демосъ всегда имѣлъ основаніе опасаться: а вдругъ эти замѣтные и болѣе культурные граждане используютъ свое вліяніе въ государствѣ въ угоду своихъ классовыхъ интересовъ. Или же, не требуя болѣе высокой квалификаціи для занятія государственныхъ должностей, сдѣлать доступъ къ нимъ возможнымъ для всякаго рядового гражданина, но зато низвести магистратовъ до простыхъ исполнительныхъ органовъ суверенпаго демоса, и ему одному лишь

предоставить какъ контроль надъ дѣйствіями магистратовъ, такъ и верховную власть въ государственномъ управленіи. Послѣднее въ узкихъ предѣлахъ «государства-города» оказывалось вполнѣ возможнымъ и реально-осуществимымъ. Но это же самое должно было повести къ рискованнымъ послѣдствіямъ для самой идеи государства, какъ таковаго: при радикальномъ осуществленіи принципа политическаго равенства, оставалось внѣ поля зрѣнія не только неравенство происхожденія и неравенство имущественнаго состоянія, но—и это было опаснѣе всего—неравенство интеллектуальное и моральное.

Съ практически-государственной точки зрѣнія съ этимъ зломъ можно было бы примириться, принести этику въ жертву реальной политики, если бы была гарантія въ томъ, что осуществленіе политическаго равенства приведетъ къ уравненію соціальнаго неравенства, основывающагося, въ свою очередь, на неравенствѣ имущественномъ. Но дѣло въ томъ, что демократическое стремленіе къ равенству, найдя удовлетвореніе въ области гражданскаго равноправія и въ юридическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ, встрѣтило въ соціологическомъ отношеніи непреодолимую преграду; и идеалъ свободы, шедшій доселѣ рука объ руку съ идеаломъ равенства, пришелъ тутъ въ противорѣчіе съ послѣднимъ. Несмотря на всѣ стремленія, основанныя на принципѣ свободы, демократія была не въ силахъ сгладить экономическое противорѣчіе между богатствомъ и бѣдностью. Противорѣчіе это принимало въ демократіи все болѣе и болѣе острыя формы, въ результатѣ чего въ государствѣ создавалось какъ бы два враждебныхъ лагеря—богатыхъ и бѣдныхъ. И всеобщаго братства, которое должно было явиться плодомъ свободы и равенства, далеко не было замѣтно. Во всѣхъ государствахъ съ демократическимъ строемъ мы видимъ борьбу партій меньшинства—олигарховъ и большинства—демократовъ, которая зачастую разгоралась въ открытую междоусобную войну. Государственная мощь была въ рукахъ демоса, который пользовался ею односторонне, въ угоду своихъ интересовъ. Между тѣмъ вся тяжесть расходовъ по веденію демократической политики падала на плечи состоятельныхъ гражданъ, принужденныхъ нести «литургіи», общественныя повинности. Демократическіе суды нерѣдко выносили пристрастныя рѣшенія, коль скоро затронуты были интересы богатыхъ. При

такомъ положенiи вещей нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что состоятельные граждане прямо-таки сторонились отъ активнаго участiя въ жизни своего «государства-города» и не могли не мечтать о ниспроверженiи демократическаго режима, при которомъ государство оказалось, въ сущности, подъ классовымъ господствомъ пролетарiата.

Итакъ, демократiя оказалась не въ состоянiи сгладить имущественное неравенство. Если бѣдные, въ своей массѣ, оказывали давленiе на богатыхъ въ сферѣ государственной жизни, то въ частномъ обиходѣ послѣднiе имѣли полную возможность угнетать, такъ или иначе, первыхъ. Въ рукахъ богатыхъ все-таки заключалось достаточно государственной мощи, почему и въ демократiяхъ постоянно приходилось считаться съ возможностью олигархическихъ революцiй, что часто и имѣло мѣсто почти во всѣхъ демократическихъ государствахъ. Нерѣдко при этомъ въ государствахъ, раздираемыхъ борьбою между демократами и олигархами, власть захватывалъ въ свои руки тираннъ. И кто бы ни очутился у власти—будь это тираннъ, или меньшинство богатыхъ, олигархи, или большинство бѣдныхъ, демократы—всѣ они стремились использовать доставшуюся имъ власть въ личныхъ интересахъ. А послѣ того, какъ подъ влiянiемъ софистическаго движенiя, начиная со второй половины V вѣка, поколеблены были въ народной массѣ старая вѣра въ боговъ и установившiеся житейскiе устои, единственнымъ божествомъ, въ которое еще вѣрили и дары котораго признавались единственно прочнымъ счастьемъ, оказался мамонъ. Государственная власть, которой надлежало бы стать выше создавшихся соцiальныхъ противорѣчiй, раздиравшихъ общество, сама была втянута въ круговоротъ партiйной борьбы. Вывести изъ этого круговорота государственный корабль и была та задача, которую должна была поставить себѣ политическая философiя грековъ. И тѣмъ не менѣе эта политическая философiя развивалась въ противорѣчiи къ создавшимся условiямъ реальной жизни.

Противорѣчiе это было неизбѣжнымъ потому, что греческая политическая философiя—съ момента ея зарожденiя и до полнаго воплощенiя въ «Политикѣ» Аристотеля—исходила изъ принципа, трудно примиримаго съ практикою жизни. Въ самомъ дѣлѣ—и это нужно подчеркнуть теперь же—существенною чертою почти

всѣхъ греческихъ теоретиковъ-политиковъ было то, что они теорію государства, политику, ставили въ ближайшее соотношеніе съ теоріею нравственности, этикою. Созданіе идеальнаго государства увлекало мысль, главнымъ образомъ, тѣхъ мыслителей, у которыхъ политика тѣснѣйшимъ образомъ соприкасалась съ этикою, все равно, хотѣли ли они создать это идеальное государство на почвѣ отвлеченной теоріи, или же приблизить свой идеалъ къ той или иной изъ наличныхъ формъ государственнаго строя.

II.

До софистовъ.

Политическая философія грековъ, поскольку она намъ извѣстна изъ теоретическихъ построеній ея главныхъ представителей, Платона и Аристотеля, оказалась, какъ мы увидимъ ниже, въ значительномъ противорѣчіи съ исторически сложившимися основами греческаго «государства-города». Но эта политическая философія знаменуетъ собою уже полное завершеніе той работы политической мысли, которая, конечно, должна была пробудиться у грековъ съ момента сложенія ихъ государственной жизни. Сначала мысль эта высказывается робко, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ жизнь государства осложняется, она работаетъ сильнѣе и, наконецъ, съ эпохи, связанной съ софистическимъ движеніемъ, она начинаетъ биться настолько интенсивно, что вызываетъ появленіе цѣлаго ряда сочиненій, образующихъ собою то, что мы назвали выше политической литературой.

Отъ всей этой долгой и упорной работы греческой политической мысли, работы, длившейся рядъ вѣковъ до появленія «Политіи» Платона, до насъ дошли крупицы. Произведенія политической литературы, вызванной софистическимъ движеніемъ, за очень немногими исключеніями, или пропали совершенно, или сохранились въ ничтожныхъ отрывкахъ. Эту утрату приходится восполнять на основаніи тѣхъ намековъ, которые сохранились у писателей, или стоявшихъ непосредственно подъ вліяніемъ софистовъ, или полемизировавшихъ съ ними. Намеками же, разсѣянными тамъ и сямъ въ памятникахъ греческой литературы, и

поэтической и прозаической, приходится довольствоваться въ томъ случаѣ, когда хочешь прослѣдить за историческимъ ходомъ развитія греческой политической мысли. Какъ ни скудны, какъ ни отрывочны эти намеки, все же, на основаніи ихъ, можно сдѣлать само собою, впрочемъ, напрашивающееся заключеніе: историческій ходъ развитія греческой политической мысли тѣсно соприкасался и шелъ параллельно съ прогрессивнымъ ростомъ греческой государственной жизни, являясь вѣрнымъ отображеніемъ тѣхъ политическихъ интересовъ, иногда даже «интересовъ дня», которые эту жизнь, въ различныя ея эпохи, волновали. Въ этомъ отношеніи политическая мысль грековъ, поскольку она находила свое выраженіе въ ихъ текущей литературѣ не оказывалась, что и естественно, оторванной отъ «практики» жизни, напротивъ, она тѣсно соприкасалась съ тѣми вопросами и запросами, какіе этою «практикою» предъявлялись.

До времени появленія у грековъ политической литературы въ собственномъ смыслѣ, т. е. до второй половины V вѣка, ихъ государственная жизнь испытала длинную эволюцію. Начавъ съ патріархальной монархіи, смѣнившейся господствомъ родовой аристократіи, выдержавъ упорную борьбу съ этою аристократіей, переживъ эпоху тиранніи, греки достигли, наконецъ, той формы государственнаго строя, который является наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ ихъ государственнаго быта, демократіи, или, что имѣло, впрочемъ, мѣсто въ болѣе ограниченномъ кругу греческихъ государствъ, умѣренной олигархіи съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Не вездѣ измѣненія эти совершались съ одинаковой послѣдовательностью, не вездѣ происходили они одновременно, но общій историческій процессъ всюду шелъ въ одномъ и томъ же направленіи: интересы государственной жизни, сначала бывшіе удѣломъ одного, затѣмъ немногихъ, постепенно охватываютъ все большій и большій кругъ лицъ, причастныхъ къ жизни «государства-города». И понятно, чѣмъ энергичнѣе работалъ государственный механизмъ, чѣмъ большее число лицъ участвовало въ этой работѣ, чѣмъ больше треній, по временамъ, въ ней встрѣчалось, тѣмъ должна была сильнѣе работать сама политическая мысль, тѣмъ ярче сказывались ея отраженія въ памятникахъ текущей литературы.

Попробуемъ иллюстрировать это нѣсколькими примѣрами.

Возьмемъ первый изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ греческой литературы, Иліаду, сложившуюся, въ основныхъ своихъ частяхъ, несомнѣнно, въ эпоху господства патріархальной монархіи. Въ Иліадѣ мы найдемъ всего одну лишь сентенцію «политическаго» характера, хорошо всѣмъ знакомую: «Нѣтъ въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель, царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый скиптръ даровалъ и законы: да царствуетъ онъ надъ другими» (II, 204 сл.). Какъ бы ни толковать роль и значеніе монархическаго принципа въ «гомеровскую» эпоху, одно ясно: онъ царитъ въ политическомъ сознаніи окружающей среды непоколебимо и никакой критики по отношенію къ себѣ не допускаетъ.

Если мы спустимся ниже, въ конецъ VIII и начало VII вв., въ эпоху созданія Гесіодомъ его «Трудовъ и Дней», то мы тутъ опять встрѣтимся съ «царями», хотя, вѣроятно, подъ ними нужно разумѣть не гомеровскихъ царей-монарховъ, а просто представителей знатныхъ родовъ, господствующихъ аристократовъ, которымъ принадлежитъ не только политическая власть, но и соціальная и культурная силы. Это были, однако, не гомеровскіе аристократы, покровители народа, нѣтъ, это скорѣе угнетатели безправной народной массы, эксплуатировавшіе ее, должно быть, особенно сильно при отправленіи ими судейскихъ обязанностей, своими неправыми рѣшеніями, своими вымогательствами. Поэтъ, по крайней мѣрѣ, открыто заявляетъ, что эти цари, «какъ хотятъ, такъ и судятъ» (ст. 39); онъ поучаетъ ихъ «забыть кривыя рѣшенія» (ст. 264), грозя имъ за это гнѣвомъ и карой боговъ. Политическое сознаніе въ народѣ пробуждается, правда, еще робко и исключительно въ той области, которая ближе всего затрогивала интересы безправнаго человѣка изъ народа—въ области суда.

Мало-по-малу, однако, съ разложеніемъ аристократіи и съ шедшимъ съ нею параллельно усиленіемъ народной массы, между тою и другою неизбѣжно должна была возгорѣться борьба, и соціальная и политическая. Эта борьба, ведшаяся очень упорно, сопровождавшаяся иногда большими жестокостями, заполняетъ собою VII и VI вв. греческой исторіи. Прислушаемся къ тому эхо, какое нашла эта борьба въ лирикѣ того времени. Мы мало знакомы съ стихотвореніемъ Тиртэя (VII в.), которому

онъ далъ, однако, характерное названіе «Евномія» (Благозаконіе); вѣроятно въ немъ заключалась похвала доброму порядку и законности, поскольку они находили примѣненіе въ прочныхъ основахъ дорійской Спарты. Въ «политическихъ» пѣсняхъ Алкэя (первая половина VI в.), въ «дидактическихъ» изреченіяхъ Θеогнида (вторая половина VI в.) ярко сквозитъ страстное раздраженіе побѣжденной аристократіи противъ побѣдоносной демократіи и ея вождей. Но особый интересъ пріобрѣтаютъ для насъ стихотворенія Солона, которыми онъ подготовлялъ аѳинянъ къ своей реформѣ и которыми онъ старался ее оправдать. Въ нихъ мы впервые встрѣчаемся съ ясными намеками на своего рода политическую теорію, пріобрѣтающими въ нашихъ глазахъ тѣмъ большее значеніе, что Солонъ въ данномъ случаѣ является какъ бы предтечею аристотелевой «Политики» съ ея основнымъ ученіемъ о значеніи въ государствѣ «средняго элемента», какъ самой цѣнной части въ составѣ населенія. Солонъ, какъ позже и Аристотель, исповѣдуетъ то общее положеніе, что народная масса должна обладать извѣстными политическими правами, но что пагубно для государства слишкомъ раздвигать рамки этихъ правъ.

Конечно, ни у Солона, ни у другихъ лириковъ того времени нѣтъ и слѣдовъ того, что мы называемъ политической доктриной; они не предлагаютъ, ни тѣмъ менѣе, конечно, обосновываютъ какой-либо политической теоріи. Съ другой стороны, интересно отмѣтить, что именно въ лирической поэзіи выработались тѣ формулы, создались тѣ понятія, которыя перешли затѣмъ въ лексиконъ политической литературы. Такъ, напримѣръ, древнѣйшій изъ лириковъ Архилохъ (средина VII в.) впервые ввелъ въ литературу понятіе тиранніи, Пиндаръ совершенно ясно намѣтилъ схему трехъ основныхъ формъ государственнаго строя, а у Θеогнида вырабатывается своего рода партійная терминологія, причемъ одинаково достается и «тупоголовой народной массѣ» и корыстолюбивой аристократіи, у которой «доброе стало мѣшаться со злымъ». Вообще нужно сказать, что у Θеогнида очень отчетливо выступаютъ тѣ соціальныя противорѣчія, которыми тогда была полна жизнь, хотя противорѣчія политическія, неизбѣжно вытекающія изъ противорѣчій соціальныхъ, остаются для Θеогнида неосязаемыми.

Итакъ, въ греческой лирикѣ VII и VI вв. мы находимъ ясное отраженіе той политической и соціальной борьбы, которая происходила въ большей части греческихъ государствъ въ періодъ окончательнаго установленія ихъ политическаго строя. Государственная жизнь въ этотъ періодъ текла неровно, сопровождалась постоянными отклоненіями то въ одну, то въ другую крайность, политическія страсти были взбудоражены, не было ни времени, ни возможности остановиться на чемъ-либо одномъ, постоянномъ, что̀ могло бы показаться прочно устойчивымъ. Такое бурное въ политическомъ отношеніи время врядъ ли можно считать пригоднымъ для созданія какихъ бы то ни было отвлеченныхъ политическихъ теорій, тѣмъ менѣе для возведенія опредѣленныхъ политическихъ системъ. Къ тому же все вниманіе греческой философіи въ ея начальный періодъ было обращено, какъ извѣстно, почти исключительно на физическій міръ. И та̀къ продолжалось дѣло, строго говоря, до наступленія софистики, когда впервые предметомъ философскаго изслѣдованія становятся законы и проблемы человѣческой жизни. И лишь съ Сократа и его школы возникаетъ, наряду съ наукою о природѣ, и наука о духѣ.

Лишь о двухъ до-сократовскихъ философахъ преданіе, правда, очень скудное и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ малодостовѣрное, сохранило намъ извѣстіе, что они интересовались также и вопросами политической философіи.

Лаэртій Діогенъ, написавшій въ III в. по Р. Хр. біографіи греческихъ философовъ, сообщаетъ (VIII, 6), будто бы П и ѳ а г о р о м ъ было написано три сочиненія: о воспитаніи (παιδευτικόν), о политикѣ (πολιτικόν) и о природѣ (φυσικόν). Въ томъ, что эти сочиненія Пиѳагоромъ написаны не были, что они были только Пиѳагору приписаны, и, вѣроятно, много вѣковъ спустя послѣ времени Пиѳагора (вторая половина VI в.), теперь никто не сомнѣвается, такъ какъ можно считать прочно установленнымъ тотъ фактъ, что Пиѳагоръ вообще не прибѣгалъ къ письменной передачѣ своего ученія. Указаніе Лаэртія Діогена имѣетъ цѣну лишь въ томъ отношеніи, что изъ него можно вывести заключеніе о существованіи въ школѣ Пиѳагора интересовъ, вращавшихся также и въ области политики, какъ науки о государствѣ, наряду съ вопросами, касающимися этики и натурфилософіи. Мы,

впрочемъ, и помимо Лаэртія Діогена знаемъ, что основанный Пиѳагоромъ союзъ преслѣдовалъ не только научныя, но и этическо-политическія цѣли, что онъ стремился, путемъ этическаго возрожденія, содѣйствовать новому усиленію аристократической олигархіи, значеніе которой грозила ниспровергнуть усиливавшаяся въ VI в. демократія. Ставя себѣ такія узко-опредѣленныя, въ практическомъ отношеніи, политическія цѣли, пиѳагорейцы всю силу полагали въ правильно организованной системѣ моральнаго и интеллектуальнаго воспитанія, благодаря которому олигархія должна была превратиться въ аристократію, господство наилучшихъ. Такая постановка пиѳагорейцами этическо-политической проблемы заслуживаетъ быть отмѣченной въ особенности въ виду того, что правильная постановка дѣла воспитанія является одною изъ важнѣйшихъ предпосылокъ политическихъ теорій Платона и Аристотеля. Но это и все, что мы можемъ отмѣтить, какъ болѣе или менѣе достовѣрное, касательно «пиѳагорейской политики». Все же то, что мы знаемъ о «пиѳагорейскомъ» общинно-коммунистическомъ владѣніи, есть не что иное, какъ позднѣйшее измышленіе нео-пиѳагорейцевъ и нео-платониковъ, обязанное своимъ происхожденіемъ позднѣйшему платонизированію пиѳагоровской доктрины [1]).

О Гераклитѣ Эфесскомъ (нач. V в.) тотъ же Лаэртій Діогенъ (IX, 5) сообщаетъ, что сочиненіе Гераклита «О природѣ» или «Музы» состояло изъ трехъ частей (λόγοι); изъ нихъ одна была посвящена натурфилософіи (περὶ τοῦ παντός), другая—политикѣ (πολιτικόν), третья—богословію (θεολογικόν). Судя по сохранившимся отрывкамъ изъ сочиненій Гераклита, можно утверждать, что и онъ не выставлялъ какой-либо отвлеченной политической теоріи, не задавался проектомъ «построенія» идеальнаго государства. Увлеченный тою соціальною борьбою, какая шла въ Эфесѣ въ его время, Гераклитъ, самъ происходившій изъ очень знатнаго рода, страстно нападаетъ на ненавистную ему демократію, которая «слѣдуетъ за пѣвцами» и ищетъ наставленія у «толпы», «жующей свою жвачку, точно скотъ», которая не знаетъ, «что много дурныхъ, мало хоро-

---

[1]) См. Пёльманъ, *Исторія античнаго коммунизма и соціализма*, 28 сл.

шихъ» (fr. 104)[1]. Бичуетъ Гераклитъ и могущественное орудіе въ рукахъ демократіи—остракизмъ, давая совѣтъ «всѣмъ взрослымъ эфесцамъ удавиться, а несовершеннолѣтнимъ покинуть городъ, такъ какъ они изгнали своего лучшаго гражданина Гермодора» только за то, что онъ былъ «лучшимъ» (fr. 121). Въ аристократизмѣ Гераклита, въ его увѣщеваніяхъ, что «одинъ стóитъ тысячи, если онъ лучше всѣхъ» (fr. 49), что «принято и совѣта одного слушаться» (fr. 33), замѣтно не только личное раздраженіе или сословный предразсудокъ. Гераклитъ убѣжденъ, что власть, по праву, должна принадлежать лучшимъ, а не большинству хорошихъ: этого требуетъ благо и высшая справедливость. Неравенство вполнѣ естественно, и стремленія толпы къ равенству преступны. Проникнутый глубокимъ преклоненіемъ предъ законнымъ порядкомъ, Гераклитъ убѣждаетъ народъ «отстаивать законъ какъ твердыню» (fr. 44), такъ какъ «всѣ человѣческіе законы поддерживаются единымъ божественнымъ закономъ» (fr. 114). Проповѣдуя законъ контраста, Гераклитъ приписываетъ образованіе государства и расчлененіе общества войнѣ, которая, посредствомъ искуса и испытанія, отдѣлила достойныхъ отъ недостойныхъ, «однихъ сдѣлала богами, другихъ—людьми, однихъ—рабами, другихъ—свободными». Гераклитъ восхваляетъ войну за то, что она осуществила это раздѣленіе цѣнностей. Сколь великое значеніе онъ приписываетъ этому раздѣленію, видно изъ того, что отношеніе раба къ свободному онъ сравниваетъ съ отношеніемъ человѣка къ богу. И это раздѣленіе также произведено войною: какъ свободный вознесенъ надъ рабомъ, такъ—ставшій богомъ надъ простымъ смертнымъ. Наряду со множествомъ низшихъ душъ, поглощаемыхъ преисподнею, Гераклитъ признаетъ существованіе предъ-избранныхъ духовъ, которые изъ темной жизни переходятъ къ бытію боговъ. Онъ видитъ цѣлую лѣстницу существъ, отличающихся другъ отъ друга по славѣ, какъ и по цѣнности, достоинству и доблести. Іерархію славъ Гераклитъ объясняетъ градаціей цѣнностей; за-

---

[1]) Отрывки до-сократовскихъ философовъ цитируются по изданію D i e l s'a, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Berlin 1903 (въ новомъ изданіи труда Дильса нумерація фрагментовъ та же). Русскій переводъ значительной части отрывковъ до-сократовскихъ философовъ можно найти въ приложеніи къ книгѣ П. Т а н н е р и, *Первые шаги древне-греческой науки*, Спб. 1902.

давая же вопросъ о причинахъ этой градацiи, онъ усматриваетъ ее въ столкновенiи силъ, которое проявляется въ войнѣ то въ буквальномъ ея смыслѣ, то въ метафорическомъ. Этотъ послѣднiй оттѣнокъ необходимо допустить, по замѣчанiю Гомперца, какъ соединяющее звено между космологическимъ и соцiологическимъ истолкованiемъ этого тезиса, хотя метафорѣ и не слѣдуетъ придавать преобладающаго значенiя: тяжелыя бѣдствiя, постигшiя родину Гераклита, повидимому, безгранично повысили въ его глазахъ цѣнность воинскихъ добродѣтелей: «Павшихъ въ бою, говоритъ Гераклитъ, славятъ боги и люди, и чѣмъ страшнѣе смерть, тѣмъ громче хвала» [1]).

Врядъ ли есть основанiе переоцѣнивать значенiе Гераклита въ исторiи развитiя греческой политической мысли. Высказываемыя имъ положенiя важны скорѣе для соцiологiи, нежели для политики. Въ этомъ отношенiи и Гераклитъ, такъ же какъ и другiе философы начальнаго перiода, не придавалъ политикѣ самостоятельнаго значенiя. Если вопросы политики и затрагивались ранними греческими философами, то это дѣлалось попутно, въ связи съ общими разсужденiями на этическiя темы, и по самой формѣ, въ которую политическiя мысли облекались, онѣ напоминаютъ «гномы», «сентенцiи».

Въ этомъ отношенiи мы имѣемъ полное право сопоставить съ ранними греческими философами и Демокрита, хотя онъ и былъ современникомъ софистовъ и Сократа. Все же характеръ философiи Демокрита всецѣло стоитъ на той ступени развитiя, которая обозначается терминомъ «до-сократовская». Въ своемъ этическомъ ученiи Демокритъ не далъ ни систематической научной разработки, ни даже той принципiальной постановки этики, какую мы находимъ у Сократа [2]). По своей внѣшней формѣ этика Демокрита выражается въ отдѣльныхъ сентенцiяхъ, что̀ роднитъ его ближе всего съ Гераклитомъ, хотя афоризмы Демокрита и значительно уступаютъ афоризмамъ Гераклита, у котораго они поражаютъ насъ и своею оригинальностью, и цѣлостностью. У Демокрита мы не видимъ попытки связать

---

[1]) Гомперцъ, *Греческiе мыслители*, Спб. 1911, I, 66.

[2]) Объ этическихъ отрывкахъ Демокрита см. статью Э. Л. Радлова, Вопросы философiи и психологiи, 1892, кн. 12.

въ одно цѣлое физику и этику, выработать систему послѣдней. Онъ просто рисуетъ предъ нами свой нравственный идеалъ, и въ этомъ идеалѣ немаловажное мѣсто занимаютъ вопросы объ отношеніи человѣка къ тому государству, въ которомъ онъ жилъ.

Хотя Демокритъ и совѣтовалъ не обременять себя множествомъ дѣлъ и заботъ ни въ частной, ни въ общественной дѣятельности (fr. 253), но, живя въ эпоху высшаго подъема политической жизни въ Греціи, онъ невольно даетъ себя увлечь этой жизни и такъ или иначе реагируетъ на нее. Онъ находитъ благопристойнымъ «преклоненіе предъ закономъ, властителемъ и тѣмъ, кто умнѣе тебя» (fr. 47), такъ какъ «тяжело подчиняться тому, кто хуже тебя» (fr. 49), и «неразумнымъ людямъ лучше повиноваться, чѣмъ властвовать» (fr. 75); сама природа указала на то, что властвовать долженъ лучшій человѣкъ (fr. 267). Демокритъ рекомендуетъ «основательно изучать искусство политики, какъ самое важное» (fr. 157). Интересы государства, по его словамъ, нужно ставить выше всѣхъ прочихъ интересовъ, потому что «хорошо управляемое государство представляетъ собою величайшій оплотъ»; все въ немъ заключено; если его организація построена на здоровыхъ началахъ, все здорово; если же его организація испорчена, все испорчено (fr. 252). Главное условіе прочнаго и здороваго состоянія государства—соблюдать правду и преклоняться предъ закономъ. Справедливостью, говоритъ Демокритъ, называется исполненіе своихъ обязанностей, несправедливостью—неисполненіе ихъ, игнорированіе ими (fr. 256). Нужно всячески истреблять все то, что̀, какъ совершаемое вопреки справедливости, приноситъ вредъ; кто будетъ такъ поступать, тотъ, при всякомъ государственномъ строѣ, можетъ разсчитывать въ большей степени достигнуть порядка, справедливости, довѣрія и спокойнаго обладанія тѣмъ, что̀ ему принадлежитъ (fr. 258); вѣдь наибольшія притязанія на справедливость и добродѣтель имѣетъ тотъ, кто величайшій почетъ удѣляетъ самымъ достойнымъ (fr. 263). Законы, признаваемые Демокритомъ за твореніе рукъ человѣческихъ (νόμιμα ποιητά—Лаэртій Діогенъ, IX, 45) и появились вслѣдствіе того, что справедливость попрана. «Если бы одинъ другого не обижалъ, то законы не препятствовали бы каждому жить по своему желанію» (fr. 246). «Законъ имѣетъ въ виду облагодѣ-

тельствовать человѣческую жизнь; онъ въ состояніи исполнить это лишь въ томъ случаѣ, если люди сами пожелаютъ всецѣло слѣдовать ему, такъ какъ тѣмъ, кто закону повинуется, онъ указываетъ на присущую ему добродѣтель» (fr. 248). Признавая «зависть источникомъ междоусобныхъ распрей» (fr. 246), Демокритъ восхваляетъ «согласіе», отъ котораго зависятъ «великія дѣла»; только при «согласіи» граждан государства могутъ и войны вести (fr. 250). Зато внутреннія междоусобицы—несчастье для борющихся партій, такъ какъ онѣ одинаково губятъ и побѣдителей и побѣжденныхъ (fr. 249). Изъ формъ государственнаго строя Демокритъ, повидимому, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе демократіи. По крайней мѣрѣ, въ одномъ отрывкѣ (fr. 251) мы читаемъ: «Бѣдность въ демократіи заслуживаетъ предпочтенія предъ восхваляемымъ счастьемъ у династовъ (т. е., вѣроятно, у деспотовъ) настолько же, насколько свобода стоитъ выше рабства». Но какъ Демокритъ эту демократію себѣ представлялъ, на этотъ счетъ у насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній. Онъ, повидимому, и въ ней находилъ недостатки. Въ одномъ изъ отрывковъ (fr. 266) Демокритъ жалуется, что при существующей въ настоящее время формѣ правленія нѣтъ никакихъ средствъ для властей, даже если онѣ очень добродѣтельны, избѣжать несправедливости со стороны государства. Относительно роли магистратовъ Демокритъ даетъ общее этическое правило, что они избираются для того, чтобы «творить благо», а не зло (fr. 265). Вообще, Демокритъ мыслитъ государство построеннымъ всецѣло на принципахъ этики. Вотъ почему онъ требуетъ даже собственноручной расправы или расправы судебной со всякимъ воромъ и разбойникомъ (fr. 260); онъ требуетъ защиты для несправедливо угнетаемыхъ, такъ какъ такое отношеніе къ нимъ покоится на основахъ права, а если не поступать такъ, то это будетъ безправіемъ и зломъ (fr. 261). Виновныхъ въ совершеніи преступленій должно наказывать изгнаніемъ, заключеніемъ въ тюрьму, наложеніемъ штрафа; кто, изъ чувства корыстолюбія или личной пріязни, противозаконно отпуститъ на волю преступника, тотъ самъ—преступникъ (fr. 262). Къ почетнымъ же должностямъ должны быть допускаемы только достойные граждане, потому что «чѣмъ болѣе недостойны плохіе граждане, занимающіе почетныя должности, тѣмъ бо-

лѣе они становятся небрежными (въ исполненіи своихъ обязанностей) и тѣмъ большею глупостью и наглостью преисполняются» (fr. 254). Наконецъ, насколько можно судить по одному отрывку (fr. 280), основу нравственнаго совершенства гражданъ Демокритъ усматривалъ въ раціонально поставленномъ воспитаніи гражданъ: «Можно, говоритъ онъ, и безъ большихъ затратъ, воспитать своихъ дѣтей и тѣмъ самымъ возвести спасительную стѣну и вокругъ ихъ состоянія и вокругъ ихъ жизни».

Въ высказываемыхъ положеніяхъ Демокрита многое роднитъ его съ софистами, въ особенности съ однимъ изъ главныхъ представителей софистики, Протагоромъ, соотечественникомъ Демокрита (оба они происходили изъ города Абдеръ). Объявляя законы «твореніемъ рукъ человѣческихъ», Демокритъ, повидимому, отвергалъ за ними всякую метафизическую и религіозную основу и смотрѣлъ на нихъ исключительно какъ на имманентную потребность человѣческаго общества, что̀, какъ мы видѣли, нисколько не мѣшало Демокриту усматривать въ законахъ необходимость и благо для государственной жизни. Собственное содержаніе жизни заключается, по Демокриту, въ осуществленіи индивидуальныхъ ея цѣлей; государственный порядокъ созданъ лишь потому, что люди настолько препятствуютъ и вредятъ другъ другу, что они не въ состояніи надежнымъ и достойнымъ образомъ выполнить индивидуальныя цѣли своей жизни. Въ этомъ отношеніи Демокритъ стоялъ въ полномъ противорѣчіи съ воззрѣніями его вѣка. «Только мы одни, говоритъ Периклъ устами Ѳукидида (II, 40, 2), почитаемъ не празднымъ, но никуда не годнымъ того, кто вовсе не участвуетъ въ государственной дѣятельности». Для Демокрита законъ, регулирующій государственную жизнь, имѣетъ скорѣе отрицательное значеніе: онъ препятствуетъ, прежде всего, гражданамъ совершать несправедливые поступки во взаимныхъ отношеніяхъ. Но съ точки зрѣнія греческаго государства-города законъ представляетъ собою уравнивающій принципъ; онъ объединяетъ собою все то, что регулируетъ общественную жизнь гражданъ, и это придаетъ ему положительное содержаніе, высшую цѣль общественной жизни.

Представляется, повторяемъ, весьма вѣроятнымъ, что политическое міровоззрѣніе Демокрита не осталось безъ вліянія на

него ученія софистовъ. Но какъ и его предшественники, все же Демокритъ не сдѣлалъ изъ политики науки въ собственномъ смыслѣ.

III.

Софисты.

Политика, какъ наука о государствѣ, впервые стала разрабатываться въ Греціи софистами, которые заинтересовались политическими вопросами въ ихъ органической связи и тѣмъ самымъ создали почву для политической литературы, какъ особаго литературнаго жанра. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ значеніи, какое имѣли софисты въ исторіи греческой культуры вообще, аѳинской въ частности [1]). Ограничимся поэтому лишь необходимыми напоминаніями.

Софисты, какъ учителя мудрости, заступаютъ въ греческой общественной жизни мѣсто прежнихъ рапсодовъ. «Подобно тому, говоритъ Гомперцъ [2]), какъ раньше рапсодъ въ пурпурной одеждѣ говорилъ на торжественныхъ собраніяхъ героическіе стихи, такъ теперь выступалъ въ такой же одеждѣ въ Олимпіи и другихъ мѣстахъ софистъ и держалъ торжественныя рѣчи, имъ сочиненныя. Болѣе тѣсные круги общества также внимали искусно разработаннымъ рѣчамъ по вопросамъ науки и жизни». Софисты, какъ учителя, пришлись весьма ко времени: то прежнее, элементарное образованіе, какое получало до того греческое юношество, конечно, не могло считаться достаточнымъ теперь, когда повысились требованія политической жизни, когда появились новые умственные запросы. Этимъ требованіямъ, этимъ запросамъ, за отсутствіемъ у грековъ того, что у насъ называется средней и высшей школой, и стали удовлетворять странствующіе учителя, переходившіе изъ города въ городъ и собиравшіе вокругъ себя толпу любознательной молодежи. «Лекціи» софистовъ были тѣмъ

---

[1]) О софистахъ см. книгу А. Н. Гилярова, *Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность, въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи*, Москва 1888.

[2]) Ук. соч. 352.

привлекательнѣе, пользовались тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ, что онѣ касались не только основъ позитивныхъ наукъ, ученій натурфилософовъ, объясненій поэтическихъ произведеній, тонкостей метафизики, но—и это очень важно—центральное мѣсто въ этихъ лекціяхъ занимала подготовка слушателей къ практической, въ частности, къ общественной жизни.

Первый изъ софистовъ, Протагоръ, такъ формулировалъ, по словамъ Платона (Протагоръ, 318 е), свою «науку»: это—«умѣлость въ домашнихъ отношеніяхъ, чтобы какъ можно лучше управлять своимъ собственнымъ домомъ, а также и въ отношеніяхъ общественныхъ, чтобы быть какъ можно сильнѣе и въ дѣлахъ, и въ рѣчахъ, что́ касается города». Своимъ «гражданскимъ искусствомъ» Протагоръ обѣщаетъ «дѣлать людей хорошими гражданами».

Такъ какъ центръ обученія софистовъ составляли моральныя и политическія науки и такъ какъ, вслу сложившихся условій греческой государственной жизни, ораторское искусство имѣло выдающееся значеніе въ жизни государства-города, то одною изъ главнѣйшихъ задачъ софистовъ было подготовить своихъ учениковъ къ роли ораторовъ и государственныхъ дѣятелей. Поэтому софисты и должны были направлять свои занятія преимущественно въ томъ смыслѣ, чтобы при нихъ являлась возможность и поводъ трактовать тѣ или иные политическіе вопросы.

Согласно всему духовному направленію софистовъ, и ихъ обученіе носило не догматическій, а формально-діалектическій и эристическій характеръ. Мы знакомы съ политическою діалектикою софистовъ, съ ея пріемами pro и contra, по тѣмъ немногимъ образцамъ, какіе сохранились въ произведеніяхъ современныхъ имъ писателей, находившихся, въ большей или меньшей степени, подъ софистическимъ вліяніемъ. Приведемъ одинъ примѣръ изъ трагедіи Еврипида «Просительницы» (ст. 403 сл.) [1]. Тамъ мы находимъ любопытныя разсужденія поэта о преимуществахъ и недостаткахъ различныхъ формъ государственнаго

---

[1]) См. Д. Ѳ. Бѣляевъ, *Воззрѣнія Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и внѣшнюю политику Аѳинъ.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1882, октябрь, 399 сл.

строя [1]). Основныя мысли берутся Еврипидомъ изъ самой жизни, изъ обуревавшей ее политической борьбы [2]), но діалектическую оболочку этимъ мыслямъ дала именно софистика. Главное дѣйствующее лицо трагедіи, Ѳесей, является образцомъ государственнаго дѣятеля, руководителемъ и вождемъ демократическаго государства. Какъ отецъ аѳинской демократіи, Ѳесей выступаетъ защитникомъ демократическихъ принциповъ и институтовъ противъ ѳиванскаго вѣстника, являющагося представителемъ антидемократическихъ тенденцій и защитникомъ олигархіи подъ видомъ монархіи. На вопросъ вѣстника, гдѣ царь той земли, куда онъ явился, Ѳесей говоритъ: «Царя ты ищешь здѣсь, но свободно это государство и не одинъ имъ правитъ. Здѣсь правитъ весь народъ въ лицѣ ежегодно выбираемыхъ и смѣняемыхъ магистратовъ, причемъ бѣдные пользуются совершенно одинаковыми правами наряду съ богатыми, а у этихъ нѣтъ никакихъ привилегій». Ѳиванскій вѣстникъ на эту похвалу демократіи гордо отвѣтилъ: «А государство, пославшее меня сюда, управляется однимъ человѣкомъ, а не толпою. Нѣтъ у насъ никакихъ демагоговъ, которые, обманывая народъ своими рѣчами, вертятъ государствомъ то такъ, то сякъ, сообразно съ личными интересами, и которые, представляясь преданными интересамъ государства и пріятными народу, наносятъ государству большой вредъ, но избѣгаютъ должной кары за свои преступленія, путемъ клеветъ и наговоровъ на другихъ. Да и вообще, какъ можетъ хорошо управлять государствомъ народъ, который не въ состояніи судить трезво о государственныхъ дѣлахъ? Для этого, вѣдь, нужны досугъ и время, а бѣднякъ-земледѣлецъ, будь онъ даже неглупъ, слишкомъ занятъ собственными дѣлами, и нѣтъ у него времени заниматься политикой». Ѳесей отвѣчаетъ вѣстнику указаніемъ преимуществъ демократическаго режима. Для государства нѣтъ ничего ужаснѣе тиранна уже по одному тому, что въ такомъ государствѣ нѣтъ неизмѣнныхъ и для всѣхъ одинаково обязательныхъ законовъ; ихъ мѣсто заступаетъ воля властителя, за-

---

[1]) У Геродота, III, 80 сл., приводится интересная бесѣда персидскихъ вельможъ о сравнительномъ достоинствѣ монархическаго, аристократическаго и демократическаго режима.

[2]) Пьеса поставлена на сцену въ 421/0 г. до Р. Хр.

хватившаго законъ въ свои руки. А въ свободныхъ государствахъ существуютъ писанные законы, обезпечивающіе равноправіе богатому и бѣдному. Свобода демократическихъ учрежденій состоитъ въ томъ, что каждый гражданинъ имѣетъ возможность и право дать государству хорошій и полезный совѣтъ, если ему угодно, такъ что всякій, желающій и умѣющій давать такіе совѣты, пользуется почетомъ и значеніемъ, а не желающій молчитъ. Гдѣ самъ народъ—хозяинъ своей страны, тамъ въ государствѣ много молодыхъ и энергичныхъ гражданъ, которыхъ тираннъ, напротивъ, считаетъ своими врагами и, опасаясь за свою власть, губитъ самыхъ лучшихъ и мудрыхъ изъ нихъ. А то государство, гдѣ гибнутъ смѣлые и мужественные граждане, и молодежь, какъ весенняя трава на лугу, подкашивается, не можетъ быть сильно и мощно. И для чего гражданинъ такого государства станетъ пріобрѣтать состояніе, заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей? Или для того, чтобы своими трудами увеличивать богатство тиранна и отдать ему своихъ юныхъ дѣтей для удовлетворенія сладострастія?..

Но софистика оказала свое вліяніе на развитіе греческаго политическаго мышленія не только съ формальной стороны, посредствомъ своей діалектики. Она коснулась этого мышленія и по существу. Свойственный міровоззрѣнію софистовъ раціоналистическій скептицизмъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ почти полному, съ ихъ стороны, отрицанію исторически сложившагося обычнаго права. Значеніе имѣетъ только то—такова была точка зрѣнія софистовъ—, что находитъ свое оправданіе въ доводахъ разума. А это положеніе должно было привести къ радикальной критикѣ существующаго порядка, должно было дать почву для созданія самыхъ рискованныхъ, съ точки зрѣнія реальной осуществимости, государственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Стоя на основѣ естественнаго права, противополагая его исторически сложившемуся обычному праву, софистика готова была приписать всѣ злоключенія въ государственной и общественной жизни отклоненіямъ той и другой отъ природы. Но гдѣ искать идеалъ, соотвѣтствующій тому естественному состоянію, отъ котораго уклонилась человѣческая жизнь? Невольно напрашивался отвѣтъ: въ прошломъ, такъ какъ оно, всилу естественныхъ причинъ, казалось менѣе испорченнымъ, ближе стоявшимъ къ естественному состоянію. Тутъ, однако, возникало затрудненіе полу-

чить истинное представленіе объ этомъ прошломъ, о которомъ хранились только радужныя воспоминанія. Такимъ образомъ, идеалъ для будущаго приходилось создавать на основахъ прошлаго, на принципахъ естественнаго права. Но возникало новое затрудненіе. Современное государство не представляло собою чего-то единаго, съ закономѣрностью котораго всѣ готовы были согласиться; напротивъ, въ государствѣ были борющіяся за свои идеалы политическія партіи, каждая изъ которыхъ склонна была представлять себѣ и идеалъ прошлаго, и идеалъ будущаго по своему, въ соотвѣтствіи съ своей партійной программой естественнаго права. Выходило такъ, что какъ будто существуетъ своего рода олигархическое естественное право и такое же демократическое, а къ тому и другому присоединялось еще естественное право, созданное на идеологической основѣ. Иногда мысль работала и въ области возсозданія исторической легенды. Въ противовѣсъ настоящей дѣйствительности усматривали идеалъ государственнаго строя въ учрежденіяхъ древне-спартанскихъ, древне-критскихъ, древне-аѳинскихъ и пр., однимъ словомъ, въ томъ, что̀ охватывалось терминомъ πάτριος πολιτεία, государственный строй «отцовъ». Въ пользу реализаціи такого «исконнаго» идеала служило именно то, что онъ, въ свое время, былъ же осуществленъ на практикѣ.

Случалось, что политическая мысль стремилась отвѣтить и на вопросъ: какое же состояніе должно быть признано абсолютно-наилучшимъ? Но, не чувствуя себя въ силахъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, довольствовалась лишь тѣмъ, чтобы уяснить себѣ: могутъ ли быть осуществлены, при наличномъ государственномъ строѣ, тѣ хотя бы относительно прекрасныя цѣли, какія онъ преслѣдуетъ? Что̀ потребно для осуществленія этихъ цѣлей? Что нужно предпринять для сохраненія существующаго государственнаго строя или для его измѣненія сообразно тѣмъ или инымъ цѣлямъ? Въ этомъ отношеніи сто̀итъ обратить вниманіе на любопытный трактатъ «Аѳинская политія», числящійся въ спискѣ сочиненій Ксенофонта, но, на самомъ дѣлѣ, составленный, какъ полагаютъ, какимъ-то аѳиняниномъ, сторонникомъ олигархіи, въ 20-хъ годахъ V в. [1]). Авторъ не сочувствуетъ аѳинской демо-

[1]) См. А. Н. Шварцъ, [Ξενοφῶντος] Ἀθηναίων πολιτεία. *О государствѣ аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V в. до Р. Хр.* Москва 1891.

кратіи, но онъ согласенъ съ тѣмъ, что аѳиняне его времени прекрасно ее поддерживаютъ. Это положеніе онъ и намѣренъ доказать въ своемъ трактатѣ. При этомъ даже отрицательныя стороны аѳинской демократіи, поскольку онѣ сказываются, напримѣръ, въ аѳинской администраціи и судѣ, неразрывно связаны, по мнѣнію автора, съ самимъ строемъ и положеніемъ Аѳинъ. Выходитъ такъ—и это прекрасно подчеркиваетъ авторъ трактата,—что сама сила вещей руководитъ аѳинской политикой, которая стоитъ въ тѣсной связи и съ состояніемъ аѳинскаго общества, и съ аѳинскими учрежденіями, и съ международнымъ положеніемъ Аѳинъ. Олигархъ по своимъ симпатіямъ, авторъ становится на точку зрѣнія аѳинской демократіи, старается понять ее, указываетъ причины и условія ея прочности, цѣлесообразность ея учрежденій и принимаемыхъ аѳинянами мѣръ. Правда, мѣстами автору обычное спокойствіе измѣняетъ, въ немъ проявляется страстность, иронія, даже злоба противъ ненавистной ему демократіи, что и придаетъ всему произведенію характеръ политическаго памфлета.

О политической литературѣ, развитой самими софистами, свѣдѣнія у насъ очень скудны, такъ какъ она почти безслѣдно пропала. Главѣ софистовъ, уроженцу Абдеръ, Протагору (480—410 г.), древняя традиція (Лаэрт. Діог. IX, 55) приписываетъ, въ числѣ прочихъ сочиненій, особый трактатъ «Политія» (περὶ πολιτείας), можетъ быть, составлявшій часть его «Противорѣчій» (Ἀντιλογίαι)[1]. Другой трактатъ Протагора былъ посвященъ вопросу «О первобытномъ состояніи» (περὶ τῆς ἐν ἀρχῇ καταστάσεως, scil. τοῦ βίου). Никакихъ подробностей объ этихъ трактатахъ мы не знаемъ. Но изъ платоновскаго діалога «Протагоръ» намъ извѣстны болѣе или менѣе политическія воззрѣнія Протагора, причемъ есть основаніе полагать, что Платонъ передалъ эти воззрѣнія достаточно полно, облекши ихъ лишь въ поэтическую форму миѳа о Прометеѣ и Эпиметеѣ[2]. По теоріи Протагора, «люди сначала оби-

---

[1]) По недостовѣрному преданію, восходящему къ Аристоксену и Фаворину (Лаэрт. Діог.. III,37), Платонъ будто бы все содержаніе своей „Политіи" заимствовалъ у Протагора. Конечно, это плодъ недоразумѣнія, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, Платонъ въ своей „Политіи" считается съ мнѣніемъ Протагора и софистовъ вообще.

[2]) Платонъ, *Протагоръ*, 320 с—322 d (стр. 18 сл. II т. перевода Вл. Соловьева и др.).

тали въ разсѣяніи и городовъ у нихъ не было; люди погибали отъ звѣрей, такъ какъ были во всемъ ихъ слабѣе и одного обрабатывающаго искусства, хотя оно было имъ достаточной подмогой для питанія, не хватало, однако, для войны со звѣрями, такъ какъ они еще не имѣли политическаго искусства, часть котораго есть искусство военное. Вотъ они и пробовали собираться вмѣстѣ и спасаться, строя города, [т.-е. образовывая государства]. А лишь соберутся вмѣстѣ—безъ политическаго-то искусства—обижаютъ другъ друга, такъ что опять приходилось разсѣяваться и пропадать. Такъ вотъ Зевсъ, опасаясь за родъ людской, какъ бы ему всему не погибнуть, посылаетъ Гермеса ввести къ людямъ стыдъ и правду, да будутъ въ городахъ уклады и стягивающія узы дружбы». На вопросъ Гермеса, какимъ способомъ дать людямъ правду и стыдъ, установить ли ихъ среди людей, или же удѣлить ихъ всѣмъ, Зевсъ отвѣчалъ: «Всѣмъ, пусть всѣ будутъ этого причастны: не бывать бы и городамъ, если бы только немногіе были причастны этихъ добродѣтелей... И законъ положи отъ меня, чтобы всякаго неспособнаго принять стыдъ и правду—убивать, какъ язву города». Такимъ образомъ, внѣдреніемъ въ людей стыда и правды заложено было основаніе для государственнаго общенія. Для политическаго міровоззрѣнія Протагора характерно то, что государственное общеніе понимается имъ, какъ общеніе демократическое, потому что правда и стыдъ должны быть, по волѣ Зевса, распредѣлены Гермесомъ равномѣрно между всѣми. Самое обоснованіе этого общенія дано въ чисто индивидуалистическомъ духѣ. Потребность въ общеніи, какъ таковомъ, не признается собственно основною человѣческою потребностью. Различныя стороны элементарной человѣческой дѣятельности, какъ, напримѣръ, религіозное чувство, рѣчь, заботы о поддержаніи жизни—все это можетъ существовать и помимо государственнаго общенія; люди объединяются въ этомъ общеніи въ сущности только для того, чтобы удовлетворить индивидуальныя цѣли жизни.

Теорія Протагора о возникновеніи государства заключаетъ въ себѣ уже важныя и характерныя основы теоріи естественнаго права, возникшей, какъ мы видѣли, въ періодъ софистики и далѣе развитой впослѣдствіи. Въ основѣ этой теоріи лежитъ, съ одной стороны, созданіе человѣческаго существованія внѣ государства или даже внѣ общества, съ другой стороны—она исхо-

дить изъ того предположенія, что отдѣльные индивиды вызвали государственное общеніе свободными волевыми актами. Изъ этой предпосылки легко вытекало и дальнѣйшее слѣдствіе—о возникновеніи государства путемъ договора, который заключали между собою отдѣльные люди, ставя себѣ при этомъ извѣстныя обязательства. Мы не знаемъ, какъ развивалъ и какъ обосновалъ Протагоръ свою политическую доктрину. Можно утверждать только одно, что его теорія не стояла въ полномъ противорѣчіи съ существующимъ въ то время государствомъ, въ особенности съ аттической демократіей, что у Протагора мы находимъ скорѣе попытку согласовать его индивидуалистическую точку зрѣнія съ организаціей государства и его пониманіемъ, какъ они сложились въ то время въ греческомъ міросозерцаніи. Вѣроятно, и Протагоръ правильно понимаемые личные интересы индивида отожествлялъ съ общественными интересами государства.

Есть извѣстіе [1]), что Протагоръ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Ѳурійскіе законы» (Νόμοι Θούριοι). Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что это сочиненіе содержало въ себѣ не конституцію основанной въ 444 г. колоніи Ѳуріи въ южной Италіи, но что оно скорѣе было своего рода утопіей, опубликованной софистомъ по случаю основанія новой колоніи. Въ такомъ случаѣ эти «Ѳурійскіе законы» Протагора были какъ бы предвозвѣстниками «Законовъ» Платона.

Въ духѣ ученія Протагора было то, что въ произведеніяхъ, какъ отдѣльныхъ софистовъ, такъ и другихъ писателей, стоявшихъ подъ ихъ вліяніемъ (напр., Еврипида), сильно подчеркивается необходимость и благо единомыслія (ὁμόνοια), какъ необходимой основы государственнаго общенія. Софисту Антифонту принадлежало особое сочиненіе «Объ единомысліи» (περὶ ὁμονοίας), въ которомъ разбирались различнаго рода этическія и соціальныя проблемы. Антифонтъ старался, между прочимъ, доказать, что жизнь человѣка въ качествѣ изолированнаго существа, т. е. внѣ государственнаго общенія, жизнь грубая, жалкая, тягостная. Сама жизнь коротка, вторично не возвращается, и было бы нелѣпо проводить эту жизнь такъ, какъ будто бы предстояло жить не одинъ разъ, а больше. Все зло въ жизни зависитъ

---

[1]) Гераклидъ Понтійскій у Лаэртія Діогена, IX, 50.

отъ эгоизма; онъ мѣшаетъ людямъ наслаждаться тѣмъ, что̀ имъ принадлежитъ, онъ же препятствуетъ людямъ и другому приходить на помощь. Люди довольны, когда имъ что-либо препятствуетъ дѣйствовать въ томъ или иномъ случаѣ энергично. Впрочемъ, эта боязнь энергичныхъ дѣйствій ведетъ иной разъ и къ благу, именно въ томъ отношеніи, что человѣкъ дурной нравственности, вслѣдствіе этой опаски дѣйствовать, удерживается отъ совершенія дурныхъ поступковъ. Человѣкъ долженъ научиться властвовать надъ собою и своими страстями, такъ какъ лишь самообладаніе имѣетъ нравственную цѣнность. Такимъ образомъ, лишь въ «согласіи» (мы бы сказали, въ альтруизмѣ)—средство спастись; «согласіе» ведетъ и къ «блаженству». А его можетъ доставить лишь организованное человѣческое общество, государство; единственный же путь, слѣдуя по которому можно достигнуть этого блаженства, заключается въ правильно поставленномъ воспитаніи. Трактатъ «Πολιτικός», упоминаемый также подъ именемъ Антифонта, принадлежитъ либо Антифонту-софисту, либо Антифонту-оратору.

Въ политической теоріи Протагора, поскольку она намъ извѣстна, мы не находимъ еще опредѣленно выраженной формулировки той проблемы, которая сильно занимала политическое мышленіе послѣдующихъ софистовъ, именно противопоставленія понятій: природа и законъ (*φύσις καὶ νόμος*). Что представляютъ собою узаконенія, регулирующія человѣческую жизнь въ государствѣ? Установлены ли они природою, и, какъ таковыя, вполнѣ необходимы, или же они возникли только по волѣ людей, и, какъ таковыя, имѣютъ произвольный характеръ? Чему люди въ своей жизни должны слѣдовать, предписанію ли закона или голосу природы? Если этотъ вопросъ не былъ отчетливо формулированъ Протагоромъ, то для отвѣта на него въ его теоріи даны были извѣстнаго рода предпосылки. Въ самомъ дѣлѣ, если государственное общеніе создано произвольнымъ актомъ индивидовъ, то и въ самую государственную организацію, неизбѣжно, привносится понятіе чего-то произвольнаго. Уже у современниковъ Протагора мы встрѣчаемъ, однако, опредѣленную формулировку противоположенія обоихъ понятій—природы и закона. Ученикъ Анаксагора, іонійскій натурфилософъ Архелай утверждалъ, что «справедливое и постыдное обусловлены не

природою, но закономъ» (Лаэрт. Діог. II, 16). Софистъ Гиппій Элидскій въ платоновомъ «Протагорѣ» (гл. 24) высказывался въ томъ смыслѣ, что «мы всѣ здѣсь сродники, свойственники и сограждане по природѣ,—не по закону; ибо подобное подобному по естеству сродно, но законъ, будучи властителемъ людей, принуждаетъ ко многому противъ природы». И у Архелая, и у Гиппія, однако, понятіе природы опредѣлено очень неясно, а затѣмъ изъ самаго противопоставленія природы и закона не вытекаетъ еще съ достаточною опредѣленностью, какое же значеніе для жизни людей заключаетъ въ себѣ законъ. Имѣетъ ли законъ обязательную силу? На этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ лишь въ томъ случаѣ, если поглубже познакомиться съ двумя главными направленіями софистики.

Одно изъ нихъ стремилось къ тому, чтобы найти въ человѣческой жизни и сдѣлать обязательнымъ нѣчто общее и, какъ таковое, для всѣхъ обязательное. Упомянутый софистъ Гиппій Элидскій въ своемъ трактатѣ «Названія племенъ» (Ἐθνῶν ὀνομασίαι) пытался, повидимому, создать общую основу человѣческой жизни путемъ сравненія правовъ и обычаевъ не только эллинскихъ государствъ, но и варварскихъ народностей. Эта общая основа должна была возвышаться надъ законами отдѣльныхъ государствъ. А это могло произойти лишь при томъ условіи, чтобы выше этихъ отдѣльныхъ законовъ поставленъ былъ общій, обязательный для всѣхъ законъ, такъ какъ нельзя же считать отдѣльные законы «серьезнымъ дѣломъ», нельзя требовать повиновенія имъ, разъ зачастую случается, что «мы сами, установивъ законы, затѣмъ отвергаемъ ихъ и измѣняемъ» (Ксенофонтъ, Воспоминанія о Сократѣ, IV, 4, 14). Общій законъ, неизбѣжно, долженъ былъ повести къ выработкѣ правовыхъ нормъ, обязательныхъ для всѣхъ людей и при всякомъ положеніи жизни. Но такимъ общимъ закономъ могли быть только «неписанные законы», выходящіе за предѣлы узаконеній каждаго отдѣльнаго государства. И это общее, всилу его общности, должно найти свое обоснованіе въ природѣ; поэтому «неписанные законы» установили для людей боги (тамъ же, IV, 4, 19). Такое «неписанное», естественное право является общею и рѣшающею нормою жизни. Находили ли возможнымъ, и если да, то поскольку возможнымъ, уже во время Гиппія, усматривать осу-

ществленіе идеала жизни, соотвѣтствующей природѣ, въ далекомъ прошломъ, считали ли это прошлое именно естественнымъ состояніемъ, мы не знаемъ. Неопредѣленна и слишкомъ уже обща постановка естественнаго права въ ученіи Гиппія! Но въ частныхъ послѣдствіяхъ характерныя черты этого ученія съ особенною ясностью сказались въ томъ, что оно перешагнуло не только чрезъ установленія отдѣльныхъ эллинскихъ государствъ, но даже и чрезъ «обще-греческіе законы», и тѣмъ самымъ способно было вообще пошатнуть самые главные устои греческой политической жизни. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ такихъ послѣдствій, грозившимъ большою опасностью для всего уклада греческаго государственнаго быта, было то, что софистъ Алкидамантъ, дѣйствовавшій, впрочемъ, въ первой половинѣ IV вѣка, провозгласилъ такую необычную для греческаго міровоззрѣнія истину, что «божество создало всѣхъ свободными, а природа никого не сотворила рабомъ» (схол. къ «Риторикѣ» Аристотеля, I, 13). Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ устоевъ греческаго государства — институтъ рабства — провозглашался противоестественнымъ. Другой софистъ Ликофронъ называлъ благородство происхожденія «звукомъ пустымъ», такъ какъ, по правдѣ, неблагородные ничѣмъ не отличаются отъ благородныхъ (Стобэй, LXXXVI, 24).

Наряду съ кратко охарактеризованнымъ нами направленіемъ софистики, основывающемся на стремленіи найти общій регуляторъ человѣческой жизни, поскольку она находитъ свое выраженіе въ государствѣ, развивается другое направленіе. Въ противоположность первому, оно исходитъ изъ частнаго и ставитъ природу индивида въ основу своихъ политическихъ построеній. И это направленіе также, въ сущности, исходило отъ Протагора. Въ основѣ его лежитъ та мысль, что государство существуетъ, главнымъ образомъ, для защиты и потребностей индивида. Такую задачу государство можетъ исполнить только въ томъ случаѣ, если принадлежащія къ его составу лица будутъ взаимно связаны между собою соблюденіемъ извѣстныхъ обязанностей. А это ведетъ къ заключенію между ними договора. При такомъ договорномъ характерѣ государства и самый законъ является ни чѣмъ инымъ, какъ договоромъ, который, по заявленію софиста Ликофрона, есть просто «гаран-

тія личныхъ правъ» (ср. выше стр. 116 сл.). Но если люди, устанавливая путемъ взаимнаго договора государственную организацію, издавали законы предпочтительно или исключительно съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ ихъ охранить свои индивидуальные интересы, то такое пониманіе законовъ могло повести къ тому, что и на нихъ стали смотрѣть съ точки зрѣнія того значенія, какое они имѣютъ для интересовъ индивида. Сознавшій свои силы индивидъ, чувствовавшій себя вслѣдствіе этого стоящимъ выше массы, могъ затѣмъ придти къ тому убѣжденію, что законы учреждены въ интересахъ слабыхъ, даже въ интересахъ массы, что они порабощаютъ индивида, призваннаго къ властвованію, препятствуютъ развитію его силъ, не даютъ ему возможности достигнуть превосходства, однимъ словомъ, связываютъ его по рукамъ и по ногамъ. Въ такомъ духѣ высказываются въ «Политіи» Платона (р. 359а) софистъ Ѳрасимахъ и въ «Горгіи» (р. 482 сл.) ближе намъ неизвѣстный Калликлъ. Обладающій сильною волею индивидъ, человѣкъ съ прирожденными стремленіями къ властвованію можетъ въ этомъ случаѣ использовать право въ своихъ личныхъ интересахъ, попирая при этомъ интересы слабыхъ, и поставить свою властвующую волю на мѣсто истиннаго закона. Въ этомъ смыслѣ трагическій поэтъ Мосхіонъ (fr. 6 N) и называетъ законъ «безсильнымъ», такъ какъ «насиліе сидитъ на тронѣ вмѣстѣ съ Зевсомъ». Та же мысль проглядываетъ въ «Облакахъ» Аристофана (ст. 904 сл.), въ спорѣ между «Правдой» и «Кривдой», когда Кривда съ торжествомъ возвѣщаетъ, что даже самъ Зевсъ достигъ господства путемъ насилія.

Если, по выраженію Гераклита, всѣ человѣческіе законы питаются отъ одного божественнаго закона, то, по мнѣнію софистовъ, право относится исключительно къ сферѣ человѣческаго волеизъявленія. Въ правѣ нѣтъ ни религіозной, ни нравственной силы, напротивъ, религія и нравственность обусловлены правомъ. Софисты утверждаютъ, по замѣчанію Платона (Законы, 889 е), что боги—искусственны, а не естественны, что одни боги узаконены одними законами, другіе—другими, смотря по тому, на какихъ условіяхъ люди вступили между собою въ соглашеніе. Извѣстный софистъ, поэтъ и государственный дѣятель конца IV вѣка Критій, въ своей сатировской драмѣ «Сисифъ»

(p. 571 Diels), проводитъ ту мысль, что боги—изобрѣтеніе человѣческой хитрости, выдумка мудреца, который, прикрывая истину обманными рѣчами, вселилъ въ людей вѣру въ могущество небесныхъ силъ, чтобы воспрепятствовать людямъ совершать преступленія даже мысленно. Протагоръ въ платоновскомъ «Θеэтетѣ» (p. 167 c. 172 b) высказываетъ такое мнѣніе: въ каждомъ государствѣ свой взглядъ на справедливое и прекрасное; объясняется это тѣмъ, что въ своихъ сужденіяхъ о справедливости и несправедливости люди основываются не на естественныхъ опредѣленіяхъ этихъ понятій, но на общепринятыхъ о нихъ представленіяхъ. Въ «Законахъ» (p. 889 e) Платонъ передаетъ отголоски софистической доктрины, заявляя, что прекрасное, по природѣ, считается однимъ, по закону—другимъ, а справедливое и вовсе не имѣетъ отношенія къ природѣ, но что по поводу опредѣленія его существуютъ постоянные споры среди людей и вѣчныя перемѣны, что все это зависитъ отъ того, что право опредѣляется «искусствомъ и законами, а не какою-либо природою».

Въ «Политіи» Платона (p. 358 e сл.) одинъ изъ собесѣдниковъ Главконъ такъ формулируетъ воззрѣнія софистовъ о происхожденіи права: по общепринятому мнѣнію, поступать несправедливо—хорошо, испытывать несправедливость—плохо; однако у испытывающаго несправедливость зло преизобилуетъ въ большей степени, чѣмъ преизобилуетъ добро у совершающаго несправедливость; поэтому, когда люди во взаимныхъ отношеніяхъ стали поступать несправедливо и терпѣть несправедливость, они, не будучи въ состояніи избѣжать второго и избрать первое, сочли полезнымъ вступить между собою въ соглашеніе—и не совершать несправедливости, и не испытывать ее. На основѣ этого соглашенія люди стали издавать законы, заключать договоры и предписанія закона называть законными и справедливыми. Если право, въ его обычномъ пониманіи, есть, по теоріи софистовъ, нарушеніе права естественнаго, то вырожденіе существующей государственной организаціи приводитъ, до извѣстной степени, снова къ возстановленію естественнаго права. Исходя изъ того, что современный государственный порядокъ испорченъ и негоденъ, односторонне толкуя справедливость, какъ своего рода «чужое благо», дошли до того, что стали объяснять и оправдывать силу, какъ абсолютную правовую норму. И если

Калликлъ усматривалъ въ гражданскомъ равноправіи уничтоженіе первоначальнаго порядка вещей, причемъ все состоитъ на службѣ у произвола и интересовъ болѣе сильнаго, то софистъ Ѳрасимахъ («Политія» Платона, 338 d сл. 343 b сл.) находилъ принципъ мнимаго естественнаго права въ отношеніяхъ между властвующими и подчиненными имѣющимъ полное и неоспоримое значеніе, причемъ наиболѣе совершенное осуществленіе этого принципа заключалось, по мнѣнію Ѳрасимаха, въ тираніи.

Этотъ же Ѳрасимахъ написалъ особый трактатъ, въ которомъ онъ разбиралъ, съ принципіальной стороны, вопросъ о «государственномъ строѣ отцовъ» въ связи съ олигархическимъ переворотомъ въ Аѳинахъ 411 г. Изъ этого трактата Діонисій Галикарнасскій сохранилъ намъ значительный отрывокъ (p. 543 Diels), мало, однако, характерный для выясненія политической точки зрѣнія Ѳрасимаха; изъ отрывка видно только, что онъ хочетъ свести ad absurdum доводы и олигарховъ и демократовъ, приводимые ими въ пользу олигархіи и демократіи.

Упомянутому выше Критію древность приписываетъ рядъ «Политій» и въ стихахъ и въ прозѣ [1]). Въ этихъ трактатахъ мы находимъ, съ одной стороны, фанатическое преклоненіе предъ Спартой и ея аѳинскими друзьями, съ другой—непримиримую ненависть ко всему тому, что связано съ аѳинской демократіей. Но такіе и имъ подобные памфлеты должны быть отнесены скорѣе къ области чистой публицистики, нежели къ области политической литературы. Они касались животрепещущихъ вопросовъ дня и имѣли для своего времени важное, но для послѣдующаго—преходящее значеніе. Таковъ былъ, напримѣръ, памфлетъ Ѳерамена, гдѣ онъ полемизировалъ противъ Солона, какъ основателя аѳинской демократіи. Таковъ былъ первый политическій тенденціозный трактатъ Стесимброта, который, судя по заглавію «О Ѳемистоклѣ, Ѳукидидѣ и Периклѣ» имѣлъ въ виду главнымъ образомъ личности аѳинскихъ демагоговъ-предстателей [2]).

Рисуя въ общемъ очеркѣ міровоззрѣніе софистовъ, разу-

---

[1]) См. Diels, *Vorsokratiker*¹, 572 сл. М. М. Покровскій, *Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля*, Москва 1893.

[2]) Политическій памфлетъ какого-то аѳинскаго писателя, принадлежавшаго къ кругу Ѳерамена, написанный въ 404 г. до Р. Хр. въ защиту умѣренной аристократіи (πάτριος πολιτεία), усматриваетъ Дрерупъ въ приписы-

мѣется, всегда должно считаться съ тѣмъ, что мы знакомы съ нимъ или изъ вторыхъ рукъ, или изъ той полемики, какую оно вызывало. Но даже и съ такимъ ограниченіемъ все же, кажется, можно считать прочно установленнымъ и вполнѣ пріемлемымъ то положеніе, что именно софисты впервые до такой степени содѣйствовали расширенію рамокъ греческаго политическаго мышленія, до какихъ оно ранѣе еще не достигало. Извѣстно, что софистика нашла себѣ особенно радушный пріемъ въ Аѳинахъ. И насъ это не должно удивлять: софисты натолкнули аѳинскую политическую мысль на постановку и попытки разрѣшенія тѣхъ проблемъ въ области политики, которыя напрашивались сами собою всилу сложившихся обстоятельствъ аѳинской политической жизни, такъ какъ ни въ какомъ иномъ изъ греческихъ государствъ эта жизнь, въ теченіе V вѣка, не получила такого всесторонняго развитія, какъ въ Аѳинахъ. Великія освободительныя войны, послѣдовательный и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрый ростъ аѳинской демократіи, ея высшій расцвѣтъ въ эпоху Перикла, послѣдовавшая затѣмъ политическая борьба между демократіей и олигархіей— все это должно было заставлять сильно работать политическую мысль. Софисты дали импульсъ къ постановкѣ и разбору тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, которые были связаны съ основами и задачами человѣческаго общества, поскольку онѣ находили свое приложеніе въ государствѣ.

Но для того, чтобы эти принципіальные вопросы, выдвинутые самою жизнью, обостренные политической борьбой и получившіе то или иное освѣщеніе въ развитой софистами литературѣ, получили въ дальнѣйшемъ, въ политическихъ теоріяхъ Платона и Аристотеля, свое опредѣленное разрѣшеніе, они должны были пройти сквозь призму идеалистической философіи Сократа.

IV.

Сократъ и сократовцы.

Врядъ ли можно говорить собственно о политической теоріи у Сократа. Можно утверждать лишь одно, что и у Сократа, какъ и у его предшественниковъ (и преемниковъ) политика была

ваемой Ироду Аттику рѣчи „О государственномъ строѣ". См. E. Drerup, [Ἡρώδου] περὶ πολιτείας, Paderborn 1908. Взглядъ Drerup'а, однако, не встрѣтилъ сочувствія.

тѣсно связана съ этикою. То же, какъ мы видѣли, было и у софистовъ, но у нихъ и этика и политика получили отрицательный характеръ вслѣдствіе того, что софисты отрицали теорію знанія. Сократъ, наоборотъ, обосновалъ самостоятельность знанія благодаря созданію прочнаго научнаго метода и возвелъ самую нравственность къ знанію. Однако самый принципъ знанія остается у Сократа абстрактно-формальнымъ. Изъ этого принципа не могло развиться никакой системы этическаго и политическаго ученія. Конкретныя воззрѣнія Сократа въ этихъ областяхъ остаются въ сущности тѣми же, какими они были и до него.

Для насъ судить о этическо-политическомъ ученіи Сократа затруднительно и потому, что почти единственнымъ нашимъ источникомъ въ этомъ отношеніи служатъ, какъ извѣстно, «Воспоминанія о Сократѣ» Ксенофонта, сочиненіе захватывающаго интереса, живо и увлекательно написанное, но все же рисующее образъ Сократа лишь приблизительно, хотя и нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что Ксенофонтъ желалъ вѣрно изобразить личность Сократа и воспроизвести его ученіе. Но Ксенофонтъ сравнительно мало пользовался уроками Сократа и не могъ, конечно, самъ слышать бо́льшую часть тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ приводитъ въ «Воспоминаніяхъ»; далѣе «Воспоминанія» писались много лѣтъ спустя послѣ смерти Сократа, чѣмъ и объясняются встрѣчающіяся въ нихъ анахронизмы; наконецъ, по свойствамъ своей духовной природы, Ксенофонтъ могъ только отчасти проникнуть въ суть ученія Сократа, онъ больше улавливалъ его внѣшность, чѣмъ проникалъ въ его глубину.

Добродѣтель состоитъ въ знаніи, училъ Сократъ (III, 9. 5). Слѣдовательно, и управленіе государствомъ, самое великое въ области человѣческой дѣятельности, является «самою прекрасною добродѣтелью и самымъ великимъ искусствомъ» (IV, 2, 11. II, 1, 17). Только знаніе представляетъ собою силу, которая способна заставить повиноваться. Поэтому философія должна заступить мѣсто софистической риторики и стать средствомъ политическаго образованія. Царями и владыками, говоритъ Сократъ (III, 9, 10), бываютъ ни тѣ, которые носятъ скипетръ, ни тѣ, которые сдѣлались таковыми или по избранію, или по жребію, или при помощи силы, или, наконецъ, посредствомъ подкупа, но тѣ, кто умѣютъ властвовать. Тамъ, гдѣ знаніе само по себѣ

не является властвующей силой, послѣдняя должна, по крайней мѣрѣ, соединяться со знаніемъ, и тиранну, если онъ желаетъ сохранить свою власть, въ особенности надлежитъ идти рука объ руку съ философомъ (III, 9, 12). Нравственно-благородные люди знаютъ, что́ благочестиво и неблагочестиво, что̀ справедливо и несправедливо, что́ добродѣтельно и порочно, что̀ разумно и неразумно, что̀ мужественно и трусливо, что̀ такое государство и политическое искусство, что̀ такое власть и умѣлая власть, и тѣ, кто этого не знаютъ, по истинѣ, называются рабскими душами (I, 1, 16). Истинными и правильными формами государственнаго строя могутъ быть признаны лишь монархія и аристократія (въ смыслѣ правленія наилучшихъ). Тираннія и олигархія должны быть признаны неправильными формами, тираннія потому, что она основывается на силѣ, олигархія потому, что ея основою служитъ богатство, а богатство безъ разума—благо, цѣны не имѣющее (IV, 1, 5. 6, 2, 12). Ту форму правленія, которая основывается на имущественномъ цензѣ, Сократъ именуетъ плутократіей и противополагаетъ ее аристократіи. Равноправіе толпы, демократическій строй, по Сократу, ошибоченъ (I, 2, 9. III, 9, 14); нелѣпо и распредѣленіе магистратуръ посредствомъ жребія, такъ какъ такое распредѣленіе случайно, а такого рода случайность—очень опасна въ государственныхъ дѣлахъ. И о народномъ собраніи, состоящемъ въ значительной своей массѣ изъ всякаго сброда, Сократъ очень невысокаго мнѣнія (I, 2, 58. III, 7, 5). Но какую бы форму правленія ни имѣло государство, оно представляетъ собою не только институтъ, обезпечивающій для всѣхъ охрану права (безъ этой охраны немыслимо человѣческое существованіе), но оно есть въ своемъ существѣ извѣстная этическая норма. Софистическая доктрина проводила строгое различіе между властвующимъ и подчиненнымъ; первый не подчиненъ никакому закону, его мѣра заключается въ немъ самомъ, въ его благополучіи и эгоизмѣ; второй предназначенъ лишь служить интересамъ властителя. Сократъ вооружается противъ такого порядка: онъ ставитъ и властителю и подчиненному равномѣрную норму закона, т. е. справедливость (IV, 2, 11). Справедливость же заключается въ законности (IV, 4, 12. 6, 6). Сократъ требуетъ отъ властителя, чтобы онъ умѣлъ самъ властвовать надъ собою (II, 1, 17), чтобы онъ сообразовалъ свое

правленіе съ законами (IV, 6, 2); какъ пастухъ заботится о своемъ стадѣ, такъ правителю надлежитъ заботиться о счастіи своихъ подданныхъ (I, 2, 32. III, 2, 1, 3). Въ свою очередь и гражданинъ долженъ подчиняться закону и властямъ (IV, 4, 15).

Нужно замѣтить, что среди этическихъ проблемъ, которыя ставитъ на разрѣшеніе Сократъ, особенно важную роль играетъ проблема о справедливости, въ частности о томъ, какъ, исходя изъ жизни индивида, примѣнить эту справедливость къ жизни государства, чтобы тѣмъ самымъ поставить справедливость въ основу политики, какъ науки о государствѣ. Сократъ показалъ возможность знанія, поставленнаго внѣ зависимости не только отъ природы, но и человѣческой воли. И эта возможность приложима къ самому важному изъ всѣхъ человѣческихъ установленій, къ государству и обществу. А разъ возможно такое непосредственное знаніе, то не можетъ быть и рѣчи о правильности основного постулата демократическаго credo, будто человѣкъ, не усвоившій себѣ этого знанія, способенъ принимать участіе въ государственномъ управленіи. Выставляя новое требованіе, что власть должна принадлежать «знающимъ», Сократъ тѣмъ самымъ указываетъ новый политическій принципъ, изъ котораго впослѣдствіи возникла теорія платоновскаго государства—государства философовъ. Для духовной жизни эпохи Сократа, для преобразованія сложившихся къ тому времени воззрѣній было важно не положительное ученіе Сократа, которое, къ тому же, намъ недостаточно опредѣленно извѣстно, важенъ былъ принципъ всей сократовской философіи, обусловливавшій собою новую основу для человѣческаго общества вообще и государственной организаціи въ частности. Софисты противополагали естественное и положительное право, Сократъ училъ, что только «истинный законъ» долженъ быть противополагаемъ установленіямъ существующаго государственнаго порядка, что основою для этого долженъ служить раціональный принципъ. Этотъ «истинный законъ» долженъ проникать во всю государственную жизнь, онъ долженъ дать ей твердыя и надежныя нормы. Справедливость, эта основа счастья, должна стать для государства высшею жизненною нормою. Историческая дѣйствительность, сложившаяся до извѣстной степени случайно, съ философской точки зрѣнія должна была казаться чѣмъ-то произвольнымъ, безсвязнымъ, неистиннымъ; она не могла

послужить основнымъ факторомъ будущаго государства «разума», которое должно было быть основано только на раціональномъ принципѣ.

Если отвлечься отъ теоріи въ сторону реальной дѣйствительности, то нужно сказать, что въ практическомъ отношеніи Сократъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая особенное распространеніе получила въ его время, въ концѣ V вѣка, когда повсюду раздавался лозунгъ о необходимости возвращенія къ «государственному строю отцовъ». Вотъ почему Сократъ восхвалялъ исконный строй Спарты и нравы древнихъ Аѳинъ. Въ этомъ отношеніи практическая философія Сократа, несомнѣнно, оказала сильнѣйшее вліяніе на политическое мышленіе его учениковъ, Ксенофонта и Исократа. Оба они стояли подъ болѣе или менѣе значительнымъ вліяніемъ сократовской философіи, оба они относились отрицательно къ современной имъ демократіи и стремились къ оздоровленію государства на основахъ аристократической этики, оба они набросали образъ современнаго властителя и дали образецъ наилучшаго, по ихъ мнѣнію, государственнаго строя—Ксенофонтъ въ спартанскомъ духѣ, Исократъ—въ древнеаттическомъ; наконецъ, оба они развивали свои политическіе идеалы отчасти на историческомъ фонѣ, отчасти парэнетически.

Главными трудами Ксенофонта (430—354) въ указанномъ направленіи являются: его тенденціозный историческо-политическій романъ «Воспитаніе Кира», гдѣ Ксенофонтъ желаетъ представить образъ «добраго и счастливаго царя»; далѣе, его діалогъ «Гіеронъ»—бесѣда (конечно, вымышленная) между сиракузскимъ тиранномъ Гіерономъ и поэтомъ Симонидомъ о преимуществахъ положенія частнаго человѣка въ сравненіи съ положеніемъ тиранна, и, наконецъ, его же «Лакедэмонская политія»—описаніе спартанской конституціи.

Образцомъ государственнаго строя является, по Ксенофонту, древне-персидское царство, учрежденія котораго приближаются къ спартанскимъ. Въ демократіяхъ государственная жизнь все болѣе и болѣе утрачивала свое воспитательное значеніе и обращалась къ выработкѣ положительныхъ нормъ права. Это налагало ограниченіе на свободное развитіе индивида и вело за собою выработку извѣстной совокупности правовыхъ нормъ для того, чтобы положить границы произволу и охранить личность

и собственность отъ могущихъ быть произведенными на нихъ посягательствъ. Право годится, однако, лишь для здороваго организма, оно не въ состоянiи уврачевать внутреннiя болѣзни государства, оно не можетъ бороться съ нравственнымъ вырожденiемъ общества. Поэтому Ксенофонтъ требуетъ для государства дѣйствительныхъ, а не паллiативныхъ средствъ. Сами учрежденiя государства должны побуждать гражданъ поступать правомѣрно. Съ этой точки зрѣнiя Ксенофонтъ расширяетъ сферу дѣятельности государства, требуетъ широкой постановки общественнаго воспитанiя гражданъ, которое вырабатывало бы въ воспитываемыхъ гражданскую этику. Такой принципъ былъ положенъ въ основу государственнаго строя Ликурга, строя, который, по словамъ Ксенофонта, пользуется всеобщимъ признанiемъ, но нигдѣ не находитъ подражанiя. Этотъ-то строй Ксенофонтъ и ставитъ въ основу своего идеальнаго государства (Лакедэм. пол. 1, 2, 10; 3, 1; 6, 1; 7, 1; 10, 8).

Законы всѣхъ, или большинства греческихъ государствъ предоставляютъ каждому воспитывать своихъ дѣтей по своему желанiю; и даже взрослымъ позволяется жить такъ, какъ они хотятъ, лишь бы они не совершали никакихъ преступленiй. Напротивъ, персидскiй законъ заботится о томъ, чтобы у гражданъ и въ мысляхъ не было совершить какое-либо дурное или постыдное дѣянiе (Воспит. Кира, I, 2, 2—3). То же преслѣдовалъ Ликургъ, налагавшiй наказанiе на всякаго, кто пренебрежетъ своимъ нравственнымъ воспитанiемъ. Ликургъ разсуждалъ такъ: воръ и грабитель приносятъ вредъ только потерпѣвшимъ, а дурные и трусливые люди наносятъ ущербъ всему государству (Лак. пол. 10, 4—7). Но какъ усовершенствовать гражданъ? Точно опредѣленной и санкцiонированной государствомъ системой воспитанiя, законоположенiями, регулирующими весь образъ жизни гражданъ (Восп. Кира, I, 2, 6. Лак. пол. 2, 1—2). То государственное воспитанiе, какое существовало въ Персiи не прекращалось и позже. Оно обнимало всѣ ступени человѣческаго возраста, и даже старцы имѣли извѣстныя предписанiя, обязывавшiя ихъ выполнять лежащiя на нихъ обязанности. То же было и въ Спартѣ (Восп. Кира I, 2, 5. Лак. пол. 3, 2; 4, 1, 7; 10, 1). Но прежде всего, конечно, общественное воспитанiе должно касаться юношей (Восп. Кира, I, 2, 6. Лак.

пол. 3, 2). Находясь подъ наблюденіемъ особо приставленныхъ мужей, юноши должны были соблюдать строгую нравственность. Самое серьезное вниманіе обращено было на военное образованіе, подготовительной школой для котораго служила охота (Восп. Кира, I, 2, 10. VIII, 1, 34—36. Лак. пол. 4, 7). Лица, переступившія юношескій возрастъ, зрѣлые мужи, находились въ распоряженіи у высшихъ магистратовъ, должны были оказывать имъ соотвѣтствующія услуги, а на войнѣ составляли отрядъ тяжеловооруженныхъ (Восп. Кира, I, 2, 5—13. VIII, 5, 22). Старики были освобождены отъ участія въ военной службѣ, исправляли обязанности совѣтниковъ и судей, замѣщали магистратуры и слѣдили за выполненіемъ обязанностей, налагаемыхъ на юношей и зрѣлыхъ мужей (Восп. Кира, I, 2, 14. 5, 5. Лак. пол. 3, 3; 10, 7).

Не будемъ излагать картину персидскаго государственнаго строя, набросанную Ксенофонтомъ. Достаточно отмѣтить, что этотъ строй представляется Ксенофонту аристократическимъ, чему ни мало не препятствуетъ существованіе у персовъ наслѣдственной монархіи, такъ какъ царь у нихъ является лишь первымъ слугою государства, дѣйствующимъ по закону, а не по произволу (Восп. Кира, I, 3, 18). Персидская монархія, какъ ограниченная закономъ, основана на принципѣ равенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она является и этическою организаціею, такъ какъ всѣ ея институты направлены на то, чтобы развить въ гражданахъ нравственную добродѣтель и силу (Восп. Кира, I, 2, 5. V, 2, 20), которая и служитъ основнымъ мѣриломъ всѣхъ политическихъ правъ.

Искусство управлять людьми—самое сложное искусство. Но имъ можно овладѣть, если подкрѣпить его необходимымъ знаніемъ (Восп. Кира, I, 1, 3). Оно сводится къ тому, что правитель долженъ быть богобоязненнымъ, справедливымъ, нравственно-чистымъ, честнымъ, храбрымъ, владѣющимъ собою (Восп. Кира, VIII, 1, 21—39). Далѣе, не только самъ правитель долженъ быть добродѣтельнымъ, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы и его поданные были добродѣтельны (Восп. Кира, I, 6, 7. II, 1, 11. VIII, 1, 10). Достигнуть этого можно воспитательной силою примѣра (Восп. Кира, V, 5, 16. VIII, 1, 8. 8, 5). Затѣмъ, правитель можетъ развить въ своихъ подданныхъ добро-

дѣтель и тогда, если онъ будетъ награждать заслуги, поощрять нравственныя качества и всячески возбуждать среди подданныхъ соревнованіе къ усвоенію ихъ (Восп. Кира, II, 2, 17—21. VIII, 1, 39). Наконецъ, это достигается, по возможности, тѣмъ, что правитель принимаетъ личное участіе въ управленіи, ибо онъ ни что иное, какъ «зрячій законъ»; онъ не только даетъ приказанія, но и наблюдаетъ за исполненіемъ ихъ, карая ослушниковъ. Правитель, удовлетворяющій всѣмъ этимъ требованіямъ—другъ и благодѣтель народа, его отецъ и пастырь. Онъ дѣлаетъ подданныхъ счастливыми, и такъ какъ подчиняются ему добровольно, то онъ и самъ наслаждается счастьемъ (Восп. Кира, I, 1, 3, 6, 22. V, 1, 24. VIII, 1, 4 и др.).

Ксенофонтъ не былъ ни историкомъ, ни политикомъ - философомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вся жизнь Ксенофонта, вся его дѣятельность, по справедливому замѣчанію Гомперца [1]), носитъ дилетантскій характеръ. Онъ постоянно брался за выполненіе такихъ вещей, до которыхъ вполнѣ не доросъ. То же случилось и съ его политической доктриной. Его политическіе взгляды сбивчивы и нестройны, но основная точка зрѣнія Ксенофонта ясна: это—отрицательное отношеніе къ демократическимъ учрежденіямъ Аѳинъ. Въ этомъ отношеніи Ксенофонтъ приближается къ своему великому современнику Платону, но и только въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ какъ Платонъ противополагалъ демократіи съ ея дѣйствительными и мнимыми отрицательными чертами государственный и общественный идеалъ величайшей оригинальности (объ этомъ ниже), Ксенофонтъ искалъ и нашелъ этотъ идеалъ въ фактически существовавшихъ въ его время формахъ государственнаго строя, не считаясь съ тѣмъ, были ли онѣ греческими или не-греческими, носили ли онѣ монархическую или демократическую окраску. Для Ксенофонта важно было только то, что его идеалъ уклонялся возможно далеко отъ характерныхъ свойствъ нелюбезной его сердцу аѳинской демократіи. Будучи недоволенъ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ въ его время находились Аѳины, Ксенофонтъ ищетъ средствъ поправить дѣло, и такими средствами ему представляются: введеніе и поддержаніе суровой дисциплины,

---

1) Griech. Denker, II, 96.

устройство строго разграниченной чиновничьей іерархіи, необходимость отвѣтственности магистратовъ предъ центральной властью, необходимость строгаго раздѣленія труда. Всѣ эти требованія Ксенофонтъ формулируетъ съ настойчивостью, сильно отличающейся отъ обычныхъ греческихъ воззрѣній.

Подъ именемъ Ксенофонта слыветъ также небольшой трактатъ «Доходы». Въ немъ предлагаются реформы для улучшенія матеріальнаго благосостоянія Аѳинъ; на этомъ трактатѣ мы, въ виду его спеціальнаго характера, не находимъ нужнымъ, останавливаться. Перейдемъ къ Исократу.

Исократъ (436—338), такъ же какъ и Ксенофонтъ, не былъ философомъ въ истинномъ смыслѣ. Это—ораторъ, который усматриваетъ, по примѣру софистовъ, сущность своего искусства въ томъ, чтобы, при помощи его, имѣть возможность трактовать объ однихъ и тѣхъ же предметахъ различно—высокое изображать низкимъ, малое—великимъ, далекія событія освѣщать съ современной точки зрѣнія и, наоборотъ, современныя событія представлять въ плоскости далекаго прошлаго (Панегирикъ, 8). Ни къ психологической мотивировкѣ, ни къ логическому обоснованію выставляемыхъ въ своихъ рѣчахъ положеній Исократъ не стремился, но объ этикѣ ихъ онъ заботился. Это-то и сближаетъ Исократа съ сократовцами. Всѣ почти рѣчи Исократа преслѣдуютъ этическія цѣли (Объ обмѣнѣ имуществъ, 6), и если этика Исократа не поражаетъ насъ научной глубиной (въ чемъ онъ—полная противоположность Сократу), то, во всякомъ случаѣ, его рѣчи проникнуты духомъ сократовской *καλοκαγαθίας*.

Предметомъ рѣчей Исократа, по его собственному заявленію, служитъ нѣчто великое и достойное; его занимаютъ не ничтожные предметы софистической микрологіи, но вопросы высшей политики; его интересуютъ не спорные вопросы изъ области гражданскаго права, но великія проблемы государственнаго строя и принципы общественнаго благосостоянія (тамъ же, 3. 46. 48. 276). Въ этомъ отношеніи Исократъ стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ Ксенофонтомъ. И онъ стремится выяснить задачи, предлежащія государству, борится противъ зафиксированныхъ законами правовыхъ нормъ, стоитъ за живой обычай. Государственная организація, по Исократу, представляетъ собою опредѣленный институтъ, воздвигнутый на этическихъ принци-

пахъ. Ошибочно думать, замѣчаетъ Исократъ (Ареопаг. 39 сл.), будто наилучшіе люди были тамъ, гдѣ законы были установлены съ наибольшею опредѣленностью; вѣдь, при такомъ положеніи, ничто не препятствовало бы тому, чтобы всѣ народы были одинаково хороши, такъ какъ нетрудно поддерживать въ взаимныхъ отношеніяхъ писанные законы. Но добродѣтель, очевидно, обусловливается не этимъ, а принципами, регулирующими нашу повседневную жизнь, такъ какъ бо̀льшая часть этихъ принциповъ развивается въ соотвѣтствіи съ обычаями, которыми они вызваны. Далѣе, если законовъ много и они точно формулированы, то это служитъ указаніемъ на то, что положеніе того или иного государства ненормальное. Когда ищутъ врачебныхъ средствъ противъ совершенія преступленій, то бываютъ вынуждены издавать массу законовъ. Истинные граждане, напротивъ, не должны заполнять свои портики писанными законами, они должны носить справедливость въ своихъ сердцахъ. Вѣдь хорошее состояніе государства покоится не на тѣхъ или иныхъ постановленіяхъ, а на добрыхъ нравахъ; и кто плохо воспитанъ, тому ничего не стоитъ обойти даже точно формулированные законы; кто же получилъ хорошее воспитаніе, тотъ охотно будетъ соблюдать и простыя правила. Такимъ образомъ, задача государственной мудрости должна заключаться не въ наказаніи нарушителей общественнаго порядка, но въ отысканіи такихъ средствъ, которыя дѣлали бы невозможнымъ самое совершеніе поступковъ, достойныхъ наказанія. Эти принципы государственной мудрости нашли себѣ олицетвореніе въ государственномъ строѣ древнихъ Аѳинъ. Предки того поколѣнія, которое дало намъ героевъ Персидскихъ войнъ, говоритъ Исократъ (Панегирикъ, 78), заботились, при изданіи законовъ, о томъ, чтобы они были точно и хорошо формулированы, и не столько законы, касающіеся отношеній въ области частнаго права, сколько тѣ законы, которые имѣли въ виду обычаи повседневной жизни. Предки наши знали, что для почтенныхъ и добродѣтельныхъ мужей вовсе не нужно многихъ писанныхъ законовъ, но что немногія общепризнанныя основоположенія достаточны для того, чтобы обезпечить правильность въ частномъ и государственномъ быту. Та же мысль проводится Исократомъ въ его «Панаѳинэйской рѣчи» (144): при основаніи древней (аѳинской) демократіи законы писались въ теченіе немногихъ дней;

законы эти не походили на тѣ, что въ дѣйствіи теперь, и не были до того запутаны и противорѣчивы, такъ что среди нихъ трудно отличить болѣе необходимые отъ менѣе необходимыхъ. Въ старину законовъ было немного, но достаточно для тѣхъ, кто ими долженъ былъ пользоваться; законы были легко обозримы; въ нихъ не было противорѣчій; особенно тщательно были разработаны тѣ законы, которые имѣли въ виду образъ жизни всего народа, а не тѣ, которые касались правовыхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ.

Итакъ, подобно тому, какъ Ксенофонтъ усматривалъ образецъ идеальнаго греческаго государства въ Спартѣ, такъ Исократъ такимъ идеаломъ считалъ древнія Аѳины. Онъ большой поклонникъ аѳинской демократіи. Реформы Солона и Клисѳена являются, въ его представленіи, наиболѣе справедливыми и полезными, потому что онѣ касались моральной и соціальной жизни гражданъ и заботились о воспитаніи въ народѣ нравственнаго духа. Орудіемъ этого служилъ ареопагъ. Ареопагъ, говоритъ Исократъ (Ареопаг., 36 сл.), посвящалъ свои заботы всѣмъ гражданамъ, но преимущественно молодымъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что молодежь полна страстныхъ порывовъ, что она нуждается, по преимуществу, въ воспитаніи, при помощи благородныхъ занятій и побужденій, связанныхъ съ удовольствіемъ. Вѣдь свободенъ лишь тотъ, въ комъ внѣдренъ достойный образъ мыслей, и то только послѣ завершеннаго воспитанія. Однако устроить для всѣхъ молодыхъ гражданъ одни и тѣ же занятія было невозможно, такъ какъ они были неравны по своему имущественному положенію. Поэтому приходилось выбирать для каждаго занятія, подходящія къ его положенію. Тѣ, кто находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, предназначались къ земледѣлію и торговлѣ, въ томъ предположеніи, что недостатокъ зависитъ отъ ничегонедѣланья, а отъ послѣдняго возникаетъ испорченность. Истребляя корни зла, ареопагъ надѣялся тѣмъ самымъ предохранить молодыхъ людей отъ тѣхъ проступковъ, которые вызываются испорченностью. Молодые же люди, обладавшіе достаточными средствами, должны были заниматься верховой ѣздой, охотой, науками. Ареопагъ зналъ, что одни изъ молодыхъ людей, благодаря этимъ занятіямъ, найдутъ случай отличиться, другіе сумѣютъ воздержаться отъ совершенія дурныхъ поступковъ. Даже и надъ гражданами

зрѣлаго возраста, надъ вступавшими въ государственную жизнь, ареопагъ продолжалъ наблюдать. Вообще древнія Аѳины имѣли въ ареопагѣ могущественное орудіе для поддержанія въ государствѣ здоровыхъ началъ моральной и соціальной жизни. Но ареопагъ заключалъ въ себѣ не только этическій элементъ, а также и элементъ аристократическій, значеніе котораго Исократъ также ставитъ очень высоко, и не потому только, что онъ отдавалъ предпочтеніе олигархическому строю; ему кажется противоестественнымъ, чтобы большинство подчинялось меньшинству (Панегир. 105). Исократъ твердо стоитъ на демократическомъ принципѣ равенства. Но онъ устанавливаетъ два вида равенства: при одномъ одно и то же удѣляется всѣмъ, и хорошимъ и дурнымъ, при другомъ— каждому воздается по заслугамъ. Первый принципъ равенства находитъ свое удовлетвореніе въ замѣщеніи магистратуръ по жребію, второй—по избранію (Ареопаг. 21 сл. Никоклъ, 14). Исократъ требуетъ суверенной власти народа (Ареопаг. 26), но онъ признаетъ только такую демократію, которая «смѣшана» съ аристократіей, которая допускаетъ къ власти не первыхъ лучшихъ, но лучшихъ и добродѣтельнѣйшихъ (Панаѳ. 131. 153 сл. Ареопаг. 61).

Подобно Ксенофонту, Исократъ пытался дать и идеальный образъ правителя въ своихъ рѣчахъ «Къ Никоклу», «Никоклъ» и «Евагоръ». Монархія, бывшая ранѣе единственною формою государственнаго строя у грековъ и у варваровъ (Панаѳ. 119), стала немыслимой наряду съ развитіемъ понятія свободы. Тогда монархія была ограничена, какъ въ Спартѣ, конституціей и законами, или совершенно исчезла. Въ своемъ естественномъ и узаконенномъ видѣ монархическій строй удержался только у варваровъ и въ пограничныхъ областяхъ эллинской культуры, напр., у Гераклидовъ въ Македоніи и у Эакидовъ на Кипрѣ. Кипрскую монархію Исократъ и имѣетъ въ виду въ упомянутыхъ сочиненіяхъ. Въ идеальномъ образѣ монарха, рисуемомъ Исократомъ, мы встрѣчаемся съ тѣми же основными положеніями, какія отмѣчаетъ Ксенофонтъ. Царская власть не является удѣломъ каждаго; ея задача—великая задача (Къ Никоклу, 6). Царь долженъ прежде всего обладать развитымъ интеллектомъ и знаніями, долженъ отличаться ими среди своихъ подданныхъ. На этихъ свойствахъ основывается добродѣтель царя, и ею царь

долженъ руководиться въ своемъ властвованіи (Къ Никоклу, 10. 24. Еваг. 41 сл. 78. 80). Царь, всилу своего исключительнаго положенія, долженъ выдаваться между всѣми своею добродѣтелью и нравственными качествами (Къ Никоклу, 11. 20. Никоклъ, 38), долженъ служить образцомъ для подданныхъ, долженъ быть наиболѣе дѣйствительнымъ и обязательнымъ закономъ для нихъ (Къ Никоклу, 31. Никоклъ, 37). Какъ наилучшій, царь долженъ быть преисполненъ желанія дать лучшія установленія и законы, долженъ выбирать наилучшихъ законодателей и магистратовъ, долженъ любить свой народъ и заботиться о его благѣ (Къ Никоклу, 14 сл. 53). Онъ будетъ хорошо править народомъ въ томъ случаѣ, если не будетъ обходиться съ народной массой надменно, но и ей не позволитъ нагличать, если онъ будетъ предоставлять почетныя мѣста въ государствѣ наиболѣе добродѣтельнымъ и т. д. (Къ Никоклу, 15 сл. 21).

Не слѣдуетъ переоцѣнивать значенія развиваемыхъ Исократомъ положеній! Нужно помнить всегда, что онъ былъ болѣе ораторомъ, чѣмъ политикомъ, и врядъ ли можно усматривать въ его рѣчахъ какую-либо программу общеэллинской національной идеи, которую онъ хотѣлъ, яко бы, противопоставить партикуляристическому строю греческихъ государствъ-городовъ. Но если даже смотрѣть на рѣчи Исократа исключительно какъ на образцы греческой публицистики, все-таки нужно признать, что онъ въ нихъ очень рѣшительно и выразительно проводитъ этическіе принципы въ духѣ сократовской философіи.

О томъ, насколько вообще важно было значеніе Сократа и въ области политики, какъ науки о государствѣ, всего лучше свидѣтельствуетъ тотъ интересъ, какой проявляютъ къ политикѣ т. н. сократовскія философскія школы, особенно киническая и киренская. Основателю кинической школы Антисѳену (род. въ половинѣ V в.) древней традиціей приписываются слѣдующіе трактаты на политическія темы: «О законѣ или о государственномъ строѣ», «Менексенъ или о властвованіи», «Киръ или о царской власти». Ученикъ Антисѳена, Діогенъ Синопскій (ум. въ 323 г.) написалъ трактатъ «Политія». Въ философіи Антисѳена своеобразно переплетается индивидуалистическая точка зрѣнія съ признаніемъ, въ качествѣ универсальнаго мірового и жизненнаго принципа, общей, повсюду

равномѣрно дѣйствующей природы. Природа является въ глазахъ Антисѳена высшимъ мѣриломъ жизни мудреца, общимъ ея принципомъ, но этотъ принципъ получаетъ свое значеніе и осуществляется только въ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ мудреца. Мудрецъ занимаетъ изолированное положеніе въ государствѣ и въ обществѣ, у него свои права и свои обязанности по сравненію съ обязанностями, налагаемыми законами государства. Законъ мудреца—законъ добродѣтели. Мудрецъ самодовлѣетъ себѣ въ своей индивидуальной, добродѣтельной дѣятельности; для нея не существуетъ опредѣленныхъ границъ. И то положеніе софиста Гиппія, что всѣ, отъ природы равные или подобные люди, родственны между собою, возводится Антисѳеномъ въ тотъ принципъ, что всѣ справедливые или мудрые связаны между собою тѣсными узами (Лаэрт. Діог. VI, 11. 12). Послѣдующіе киники считали для себя вообще неприемлемымъ исполненіе гражданскихъ обязанностей; это и привело, напримѣръ, Діогена къ утвержденію, что вся земля служитъ ему отечествомъ, ибо все принадлежитъ мудрецу. Такой космополитическій принципъ долженъ былъ повести къ отрицанію вообще нормально устроеннаго государства. Для киниковъ идеаломъ государства является человѣческое стадо, не знающее ни границъ, ни законовъ, ни семьи, ни собственности.

Киренаики, въ противоположность киникамъ, исходятъ исключительно изъ индивидуальнаго «сенсуализма», примыкая въ этомъ отношеніи ближе всего къ ученію Протагора. Если киренаики расходились рѣшительно съ киниками въ своихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія, то и тѣ и другіе сходились между собою въ томъ, что мыслящій и добродѣтельно поступающій, а равно и наслаждающійся индивидъ не связанъ никакими установленными рамками государственной жизни, ни ея сложившимися исторически устоями. Человѣческая личность не зависитъ отъ какого-либо особеннаго государственнаго порядка, для нея не существуетъ никакихъ гражданскихъ обязанностей, ничто не должно служить препятствіемъ къ проявленію лично ей присущей добродѣтели.

Прежде чѣмъ перейти къ Платону, мы должны вкратцѣ упомянуть о политическихъ теоріяхъ Ипподама Милетскаго и Фалея Халкедонскаго. Онѣ изложены только въ «Политикѣ» Аристотеля (см. выше стр. 60 сл. 65 сл.), и потому здѣсь мы мо-

жемъ ограничиться краткими замѣчаніями. Чрезъ политическое ученіе Ипподама, направленное противъ демократіи въ ея чистомъ видѣ, проходитъ, несомнѣнно, этическій принципъ, что роднитъ Ипподама со всѣми его предшественниками. Наоборотъ, у Фалея выступаютъ на первый планъ соціальныя тенденціи, сказывающіяся въ проектируемыхъ Фалеемъ уравненіи собственности, отрицаніи ремесленнаго труда, который долженъ быть переданъ государственнымъ рабамъ и т. п.

V.

Платонъ.

Величайшій изъ учениковъ Сократа и непримиримый врагъ софистовъ Платонъ, несмотря на то, что онъ, какъ философъ, универсаленъ и стремится дать всеобъемлющую систему философскаго познанія, все-таки, какъ и Сократъ, интересуется, прежде всего, наукою о духѣ, т. е. наукою о человѣческой жизни. И въ этой наукѣ главное вниманіе Платона привлекаетъ этика и политика, тѣснѣйшимъ образомъ у него связанныя въ одно стройное цѣлое. Платонъ понимаетъ политику, какъ своего рода соціальную этику, а эта послѣдняя стоитъ у него въ неразрывномъ соотношеніи съ этикою индивидуальною. Можно сказать, что и соціальная и индивидуальная этика являются лишь различными сторонами практической философіи Платона. Но практическая философія Платона, съ своей стороны, тѣсно связана опять-таки съ его гносеологіей, психологіей, физикой и метафизикой. И только имѣя въ виду эту связь, можно достаточно ясно понять одно изъ главныхъ произведеній платоновскаго творчества, его «Политію».

Мы не имѣемъ въ виду входить въ подробное обсужденіе всѣхъ вопросовъ—и вопросовъ иногда очень сложныхъ и до сихъ поръ окончательно не рѣшенныхъ,—связанныхъ съ «Политіей». Считаемъ излишнимъ передавать въ подробностяхъ и содержаніе діалога [1]). Наша цѣль напомнить основныя положенія «Поли-

---

[1]) Оно достаточно полно изложено въ указанныхъ выше статьяхъ кн. Е. Н. Трубецкого, въ „Исторіи античнаго коммунизма и соціализма" Пёльмана и во всѣхъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ исторіяхъ философіи.

тіи», чтобы затѣмъ имѣть возможность опредѣлить значеніе этого произведенія въ циклѣ другихъ памятниковъ греческой политической литературы [1]).

«Политія» имѣетъ своею задачею изслѣдовать сущность и значеніе справедливости въ жизни индивида и въ жизни государства. Платонъ желаетъ научно опровергнуть мораль неудержимаго эгоизма, мораль, основывающуюся на исключительномъ значеніи важности матеріальныхъ благъ, и доказать, что справедливый лучше, чѣмъ несправедливый, печется о своемъ счастьѣ и въ этой и въ будущей жизни. Чтобы развить это положеніе, Платонъ обращается къ разсмотрѣнію природы государства; чтобы обосновать возникновеніе въ немъ справедливости и несправедливости, чтобы оцѣнить ихъ значеніе для достиженія счастья, Платонъ изображаетъ предъ читателемъ послѣдовательное развитіе сначала совершеннаго государства, а затѣмъ «ошибочныхъ» формъ его строя. Результаты, полученные отъ разсмотрѣнія государствъ, прилагаются къ индивиду, причемъ противопоставляется каждому типу государственнаго строя соотвѣтственная ему психическая организація индивида. Такимъ образомъ, Платонъ отъ политической проблемы переходитъ къ проблемѣ этической.

Содержаніе «Политіи» чрезвычайно богатое и пестрое. Различные вопросы, разбираемые въ діалогѣ, свободно переплетаются другъ съ другомъ, и нелегко опредѣленно указать, въ чемъ заключается главная тема «Политіи», какую цѣль ставитъ себѣ въ ней Платонъ. Чаще всего указывается на то, что «По-

---

[1]) Время сочиненія „Политіи" точно опредѣлено быть не можетъ. Зуземиль (*Genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie*, II, 296) относилъ его къ 380—370 гг., Рэдеръ (ук. соч.) — точнѣе къ 377 г. Можно опредѣленно утверждать одно: окончательная редакція „Политіи" предшествуетъ 367 г., году вступленія на престолъ сиракузскаго тирана Діонисія Младшаго.—Лучшія изданія „Политіи" съ комментаріями принадлежатъ англичанамъ: Jowett'у и Campbell'ю (Oxford 1894, 3 тома) и J. Adam'у (Cambridge 1902, 2 тома). Прекрасный обзоръ содержанія „Политіи" съ комментаріемъ далъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ философіи Платона, Const. Ritter, 1909; во II т. сочиненія его „Platon, sein Leben, seine Schriften, seine Lehre", имѣющій скоро появиться въ свѣтъ, войдетъ и разборъ „Политіи" и другихъ произведеній Платона, разсматриваемыхъ въ настоящемъ очеркѣ.—На русскій языкъ „Политія" переведена г. Карповымъ (часть III его перевода сочиненій Платона), Спб. 1863.

литія» имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, дать конструкцію идеальнаго государственнаго строя, что на это указываетъ самое заглавіе діалога «Политія», т. е. государство, точнѣе государственный строй[1]). Но въ самой «Политіи» тема ставится иначе. Исходная ея точка—вопросъ, какъ опредѣлить справедливость, дѣлаетъ ли обладаніе ею людей счастливыми. Исходя изъ обсужденія идеальнаго государственнаго строя, Платонъ старается, путемъ разсмотрѣнія болѣе сложныхъ отношеній, облегчить пониманіе менѣе сложныхъ, чтобы тѣмъ самымъ имѣть возможность опредѣленнѣе познать сущность справедливости и правильнѣе ее установить. Вотъ слова Платона (р. 368 е): «Государство есть ли величина бо́льшая, чѣмъ одинъ человѣкъ? Бо́льшая. Такъ что, въ большемъ можетъ быть и справедливости больше, а, слѣдовательно, и изучать ее на большемъ легче. Итакъ, если угодно, мы сначала будемъ изслѣдовать природу справедливости въ государствахъ, а затѣмъ точно такъ же разсмотримъ ее и въ каждомъ индивидѣ, разбирая подобіе большаго въ соотвѣтствующемъ ему свойствѣ меньшаго... Если мы разсмотримъ въ нашемъ разсужденіи вопросъ о томъ, какъ зарождается государство, то увидимъ, какъ зарождается въ немъ справедливость и несправедливость». И въ другихъ мѣстахъ «Политіи» (напр., 472 b сл. 484 а—b) указывается, что вопросъ о государственномъ строѣ въ діалогѣ вовсе не является исходною точкою.

Изъ этого, конечно, нельзя было бы заключать, что такъ обстояло дѣло и для самого Платона. Въ духѣ его философскаго метода было выбирать исходную точку своихъ разсужденій такимъ образомъ, что она, повидимому, далеко отстоитъ отъ главной темы. Если и согласиться съ тѣмъ, что вопросъ объ идеальномъ государственномъ строѣ живо интересовалъ самого Платона, какъ онъ интересовалъ всего болѣе и его читателей, въ томъ числѣ и Аристотеля (см. выше стр. 39 сл.), то, во всякомъ случаѣ, нельзя же отвергать того, что вопросъ о справедливости

---

[1]) Этому аргументу едва ли есть серьезное основаніе придавать рѣшающее значеніе. Вспомнимъ, что заглавіе другого платоновскаго шедевра „Пиръ". Однако, на основаніи этого заглавія никому еще не вздумалось утверждать, будто главнымъ предметомъ „Пира" служитъ описаніе той пирушки, во время которой ведутся бесѣды объ Эросѣ.

трактуется въ «Политіи» съ большою обстоятельностью и очень ясно обозначается въ формальной диспозиціи діалога, какъ собственно его главный предметъ. Поэтому мы склоняемся къ взгляду тѣхъ изслѣдователей, по мнѣнію которыхъ главная цѣль «Политіи» заключается въ томъ, чтобы представить раціональное обоснованіе для общей этики, какъ соціальной, такъ и индивидуальной, чтобы доказать полную связь между тою и другою. Если стать на такую точку зрѣнія, то нетрудно отыскать единство и въ композиціи всего діалога и бо̀льшую или меньшую одновременность его составленія. Неравномѣрность плана «Политіи» проще всего объяснять отличительнымъ свойствомъ писательскаго творчества Платона, у котораго зачастую самыя глубокія мысли выступаютъ какъ бы случайно [1]). Да и вообще въ сужденіяхъ о Платонѣ очень полезно не терять изъ виду, что онъ столь же глубокій мыслитель, сколько и удивительный художникъ слова.

То обстоятельство, что въ «Политіи» имѣется такое длинное отступленіе отъ главной темы (о справедливости), посвященное разсмотрѣнію идеальнаго государства, не должно насъ удивлять. Такое же отступленіе, занимающее бо̀льшую половину всего діалога, имѣется въ «Софистѣ» (237 b—264 b).

Кажется, можно съ безошибочностью утверждать, что вопросъ объ идеальномъ государствѣ не былъ для Платона вопросомъ первоначальнымъ. Онъ только постепенно выступилъ на первый планъ и занялъ такое центральное мѣсто во всемъ діалогѣ, что какъ бы заслонилъ собою его основную тему. Тѣмъ не менѣе, если читать «Политію» безъ заранѣе составленнаго себѣ предубѣжденія касательно ея главной темы, то можно, кажется, убѣдиться, что Платонъ всѣ свои разсужденія объ идеальномъ государственномъ строѣ и о государствѣ вообще вводитъ исключительно ради выясненія вопроса о справедливости. Въ первой книгѣ «Политіи» ставится опредѣленно вопросъ: что та-

---

[1]) Вотъ что говоритъ Const. Ritter, *Platon*, I, 275: „Платонъ намѣренно заставляетъ своихъ читателей воспринимать съ удобствомъ не готовые результаты, но онъ желаетъ побудить своихъ читателей продѣлать ту же умственную работу, какую онъ продѣлалъ самъ . . . Платонъ желаетъ, чтобы его не читали, но изучали.

кое справедливость, и вся эта книга, равно какъ первыя девять главъ второй книги, содержатъ изслѣдованіе о справедливости. Оно ведется примѣрно въ томъ же духѣ, въ какомъ изслѣдуются въ другихъ, меньшихъ по объему, діалогахъ опредѣленіе другихъ добродѣтелей. Противникомъ Сократа, главнаго дѣйствующаго лица въ «Политіи», является здѣсь софистъ Ѳрасимахъ, опредѣляющій справедливость, какъ право болѣе сильнаго. Послѣ различныхъ попытокъ установить понятіе справедливости, Сократъ предлагаетъ, ввиду трудности опредѣлить это по отношенію къ индивиду, попытаться выяснить понятіе справедливости въ приложеніи къ болѣе крупной единицѣ, чѣмъ и дается переходъ къ построенію идеальнаго государства. Вторая книга, начиная съ десятой главы, вся третья и начало четвертой до пятой главы, рисуютъ предъ читателемъ основаніе и организацію такого государства, въ которомъ олицетворяется идея справедливости. Главнымъ образомъ, въ указанномъ отдѣлѣ «Политіи» рѣчь идетъ о воспитаніи «стражей» государства, такъ какъ это воспитаніе является для существованія государства важнѣйшимъ предметомъ. Покончивъ съ вопросомъ о воспитаніи «стражей», Платонъ снова возвращается къ поставленной въ началѣ діалога темѣ о справедливости и опредѣляетъ ее по отношенію къ индивиду. Но возникаетъ новый вопросъ: чтó полезнѣе — справедливость или несправедливость. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, правильно и на началахъ справедливости организованному государству противополагаются «ошибочныя» формы государственнаго строя. Въ началѣ пятой книги «Политіи» Сократъ намѣренъ продолжать начатое обсужденіе этихъ «ошибочныхъ формъ», но одинъ изъ собесѣдниковъ, Полемархъ, проситъ Сократа развить полнѣе то, на чтó онъ ранѣе лишь намекнулъ, именно — дать картину государства, въ которомъ отсутствуетъ частная собственность, и Сократъ развиваетъ сначала теорію объ общности женъ и дѣтей, а затѣмъ говоритъ о воспитаніи будущихъ властителей государства, т. е. философовъ. Все это занимаетъ пятую, шестую и седьмую книги «Политіи». Въ восьмой и девятой книгахъ снова идетъ рѣчь объ «ошибочныхъ» формахъ государственнаго строя: тимократіи, олигархіи, демократіи и тиранніи, въ противоположность такому государству, гдѣ правятъ философы. Истинное счастье достижимо только для философа, какъ правителя госу-

дарства; ему противополагается тираннъ. Описаніемъ наградъ за справедливость, занимающимъ десятую книгу «Политіи», діалогъ заканчивается. Такова схема «Политіи».

Если даже и согласиться съ тѣмъ, что главная тема «Политіи» посвящена вопросу о справедливости, а не вопросу объ идеальномъ государствѣ, иными словами, если на «Политію» смотрѣть», главнымъ образомъ, какъ на трактатъ этическій, а не какъ на трактатъ политическій, все же вопросы, касающіеся государства и его строя, занимаютъ въ «Политіи» такое значительное и важное мѣсто, что понятнымъ становится то разногласіе въ опредѣленіи главной темы діалога, какое существовало еще въ самой древности, какъ на это опредѣленно указываетъ новоплатоникъ Проклъ (жилъ въ началѣ V в. по Р. Хр.) въ своемъ обширномъ комментаріи къ «Политіи» [1]. Не будемъ разбирать тѣхъ доводовъ, которые приводитъ въ пользу того и другого мнѣнія Проклъ и которые, съ тѣми или иными модификаціями, повторяютъ, въ сущности, и новые ученые. Вопросъ, строго говоря, остается не рѣшеннымъ и врядъ ли когда-либо будетъ окончательно рѣшенъ. Кто знаетъ, можетъ быть, для самого Платона, когда онъ писалъ «Политію», вопросъ этотъ и не имѣлъ того значенія, какое ему склонны придавать въ настоящее время. Одно, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію: обѣ темы — и опредѣленіе справедливости, и конструкція идеальнаго государства на началахъ справедливости — были до такой степени тѣсно объединены въ сознаніи Платона, что трактовать одну тему безъ связи съ другою было для него невозможно. И та этическая основа, которая проникала и раньше греческое политическое мышленіе, въ «Политіи» Платона достигла своего высшаго и полнаго завершенія. Во имя осуществленія идеи справедливости Платонъ предлагаетъ установить въ своемъ государствѣ раздѣленіе труда, общность женъ, дѣтей и собственности, дозволить женщинамъ принимать участіе въ государственной жизни, поручить управленіе государствомъ философамъ и т. п. Платонъ настолько ригористиченъ въ стремленіи насадить справедливость въ своемъ государ-

---

[1] Лучшее изданіе этого комментарія Kroll'я (Лейпцигъ 1899—1901) въ 2 томахъ.

ствѣ, что онъ не останавливается предъ посягательствомъ на такіе общепризнанные для грека авторитеты, какъ Гомеръ и Гесіодъ: онъ изгоняетъ ихъ изъ программы воспитанія «стражей».

Платонъ въ «Политіи» ищетъ идею справедливости. Лишь только онъ ее находитъ, онъ предначертываетъ для людей новый соціальный порядокъ. Государство призвано создать и охранять среди людей справедливость. Но для этого оно должно само себя сдѣлать справедливымъ. Когда люди будутъ справедливы, тогда и законы будутъ соотвѣтствовать праву, и тогда создастся нѣчто высшее, чѣмъ государство, основанное на правѣ, создастся государство, основанное на справедливости.

Покойный Вл. С. Соловьевъ, бывшій большимъ поклонникомъ Платона, незадолго до своей смерти почувствовавшій «неодолимое влеченіе окунуться снова и глубже прежняго въ этотъ вѣчно-свѣжій потокъ юной, впервые себя опознавшей философской мысли», относился вполнѣ отрицательно къ проекту идеальнаго государства, данному Платономъ въ «Политіи». «Не смотря на глубину, смѣлость и возвышенность многихъ частныхъ мыслей, общій идеалъ соціальнаго строя у Платона поражаетъ своимъ поверхностнымъ и низменнымъ характеромъ. Вмѣсто исправленія основныхъ аномалій древней жизни, мы видимъ ихъ философское узаконеніе. Въ «Политіи» Платона увѣковѣчены: всевластіе государства надъ человѣкомъ, рабство, раздѣленіе между греками и варварами и война между ними—въ качествѣ нормальнаго состоянія. Вмѣсто сближенія дѣйствительности съ безусловнымъ идеаломъ, практическій идеализмъ Платона представляетъ, въ сущности, лишь идеализацію извѣстныхъ весьма условныхъ сторонъ и явленій наличной жизни. Намѣренно удаляясь отъ демократическаго строя Аѳинъ, мнимоидеальный строй Платоновой «Политіи» столь же намѣренно приближается къ аристократическому строю Спарты, причемъ онъ не только не возвышается въ общемъ и существенномъ надъ исторической дѣйствительностью, но иногда падаетъ ниже ея, указывая образцы для человѣка въ дикомъ способѣ жизни по обычаю звѣриному (общность женъ). И на этихъ реальныхъ основахъ: поглощеніи личности обществомъ, рабствѣ, войнѣ и безнравственныхъ отношеніяхъ между полами и поколѣніями—коллегія философовъ, путемъ раціональнаго воспитанія, должна создать иде-

альное государство» [1]). Думается, такое отрицательное отношеніе Вл. С. Соловьева къ проекту идеальнаго государства въ «Политіи» сложилось у него вслѣдствіе того, что онъ пожелалъ выдѣлить этотъ проектъ изъ всего діалога, разсматривать его внѣ зависимости отъ общей руководящей идеи «Политіи» и судить объ этомъ идеалѣ не съ точки зрѣнія грека IV вѣка до Р. Хр., а съ точки зрѣнія философа-моралиста конца XIX столѣтія.

Отъ такого же соблазна взглянуть на платоновскій идеалъ глазами современнаго человѣка не удержался и князь Е. Н. Трубецкой въ своей увлекательной статьѣ «Соціальная утопія Платона» и пришелъ при этомъ къ заключенію, противоположному тому, къ какому пришелъ Вл. С. Соловьевъ. По совершенно справедливому замѣчанію кн. Е. Н. Трубецкого, «въ основѣ соціальнаго и политическаго ученія Платона лежитъ сознаніе той глубокой истины, что одна и та же безусловная цѣль, а стало быть одна и та же правда, должна лежать въ основѣ какъ личной, такъ и общественной жизни. Черезъ весь діалогъ «Политія» красною нитью проходитъ мысль о торжествѣ правды-справедливости въ душѣ и государствѣ: какъ тамъ, такъ и здѣсь правда должна выражаться въ господствѣ и осуществленіи божественнаго, безсмертнаго въ человѣкѣ» [2]). «Вся «Политія»—не что иное, какъ трактатъ о правдѣ-справедливости; а сущность правды именно въ томъ и заключается, чтобы, какъ въ человѣческой душѣ, такъ и въ общежитіи безсмертное начало господствовало надъ смертнымъ» [3]). По мнѣнію кн. Е. Н. Трубецкого, «смыслъ соціальной утопіи Платона—за предѣлами того древняго міра, для котораго философъ былъ «чуждымъ сѣменемъ», болѣе того— за предѣлами его собственныхъ философскихъ построеній. Смыслъ этотъ—не въ томъ государствѣ-городѣ, который онъ нашелъ, а въ томъ вышнемъ городѣ, котораго онъ искалъ». Утопія Платона это—«звѣзда, съ которой путешествовалъ мудрѣйшій изъ волхвовъ» и которая «приводитъ къ яслямъ Спасителя» [4]).

Но какъ самъ Платонъ смотрѣлъ на отдѣльныя детали сво-

[1]) Собраніе сочиненій В. С. Соловьева, IX (Спб. 1907), 217. Ср. также „Жизненная драма Платона". Собр. соч. VIII, 286 сл.

[2]) Вопросы философіи и психологіи, XIX (1908), 11.

[3]) Тамъ же, 32.

[4]) Тамъ же, 185.

его идеальнаго государства? На этотъ счетъ имѣются небезынтересныя указанія въ самой «Политіи». Такъ, по поводу общности женъ и дѣтей, Главконъ спрашиваетъ Сократа, какъ это можетъ быть осуществлено на дѣлѣ. Сократъ отвѣчаетъ (р. 450 с): «Нелегко изслѣдовать это. Вѣдь тутъ много невѣроятнаго, еще болѣе, чѣмъ въ томъ, что мы прежде изслѣдовали. Не повѣрятъ, что рѣчь идетъ о возможномъ, а если и найдутъ это осуществимымъ, то и тутъ не повѣрятъ, что такъ этому быть было бы всего лучше. Оттого-то какъ-то и боязно касаться такихъ вещей, какъ бы все разсужденіе не показалось только однимъ pium desiderium». Нѣсколько ниже Главконъ снова задаетъ Сократу вопросъ о возможности осуществленія его проекта государства. Сократъ отвѣчаетъ (р. 472 a-b): «Внезапно ты сдѣлалъ какъ бы набѣгъ на меня... и наводишь огромнѣйшую и опаснѣйшую волну; узнавъ, въ чемъ дѣло, ты, конечно, извинишь меня, что я, по понятной причинѣ, медлилъ и боялся вести столь странное разсужденіе и не рѣшался на такое изслѣдованіе» и далѣе (р. 473 а): «Не заставляй меня доказывать, что изложенное мною на словахъ непремѣнно должно осуществляться и на дѣлѣ». Послѣ того, какъ проектъ идеальнаго государства окончательно готовъ, Главконъ дѣлаетъ такое заключеніе изъ разсужденій Сократа (р. 592 а): «Понимаю, государство, о которомъ ты говоришь и которое мы устраиваемъ въ нашихъ разсужденіяхъ, существуетъ только на словахъ, а на землѣ, я думаю, нигдѣ его нѣтъ»; на это Сократъ замѣчаетъ: «Но образецъ его, если желаешь его видѣть и по этому видѣнію благоустроить себя, находится, пожалуй, на небѣ. Впрочемъ все равно, существуетъ ли гдѣ такое государство или оно осуществится въ будущемъ, вѣдь только съ нимъ однимъ, и ни съ какимъ другимъ, можно имѣть дѣло». Эти указанія даютъ, повидимому, основаніе заключать, что Платонъ въ то время, когда онъ работалъ надъ «Политіей», не иначе смотрѣлъ на проектъ своего идеальнаго государства, какъ на своего рода утопію.

Правда, обыкновенно указываютъ на то, что Платонъ въ данномъ случаѣ не хотѣлъ оставаться только теоретикомъ, что онъ не прочь былъ осуществить свой планъ и на практикѣ, при этомъ возлагалъ особенныя надежды на сиракузскаго тиранна Діонисія

Младшаго. Доказательство этому усматриваютъ въ седьмомъ письмѣ Платона, адресованномъ Діону, дядѣ Діонисія. Если даже и согласиться съ новѣйшими стремленіями критики доказать подлинность седьмого письма Платона, все же изъ него слѣдуетъ, что не столько самъ Платонъ, сколько его вѣрный почитатель Діонъ мечталъ объ осуществленіи идеала Платона на практикѣ. И вполнѣ естественно допустить, что мечта Діона не только могла, но и должна была увлечь Платона. Вѣдь не столько Платонъ, сколько Діонъ «возлагалъ большія надежды» на Діонисія въ томъ, что онъ можетъ «насадить во всей подвластной ему странѣ счастливую и истинную жизнь» (VII, 327 d). И Платонъ принялъ приглашеніе Діона пріѣхать къ Діонисію для практическаго осуществленія въ Сиракузахъ проекта идеальнаго государства, можетъ быть, не столько потому, что онъ вѣрилъ въ полную возможность осуществленія проекта, сколько потому, что онъ, по его словамъ, всего болѣе стыдился того, какъ бы его не сочли за человѣка, способнаго только разсуждать въ теоріи, но неспособнаго «коснуться до какого-либо дѣла на практикѣ» (p. 328 c). Въ какихъ размѣрахъ Платонъ разсчитывалъ на удачное выполненіе своего проекта цѣликомъ, мы не знаемъ; начать же онъ думалъ съ проведенія въ Сиракузахъ общности имуществъ (p. 337 d).

Въ третьемъ письмѣ Платона, адресованномъ самому Діонисію, Платонъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее (p. 316a): «Ты самъ хорошо знаешь, что я сначала, въ теченіе короткаго времени, вмѣстѣ съ тобою принялся за разработку тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ, въ выполненіи которыхъ я надѣялся принести пользу; не касаясь нѣкоторыхъ мелочей, я особенно ревностно принялся за вступленія къ законамъ» (вступительные параграфы къ законамъ, по-гречески τὰ τῶν νόμων προοίμια). Представляется очень заманчивой мысль Риттера (ук. соч. 123), что нѣкоторые изъ плодовъ этихъ занятій надъ усовершенствованіемъ (или созданіемъ вновь) кодекса законовъ для Діонисія Младшаго, съ незначительными видоизмѣненіями, перенесены были Платономъ впослѣдствіи въ его «Законы» [1]).

---

[1]) Прекрасный комментарій къ „Законамъ“ и обзоръ ихъ содержанія данъ Const. Ritter'омъ (Leipzig 1896). На русскомъ языкѣ имѣется старинный переводъ „Законовъ“ (безъ послѣдней книги) В. Оболенскаго (Москва 1827).

«Законы»—въ 12 книгахъ—самое обширное произведеніе Платона, послѣднее въ хронологическомъ порядкѣ, написанное Платономъ въ пору его старости [1]). В. С. Соловьевъ говоритъ по поводу «Законовъ», что въ нихъ не только не содержится никакого идеальнаго и философскаго элемента, но что они представляютъ «значительное отреченіе Платона отъ принциповъ Сократа и философіи» [2]). О Сократѣ во всемъ діалогѣ нѣтъ и помину. «Общій характеръ и тонъ—низменный и мелочной, варварское уголовное право съ квалифицированною смертною казнью, съ карательнымъ преслѣдованіемъ чародѣевъ и заклинателей, возмутительная несправедливость отдѣльныхъ законовъ».

Неблагопріятно, хотя и не такъ рѣзко, судитъ о «Законахъ» кн. Е. Н. Трубецкой [3]). Указывая на то, что, по признанію самого Платона, государство, начертанное имъ въ «Законахъ», есть государство компромисса, кн. Е. Н. Трубецкой замѣчаетъ, что это «приспособленіе къ дѣйствительности достигается цѣною утраты смысла жизни», что, «самъ того не замѣчая, Платонъ отрекается въ «Законахъ» отъ самаго существеннаго, чтó есть въ начертанномъ имъ идеалѣ—отъ его безусловности».

Нечего и говорить, что «Законы», несмотря на многія великолѣпныя детали, не могутъ быть сравниваемы съ «Политіей» ни со стороны содержанія, ни въ отношеніи формы. Если цѣль «Политіи» идеально-оптимистическая—опредѣлить природу справедливости, то цѣль «Законовъ»—практически-политическая. На первой же страницѣ опредѣляется основная тема діалога «о государственномъ строѣ и о законахъ» (p. 625 a); при этомъ Платонъ имѣетъ въ виду не столько создать что-нибудь новое, сколько приспособиться къ исторически-сложившемуся, посредствомъ введенія въ него относительныхъ улучшеній, такъ что «само идеальное устройство пресуществляется въ государство спартанско-критскаго типа» [4]).

Главное отличіе государства «Законовъ» отъ государства «Политіи» заключается въ томъ, что въ «Законахъ» Платонъ отре-

---

[1]) Въ 357—354 гг. Ср. Raeder, ук. соч. 396.

[2]) Собраніе сочиненій, IX, 219.

[3]) Ук. ст. 164 сл.

[4]) Содержаніе „Законовъ“, въ его существенныхъ и характерныхъ чертахъ, дано въ ук. ст. кн. Е. Н. Трубецкого.

кается отъ проведенія коммунистическихъ началъ (р. 739 с сл.), что придаетъ его идеальному государству въ «Политіи» столь утопическій характеръ. Въ «Законахъ» Платонъ допускаетъ существованіе частной земельной собственности и возвращается къ личному хозяйству и домоводству. Поэтому и принципъ раздѣленія труда не могъ быть проведенъ въ «Законахъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ находитъ свое осуществленіе въ «Политіи»; въ «Законахъ» граждане государства, какъ землевладѣльцы и домохозяева, сами включены въ кругъ экономическихъ интересовъ.

Въ «Законахъ» Платонъ стоитъ на значительно болѣе реальной почвѣ, чѣмъ въ «Политіи». Тѣмъ не менѣе и въ нихъ немало утопическихъ мыслей, хотя бы, напримѣръ, о поддержаніи равенства земельной собственности, о максимумѣ и минимумѣ движимой собственности. Вообще, по своей соціально-экономической основѣ государство «Законовъ» оказывается государствомъ чисто-земледѣльческимъ: оно тщательно избѣгаетъ дѣлать земельную собственность предметомъ торговли и спекуляціи, не допускаетъ того, чтобы граждане государства пріобрѣтали что-нибудь такое, что выходило бы за предѣлы ихъ нормальныхъ потребностей. По своей внутренней организаціи государство «Законовъ» является въ полномъ смыслѣ слова полицейскимъ государствомъ: индивидуальная свобода въ немъ совершенно подавлена, и государство вмѣшивается рѣшительно во все. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Платонъ смотритъ на свое государство, какъ на своего рода педагогическій институтъ для гражданъ: педагогическія заботы государства простираются не только на дѣтскій и юношескій возрасты, онѣ продолжаются въ теченіе всей жизни гражданина. Государство имѣетъ свое оффиціальное искусство, свою оффиціальную религію, свою оффиціальную философію—все это въ застывшихъ формахъ, не допускающихъ никакого прогресса. Идеалъ платоновскаго государства въ «Законахъ»—неподвижность. Въ смыслѣ отличія государства «Законовъ» отъ государства «Политіи» характерно и то, что въ «Законахъ» подчеркивается необходимость соблюденія государственной религіи, въ которой Платонъ усматриваетъ главную опору государства. Что касается политическаго строя государства «Законовъ», то Платонъ самъ заявляетъ, что онъ хочетъ создать нѣчто среднее между монархіей

и демократіей. Демократическіе принципы находятъ свое осуществленіе въ томъ, что всѣмъ полноправнымъ гражданамъ предоставляется участіе во власти законодательной и судебной, въ избраніи магистратовъ, хотя, съ другой стороны, фактическое пользованіе всѣми этими правами обставлено значительными ограниченіями. Для своего государства Платонъ создаетъ очень сложную систему полновластной магистратуры, при помощи которой онъ и разсчитываетъ осуществить во всѣхъ деталяхъ надзоръ и урегулированіе всей жизни гражданъ. «Мы, вѣдь, говоримъ съ людьми, а не съ богами», замѣчаетъ Платонъ (р. 732 е).

Итакъ, между государствомъ «Политіи» и государствомъ «Законовъ»—различіе несомнѣнное, сознаваемое самимъ Платономъ. Но знаменуютъ ли «Законы», которыми Платонъ окончилъ свое философское поприще, «явное отреченіе отъ философскаго смысла»? Рэдеръ, прослѣдившій все «философское развитіе Платона» находитъ, что въ «Законахъ» Платонъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ въ произведеніяхъ своей молодости и зрѣлости, но что онъ «не порвалъ съ своимъ прошлымъ», что онъ въ «Законахъ» изложилъ результаты мышленія и опыта своей «подвижной жизни» (ук. соч. 412 сл.).

Какъ бы то ни было, ясно одно: если въ «Политіи» Платона построеніе идеальнаго государства является какъ бы вкрапленнымъ въ главную тему діалога—разсужденіе о справедливости, то тема «Законовъ», несомнѣнно, трактуетъ о наилучшемъ законодательствѣ въ примѣненіи къ проектируемому государству [1]). Такимъ образомъ, цѣль «Законовъ» куда болѣе, чтобы не сказать исключительно, практическая. Вѣрилъ ли Платонъ въ возможность практическаго осуществленія своего проекта, начертаннаго въ «Законахъ»? Отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ мы не можемъ. Во всякомъ случаѣ, и на свой проектъ въ «Законахъ» Платонъ не смотритъ какъ на нѣчто абсолютное. Хотя необходимо, говоритъ онъ, издавать законы, однако было бы гораздо лучше, если бы можно было этого избѣгнуть (р. 857 е—

---

[1]) По преданію, Платонъ былъ не только теоретикомъ въ области политики, но и практикомъ: нѣкоторыя государства, напримѣръ, Кирена, Ѳивы, Аркадія якобы приглашали его составлять для нихъ законодательные проекты, а нѣкоторые изъ его учениковъ были и фактическими „законодателями“.

859 е, 874 е—875 а). Какъ бы то ни было, при созданіи своихъ проектовъ государствъ и въ «Политіи» и въ «Законахъ» Платонъ остается вѣренъ себѣ въ томъ отношеніи, что и тутъ и тамъ онъ стоитъ на исключительно идеалистической основѣ, мало считаясь съ тѣмъ, насколько возводимыя имъ конструкціи близки къ реальной дѣйствительности, насколько онѣ примѣнимы къ той исторической обстановкѣ, среди которой Платонъ жилъ и мыслилъ. Изъ одного замѣчанія въ «Законахъ» (р. 739 е, ср. 928 е) видно, что Платонъ предполагалъ, вслѣдъ за «Законами», издать третье сочиненіе, посвященное вопросамъ, касающимся государства и законодательства, но этого плана онъ не привелъ, или не успѣлъ привести, въ исполненіе.

Какъ бы эпилогомъ къ «Законамъ» служитъ небольшой діалогъ Ἐπινομίς — Прибавленіе къ «Законамъ»,—трактующій о средствахъ къ воспитанію мудрости. Въ принадлежности этого діалога Платону, однако, большинство ученыхъ сомнѣвается [1]). Зато, несомнѣнно, Платономъ написанъ, въ промежутокъ между «Политіей» и «Законами» (около 364 г.), діалогъ Πολιτικός, «Государственный мужъ» (или «Политическій дѣятель»). Въ немъ Платонъ опредѣляетъ понятіе истиннаго государственнаго мужа, главною задачею котораго служитъ устроить въ государствѣ «правильное смѣшеніе». По сравненію съ «Политіей» въ «Политикѣ» сильнѣе подчеркнутъ монархическій принципъ и замѣтно болѣе мягкое отношеніе къ демократіи, которая ставится выше аристократіи, тимократія же, какъ особая форма государственнаго строя, въ «Политикѣ» не упоминается вовсе.

«Политія» и «Законы» Платона оставляютъ, конечно, за собою позади все то, что̀ до того времени было создано въ области греческой политической литературы. По замѣчанію Виламовица-Мёллендорфа, оба эти произведенія хватаютъ далеко черезъ край того, что́ доступно было пониманію современнаго имъ общества. Мало того, «Политія» и «Законы» останутся вѣчными памятниками политической литературы вообще: въ нихъ

---

[1]) Raeder, ук. соч. 413 сл., высказывается, впрочемъ, за подлинность діалога. Несомнѣнно, Платону не принадлежитъ діалогъ „Миносъ", содержащій поверхностныя разсужденія Миноса, какъ законодателя, о сущности закона.

впервые Платонъ уяснилъ, что происхожденіе, развитіе и крушеніе государствъ и ихъ учрежденій подвержены законамъ эволюціи, что внѣшнія условія жизни людей подчинены извѣстной руководящей силѣ. Однимъ словомъ, проблема государства и его организаціи была Платономъ не только широко поставлена, такъ широко, какъ ее никто еще не ставилъ до него, но и она была разрѣшена Платономъ. Правда, рѣшеніе этой проблемы дано было Платономъ не на фонѣ окружавшей его исторической дѣйствительности, оно значительно перешагнуло эту дѣйствительность, въ «Политіи» опоэтизировало ее. Но, съ другой стороны, Платонъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ духу своей философіи, такъ глубоко взглянулъ въ «Политіи» на всѣ вопросы, касающіеся государства, что онъ неизбѣжно долженъ былъ разойтись, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ радикально, и съ прошлымъ, и съ окружающей его дѣйствительностью. Въ «Законахъ» Платонъ попытался найти компромиссъ между требованіями теоріи и практики, и это стремленіе, неизбѣжно, должно было обезцвѣтить тотъ идеалъ государства, какой Платономъ начертанъ былъ въ «Политіи». Но и въ «Законахъ» Платонъ все же стоитъ ближе къ духу его идеальнаго государства въ «Политіи», нежели къ тѣмъ требованіямъ, какія въ правѣ была предъявлять къ теоріи государства политика, какъ наука о государствѣ. Къ научному обоснованію выставляемыхъ имъ положеній о государствѣ Платонъ не могъ придти, главнымъ образомъ, потому, что эти положенія разбирались имъ исключительно на основѣ этики. Въ глазахъ Платона политика почти всецѣло совпадаетъ еще съ этикою, одна покрываетъ другую. Но если политика, какъ н а у к а о государствѣ, не нашла у Платона своего завершенія, то можно, кажется, смѣло сказать, что это завершеніе было имъ предуготовано. И не будь «Политіи» и «Законовъ» Платона, мы, быть можетъ, не имѣли бы и «Политики» Аристотеля.

VI.

Аристотель.

Аристотель и въ политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ философіи, настолько тѣсно примкнулъ къ мыслямъ Платона, на-

столько воспринялъ представленія, объясненія и методы своего учителя, что относительно общаго имъ обоимъ ученія можно говорить, какъ о платоновско-аристотелевской философіи. Съ другой стороны, по всему направленію своего духовнаго склада Аристотель настолько существенно отличался отъ Платона, что, строя свое ученіе о государствѣ на одномъ съ Платономъ фундаментѣ, онъ воздвигъ совершенно иную, своеобразную постройку.

Уже приходилось указывать, что въ начальномъ періодѣ развитія греческой политической литературы, въ эпоху софистики, въ литературѣ этой ясно опредѣляются два направленія: идеалистическое и реалистическое. Послѣднее исходило изъ эмпирическаго изслѣдованія закономѣрности политической и соціальной жизни и уповало принести своимъ ученіемъ пользу политическому дѣятелю въ достиженіи имъ тѣхъ или иныхъ политическихъ цѣлей. Писатели реалистическаго направленія исходили изъ той мысли, что, кому извѣстны естественные законы политическаго и соціальнаго развитія, тотъ можетъ сдѣлать изъ этихъ законовъ наиболѣе цѣлесообразное примѣненіе для достиженія той или иной политической цѣли. Эти писатели отправлялись отъ наблюденія фактовъ и, опираясь на нихъ, старались отыскать средства, пригодныя для поставленной ими задачи государственнаго устроенія. Но какія цѣли государство должно преслѣдовать, этотъ вопросъ писатели-реалисты оставляли неизслѣдованнымъ. Напротивъ, представителей идеалистическаго направленія этотъ-то вопросъ всего болѣе и интересовалъ, вслѣдствіе чего политика у нихъ и вступала въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ этикой. Писатели-идеалисты исходили въ своихъ построеніяхъ изъ извѣстныхъ идей, они требовали, чтобы эти идеи находили свое осуществленіе въ дѣйствительности и кончали, конечно, тѣмъ, чѣмъ, неизбѣжно, должны были кончить: созданіемъ идеальнаго государства и общества, какъ высшаго реальнаго блага. Но, конечно, если идеалисты желали показать, какъ можно достигнуть осуществленія созданнаго ими идеала, они были вынуждены кое въ чемъ позаимствовать и у реалистовъ. И лишь въ томъ случаѣ, когда идеалистическое и реалистическое направленія объединялись, выступала на сцену истинная политика, какъ наука о государствѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ ученіи о государствѣ теорія должна была идти рука объ руку съ практикой. Съ другой стороны, практика неизбѣжно должна была оказывать вліяніе на теорію. Благодаря своему быстрому и смѣлому движенію впередъ, благодаря значительному развитію діалектической ловкости, политическое мышленіе грековъ отъ софистовъ до Аристотеля затронуло почти всѣ вопросы, касающіеся государства и общества, не останавливаясь въ теоріи ни предъ коммунистическими, ни предъ анархическими идеями. И когда выступилъ Аристотель съ своимъ планомъ устроенія государства, онъ имѣлъ предъ собою богатую и разнообразную политическую литературу, въ которой «Политія» и «Законы» Платона занимали, конечно, главное мѣсто.

Оба эти сочиненія, по своему характеру, построены были на идеалистической основѣ, хотя для своихъ проектовъ идеальныхъ государствъ Платонъ и воспользовался своимъ государственнымъ опытомъ, своими знаніями устройства греческихъ государствъ и ихъ законодательствъ. Но и этотъ опытъ, и эти знанія Платонъ, такъ сказать, подгоняетъ къ своимъ проектамъ. Насколько, однако, широки были штудіи Платона въ чисто-историческомъ направленіи, мы не знаемъ. Конечно, не говоря объ Аѳинахъ, ему хорошо были извѣстны восхваляемые имъ порядки Спарты и Крита. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что общая историческая и антикварная подготовка у Аристотеля была лучше, нежели у Платона, что поэтому и въ своихъ «политическихъ» штудіяхъ Аристотель долженъ былъ скорѣе примкнуть къ реалистическому направленію. И если Аристотель все-таки не удержался отъ того, чтобы не представить въ «Политикѣ» своего проекта идеальнаго государства, то онъ въ этомъ отношеніи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, былъ побужденъ къ тому Платономъ, какъ вѣрный его ученикъ; и если бы Аристотель не находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ Платона, то онъ, по складу своей натуры, предпочелъ бы, пожалуй, вступить въ своей «Политикѣ» исключительно на реалистическую почву. Аристотелю оставалось пойти на своего рода компромиссъ—слить оба направленія въ политикѣ, и идеалистическое и реалистическое, воедино; и онъ далъ намъ въ своей «Политикѣ» и образъ идеальнаго государства, и реалистическій анализъ дѣйствительной государ-

ственной жизни. Этотъ анализъ вовсе не играетъ у Аристотеля роли подготовительной работы для его конструкціи идеальнаго государства; онъ является самостоятельнымъ изслѣдованіемъ въ «Политикѣ». Но такого рода анализъ былъ доступенъ именно только Аристотелю, благодаря его обширнымъ историко-антикварнымъ свѣдѣніямъ.

Въ спискѣ аристотелевыхъ сочиненій, сохраненныхъ Лаэртіемъ Діогеномъ, Гесихіемъ и Птолемеемъ, имѣются упоминанія о цѣломъ рядѣ его историко-политическихъ трактатовъ, о которыхъ мы, однако, въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ заглавій, не знаемъ. Незначительные отрывки сохранились только отъ слѣдующихъ сочиненій Аристотеля на историко-политическія темы: 1) діалогъ «О политическомъ дѣятелѣ» (Πολιτικός); 2) «Изъ «Политіи» Платона» (τὰ ἐκ τῆς πολιτείας Πλάτωνος)—повидимому, комментарій или разборъ «Политіи» Платона, можетъ быть, использованный Аристотелемъ во II-й книгѣ его «Политики», 3) «Законы» или «Законоположенія» (Νόμοι, Νόμιμα), вѣроятно, собраніе различныхъ законодательствъ, греческихъ и варварскихъ, использованное, вѣроятно, также въ «Политикѣ» (въ VII книгѣ, 2-я глава); 4) Собраніе юридическихъ рѣшеній (Δικαιώματα); 5) «Историческіе мемуары» (Ὑπομνήματα ἱστορικά), приписываемое, впрочемъ, то Аристотелю, то Ѳеофрасту; 6) «О царской власти» (Περὶ βασιλείας) и т. д. Но едва ли не важнѣе всѣхъ этихъ, почти намъ неизвѣстныхъ, сочиненій Аристотеля, были его «Политіи» (Πολιτεῖαι)—трактаты о строѣ греческихъ и варварскихъ государствъ, доходившіе minimum до 158 номеровъ. Отъ нихъ дошли до насъ только отрывки, и лишь одна изъ «Политій», Аѳинская, дошла до насъ цѣликомъ (правда, безъ начала и конца)[1].

Эти «Политіи» должны были дать Аристотелю богатѣйшій

---

[1]) Объ этомъ трактатѣ см. книгу В. П. Бузескула, *Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.*, Харьковъ 1895. Трактатъ переведенъ на русскій языкъ Н. Я. Шубинымъ („Аѳинское государственное устройство“ Аристотеля. Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, №№ 5—8 и отдѣльно, Спб. 1891) и А. М. Ловягинымъ (Аристотель. Исторія и обзоръ аѳинскаго государственнаго устройства, Спб. 1895).

фактическій матеріалъ для его «Политики», особенно для ея V-й книги [1]).

Съ такою исторической подготовкою, какою обладалъ Аристотель, онъ, разумѣется, не могъ, подобно Платону, остаться въ своей «Политикѣ» на чисто-идеалистической основѣ. Его колоссальныя знанія того, что существуетъ реально, въ области приложенія политики на практикѣ, неминуемо должны были побудить его, не отказываясь отъ мысли, по примѣру Платона, дать образъ наилучшаго государства, указать и то, насколько, съ одной стороны, приближаются къ его идеалу реально существующія формы государственнаго строя, насколько, съ другой стороны, несостоятельны, какъ идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, тѣ проекты идеальнаго государственнаго строя, которые были предложены ранѣе.

Прежде чѣмъ, однако, говорить о «Политикѣ» Аристотеля, коснемся вкратцѣ тѣхъ двухъ его сочиненій, въ которыхъ попутно удѣлено мѣсто нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся государства. Одно изъ нихъ — «Никомахова этика» было опубликовано Аристотелемъ, несомнѣнно, до «Политики», другое — «Риторика», вѣроятно, послѣ «Политики».

Въ «Риторику» [2]), собственно науку объ ораторскомъ искусствѣ, обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся государства и его строя, введено Аристотелемъ всилу того, что, по его мнѣнію, она «оказывается какъ бы отраслью діалектики и той науки о нравахъ, которую справедливо назвать политикой» (I, 1). Государственный дѣятель, которому приходится часто выступать по тѣмъ или инымъ политическимъ вопросамъ съ рѣчами, долженъ усвоить себѣ, конечно, не только сущность и формальную сторону риторики, но онъ долженъ быть знакомъ и съ различными видами государственнаго строя и съ различными законодательными системами (I, 4). Такъ какъ цѣлью человѣческой, а слѣдовательно и политической дѣятельности является счастье, то Аристотелю и въ «Риторикѣ», такъ же какъ въ «Этикѣ» и въ «Политикѣ», приходится коснуться опредѣленія

---

[1]) Оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ о хронологическомъ отношеніи „Политіи" и „Политики".

[2]) Она переведена на русскій языкъ Н. Н. Платоновой, (Спб. 1894).

того, что такое счастье, каковы его составныя части, и представить анализъ такихъ понятій, какъ благородство происхожденія, хорошее и многочисленное потомство, богатство, хорошая репутація, почетъ, физическая добродѣтель, дружба, счастливая судьба, случайное благо (I, 5). Такъ какъ цѣлью рѣчи совѣщательной служитъ польза, а польза есть благо, то въ «Риторикѣ» находитъ себѣ мѣсто и опредѣленіе блага вообще и разъясненіе какъ безспорныхъ, такъ и спорныхъ благъ (I, 6), блага бо́льшаго и блага болѣе полезнаго (I, 7). Отсылая желающаго ознакомиться съ трактованіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ въ «Риторикѣ» къ ея тексту, позволимъ себѣ привести, съ сокращеніями, 8-ую главу I-ой книги «Риторики», гдѣ Аристотель говоритъ о четырехъ основныхъ формахъ государственнаго строя, знать которыя необходимо оратору, произносящему совѣщательную рѣчь. Такихъ формъ правленія устанавливается въ «Риторикѣ» четыре: демократія, олигархія, аристократія и монархія. «Демократія есть такая форма правленія, гдѣ должности занимаются по жребію, олигархія—гдѣ это дѣлается сообразно имуществу гражданъ, аристократія—гдѣ это дѣлается сообразно образованію гражданъ. Подъ образованіемъ я разумѣю здѣсь образованіе, установленное закономъ, потому что люди, не выходящіе изъ предѣловъ законности, въ аристократіи пользуются властью; они кажутся лучшими изъ гражданъ, откуда получила названіе и сама форма правленія. Монархія, какъ показываетъ самое названіе ея, есть такая форма правленія, въ которой одинъ властвуетъ надъ всѣми. Изъ монархій однѣ, подчиненныя извѣстнаго рода порядку, представляютъ собой монархію [въ настоящемъ смыслѣ слова], а другія, извращенныя, представляютъ собою тираннію». «Не должно упускать изъ виду цѣль каждой изъ формъ правленія, потому что люди всегда избираютъ то, что̀ ведетъ къ цѣли. Цѣль демократіи—свобода, олигархіи—богатство, аристократіи—воспитаніе и законность, тиранніи—защита. Точнѣе объ этомъ изложено въ нашей Политикѣ» (ср. выше стр. 111 сл., 135 сл., 152 сл.).

Говоря о рѣчахъ судебныхъ, Аристотелю приходится также касаться области этики и разсуждать о справедливости и несправедливости, о причинахъ несправедливыхъ поступковъ людей, о мотивахъ этихъ поступковъ и, въ связи съ этимъ, о мотивахъ человѣческой дѣятельности вообще (I, 10. 12. 13). Въ соотвѣт-

ствіи съ этимъ Аристотель устанавливаетъ двѣ категоріи закона: законъ частный и законъ общій. «Частнымъ, говоритъ Аристотель (I, 13), я называю тотъ законъ, который установленъ каждымъ народомъ для самого себя; этотъ законъ бываетъ и писанный и не писанный. Общимъ закономъ я называю законъ естественный. Есть нѣчто справедливое и несправедливое по природѣ, общее для всѣхъ, признаваемое таковымъ всѣми народами, если даже между ними нѣтъ никакой связи и никакого соглашенія относительно этого». «Не писанные законы бываютъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ имѣютъ въ виду крайнія проявленія добродѣтели и порока... другіе же изъ не писанныхъ законовъ восполняютъ недостатки частнаго писаннаго закона, такъ какъ правда, относясь, повидимому, къ области справедливаго, есть то, что̀ справедливо вопреки писанному закону. Подобные недостатки писаннаго закона допускаются законодателями иногда добровольно, а иногда и противъ воли; противъ воли, когда [недостатки закона] ускользаютъ отъ ихъ вниманія, добровольно,—когда они не могутъ дать никакого предписанія относительно даннаго случая, потому что ихъ опредѣленія должны отличаться характеромъ всеобщности, а данный случай касается не того, что бываетъ всегда, но того, что̀ случается по большей части. То же самое можно сказать о случаяхъ, относительно которыхъ трудно давать какія-либо указанія вслѣдствіе ихъ безпредѣльности». Двоякой категоріи бываютъ и преступленія, какъ закононарушенія; «то, что нужно дѣлать и чего не нужно дѣлать, можетъ касаться или всего общества, или одного изъ его членовъ»... «такъ человѣкъ, совершающій прелюбодѣяніе и наносящій побои, поступаетъ несправедливо по отношенію къ одному опредѣленному лицу, а человѣкъ, уклоняющійся отъ отбыванія воинской повинности, поступаетъ несправедливо по отношенію къ всему обществу». Въ дальнѣйшихъ главахъ I-ой книги «Риторики» Аристотель устанавливаетъ различныя мѣрила несправедливаго поступка, говоритъ о нарушеніяхъ закона не писаннаго и писаннаго и о томъ, какъ нужно пользоваться тѣми видами доказательствъ, которыя онъ называетъ «не техническими» и къ которымъ онъ относитъ: законъ, свидѣтелей, договоры, пытку и клятвы. Во II-ой и III-ей книгахъ «Риторики» есть много интереснаго, относящагося собственно къ области этики, но вопросовъ чисто-политическихъ Аристотель въ нихъ не касается.

Въ «Никомаховой этикѣ» [1]) Аристотелю приходится часто касаться вопросовъ политики. И это понятно, если принять въ разсчетъ тѣсную связь обѣихъ этихъ дисциплинъ, связь, проходящую красною нитью чрезъ все политическое мышленіе грековъ. Уже на первыхъ страницахъ «Этики», говоря о благѣ и блаженствѣ и стараясь опредѣлить, къ области какихъ наукъ понятіе высшаго блага относится, Аристотель замѣчаетъ: «Кажется, что оно относится къ наиболѣе могущественной и архитектонической наукѣ, а такова политика, ибо она опредѣляетъ науки, въ которыхъ нуждаются государства, и какимъ наукамъ слѣдуетъ обучаться отдѣльнымъ лицамъ, и въ какихъ предѣлахъ. Кромѣ того, мы видимъ, что наиболѣе уважаемыя способности служатъ ей, какъ, напримѣръ, стратегія, экономія, риторика. Такъ какъ она пользуется остальными науками, имѣющими дѣло съ практикой, и такъ какъ она сверхъ того предписываетъ, что слѣдуетъ дѣлать и отъ чего воздерживаться, то ея цѣль, вѣроятно, охватываетъ цѣли всѣхъ остальныхъ наукъ и заключаетъ въ себѣ высшее благо человѣка, и хотя оно и тожественно для отдѣльнаго лица и государства, но, кажется, будетъ дѣломъ болѣе великимъ и совершеннымъ постичь и спасти благо государства; хорошо это уже и для отдѣльнаго человѣка, но прекраснѣе и совершеннѣе для цѣлаго народа или государства» (стр. 4 перевода Э. Л. Радлова).

Объектами политической науки служитъ, по словамъ Аристотеля, «прекрасное и справедливое»; основывается она на изученіи «дѣлъ житейскихъ» и «заключеній изъ нихъ» (стр. 5), и «кто хочетъ съ пользой слушать изслѣдованіе о прекрасномъ и справедливомъ и вообще о политикѣ, тотъ долженъ быть нравственнымъ человѣкомъ, ибо началомъ изслѣдованія должно быть понятіе нравственности». Отсюда высшая цѣль политики, ея «главная забота», которая «состоитъ въ томъ, чтобы придать гражданамъ извѣстнаго рода хорошія качества и сдѣлать ихъ людьми, поступающими прекрасно» (стр. 15). Такъ какъ «истинный государственный человѣкъ всего болѣе заботится о добродѣтели, ибо онъ хочетъ сдѣлать гражданъ хорошими людьми, повинующимися законамъ», то ясно, что «политикъ долженъ въ то же время

---

[1]) Она переведена на русскій языкъ Э. Л. Радловымъ (Спб. 1908); тамъ же помѣщенъ „Очеркъ исторіи греческой этики до Аристотеля“.

знать нѣсколько психологію, подобно тому, какъ тотъ, кто хочетъ лѣчить глазъ, долженъ знать строеніе всего тѣла, и притомъ эти свѣдѣнія для перваго настолько необходимѣе, насколько политика выше врачебнаго искусства». Однако политикъ долженъ заняться психологіей настолько, «насколько достаточно для изслѣдуемаго имъ объекта, ибо болѣе подробное и внимательное занятіе психологіей отвлекло бы его только отъ его непосредственной задачи» (стр. 20). Въ V-ой книгѣ «Этики», посвященной опредѣленію понятія справедливости, Аристотель подробно говоритъ о т. н. политической справедливости, т. е. о правѣ. Право «имѣетъ мѣсто между людьми, принадлежащими къ одному общенію, и имѣетъ цѣлью самоудовлетворять ихъ, притомъ между людьми свободными и равными, равными въ смыслѣ или пропорціональности, или числа вообще. Люди, не находящіеся въ подобныхъ отношеніяхъ, не могутъ и имѣть относительно другъ друга политической справедливости, но имѣютъ нѣкотораго рода справедливость, названную такъ по сходству съ предшествующимъ видомъ. Тѣ люди имѣютъ права, для которыхъ существуетъ закон ъ, опредѣляющій ихъ отношенія; законъ же предполагаетъ преступленіе, судъ—распредѣленіе правды и неправды. Въ тѣхъ людяхъ и обществахъ, въ которыхъ есть несправедливость, въ тѣхъ должны быть и преступленія; но не вездѣ, гдѣ есть преступленіе, необходимо предполагать и несправедливость; она же состоитъ въ томъ, что человѣкъ удѣляетъ себѣ слишкомъ большую часть безотносительныхъ благъ и слишкомъ малую часть безотносительныхъ золъ; поэтому-то мы и не дозволяемъ властвовать человѣку, а закону, ибо первый властвовалъ бы въ свою пользу и сталъ тиранномъ. Властитель есть охрана справедливости, а если справедливости, то вмѣстѣ съ нимъ и равенства. Ему, какъ кажется, нѣтъ выгоды быть справедливымъ, ибо онъ изъ безотносительныхъ благъ не удѣляетъ себѣ большую часть, а лишь столько, сколько слѣдуетъ по пропорціи, и тогда выходитъ, что онъ справедливъ ради другихъ людей; поэтому-то и говорятъ, что справедливость состоитъ въ «чужомъ благѣ»... Должностному лицу слѣдуетъ давать извѣстное вознагражденіе, которое состоитъ въ почетѣ и почестяхъ. Тѣ становятся тираннами, которые этимъ не удовлетворяются. Что касается права господина надъ рабомъ и отца надъ дѣтьми

то оно не тожественно съ политическимъ правомъ, но подобно ему, ибо не можетъ быть несправедливости противъ того, что̀ составляетъ безотносительную собственность кого-либо»... Политическая справедливость и несправедливость «создается закономъ и имѣетъ мѣсто лишь въ людяхъ, по своей природѣ могущихъ жить въ законѣ, а таковые суть тѣ, у которыхъ существуетъ равенство во властвованіи и въ подчиненіи»... «Что касается политическаго права, то оно частью естественное, частью условное. Естественное право—то, которое вездѣ имѣетъ одинаковое значеніе и не зависитъ отъ признанія или непризнанія его. Условное право то, которое первоначально могло быть безъ существеннаго различія такимъ или инымъ, но разъ оно опредѣлено, [это безразличіе прекращается]... Сюда же относятся законоположенія, даваемыя для отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ... получающія силу путемъ голосованія... Ясно, что̀ изъ явленій, могущихъ быть и иными, должно отнести къ области естественнаго права, и что́ должно отнести не къ области естественнаго права, а установленнаго закономъ и всеобщимъ соглашеніемъ... Человѣческое право не повсюду одинаково, точно такъ же, какъ и государственныя устройства не вездѣ одинаковы, хотя лучшее отъ природы лишь одно» (стр. 94 сл.). Въ VIII-ой книгѣ «Этики» («О дружбѣ») Аристотель излагаетъ (стр. 157 сл.) уже вкратцѣ свое ученіе о формахъ государственнаго строя въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно нашло свое подробное изложеніе и обоснованіе въ «Политикѣ»; указываются здѣсь и перемѣны одной формы въ другую. Это отступленіе чисто-политическаго характера Аристотелю понадобилось для того, чтобы въ дальнѣйшемъ (стр. 158 сл.) обосновать свое положеніе строго-этическаго характера: «Дружба во всѣхъ формахъ государственнаго устройства проявляется настолько же, насколько и справедливость». При этомъ отношеніе монарха къ подданнымъ уподобляется «отеческой дружбѣ». Дружба въ аристократическихъ государствахъ, сообразующаяся съ добродѣтелью, приравнивается къ отношеніямъ мужа и жены. Дружба братьевъ и дружба товарищей «похожа на тимократическія отношенія, ибо и здѣсь граждане желаютъ быть равноправными и одинаковыми». «Въ тиранніи дружба не имѣетъ вовсе мѣста или весьма незначительное», зато въ демократіи значеніе дружбы очень велико, «такъ какъ здѣсь граждане, будучи равными, имѣютъ много

общихъ интересовъ». Всѣ эти виды дружбы покоятся на «законномъ общеніи», такъ какъ вообще дружба гражданъ «основана на извѣстнаго рода договорѣ». Въ заключительной части «Этики» Аристотель касается вопроса и объ общественномъ воспитаніи, чѣмъ опять-таки близко соприкасается съ VIII-ой книгой «Политики». Дѣлается это для того, чтобы показать, что «для общественнаго воспитанія необходимы законы, а для хорошаго—необходимы хорошіе законы». «Тотъ, кто захотѣлъ бы сдѣлать людей лучшими... долженъ попытаться овладѣть знаніемъ законодателя въ виду того, что мы становимся хорошими благодаря законамъ» (стр. 205 сл.). Это заставляетъ Аристотеля поставить вопросъ: «Изъ какихъ источниковъ и какимъ способомъ кто-либо можетъ стать способнымъ къ законодательству. Не точно ли такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, т. е. путемъ тѣхъ, которые занимаются политикой? Ибо вѣдь законодательство есть часть политики». Указавъ на то, что софисты, «несмотря на свои вѣщанія, кажутся очень далеки отъ умѣнья научить политикѣ», что «прежніе мыслители оставили не разсмотрѣннымъ вопросъ о законодательствѣ», Аристотель находитъ, что лучше самому взяться «за такое разсмотрѣніе и вообще за государственное устройство, для того, чтобы по мѣрѣ силъ довести до конца философію, касающуюся человѣка. *Сначала мы попробуемъ разобрать, что̀ хорошаго сказали наши предшественники относительно частностей; далѣе постараемся опредѣлить, на основаніи существующихъ государственныхъ устройствъ, чѣмъ держится и что̀ губитъ государство вообще и каждое государство въ частности и всилу какихъ причинъ одни управляются хорошо, а другія—дурно. Разсмотрѣвъ это, мы, пожалуй, яснѣе увидимъ, какое государственное устройство—лучшее, и какъ каждое устроено, и какими законами и обычаями оно пользуется. Итакъ, начнемъ съ начала* (стр. 206 сл.).

Въ подчеркнутыхъ, заключительныхъ, словахъ «Никомаховой этики» Аристотель намѣчаетъ программу своей «*Политики*». Такимъ образомъ, послѣдняя тѣсно связана съ «Этикой» не только по содержанію, но и въ формальномъ отношеніи, такъ какъ «Политика» непосредственно примыкаетъ къ «Этикѣ», служитъ ея продолженіемъ.

Когда «Политика» была написана Аристотелемъ, въ точности неизвѣстно. Ранѣе 336 г. она, во всякомъ случаѣ, составлена не была, такъ какъ въ ней упоминается умерщвленіе Филиппа Македонскаго (см. выше стр. 248); съ другой стороны, взятіе Вавилона Александромъ Великимъ, имѣвшее мѣсто въ 332 г., въ «Политикѣ» не упоминается (ср. выше стр. 99). Такимъ образомъ, изъ этихъ сопоставленій можно было бы заключать, что «Политика» написана во второй половинѣ 30-хъ гг. IV вѣка. Когда Аристотель работалъ надъ «Политикой», онъ, очевидно, долженъ былъ располагать тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который былъ имъ собранъ въ его «Политіяхъ». Однако вопросъ о времени изданія «Политій» не поддается разрѣшенію, за исключеніемъ «Аѳинской политіи», о которой мы знаемъ навѣрное, что она опубликована, во всякомъ случаѣ, послѣ 329 г. Не нужно упускать изъ виду того соображенія, что собираніе матеріала для «Политій» должно было потребовать отъ Аристотеля и его учениковъ, такъ какъ и они, вѣроятно, помогали Аристотелю въ его грандіозной работѣ, очень много времени. Но одно дѣло—собираніе матеріала, другое—его опубликованіе въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ. И въ этомъ отношеніи однѣ «Политіи» могли быть опубликованы до изданія «Политики» (предполагать, что Аристотель началъ публикацію «Политій» непремѣнно съ «Аѳинской политіи», мы не видимъ достаточныхъ основаній), другія—одновременно съ нею, третьи—послѣ нея. Вообще, кажется, ставить вопросъ о времени изданія «Политики» въ зависимости отъ времени изданія «Политій» (о чемъ мы, въ сущности, за исключеніемъ «Аѳинской политіи», ничего не знаемъ), методически неправильно Къ тому же разныя части самой «Политики» могли быть написаны въ разное время; нѣкоторыя книги ея могли быть написаны раньше «Политій», другія позже, такъ что, слѣдовательно, оба труда составлялись какъ бы одновременно [1]).

Въ настоящемъ своемъ видѣ «Политика» состоитъ изъ восьми книгъ. Установлено ли было это раздѣленіе на книги самимъ Аристотелемъ, или оно было сдѣлано впослѣдствіи, мы не знаемъ. I-ая книга «Политики» трактуетъ объ основахъ государства, о

---

[1]) См. А. Н. Шварцъ, *Къ вопросу о времени написанія Политики Аристотеля.* Филол. Обозр. VIII (1895), 144 сл.

домѣ и семьѣ, и, въ связи съ этимъ, о домоводствѣ и искусствѣ пріобрѣтенія. Во II-ой книгѣ, слѣдуя своему общепринятому методу, Аристотель критически разбираетъ взгляды своихъ предшественниковъ, главнымъ образомъ Платона. III-ья книга содержитъ опредѣленіе понятія гражданина и разграниченіе правильныхъ и неправильныхъ формъ государственнаго строя. IV-ая книга подробно разсматриваетъ эти формы и отдѣльные ихъ виды; здѣсь же идетъ рѣчь о государствѣ, возможно лучшемъ въ дѣйствительности, при данныхъ обстоятельствахъ. V-ая книга посвящена вопросу о политическихъ переворотахъ и о причинахъ, ихъ вызывающихъ. VI-ая книга содержитъ дополнительныя замѣчанія, главнымъ образомъ, о томъ, какъ поступать при введеніи формъ государственнаго строя, упомянутыхъ въ IV-ой книгѣ, и какъ ихъ сохранять въ неприкосновенномъ видѣ. VII-ая книга заключаетъ разсужденіе о наилучшемъ, идеальномъ государствѣ и, наконецъ, въ VIII-ой книгѣ говорится объ организаціи общественнаго воспитанія.

Въ такомъ порядкѣ дошли до насъ книги «Политики» въ ея рукописномъ преданіи [1]). Однако съ давнихъ поръ (впервые еще въ XV в.) высказано было сомнѣніе въ правильности этого порядка, въ результатѣ чего въ изданіяхъ «Политики» лишь три первыя книги ея печатались въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ дошли въ рукописяхъ, остальныя же пять книгъ помѣщались издателями то въ томъ, то въ иномъ порядкѣ [2]), Совершенно справедливо замѣчаетъ, однако, новѣйшій издатель текста «Политики», Иммишъ, что всѣ эти перестановки послѣднихъ пяти книгъ «По-

---

[1]) Объ этомъ преданіи см. предисловіе къ изданію Иммиша. Древнѣйшая изъ сохранившихся рукописей всей „Политики“ восходитъ къ XIV в. (codex Parisinus Coislinianus 161); большинство рукописей „Политики“ принадлежитъ XV в. Древнѣе всѣхъ сохранившихся ея рукописей та рукопись, утраченная нынѣ, съ которой въ XIII в. сдѣланъ былъ латинскій переводъ „Политики“ доминиканскимъ монахомъ Вильгельмомъ de Moerbecke, побужденнымъ къ этой работѣ Ѳомою Аквинскимъ. Этотъ переводъ (онъ помѣщенъ въ большомъ изданіи „Политики“ Зуземиля, Лейпцигъ 1872) имѣетъ очень важное значеніе при установленіи греческаго текста „Политики“, какъ восходящій къ такому греческому оригиналу, который древнѣе всѣхъ сохранившихся до насъ рукописей „Политики“.

[2]) Синоптическая таблица всѣхъ предлагавшихся измѣненій порядка книгъ „Политики“ дана въ предисловіи къ изданію Иммиша, стр. VII.

литики» не принесли никакой пользы, хотя, по его замѣчанію, въ самихъ рукописяхъ «Политики» и имѣются слѣды, указывающія на то, что послѣднія двѣ книги стоять не на своемъ мѣстѣ. И такъ какъ къ полному соглашенію относительно распорядка послѣднихъ пяти книгъ «Политики» придти не удалось, да и врядъ ли удастся, то благоразумнѣе удержать, при изданіи ея текста, тотъ порядокъ, какой дается всѣми ея рукописями. Къ тому же, если тѣми, кто стоялъ за ту или иную перестановку книгъ «Политики», приводимы были, въ доказательство правильности ихъ предложеній, вѣскіе аргументы, то не менѣе серьезныя основанія можно было бы привести и въ пользу сохраненія рукописнаго порядка пяти послѣднихъ книгъ. Рѣшеніе вопроса въ томъ и другомъ случаяхъ, неизбѣжно, покоилось бы, однако, на болѣе или менѣе субъективныхъ данныхъ, и то, что̀ казалось бы убѣдительнымъ для одного, вовсе не убѣдило бы другого.

Споры и колебанія насчетъ установленія того или иного порядка послѣднихъ пяти книгъ «Политики» кажутся, пожалуй, все еще и преждевременными, такъ какъ далеко не пришли къ соглашенію относительно другого, болѣе важнаго вопроса, касающагося «Политики», именно плана, положеннаго въ основу всего трактата [1]). И если, по мнѣнію однихъ, «Политика» составлена по строго опредѣленной схемѣ, предносившейся съ самаго начала уму Аристотеля, то другіе отказываются видѣть во всемъ сочиненіи, какъ цѣломъ, какое-либо единство и полагаютъ, что «Политика» возникла изъ ряда самостоятельныхъ чтеній, не связанныхъ между собою первоначально ничѣмъ, кромѣ родственнаго сюжета, чтеній плохо проредактированныхъ и неудачно объединенныхъ въ позднѣйшей редакціи. По мнѣнію, къ которому склоняется большинство, «Политика» представляетъ три отдѣльныхъ изслѣдованія: 1) книги I, II и III, 2) книги IV, V и VI, и 3) книги VII и VIII; при этомъ первое и послѣднее изслѣдованія такъ и оставлены были Аристотелемъ въ незаконченномъ видѣ. Высказывается мнѣніе и въ пользу того, что II-ая книга тоже возникла самостоятельно, и, что̀ еще болѣе вѣроятно, такое же обособленное положеніе занимала книга V-ая, трактующая, какъ мы упоминали, о государственныхъ переворотахъ.

---

[1]) См. А. Н. Шварцъ, *Изъ наблюденій надъ Политикой Аристотеля* въ Χαριστήρια въ честь Ѳ. Е. Корша (Москва 1896), 403 сл.

Вообще же нужно замѣтить, что дошедшій до насъ текстъ «Политики» далеко не можетъ быть названъ исправнымъ. Въ немъ имѣются болѣе поздніе вставки, еще болѣе въ немъ повтореній или варіантовъ одной и той же мысли, имѣются несомнѣнныя противорѣчія и пропуски, оставшіяся не выполненными обѣщанія и т. п. Внимательному читателю всѣ эти дефекты внѣшняго вида «Политики» бросаются въ глаза, но подробное обсужденіе всего этого въ предлагаемомъ очеркѣ было бы неумѣстно. Нелишнимъ, однако, отмѣтить то, что попытки уврачевать всѣ эти дефекты иной разъ бывали очень смѣлыми, въ особенности со стороны одного изъ лучшихъ знатоковъ «Политики», покойнаго Зуземиля, который позволялъ себѣ многочисленныя перестановки различныхъ отдѣловъ текста, необходимыя, по его мнѣнію, для поддержки защищаемыхъ имъ положеній. Ясно одно: дошедшій до насъ текстъ «Политики» неисправенъ, въ необходимыхъ исправленіяхъ онъ нуждается, но все же къ исправленіямъ этимъ, а въ особенности къ перестановкамъ различныхъ отдѣловъ текста, нужно приступать съ большою осторожностью и въ крайнихъ случаяхъ. Довести до желаемаго совершенства внѣшній видъ «Политики», конечно, никогда не удастся, сколько бы знанія и остроумія на это ни было потрачено. И лучше ужъ довольствоваться неисправнымъ текстомъ «Политики», чѣмъ читать, хотя бы и исправленную, но quasi-«Политику» Аристотеля.

По общепринятому мнѣнію, текстъ «Политики» самимъ Аристотелемъ не былъ обработанъ окончательно, не былъ имъ проредактированъ. Что́ же такое представляетъ собою «Политика» въ ея теперешнемъ видѣ? И на этотъ вопросъ давались разнообразные отвѣты. Одни думаютъ, что это своего рода конспектъ лекцій, читанныхъ Аристотелемъ его ученикамъ; другіе, что это—записки слушателей Аристотеля, причемъ они могли пользоваться, при составленіи этихъ записокъ, и бумагами Аристотеля; наконецъ, по мнѣнію третьихъ, Аристотель самъ хотѣлъ обработать свои лекціи, работы этой, однако, закончить не успѣлъ, ее сдѣлали позднѣйшіе редакторы «Политики», которые и внесли въ нее свои вставки при этой редакціи и т. п. И въ данномъ случаѣ мы, конечно, безпомощны проникнуть въ процессъ составленія «Политики». Каковъ бы, однако, онъ ни былъ, никто никогда не выражалъ сомнѣнія въ томъ, что все существенное въ

«Политикѣ», вся ея, такъ сказать, основа восходитъ къ самому Аристотелю, короче говоря, никто не сомнѣвался въ томъ, что мы имѣемъ предъ собою «Политику» Аристотеля, а не «Политику» по-Аристотелю. Поэтому и то ученіе, которое въ «Политикѣ» излагается, должно быть считаемо ученіемъ Аристотеля, а не ученіемъ по Аристотелю.

Каковы же характерныя черты этого ученія? Чѣмъ отличается Аристотель отъ своихъ предшественниковъ, въ частности отъ ближайшаго своего предшественника, Платона? Аристотель считаетъ «наилучшимъ» государственнымъ строемъ такой строй, котораго «можно желать»; иными словами осуществленіе «наилучшаго» государства зависитъ отъ цѣлаго ряда условій, на исполненіи которыхъ нельзя непремѣнно настаивать, ихъ можно только желать. Того радикализма, который имѣется у Платона въ его построеніяхъ идеальнаго государства, мы у Аристотеля не найдемъ и слѣда. Отсюда вытекаетъ уже и то слѣдствіе, что аристотелевскій проектъ «наилучшаго» государства, какъ обставленный цѣлымъ рядомъ предпосылокъ, далеко не такъ цѣлостенъ, какъ проектъ платоновскій, что въ теоретическомъ отношеніи онъ уступаетъ послѣднему, но зато онъ выигрываетъ въ отношеніи практическомъ. Быть можетъ, сознавая ясно, что осуществленіе идеальнаго государства во что бы то ни стало невыполнимо на практикѣ, Аристотель и не довелъ своего проекта идеальнаго государства до конца, не разработалъ его во всѣхъ деталяхъ, какъ это сдѣлалъ Платонъ и въ «Политіи» и, въ особенности, въ «Законахъ», далъ лишь эскизъ его, а не написалъ полной картины. Если это такъ, то Аристотель показалъ себя, въ данномъ случаѣ, истиннымъ «художникомъ» мысли, ограничившись эскизомъ тамъ, гдѣ картины дать было нельзя.

Аристотель упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они интересовались построеніемъ исключительно идеальнаго государства, между тѣмъ какъ, для пользы дѣла, надлежало бы поставить три слѣдующихъ вопроса: 1) какой государственный строй, при данныхъ условіяхъ, оказывается абсолютно наилучшимъ, 2) какъ можно сохранить тотъ или иной строй въ томъ случаѣ, если онъ даже и не является, при данныхъ условіяхъ, наилучшимъ и 3) какой строй нужно признать наиболѣе пригоднымъ для большинства государствъ, не считаясь съ индивидуальными

условіями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности (ср. выше стр. 150 сл.). Въ постановкѣ и посильномъ разрѣшеніи указанныхъ трехъ вопросовъ и заключается, повидимому, главное достоинство «Политики» и ея прогрессъ по сравненію съ проектами идеальнаго государства у Платона. Эти вопросы разсмотрѣны Аристотелемъ съ теоретической точки зрѣнія въ VII-ой и VIII-ой книгахъ, съ болѣе практической точки зрѣнія въ книгахъ IV-ой, V-ой и VI-ой. Этой главной части «Политики» предпослано общее обоснованіе въ трехъ первыхъ книгахъ, изъ которыхъ I-ая и III-ья представляютъ изслѣдованіе о возникновеніи, основахъ, существѣ и задачахъ государства, а II-ая содержитъ критическій обзоръ предшествовавшихъ Аристотелю политическихъ теорій [1]). Важный вопросъ объ отношеніи «Политики» къ этикѣ не затрагивается Аристотелемъ ни въ I-ой, ни въ III-ей книгахъ, очевидно, потому, что онъ былъ уже разсмотрѣнъ имъ въ «Никомаховой этикѣ».

Аристотель соглашается съ Платономъ въ томъ, что государство, помимо осуществленія въ немъ права и пользы, должно стремиться и къ идеальнымъ цѣлямъ. И онъ считаетъ непреложною задачею государства воспитывать гражданъ въ духѣ добродѣтели (ср. выше стр. 353), такъ какъ индивидъ можетъ достигнуть нравственнаго совершенства лишь въ правильно организованномъ государствѣ. Однако здѣсь между Аристотелемъ и Платономъ большая разница: первый понимаетъ этическую за-

---

[1]) II-ая книга „Политики", посвященная, главнымъ образомъ, критикѣ платоновскихъ проектовъ, даетъ любопытный матеріалъ для исторіи критики въ древности вообще, особенно всилу того, что и сами критикуемыя произведенія до насъ сохранились цѣликомъ. Не касаясь критическихъ пріемовъ Аристотеля по отношенію къ Платону вообще, замѣтимъ, что аристотелевская критика далеко не можетъ похвастать соблюденіемъ главнаго условія, обязательнаго для критика въ наше время—полнаго безпристрастія и, по возможности, подробной передачи хода мыслей критикуемаго произведенія и главныхъ его положеній. Въ общемъ правильно замѣчаетъ Пёльманъ, *Исторія античнаго коммунизма и соціализма*, 122: Аристотель „позволяетъ себѣ дѣлать такіе необоснованные и несправедливые выводы, что на однихъ его отзывахъ мы не могли бы строить опредѣленнаго сужденія... Платонъ опредѣленно говоритъ многое изъ того, о чемъ, по утвержденію Аристотеля, онъ никогда и не упоминалъ... во многомъ Платонъ оказывается совершенно непонятымъ Аристотелемъ". Такого же рода свойства аристотелевой критики по отношенію къ этикѣ Платона отмѣчены Э. Л. Радловымъ въ его *Очеркъ исторіи греческой этики до Аристотеля*, стр. LXIX сл.

дачу индивида, какъ нѣчто имманентное, второй—трансцендентное. То высшее благо, къ достиженію котораго долженъ стремиться какъ индивидъ, такъ и государство, должно осуществляться не за облаками, а здѣсь, на землѣ. Счастье индивида и государства совершенно лишь въ томъ случаѣ, когда наряду съ добродѣтелью имѣются и физическія и матеріальныя внѣшнія блага, такъ какъ счастье состоитъ не просто въ обладаніи добродѣтелью, но и въ жизни въ духѣ добродѣтели, въ практическомъ примѣненіи ея здѣсь, на землѣ. И нельзя достигнуть полнаго счастья, не обладая здоровымъ, дѣеспособнымъ организмомъ, не имѣя въ достаточной степени въ своемъ распоряженіи внѣшнихъ благъ. Въ духѣ Платона и Аристотель усматриваетъ большую опасность для достиженія добродѣтели и счастья какъ въ чрезмѣрномъ богатствѣ, такъ и въ крайней бѣдности. Умѣренный достатокъ полезнѣе всего, такъ какъ при немъ объединяются индивидуальные интересы съ общественными. Все же вполнѣ счастливой жизни человѣкъ можетъ достигнуть лишь въ государствѣ, и не только потому, что онъ найдетъ въ немъ, для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, разнообразную поддержку среди лицъ, причастныхъ къ государству, но и потому, что только въ правильно организованномъ государствѣ возможно то планомѣрное, моральное и интеллектуальное, воспитаніе, безъ котораго человѣкъ не можетъ достигнуть добродѣтели, этого главнаго элемента блаженства. Указывая на первыхъ же страницахъ «Политики», что человѣкъ есть «политическое живое существо», что государство возникло всилу естественныхъ причинъ, Аристотель тѣмъ самымъ отвергаетъ тѣ софистическія теоріи, въ которыхъ проводилось безусловное различіе между природою и человѣческими установленіями, въ которыхъ высказывалась та мысль, что всякое урегулированіе человѣческой жизни есть что-то противоестественное. Не индивидъ, не семья, не селеніе, а государственная община, πόλις, является вполнѣ въ себѣ законченнымъ, самодовлѣющимъ организмомъ.

Во взглядахъ на характеръ и значеніе семьи Аристотель разошелся съ Платономъ. По мнѣнію Аристотеля, семья—естественный элементъ государственнаго общенія; проводимый же Платономъ коммунизмъ женъ, дѣтей и собственности Аристотель подвергаетъ суровой, уничтожающей критикѣ. Равнымъ образомъ,

Аристотель относится отрицательно и къ проектированному Платономъ въ «Законахъ» постоянному равному надѣленію гражданъ собственностью. Соглашаясь съ Фалеемъ Халкедонскимъ въ томъ, что возможное уравненіе имущественныхъ отношеній должно составлять главный предметъ заботы государства, Аристотель полагаетъ, что посодѣйствовать этому можетъ, помимо законодательныхъ и административныхъ предпріятій, преимущественно выработка въ гражданахъ, путемъ государственнаго воспитанія, такъ сказать соціальнаго смысла. Въ вопросѣ о распредѣленіи политическихъ правъ и привилегій между гражданами основной мыслью Аристотеля является тотъ принципъ, который подробно разработанъ имъ въ «Никомаховой этикѣ», именно принципъ уравнительной, пропорціональной справедливости. И это—опять-таки совершенно въ духѣ Платона.

Центральную часть «Политики» занимаетъ ученіе о нормальныхъ и отклоняющихся отъ нормальныхъ формахъ государственнаго устроенія. Аристотелемъ устанавливается шесть основныхъ такихъ формъ. Но, на самомъ дѣлѣ, ихъ гораздо болѣе, такъ какъ каждая изъ основныхъ формъ имѣетъ нѣсколько подвидовъ. Далѣе бываютъ формы смѣшанныя и посредствующія. При этомъ, по Аристотелю, достоинство той или иной формы государственнаго строя зависитъ отъ характера самого управленія, находящаго свое выраженіе въ законодательной, судебной и административной власти, а не отъ того, кто собственно является носителемъ верховной власти. Признавая правильное единовластіе, правильное правящее меньшинство и такое же большинство, Аристотель никоимъ образомъ не желаетъ приписывать этимъ тремъ формамъ абсолютнаго достоинства; онѣ достигли бы такового въ томъ случаѣ, если бы каждая изъ нихъ, имѣя совершенную организацію, могла осуществить идеальное состояніе общества. Если бы Аристотель счелъ возможнымъ удовольствоваться указываемыми имъ тремя нормальными формами государственнаго строя, къ чему было ему создавать проектъ «наилучшаго» государства? Аристотель далекъ и отъ той мысли, что указанныя имъ три правильныя формы государственнаго строя могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ примѣнены ко всякому государству, безотносительно къ его специфическимъ условіямъ, къ свойствамъ его населенія. Мысль Аристотеля скорѣе та, что все всегда зависитъ

отъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ данныхъ. Они и обусловливаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, отдаваемое этимъ тремъ формамъ. Это ясно видно и изъ предлагаемаго имъ обсужденія вопроса о томъ, кто долженъ быть носителемъ верховной власти въ государствѣ, равно какъ и изъ его разбора монархіи и аристократіи, которую онъ готовъ отожествлять съ своимъ идеальнымъ государствомъ. Но и истинная монархія и истинная аристократія осуществимы лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Наиболѣе же правильнымъ государственнымъ строемъ, подходящимъ для большей части государствъ и легче всего осуществимымъ на дѣлѣ, оказывается, въ глазахъ Аристотеля, такъ называемая политія.

Въ своемъ общемъ обсужденіи вопроса о томъ, кто долженъ быть носителемъ верховной власти, Аристотель разбираетъ притязанія на нее большинства, зажиточнаго класса, лицъ развитыхъ морально и интеллектуально, царя и даже тирана. Аристотель приходитъ къ такому результату, что ничьи притязанія не могутъ быть признаны безусловно. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что верховной власти въ государствѣ не должно быть, что ея олицетвореніемъ долженъ служить только законъ, такъ какъ 1) самый законъ предполагаетъ личнаго носителя верховной власти, изволеніемъ котораго законъ создается и проводится въ жизнь, 2) законъ, съ его общими нормами, не въ состояніи охватить всѣ единичные возможные случаи разнообразной дѣйствительности, и тогда неизбѣжно можетъ создаться такое положеніе, при которомъ носителю верховной власти придется рѣшать дѣло по собственному изволенію, а не по предписанію закона. Но весьма замѣчательно, что изъ всѣхъ указанныхъ выше притязаній на верховную власть въ государствѣ Аристотель снисходительнѣе всего относится къ притязаніямъ большинства народной массы; онъ защищаетъ ее отъ нападокъ антидемократовъ, противополагая имъ доводы сторонниковъ демократіи. Правда, Аристотель согласенъ признать за народной массой право на верховную власть лишь въ томъ случаѣ, если она достаточно развита интеллектуально и морально, да и верховными полномочіями народа Аристотель признаетъ лишь слѣдующія: избраніе магистратовъ, контролированіе ихъ дѣятельности, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Ясно, что при такихъ огра-

ниченіяхъ Аристотель могъ имѣть въ виду лишь тотъ государственный строй, который фигурируетъ въ его системѣ подъ терминомъ политіи, такъ какъ она только и можетъ разсчитывать, при нормальномъ положеніи вещей, на практическое осуществленіе.

Въ своемъ обсужденіи монархическаго режима Аристотель имѣетъ въ виду только монархію героической эпохи. Эта монархія мыслима лишь въ томъ случаѣ, если царь, или вообще царскій родъ, значительно превосходитъ совокупность всѣхъ гражданъ интеллектуально и морально. Очевидно, Аристотель проводитъ здѣсь чистую теорію, такъ онъ прекрасно сознавалъ, что осуществить, въ его время, такого рода монархію въ какомъ-либо греческомъ государствѣ-городѣ было невозможно. Что Аристотель имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ Александра Великаго, мало вѣроятно.

И на осуществленіе аристократическаго режима трудно было, при нормальномъ порядкѣ вещей, разсчитывать. За истинную аристократію Аристотель принимаетъ лишь такой государственный строй, при которомъ носителями политической власти являются люди добродѣтельные въ абстрактномъ смыслѣ. Слѣдовательно, и аристократія можетъ найти свое осуществленіе только въ идеалѣ.

Не будемъ останавливаться на характеристикѣ идеальнаго государства, проектъ котораго созданъ Аристотелемъ. Мы указывали уже, что это—лишь эскизъ, въ которомъ немало важныхъ пунктовъ остаются неясными. Къ тому же въ этой части своей «Политики» Аристотель даетъ мало оригинальнаго. Въ своемъ проектѣ идеальнаго государства Аристотель болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, является истиннымъ послѣдователемъ Платона, несмотря на всю полемику съ нимъ во II-ой книгѣ. Строго говоря, аристотелевское идеальное государство очень напоминаетъ платоновское государство «Законовъ». То обстоятельство, что для преуспѣянія идеальнаго государства потребны въ желанной полнотѣ и формѣ всякаго рода естественныя условія, зависящія отъ случая, не отъ мудрости законодателя, заставило Аристотеля подробно и нѣсколько педантично говорить о свойствахъ и мѣстоположеніи территоріи государства, о характерѣ его населенія, о воспитаніи и занятіяхъ гражданъ, о распредѣленіи между ними, въ зависимости отъ ихъ возраста, политическихъ правъ. Семья регламентируется урегулированіемъ браковъ и дѣторожденій. Соб-

ственность основывается на полукоммунистическихъ началахъ. «Избранные» предаются исключительно упражненіямъ въ добродѣтели. Наряду съ ними огромная масса рабовъ и безправныхъ свободныхъ жителей.

Главное значеніе «Политики» заключается не въ схематически набросанномъ Аристотелемъ эскизѣ идеальнаго государства, а въ тѣхъ изслѣдованіяхъ его о четырехъ основныхъ формахъ государственнаго строя: политіи, демократіи, олигархіи и тиранніи, которымъ посвящены IV-ая, V-ая и VI-ая книги. Такъ какъ реализація политіи не зависитъ отъ столь многихъ и столь рѣдко встрѣчающихся счастливыхъ данныхъ, какими обставлена реализація двухъ другихъ правильныхъ формъ—монархіи аристократіи, то обсужденіе политіи и занимаетъ центральное мѣсто во всѣхъ, съ практической точки зрѣнія очень цѣнныхъ, изслѣдованіяхъ Аристотеля въ указанныхъ трехъ книгахъ. Какъ нѣчто «среднее» между олигархіей и демократіей, политія служитъ мѣриломъ и для сужденія объ этихъ послѣднихъ. Олигархія и демократія—тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онѣ стоятъ къ политіи,—тѣмъ хуже, чѣмъ далѣе онѣ отклоняются отъ нея. Для того чтобы выяснить сущность политіи, Аристотелю и пришлось говорить о ней въ связи съ различными видами олигархіи и демократіи и послѣ обсужденія этихъ послѣднихъ. Въ государственной системѣ политіи объединяются демократическіе и олигархическіе принципы, иными словами уравнены интересы бѣдныхъ и богатыхъ. Эта смѣшанная форма государственнаго строя не есть идеалъ, удовлетворяющій Аристотеля, но она является наиболѣе подходящимъ въ практическомъ отношеніи разрѣшеніемъ проблемы о наилучшемъ государственномъ строѣ. Вотъ почему Аристотель съ большою подробностью обсуждаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ можетъ быть достигнуто проектируемое имъ «смѣшеніе» демократіи и олигархіи.

Стремленіе объединить интересы бѣдныхъ и богатыхъ неизбѣжно привело Аристотеля къ прославленію «средняго» сословія, какъ наиболѣе цѣннаго и въ этическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Но не всегда можетъ оказаться налицо это желанное среднее сословіе, а потому и представляемое имъ наилучшее въ практическомъ отношеніи государственное устройство не повсюду можетъ быть осуществлено. Но при всѣхъ

обстоятельствахъ должно все-таки стремиться къ относительно лучшему, котораго всего легче достигнуть при тѣхъ или иныхъ данныхъ. И задача политики, какъ науки о государствѣ, состоитъ въ томъ, чтобы научить политическаго дѣятеля, какой государственный строй, при данномъ состояніи общества, является всего болѣе пригоднымъ. При этомъ политическій дѣятель долженъ правильно взвѣсить реальное соотношеніе количественныхъ и качественныхъ силъ, представляемыхъ общественными классами, чтобы, въ соотвѣтствіи съ этимъ, распредѣлить политическія права. На основѣ этой общей теоріи формъ государственнаго строя Аристотель и старается преподать необходимыя указанія для организаціи каждой изъ нихъ, иными словами показать, какъ должны быть организованы тѣ или иныя политическія функціи въ приложеніи къ каждой формѣ государственнаго строя (конецъ IV-ой и VI-ая книга). Съ особенною подробностью Аристотель останавливается на вопросѣ объ организаціи магистратуръ и судовъ. При этомъ Аристотель тщательно предостерегаетъ политическаго дѣятеля отъ доктринерства классовой политики, подвергаетъ критикѣ демократическіе принципы свободы и равенства, а также тотъ олигархическій принципъ, вслу котораго право принадлежитъ тѣмъ, кто обладаетъ сравнительно бо́льшимъ имущественнымъ достаткомъ: этотъ принципъ ведетъ не къ справедливости, а къ эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми. Истинный политическій дѣятель не долженъ опираться на послѣдовательное проведеніе ни демократическихъ, ни олигархическихъ принциповъ, онъ долженъ стремиться къ «золотой серединѣ». Но политическій дѣятель не долженъ упускать изъ виду и болѣе высокихъ, идеальныхъ цѣлей, онъ долженъ считать конечною цѣлью государства моральное и интеллектуальное совершенство гражданъ, ихъ духовное и нравственное развитіе.

Остается сказать нѣсколько словъ о V-ой книгѣ «Политики», посвященной вопросу о государственныхъ переворотахъ. Этотъ вопросъ разбирается Аристотелемъ очень обстоятельно, и при изложеніи его дается масса тонкихъ наблюденій, историческихъ примѣровъ и параллелей. Въ этомъ отношеніи V-ая книга «Политики» является очень цѣнной и для историка. Новыхъ теоретическихъ основоположеній эта часть «Политики» не заключаетъ; въ ней какъ бы рекапитулируются и поясняются примѣрами уже указанныя ранѣе мысли. Самое ученіе о революціяхъ

распадается на два главныхъ отдѣла: въ одномъ изъ нихъ идетъ рѣчь о причинахъ революцій, въ другомъ—о тѣхъ мѣрахъ, посредствомъ которыхъ революцій можно избѣжать. Самою важною мѣрою, способствующею сохраненію того или иного государственнаго строя, Аристотель считаетъ соотвѣтствующее его духу воспитаніе юношества.

Вопросамъ воспитанія Аристотель посвятилъ спеціально VIII-ую книгу «Политики», но она имъ не была докончена.

Справедливо отмѣчено, что въ «Политикѣ» Аристотеля не играетъ никакой роли понятіе націи, національной силы и чести (впрочемъ Аристотель убѣжденъ въ томъ, что греки призваны къ властвованію надъ другими народами, ср. выше стр. 314), что «Политика» все еще считается исключительно только съ представленіемъ о государствѣ-городѣ, наконецъ, что религіозный характеръ греческаго государства не находитъ въ ней никакого отраженія (въ этомъ отношеніи Платонъ удѣляетъ религіи куда болѣе важное мѣсто). Идеалъ политической жизни Аристотель усматриваетъ въ томъ, чтобы граждане чередовались во властвованіи и подчиненіи; въ этомъ отношеніи Аристотель стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія гражданъ любого греческаго государства-города.

Какое же мѣсто въ общемъ ходѣ развитія греческой политической литературы должно быть отведено «Политикѣ» Аристотеля? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Аристотель сдѣлалъ политику наукой, наукой реальной, считающейся не только съ идеальными требованіями, но и съ деталями и условностями дѣйствительной жизни. Аристотель не отбросилъ, какъ нѣчто вовсе непригодное, политическій идеалъ, онъ постоянно имѣлъ его въ виду и считался съ нимъ; и онъ обосновалъ свою политику на этикѣ. Но Аристотель не далъ плѣнить себя этому идеалу. Будучи одновременно и великимъ мыслителемъ, и разностороннимъ ученымъ, и трезвымъ наблюдателемъ реальной жизни, зная человѣческую природу не только въ ея силѣ, но еще болѣе въ ея слабости, Аристотель какъ бы слѣдовалъ пословицѣ «погонишься за большимъ, и малое потеряешь», и потому свой идеалъ онъ стремился возможно лучше реализировать для практики жизни. Виламовицъ-Мёллендорфъ называетъ политическое ученіе Аристотеля «оппортунистическимъ». Врядъ ли это такъ. При оппортунизмѣ нѣтъ мѣста для какихъ-либо идеальныхъ стремленій, оппортунизмъ всегда эгоистиченъ. Аристотель стоитъ въ «Политикѣ»

на вполнѣ объективной почвѣ, и эта почва—идеальная. Проектъ идеальнаго государства у Аристотеля остался не довершеннымъ. Зато онъ указалъ, какъ можно приблизиться къ осуществленію политическаго идеала, при данныхъ условіяхъ, при разнообразныхъ комбинаціяхъ, представляемыхъ реальной жизнью.

VII.

Послѣ Аристотеля.

Случайно или не случайно, но непосредственное вліяніе «Политики» Аристотеля сказалось, и при томъ на практикѣ, въ ближайшіе же годы послѣ его смерти (322). Когда Аѳинами правилъ (317—307) ученикъ Аристотеля Димитрій Фалерскій, онъ предпринялъ рядъ реформъ всецѣло въ духѣ политическихъ наставленій своего учителя: ввелъ довольно высокій имущественный цензъ для гражданъ, назначилъ особую коллегію «законохранителей», хотѣлъ улучшить нравы особыми законами и полицейскимъ надзоромъ и т. п.

Первыя поколѣнія основанной Аристотелемъ перипатетической школы, въ лицѣ двухъ наиболѣе значительныхъ учениковъ Аристотеля, Ѳеофраста и Дикэарха, очень усиленно занимались вопросами государствовѣдѣнія. Древняя традиція приписываетъ и тому и другому цѣлый рядъ трактатовъ на политическія темы; оба они считались своего рода классиками греческой государственной философіи. Ѳеофрастъ писалъ, между прочимъ, «О наилучшемъ государственномъ строѣ»; ему же приписывается сочиненіе «Политика примѣнительно къ даннымъ обстоятельствамъ» (Πολιτικὰ πρὸς τοὺς καιρούς), гдѣ Ѳеофрастъ давалъ политическимъ дѣятелямъ соотвѣтствующія указанія на счетъ того, какъ должно согласовать тѣ или иныя государственныя мѣропріятія сообразно съ той или иной политической ситуаціей. Дикэархъ примкнулъ къ аристотелеву ученію о смѣшанномъ государственномъ строѣ, и въ своемъ сочиненіи «Τριπολιτικός» рекомендовалъ наилучшей формою его ту, которая «смѣшана» изъ монархіи, аристократіи и демократіи.

Эта мысль—создать наиболѣе цѣлесообразный государственный строй изъ объединенія монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ принциповъ—въ дальнѣйшемъ получила осо-

бенно широкое распространеніе, потому что надѣялись найти ея осуществленіе въ римскомъ государственномъ устройствѣ. Мысль эту развивали, однако же, главнымъ образомъ, не перипатетики, а стоики II в. до Р. Хр., особенно Панэтій; ее же проводитъ Цицеронъ въ своемъ сочиненіи «О государствѣ». Что касается политическаго ученія болѣе раннихъ, такъ называемыхъ древнихъ стоиковъ, то они въ теоріи слѣдовали всецѣло платоно-аристотелевскимъ идеаламъ, но на практикѣ вышли за предѣлы прежней политической философіи государства-города и провозгласили тотъ принципъ, что всѣ люди должны быть признаваемы міровыми гражданами, гражданами того, обнимающаго все человѣчество, государства, въ которомъ закономъ должно считаться только естественное право, основывающееся на общемъ человѣческомъ разумѣ. Реальному государству, гражданиномъ котораго человѣкъ былъ, онъ долженъ, по ученію стоиковъ, посвящать свои силы и принимать участіе въ его жизни лишь въ томъ случаѣ, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и высшимъ этическимъ цѣлямъ. Очевидно, это космополитическое ученіе стоиковъ развилось въ связи съ «вселенскимъ» духомъ эллинизма, когда система государства-города была замѣнена системою міровыхъ государствъ.

Эпикурейцы мало интересовались политическими вопросами, такъ какъ они встали на путь радикальнаго индивидуализма. Свою этику эпикурейцы основывали на эгоизмѣ, съ которымъ, конечно, трудно было согласовать интересы государственнаго общенія.

Мы ограничиваемся этими бѣглыми замѣчаніями объ основныхъ направленіяхъ греческой политической литературы послѣ Аристотеля. Литература эта, судя по сохранившимся до насъ заглавіямъ политическихъ трактатовъ, была очень обширна и разнообразна только количественно; въ качественномъ отношеніи она интереса не представляетъ, главнымъ образомъ, потому, что послѣ-аристотелевская философія оказалась вообще несостоятельной развивать самостоятельно далѣе ту науку о государствѣ, которая завершена была Аристотелемъ. Такимъ образомъ, на его «Политику» мы можемъ съ полнымъ правомъ смотрѣть, какъ на оставленное намъ греками ихъ «политическое завѣщаніе».

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
18^{3}	Сиракусахъ	Сиракузахъ
31_{9}	Сиракусы	Сиракузы
41_{9}	самодовлѣющее,	самодовлѣющее—
46_{4}	ἔρδς	ἔριδας
66_{9}	ни	не
79^{1}	вноситъ	вносить
84^{11}	ходящемъ	ходящимъ
122_{6}	погрѣшности	преступленія
169^{11}	магастратуръ	магистратуръ
175_{13}	равенствъ	равенства
182_{1}	юченныя	ключенныя
211^{5}	слѣдитъ	слѣдить
217_{1}	соверженія	совершенія
218^{9}	элиментовъ	элементовъ
222^{4}	непавистникомъ	непавистниками
226^{8}	Доказтельство	Доказательство
266_{7}	τσύτου	τούτου
318_{8}	воцросъ	вопросъ
329^{11}	уголовныя	уголовные
348^{9}	нѣкоторыми	особыми
348^{10}	предохраюощими	предохраняющими
374_{3}	энтузіатическій	энтузіастическій

Сверхъ того встрѣчающееся нѣсколько разъ на стр. 156—157 слово „тональность“ прошу замѣнить словомъ „ладъ“.

Каталогъ изданій М. и С. Сабашниковыхъ.

ПОПУЛЯРНАЯ

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

А. БЁКЛЕЙ.

Переводъ съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями В. ЛЬВОВА.

ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНІЕ СО МНОЖЕСТВОМЪ РИСУНКОВЪ.

Эта популярная книга по зоологіи, предназначенная для юношества и широкаго круга читателей безъ спеціальной подготовки, распадается на двѣ самостоятельныя части:

Жизнь и ея дѣти.

Очерки животной жизни отъ амёбы до насѣкомыхъ. Цѣна 2 руб.

ОДОБРЕНА Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ и ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, а также учительскихъ институтовъ и семинарій. **РЕКОМЕНДОВАНА** Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Побѣдители въ жизненной борьбѣ.

Великая семья позвоночныхъ. Цѣна 2 руб.

ОДОБРЕНА Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.—**РЕКОМЕНДОВАНА** Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Отзывы печати:

... Что составляетъ главную прелесть книги, это—удивительно простой, но совершенно научный стиль, въ которомъ выдержана вся книга, и тотъ чисто философскій огонекъ, который свѣтится на каждой страницѣ... Вообще все сочиненіе представляетъ превосходное введеніе въ изученіе зоологіи...
Nature.

Очерки написаны съ такимъ воодушевленіемъ, что книга можетъ увлечь даже человѣка, совершенно незнакомаго съ естественною исторіей.
Saturday Review.

Мы не можемъ представить себѣ лучшей книги для подарка. Рисунки къ книгѣ заслуживаютъ величайшей похвалы.

Spectator.

Трудно сдѣлать предметъ болѣе привлекательнымъ... Мы не знаемъ лучшаго популярнаго изложенія развитія и прогресса животной жизни на землѣ.

Times.

Одна изъ лучшихъ популярныхъ книгъ по естественной исторіи, когда-либо написанныхъ.

Гётченсонъ. Вымершія чудовища.

Книжка А. Бёклей представляетъ прекрасную популяризацію естественной исторіи позвоночныхъ животныхъ. Передъ читателемъ отчетливо рисуется картина какъ настоящаго, такъ и прошлаго царства позвоночныхъ въ его послѣдовательномъ развитіи. Внѣшняя сторона изданія также не оставляетъ желать ничего лучшаго; рисунки въ текстѣ исполнены прекрасно.

Новое Время.

Въ своей книгѣ англійская писательница даетъ замѣчательную по ясности и простотѣ изложенія исторію позвоночной семьи.

Русскія Вѣдомости.

Всѣ характеристики различныхъ животныхъ сдѣланы авторомъ съ большою любовью, а нѣкоторыя такъ даже съ художественнымъ талантомъ. Издана и переведена книга Бёклей очень хорошо.

Вѣстникъ Книгопродавцевъ.

Эта книжка соединяетъ въ себѣ рѣдкое сочетаніе трехъ достоинствъ: въ ней есть, во-1-хъ, *широта взгляда*, съ которой она охватываетъ разсматриваемый типъ позвоночныхъ животныхъ; во-2-хъ, *краткость въ изложеніи*, которая никогда не идетъ въ ущербъ ни ясности, ни полнотѣ содержанія; въ-3-хъ, рѣдкая *доступность*, которая достигается благодаря хорошему языку и отсутствію нагроможденія фактовъ. Все это заставляетъ желать этой книгѣ самаго широкаго распространенія.

Журналъ для всѣхъ.

Описаніе сдѣлано образно и умѣло, чему, очевидно, много способствовалъ и переводчикъ, опытный спеціалистъ и отличный стилистъ. По характеру своему обѣ эти книги всего болѣе подходятъ для самообразованія. Внѣшняя сторона изданія болѣе чѣмъ удовлетворительная.

Н. Кащенко. Сибирская Жизнь.

Эти двѣ книги, представляющія почти полный популярный курсъ зоологіи, талантливой англійской писательницы А. Бёклей, заслуживаютъ особаго вниманія при изученіи естествовѣдѣнія...

Ограничиваясь сравнительно небольшимъ числомъ представителей „дѣтей жизни", г-жа Бёклей выбираетъ ихъ съ большимъ умѣньемъ, какъ наиболѣе характерныхъ для міра животныхъ, и описываетъ съ большими подробностями и талантомъ. Передъ читателемъ въ яркихъ очеркахъ проходитъ весь животный міръ отъ амёбы до человѣка...

Педагогическій сборникъ, издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПРИРОДОЙ.

В. Н. Львова.

Серія книжечекъ, представляющихъ рядъ просто написанныхъ очерковъ близкихъ намъ животныхъ и растеній, предназначена для первоначальнаго знакомства дѣтей съ окружающей природой и можетъ служить при начальномъ преподаваніи естествознанія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ начальныхъ школахъ.

Вып. I. **Въ полѣ и въ лѣсу**. Весенніе цвѣты.—Орѣхи.—Шмелиное гнѣздо. — Кукушка. — Дятлы.—Жаворонокъ.—Паукъ.—Муравейникъ.—Мышь и землеройка.—Кошка.—Бѣлка.—Кротъ. Ц. 40 к.

Вып. II. **Прудъ и рѣка.** Лягушки.—Водяныя насѣкомыя.—Стрекоза.—Зимородокъ. — Колюшки.—Водяныя курочки и лысухи.—Водяные клопы.—Поденки и комары.—Водяная крыса.—Рѣчная выдра.—Водяныя растенія. Ц. 40 к.

Вып. III. **Жизнь растеній въ полѣ и въ саду**. Пастушья сумка.—Что дѣлаютъ листья. — Исторія рѣки.—Какъ проростаютъ сѣмена.—Какъ образуются новыя сѣмена.—Какую пользу приносятъ цвѣтамъ насѣкомыя.—Плодники, которые мы ѣдимъ какъ овощи.—Капуста и ея враги.—Какъ растенія защищаютъ себя.—Дикіе цвѣты и садовые цвѣты.—Семейство розановыхъ и ихъ плоды.—Цвѣты глухой крапивы и гороха.—Вьющіяся растенія.—Какъ растенія собираютъ запасъ пищи. — Подземные овощи.—Какъ распространяются сѣмена растеній. Ц. 40 к.

Вып. IV. **Жизнь птицъ.** Какъ познакомиться съ птицами.—Пѣніе птицъ.—Гнѣзда птицъ. —Яйца птицъ.—Какъ вылупляются и растутъ птенцы.—Какъ выкармливаются птенцы.—Какъ спятъ птицы. —Какъ птицы добываютъ себѣ пищу.—Перелетныя птицы.—Наши зимнія птицы.—Грачи и ихъ родственники.—Хищныя птицы.—Водяныя птицы.—Враги птицъ. Ц. 40 к.

Вып. V. **Насѣкомыя**. Что такое насѣкомое.—Гусеницы бабочекъ.—Сумеречныя и ночныя бабочки.—Дневныя бабочки.—Вредные жуки.—Полезные жуки.—Осы.—Пчелы.—Одиночныя пчелы.—Муравьи.—Двукрылыя насѣкомыя.—Кузнечики и сверчки. Ц. 40 к.

Вып. VI. **Деревья и кустарники.** Значеніе деревьевъ.—Какъ выростаетъ дерево.—Какъ цвѣтетъ дерево.—Конскій каштанъ.—Деревья, которыя цвѣтутъ сережками.—Дубъ и его враги.—Липа и кленъ.—Ясень и вязъ.—Букъ, каштанъ, грецкій орѣхъ.—Хвойныя деревья.—Мелкія деревья и кустарники.—Листья, ихъ форма и расположеніе. Ц. 40 к.

Во всѣхъ выпускахъ имѣются цвѣтныя таблицы и многочисленные рисунки.

ДОПУЩЕНЫ Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книжечки могутъ служить хорошимъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ окружающей природой. Составлены онѣ изъ ряда коротенькихъ разсказцевъ. Въ разсказцахъ этихъ даются очень элементарныя свѣдѣнія о растеніяхъ и животныхъ. Но сообщаемые факты имѣютъ одно очень цѣнное достоинство: они именно такого рода, что могутъ быть легко подмѣчены самими дѣтьми. Автору главнымъ образомъ и хочется привести дѣтей самихъ къ наблюденіямъ надъ природой—научить ихъ смотрѣть на нее открытыми, сознательными глазами. Изданы книжечки очень изящно.

Вѣстникъ Воспитанія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОПРЕДѢЛИТЕЛИ РАСТЕНІЙ.

Маевскій, П. Флора Средней Россіи. Ц. 3 р. 50 к.
Маевскій, П. Злаки Средней Россіи. Ц. 85 к.
Маевскій, П. Весенняя флора Средней Россіи. Ц. 30 к.
Маевскій, П. Осенняя флора Средней Россіи. Ц. 40 к.
Маевскій, П. Ключъ къ опредѣленію древесныхъ растеній по листвѣ. Ц. 60 к.
Федченко, Б. и **Флеровъ**, А. Водяныя растенія. Ц. 25 к.
Федченко, Б. и **Флеровъ**, А. Руководство къ собиранію растеній для гербарія. Ц. 15 к.
Федченко, Б. и **Флеровъ**, А. Пособіе къ изученію растительныхъ сообществъ Средней Россіи. Ц. 45 к.
Флеровъ, А. Луговыя травы Средней Россіи. Ц. 50 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, МАТЕМАТИКА, ТЕХНОЛОГІЯ.

Бёклей, А. Жизнь и ея дѣти. Очерки животной жизни отъ амебы до насѣкомыхъ. Пер. проф. В. Львова. Ц. 2 р.
Бёклей, А. Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. Пер. проф. В. Львова. Ц. 2 р.
Бёклей, А. Краткая исторія естественныхъ наукъ. Пер. проф. В. Львова. Ц. 2 р.
Бемъ, А. и **Давыдовъ**, М. Учебникъ гистологіи человѣка, со включеніемъ микроскопической техники. Пер. проф. В. Львова. Ц. 3 р.
Кабановъ, Н. Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. Ц. 2 р. 40 к.
Кейльгакъ, К. Практическая геологія. Методы изслѣдованія и пріемы работъ въ области геологіи, минералогіи и палеонтологіи. Пер. М. Скрынникова подъ ред. проф. В. Амалицкаго. Ц. 2 р. 75 к.
Кимминсъ, К. Химія жизни и здоровья. Пер. проф. В. Тимофеева. Ц. 85 к.
Лассаръ-Конъ. Введеніе въ химію. Пер. А. Герценштейнъ подъ редакціей проф. Н. Зелинскаго. Ц. 1 р. 20 к.
Мюръ, П. Химія огня. Пер. проф. В. Тимофеева. Ц. 80 к.
Нернстъ и **Шёнфлиссъ**. Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія въ приложенія къ области естествознанія. Пер. М. Дукельскаго подъ ред. прив.-доц. А. Грузинцева и проф. В. Тимофеева. Ц. 2 р. 25 к.
Оствальдъ, В. Основаніе теоретической химіи. Пер. Корбе. Ц. 2 р. 70 к.
Остъ, Г. Учебникъ химической технологіи. Пер. проф. В. Тимофеева. Отдѣлъ технологіи сельско-хоз. продуктовъ переработанъ проф. И. Красускимъ, отдѣлъ металлургіи проредактированъ проф. В. Ижевскимъ. Ц. 4 р. 80 к.
Рамсей, В. Краткій учебникъ неорганической и физической химіи. Пер. А. Сперанскаго. Ц. 1 р. 25 к.
Столѣтовъ, А. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Съ портр. и біогр. очеркомъ, составленнымъ проф. К. Тимирязевымъ. Ц. 1 р. 25 к.
Столѣтовъ, А. Введеніе въ акустику и оптику. Ц. 2 р.
Сербскій, В. Судебная психопатологія. Клиническая психіатрія. Лекціи, читанныя въ Московскомъ Университетѣ. Ц. 2 р. 50 к.
Тимирязевъ, К. Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній. Ц. 1 р. 60 к.
Фроммель, В. Радіоактивность. Пер. А. Котляревскаго. Ц. 40 к.

СЕРІЯ УЧЕБНИКОВЪ ПО БІОЛОГІИ.

для студентовъ и для самообразованія

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. **В. Н. Львова.**

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Часть I. Безпозвоночныя. Ц. 2 р. 40 к.

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Ч. II. Позвоночныя. Ц. 2 р. 40 к.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника. Морфологія, анатомія и физіологія растеній. Пер. проф. С. Ростовцева съ предисловіемъ проф. К. Тимирязева. Ц. 3 р.

Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теоріи. Пер. В. Елпатьевскаго и Г. Риттера подъ ред. проф. В. Львова. Ц. 2 р. 40 к.

Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. I. Ц. 1 р. 20 к.

Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. II. Ц. 1 р. 40 к.

Видерсгеймъ. Строеніе человѣка. Пер. проф. М. Мензбира. Ц. 1 р. 50 к.

Гексли Розенталь. Основы физіологіи. Пер. проф. В. Львова. Ц. 2 р.

Гесли, Г. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Пер. Г. Ярцева. Ц. 1 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Пер. В. Герда. Ц. 1 р. 75 к.

Клебсъ, Г. Произвольное измѣненіе растительныхъ формъ. Матеріалы для будущей физіологіи развитія. Пер. проф. К. Тимирязева. Ц. 1 р.

Маршаль, М. Развитіе человѣческаго зародыша. Пер. проф. В. Львова. Ц. 1 р. 25 к.

Маршаль, М. Руководство къ эмбріологіи. Пер. Н. Кольцова, подъ ред. проф. В. Львова. Ц. 2 р. 50 к.

Мейеръ, А. Практическій курсъ анатоміи растеній. Пер. Г. Риттера. Ц. 80 к.

Ньюманъ, Д. Бактеріи. Пер. Е. Гурвичъ подъ ред. В. Воронина. Ц. 1 р. 75 к.

Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной біологіи. Пер. проф. В. Львова. Ц. 2 р. 50 к.

Розенталь, И. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Пер. В. Елпатьевскаго и Г. Риттера, подъ ред. акад. кн. И. Тарханова. Ц. 3 р.

Уоллэсъ, А. Р. Дарвинизмъ. Пер. проф. М. Мензбира. Ц. 2 р. 40 к.

Шиплей, А. и Мэкъ Брайдъ, Э. Курсъ зоологіи. Пер. В. Львова и М. Мензбира. Ц. 3 р.

ФИЛОСОФІЯ.

Вундтъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. Переводъ А. Водена. Ц. 2 р.

Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Перев. Н. Вокачъ и Н. Ильина подъ редакціей Б. Кистяковскаго. Ц. 1 р.

Зиммель, Г. Религія. Соціально-психологическій этюдъ. Пер. М. Бердоносова и О. Лямбекъ подъ ред. С. Котляревскаго. Ц. 40 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. Перев. Е. Прейсъ подъ ред. Н. Никольскаго. Ц. 1 р. 60 к.
Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституціи. Перев. Н. Высоцкой подъ ред. Θ. Кокошкина. Ц. 1 р.
Еллинекъ, Г. Права меньшинства. Пер. Е. Троповскаго подъ ред. М. Гершензона. Ц. 20 к.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Велецкій, С. Земская статистика. Исторія, методологія, программы. Съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. Ц. 7 р.
Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. Ц. 40 к.
Нитти, Ф. Основныя начала финансовой науки. Пер. И. Шрейдера съ доп. А. Свирщевскаго, пред. проф. А. И. Чупрова. Ц. 3 р.
Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. Ц. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи, въ трехъ большихъ томахъ. Ц. 7 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. Ц. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. Ц. 1 р.
Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ц. 2 р.
Памяти А. И. Чупрова. Опыты съ минеральными удобреніями на крестьянскихъ земляхъ. Сборникъ съ предисловіемъ проф. К. А. Тимирязева, подъ ред. проф. Д. Н. Прянишникова. Ц. 1 р. (Весь валовой сборъ поступаетъ въ фондъ учрежденія библіотеки-музея имени А. И. Чупрова.)
Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. Ц. 50 к.

ИСТОРІЯ.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Перев. М. Гершензона, въ 2-хъ т. Ц. 3 р.
Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. Ц. 1 р. 50 к.
Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. Ц. 2 р.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. Ц. 1 р.
Ланглуа. Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. Ц. 45 к.
Огарева-Тучкова, И. А. Воспоминанія. 1848—1870 гг. Ц. 1 р. 50 к.
Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура Ц. 1 р.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. Ц. 1 р.
Тихонравовъ, Н. Собраніе сочиненій по исторіи литературы 4 т. Ц. 7 р. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ И ПЕДАГОГИКИ.

Бинэ и Симонъ. Ненормальныя дѣти. Ц. 1 р.
Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Пер. Н. Сперанскаго.
С. О преподаваніи родного языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. Е. Якушкина. Ц. 1 р.
...одные университеты. Ихъ задачи, организація, развитіе, про... Н. Сперанскаго. Ц. 20 к.
...бразованіе. Пер. М. Гершензона. Ц. 15 к.
...черки исторіи средней школы въ Германіи. Ц. 1 р.
...орьба за школу Ц. 1 р. 20 к.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе съ приложеніемъ портрета автора и автографа. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ ред. П. Ефремова и В. Якушкина. Ц. 1 р.
Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. Ц. 1 р. 50 к.
Кальдеронъ. Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ, Поклоненіе Кресту, Стойкій принцъ, Любовь послѣ смерти. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 75 коп.
Кальдеронъ. Чистилище св. Патрика. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. Ц. 90 к.
Огаревъ. Стихотворенія. I и II т. Ц. 3 р. 50 к.
Огарева-Тучкова, И. А. Воспоминанія. 1848—1870 гг. Ц. 1 р. 50 к.
Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 1 р.
Словацкій, Ю. Три драмы. Перев. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р. 60 к.
Тихонравовъ, Н. Собраніе сочиненій по исторіи литературы. 4 т. Ц. 7 р. 50 к.
Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. Ц. 75 к.
Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. Пушкинъ и Радищевъ. Кончина Пушкина и др. статьи. Ц. 1 р.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ подъ редакціей *кн. Д. И. Шаховскаго.*

СОДЕРЖАНІЕ: П. Н. Милюковъ.—Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. *Біографическій очеркъ.* **В. Н.** —Изъ семейной и личной жизни. **Н. В. Давыдовъ.**—Опытъ характеристики. (*Изъ личныхъ воспоминаній.*) **А. А. Цуриковъ.**—Изъ воспоминаній стараго товарища. **Г. Ф. Шершеневичъ.**—С. А. Муромцевъ, какъ ученый. **А. А. Кизеветтеръ.**—Политическая дѣятельность до Государственной Думы. **Н. А. Каблуковъ.**—Въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ. **К. К. Арсеньевъ.**—„Письма изъ Москвы". **И. А. Кистяковскій.**—Адвокатская дѣятельность. **Н. И. Астровъ.**—Въ Московской Городской Думѣ. **Кн. Д. И. Шаховской.**—Работа въ земствѣ. **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.**—С. А. Муромцевъ и земскіе съѣзды. **М. М. Винаверъ.**—Муромцевъ адвокатъ и предсѣдатель Думы. **С. И. Бондаревъ.**— Воспоминанія депутата-трудовика. **В. Д. Набоковъ.**—Первый предсѣдатель Государственной Думы. **С. А. Котляревскій.**—С. А. Муромцевъ и думскій распорядокъ. **Н. А. Гредескулъ.**—Первая Дума и ея предсѣдатель. **М. М. Винаверъ.**—Отрывокъ изъ „Исторіи выборгскаго воззванія". **Н. В. Тесленко.**—На скамьѣ подсудимыхъ. **А. Р. Ледницкій.**—С. А. Муромцевъ въ тюрьмѣ. **Кн. Д. И. Шаховской.**—Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни.
Приложенія: Проектъ Основного и Избирательнаго законовъ въ редакціи С. А. Муромцева.

Списокъ печатныхъ работъ С. А. Муромцева

Стр. 419. Книга иллюстрирована 7 портретами и гру

Цѣна 2 рубля.

СКЛАДЪ у ИЗДАТЕЛЕЙ:
Москва, Тверской бульваръ, № 6.

